Надежда Полунина • Александр Фролов

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ СТАРОЙ МОСКВЫ

Иллюстрированный
биографический
словарь

Москва
«Независимая газета»
1997

Здесь все бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа ,
Все, все!.. Да здравствует
Москва!

Николай Языков

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ СТАРОЙ МОСКВЫ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА
ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО
ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
К 850-ЛЕТИЮ ГОРОДА

Серия «Энциклопедии»

Надежда Полунина
Александр Фролов

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ СТАРОЙ МОСКВЫ

Иллюстрированный биографический словарь

Москва
«Независимая газета»
1997

УДК 929: 379.824 (470-25)
ББК 79.18(2-2 Москва)я2
П53

Полунина Н., Фролов А.

П53 Коллекционеры старой Москвы: Биографический словарь/ Предисловие академика С.О. Шмидта. — М.: «Независимая газета», 1997. — 528 с., ил. — (Серия «Энциклопедии»).

Иллюстрированный биографический словарь «Коллекционеры старой Москвы» — книга уникальная как по содержанию, так и по своей структуре. Она не имеет аналогов в отечественной и зарубежной литературе. Биографии собирателей (XVII—XX вв.), представленные в алфавитном порядке, отражают историю создания коллекций и их судьбу. Прошлое перетекает в настоящее и становится будущим, когда вглядываешься в портреты тех, кто отдал делу собирательства всю свою жизнь. Известно, что только благодаря их неустанной подвижнической деятельности сложился богатейший музейный фонд России. Известно также, что большинство из них незаслуженно забыто. Эта книга — благодарная дань их памяти.

В книгу включены очерки о ста коллекционерах Москвы. Среди них — члены царской семьи, аристократы, дворяне, купцы, предприниматели, банкиры, чиновники, представители интеллигенции.

УДК 929: 379.824 (470-25)
ББК 79.18(2-2 Москва)я2

Издание посвящено 850-летию Москвы.

В оформлении форзацев
использованы старинные гравюры
«Каменный мост» и «Здание почтамта
на Мясницкой улице».

ISBN 5-86712-035-X

Это — первая книга о коллекционерах старой Москвы со второй половины XVII столетия до послереволюционных лет. Биографии собирателей и биографии коллекций: коллекций многообразных предметов и отечественного и зарубежного происхождения.

Сто жизнеописаний лиц, одержимых страстью к коллекционированию — вельмож и коммерсантов, ученых и художников, юристов и врачей, книгознатцев и любителей искусств, сподвижников просвещения и попечителей культуры, сформировавших в себе исследователя и поспешающих за модой. Очерки и о семи женщинах. Многоцветие характеров, различие устремлений, подчас смешение научного творчества и... тщеславия. Материал, интересный не только историку, но любопытный и психологу, социологу.

Имена разной степени известности в наши дни. Два закреплены в названиях музеев, постоянно возвращая памятью к их создателям — Третьякову и Бахрушину. Отдельным героям очерков посвящена значительная литература, и очерки лишь дополняют наши знания о таких знаменитых людях — о творческом облике Петра Великого и его сподвижника Брюса, об ученом-филологе Буслаеве, историке Забелине, экономисте Чаянове, о живописцах Викторе Васнецове, Верещагине, Нестерове. Имена государственных и общественных деятелей можно найти в энциклопедических словарях. Но немало и таких, чьи имена мы обнаруживаем только в специальных трудах, а то и вовсе в примечаниях к изданиям, посвященным их более известным современникам. Однако в свое время все эти фамилии были на слуху, о некоторых коллекциях говорила «вся Москва», воспринимая их как достопримечательность общественной жизни и культуры.

Возникают и обобщающего типа наблюдения социокультурного плана. Если на рубеже XVIII и XIX веков наиболее видными коллекционерами были родовитые дворяне, то через столетие — фабриканты и банкиры — «Москва купеческая». Меняются и понятия об объектах коллекционирования, их культурной значимости, материальной ценности: к рубежу XIX и XX веков все большее внимание привлекают современнейшее изобразительное искусство (русское и зарубежное, особенно французское) и русская старина — бытовая повседневность и барской усадебной культуры, и обиход простолюдина.

Книга убеждает в том, что коллекционирование способствовало расширению представлений об источниках «отечествоведения», «отчизнознания» (рассуждения группировавшихся подле коллекции графа А.И.Мусина-Пушкина стали школой формирования Карамзина как историка-источниковеда) и становлению отраслей специальных научных знаний, особенно в сферах книговедения и искусствознания и, конечно же, музееведения (атрибутирование и научное описание музейных предметов).

Невозможно представить себе и столичное просвещение без общественной деятельности иных коллекционеров. Между тем В.А.Дашкова — устроителя Русской этнографической выставки 1867 г. — нет в пятитомной энциклопедии «Отечественная история», а основателя подаренной городу Цветковской галереи, с лучшим собранием рисунков русских мастеров, в двухтомном «Большом энциклопедическом словаре». И подобного рода факты, увы, не исключение.

Постепенно все больше коллекционеров стремилось к тому, чтобы их коллекции получали научное описание и были доступны для обозрения или даже изучения. Сберегая собрание от времени — то есть от неизбежного рассеяния — его передавали в музеи, будь то Румянцевский или Исторический, или полагали в основу нового музейного собрания. Оказывается, что архитектор Е.Д.Тюрин еще в середине XIX века мечтал об открытии общедоступной картинной галереи, — а Бурышкин завещал свой дом и капитал на создание музея старой Москвы. Князь С.А. Щербатов, в свою очередь, хотел превратить свой дом на Новинском бульваре в «городской музей частных коллекций». Время, как мы знаем, распорядилось иначе.

Книга Н.Полуниной и А.Фролова рассчитана на широкого читателя, но, благодаря системе указателей и библиографическим сведениям, она становится и научным пособием и может быть особенно полезной в канун юбилея Москвы.

Это книга о москвичах, о московских достопамятностях, о культуре Москвы. О памяти давних времен и о том, что осталось нам, — ведь именно частные коллекции лежат в основе современных музейных собраний.

С.О. Шмидт,
академик Российской Академии образования

К ЧИТАТЕЛЮ

Время неумолимо стирает остатки седой московской старины. Их становится все меньше, но интерес к ним, понимание их важности в познании истории и культуры прошлого растут год от года.

Старая Москва — это не только величественные храмы, уют переулков или витиеватая вязь старинных оград особняков. Не отдельные, пусть самые драгоценные памятники архитектуры, но и городские пейзажи, милые нашему глазу уголки, щемящий сердце дух города. Яркими, самобытными, непохожими друг на друга были и люди старой Москвы: служащие и ученые, купцы и городовые, дворники и извозчики, художники и архитекторы. Особое место занимали среди них почитатели и знатоки старины — коллекционеры.

Московские собиратели на протяжении столетий беззаветно служили приумножению музейного фонда России, формированию и обогащению коллекций, являющихся основой основ любого музея. Их собрания были разными, непохожими, порою пестрыми, однако наличие многих коллекций, взаимно дополнявших друг друга, и позволяло создавать фонд музейных ценностей, во всех тонкостях отражающий понимание русским обществом значимости тех или иных периодов в развитии русской или западноевропейской культуры, художественных школ, направлений, мастеров, отдельных памятников.

Собирательный образ московского коллекционера составил А.М.Эфрос: «Как коллекционер он произошел сам от себя. Он сам свой предок. Он стал собирать тогда,

когда кончил купечествовать. В противоположность петербургскому коллекционеру, дворянину-чиновнику, он купец-общественник... Каждый из московских собирателей собирает на свой собственный лад... В Москве никогда нельзя знать, что тебя ожидает: собрание передвижников, или собрание китайских бронз, или собрание порнографических карточек, или собрание икон, или собрание новых золоченых рам. Московский коллекционер очень независим, с примесью самодурства».

Приведенное суждение отнюдь не бесспорно. Однако стремление к обобщенному представлению об истории отечественного коллекционирования, к характеристике крупнейших его центров, какими издавна стали Москва и Санкт-Петербург, понятно и показательно. Мы почему-то не ценим и не чтим заслуг людей, собиравших — зачастую по крупице — национальный музейный фонд в XVIII—XX веках, сумевших сберечь его, несмотря на драматические перипетии отечественной истории.

«Коллекционеры, — писал в 1922 г. искусствовед Василий Воронов, — обычно являются предвозвестниками широкого музейного собирательства; первыми очагами новых категорий предметов, позднее входящих в круг изучения музеев, всегда являются собрания личные. Коллекции первоначально оформляются у частного собирателя и затем уже входят организованным элементом в собрания государственного характера; первичная кристаллизация коллекции есть увлекательный удел собирателя. Он является всегда защитником и проповедником новой, устанавливаемой им идеи».

Что мы знаем о коллекционерах? Да и многих ли сможем назвать поименно? Каждый назовет Третьякова, кто-то вспомнит Бахру-

шина, Солдатенкова, Румянцева, Цветкова, Морозовых, Щукиных. А кто помнит таких маститых собирателей и владельцев частных московских музеев и галерей, как Павел Федорович Карабанов, Василий Александрович Кокорев, Андрей Федорович Ростопчин, Михаил Александрович Голицын, Евграф Дмитриевич Тюрин? Широко известен как историк Михаил Петрович Погодин. Но все ли знают о его некогда знаменитом Древлехранилище на Девичьем поле? Всеми любим художник Илья Семенович Остроухов. Стоит напомнить, что ради собирательства он оставил живопись и создал в своем особняке в Трубниковском переулке прекрасный Музей иконописи и живописи. Кто не знал в старой Москве знаменитого владелеца парфюмерной фирмы Брокара? Но мало кому известно сегодня об огромной коллекции Генриха Афанасьевича...

Случалось, страсть к коллекционированию охватывала чуть ли не всех членов семьи. У Щукиных коллекционерами были пять братьев — Николай, Петр, Сергей, Дмитрий, Иван; коллекционерами были братья Сергей, Степан, Николай и Михаил Рябушинские; страстными собирателями стали и братья Иван и Михаил Морозовы, двоюродные братья Алексей Петрович и Алексей Александрович Бахрушины.

Немало было в Москве и фамильных собраний, пополнявшихся веками и несколькими поколениями. Это коллекции Мосоловых, Ростопчиных, Басниных, Маковских, Голицыных. Уникальной в этом отношении следует признать фамильную коллекцию Шереметевых, в собирании которой приняли участие представители пяти поколений.

Коллекционирование — яркая и глубоко своеобразная область творчества, и любая

по своему составу, величине и структуре коллекция — результат этой творческой деятельности, путь к которому лежал не только через знаменитую Сухаревку, но через долгие годы раздумий о том, какую коллекцию и ради каких конечных целей следовало создавать.

Если смотреть на историю формирования коллекций как на специфическую область творчества, то вся она предстанет перед нами в совершенно ином свете. Поэтому важно проследить судьбу каждой коллекции, дать оценку ее структуре, составу, отдельным памятникам, проследить по мере возможности «биографию» не только коллекции в целом, но даже отдельных частей и памятников. Непростая задача, но бесконечно увлекательная и дающая обильный материал для широких обобщений и нетривиальных выводов. Ведь бытование вещи во многом определяется не только лежащими на поверхности соображениями моды и престижа, но и глубинными процессами развития науки и культуры, общественными взглядами, потребностями общества в той или иной информации.

Иллюстрированный биографический словарь «Коллекционеры старой Москвы» включает характеристики ста частных коллекций, сложившихся в Москве в XVII—начале XX века. Это первая попытка представить ретроспективную панораму отечественного коллекционирования сквозь призму истории московского собирательства.

В книге собран воедино материал, отражающий более чем двухвековую историю частного коллекционирования в Москве, которая издавна славилась своими традициями любовного отношения к старине и искусству, богатыми и разнообразными личными собраниями москвичей.

Каждый коллекционер, каждая коллекция — это явление художественной и общественной жизни страны, составная часть истории культуры. Поэтому столь важны личность коллекционера, его общественное лицо, социальная принадлежность, образование, черты характера, круг общения, время зарождения интереса к коллекционированию, его причины и мотивы, материальные возможности, пути пополнения собрания.

При создании книги авторами использованы многочисленные источники: каталоги (музеев и частных собраний), путеводители, отчеты музеев и библиотек, периодическая печать (в том числе малоизвестные газетные и журнальные публикации), старая иконография, мемуарная литература.

Книга построена по алфавиту персоналий коллекционеров: каждый очерк включает биографию собирателя, историю создания коллекции, характеристику собрания; акцентируется внимание на раритетах; раскрывается дальнейшая судьба коллекции. Каждый очерк завершает библиография, содержащая информацию как о самих собирателях, так и об их коллекциях.

Словарь имеет ряд указателей: именной, географический, топографический, а также указатели важнейших предметов коллекционирования, типов собраний, музеев, архивов, библиотек.

Фамилии художников, встречающиеся в тексте книги, в отдельных случаях даны в транскрипции дореволюционного периода, именно так, как они фигурировали в свое время в каталогах музеев и частных собраний старой Москвы. Также без изменения оставлена атрибуция некоторых картин, авторство которых впоследствии неоднократно уточнялось и изменялось.

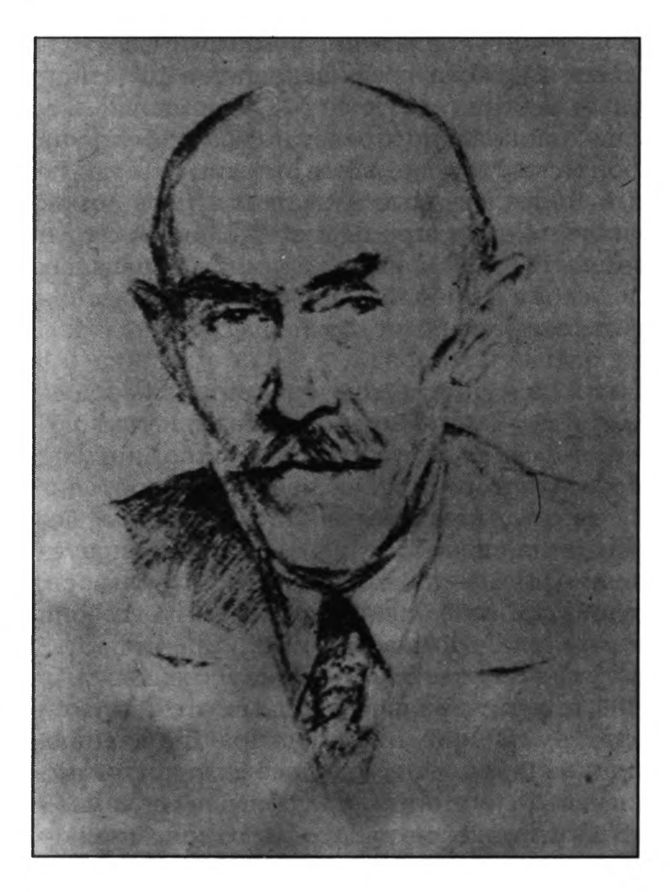
В книге указываются те адреса собирателей, которые имеются в дореволюционной справочной литературе. В том случае, когда здание, связанное с деятельностью коллекционера, сохранилось до нашего времени, указывается и его современный адрес.

Книга адресована широкому кругу читателей — историкам, искусствоведам, архивным и музейным работникам, антикварам и коллекционерам, учителям и студентам, всем интересующимся историей отечественной культуры, историей города Москвы.

Н.Полунина, А.Фролов

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АДАРЮКОВ Владимир Яковлевич (1863—1932)



С рисунка неизвестного художника.

В.Я. Адарюков — историк искусства, библиограф, библиофил, собиратель графики и экслибрисов.

Родился 7 декабря 1863 г. в Курске в дворянской семье. После окончания гимназии учился в Харьковском реальном училище, а затем — в Константиновском военном училище в Санкт-Петербурге. Был принят в лейб-гвардии Кексгольмский полк, расквартированный в Варшаве. Военная карьера мало привлекала молодого человека. Поэтому при первой же возможности он перевелся воспитателем в Александровское военное училище.

Так в 1891 г. он оказался в Москве. Первый московский период его жизни продолжался до 1901 г. Это было время, когда Владимир Яковлевич серьезно занялся историей искусства, коллекционированием гравюр, более целенаправленно стал формировать личную библиотеку. Подобным занятиям способствовали и рано проснувшаяся в нем любовь к книге, и учеба на историко-филологическом факультете Варшавского университета, и особенно его знакомство с крупным московским коллекционером и библиофилом Дмитрием Васильевичем Ульянинским.

«Еще в раннем детстве, — начинает свои воспоминания Владимир Яковлевич, — я больше всего любил книги; никакие самые замысловатые игрушки не могли доставить такое удовольствие, как книжки с картинками» (1, с.7). Мальчик читал запоем, целыми днями и ночами. Книга стала главной страстью, которая не угасала всю жизнь. Собственную библиотеку он стал собирать будучи гимназистом третьего класса.

Вначале Адарюков покупал книги чуть ли не все подряд. Убедившись, что нельзя объять необъятное, он решил приобретать книги только по определенной тематике, но достичь в избранной области исчерпывающей полноты.

Увлекшись историей декабристов, он собрал превосходную библиотеку по этой теме. В ней было немало книг, запрещенных русской цензурой: они привозились из-за границы тайно. Кроме книг Адарюков собирал статьи по истории декабристского движения, и в конечном итоге их набралось до двадцати больших томов. Кроме того, он собирал портреты декабристов и их жен и сумел разыскать почти 80 редких изображений.

Другой темой, которая привлекала В.Я.Адарюкова, стала история русского театра. Будучи страстным поклонником сцены, он решил составить такое собрание, которое в будущем помогло бы написать основательную историю отечественного театра. В этой его коллекции, помимо превосходной подборки книг, значились почти все журналы, посвященные театру («Пантеон», «Театральный и музыкальный вестник», «Артист», «Ежегодник императорских театров» и др.). Была великолепно представлена мемуарная литература. И так же как в декабристском отделе, здесь имелись статьи из периодической печати, собранные и переплетенные в двадцать пять томов. Театральная коллекция дополнялась четырьмя огромными альбомами с портретами артистов, деятелей театра, с видами и интерьерами театральных зданий. Личное собрание легло в основу «Библиографического указателя книг, брошюр, журнальных статей и заметок по истории русского театра», опубликованного в 1904 г.

После знакомства с Д.В.Ульянинским существенно расширился диапазон интересов Адарюкова-библиофила. Владимир Яковлевич начал собирать раздел «Россика», книги по генеалогии русского дворянства, мемуары русских людей, издания по истории отечественного изобразительного искусства. Адарюков вспоминал, как вместе с Ульянинским вечерами обходил московские книжные лавочки. Кстати, и жили собиратели неподалеку друг от друга: Ульянинский — на Пречистенском бульваре, а Адарюков — на Знаменке. Дружба их особенно упрочилась, когда они стали вместе работать в Московском удельном ведомстве.

В 1901 г. Адарюков вновь поступил на военную службу и в связи с этим переехал в Петербург. В 1908 г., окончательно выйдя в отставку, он целиком посвятил себя собирательству. В 1909 г. Владимира Яковлевича пригласили на работу в Эрмитаж; начался, по его словам, счастливейший период жизни, когда он мог всецело заняться любимым делом — изучать графическое искусство. В Эрмитаже он работал в отделе гравюр и оригинальных рисунков до весны 1918 г., затем — в 1918—1920 гг. — в графическом отделе Русского музея.

Служба в этих крупнейших отечественных музеях была для Владимира Яковлевича истинным счастьем. Здесь по-настоящему сформировался круг его научных интересов. Он стал одним из ведущих специалистов по русской графике. Его перу принадлежит около двухсот трудов по этой тематике. Наиболее значительный из них — «Словарь русских литографированных портретов».

«Словарь» был задуман по образцу «Подробного словаря русских гравированных портретов» Д.А.Ровинского и как бы в продолжение его. В основу «Словаря» положены литографированные портреты из личного собрания автора, насчитывавшего около шести тысяч листов (это было

самое полное собрание такого рода в России), а также портреты из двух десятков крупнейших частных и музейных собраний того времени. Автором дано описание более 15 тысяч изображений. Причем Адарюков сумел атрибутировать многие произведения. «Огромное наслаждение было определить точно портрет и сделать его из «неизвестного» — «известным», — вспоминал позднее В.Я.Адарюков (1, с. 21).

В свет в 1916 г. вышел только первый том. Последующие три тома «Словаря», направленные для издания в Главмузей, в 1920-е гг. были бесследно потеряны.

Труды В.Я.Адарюкова в области иконографии получили высокую оценку. «В.Я.Адарюков, — подчеркивал его биограф Н.Н.Орлов, — принадлежал к школе Д.А.Ровинского и является, может быть, наиболее настоящим и прямым его наследником и продолжателем» (12, с. 3).

Революционные события заставили В.Я.Адарюкова в 1920 г. оставить Петроград и вернуться в Москву. В то время оказалось невозможным перевезти библиотеку (около 5 тыс. книг) и коллекцию графики (около 6 тыс. листов): они были проданы владельцем петроградской Публичной библиотеке.

В Москве Адарюков работал сначала в Румянцевском музее, а после его ликвидации — в Музее изящных искусств, где до конца своей жизни заведовал отделением русской графики Гравюрного кабинета. «При нем Кабинет был подлинно научным и живым учреждением, — вспоминал старейший гравер Иван Павлов, — мы говорили, что он переживает золотой век» (14, с. 277). Под его руководством в эти годы создавались новые коллекции, в том числе коллекция экслибрисов и журнальной ксилографии XIX в., обрабатывались архивы известных русских коллекционеров Д.А.Ровинского и С.П.Виноградова. Здесь проводилась большая работа: составление библиографии по истории гравюры.

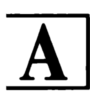
В последний московский период Адарюков увлекся собиранием книжных знаков. Их у него насчитывалось 520: пейзажные, портретные, декоративные, музыкальные, архитектурные, фотографические, детские. Среди наиболее ценных книжных знаков, находившихся в собрании В.Я.Адарюкова, следует отметить гербовые экслибрисы. Из многочисленных публикаций Адарюкова выделяются два сочинения на эту тему: «Русский книжный знак» и «Редкие русские книжные знаки».

В 1921 г. по инициативе В.Я.Адарюкова в Москве возродилось Общество любителей книжных знаков, устраивались выставки.

Владимир Яковлевич занимался изучением истории коллекционирования в России. Он относился к собирательству как к научному процессу, прекрасно понимал значение деятельности коллекционеров для сохранения и развития культурных традиций. Особенно много внимания он уделял разработке биографии крупнейшего русского коллекционера графики Д.А.Ровинского.

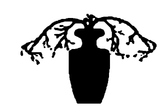
В.Я.Адарюков скончался в Москве 4 июля 1932 г.; похоронен на Новодевичьем кладбище.

Судьба его последней коллекции — коллекции книжных знаков — нам неизвестна.



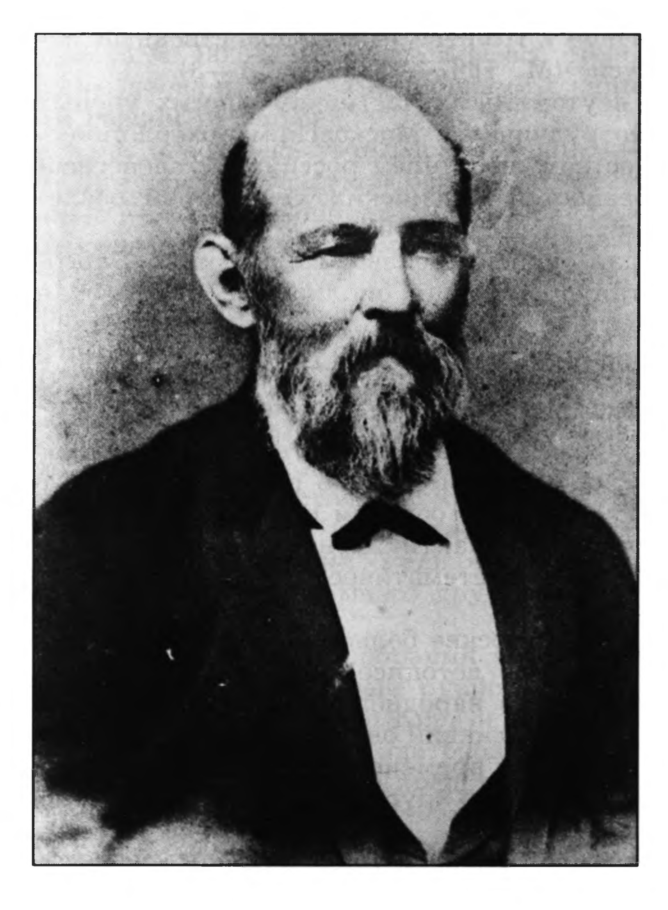
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адарюков В.Я. В мире книг и гравюр: Воспоминания. — М., 1984.
2. Адарюков В.Я. Гравюра и литография в книге XIX века: Портреты издателей и художников русской книги. — М., 1984.
3. Адарюков В.Я. Дмитрий Александрович Ровинский: Материалы для его биографии // Старые годы. — 1916. — Апрель—июнь. — С. 93—110.
4. Адарюков В.Я. // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 106—107.
5. Адарюков В.Я. Очерк по истории литографии в России. — Спб., 1912.
6. Адарюков В.Я. Редкие русские книжные знаки. — М., 1923.
7. Адарюков В.Я. Русские литографированные портреты неизвестных лиц. — Пг., 1915.
8. Адарюков В.Я. Русский книжный знак. — М., 1922.
9. Адарюков В.Я., Обольянинов Н.А. Словарь русских литографированных портретов. / Сост. при участии и под ред. С.П.Виноградова. — М., 1916. — Т. 1 (А — Д).
10. Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). — М., 1910. — Вып. 2. — С.31.
11. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 3. — N 11.
12. Орлов Н.Н. Список печатных трудов В.Я.Адарюкова: Библиографическое описание. — М., 1929.
13. Острой О.С. Словарь русских литографированных портретов и его издатели // Ленинградский институт культуры: Труды. — Л., 1983. — Т. 82. — С. 44—55.
14. Павлов И.Н. Моя жизнь и встречи. — М., 1949. — С. 274—277.
15. Памяти Владимира Яковлевича Адарюкова // Всероссийское общество филателистов Северо-Западного отдела. Секция библиофилов и экслибристов. — Л., 1932.
16. Сидоров А.А. Друг книги — советский библиофил. — М., 1981. — С. 145—148.



БАРСОВ Елпидифор Васильевич

(1836—1917)



Е.В. Барсов — фольклорист, этнограф, исследователь древнерусской литературы, библиофил, собиратель рукописей, церковной и бытовой утвари.

Родился 1 ноября 1836 г. в семье священника в селе Логиново Череповецкого уезда Новгородской губернии. Шести месяцев от роду был отвезен в Ангоду на Печору к дедушке-священнику. С девяти лет учился в Устюженском училище. Затем в Новгородской духовной семинарии, а с 1857 г. — в Петербургской духовной академии.

В 1861 г. Барсов стал преподавателем логики и психологии в Олонецкой духовной семинарии (Петрозаводск). В середине XIX в. Север России был чрезвычайно богат памятниками древнерусской культуры, которые привлекли внимание молодого преподавателя и пробудили в нем жажду самостоятельных исследований. Он начал заниматься местной археологией и этнографией. Встреча в Петрозаводске с Павлом Николаевичем Рыбниковым, первооткрывателем живой былинной традиции на русском Севере, определила его дальнейший жизненный путь. Он стал ездить по Олонецкой губернии, записывать народные песни, причитания, поверья, собирать и изучать предметы крестьянского быта.

Столь глубокий интерес к поэтической культуре русского Севера, неустанный поиск хранителей древних народных традиций увенчались встречей с выдающейся олонецкой «вопленницей» Ириной Андреевной Федосовой. Эта знаменательная встреча произошла в марте 1867 г. в Петрозаводске. В течение трех лет Е.В.Барсов записал сотни причитаний, составившие впоследствии три солидных тома.

Книга «Причитания Северного края» (М., 1872—1886) была отмечена золотой медалью Русского Географического общества и удостоена Уваровс-

кой премии. Это издание вошло в золотой фонд отечественной фольклористики, а его автор получил широкое научное признание.

В 1870 г. молодого ученого пригласил к себе в помощники хранитель отдела рукописей Румянцевского музея А.Е.Викторов. С тех пор до конца жизни деятельность Елпидифора Васильевича протекала в Москве. Позже он стал библиотекарем Чертковской библиотеки, потом хранителем, а впоследствии библиотекарем Дашковского этнографического музея.

В Москве Е.В.Барсов публикует ряд сочинений, посвященных древнерусской культуре. Одно из центральных мест в его научном наследии занимает монография «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (М., 1887—1889. — Т.1—3).

Елпидифор Васильевич был неутомимым участником многих ученых обществ. Особенно активно он сотрудничал с Московским археологическим обществом (с 1873 г.), Обществом любителей российской словесности и Обществом Истории и Древностей Российских; секретарем последнего он состоял более четверти века (1881—1907).

«Существенным подспорьем для ученой производительности г. Барсова служит собранная им богатая рукописная библиотека, — отмечал профессор Московского университета Дмитрий Владимирович Цветаев. — Первоначально собиратель интересовался лишь теми рукописями и актами, которые имели отношение к прямой его задаче, к истории Олонецкого края; все же прочие он принес в дар Киевской Духовной академии, которые и описаны в «Трудах» ея. На рукописях вообще историколитературных он сосредоточил свое внимание только после ближайшего знакомства с П.Н.Рыбниковым. Главным же образом его собрание составилось в Москве, благодаря московскому антикварному рынку. Только здесь единственно могла быть собрана систематическая библиотека старообрядческих писателей» (14, с. VII).

Как в Олонецкой губернии, так и в Москве большую часть своего жалованья Барсов тратил на приобретение летописей, древних актов, рукописей, старопечатных книг, предметов народного быта, археологических памятников, портретов. В поисках реликвий он каждое лето совершал длительные путешествия по Северу. Со временем все это и составило громадную личную коллекцию, отражавшую круг научных интересов владельца.

Рукописное собрание Барсова было велико и многообразно: писцовые книги, архивы поморских монастырей, сборники по истории и географии, списки былин, лечебники, личные архивы. К уникальным памятникам барсовского собрания относились «Руководство по сельскому хозяйству», или так называемый «Надзиратель» (XVI в.), «Богатырское слово» (XVII в.), четыре списка былины об Илье Муромце (XVII в.). Собрание Барсова по систематичности не уступало коллекции В.М.Ундольского, а по количеству приближалось к погодинскому Древлехранилищу. К тому же это была одна из лучших по тому времени палеографических коллекций.

Наиболее интересный раздел этого собрания составляли рукописи по истории раскола (около пятисот) и до тысячи старообрядческих рукописей. Современники считали это собрание самым крупным в России: рав-

ного ему не было ни у одного коллекционера. Сюда же примыкало редчайшее по своей полноте собрание портретов раскольников.

В Москве Барсов первоначально снимал квартиру на Патриарших прудах. «Квартира Елпидифора Васильевича, — писал близко с ним знакомый писатель и журналист В.А.Гиляровский, — была в нижнем этаже, с маленькими оконцами, глядевшими из толстенных сводов, как из глубокой ниши. Первая комната... была прихожая, заваленная связками рукописей чуть не до потолка. Комната, в которой накрывался чай, была и столовая, и приемная, и рабочий кабинет. По стенам — полки, набитые книгами, то огромными, то крошечными, в древних кожаных переплетах» (6, с. 439—440). В спальне все стены от пола до потолка были увешаны древними иконами, полками с книгами, даже на полу были сложены связки рукописей.

«Вот здесь весь угол раскольничий, — пояснял Гиляровскому хозяин. — Тут древний царский быт. А вот театральный уголок... Чуть пошевелишь — золото. Копнешь, а под ним бриллиант. Одно возьмешь, а другое само лезет. Все-то я помню» (6, с. 440—441).

Бытовые вещи, которые его окружали и которыми ежедневно пользовался Барсов, тоже были старинными и диковинными: от огромного висячего замка на входной двери, величиной с кошку, до широкого полотенца, отделанного традиционной северной вышивкой.

На рубеже XIX—XX вв. Барсов поселился в собственном доме на Шаболовке, д. 9, который был подарен ему романистом А.М.Пазухиным. На втором этаже находилась библиотека, а на первом в двух комнатах был устроен самый настоящий музей: фигуры святых, вырезанные из цельного дерева, части иконостаса, царские врата, посохи, разное оружие (копья, ружья и даже «медная пушечка»), доспехи, вериги, колодки, вышитые полотенца и много других «драгоценных остатков северной старины».

С рукописями из собрания Барсова работали многие исследователи. Больше того, некоторые рукописи владелец отправлял для изучения специалистам в Казань, Киев и даже за границу.

Известностью среди знатоков пользовалась и библиотека Е.В.Барсова, в которой были широко представлены книги по археологии, этнографии, фольклористике и истории русской словесности.

Елпидифор Васильевич в 1914 г. уступил свое рукописное собрание (2728 рукописей XV—XIX вв.) и старопечатные книги за пятьдесят пять тысяч рублей Императорскому Российскому Историческому музею.

Еще в 1878 г. Е.В.Барсов пожертвовал часть своей коллекции для организации музея в городе Череповце. Здесь и сейчас можно увидеть когда-то принадлежавшие Елпидифору Васильевичу коллекции монет, древнерусского оружия, портреты русских царей, церковное одеяние и церковную утварь. Тогда же в музей древностей Московского археологического общества Барсов передал старинные головные украшения и принадлежности русского костюма.

Е.В.Барсов умер в Москве 2 апреля 1917 г. Погребен в Донском монастыре.

Судьба его книг и собранных им предметов старины нам неизвестна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Е.В. Книгописные собрания // Библиографические записки. — 1892. — N 1. — С. 5—6.

2. Барсов Е.В. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — Т.2. — С. 27, вторая пагинация: С. 22—24.

3. Барсов Е.В. : Некролог // Исторический вестник. — 1917. — N 7—8. — С. 287—288.

4. Бахрушин А.П. Из записной книжки : Кто что собирает / Прим. М.Цявловского. — М., 1916. — С.20, 103—104.

5. Вяземский П.П. Обзор московских книгохранилищ : Собрание сочинений. — Спб., 1893. — С. 183—185.

6. Гиляровский В.А. «Нечаянная радость»: Избранное в двух томах. — Куйбышев, 1965. — Т.2. — С. 438—450.

7. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографичекого указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 3. — N 91.

8. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн. 1. — С. 750; Т.1, кн. 2. — С. 1015, 1027, 1246, 1289—1292.

9. Малицкий Г.Л., Щепкин В.Н. Рукописи Е.В.Барсова. — М., 1915.

10. Описание книг и рукописей, пожертвованных в Киевскую Духовную академию Е.В.Барсовым // Труды Киевской Духовной академии. — Киев, 1868. — Т.2. — С. 354—376.

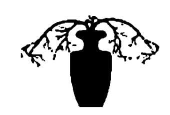
11. Риммер Э. Старинный Череповец // Московский журнал. — 1992. — N 8. — С. 8—9.

12. Семевский М.И. Знакомые : Альбом М.И.Семевского. — Спб., 1888. — С. 235.

13. Семевский М.И. Путевые заметки // Русская старина. — 1889. — Кн. 4. — С. 242.

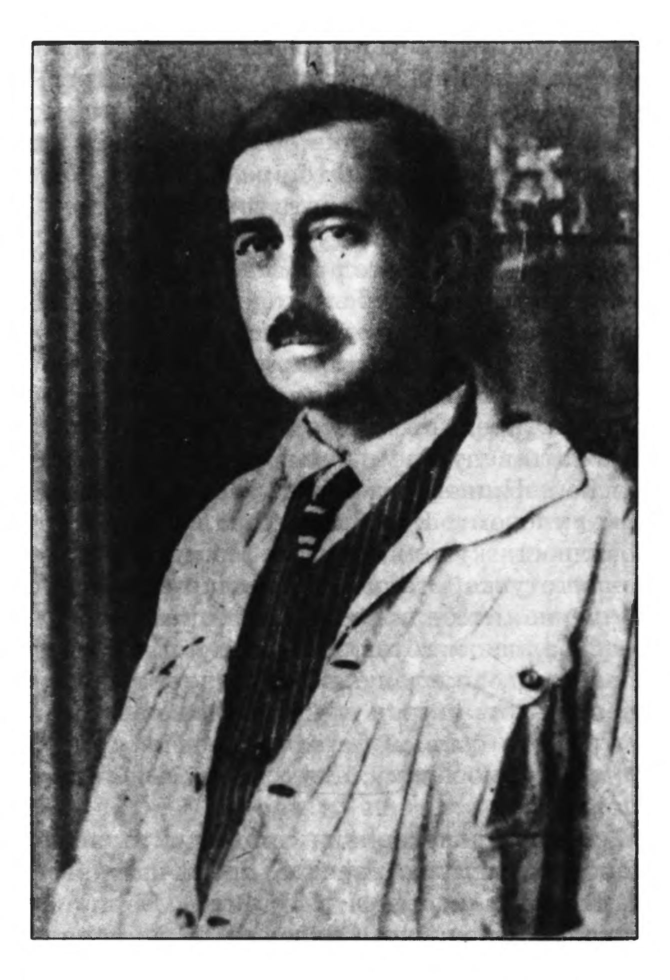
14. Цветаев Д.В. Записка об ученых трудах Е.В.Барсова. — М., 1887.

15. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати. — М., 1958. — С. 53—55.



БАРТРАМ Николай Дмитриевич

(1873—1931)



Н.Д. Бартрам — художник, историк искусства, собиратель игрушек, детских портретов, предметов быта, основатель Музея игрушки.

Николай Дмитриевич родился 24 августа 1873 г. в деревне Семеновка Льговского уезда Курской губернии в семье художника. Начальное образование получил дома. Затем (1889—1891 гг.) учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но по состоянию здоровья не смог закончить его. Вернулся в родную усадьбу, где жил до 1903 г. Здесь в 1893 г. он создал учебную мастерскую игрушечно-столярного производства, которой руководил десять лет. Создание этой мастерской было вызвано стремлением Николая Дмитриевича поддержать угасавшие народные художественные промыслы. В это время создаются и другие мастерские такого рода, в их числе знаменитые Абрамцевская и Талашкинская.

Любовь к искусству появилась у Николая под влиянием отца Дмитрия Эрнестовича. Он был кумиром мальчика. Прекрасно образованный человек, владевший многими ремеслами, он собственноручно делал игрушки, деревянные шкатулки, но особенно любил изготавливать переплеты для альбомов своих рисунков, ибо в совершенстве владел техникой миниатюрной акварели. Мальчик часами пропадал в этом кабинете-мастерской и вместе с божественным запахом дерева на всю жизнь впитал в себя дух творчества; он рано овладел и кистью, и столярным инструментом.

Еще один человек, которому обязан Бартрам своим духовным развитием, интересом к прошлому, к памятникам старины — почетный академик Петербургской Академии наук Иван Егорович Забелин, один из со-

здателей и руководителей Российского Исторического музея. О встречах маститого ученого и начинающего художника вспоминала дочь Николая Дмитриевича, Анастасия: «К нему в Исторический музей приходил работать отец, и это он — Забелин — сумел внушить ему любовь к народному творчеству... У Забелина он понял и полюбил труд и искусство, вложенное в народные деревянные изделия, понял их мудрую простоту, декоративность в решении форм и традиционность выполнения» (2, с. 64).

Встреча с профессором-этнографом Верой Николаевной Харузиной еще больше углубила интерес Бартрама к истории и этнографии.

В Семеновской мастерской по рисункам и под руководством Николая Дмитриевича было создано множество игрушек, воскрешавших мир Древней Руси, предметно воплощавших в себе образы русского фольклора: Аника-воин, волчок, щелкушки, боярин и др.

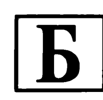
Увлекшись игрушками, Бартрам стал изучать историю их производства в России и за рубежом. Тогда же он начал собирать личную коллекцию игрушек и разнообразных предметов старины.

В поисках игрушек Николай Дмитриевич объездил всю Курскую губернию. Вместе с игрушками он привозил старинные головные женские уборы, шелковые платки, затканные золотыми цветами, шелковые сарафаны с телогреями, набойки, тканые пояса, вышивки, пряничные доски и сами пряники в форме коней, рыб, петухов, глиняные поливные свистульки в виде баранов, коней, уточек, предметы быта.

Позже он стал регулярно объезжать ведущие центры кустарных промыслов в Московской, Владимирской, Нижегородской губерниях. Домой он всегда возвращался с богатым «уловом». Его интересовали куколки-«скелетки» (самая дешевая разновидность кукол), куколки-«талии» (изящные стройные куколки с подчеркнуто узкой талией), куколки-барышни, фигурки матросов, кучеров, игрушечная мебель, тележки, сани. Особенно часто он ездил в село Богородское, где изготовляли резную деревянную игрушку. Оттуда он неизменно привозил лошадок, птиц, кузнецов, а также много миниатюрных фигурок — от амуров с крылышками до монахов в черных мантиях. Среди трофеев были и бирюльки — набор чашечек, блюдечек, а также чайничек и самоварчик, аккуратно сложенные в скорлупу грецкого ореха.

В 1900—1903 гг. Н.Д.Бартрам совершил несколько продолжительных поездок за границу, чтобы познакомиться с игрушечной промышленностью и музейными коллекциями. Бартрам побывал в Париже, Берлине, Нюрнберге, а также во многих городах Тюрингии, Саксонии, Швейцарии, старинных центрах изготовления игрушек. Из-за границы он привозил полные чемоданы современных и старинных кукол, всадников, воинов, зверей, игровых наборов, кубиков, книг, настольных печатных игр.

В 1904 г., когда Н.Д.Бартрам окончательно поселился в Москве, у него уже была значительная коллекция. Вот как вспоминает гостиную этого дома в Калошином переулке на Арбате дочь Николая Дмитриевича, А.Н.Изергина: «Деревянная, неполированная, с геометрической резьбой мебель из Семеновской мастерской, тахта, обшитая домотканым сукном, на ней подушки из набойки и китайки; на стенах лубки: «Бабелина героиня Греции», «Как мыши кота хоронили», «Лестница жизни» и др.; вися-



чие витрина и шкаф с игрушками: сергиевскими, богородскими, вятскими, городецкими, немецкими, японскими и многими другими. Они притягивали нас, детей, как все необычное, сказочное.

На резной висящей полке стоял большой поливной зелено-синий кувшин из Скопина, необычной формы, с носом не то птицы, не то зверя» (2, с. 68—69).

В Москве с 1906-го по 1917 г. Бартрам заведовал художественной частью Кустарного музея. При этом музее им была создана мастерская по производству игрушек. Здесь по его эскизам с отменным умением и искусством делали кукол с фарфоровыми головками, наряженных в народные костюмы разных губерний России и в одежду по образцам XVI—XVII вв.

Тогда же пришло увлечение архитектурной игрушкой. Николай Дмитриевич совершал «экспедиции» по улицам старой Москвы, фотографировал барские особняки, церкви, соборы. Сам делал архитектурные обмеры. Собранные материалы легли в основу новых оригинальных игрушек «Красные ворота», «Сухарева башня», «Сторожевая башня», «Уголок старой Москвы».

Деятельность Бартрама в Кустарном музее получила широкую общественную поддержку. На страницах журнала «Аполлон» художник и коллекционер игрушек Александр Бенуа писал: «Теперь в Москве затеяли спасти производство народных игрушек, ибо, действительно, оно падает, вымирает, теснимое фабричной дешевкой... Бартрам, стоящий во главе этого дела, такой прелестный фанатик идеи, такой труженик, такой знаток, такой художник, ему уже удалось столько сделать, что я не могу не желать ему и дальнейших успехов» (5, с. 49).

В Москве продолжала расти и личная коллекция Николая Дмитриевича. Каждое воскресенье он ездил на Сухаревку и обходил лавочки антикваров-старьевщиков. «Чего только не было в этих лавчонках! — вспоминала его дочь Анастасия. — Синие с розами поповские чашки, гарднеровские статуэтки, лубочные картинки, платки, веера, альбомы, рамы, бисерные вещи — всего не перечесть! Отца встречали «за ручку», и тут же из каких-то глубин что-либо вытаскивалось. Отец долго разглядывал поданную вещь, оба они обсуждали ее, вполне доверяя друг другу, затем, большей частью, она перекочевывала к нему в портфель» (2, с. 83—84). Дома из портфеля извлекались резные «болванки», фарфоровые куколки, сергиевские «пеленашки», старинный фарфор, фотографии.

В собрание Бартрама входили игрушки из всевозможных материалов, самых замысловатых конструкций, для любого возраста. Причем тут были представлены игры и игрушки из многих стран мира.

Отечественный раздел включал, кроме того, множество самых разнообразных предметов старины, составляя тот «вещевой фон», на котором игрушки смотрелись особенно органично, «по-домашнему». Тут были предметы детской мебели, одежда, посуда, ученические принадлежности, школьные наглядные пособия, книги, альбомы. Все это вместе взятое позволяло ярко и привлекательно воссоздавать мир детства. Этой цели служили и многочисленные портреты детей кисти художников XVIII—XIX вв., бесподобная «детская» картинная галерея.

В собрании Н.Д.Бартрама были представлены русский народный костюм, бытовая утварь, коллекции вееров, игральных карт. Особое место

занимала коллекция нэцкэ — произведений японской миниатюрной декоративно-прикладной пластики из дерева, камня, слоновой кости и других материалов.

Вскоре дом Бартрама стал похож на чудесное древлехранилище. Игрушки стояли, лежали, висели на стенах, покоились в витринах, на полках, в шкафах, на столах. «В своей излюбленной белой парусиновой блузе, — вспоминала дочь, — в свободные часы он ходил между ними, что-то мурлыкал себе под нос... «Знаешь, — говорил он, — ведь каждая игрушка — это зеркало жизни человеческой... Если все имеющиеся у меня игрушки систематизировать, можно даже из них создать экспозицию небольшого Музея игрушки. Вот будет здорово! Будут приходить детишки, можно будет вести за ними наблюдения, поставить научную работу!» (2, с. 118—119).

Мысль о создании Музея игрушки целиком овладела Бартрамом после 1910 г. Он вынашивал проект музея, разрабатывал его во всех деталях.

В 1918 г. в Москве открылся Музей игрушки. К этой цели Николай Дмитриевич упорно шел не один год. Первая экспозиция разместилась в четырех комнатах его квартиры (Смоленский бульвар, д. 8). Выделялись следующие разделы: народная игрушка, игрушки кукольного театра, обучающие игры, занимательные книги. Постепенно музей пополнялся поступлениями из национализированных магазинов, складов, фабрик, особняков, усадеб. Многие ценные вещи были привезены из царской резиденции в Ливадии.

В 1924 г. музею выделили один из красивейших особняков Москвы — усадьбу Хрущевых-Селезневых на Пречистенке (ныне там размещается Государственный музей А.С.Пушкина). Превосходная коллекция, занимательная экспозиция, новаторские приемы работы с детьми (экспонаты дозволялось трогать руками) — все это послужило причиной неслыханной популярности бартрамовского музея. По посещаемости он, не столь уж большой, уступал разве что Третьяковской галерее. Во главе этого удивительно живого и привлекательного музея Н.Д.Бартрам оставался до самой смерти.

Н.Д.Бартрам прекрасно понимал историческую и культурную ценность собранных им вещей. Он стремился сделать эти предметы достоянием общественности. Этой идее целиком отвечало создание общедоступного музея, а также пожертвование личных коллекций в другие собрания и музеи. Всю принадлежавшую ему коллекцию головных уборов Н.Д.Бартрам передал Археологической комиссии Курской губернии. Незадолго до смерти Николай Дмитриевич принес в дар Музею игрушки основную часть своей коллекции. Коллекцию нэцкэ он подарил на память дочери Анастасии.

Н.Д.Бартрам скончался в Москве 16 июля 1931 г.; похоронен на Новодевичьем кладбище.

Музей игрушки жив и по сей день, однако он уже много десятилетий расположен не в родной для него Москве, а в Сергиевом Посаде, и, увы, давно лишился былой популярности. Здесь до сих пор хранятся коллекции, собранные некогда неутомимым тружеником Н.Д.Бартрамом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бартрам Н.Д. Игрушка — радость детей. — М., 1912.

2. Бартрам Н.Д. Избранные статьи: Воспоминания о художнике. — М., 1979.

3. Бартрам Н.Д., Овчинникова Е.С. Музей игрушки. — М., 1928.

4. Бартрам Н.Д. : Некролог // Советский музей. — 1931. — N 5. — С. 119—120.

5. Бенуа А.Н. Игрушки // Аполлон. — 1912. — N 2. — С. 49—54.

6. Бочаров Г.Н. Московский кустарный музей и деятельность Н.Д.Бартрама // Русская художественная культура конца XIX—начала XX в. (1908—1917). — М., 1980. — Кн.4. — С. 462—472.

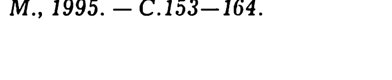
7. Дайн Г. Художник, ученый, педагог // Декоративное искусство СССР. — 1973. — N7. — С. 45—47.

8. Овчинникова Е.С. Николай Дмитриевич Бартрам // Музей народного искусства и художественные промыслы. — М., 1972. — Вып.5. — С. 65—72.

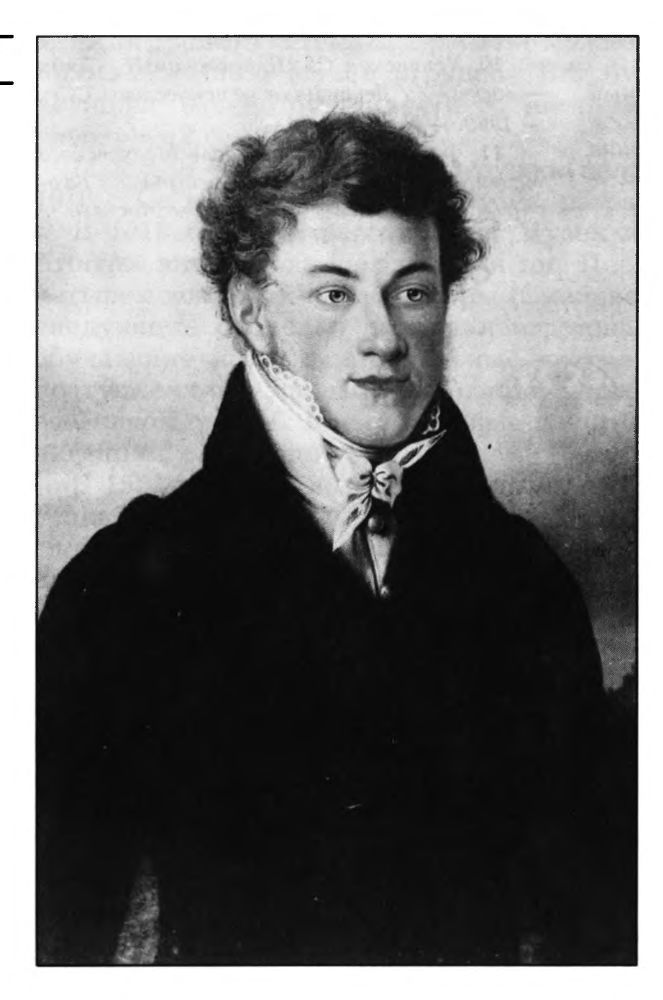
9. Симонович-Ефимова Н.Я. Записки художника. — М., 1982. — С. 119, 134, 199, 226—229, 311, 394.

10. Успенская С., Шкаровская Н. «Дядя — музей» // Декоративное искусство СССР. — 1960. — N 5. — С. 24—26.

11. Фролов А.И. Создатель Московского музея игрушки. Николай Дмитриевич Бартрам. 1873—1931. // Краеведы Москвы. — М., 1995. — С.153—164.



БАСНИН Василий Николаевич (1799—1876)



С портрета М.Васильева. 1821.

В.Н. Баснин — купец, меценат, библиофил, собиратель гравюр. Отец Николая Васильевича Баснина.

Родился 16 декабря 1799 г. в Иркутске в просвещенной купеческой семье. Начальное образование получил в домашнем кругу. В двенадцать лет был отправлен в Кяхту, где находилась главная контора «Торгового дома Басниных». Баснины занимались торговлей сибирскими мехами и чаем. В 1831—1850 гг. Василий Николаевич возглавлял семейную фирму.

Энергичный и деятельный коммерсант, В.Н.Баснин был известен в Иркутске и своей общественной деятельностью. Он избирался городским головой (в 1850—1852 гг.), состоял членом различных комитетов и благотворительных организаций. Тесные узы связывали его со многими декабристами, отбывавшими в Сибири годы ссылки. Впоследствии с некоторыми из них он переписывался.

От отца, Николая Тимофеевича, и дяди, Петра Тимофеевича, Василий унаследовал любовь к книгам, искусству, музыке, литературе, истории. Дом Басниных был одним из центров культурной жизни Иркутска.

Наделенный природной страстью к исследованиям, Василий Николаевич в течение многих лет проводил метеорологические наблюдения, одним из первых в Сибири занялся акклиматизацией плодовых культур, заложил в Иркутске первый фруктовый сад. Составляя гербарий даурской флоры, он открыл неизвестный вид растения, который и сейчас носит название Nymphea Basniniana. В 1851 г. он был избран членом Русского географического общества.

Один из современников писал о Баснине, что «умственно он развился благодаря необыкновенной охоте к чтению и врожденной замечательной

любознательности и энергии» (8, с. 134). Библиотека и коллекция гравюр, которые он собрал в Иркутске, не знали себе равных в Сибири. Собирать он их начал в ранней молодости.

С 1820-х гг. В.Н.Баснин увлекся коллекционированием гравюр. Ему исполнилось семь лет, когда он впервые увидел гравюры у своего дяди Петра Тимофеевича. Листы, которые запали в душу мальчика, были посвящены истории сооружения в Санкт-Петербурге знаменитого памятника Петру Великому и привезены П.Т.Басниным в 1806 г. из Петербурга. Отец также имел гравюры: у него были, например, гравированные листы с видами Саровской пустыни, подаренные ему настоятелем монастыря. Поэтому неудивительно, что предметом коллекционирования молодого Баснина стали именно гравюры.

Часто бывая по делам на Нижегородской ярмарке, в Москве, в Петербурге, Баснин имел возможность приобретать гравированные листы. По собственному признанию собирателя, гравюры «первоначально и главнейше я выменял из московского магазина итальянца Неут на бывшие у меня китайские вещи, а потом покупал уже за деньги» (8, с. 135). Известно, что картины он приобретал на выставках, которые старался не пропускать, бывая в столицах. В 1828 г. он писал из Петербурга жене Елизавете Осиповне: «Пред обедом я был в выставке разных художественных отечественных произведений... Я купил картину, изображающую очень натурально персик (за 50 р.) и 3 прекраснейшие картины, из гипса вытесненные, изображение и работа известного художника графа Толстого (за все 35 р.)» (1, ед. хр. 10, л. 53). Выписывал он гравюры для своего собрания и из Рима.

В его иркутский дом постоянно приходили посылки с книгами, журналами, гравюрами. Возвращаясь из очередной поездки в Европу, он, как правило, привозил книги целыми ящиками, а гравюры — толстыми папками.

Василий Николаевич был обладателем прекраснейшей библиотеки. Универсальная по составу, она к 1858 г. насчитывала около 12 тысяч книг и множество комплектов русских журналов и газет. Особое место в ней занимали книги XVIII в. кирилловской печати: они достались ему от отца, страстного книгочея.

Будучи тонким ценителем музыки, Баснин имел в своей библиотеке богатое нотное собрание. Любительский оркестр, созданный Басниным, устраивал в городе публичные концерты.

Раздел «Сибирика» включал почти все издания на эту тему, вышедшие в конце XVIII—первой половине XIX в. В отделе истории выделялась солидная подборка книг, посвященная Отечественной войне 1812 г. Среди раритетов баснинского собрания было первое посмертное издание А.Н.Радищева (тираж почти полностью погиб во время пожара Москвы в 1812 г.).

В рукописном отделе библиотеки за много лет собраны разнообразные материалы (карты, планы, чертежи, документы, летописи, хроники и др.), касающиеся истории Иркутска и Сибири, а также русско-китайской торговли.

Коллекция гравюр включала работы отечественных и западноевропейских мастеров. Особой любовью Баснина пользовались портреты русских государственных деятелей, церковных иерархов, сибирских знаме-

нитостей, виды городов (особенно полно был представлен Петербург) и достопримечательности России (в том числе изображения монастырей и храмов), знаменательные события отечественной истории. Однако большую часть собрания составляли гравюры по мотивам картин известнейших западноевропейских мастеров, в частности Леонардо да Винчи, Рафаэля, Корреджо. Одним из лучших был лист «Тайная вечеря», гравированный Рафаэлем Моргеном.

Коллекция постоянно пополнялась гравюрами с изображением современных событий. К примеру, хорошо были представлены события Крымской войны.

Кроме гравюр в баснинском собрании хранились рисунки, акварели и картины, написанные маслом. Среди них выделялись работы художников-декабристов, особенно три альбома. Один включал акварельные и карандашные рисунки Н.А.Бестужева, П.И.Борисова, Д.И.Завалишина, А.И.Якубовича и др. Этот альбом попал к Баснину от владельца, сибирского врача А.И.Орлова. Два других были заказаны коллекционером братьям Борисовым: замечательный рисовальщик, Петр Иванович выполнил акварельные рисунки птиц, обитающих в Восточной Сибири (двадцать изображений), Андрей Иванович, мастер переплетного дела, оформил альбомы с большим искусством.

С любовью собирал Василий Николаевич изображения Сибири. В его коллекции были работы современных мастеров, подаренные коллекционеру. В том числе рисунок английского архитектора Т.-Г.Аткинсона, выполненный им в 1849 г. во время его путешествия по азиатской части России.

Как бы дополнением к художественной коллекции служила фамильная портретная галерея. В ней были портреты маслом иркутского художника-самоучки Михаила Васильева и акварели декабриста Николая Бестужева (особенно интересен портрет сына коллекционера, Сережи Баснина).

Книгохранилище Баснина было доступно в Иркутске всем желающим: оно располагалось в отдельном доме усадьбы, находившейся в центре города на улице Баснинской. В 1845 г. владелец начал составлять каталог библиотеки и графического собрания. К этой работе он привлек декабристов А.И. и П.И.Борисовых, а также А.З.Муравьева, живших на поселении вблизи Иркутска в деревне Разводной.

Артамон Захарович Муравьев начал по просьбе собирателя переводить надписи с иностранных гравюр и записывать их в каталог, получивший название «Описание гравюр, акварелей и китайских рисунков, масляных картин и тому подобного в собрании почетного гражданина В.Н.Баснина в Иркутске». Программу описания составил сам коллекционер. Она включала двенадцать пунктов и давала исчерпывающий материал о каждом листе (его размеры, род гравировки, «манеру», материал, имя художника, гравера и даже ссылки на литературу, где данная гравюра упоминается). В 1846 г. декабрист умер. Его записи прервались на 207 номере. Позже эту работу продолжил сам коллекционер: второй части он дал название «Краткое продолжение подробной росписи гравюрам, кончившейся 207 номером, и краткое описание гравюр, находящихся в переплетенных книгах. Иркутск. С 12 апреля 1855 г.». Всего в каталоге было описано свыше восемнадцати тысяч гравюр.

Андрей Иванович Борисов окантовывал гравюры и переплетал книги и журналы. (Материалы и инструменты для переплетных работ Баснин привозил из Петербурга.) «Теперь я стараюсь библиотеку мою переплесть, а гравюры наклеить на карт. бумагу, чтобы спасти от истребления при неосторожности любопытных лиц», — сообщал своему корреспонденту в письме от 30 июля 1845 г. Баснин (8, с. 135).

В 1858 г. Баснины переехали в Москву. Свою замечательную библиотеку Василий Николаевич подарил семинарии, оставив себе только книги по искусству. А коллекцию гравюр взял в Москву, где продолжал пополнять. В Москве Баснин занялся разборкой рукописного собрания и подготовил ряд материалов для публикации в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей Российских».

Московская квартира Басниных находилась в районе Пресненских прудов, и любимым местом прогулки Василия Николаевича был Зоологический сад.

В.Н.Баснин умер в Москве 29 января 1876 г. Похоронен в Алексеевском женском монастыре.

Коллекцию гравюр и рисунков, фамильные портреты и личный архив Василия Николаевича унаследовал его сын Николай Васильевич.

Рукописное собрание по истории Сибири после смерти собирателя его наследники передали в Главный архив Министерства иностранных дел (ныне — в Российском государственном архиве древних актов).

Книжное собрание, оставленное в Иркутске, после закрытия семинарии перешло в Иркутский университет и ныне хранится в отделе редкой книги университетской библиотеки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. — Ф. 282, ед. хр. 282; Ф. 469, ед. хр. 10, 12, 36.

2. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры в Сибири. — Иркутск, 1947. — Вып.1 — С. 16—17, 20, 22, 51, 132, 145—146.

3. Баснин В.Н. // Русский биографический словарь. — Спб., 1900. — «Алексеевский — Бестужев-Рюмин» [Т.2]. — С. 561.

4. Баснин В.Н. : Некролог // Иллюстрированная газета. — 1876. — N 16. — С. 128.

5. Боннер А.Г. Бесценные сокровища. — Иркутск, 1979. — С. 149—164.

6. Громов П., Щукин Н. В.Н.Баснин : Некролог // Иркутские епархиальные ведомости. — 1876. — N 27. — С. 373—382.

7. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 397, 545, 589; Т. 1, кн. 2. — С. 1215.

8. Калантырская И.С. Неизвестная работа декабриста А.З.Муравьева 1845—1846 гг. // Материалы по истории русской культуры конца XVIII—первой половины XX в.: Труды Государственного Исторического музея. — М., 1984. — Вып.58. — С. 121—136.

9. Куйбышева К.С., Сафонова Н.И. Акварели декабриста Петра Ивановича Борисова. — М., 1986. — С. 38—40, 512—513.

10. Московский некрополь. — Спб., 1907. — Т.1. — С. 84.

11. Муравьев А.Н. Сочинения и письма. — Иркутск, 1986.

12. Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. — Пг., 1922. — С. 71—72.

13. Пуцилло М.П. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому Главному архиву Министерства иностранных дел. — М., 1879. — С. 94—96, 104—106, 122—123.

БАСНИН Николай Васильевич

(1843—1918)

Н.В. Баснин — адвокат, собиратель графики. Сын Василия Николаевича Баснина.

Родился 28 марта 1843 г. в Иркутске в потомственной купеческой семье. Просвещенный отец заботился о воспитании и образовании сына. В двенадцать лет он был отвезен в Москву в один из лучших пансионов того времени — Эннесса. В 1859—1863 гг. учился на юридическом факультете Московского университета. В 1863—1864 гг. служил младшим помощником секретаря во втором отделении шестого департамента Правительствующего Сената. Уволившись со службы в 1864 г., он предпринял длительную поездку за границу, во время которой занимался в библиотеках и музеях. По возвращении в Россию в 1876 г. был принят присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

Николай Васильевич Баснин известен в Москве своей общественной деятельностью. Особенно активно он сотрудничал в Московском обществе любителей художеств; был одним из инициаторов устройства в Москве выставок художественных произведений из частных собраний, организованных по почину этой организации. К тому же Баснин состоял членом Московского юридического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русского фотографического общества, участвовал в создании Российского экспортно-импортного союза торговли и промышленности, был деятельным членом Общества для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, обучающимся в учебных заведениях Москвы.

Более тридцати лет Н.В.Баснин был тесно связан с деятельностью Московского Публичного и Румянцевского музеев. В течение всего этого времени, с 1884-го по 1915 г., он неоднократно приносил в дар музеям гравюры, постоянно оказывал помощь в составлении каталога Гравюрного кабинета. С 1885 г. Баснин состоял почетным членом Румянцевского музея.

Как адвокат и коллекционер Николай Васильевич оказывал помощь собирателям, художественным деятелям Москвы и музеям. В частности, в 1896—1917 гг. он вел дело о передаче художественной коллекции Н.С.Мосолова в Румянцевский музей, в 1909 г. занимался делом о хищении гравюр из этого музея. Н.В.Баснин в 1911 г. разработал проект Закона об охране памятников искусства и старины. Проект обсуждался 9 марта 1911 г. на заседании Московского археологического общества.

Свидетельством широких познаний Н.В.Баснина в области истории искусства стало его участие в Первом съезде русских художников и любителей художеств. Съезд проходил в Москве в 1894 г., и Н.В.Баснин выступил с докладом «О значении гравюры в сфере искусства». В том же году в Москве был издан «Каталог коллекции, собранной В.А.Тюляевым», подготовленный Басниным и отвечавший всем требованиям к изданию подобного рода; в каталоге описано 1073 листа.

Н.В.Баснин был признанным знатоком графического искусства. Его вкус ценили профессор Московского университета, основатель Музея изящных искусств И.В.Цветаев, хранитель Румянцевского музея искусство-

вед Н.И.Романов, гравер и коллекционер Н.С.Мосолов, художники и собиратели И.С.Остроухов, В.Д.Поленов, И.Я.Билибин.

Нет сомнения, что интерес к коллекционированию проявился у Николая Васильевича под влиянием отца. После его смерти в 1876 г. Баснин-младший унаследовал собрание гравюр и рисунков, насчитывавшее свыше 18 тысяч листов работы западноевропейских и русских мастеров.

Составляя свою коллекцию, Баснин предъявлял строгие требования к качеству отпечатков, старался приобретать самые ранние оттиски наилучшей сохранности. Именно поэтому он расстался с некоторыми листами из отцовской коллекции, которые, по его мнению, не отличались таким качеством. И хотя он неустанно собирал гравюры до самой смерти, семейное собрание к 1918 г. не только не увеличилось, но даже уменьшилось и составило около 14 тысяч листов. При этом, по мнению Николая Васильевича, лично им из этого числа было собрано до семи тысяч гравюр.

В коллекции Баснина были представлены все школы Западной Европы и России. По наблюдению коллекционера П.И.Щукина, «присяжный поверенный Николай Васильевич Баснин... собирал преимущественно гравюры XVIII ст.» (12, с. 86). Среди гравюр старых мастеров выделялись работы немецкого художника А.Дюрера, нидерландского мастера Луки Лейденского, итальянского гравера М.Раймонди. Особенно много было здесь гравюр XVIII в. немецкой школы.

Владел Баснин и небольшим собранием рисунков: всего сто тридцать работ. Все рисунки собрания Баснина снабжены владельческой маркой: в середину небольшого овала вписаны инициалы NB, а вокруг — девиз на латинском языке: «Ars animi humani speculum est». Рисунки представляли разные школы и разные эпохи. В баснинском собрании были рисунки работы итальянских мастеров Пальмы, Тьеполо, Прокаччини, Чиголи, Гвидо Рени. Наибольший интерес вызывали рисунки французских художников.

«...Как награда искателю, — писал историк искусства А.А.Сидоров, — именно в коллекции Баснина чудесной неожиданностью оказываются несколько интереснейших рисунков французских мастеров XVIII века. Более ранний этюд, приписанный Филиппу де Шампаню (два путто), может быть, и не достоверен. Зато мы считаем подлинным рисунок Миньяра (Богоматерь, являющаяся коленопреклоненной королеве) и если не вполне бесспорными, то очень интересными две иллюстрации к Мольеру, приписанные Буше. Весьма любопытен рисунок Анжелики Кауфман (?), изображающий молодую женщину, собирающуюся высечь ребенка: строгое настроение, линейно-пластический стиль, виртуозное обращение с тушью; и, наконец, как величайший раритет — этюд обнаженной натурщицы, в котором не всякий и не сразу угадает руку Жана Батиста Греза» (11, с. 12). Этот последний лист на обороте имел автограф художника: пространный текст объяснял смысл изображенной аллегории. Подобные письменные пояснения были весьма характерны для этого французского мастера.

Николай Васильевич последние годы жил неподалеку от Арбата, на улице Большая Молчановка, в доме 21; здесь и хранилась его замечательная коллекция. Он не раз высказывал желание видеть свое собрание в составе Гравюрного кабинета Румянцевского музея. Однако сожалел, что не имеет возможности принести свое собрание в дар. Составив опись коллекции, он предлагал приобрести ее за пятьдесят тысяч рублей.

Н.В.Баснин умер в Москве 16 октября 1918 г. и погребен на Миусском кладбище.

Коллекцию наследовали вдова собирателя, Елизавета Васильевна, и дочери — Софья Николаевна Баснина и Анна Николаевна Верхоланцева. Чтобы сохранить коллекцию, наследники Баснина по примеру многих собирателей 16 октября 1918 г. обратились в Российский Исторический музей с просьбой принять ее на хранение. Однако 21 октября 1918 г. они получили письмо за подписью Н.И.Троцкой, в котором содержалось пожелание передать коллекцию в Румянцевский музей. Письмо было написано по просьбе сотрудников Румянцевского музея, хорошо знавших собрание Баснина. Наследники согласились с этим предложением, и 4 ноября 1918 г. им была выдана охранная грамота на собрание гравюр, библиотеку и ценную мебель (все это по-прежнему оставалось в доме на Большой Молчановке).

После принятия Декрета о национализации коллекция Н.В.Баснина была изъята у наследников и в 1920 г. поступила в Румянцевский музей. При передаче в ней имелись 4 тома гравюр, 98 рисунков в двух папках, 311 книг. После 1917 г. баснинское собрание стало первым крупным поступлением в Гравюрный кабинет музея. С ликвидацией этого музея в 1923 г. баснинское собрание оказалось в Отделе гравюры и рисунка Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина).

Еще в 1888 г. Н.В.Баснин часть своей библиотеки вместе с книгами отца подарил Томскому университету в день его открытия. Книги Баснина, поступившие в Румянцевский музей, были проданы музеем Московскому городскому народному университету им. А.Л.Шанявского.

Личный архив обоих Басниных, фамильные портреты, рисунки декабристов, а также старинная мебель и предметы быта остались у Софьи Николаевны Басниной. В 1944—1958 гг. она, работая в Государственном Историческом музее, передала ему все баснинские реликвии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. — Ф. 469, ед. хр. 53, 80, 134.

2. Баснин Н.В. Каталог коллекции, собранной В.А.Тюляевым. — М., 1894.

3. Баснин Н.В. О значении гравюры в сфере искусства // Труды Первого съезда русских художников и любителей художеств. — М., 1900. — С. 8—16.

4. Водо Н.Н. Столетие Гравюрного кабинета // Пятьдесят лет Государственному музею изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Сб. статей. — М., 1962. — С. 14—29.

5. Герц К.К. Каталог гравировального отделения Московского Публичного музея. — М., 1866.

6. Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 29, 54.

7. О собрании рисунков Музея изящных искусств // Русский библиофил. — 1912. — N 5 . — С. 99—100.

8. Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. — М., 1913. — С. IV.

9. Пятьдесят лет ГМИИ им. А.С.Пушкина: Сб. статей. — М., 1962. — С. 17.

10. Рисунки голландских художников XVII века: Каталог выставки. — М., 1917.

11. Сидоров А.А. Рисунки старых мастеров в московских собраниях. II. Румянцевский музей // Среди коллекционеров. — 1922. — N 7—8. — С. 3—16.

12. Щукин П.И. Из воспоминаний // Русский архив. — 1912. — N 5. — С. 85—86.

БАУЗЕ Федор Григорьевич (1752—1812)

Ф.Г. Баузе — профессор Московского университета, собиратель старопечатных книг, славяно-русских рукописей, русских монет.

Родился в саксонском городе Триплисе, где его отец был пастором. В возрасте одиннадцати лет отправлен в Лейпциг, где окончил Томасову школу, а затем юридический факультет Лейпцигского университета.

В сентябре 1773 г. приехал в Петербург: «желание поискать счастье на чужбине привело его в наше отечество» (1, с. 69). Вначале был частным учителем, а в 1775 г. Баузе приняли в штат Петровского немецкого училища. Постоянно занимался науками и в 1781 г. избран корреспондентом Императорской Академии наук и членом Вольного экономического общества.

В 1782 г. Московский университет пригласил Ф.Г.Баузе на кафедру права, и он проработал там двадцать пять лет. В 1807—1811 гг. Ф.Г.Баузе избирался ректором университета. По отзывам современников, он являлся одним из лучших профессоров. Федор Григорьевич обладал не только широтой взгляда на свой предмет, даром слова, но и до конца своих дней сохранил любознательность и трудолюбие. Читая курс лекций по законоведению и римскому праву, он умел показать «тонкость, изобилие и красоту» своего предмета.

Его труды этого периода, по словам митрополита Евгения, «обращены были на политическую экономию, на историю литературы, нумизматику, дипломатику и римское законоведение» (1, с. 86). Они были почти готовы к изданию, но по каким-то причинам не напечатаны. Лишь несколько речей и стихотворений на немецком и латинском языках увидели свет.

Коллекционером Федор Григорьевич стал в московский период своей жизни. «Поселившись в Москве, — писал его биограф Н.С.Тихонравов, — Баузе нашел для себя новый род занятий: он начал ревностно собирать русские древности, рукописи, старопечатные книги, монеты. Он сам ходил для этого по толкучему рынку и после 30-летних стараний, дополнив свои сокровища покупкою старинных книг и рукописей у известного в то время собирателя древностей Игнатия Ферапонтова, успел составить такое собрание русских древностей, которое, по отзыву К.Ф.Калайдовича, было едва ли не единственным в своем роде» (1, с. 81).

Другой его современник также отмечал, что Баузе как «страстный антикварий в книгах, рукописях и вещах» постоянно ходил по московским толкучим рынкам. «Мне случалось видеть почтенного профессора с своим Анненским орденом на шее на толкучке между букинистами, покупающими и торгующими старые книги и вещи, — писал И.М.Снегирев. — С какою детскою радостию и восторгом показывал он мне, пред ним мальчику, купленную им редкость!» (10, с. 754—755).

Надо отметить, что интерес к памятникам древнерусской письменности в конце XVIII—начале XIX в. был достаточно велик. В этот период

составились известные рукописные собрания графа Н.П.Румянцева, графа Ф.А.Толстого, графа А.И.Мусина-Пушкина. И хотя коллекция рукописей Ф.Г.Баузе не могла сравниться с ними по числу памятников, она включала немало редких экземпляров и являлась одним из выдающихся собраний своего времени.

Из трех собранных Баузе коллекций хорошо известен состав только рукописной библиотеки. Она имела шесть отделов и включала 460 рукописей XIII—XVIII вв. В первый отдел входили словари; их было больше сорока, и среди них словарь, составленный в 1560 г. монахом (Иваном Александровым) и считавшийся одним из старейших российских словарей. Второй отдел — литературный — содержал нравоучения, дидактические сочинения, песни, повести, романы.

Третий отдел состоял из сочинений, посвященных религии и церкви. Это были Псалтыри, Апостолы, Евангелия, службы, Минеи, Месяцесловы, молитвенники, Часословы, Пасхалии, ирмологии, Триоди. Именно в этом разделе был самый редкий экземпляр не только данного собрания, но и вообще среди древнерусских письменных памятников, известных тогда науке.

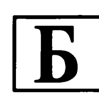
Этот раритет описан в каталоге под N 175: «Евангелие, писанное в малом формате, с изящными миниатюрными изображениями святых. Судя по цвету пергамина, по образу письма, по коренным древнейшим выражениям, которые в последующие времена изменились, и, наконец, по приложенному Месяцеслову, в коем недостает многих, в последующие времена помещенных Святых, можно заключить, что сие Евангелие писано в половине XI века и что оно, следственно, есть самая древнейшая рукопись из всех, по крайней мере сколько известно, существующих в России. Оно принадлежало, конечно, одному из Великих Князей» (8, с. 59).

К древнейшим памятникам относился и «Пролог». Он был включен в каталог под N 122: «Пролог 1227 года, писанный в Новгороде, на пергамине, со многими украшениями, в лист» (8, с. 54). А также Месяцеслов (N 178), «в малейшем формате, весьма нежно писанный в XVII веке» (8, с. 59).

В четвертом отделе были собраны сочинения по различным областям науки и искусства. Больше всего здесь имелось рукописных книг по церковному пению. Федор Григорьевич был большим любителем и знатоком музыки, прекрасно играл на органе. Будучи профессором, он продолжал ходить в церковь и играть на органе во время богослужений.

Пятый раздел включал рукописи по военному делу. Таковых было всего восемь. В последнем, шестом разделе собраны памятники, посвященные истории, географии, статистике, разного рода хронографы, летописи, разрядные книги, своды законов и др. Тут выделялась Степенная книга, написанная в 1551 г. «превосходным письмом» и принадлежавшая некогда царской семье.

Среди рукописей этого собрания было немало таких, которые либо составлялись известными деятелями, либо принадлежали известным в истории лицам. Так, например, в коллекции Ф.Г.Баузе находились два наставления, принадлежавшие некогда царевичу Алексею Михайловичу. Автором одного из них был Симеон Полоцкий, другого — Карион Истомин. Пергаментной рукописью XIII в. — «Чин служения в страстную седмицу» — владел, как явствовало из надписи, сделанной на ней,



Великий Князь Иван Васильевич, дед Ивана Грозного. Описание венчания на царство Михаила Федоровича и Алексея Михайловича — некогда собственность боярина Б.М.Хитрово. Здесь был и автограф первого русского историографа В.Н.Татищева — «Наставление Василия Татищева сыну его», и рукопись ученого-механика Г.Г.Скорнякова-Писарева «Практика Артиллерии».

В собрании Баузе находилось немало лицевых рукописей. Миниатюрами украшены и названный уже «Пролог», и «Наставление» Кариона Истомина. Чудесные изображения сопровождали «Космографию» Мартына Бельского (один из рисунков представлял царя Ивана Васильевича). Был даже сборник рисунков XVII в.

Составляя каталог собрания Баузе, его душеприказчик Рост — как видно, знаток и любитель древних памятников — неоднократно делает пометки такого рода: «хорошо сбереженная и достойная того рукопись», «весьма любопытная рукопись», «рукопись любопытнейшая», «со всех сторон достойная любопытства», «очень любопытное собрание». Против многих из них он же пометил: «искусно писанная», «весьма нежно писанная», «отменной чистоты письмо», «рукопись превосходного письма и фигур».

Федор Григорьевич немало времени посвятил изучению собранных рукописей. «Может быть, — писал в его биографии Н.С.Тихонравов, — этой же страсти к древностям Российским обязаны мы тем, что предметом замечательнейшей из своих речей Баузе выбрал вопрос о состоянии просвещения в России до Петра Великого» (1, с. 83). Действительно, общаясь ежедневно с древнейшими памятниками письменности, Федор Григорьевич находил абсурдными утверждения многих иноземных авторов о низкой культуре допетровской Руси. Так, в 1796 г. в Москве появилась публикация «Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsum inculta, nec parum adeo de litteris earumgue studiis merita». Перепечатанная на русском языке под заглавием «Что сделано в России для просвещения народа и для славы Отечества от времени Рюрика до Петра Великого?» («Вестник Европы», 1811, N 1, с. 3—29; N 2, с. 81—96), она привлекла к себе внимание публики. В ней впервые доказывалось, что в русском обществе всегда было велико стремление к просвещению.

В письме М.Н.Муравьеву, попечителю Московского округа, Ф.Г.Баузе сообщал, что в основу его речи легли материалы собственного собрания: «...я писал, не полагаясь доверчиво ни на кого: все сочинения, которыми я пользовался и которые цитировал, лежали у меня тогда перед глазами» (1, с. 84).

В конце жизни Ф.Г.Баузе стал заниматься историей русской словесности, опираясь также на личную коллекцию.

Сведения, почерпнутые при изучении памятников собственного собрания, Федор Григорьевич использовал в своих лекциях. Об этом сохранились воспоминания его учеников. Один из них — И.Ф. Тимковский — писал: «Для роздыха и освежения, как был словоохотлив, он не скупился рассказами из великих судных процессов и контроверсий или о знатнейших Германских ученых; и как был вместе страстный антикварий в книгах, рукописях и вещах, для чего шатался по толкучему рынку, то часто хвалился приобретенными редкостями, приводя и другие рассказы в том же роде» (11, с. 27).

Другой его ученик, И.М.Снегирев, вспоминал: «С удовольствием и признательностью я пользовался частными лекциями, библиотекою и драгоценным собранием славяно-русских древностей незабвенного профессора права, юриста, дипломата, историка, археолога и филолога Федора Григорьевича Баузе... С ненасытимою любознательностию, обогатившею его разнообразными сведениями, он соединял редкий дар слова, свободно и красно говорил и писал по-латыни... Жалею, что я мало пользовался сим редким случаем» (10, с. 754—755).

Его любовь к древним рукописям передалась одному из его учеников — археографу, историку, коллекционеру Константину Федоровичу Калайдовичу. С рукописным собранием Баузе работал Н.М.Карамзин.

Ф.Г.Баузе умер в Москве 25 мая 1812 г.

После смерти собирателя Общество истории и древностей российских предполагало приобрести его коллекцию. Тогда и был составлен каталог душеприказчиком Ростом. Собрание было оценено в 10 тысяч рублей ассигнациями. Переговоры затянулись вследствие начала Отечественной войны, а в сентябре 1812 г. в огне московского пожара эта ценнейшая коллекция почти полностью погибла.

Вероятно, вместе с рукописями погибли и старопечатные книги, и монеты, и предметы быта. Частично сохранившийся личный архив ученого впоследствии оказался в Древлехранилище М.П.Погодина.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баузе Ф.Г. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. — М., 1855. — Т. 1. — С. 68—89.

2. Баузе Ф.Г. // Русский биографический словарь. — Спб., 1900. — «Алексинский — Бестужев-Рюмин» [Т. 2]. — С. 594—595.

3. Бокачев Н. Описи русских библиотек. — Спб., 1890. — С. 112.

4. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 21—22.

5. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 3. — N 98.

6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т.1, кн.2. — С. 110; Т.1, кн.1. — С. 1161, 1270.

7. Калайдович К.Ф. Известия о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. — М., 1811. — С. 14—17.

8. Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе. / Сост. В.Каразин // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. — М., 1862. — Кн.2. — С. 45—79.

9. Словарь митрополита Евгения. — М., 1845. — Т.1. — С. 29.

10. Снегирев И.М. Воспоминания // Русский архив. — 1866. — С. 753—755.

11. Тимковский И.Ф. Памятник И.И.Шувалову // Москвитянин. — 1851. — Ч. 3. — С. 21—27.

12. Тихонравов Н.С. Сочинения. — М., 1898. — Т.3, ч.1. — С. 11—28.

13. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях: Прибавление 2-е. — М., 1845. — С. 443—444.

БАХРУШИН Алексей Александрович (1865—1929)

А.А. Бахрушин — купец, меценат, собиратель театральной старины, создатель частного литературно-театрального музея. Двоюродный брат Алексея Петровича Бахрушина.

Родился в Москве 31 января 1865 г. в купеческой семье. С ранних лет родители привили ему любовь к искусству, к театру. Его дед писал стихи, отец свободно владел иностранными языками. Многие родственники увлекались коллекционированием. Бахрушины слыли в старой Москве известными благотворителями. Будущий знаток театральной старины уже с шестилетнего возраста стал завсегдатаем Большого театра, потом поклонником труппы Малого театра, а впоследствии сам пробовал играть на сцене Перловского театрального кружка.

А.А.Бахрушин учился в частной гимназии Ф.Креймана, после чего в 1888 г. включился в семейное дело — «Товарищество кожевенной и суконной мануфактуры А.Бахрушин и сыновья». До 1890 г. он активно занимался торгово-промышленной деятельностью. Увлекшись собирательством, Бахрушин посвящал ему все больше времени и постепенно отошел от дел.

Коллекционировать он начал под влиянием двоюродного брата, страстного собирателя Алексея Петровича Бахрушина. «Коллекционерские интересы лиц, бывавших у Алексея Петровича, передались и ему — он захотел обязательно собирать, что, почему, как — безразлично, но собирать — изучать и создать себе серьезный интерес в жизни», — писал позднее его сын Юрий Алексеевич Бахрушин (1, с. 149).

Первоначально Алексей Александрович увлекся было восточными редкостями, потом «переболел» Наполеоном I. После встречи с купцом-собирателем Н.А.Куприяновым навсегда отдал предпочтение театру. В памятный день 1890 г. они поспорили: кто больше за год соберет театральной старины.

В дом стали стремительно стекаться афиши, программы спектаклей, фотографии актеров в ролях, эскизы костюмов, личные вещи артистов. Бахрушин выиграл спор и понял, что нашел свое призвание. «Вскоре театраль-

ное собирательство, — вспоминал его сын, — превратилось у него в страсть. Окружающие смотрели на это как на блажь богатого самодура, трунили над ним, предлагали купить пуговицу от брюк Мочалова или сапоги Щепкина» (1, с. 63).

30 мая 1894 г. владелец впервые показал свое театральное собрание ближайшим друзьям, а 29 октября того же года представил его для обозрения театральной общественности Москвы. С этого дня и началась биография первого московского литературно-театрального музея.

Среди многочисленных коллекционеров своего времени Алексей Александрович Бахрушин отличался самостоятельностью в поисках. Он не довольствовался тем, что предлагали торговцы или другие собиратели раритетов. «Коллекционировать только через антикваров, — говорил он, — не выискивая самому, не интересуясь глубоко, — занятие пустое, неинтересное, а если собирать старину, то только при условии глубокого личного интереса к ней» (3, с. 10). Таким личным глубоким интересом к реликвиям театральной жизни Бахрушин обладал в самой высокой мере. Он целенаправленно вел поиски, чтобы представить в своей коллекции всю историю отечественного театра, от зарождения до современности.

Собиратель раз в неделю обязательно бывал на Сухаревке, часто наведывался в антикварные лавки Н.Г.Африканова и В.И.Чекатто, регулярно переписывался с петербургским антикваром М.М.Савостиным. Благодаря Савостину он приобрел много реликвий деятелей петербургских театров, в частности получил архив актера и театрального собирателя И.Ф.Горбунова.

В поисках экспонатов А.А.Бахрушин не раз совершал длительные путешествия по России, из которых привозил не только театральные раритеты, но и произведения народного искусства, мебель, старинные русские костюмы.

Бывая за границей, Алексей Александрович непременно обходил антикварные магазины. В начале XX в. он трижды предпринимал специальные поездки для пополнения разделов по истории западноевропейского театра. Из-за границы он привез личные вещи французской актрисы Марс, коллекцию масок итальянского театра комедии, многие редчайшие музыкальные инструменты.

Одним из основных источников пополнения коллекции были дары. «Лицедействующей братии», по словам антиквара М.М.Савостина, идея Бахрушина о создании театрального музея так пришлась по душе, что многие «безданно и беспошлинно» присылали ему в подарок редкие фотографии, автографы, мемориальные вещи. Притоку даров способствовали и снискавшие немалую популярность в театральных кругах Москвы «Бахрушинские субботы». На «огонек» к Бахрушину собирались известные актеры и режиссеры: здесь бывали А.И.Южин, А.П.Ленский, М.Н.Ермолова, Г.Н.Федотова, Ф.И.Шаляпин, Л.В.Собинов, К.С.Станиславский, В.И.Немирович-Данченко. По сложившейся традиции сюда являлись не с пустыми руками. Так, прославленная актриса Малого театра Г.Н.Федотова передала Бахрушину все свои реликвии и памятные подарки, полученные за годы сценической жизни.

Свой музей А.А.Бахрушин называл литературно-театральным. В обширном и многообразном его собрании выделялись три раздела — литературный, драматический и музыкальный.

В литературном разделе были собраны редкие издания пьес Я.Б.Княжнина, А.П.Сумарокова, А.С.Пушкина, А.С.Грибоедова, Н.В.Гоголя, А.Н.Островского. Немалый интерес представляли и сочинения по истории театра, театральные альманахи, журналы, сборники. Здесь были письма, записные книжки, дневники известных деятелей отечественной культуры: А.С.Грибоедова, И.И.Лажечникова, М.М.Хераскова, Н.В.Гоголя, А.Н.Верстовского, А.Ф.Писемского, П.А.Каратыгина, Н.Г.Помяловского. Коллекция рукописей включала свыше тысячи наименований.

В драматическом разделе были собраны декорации, афиши и программы, портреты и скульптурные изображения актеров и драматургов, предметы театрального быта. Среди произведений декораторов хранились работы двух крупнейших театральных художников конца XIX— начала XX в. — К.А.Коровина и А.Я.Головина. Были здесь и народные картинки с изображениями «бесовских потех».

Особую ценность представляли личные вещи многих прославленных актеров, в частности В.Н.Асенковой, А.П.Ленского, М.С.Щепкина, П.М.Медведева. У Бахрушина была полная обстановка кабинета В.Ф.Комиссаржевской, гримерная К.А.Варламова. Изюминка собрания — коллекция балетных туфелек со времен Тальони до Павловой. А также подношения актерам: юбилейные венки, поздравительные ленты, адреса, бенефисные подарки.

В драматическом разделе находилась, кроме того, изумительная по богатству портретная галерея: здесь рисунки, гравюры, литографии, живописные и скульптурные произведения, большая коллекция фотографий, причем не только отдельные портреты актеров, но и большое число запечатленных фотографами сцен из спектаклей.

Театральный быт представлен предметами, сопутствующими завзятым театралам, в том числе — уникальной коллекцией зрительских трубочек и театральных биноклей.

Музыкальный отдел состоял из инструментов разных времен и народов: славянские гусли, румынская кобза, европейская мандолина, китайская флейта и даже африканские трубы.

Бахрушинское собрание приобрело широкую известность. К нему обращались ученые, историки театра, издатели, режиссеры. И все получали здесь необходимые материалы и советы. Свою коллекцию Алексей Александрович не раз представлял на выставках — к юбилею П.С.Мочалова (Москва, 1896), Всемирной выставке в Париже (1900), Первой русской театральной выставке в Петербурге (1908), Второй русской театральной выставке в Москве (1909). Когда в 1899 г. в Ярославле отмечалось 150-летие русского театра, выставка, подготовленная к этому юбилею, почти на треть состояла из экспонатов бахрушинского собрания.

Музей размещался в особняке владельца на Лужнецкой улице. Еще при закладке дома хозяин предусмотрел для размещения коллекций три полуподвальные большие комнаты. Однако когда строительство было завершено и музейные комнаты заполнились экспонатами, то вскоре и все остальные помещения полуподвала оказались переполненными театральной стариной. «Затем дело дошло до жилого верха, постепенно превращавшегося в музей, — вспоминал сын коллекционера, — потом начали сворачиваться служебно-хозяйственные комнаты, за ними последовали детские апарта-

менты, был занят коридор, буфетная и, наконец, даже конюшня и каретный сарай. Не надо забывать при этом, что с 1913 года дед отдал в распоряжение отца соседний дом, в котором когда-то я родился, и он был также забит вещами, книгами и прочими материалами» (1, с. 161).

Верным помощником в собирательской деятельности А.А.Бахрушина была его жена Вера Васильевна. Она приводила в порядок газетные вырезки, афиши, программы, помогала отбирать вещи на выставки, устраивать экспозиции.

Собрание Бахрушина стало столь обширным, что владелец начал задумываться о его дальнейшей судьбе. Алексею Александровичу хотелось сделать его достоянием Москвы. «Как гласный Думы он предложил передать свой музей в собственность Московского городского самоуправления. Но маститые отцы города, лишь заслышав об этом, стали всячески отмахиваться от этой напасти. «Что вы?! Мы с третьяковским и солдатенковским собраниями достаточно горя хлебнули. А тут вы еще с вашим! Увольте, Христа ради!..» Отец был в отчаянии — огромное собрание, уже тогда стоившее сотни тысяч, предлагаемое бесплатно государственным учреждениям, оказывалось никому не нужным. Сломить чиновничью косность оказалось невозможным», — вспоминал Ю.А.Бахрушин (1, с. 560).

К счастью, в 1909 г. бахрушинским музеем заинтересовалась Академия наук. 25 ноября 1913 г. состоялся торжественный акт передачи музея Академии наук. Было создано Правление музея во главе с жертвователем, признававшимся пожизненным почетным попечителем музея. С этого времени музей стал носить имя основателя.

Алексей Александрович Бахрушин оставался во главе музея и после 1917 г., до самой смерти.

А.А.Бахрушин умер в подмосковной усадьбе Горки близ станции Апрелевка Киевской железной дороги 7 июня 1929 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Музей, созданный А.А.Бахрушиным, существует и поныне (ул. Бахрушина, д. 31/12). Он как и прежде располагается в старом здании. Это одна из немногих коллекций старой Москвы, уцелевшая до наших дней.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994.

2. Бахрушин Ю. 1-й русский театральный музей // Казанский музейный вестник. — 1922. — N 1. — С. 22—26.

3. Брянский А.М. Памяти А.А.Бахрушина // Красная панорама. — 1929. — N26.

4. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 134—138.

5. Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 278—323.

6. Леонова Е.Н. А.А.Бахрушин — создатель театрального музея // По страницам театральных рукописей: Из фондов Театрального музея имени А.А.Бахрушина. — М., 1988. — С. 15—40.

7. Прыгунов М. Государственный театральный музей им. А.Бахрушина // Временник Русского театрального общества. — М., 1924. — С. 263—269.

8. Рототаев А. Жизнь, отданная театру // Театр. — 1965. — N 5. — С. 117—125.

9. Филиппов В., Медведев Б. Театральный музей имени А.А.Бахрушина. — М., 1955.

БАХРУШИН Алексей Петрович

(1853—1904)

А.П. Бахрушин — купец, меценат, библиофил, собиратель русской старины. Двоюродный брат Алексея Александровича Бахрушина.

Родился в Москве 22 апреля 1853 г. в купеческой семье. Окончил частный пансион Э.Х.Репмана и с 1870-х гг. занимался коммерческой деятельностью: был одним из совладельцев фирмы «Товарищество кожевенной и суконной мануфактуры А.Бахрушин и сыновья».

Выросший в старой, еще сказочно богатой историческими памятниками и воспоминаниями Москве, А.П.Бахрушин рано проявил интерес к книгам и древностям. Первые приобретения были им сделаны в 1878 г. И с тех пор каждое воскресенье он проводил на Сухаревском толкучем рынке, в ряду антикваров. В поисках старинных вещей и рукописей Алексей Петрович по многу раз обошел все московские и подмосковные монастыри, лично познакомился едва ли не со всеми антикварами, букинистами и просто любителями старины. Не случайно именно ему принадлежит заслуга создания своеобразной «энциклопедии» частного собирательства России начала XX в. Это знаменитая в кругах коллекционеров книга «Из записной книжки. Кто что собирает», вышедшая в свет уже после смерти автора, в 1916 г.

Журнал «Голос минувшего» писал об этой книге: «Труд А.П.Бахрушина отличается интимностью и говорит о человеке, сумевшем закрепить, по одним воспоминаниям, многое ценное и интересное. «Кто что собирает» прочтется, несомненно, с неослабевающим интересом самими собирателями, библиофилами и всеми теми, кто интересуется личностью и трудами подобных деятелей. Но мало того, работа А.П.Бахрушина может стать источником для исследователей, историков русской культуры и искусства» (13, с. 300).

«Заметки о собирателях, — продолжал тот же рецензент, Н.В.Некрасов, — дают возможность нарисовать и портрет самого их автора. Это был не только страстный коллекционер, хорошо сознававший, что ис-

тинное собирательство как бы часть души собирателя, но требовавший серьезного отношения к делу и видевший в таком деле общественное служение, конечная цель которого — принесение в дар обществу своих сокровищ» (13, с. 301).

Вот как характеризует в этой книге Алексей Петрович себя самого: «Этот человек теряет сон и аппетит, если увидит хорошую вещь (какую бы то ни было) в чужих руках, тотчас же старается ее приобресть, в этом отношении он очень завистливый человек» (1, с. 4). Один из современников писал о нем: «Не любит, избегает общественного шума, весь погружен в свое любимое дело и живет словно на луне или, сказать вернее, в прошлых веках» (8, с. 2).

Собрание А.П.Бахрушина было на редкость разнообразно. В числе сокровищ сам владелец выделял медали, миниатюру на кости, гравюры, литографии, рисунки, фарфор, стекло и майолику. Этот перечень можно продолжить: древнерусское шитье, изделия из бисера, иконы, картины, рисунки карандашом, пером, гуашью и акварелью.

В коллекцию входили также изделия из бронзы: маска Петра Великого, бюст Петра I работы А.М.Опекушина, ампирные вазы, канделябры.

В живописной коллекции находился такой раритет, как портрет Петра I в голландском матросском костюме. Из коллекции фарфора владелец особенно дорожил изделиями русских фабрик второй половины XIX в. Среди них выделялось около тридцати фарфоровых фигурок фабрики Гарднера, изображавших «народности России».

Привлекал собирателя и русский рисованный лубок. Нелишне отметить, что ядром крупнейшего собрания рисованных народных картинок, принадлежащего Государственному Историческому музею, явилась именно коллекция А.П.Бахрушина. В ее составе такие выразительные листы, как «Райская птица Сирин» (первая половина XIX в.), «Душа чистая» (конец XVIII в.), «Древо разума» (1816), «Толкование премудрого льва, царя греческого» (вторая половина 1890-х гг.), «Райская птица Алконост» (1845). Часть художественной коллекции составляли живописные полотна, но таковых, по признанию владельца, было немного.

Ценнейшей частью собрания А.П.Бахрушина была портретная галерея коллекционеров, собирателей и антикваров. В ней насчитывалось 349 портретов (изображения 330 лиц), в том числе 76 гравюр, литографий, фототипий, фотографий с литографий и 273 фотографии с натуры (почти все «кабинетного» размера). Портреты были помещены в пять альбомов в дорогих переплетах с золотым тиснением на обложках: «Московские коллекционеры 1894» (72 портрета), «Наши коллекционеры 1895» (53 портрета), «Наши книголюбы 1897» (100 портретов), «Московские букинисты и антиквары 1899» (79 портретов), «Наши книголюбцы 1899» (45 портретов). В этой галерее представлены художник и коллекционер И.К.Айвазовский, самарский краевед П.В.Алабин, «покровитель русской старины и художеств» император Александр III, собиратель книг по истории зодчества архитектор Н.И.Артлебен, букинист А.А.Астапов, собиратель рукописей Е.В.Барсов, коллекционер живописи Д.П.Боткин, собиратель Г.А.Брокар, псковский любитель художественной старины В.И.Власов и многие другие.

Особое пристрастие питал А.П.Бахрушин к книгам. Начало его библиотеке было положено в 1872 г. приобретением «Сборника рукописей, пред-

ставленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» (Спб., 1872, Т.1). В его знаменитой на всю Москву библиотеке в начале нашего века насчитывалось около тридцати тысяч томов, которые сам владелец разделил на тридцать три отдела. Каких только изданий не хранили книжные шкафы! Золотым тиснением отливали тысячи корешков книг, посвященных истории, географии, археологии и этнографии России, редчайшие справочники и библиографические указатели, путеводители по городам и монастырям.

«Библиотекой в библиотеке» можно назвать собрание книг о Москве. Рядом хранилась превосходная и отменная по полноте коллекция гравюр с видами Москвы XVIII—XIX вв., насчитывавшая до четырехсот листов, а также подборка старинных планов города. А.П.Бахрушин собрал почти всю литературу по истории музейного дела в России, и в частности, о московских музеях, коллекциях, древлехранилищах.

Для размещения домашнего музея и библиотеки А.П.Бахрушин отвел лучшие комнаты на втором и третьем этажах своего особняка на Воронцовом поле. Вдоль стен здесь возвышались массивные дубовые шкафы, переполненные редчайшими изданиями, посредине комнаты и у стен стояли застекленные витрины, в которых хранились миниатюры, наиболее ценные рукописи, медали, печати, табакерки. В больших папках и ящиках — планы городов, старинные карты, виды монастырей и храмов, собрание рисунков. В нескольких папках — изображения Москвы в памятном 1812 г.

«У меня в библиотеке, — признавался Алексей Петрович в письме к библиофилу Н.Ф.Бокачеву от 23 февраля 1900 г., — яблоку негде упасть: везде книги, папки, опять книги, опять папки, и так далее, — свободного же места нет, да и быть не может: книги все прибывают и прибывают...» (1, с. 72).

Дважды в месяц, по вторникам, хозяин принимал у себя друзей и единомышленников — историков И.Е.Забелина, М.И.Семевского, П.И.Бартенева, хранителя Оружейной палаты В.К.Трутовского, хранителя Российского Исторического музея А.В.Орешникова, библиофилов А.И.Шувалова, К.М.Соловьева, Д.В.Ульянинского, собирателя гравюр С.П.Виноградова. В «книге посетителей» бахрушинского дома оставили автографы многие видные представители творческой интеллигенции конца XIX—начала XX в.: писатели В.А.Гиляровский и С.Д.Дрожжин, художники А.М.Васнецов и В.В.Переплетчиков, скульптор С.М.Волнухин, архитектор И.Е.Бондаренко, ученые Д.Н.Анучин и А.Н.Веселовский.

«Купец Алексей Петрович Бахрушин, — отмечал в 1891 г. М.И.Семевский, — самородок; в нем, кроме занятия непосредственно ему принадлежащим торговым и фабричным делом, развита любовь к художеству, к истории, к библиофильству. Я любовался его библиотекой, в которой соединено до 9-ти тысяч томов книг, и все это с любовью и заботливо описано; я видел у него громаднейший альбом фотографических снимков достопримечательностей и святынь Москвы и многих других городов России. В витринах заботливо собраны автографы и различные предметы, напоминающие тех или других достопамятных исторических лиц» (14, с. 442).

Глубокий интерес А.П.Бахрушина к памятникам старины и искусства, истории книги, библиографии обусловил его участие в деятельности многих общественных организаций: Общества любителей древней письменнос-

ти, Общества любителей русского исторического просвещения, Русского общества книжных знаков, Московского библиографического кружка, Владимирской и Симбирской ученых архивных комиссий.

Влюбленный в памятники русской старины, Алексей Петрович на свои средства подготовил к печати альбом «Ризница ставропигиального Симонова монастыря» (М., 1895).

А.П.Бахрушин умер в Москве 25 июня 1904 г. Похоронен на кладбище Симонова монастыря.

В 1904 г. все собрание А.П.Бахрушина, оценивавшееся в 140 тысяч рублей, согласно его духовному завещанию поступило в Императорский Российский Исторический музей, где было создано два зала его имени. Фонды музея обогатились коллекциями предметов быта (около 1900 единиц, в том числе уникальные изделия, шитые бисером), церковных древностей (иконы, финифть, древнерусское шитье), коллекцией фарфора и фаянса (около 200 предметов). Сюда же поступило собрание портретов государственных деятелей и русского дворянства (около 300 единиц).

Бахрушинская библиотека в конце 1930-х гг. была передана во вновь формировавшуюся Государственную публичную историческую библиотеку.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает./ Прим. М.Цявловского. — М., 1916.

2. Бахрушин А.П. Материалы для «Словаря библиофилов» // Антиквар. — 1902. — N 2. — С. 63; N 3. — С. 102; N 7. — С. 226.

3. Бахрушин А.П.: Некролог // Известия книжных магазинов товарищества М.О.Вольф. — 1904. — N 8—9. — С. 114, 116.

4. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 65, 84, 109, 112, 142, 148—149, 522, 559.

5. Белов А.М. Частные книгохранилища и музеи в Москве // Литературный вестник. — 1901. — Т.1, кн. 2. — С. 143—148.

6. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 134—138.

7. Думова Н.Г. «Профессиональные благотворители». Алексей Александрович Бахрушин. 1865—1929. Алексей Петрович Бахрушин. 1853—1904. // Краеведы Москвы. — М., 1991. — Вып. 1. — С. 132—146.

8. [Ежов Н.М.]. Не-фельетонист. Интересный уголок // Новое время. — 1900. — 1 апреля (N 8655). — С.2.

9. Иваск У.Г. Памяти Алексея Петровича Бахрушина: Из воспоминаний библиофила. — М., 1904.

10. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 3. — N 101.

11. Каталог книг библиотеки Алексея Петровича Бахрушина. — М., 1911—1912. — Вып. 1—3.

12. Молодцова Т.И. Библиотека А.П.Бахрушина // Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов. К 50-летию Гос. публичной исторической библиотеки РСФСР. — М., 1987. — Ч. 1. — С. 64—71.

13. Некрасов Н.В. Из записной книжки А.П. Бахрушина: Кто что собирает. М., 1916 // Голос минувшего. — 1917. — N 2. — С. 299—302.

14. Семевский М.И. Путевые очерки и заметки при поездке по России в 1891 г. // Русская старина. — 1892. — Май. — С. 442—444.

БЕКЕТОВ Платон Петрович

(1761—1836)

С миниатюры неизвестного художника.

П.П. Бекетов — издатель, историк, иконограф, собиратель портретов русских деятелей, рукописей и монет.

Родился в Симбирске 11 ноября 1761 г. в дворянской семье. Учился в частных пансионах Симбирска и Казани со своим двоюродным братом баснописцем Иваном Ивановичем Дмитриевым. Спасаясь от пугачевского бунта, семья Бекетовых переехала в Москву. Здесь Платон Петрович Бекетов в 1774—1776 гг. продолжил учебу в пансионе И.М.Шадена, где подружился с Николаем Михайловичем Карамзиным, своим дальним родственником, будущим известным историком.

В шестилетнем возрасте был записан в гвардию капралом. В 1776—1788 гг. служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Оставив военную службу, в 1791 г. поступил в Герольдмейстерскую контору при Сенате. В 1798 г. вышел в отставку. Поселился в Москве, всецело посвятив себя собиранию и изданию портретов и книг.

«Переехав в Москву в 1798 г., — писал его биограф П.К.Симони, — и отказавшись от шумной светской жизни, он как истинный патриот и москвич, по примеру многих других, увлекся собиранием старинных славяно-русских рукописей, бумаг исторического содержания, рукописей с изображениями (лицевых) и исторического характера по преимуществу, автографов и портретов и всякого рода изображений русских замечательных деятелей» (13, с. 161).

«Как страстный любитель особенно портретов, — продолжал тот же автор, — П.П.Бекетов неустанно разыскивал русские портреты, как живописные, так и гравированные, и составил план целого издания русской исторической иконографии. С течением времени ему удалось собрать даже целую картинную галерею портретов русских исторических деятелей, а также громадную по численности и замечательную по чистоте

отпечатков гравюр, рисунков и т.д., среди которых, конечно, более всего иностранных. На изучении последних Бекетов и воспитал свой художественный вкус» (13, с. 161).

Бекетов завел в своем доме собственную типографию, которой было суждено стать лучшей в Москве. С 1801 г. стал издавать книги и портреты. Бекетовские издания выгодно отличались тщательностью редакции, изысканным оформлением, использованием красивых и четких шрифтов. При этом шрифты отливались в собственной словолитне.

Стараниями Бекетова подготовлены к изданию и выпущены в свет сочинения его современников А.Н.Радищева, Д.И.Фонвизина, И.И.Дмитриева, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, Н.И.Гнедича, И.Ф.Богдановича, М.М.Хераскова. Всего было осуществлено 105 изданий, преимущественно на русском языке и русских авторов. Он также был одним из издателей журнала «Друг Просвещения».

Эти издания продавались в его собственной книжной лавке, получившей широкую известность как своеобразный клуб московских писателей.

Но более всего Платон Петрович отдавался своему излюбленному занятию: терпеливо разыскивал живописные и гравированные портреты знаменитых россиян для задуманной им печатной портретной галереи. Собиратель готов был пожертвовать всем для пополнения своей коллекции. Бекетов первым из коллекционеров систематически стал собирать портреты русских деятелей и издавать их в виде гравюр.

Стремясь к предельно точному воспроизведению в своих изданиях оригиналов, Бекетов создал у себя на дому школу пунктирных граверов. Под руководством академика Николая Ивановича Соколова опытные мастера обучали крепостных Платона Петровича. В общей сложности в мастерской «пунктирной манерой» было изготовлено более трехсот досок. Хотя современниками эти гравюры не всегда высоко оценивались с художественной точки зрения, все отдавали им должное как памятникам иконографии, ибо те были достаточно достоверны.

В 1801 г. П.П.Бекетов приступил к осуществлению своей давнишней мечты: из его типографии вышла книга «Пантеон российских авторов». На ее страницах были опубликованы портреты Бояна, Нестора, Никона, Артамона Матвеева, царевны Софии Алексеевны, Феофана Прокоповича, Симеона Полоцкого, Михаила Ломоносова, общим числом двадцать, с приложением биографий, специально написанных Николаем Карамзиным.

Достаточного количества подписчиков на это издание не нашлось, и Бекетов вынужден был приостановить издание портретов. Тем не менее он продолжал по-прежнему собирать их, изучать, систематизировать, обдумывать планы будущих изданий.

В 1812 г., во время французского нашествия, усадьба П.П.Бекетова сильно пострадала. Сгорели типография, словолитня, книжная лавка.

В 1821 г. Бекетов возобновил издание портретов. Он подготовил первую часть, посвященную деятелям XVII—начала XVIII в. (предполагалось выпустить пять частей по 50 портретов в каждой). В 1824 г. вышла в свет первая часть с пространным названием «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям или коих имена по чему другому сделались

известными свету, в хронологическом порядке, с приложением их кратких жизнеописаний». Она стала величайшей библиографической редкостью. К сожалению, издание не имело успеха и было приостановлено. Издано, таким образом, всего 70 портретов.

За свою просветительскую и научную деятельность П.П.Бекетов был избран почетным членом Московского университета и ряда научных обществ. Известный почитатель русской старины, он являлся одним из учредителей и председателем Общества истории и древностей российских, был «душой и двигателем его», в трудах Общества опубликовал ряд своих сочинений.

Первоначально Бекетов жил на Мясницкой улице. После смерти отца он, получив большое наследство, приобрел громадную усадьбу на Рождественке, где и были устроены типография, словолитня, книжная лавка. По свидетельству С.Н.Глинки, «зала его была увешана портретами с краткими жизнеописаниями Карамзина» (13, с. 161).

После 1812 г. Платон Петрович жил на даче близ Симонова монастыря. Последние годы жизни Бекетова прошли в крайней бедности. Его имущество «состояло в ветхом доме, в русской библиотеке, в уцелевшем портфеле с любимыми эстампами, в десятке или побольше заимодавцев и в куче рукописей» (1, с. 533—534).

П.П.Бекетов умер в Москве 6 января 1836 г. и был погребен в Новоспасском монастыре «близ соборной церкви, с южной стороны» (12, с. 94).

Драгоценнейшее собрание портретов — несколько сот листов — и десятки картин перешли в собственность племянника, А.А.Бекетова, который стал их распродавать. К счастью, они попали в коллекции П.Ф.Карабанова (некоторые листы перешли в его собрание еще при жизни П.П.Бекетова), Н.Д.Иванчина-Писарева, М.П.Погодина, В.И.Касаткина (от него поступили к А.И.Барятинскому).

Через несколько лет после смерти П.П.Бекетова на чердаке его дома были найдены оттиски со многих досок. Причем некоторые портреты отпечатаны в большом количестве. Их приобрел библиофил и коллекционер И.М.Остроглазов.

306 награвированных медных досок в 1837 г. были куплены братьями Киреевскими, которым удалось как бы продолжить дело, начатое Бекетовым. В 1843 г. они издали «Портреты именитых мужей Российской Церкви» (40 портретов), а в 1844 г. — «Изображения людей знаменитых или чем-нибудь замечательных, принадлежащих по рождению или заслугам Малороссии» (42 портрета). Остальные доски пропали.

Немало книг из библиотеки П.П.Бекетова погибло при пожаре Москвы в 1812 г. Часть своих редких книг и рукописей владелец в 1815—1820 гг. принес в дар Обществу истории и древностей российских. Остальные рукописи после его смерти перешли к графу Ф.А.Толстому, а от него поступили в Императорскую Публичную библиотеку. Автографы Петра I приобрел собиратель М.Ю.Виельгорский (погибли в 1837 г. при пожаре Зимнего дворца). Личные бумаги Бекетова перешли к петербургскому коллекционеру П.Я.Дашкову.

Усадьба Бекетова на Рождественке сохранилась (д. 11), ныне здесь Московский Архитектурный институт.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Барсуков Н.П. Альбом автографов Н.Д.Иванчина-Писарева // Старина и новизна. — Спб., 1905. — Т. 10. — С. 533—534.*

2. *Бекетов П.П. // Русский биографический словарь. — Спб., 1900. — «Алексинский — Бестужев-Рюмин» [Т. 2]. — С. 663—664.*

3. *[Виноградов С.П.]. Собрание портретов, изданных П.П.Бекетовым. / Сост. С.П.Виноградов. — М., 1913.*

4. *Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 115, 118.*

5. *Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 3. — N 108.*

6. *Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн. 1. — С. 169, 247, 298, 397, 789; Т. 1, кн. 2. — С. 975, 982, 1162—1163, 1165, 1171, 1246—1247, 1401, 1404.*

7. *Кетов А.П. Отрывки из воспоминаний Бекетова // Щукинский сборник. — М., 1903. — Вып. 2. — С. 455—490.*

8. *Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. — М., 1912—1913. — Т. 1—5.*

9. *По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 102, 234.*

10. *Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т. 2. — С. 167.*

11. *Русские портреты XVIII—XIX столетий. — Спб., 1908. — Т. 4., вып. 5. — N 216.*

12. *[Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.]. Московский некрополь. — Спб., 1907. — Т. 1. — С. 94.*

13. *Симони П.К. П.П.Бекетов // Старые годы.— 1908. — N 2. — С. 104—110; N 3. — С. 160—165; N 4. — С. 221—237.*

БОДЕ-КОЛЫЧЕВ Михаил Львович

(1824—1888)

М.Л. Боде-Колычев — барон, историк, собиратель материалов по истории рода Колычевых.

Родился в Москве 17 декабря 1824 г. в семье обер-гофмейстера двора Его Императорского Величества Льва Карловича Боде. По своему происхождению принадлежал к одному из знатных российских родов. По отцовской линии род вел свое начало от французского дворянина, который в XVI в. вследствие гонений на протестантов бежал в Германию. Здесь его потомки были возведены в баронское достоинство Римской империи. Французская революция 1789 г. заставила род Боде переселиться сначала в Германию, а затем — в Россию. Первым русским подданным из рода Боде стал Карл Илларионович. Его младший сын, отец коллекционера, Лев Карлович, занимал при дворе высокое положение и в 1839 г. был признан в России иностранным бароном, а уже на следующий год Боде были причислены к баронам Российской империи.

Мать Михаила Львовича, Наталья Федоровна, происходила из рода Колычевых, который дал известного политического деятеля Федора Степановича Колычева, впоследствии — митрополита Филиппа, выступившего против опричнины Ивана IV и задушенного по его приказу, а позднее канонизированного Русской Православной Церковью.

Когда Михаилу Львовичу исполнилось пятьдесят лет, он, носивший фамилию отца — Боде, стал именоваться Боде-Колычевым: в 1875 г. по решению Государственного совета ему разрешили принять фамилию и герб Колычевых (такое право давалось для того, чтобы не пресекалась знатная фамилия, если род угасал по прямой мужской линии).

Получил хорошее домашнее образование. В 1838 г. его главным и единственным наставником стал только что окончивший университет Федор Иванович Буслаев, впоследствии — известный ученый-филолог. Разница в возрасте между учителем и учеником составляла всего шесть лет, и возникшая между ними дружба сохранялась почти полвека. Буслаев в мемуарах называл воспитанника «возлюбленным своим учеником». Ученик считал, что именно Буслаеву он обязан своей любовью к науке и исследованиям.

Восьми лет от роду знатный отпрыск был назначен пажем, а в 1839 г. зачислен в Пажеский корпус. С 1843 г. по выходе из Пажеского корпуса Михаил Львович стал служить, как и его отец, в придворном ведомстве, участвовал во всех торжественных церемониях (при коронации Александра II был церемониймейстером), дослужился до самого высокого чина — обер-гофмейстера. Одно время он был помощником начальника Оружейной палаты, а в 1865—1883 гг. являлся вице-президентом Комиссии для построения в Москве храма во имя Христа Спасителя.

Однако главным своим делом он считал занятия историей. Как вспоминал Федор Иванович Буслаев, «Михаил Львович полюбил науку, и полюбил страстно, доказал это на деле, занимаясь в течение всей своей

жизни собиранием, приведением в порядок, изучением и научною обработкою письменных источников русской старины и даже художественною реставрациею ее иконописных и монументальных памятников» (4, с. 136). Изыскания Боде-Колычева были связаны исключительно с изучением истории своего старинного рода.

Памятником многолетних исследовательских усилий Михаила Львовича стала публикация в 1887 г. монографии «Боярский род Колычевых». Это совершенно исключительная в своем роде книга, объемом почти в пятьсот страниц. Тут скрупулезно собраны разнообразные сведения, выдержки из исторических документов, характеризующие многих представителей знатного колычевского рода. Биография самого составителя под номером 361 венчает этот капитальный труд. Кроме того, здесь даны поколенные росписи рода, списки домов и усадеб Колычевых по всей России, всех населенных пунктов с названием «Колычево», всех церквей, сооруженных в честь митрополита Филиппа. Книга до сих пор входит в золотой фонд отечественной литературы по генеалогии.

Преклоняясь перед историей собственного рода, Михаил Львович задумал увековечить его в монументальных памятниках. По его проектам, чертежам и рисункам в подмосковной усадьбе Лукино по Смоленской дороге, близ станции Одинцово, был возведен самый настоящий каменный кремль. Выросший в Московском Кремле, где его отец наблюдал в свое время за сооружением Большого Кремлевского дворца и реставрацией царских теремов, с детства впитавший в себя очарование древнерусской архитектуры, Михаил Львович в стиле Древней Руси и воздвиг «родовой мемориал».

В середине XIX в. в Лукине были построены крепостные стены, глухие и проезжие башни, «боярские палаты», церковь—усыпальница, две часовни, а также мраморный обелиск, на четырех гранях которого выбито двадцать семь имен представителей рода Колычевых, погибших на полях сражений или принявших мученическую смерть. В создании мемориала принимал участие известный художник-археолог Ф.Г.Солнцев.

Едва ли не главной достопримечательностью Лукинского кремля стало специальное здание древлехранилища и музея. Здесь было показано все, что удалось разыскать Михаилу Львовичу в течение четвертьвековой исследовательской деятельности. В поисках исторических реликвий участвовала и его жена — Александра Ивановна Боде-Колычева (урожденная Черткова).

В первом помещении располагался архив. На полках в хронологическом порядке самым тщательным образом были расставлены рукописи, исторические документы в свитках и листах, письма, фамильные мемуары, книги. В богатом семейном архиве Колычевых хранились такие реликвии, как письма Петра Великого, Анны Иоанновны, Екатерины II, А.В.Суворова, С.Р.Воронцова, М.П.Нарышкиной, записка XVIII в. о кончине Екатерины II и др. Современников поражало выполненное на белоснежной стене здания и его сводах колоссальное генеалогическое древо рода Колычевых.

Вслед за архивом шел музей. Здесь также в хронологическом порядке были представлены предметы старины, связанные с именами многих по-

колений Колычевых и Боде. Надо отметить, что, приступая к составлению собственной родословной, Колычев стал разыскивать не только письменные документы, изустные предания, но и вещественные свидетельства, которые в конечном счете и привели к созданию уникального семейного музея.

Среди реликвий выделялась коллекция камзолов, которые носили Колычевы на протяжении всего восемнадцатого столетия. Здесь как драгоценные реликвии хранились подарки, полученные Колычевыми из рук царских особ: костяной очешник с барельефами мифологического содержания, дарованный Петром I, детские серебряные игрушки, пожалованные Елизаветой Петровной. Наиболее древними реликвиями рода Боде были арбалет и седло, восходившие тоже к XVIII в.

Федор Иванович Буслаев, неоднократно посещавший Лукино, отмечал: «...далеко выступая из пределов личного интереса фамильных воспоминаний, эти коллекции предлагают богатый материал для истории быта, костюмов, художественных изделий и вообще разных подробностей в обиходе частной жизни русского дворянства» (4, с. 151).

В большом двусветном зале главного двухэтажного дома усадьбы все стены от пола до потолка, в несколько рядов, были увешаны фамильными портретами. Это был самый настоящий семейный пантеон Колычевых. В одном из помещений дома на широких полках стояли бюсты античных богов, героев и исторических личностей. Здесь же сохранялись комплекты многих русских журналов начиная с XVIII в. Причем эти периодические издания стояли таким образом, чтобы ими могли пользоваться не только сами хозяева, но и их многочисленные гости.

Историческими памятниками была насыщена и старинная городская усадьба Боде-Колычева в Кудрине, на слиянии Поварской и Никитской. «Весь его громадный дом на Поварской представлял из себя не что иное, как музей средневековых достопримечательностей», — с почтением отмечал коллекционер Алексей Петрович Бахрушин (1, с. 45).

Однако доступ в эту сокровищницу был открыт только для родных и близко знакомых: исследователи, любители отечественной истории, собиратели и коллекционеры редко переступали порог великолепного особняка, и потому известно совсем мало описаний этого «семейного музеума». Особенную ценность представляли картинная галерея и коллекция старинного оружия.

М.Л.Боде-Колычев умер в Москве 22 марта 1888 г.; похоронен в фамильной усыпальнице в Лукине.

Семейный архив Боде-Колычевых попал впоследствии в РГАЛИ, ЦГАОР и ОР РГБ. Судьба коллекций, хранившихся в городской и в подмосковной усадьбах, до конца неизвестна. Еще при жизни Михаила Львовича некоторые предметы из родового собрания были подарены Российскому Историческому музею. Надо полагать, что это была относительно небольшая коллекция, так как о ней сохранились только глухие упоминания, не раскрывающие состава дара.

В 1919 г. часть вещей из усадьбы Лукино поступила в создававшийся Музей 1840-х годов. В мае 1919 г. этот музей был открыт, но уже в 1929 г. его ликвидировали. Фонды перешли в Государственный Исторический музей.

Особняк на Поварской сохранился (ныне д. 52). Сейчас здесь располагается Союз писателей. Московская легенда связывает этот дом с семейством Ростовых из романа «Война и мир». В частности, поэтому во дворе старинного особняка в 1958 г. был установлен памятник Л.Н.Толстому.

В усадьбе Лукино после 1917 г. разместился совхоз. Ныне находится в ведении Московского Патриархата.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. / Прим.М.Цявловского — М., 1916. — С. 44—45, 112—113.

2. М.Л.Боде-Колычев. Русский биографический словарь. — Спб., 1908. — «Бетанкур—Бякстер» [Т.3]. — С.159.

3. Боде-Колычев М.Л. Боярский род Колычевых, составленный Б.М.Л.Б.К. — М., 1886. — С.402—404.

4. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. — М., 1897. — С.131—155.

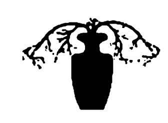
5. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С.177.

6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т.1, кн.2. — С. 1205.

7.Памятники архитектуры Москвы: Земляной город. — М., 1989. — С. 143—145.

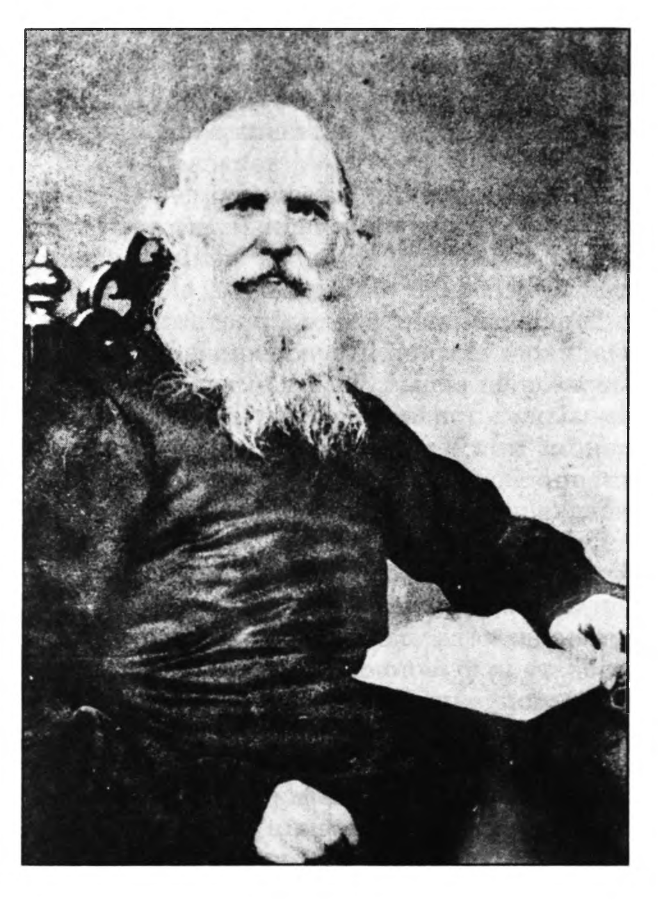
8. Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. — М., 1955. — С.267—268.

9. Ш.Б. [Шапошников Б.В.]. Бытовой музей сороковых годов // Среди коллекционеров. — 1923. — N 6. — С.62.



БОЛЬШАКОВ Тихон Федорович

(1794—1863)



Т.Ф.Большаков — купец, антиквар-букинист, собиратель рукописей, старопечатных книг, икон.

Родился 8 июня 1794 г. в городе Боровске Калужской губернии в семье старообрядца поповского согласия. В 1806 г. двенадцатилетним мальчиком был привезен в Москву к дяде и с тех пор навсегда поселился в этом городе.

Вначале он помогал дяде в торговле, а затем открыл свою лавку кожевенных товаров. Однако, увлекшись старинными духовными книгами, стал покупать рукописи, старопечатные книги, предметы церковного обихода и вскоре в той же кожевенной лавке на Варварке, в Нижнем Юхотном ряду, открыл антикварную торговлю. Ставшая вскоре широко известной, она почти в неизменном виде просуществовала в Китай-городе до 1881 г. Вслед за Тихоном Федоровичем Большаковым здесь долго работал его сын, Сергей Тихонович Большаков, тоже собиратель старины.

Антикварная лавка Большакова-старшего была открыта одной из первых в Москве. Как старообрядец он имел обширные связи по всей России. Это помогало ему получать рукописи для своего собрания буквально отовсюду. Особенно много таких поступлений приходило с Севера. В 1861 г. собиратель предпринял специальную поездку на Нижегородскую ярмарку, где приобрел большое количество книг и рукописей.

При непосредственном участии Тихона Федоровича формировались выдающиеся частные коллекции Н.П.Румянцева, Ф.А.Толстого, К.Ф.Калайдовича, П.М.Строева, В.М.Ундольского, С.Г.Строганова, А.С.Уварова, И.Н.Царского, К.Т.Солдатенкова, Ф.И.Буслаева и др. Особенно много рукописей (около двухсот) приобрел у него патриарх московского собирательства Михаил Петрович Погодин. Он часто приходил в большаковс-

кую лавку, и его портрет был помещен в ней на видном месте. А когда Погодин расставался со своим Древлехранилищем, то именно Тихон Федорович выступил посредником при продаже его собрания и именно он сопровождал знаменитую погодинскую коллекцию в Императорскую Публичную библиотеку.

К услугам Большакова нередко прибегали публичные библиотеки и музеи. Особенно много в его лавке приобретено рукописей для Румянцевского музея; там даже было устроено специальное хранилище с надписью «от Большакова».

Имя Тихона Федоровича часто встречается на страницах мемуарной литературы, посвященной старой Москве, антикварной торговле, частному собирательству. Все отзывались о нем с большим уважением и считали, что среди антикваров он был одним из лучших ценителей и знатоков рукописной книги.

«Такие своеобразные служители просвещения народного, — вспоминал о Большакове ученый П.А.Бессонов, — не облеченные ни в мундир просвещения, ни в чин, ни в охранительный диплом, ни даже в звание доктора, возможны только на Руси, и особенно в Москве» (4, с. 21).

Современники оставили нам словесный портрет собирателя: «Высокий, маститый, с пожелтевшею сединою старик, с необыкновенно умным и строгим лицом, с неспешною, серьезною речью. Он не зазывает, к нему и так все идут. Он не шаркает, не манит приветливою улыбкой, а почтительно ответит на поклон поклоном, примет всякого, хотя бы юношу-студента, и с первого разу заговорит о русской науке и словесности, преимущественно о старине, об отдаленной истории и древностях, о памятниках старины, этих рукописях и книгах» (4, с. 21).

О превосходном знании Большаковым церковнославянской, старопечатной книги ходили легенды. Он великолепно ориентировался в старинных шрифтах, заставках, знал имена многих издателей и творцов рукописей. Почти все крупные исследователи рукописной книги (П.М.Строев, К.Ф.Калайдович, М.П.Погодин и др.) получали от него ценнейшие сведения из области древнерусской письменности.

Т.Ф.Большаков внимательно следил за всей научной литературой, посвященной изучению книги, и сам занимался научными исследованиями. В частности, он предпринял составление свода «Творения Максима Грека» и сумел собрать 216 его сочинений. Не случайно Тихон Федорович был избран членом-соревнователем Общества истории и древностей российских (1848) и корреспондентом Императорской Публичной библиотеки (1853).

Почти полвека собирал Т.Ф.Большаков свою личную коллекцию: рукописи, старопечатные книги, иконы, бытовую и церковную утварь. Наиболее ценной частью его коллекции были рукописи: хронографы-летописцы, сборники старинных повестей, нотные сочинения. Одна из драгоценных жемчужин — лицевая рукопись XVI в. с житием Николая Чудотворца была роскошно оформлена, содержала 400 рисунков, что само по себе огромная редкость. Рукопись издана в 1882 г. Обществом любителей древней письменности.

Самую сокровенную часть своего собрания — духовные стихи и нотные рукописи — он мало кому показывал. Тихон Федорович превосходно

знал древнюю нотную грамоту «по крюкам» и сам замечательно исполнял произведения древнерусской музыки. Перед смертью, особенно дорожа этой частью своей коллекции, владелец подарил ее фольклористу П.А. Бессонову. «Вы собираете стихи с такой же любовью, как и я, и много уже успели, да притом и печатаете их для общей известности; мне жить недолго: вот вам собранье, берите, что вам надобно», — приводил позднее слова коллекционера П.А.Бессонов (4, с. 21).

В собрание Большакова входили также иконы и лицевое шитье. Иконы, как видно из печатного каталога собрания, восходили к XII—XIII вв. Особенно высоко оценивали современники шитую икону 1389 г. с изображениями Спаса Нерукотворного, предстоящих, ангелов и святых.

Было у него и небольшое собрание гравюр, которое он составил за счет изъятия из ветхих и испорченных книг.

Т.Ф.Большаков умер в Москве 19 декабря 1863 г.

На его смерть откликнулись многие газеты и журналы. «Едва ли кто из нашего купеческого сословия имел такую известность между русскими учеными и собирателями книг и вообще древностей, как покойный Большаков, — отмечала газета «Русские ведомости». — И недаром он пользовался этой известностью. Подобного знатока в книжном деле, в древних монетах и такого всестороннего начетчика в древней русской письменности, можно сказать, положительно еще не бывало между русскими людьми, обязанными своим развитием исключительно своей охоте и собственным усилиям. Едва ли какое ученое общество и даже едва ли кто из русских ученых, издателей и особливо собирателей обходились без содействия покойного, и едва ли кто был радушнее его и сообщительнее» (12, с. 3).

Антикварную лавку, библиотеку и собрание Т.Ф.Большакова унаследовал его сын, Сергей Тихонович. Желая сохранить лучшую и наиболее ценную часть отцовской библиотеки, он предложил Румянцевскому музею приобрести 210 рукописей. Все они, по оценке специалистов, могли быть отнесены к категории уникальных. Впоследствии сюда поступили и другие рукописи из большаковского собрания. Так что сегодня Российская государственная библиотека является хранительницей 435 рукописей из некогда знаменитого московского собрания.

В 1890 г. на выставку при Восьмом археологическом съезде Сергей Тихонович представил оставшуюся часть коллекции отца — рукописи, старопечатные книги, иконы, бытовые вещи XVII—XVIII вв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая выставка в Москве: Собрание Т.Ф.Большакова. — М., 1890. — С. 1—3.

2. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. / Прим. М.Цявловского — М., 1916. — С. 57, 117—122.

3. Бердников И.Д. Каталог собрания рукописей Т.Ф.Большакова. — М., 1874 — 1879.

4. Бессонов П.А. Тихон Федорович Большаков: Некролог // День. — 1863. — N 52 [30 декабря]. — С. 20— 21.

5. Большаков Т.Ф. // Русский биографический словарь. — Спб., 1908. —«Бетанкур — Бякстер» [Т. 3]. — С. 207—208.

6. Георгиевский Г.П. Рукописи Т.Ф.Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музеях. — Пг., 1915.

7. Заболотских Б.В. Книжная Москва. — М., 1990. — С. 80—82.

8. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России : Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 3. — N 144.

9. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т.1, кн. 2.— С. 1270, 1276, 1322.

10. Купец Большаков: Некролог // Русские ведомости. — 1863. — N 51 [28 декабря]. — С. 8.

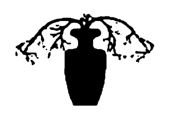
11. Травкин С.Н., Рыков Ю.Д. Собрание Т.Ф.Большакова // Рукописные собрания Гос. библиотеки СССР им. В.И.Ленина: Указатель. — М., 1983. — Т.1, вып.1. — С. 77—83.

12. У. Большаков Т.Ф.: Некролог // Московские ведомости. — 1863. — N 279 [22 декабря]. — С. 3. — Столб. 3.

13. Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля. — М.; Л., 1925. — С. 203—204.

14. Шибанов П.П. Полвека со старой книгой и ее друзьями // Книга: Исследования и материалы. — М., 1972. — Вып. 24. — С. 138—141.

15. Юбилей антикварной фирмы // Новое время. — 1886. — N 3782 [9 (21) сентября]. — С. 2. — Столб. 7.



БОТКИН Дмитрий Петрович

(1829—1889)

Д.П. Боткин — купец, собиратель живописи и графики западноевропейских и русских художников XIX в.

Родился в Москве 12 сентября 1829 г. в просвещенной купеческой семье чаеторговца Петра Кононовича Боткина. Отец будущего собирателя, московский первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин Москвы, был выходцем из посадских людей города Торопца. Образования не получил, но тем не менее сумел преуспеть в торговле — являлся, по словам мемуариста П.А.Бурышкина, «пионером чайного дела в России». Он был весьма состоятельным человеком, отличался большим умом и симпатизировал образованным людям. С ним встречались А.С.Пушкин, А.В.Кольцов, И.И.Панаев, Т.Н.Грановский.

Домашняя атмосфера способствовала пробуждению у детей Петра Кононовича Боткина (в семье было 9 сыновей и 5 дочерей) любви к знаниям, к искусству. Все они получили хорошее образование, прославились на всю Россию. «Дети основателя фирмы, — вспоминал художник М.В.Нестеров, — были люди умные, даровитые, удачливые. Одни отличались большим благородством, прямотой характера, другие были с хитринкой, как говорили москвичи — «с приглупинкой» (11, с. 505). Старший брат, Василий Петрович, стал известным публицистом и литературным критиком. Сергей Петрович прославился в области медицины, Михаил Петрович избрал путь художника.

С четырехлетнего возраста, более трех десятилетий, Д.П.Боткин жил в доме отца в Петроверигском переулке (ныне д. 4). Здесь бывали знаменитые писатели, художники, актеры. Эта культурная среда благотворно повлияла на становление характера Дмитрия Петровича, на формирование его жизненных интересов. Большую роль в его воспитании сыграл

старший брат Василий. Почти все братья Боткины стали коллекционерами.

Д.П.Боткин с 1870 г. вместе с братом Петром Петровичем возглавлял Товарищество чайной торговли «П.Боткина сыновья». К этому времени фирма имела 30 отделений в России и филиал в Лондоне.

Д.П.Боткин долгие годы был в дружбе и переписывался с художником и коллекционером Алексеем Петровичем Боголюбовым. Они нередко оказывали друг другу помощь в приобретении произведений для личных коллекций. Так, например, в 1879 г. в письме от 6 января Боголюбов сообщает Боткину из Парижа о том, что французский художник Жан Поль Лоранс исполнил для него картину «Бернар Делисье», и делится своим мнением: «...впечатление от всей картины превосходное! Поздравляю Вас с этим прекрасным приобретением» (12, с. 93). И в этом же письме автор просит сообщить суждение о картине К.Тройона «Бараны», которую он отправил С.М.Третьякову. В письме от 9 февраля того же года Боголюбов сообщил Боткину, что 16 числа намерен отправить картину Лоранса Боткину в Москву.

Дмитрий Петрович целиком разделял желание А.П.Боголюбова создать художественный музей не только в Саратове, но и в других городах России. Он выражал готовность пожертвовать во вновь создаваемые галереи произведения из собственного собрания.

На московский адрес Д.П.Боткина А.П.Боголюбов отправлял произведения искусства, предназначавшиеся для саратовского Радищевского музея.

Дмитрий Петрович стал коллекционером в молодые годы. По словам писателя П.Д.Боборыкина, Д.П.Боткин «давно, еще в первой молодости, сделался любителем искусства и стал приобретать картины в частные свои поездки за границу, в особенности в Париж, где все известные продавцы картин знают его прекрасно... Видно, что хозяин сам давно занимается нелегким делом толкового и любящего покупщика картин, что он каждую картину облюбовал, не действовал зря, не накидывался только на модный сюжет или на эксцентричность. Его вкус сказывается и в том, что он приобретал, за хорошие деньги, картины таких художников, которые пятьдесят лет спустя были признаны первоклассными мастерами» (14, с. 386—387).

Дмитрий Петрович покупал вещи на аукционах (в Париже, Вене), в антикварных лавках (у парижских торговцев Дюран-Рюеля, Пети, Гупиля, Тедеско, у берлинского антиквара Лепке, у лондонского — Гембара), при распродаже собраний (Борисовского, А.Ф.Марка, Смирнова, В.А.Кокорева), непосредственно у художников (В.Г.Перова, А.А.Харламова, А.А.Риццони, А.А.Иванова, Е.Э.Дюккера, Knауса, Плокгорста, Берн-Белькура).

Дважды (в 1875 и 1882 гг.) публиковались каталоги собрания Д.П.Боткина. Особенно подробным был каталог, составленный любителем и знатоком живописи Д.В.Григоровичем. Все произведения были сгруппированы по школам, о каждой картине сообщались авторство, дата создания, сюжет, колорит, манера, а также время и место приобретения. В 1875 г., судя по каталогу, в собрании насчитывалось 90 картин. К 1881 г. их стало больше ста. Основу коллекции составляли полотна западноевропейских

художников. Тут были почти все школы живописи: французская, итальянская, немецкая, бельгийская, голландская, австрийская, испанская, швейцарская, шведская и даже американская.

Особенно хорошо представлена французская живопись — работы крупных мастеров, творивших в 1820—1870-х гг.: Добиньи («Сумерки»), Коро («Берега Сены»), Курбе («Отлив»), Милле («Овчар»), Т.Руссо («Речка в лесу»), Ф.Руссо («Обезьяна-фотограф»), Тройона («Белая корова», «Стадо на отдыхе»).

На втором месте стояла немецкая школа: полотна О.Ахенбаха («Вид на Сорренто»), А.Ахенбаха («Вход в Остендскую гавань в бурное время», «Мельница»), Кнауса («Преждевременное развитие»), Маккарта («Женщина в белом капоте»).

Хотя владелец не собирал специально картины русских живописцев, однако со временем и их оказалось у него немало. Отечественная школа была представлена в его собрании именами известных мастеров: А.А.Иванова (вариант-повторение «Явления Христа народу» и этюд к картине «Окрестности Рима»), В.Г.Перова («Учитель рисования») и И.Н.Крамского (портрет С.С.Боткиной, жены коллекционера). Были у него также картины кисти В.Д.Поленова, В.В.Верещагина, В.В.Харламова, А.А.Рицциони. Особенно высоко чтил владелец картину своего друга художника А.П.Боголюбова «Английский бот» (приобретена в 1882 г. на Третьей периодической выставке Московского общества любителей художеств).

Кроме того, Дмитрий Петрович имел неплохое собрание акварелей и рисунков.

Д.П.Боткин был родственником и близким другом П.М.Третьякова, помогал ему в собирательстве, участвовал в приобретении некоторых картин. Он принес в дар Третьяковской галерее полотно Ф.А.Васильева «После грозы».

До 1867 г. собрание Д.П.Боткина находилось в Петроверигском переулке в отцовском доме. В 1867 г. он приобрел усадьбу на Покровке, принадлежавшую ранее банкиру и коллекционеру А.Ф.Марку. Главный дом проектировал архитектор А.С.Каминский. Особенно пышную отделку получили залы, в которых впоследствии была устроена картинная галерея — так называемые картинные комнаты. Галерея Боткина во второй половине XIX в. представляла собою одну из московских достопримечательностей. О ней упоминалось во многих путеводителях по городу в одном ряду с Третьяковской и Солдатенковской галереями.

Собрание Д.П.Боткина отличалось от других московских художественных коллекций тем, что в нем были представлены преимущественно современные живописцы; «страсти к историческим коллекциям, — как отмечалось в некрологе, — у покойного не было» (1). С этим частным художественным музеем могла сравниться разве что Кушелевская галерея в Петербурге. Оба этих собрания представляли в России своего времени крупнейшие коллекции новой западной живописи.

Подробное описание этого музея сделал в 1881 г. на страницах журнала «Вестник Европы» популярный русский писатель Петр Дмитриевич Боборыкин. «Дом снаружи, — писал он, — не особенно архитектурен, подъезд под воротами. Но стоит вам войти в сени, чтобы увидеть худо-

жественные вкусы хозяина... Картины помещаются в трех комнатах: двух салонах и кабинете хозяина, несколькими ступенями выше остального помещения. Оба салона по самой отделке своей стоят уже художественного интереса, в особенности второй, с обоями времен Директории. Первый салон больше и отделан в более строгом стиле» (14, с. 386).

По словам Боборыкина, наиболее замечательные полотна висели в кабинете собирателя. Почетное место занимало полотно В.Г.Перова «Учитель рисования».

Кроме картин в особняке Боткина были и другие художественные произведения. «В сенях, — продолжал П.Д.Боборыкин, — вы найдете прекрасную израсцову печку. На лестнице скульптурная группа, самая лестница обита ценными гобеленами. Первая комната, приемная, уставлена старыми немецкими и венецианскими вещами из резного дерева. Тут знаток проведет добрый час, рассматривая и любуясь этой небольшой коллекцией, с таким вкусом обставляющей комнату» (14, с. 386).

Коренной москвич, Дмитрий Петрович был широко известен своим радушием и гостеприимством. Галерею могли посетить все желающие. «Истинный любитель живописи и искренний дилетант, — отмечал один из современников, — всегда мог смело отправиться к Дмитрию Петровичу и получить любезное позволение осмотреть картины. Боткин лично вел посетителя в картинные комнаты и оставлял его там наслаждаться на свободе, не навязывая своего «чичеронства». Вообще он был чрезвычайно симпатичен в своем обращении и в этом смысле представлял собою образец истинного джентльменства» (1).

С 1877-го по 1889 г. Д.П.Боткин был председателем Московского общества любителей художеств; состоял членом Московского художественного общества. В 1884 г. его избрали почетным членом Академии художеств. Покровительствуя искусству, он передал 50 тысяч рублей на нужды русских художников.

Д.П.Боткин умер 26 мая 1889 г. в своем имении Тихий Хутор Харьковской губернии. 1 июня он был погребен в Москве в Покровском монастыре.

После смерти собирателя коллекцию унаследовали сыновья Сергей и Петр. Сергей Дмитриевич свою часть наследства в 1896 г. увез в Париж. Та часть, которая досталась Петру Дмитриевичу, по-прежнему оставалась в доме на Покровке. В 1903 г. она включала около 130 полотен. Некоторые из них после 1917 г. попали в Музей изящных искусств (в их числе полотно Поля Делароша «Дети Эдуарда IV»).

Особняк Боткиных до сих пор цел (ул. Покровка, д. 27); частично сохранились интерьеры двух картинных комнат и отделка (резьба по дереву) кабинета.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. А.К — ин. К некрологу Д.П.Боткина // Новое время. — 1889. — N 4769 [10 июня]. — С. 2. — Столб. 1.

2. Альбом галереи Д.П.Боткина (12 картин большого формата). — Спб., 1885. — Приложение к «Художественному журналу» за 1885 год.

3. Боткин Д.П.: Некролог // Новое время. — 1889. — N 4757 [28 мая]. — С. 1. — Столб. 1.

4. Боткин Д.П.: Некролог // Новое время. — 1889. — N 4759 [31 мая]. — С. 1. — Столб. 1.

5. Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. — М., 1993. — С. 32, 227, 260, 300, 330, 355.

6. Брук Я.В. Из истории художественного собирательства в XIX веке // Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории. 1856—1917.— Л., 1981. — С. 32—33, 51—52, 54, 65, 80.

7. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 162—168.

8. Горностаев И.Ф., Богуславский Я.М. По Москве и окрестностям. — М., 1903. — С. 388.

9. Каталог картинам из собрания Д.П.Боткина.— М., 1882.

10. Каталог картинам, составляющим собрание Д.П.Боткина в Москве./ Сост. Д.В.Григорович. — Спб., 1875.

11. Нестеров М.В. «Братец» // Нестеров М.В. Давние дни. — Уфа, 1986. — С. 505—507.

12. Огарева Н.В. Летопись жизни и деятельности художника А.П.Боголюбова. — Саратов, 1988. — С. 93, 101—102, 108, 110, 113, 119.

13. Памятники архитектуры Москвы: Земляной город. — М., 1989. — С. 278—279 (N 323).

14. П.Б. [П.Боборыкин]. Письма о Москве: Письмо третье // Вестник Европы. — 1881. — N 7. — С. 386—396.

15. Покровский Д.А. Очерки Москвы // Исторический вестник. — 1893. — N 3.— С. 795.

16. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 198—199.

БРОКАР Генрих (Андрей) Афанасьевич

(1836—1900)

Г.А. Брокар — предприниматель, меценат, собиратель живописи, декоративно-прикладного искусства и русских древностей.

Родился в Париже в семье парфюмера Атанаса Брокара. Еще мальчиком стал помогать отцу на фабрике, а в четырнадцать лет отправился с ним в Филадельфию, где предполагалось открыть еще одно парфюмерное заведение. Через три года Генрих Брокар вернулся в Париж.

В 1862 г. Г.А.Брокар по совету отца перебрался в Россию. С этих пор он связал свою судьбу с Москвой. Здесь его на русский лад стали называть Андреем. Первоначально работал лаборантом на фабрике Гика. Придумав способ изготовления концентрированных духов и продав его французской фирме, он в 1864 г. открыл свою собственную мастерскую. Дела шли настолько успешно, что уже в 1869 г. Г.А.Брокар построил парфюмерную фабрику на углу Арсеньевского переулка и Мытной улицы (ныне фабрика «Новая Заря»), в 1872 г. учредил торговый дом. В 1893 г. «Товарищество парфюмерного производства в Москве Брокар и компания» безраздельно господствовало на российском рынке.

Генрих Афанасьевич отличался изобретательностью и предприимчивостью. В работе он был поистине неутомим. Всю жизнь его рабочий день начинался с шести утра. Благодаря этому его фабрика процветала.

Он изобрел состав цветочного одеколона, получившего в России широчайшее распространение и популярного по сей день. На его фабрике стали изготавливать новые сорта мыла — глицериновое, прозрачное, «шаром» (шаровидной формы). Брокар смело вводил в состав мыла и одеколона различные добавки, создавал новые ароматы. Он стремился угодить вкусам и аристократии, и простого народа. Аристократки сходили с ума от аромата «Персидской сирени», а крестьянки с удовольствием покупали «Народное

мыло» по копейке за штуку. С ярмарок по всей России расходились дешевые парфюмерные наборы из десяти предметов. Всегда ярко рекламируя свой товар, Брокар поразил публику на Нижегородской промышленной выставке, устроив фонтан из цветочного одеколона.

Генрих Афанасьевич относился к парфюмерному производству как к «чистому искусству». От природы он был наделен художественным вкусом, его бесконечно влекло все красивое, изящное, тонкое.

«Идея коллекционирования, — отмечалось в книге «Золотой юбилей: К пятидесятилетию со дня основания товарищества «Брокар и К°», — появилась у Генриха Афанасьевича в начале семидесятых годов вследствие знакомства его с известным в то время коллекционером, любителем и знатоком старины г-ном Маттиасом.

Благодаря дружественным отношениям с последним Генриху Афанасьевичу удалось однажды в 1872 году случайно купить небольшое собрание картин фламандской школы, среди которых впоследствии оказалось несколько шедевров выдающихся мастеров. Вместе с этим собранием Генриху Афанасьевичу удалось также приобрести несколько весьма ценных предметов из старинной мебели и бронзы» (6, с. 50).

Эти-то приобретения и легли в основу будущей коллекции. Обладая значительным состоянием, Брокар мог покупать не только отдельные — пусть самые дорогие предметы, но и целые коллекции. Так, он приобрел собрания Соколова, московского вице-губернатора Шаблыкина и часть коллекции князя П.Д.Долгорукова. Многие вещи куплены им на западных аукционах и в антикварных лавках. «Путешествуя по разным странам, — отмечалось в юбилейном издании, — он являлся неизменным посетителем и усердным покупателем на всех аукционах, где продавались старинные картины, миниатюры, бронза, самоцветные камни и т.д. Его знали решительно все антиквары и коллекционеры как большого знатока и любителя редкостей и произведений живописи» (6, с. 93).

«Сюда (к Брокару), — жаловался антиквар В.А.Барыков коллекционеру А.П.Бахрушину, — и несут, и везут — и все остается у Андрея Афанасьевича! Это делает то, что когда он в Москве, то многих вещей и не увидишь ни у Сухаревой, ни у антиквариев Панкратьевского переулка: чуть что приобретут, сейчас же тащат к Брокару, и он все покупает. И где у него только денег находится! Зато как Брокара нет, то и вещей на рынках больше, и цены не те: продавцы прямо говорят: «Покупайте, пока Брокара нет в Москве, а приедет, вы их (вещей) и не найдете, да и цену-то он даст другую — много дороже!» (1, с. 11).

Собрание Г.А.Брокара было обширным и разнообразным. Его основу составляла картинная галерея с преобладанием западноевропейской живописи. В ней насчитывалось более тысячи полотен XV—XVIII вв. французской, фламандской, голландской, немецкой, итальянской, испанской, английской школ. Среди них произведения П.Бриля, Я.Веникса, Х.Сегерса, ван Остаде, Д.Хальса, Д.Тенирса Младшего, Чима да Конельяно, К. де Лиона, Ж.Калло, Н. Ларжильера, Ш. Лебрена, А.Маньяско, И.Риго, Ф. Друэ, Г.Траверси. Лучшие из этих полотен — «Суд Париса» А.Блумарта, «Портрет девочки» Г.Бока Старшего, «Драка крестьян за картами» П.Брейгеля Младшего, прозванного Адским.

Русские мастера были представлены картинами А.М.Максимова («Два мальчика»), А.В.Ступина («Портрет Е.М.Ступиной», 1817), Семена Щедрина («Вид на Гатчинский дворец с Длинного острова», 1796), Д.К.Скотти («Святой Себастьян», 1810).

Картинную галерею дополняло собрание гравюр, рисунков и скульптур.

Другая не менее значительная часть собрания включала в себя предметы декоративно-прикладного искусства (свыше 1200). Генрих Афанасьевич собирал и бронзу, и стекло, и фарфор, и майолику, и резную кость, и резное дерево. Обладал он и коллекциями старинных костюмов, мебели, оружия и даже масонских предметов. Коллекция икон разных школ насчитывала 375 экземпляров. Кроме того, здесь было около 300 образцов старинных тканей и художественной вышивки.

Как всякий увлеченный собиратель, Г.А.Брокар высоко ценил и любил книгу. Его библиотека состояла в основном из книг по искусству. В 1889 г. он в числе других московских библиофилов стал одним из основателей Московского библиографического кружка.

С Брокаром был близко знаком известный московский коллекционер А.П.Бахрушин. Рассказывая в своих записных книжках о встречах с этим симпатичным и увлеченным собирателем, Алексей Петрович тем не менее отмечал и некоторые его «причуды».

«У него, — писал Бахрушин, — две несчастные страсти — реставрировать картины, причем он слишком широко пользуется своею властию как хозяина — прибавляет и убавляет по своему усмотрению, поворачивает руку в другую сторону и т.д.» (1, с. 5). Так, например, на картине Грибкова он убрал кота, изображенного у ног кухарки, просто потому, что кот ему не приглянулся: он самолично его замазал. На другом полотне Брокару не понравилась грудь дамы, изображенной в платье с глубоким декольте. По просьбе владельца реставратор переписал ее заново. Для «подправки» картин собиратель специально держал двух художников.

«Другая страсть стоит первой, — продолжает А.П.Бахрушин свой рассказ о Брокаре. — Он покупает старой бронзы подсвечники (у него их чуть не сотня) и разбирает их, чтобы собрать по своему вкусу: верхушку и розетку одного подсвечника привертывает к другому, к которому она, по его мнению, лучше идет, и наоборот» (1, с. 7).

Словом, желание экспериментировать, столь свойственное Брокару-парфюмеру и Брокару-коммерсанту, находило свое яркое отражение и в деятельности Брокара-собирателя. За это его многие справедливо осуждали.

Предметы старины и искусства находились в особняке собирателя на Мытной улице, д. 17. Когда дом оказался переполненным сокровищами, Генрих Афанасьевич решил снять помещение и разместить часть своей коллекции для публичного осмотра. Выбор его пал на Верхние торговые ряды на Красной площади (ныне ГУМ). Он арендовал часть второго этажа в самом центре рядов, с видом на Красную площадь. Попасть сюда можно было с парадного входа, располагавшегося у памятника Минину и Пожарскому (позже этот памятник перенесен к храму Василия Блаженного).

21 марта 1891 г. в торжественной обстановке открылась Выставка из собрания Г.А.Брокара, которая представляла по существу настоящий музей, притом расположенный в самом центре города. Газета «Новости дня»

писала: «Можно смело сказать, что после Эрмитажа как богатейшего собрания в России вообще, после Третьяковской галереи, совмещающей русскую и новейшую школы, галерея Г.А.Брокара является самой обширной и ценной из доступных обозрению публики частных художественных сокровищниц не только в России, но и в Европе» (6, с. 94).

Первый зал из восьми был отведен под портреты правителей, королей и царей всех эпох: в основном портреты русских царей, а также цариц и наследников престола. Большой круглый зал вмешал лучшие произведения «всех школ, направлений и эпох живописи». Во всех залах картины занимали стены от пола до потолка — их было более шестисот. В одном из залов экспонировались гобелены. Картинную галерею дополняли рисунки и акварели; их насчитывалось до тысячи.

Кроме того, повсюду стояли многочисленные витрины с изделиями из фарфора, скульптурными группами, изделиями из слоновой кости, миниатюрами, мозаиками, акварелями, тканями, шитьем, конской упряжью, старинным оружием, часами, канделябрами, вазами, табакерками, веерами, ювелирными украшениями. Среди прочих изделий своими размерами (длина 7 аршин) выделялось бронзовое с зеркальной подставкой «плато» для больших торжественных обедов в стиле ампир работы Томира. В его центре возвышалась ваза-канделябр.

И тут и там стояли предметы старинной мебели: комнатный гарнитур из бронзы и белого мрамора, гостиная Людовика XVI, столовый дамский гарнитур, меблировка в стиле Жакоб, мебель в стиле Буль, пуф-жардиньер эпохи Екатерины II.

В отдельном зале были сгруппированы предметы русской старины: хрусталь, стекло, рисунки, портреты, гербы русских дворянских родов.

В общей сложности в брокаровском музее было представлено для обозрения более пяти тысяч предметов, «целый лабиринт старины и художественных редкостей». Всю экспозицию, отличавшуюся не только высокой ценностью вещей, но и их изобретательной подачей, выстроил сам Генрих Афанасьевич. По отзывам современников, это было яркое и запоминающееся зрелище.

Эту выставку Г.А.Брокар решил сделать постоянной. Причем ежегодно старался что-то изменить в экспозиции, чем-то ее пополнить. А пополнять было чем: в его особняке оставалось еще около трех тысяч предметов.

В 1899 г. владелец подготовил и опубликовал каталог своей картинной галереи.

На склоне лет Генрих Афанасьевич решил продать картины. С этой целью он устроил грандиозную выставку в Париже. Успеха она не имела, и собрание почти целиком вернулось в Россию.

В 1897 г. Г.А.Брокар подарил Императорскому Историческому музею всю свою коллекцию масонских предметов — ордена, картины, масонские знаки, в общей сложности свыше семидесяти наименований. Особый интерес представляли два ритуальных ковра, запоны (фартуки) и мечи. Кроме того, здесь были рукописи на французском языке, книги, а также гравюры, иллюстрировавшие употребление ритуальных принадлежностей.

Не чуждый благотворительности, Г.А.Брокар учредил стипендии для воспитанников Академии художеств и Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Г.А.Брокар скончался 3 декабря 1900 г. в Каннах. Погребен в фамильном склепе в местечке Провэн близ Парижа.

Коллекцию Генриха Афанасьевича унаследовала его вдова, Шарлотта Андреевна, которая создала Музей имени Брокара. В 1903 г. Ш.А.Брокар издала каталог этого музея. После ее смерти коллекция перешла сыну, Александру Генриховичу, который весьма успешно вел коммерческие дела и тоже увлекался коллекционированием. К собранию отца он добавил произведения древнего искусства, среди которых наибольшую ценность представляли геммы.

После октябрьского переворота Брокар-младший эмигрировал. В покинутом особняке в 1918 г. открылся общедоступный Музей старины как отделение Пролетарского музея Замоскворецкого района. В 1924 г. музей был закрыт. Картины русских художников переданы в Третьяковскую галерею. Лучшие полотна европейских мастеров, рисунки, гравюры (в общей сложности около 200 произведений) и часть мебели поступили в Музей изящных искусств. Среди них «Бичевание Христа» (XV в.) немецкого художника И.Кербеке, «Чудесное насыщение пятью хлебами и двумя рыбами» (XVII в.) итальянского художника Б.Строцци. Большая часть собрания влилась в Государственный музейный фонд, где бесследно потерялась.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. / Прим.М.Цявловского. — М., 1916. — С. 4—11, 98.

2. Брокар Г.А.: Некролог // Московский листок. — 1900. — 10 декабря. — С. 1.

3. Викентьев В. Собрание масонских предметов Российского Исторического музея // Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1915 год. — М., 1917. — С. 85.

4. Гейц Флоран. Музей старины (собрание, бывшее А.А.Брокар) // Среди коллекционеров. — 1922. — N 2. — С. 30—32.

5. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Каталог картинной галереи. — М., 1986.

6. Золотой юбилей: К пятидесятилетию со дня основания Т-ва Брокар и К°. — М., 1914.

7. Каталог картин художников старой школы из собрания Г.А.Брокар. — М., 1899.

8. Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 26.

9. Памяти Г.А.Брокара // Новости дня. — 1900. — 10 декабря.

10. Парфюмер — друг книг и собиратель картин // Известия книжных магазинов Т-ва М.О.Вольф. — 1916. — Столб. 142—144.

БРЮС Яков Вилимович

(1670—1735)

С гравюры неизвестного художника.

Я.В. Брюс — граф, генерал-фельдмаршал, ученый-энциклопедист, библиофил, собиратель рукописей, карт, планов, измерительных приборов, монет, минералов и «куриозных вещей».

Родился в Москве 1 мая 1670 г. Происходил из знатного шотландского рода; его отец был одним из приближенных царя Алексея Михайловича. Яков Вилимович Брюс получил отличное домашнее образование, с детских лет проявлял наклонности к естествознанию и математическим наукам. Стремление к знаниям он сохранил до конца жизни. Часто бывая за границей, выполняя государственные поручения, он никогда не упускал возможности слушать лекции в европейских университетах. Так, в 1697—1698 гг. он занимался математикой и астрономией в Лондоне под руководством Исаака Ньютона и Готфрида Лейбница.

В 1686 г. Я.В.Брюс был зачислен в царский «потешный» полк. Он стал верным спутником Петра I во всех военных походах и заграничных путешествиях, свидетелем крупнейших событий петровской эпохи.

Будучи видным военачальником, Брюс участвовал в Крымских (1687, 1689), Азовском (1696), Прутском (1711) походах, Северной войне (1700—1721), вместе с Петром I был на поле Полтавской битвы. Явился одним из создателей русской артиллерии и долгие годы командовал ею.

Искушенный дипломат, Я.В.Брюс возглавлял делегацию России на переговорах со Швецией и подписал Ништадтский мир (30 августа 1721 г.). Неоднократно выполнял и другие важнейшие дипломатические поручения.

Один из самых образованных людей своего времени, Яков Брюс немало занимался издательской деятельностью — по сути, на протяжении нескольких лет заведовал всем отечественным книгопечатанием. Он лич-

но переводил на русский язык научные трактаты зарубежных ученых, составил русско-голландский и голландско-русский лексикон, принимал участие в разработке воинских артикулов, подготовил несколько рукописей по астрономии и математике, явился одним из авторов популярного издания петровского времени «Юности честное зерцало». Он был причастен и к выпуску первого российского календаря, который получил широкую известность как Брюсов календарь.

В 1726 г. Я.В.Брюс вышел в отставку, переехал из Петербурга сначала в Москву (жил близ Сухаревой башни, на Первой Мещанской улице, ныне д. 1). Затем, 24 апреля 1727 г., купил у князя А.Г.Долгорукова имение Глинки в Богородском уезде Московской губернии (ныне Щелковский район Московской области), куда перевез свои коллекции и библиотеку. Брюсовская усадьба превратилась в «подмосковную кунсткамеру» и почиталась современниками как единственная в своем роде.

Отдавшись наукам, Яков Вилимович вел затворнический образ жизни. Его непонятные для окрестного населения занятия и нелюдимость, возбуждая любопытство, породили немало легенд. Так, из уст в уста переходило утверждение, что Брюс якобы способен в жаркий полдень одним словом заморозить воду в пруду... чтобы покататься на коньках.

Составлять свою коллекцию Брюс начал в 1713 г. Тогда, вернувшись из военных походов, Яков Вилимович выстроил в Петербурге дом, «немедленно наполнил его затеями тогдашнего барства и исподволь собрал в нем богатый по тому времени кабинет китайских и японских диковин» (14, с. 281). Человек образованный и любознательный, Яков Вилимович имел весьма разнообразную по своему составу коллекцию, в которую входили портреты знаменитых людей, изделия искусных мастеров, предметы этнографии, точные измерительные приборы, карты, планы, рукописи, монеты, книги. У него были большие возможности для того, чтобы познакомиться с коллекциями такого рода и в России, и за границей, а со временем составить и свое собственное собрание.

Библиотека Брюса считалась лучшей в России. Состав ее, как и всей коллекции, был очень широк и носил энциклопедический характер, целиком отвечавший духу своего времени. Здесь насчитывалось свыше полутора тысяч томов на немецком (более всего), английском, латинском, голландском, русском, французском, итальянском, шведском, польском, финском, греческом языках. Наиболее полно были составлены разделы по математике, физике и военным наукам.

Усадебный дом Брюса располагался среди пышного парка. В нем было много липовых аллей, прудов, каналов. По всему парку стояли скульптуры, изображавшие античных героев.

Я.В.Брюс умер 19 апреля 1735 г. в имении Глинки; похоронен в Москве.

Перед смертью владелец завещал все свои редкости Академии наук. Для составления описи его коллекции в Глинки был командирован академический нотариус Христоф Тидеман. Благодаря его дотошности мы имеем сегодня представление о былых богатствах этой подмосковной усадьбы. В соответствующие реестры им были занесены «различные печатные книги, картины, рисунки, грыдоровальные фигуры, инструменты, машины, сосуды старинные или нынешней работы... старинные и новые

редкие монеты и всякие руды» (3, с. 31). Тут были перечислены 115 инструментов, 40 географических карт, 367 монет, 222 рисунка и чертежа, 67 предметов этнографии.

На тридцати подводах в двадцати трех ящиках предметы брюсовской коллекции перевезли в Москву, а когда установился санный путь, «с конвоем для бережья» отправили в Санкт-Петербург. В первых десяти ящиках помещались в основном книги. В одиннадцатом и пятнадцатом ящиках были сложены «картины и прочие личины»: они представляли «партреты цесарей и королей и протчих славных людей с описанием их на латинском языке» (3, с. 32). В двенадцатом — с особой тщательностью упакованы два глобуса, стол астрономический, книги и манускрипты «ратных татарских сандаков». В четырнадцатом помещались мамонтовы кости. В остальных — математические и оптические инструменты: астролябии, компасы, квадранты, секстанты, подзорные трубы, солнечные и механические часы.

Под номером 90 в описи значился «сундук плетеный, покрыт теленком, в нем китайские медные вещи» — идолы, статуэтки людей и зверей, домашняя утварь, украшения (3, с. 62). Мемориальные предметы были выделены особо: «номер семь: атлас морской Азовского моря, приписан императору Петру I» и «номер двенадцать: Библия на шведском языке, приписана шведскому королю» (3, с. 62).

Среди художественных произведений следует отметить серию из тридцати двух овальных печатей из зеленой яшмы с изображениями русских князей и царей начиная с Рюрика.

Коллекция Я.В.Брюса была поделена между Кунсткамерой, библиотекой, Физическим кабинетом и Обсерваторией Академии наук. Позднее библиотека Брюса была разделена на несколько частей. В 1812 г. часть книг отправлена в Московский университет; в 1827 г. некоторые издания переданы во вновь открывавшийся Гельсингфорский университет. Распознать книги из библиотеки Я.В.Брюса помогает экслибрис, который некоторые исследователи считают одним из старейших в России.

О былом частном собрании и сегодня напоминают сохранившиеся памятники усадьбы Глинки: двухэтажный кирпичный дом с изысканным декором из белого камня, одноэтажное здание, и по сей день именуемое «кладовой Брюса» (не здесь ли хранилась часть знаменитой коллекции?), «лаборатория Брюса» — одноэтажный садовый павильон, название которого говорит само за себя. Усадьба реставрируется, в 1992 г. в ней открыт музей, посвященный памяти ученого-энциклопедиста и собирателя редкостей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. / Сост. Д.Бантыш-Каменский. — М., 1840. — Ч.1. — С. 148.

2. Глинки // Среди коллекционеров. — 1924. — N 7—8. — С. 51.

3. Забелин И.Е. Библиотека и кабинет графа Я.В.Брюса // Летописи русской литературы и древностей. — М., 1859. — Т.1. — С. 28—62.

4. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. — М., 1990. — Т.1. — С. 226, 244, 337, 351.

5. Иваск У.Г. Несколько слов о графе Якове Вилимовиче Брюсе, его библиотеке и книжном знаке // Известия Московского общества любителей книжных знаков. — 1907. — N 1. — С. 8—12.

6. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 3. — N 159.

7. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т. 1, кн. 1. — С. 114, 117; Т. 1, кн. 2. — С. 884, 1077.

8. Князева Т.А. К пользе российской — трудолюбивый соискатель // Памятники Отечества. — 1992. — N 25. — С. 135—143.

9. Луппов С.П. Библиотека Я.В.Брюса // Сборник статей и материалов библиотеки Академии наук СССР по книговедению. — Л., 1973. — Вып. 3.— С. 249—272.

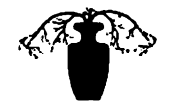
10. Луппов С.П. Библиотека Я.В.Брюса // Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. — Л., 1973. — С. 184—203.

11. Памятники архитектуры Московской области. — М., 1975. — Т. 2. — С. 342—344.

12. Савельева Е.А. Библиотека Я.В.Брюса: Каталог. — Л., 1989.

13. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 95.

14. Хмыров М.Д. Главные начальники русской артиллерии: 2-й генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс (1704—1726) // Артиллерийский журнал. — 1866. — N 2. — С. 81—136; N 3. — С. 153—199; N 4. — С. 249—291.



БУРЫШКИН Павел Афанасьевич (1887—1955)

П.А. Бурышкин — купец, собиратель материалов по истории Москвы, мемуарист.

Родился в Москве 9 февраля 1887 г. в купеческой семье. Его отец, Афанасий Васильевич Бурышкин, был широко известен в купеческом мире, отличался любовью к театру, славился благотворительностью. Своему сыну он предоставил возможность получить очень хорошее образование.

П.А.Бурышкин окончил с отличием Катковский лицей (1905), потом юридический факультет Московского университета. Чтобы заслужить доверие в купеческих кругах, он блестяще окончил Коммерческий институт (1911). Но и на этом он не завершил своего образования. С юности увлекаясь историей, Павел Афанасьевич окончил также и Московский Археологический институт.

После смерти отца он возглавил семейное дело — «Товарищество мануфактурных товаров А.В.Бурышкина». Дела фирмы шли хорошо, и это давало возможность Павлу Афанасьевичу заниматься общественной деятельностью. Он избирался гласным Московской городской думы, был товарищем городского головы, состоял членом Московского биржевого общества, членом Нижегородского ярмарочного комитета, входил в редакционный комитет газеты «Утро России».

В доме Бурышкиных в Антипьевском переулке было много картин. Отец Павла Афанасьевича не являлся в прямом смысле коллекционером, но живописные полотна приобретал с удовольствием. Трое сыновей унаследовали это собрание, а главное — тягу к собирательству.

«Моя дань коллекционерству, — вспоминал Павел Афанасьевич, — заключалась в том, что я собирал с раннего времени «Россику» и в особенности все, что касалось Москвы. С течением времени коллекция стала

очень большой. Мне помогал — и в деле покупки, и в приведении ее в порядок — И.Э.Грабарь. Были необычайно ценные вещи, которые я приобрел с известным собранием Аргутинского-Долгорукова» (1, с. 213—214).

Под «Россикой», сугубо библиографическим термином, подразумеваются зарубежные издания, посвященные России и ее истории. Однако бурышкинское собрание включало не одни только книги, а самые разные материалы — живописные и графические произведения, посвященные Москве, чертежи и проекты старинных зданий, их макеты, планы города.

«Должен прибавить также, — писал позднее Павел Афанасьевич, — что с молодых лет я мечтал написать историю московского купечества.

Первый кто мне советовал это сделать — Ал.Апол.Мануйлов, мой учитель экономики. Советовал и А.А.Кизеветтер, с которым вместе готовили мы юбилейное издание по истории Нижегородской ярмарки. Я и начал готовиться, собирал материалы и по истории Москвы, и по истории русской торговли. По истории Москвы мне уже удалось собрать изрядную коллекцию... В моей коллекции были весьма ценные вещи» (1, с. 39).

Приобретенное Павлом Афанасьевичем собрание известного искусствоведа, хранителя Эрмитажа князя Владимира Николаевича Аргутинского-Долгорукова включало картины, миниатюры, рисунки русских и западноевропейских мастеров, планы городов, фарфор, мебель и большую подборку автографов деятелей литературы и искусства.

В картинной галерее Бурышкина среди произведений, посвященных Москве, выделялась картина Ф.Я.Алексеева «Красная площадь в Москве», созданная в 1801 г. Она к нему перешла из собрания графов Орловых. В 1917 г. это знаменитое произведение коллекционер подарил Третьяковской галерее, где оно находится и поныне.

В галерее Бурышкина имелся и портрет его жены Анны Николаевны, выполненный Н.П.Ульяновым (ныне — в Третьяковской галерее).

«Свою коллекцию, — писал П.А.Бурышкин, — я собирался передать городу для организации музея имени моего отца» (1, с. 214). Дело в том, что Афанасий Васильевич мечтал о создании в собственном доме, приобретенном им в 1896 г., музея, посвященного старой Москве. «Дом в Антипьевском, — отмечал Павел Афанасьевич, — не был удобен для жизни, вернее говоря, не соответствовал требованиям современной техники. Его нужно было либо перестраивать, либо определить на какую-нибудь надобность. Так отец и решил, завещав его городу Москве, для устройства в нем либо музея, либо библиотеки его имени» (1, с. 213).

Этот нарядный ампирный особняк ведет свою историю с 1826 г. Он представляет собой характерный для Москвы образец дворянской усадьбы средней руки. Фасад отличается хорошо найденными пропорциями, украшен полуколоннами, изящным балконом, мезонином. Весь его облик — сочетание простоты, изящества и благородства. То же можно сказать и об интерьерах. Здесь применены традиционное анфиладное расположение парадных комнат, богатая темперная роспись парадного вестибюля, лепнина.

Идея создания музея родилась у Бурышкина-старшего не случайно. Здесь, в стенах нарядного особняка в Антипьевском переулке на Волхонке, когда-то принадлежавшего князьям Оболенским, по преданию бывал А.С.Грибоедов. Считается, что парадная лестница дома описана в

четвертом акте комедии «Горе от ума». Именно эта лестница и была воспроизведена на сцене Московского Художественного театра при постановке комедии.

А.В.Бурышкин в 1912 г. завещал городу и дом, и капитал в 50 тысяч рублей для создания Музея старой Москвы. Желание отца целиком и полностью разделял Павел Афанасьевич. В 1914 г. он подготовил для городской управы доклад о Музее старой Москвы.

Прежде чем представить его, Бурышкин обратился к И.Э.Грабарю с просьбой внимательно изучить доклад и указать на недостатки. От известного историка искусства и знатока музейного дела П.А.Бурышкин получил письмо, в котором тот излагал свою точку зрения на подобный музей. Музей старой Москвы виделся Грабарю прежде всего как музей городской архитектуры. Исходя из этого, он советовал коллекционеру обратить особое внимание на архитектуру Москвы послепетровской эпохи, собирать скульптурные и живописные детали барских особняков (части красивых решеток, изразцы, фрагменты скульптуры, барельефы), покупать где можно старинные чертежи и проекты, фотографировать памятники («планомерное, порайонное фотографирование всего города, т.е. всей его старины»), создавать модели по обмерам старинных построек. В качестве образца Грабарь приводил Музей старого Петербурга.

К сожалению, создать этот музей так и не удалось. Городские власти не приняли дар Бурышкиных. Дело в том, что в завещании А.В.Бурышкин особо отметил: созданный в его доме и на его средства музей не должен никогда покидать своих стен. Представители Управы считали, что это условие невыполнимо, ибо особняк относительно небольшой, а музей истории такого огромного города, как Москва, неуклонно бы рос. Тогда, увы, никто не подумал, что в особняке Бурышкиных могла бы остаться часть музея, а его филиалы — разместиться в других помещениях.

Однако особняку все же суждено было стать музеем. С 1961 г. здесь располагается отдел гравюры и рисунка Музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина.

Коллекция материалов по старой Москве, собранная Бурышкиным, легла в основу Музея старой Москвы, открытого в 1919 г. в здании Английского клуба на Тверской. К сожалению, просуществовал этот музей недолго. Он был закрыт, а его фонды оказались в составе Государственного Исторического музея. Экспозиции, достойной своей богатой истории, Москва не имеет и по сей день.

Не менее драматично сложилась судьба самого П.А.Бурышкина. Весной 1918 г. он вошел в состав организации «Национальный центр», выступавшей против советской власти. Летом того же года Павел Афанасьевич оказался в Деникинской армии. Год спустя он стал министром финансов в правительстве Колчака. После разгрома Белой армии через Владивосток и Северную Америку Бурышкин попал в Париж, где прожил всю оставшуюся жизнь. Здесь он работал в Московском купеческом банке, преподавал в Русском Коммерческом институте, а в конце своей долгой жизни вернулся к задуманной книге об истории московского купечества. Прекрасные русские книгохранилища в Париже позволили ему осуществить эту мечту.

В 1954 г. в Нью-Йорке вышла его книга «Москва купеческая». Она включила богатейший материал по истории двадцати пяти купеческих родов, который не устарел и по сей день. Здесь, кроме того, содержатся сведения о московских коллекционерах XIX—начала XX в. Не случайно автор вторую главу начинает словами: «Если бы мне пришлось печатать эту главу отдельно, я бы прибавил еще один подзаголовок: «Очерк из истории русской культуры». Как видно будет ниже, нет ни одной культурной области, где бы представители московского купечества не внесли своего вклада» (1, с. 120). Эпиграфом к этой главе взяты слова: «Деятельность лучшей части московского купечества в продолжение первой половины нашего столетия — такая светлая, такая благородная, такая изумительная — принадлежит важнейшим страницам истории русского народа» (1, с. 119).

Коллекция П.А.Бурышкина начала складываться в доме в Антипьевском переулке. Здесь он жил до женитьбы. Обзаведясь собственным домом, часть своей коллекции оставил в доме родителей. Покидая Москву в 1918 г., Павел Афанасьевич не имел возможности взять с собой никаких материалов и уехал «налегке».

Из библиотеки П.А.Бурышкина около 4 тысяч томов, посвященных экономическим вопросам, торговому праву, статистике, поступили в 1920-е гг. в Социалистическую академию.

П.А.Бурышкин умер в Париже в 1955 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991.

2. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX века (до 1917 г.). — М., 1984. — С. 21, 479.

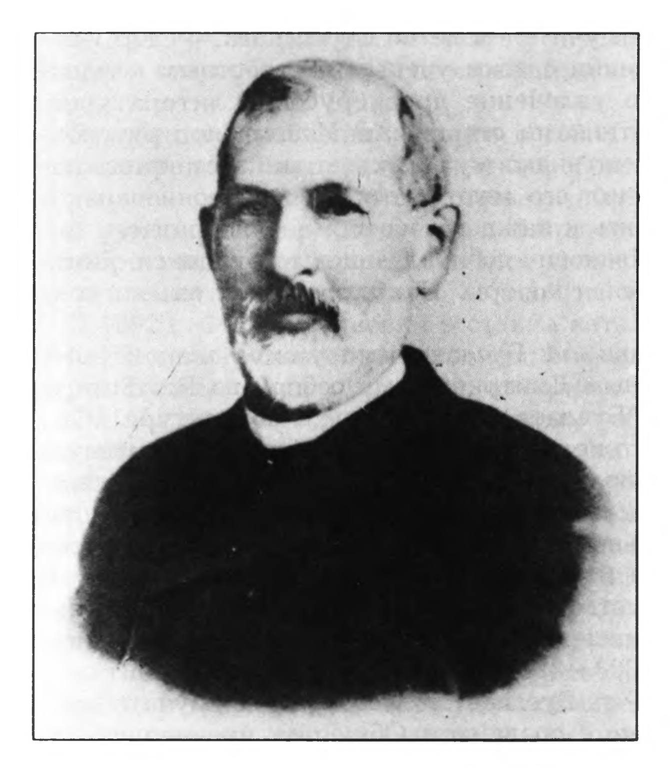
3. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 299, 373, 436, 441.

4. Демская А.А. Здание «Дома графики» // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 241—245.

5. Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 29—30.

БУСЛАЕВ Федор Иванович

(1818—1897)



Ф.И. Буслаев — филолог, историк искусства, библиофил, собиратель рукописей и гравюр.

Родился 13 апреля 1818 г. в городе Керенске Пензенской губернии в семье секретаря земского суда. Отца мальчик лишился на пятом году жизни. После его смерти семья переехала в Пензу. Воспитанием и образованием был обязан своей матери, которая, несмотря на тяжелое материальное положение, всячески способствовала обучению сына.

В 1828—1833 гг. Федор Буслаев учился в пензенской гимназии. Его знания в области литературы были настолько глубокими, что он порою заменял преподавателя, В.Г.Белинского. Чтобы помочь семье, Буслаев намеревался выучиться на врача. Однако мать, зная пристрастия сына, настояла на поступлении его на словесное отделение Московского университета. В университете Федор Иванович учился в 1833—1838 гг. Слушал лекции С.П.Шевырева, М.П.Погодина. Овладел многими языками, в том числе польским, древнееврейским, санскритом.

После окончания университета преподавал в гимназиях и частных домах. Был домашним учителем М.Л.Боде-Колычева, П.С.Уваровой; в 1839—1841 гг. как учитель детей С.Г.Строганова жил в Германии и Италии; в 1860—1864 гг. читал курс русского языка и словесности наследнику-цесаревичу Николаю (старший сын Александра II (1843—1865). — *Прим. авт.*).

С 1846-го по 1881 г. Федор Иванович преподавал в Московском университете. По отзывам многих современников, он был идеальным профессором: не только досконально знал свой предмет — русскую словесность, не только блистательно читал лекции, но и привлекал нравственной чистотой своей натуры. Сам Федор Иванович считал учительство высокой миссией, обязывающей преподавателя наряду с обучением студентов быть для них примером порядочности, честности, благородства.

Круг научных интересов Ф.И.Буслаева чрезвычайно обширен. Его труды в области славяно-русского языкознания, древнерусской литературы, ус-

тного народного творчества, древнерусского изобразительного искусства отличались новаторством и сохранили свое научное значение до наших дней.

Буслаев был членом многих научных обществ, в том числе Общества любителей российской словесности (с 1859 г.), Московского археологического общества (с 1864 г.), Общества древнерусского искусства (с 1865 г.). В 1852 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук; с 1860 г. — действительный член Академии.

Решающее влияние на формирование Буслаева-коллекционера имел Сергей Григорьевич Строганов. Будучи учителем детей Строганова, Федор Иванович, постоянно находясь в общении с этим ученым и страстным коллекционером, целиком разделил его увлечение древнерусской литературой, письменностью, искусством, памятниками старины. В Италии под руководством Сергея Григорьевича он осматривал музеи, хранилища старины, памятники. Именно Строганов научил его методически, всесторонне знакомиться с памятниками, возвращаясь к каждому из них неоднократно.

В течение долгих лет Федор Иванович собирал лицевые рукописи, книги с гравированными изображениями, гравюры. Наиболее известна его коллекция рукописей.

Началу собирательской деятельности Буслаева послужило знакомство с трудом С.Г.Строганова, посвященным Дмитриевскому собору во Владимире. Эта книга вышла в свет в 1849 г. Буслаев читал ее еще в корректуре. «Она оказала на меня решающее действие, — писал Федор Иванович в мемуарах, — открыв моим глазам новую область для исследования неизвестных мне до того времени богатых материалов русской монументальной и художественной старины в сравнительном изучении их со средневековыми стилями византийского и западного искусства. Вместе с тем руководству и указаниям графа я обязан знакомством с самым главным пособием для научной разработки древнерусской иконописи, именно с так называемыми иконописными подлинниками» (3, с. 323—324).

С этого времени, то есть с 1849 г., Буслаев стал собирать и изучать русские лицевые рукописи. В 1865 г., с созданием Общества древнерусского искусства, Ф.И.Буслаев окончательно определил свои научные интересы: оставив историю русского языка, он целиком посвятил себя исследованию древнерусского искусства. «Это дало окончательный переворот моим ученым занятиям и задушевным интересам, которые я теперь почти исключительно, навсегда сосредоточил на археологических исследованиях по русской иконографии и орнаментике, преимущественно в так называемых лицевых рукописях», — признавался Федор Иванович на склоне своих лет (12, с. 10).

Читать и определять старинные рукописи Буслаев научился у М.П.Погодина в его Древлехранилище на Девичьем поле.

Главным итогом изучения древнерусских миниатюр стала книга Буслаева «Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX» (М., 1884, Т.1—2). Работе над этой книгой он отдал восемь лет, изучив и описав около 60 рукописей, в том числе шесть из собственного собрания. Книга принесла Буслаеву мировую известность, издана она была на средства С.Д.Шереметева. Автор посвятил книгу С.Г.Строганову.

Рукописное собрание Буслаева включало преимущественно манускрипты с изображениями. Он приобретал их в 1850—1880-е гг., большей частью в Москве. Отдельные рукописи были получены путем обмена или поступили в качестве подарков. Московские букинисты хорошо знали Буслаева: «холодные букинисты» приносили нужные рукописи прямо к нему домой. Занимаясь подготовкой к очередной лекции, Буслаев обычно уединялся и никого не допускал к себе. Однако для книжников делалось исключение. «Только одни букинисты, приносившие Буслаеву на продажу рукописи, имели к нему доступ почти во всякое время.

— Тут, — говорил он, — минуту упускать нельзя: откажешь ему, а он и продаст старообрядцу такую драгоценность, что потом будешь от досады грызть ногти» (10, с. 171).

Буслаев, не любивший ходить в гости, избегавший застолий и шумных встреч, предпочитавший «кабинетный образ жизни», позволял себе отвлечься от научных занятий и отпраздновать веселым ужином «особенно счастливые рукописные приобретения». Владелец вел тщательные записи вновь приобретенных рукописей. По ним можно с точностью установить время поступления в его коллекцию каждой из них.

В 1892 г. Федор Иванович составил каталог своего собрания. В нем оказалось 150 памятников: Апокалипсисы, Библии, синодики, жития, сказки, Псалтыри, Триоди, Минеи, прологи, патерики, ирмосы.

Ф.И.Буслаев обладал также богатым собранием старинных гравюр, преимущественно западноевропейской школы. Коллекционировать их он начал задолго до рукописей. Любовь к гравюрам возникла у него в Италии в 1840 г., когда он познакомился с гравером Ф.И.Иорданом. Известный русский график в то время трудился над гравюрой с картины Рафаэля «Преображение». Эта колоссальная работа, занявшая пятнадцать лет, произвела на Буслаева сильнейшее впечатление. Он наблюдал, как работает художник, и под влиянием общения с ним не только полюбил гравюру, но и стал страстным собирателем. «Полюбив гравера, — вспоминал Буслаев, — я полюбил и гравюры, оценил художественные их достоинства и важное значение в истории искусства и так к ним пристрастился, что потом, в течение всей моей жизни, собирал их где ни попало и составил себе довольно порядочную коллекцию» (3, с. 257).

В графическом собрании особенно выделялись изображения Богоматери. В сентябре 1877 г. коллекцию Буслаева увидел П.П.Вяземский. Он отмечал: «...г. Буслаев ознакомил меня также с имеющимся у него богатым собранием старинных гравюр с изображениями Божией Матери. Коллекция эта замечательна по изяществу многих гравюр» (7, с. 186). Особенно выделил Вяземский изображение Богоматери Римской, или Лидской.

Собрание Ф.И.Буслаева было вполне доступно для современников. Хозяин всегда с увлечением показывал свои рукописи. «Он воодушевленно готов был прочесть целую лекцию, видимо желая вселить в слушателя любовь и интерес к излюбленному им предмету, — вспоминал историк культуры и известный коллекционер Сергей Дмитриевич Шереметев. — Все остальное, житейское отходило на второй план, и он весь был преисполнен занимающим его предметом, радуясь возможности оглашения памятников, которым он придавал такое важное значение» (15, с. 53).

За свою долгую жизнь Ф.И.Буслаев сменил в Москве несколько адресов. В годы молодости он жил на Знаменке (д. 12), затем — в Первом Голутвинском переулке (д. 7), на Сивцевом Вражке (д. 42). С 1852-го по 1868 г. он проживал во владении Офросимовых, которое располагалось в переулках Большой Власьевский (д. 9) и Никольский (д. 30). После 1868 г. до середины 1870-х гг. Буслаев жил на Девичьем поле в Полуэктовом переулке, в доме 9, откуда переехал в Большой Спасский переулок, в дом 4. Многие из этих домов не сохранились.

Тот, кто интересовался историей русской культуры, а также желал работать с его личными собраниями и библиотекой, мог приходить к нему. По пятницам у него был «день открытых дверей». Один из воспитанников Ф.И.Буслаева, литературовед А.И.Кирпичников, так вспоминал свое первое посещение профессорской квартиры: «...в одну из пятниц отправился и я, набравшись смелости. Маленькая передняя была завалена студенческими и статскими пальто... в первой комнате за круглым столом сидело человек двенадцать студентов за работой; большинство списывали лекции и поправляли свои записи; некоторые работали по книгам и старым рукописям» (10, с. 163). В этот день у Буслаева, как обычно, были и кандидаты, и литераторы, и студенты, и гимназисты. Каждого Федор Иванович спрашивал о цели занятий, давал советы, всех знакомил со своей богатой библиотекой, всех снабжал книгами по теме.

В квартире у Буслаева неоднократно бывал С.Д.Шереметев: «...живо помню, — писал он, — уютную его обстановку в Москве, его кабинет, обставленный шкафами с книгами и рукописями. Меня поражала та быстрота, с какою он поднимался, чтобы с одной из верхних полок ближнего шкафа достать ту или иную рукопись, и тут же показывал ее лицевые изображения» (15, с. 52—53).

Ф.И.Буслаев умер 31 июля 1897 г. на даче в подмосковном селе Люблино. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря у алтаря Смоленского собора.

Еще при жизни Ф.И.Буслаев расстался с рукописями: в 1893 г. 98 памятников из его собрания поступили в Императорскую Публичную библиотеку. Они были куплены у владельца на средства Александра III. Отдельные рукописи Федор Иванович пожертвовал Московскому Публичному и Румянцевскому музеям в 1883—1885 гг.: в то время создавалось специальное собрание в память покойного хранителя А.Е.Викторова, друга и помощника Буслаева.

Вместе с рукописями в Публичную библиотеку поступила часть его книг с гравированными изображениями.

Судьба коллекции западноевропейских гравюр нам неизвестна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Е.В. Книгописные собрания // Библиографические записки. — 1892. — N 1. — С. 6.

2. Буслаев Ф.И. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — Т.2. — С. 50—52; вторая пагинация С. 31.

3. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. — М., 1897.

4. Буслаев Ф. О литературе: Исследования. Статьи. — М., 1990.

5. Бычков И.А. Каталог собрания рукописей Ф.И.Буслаева, ныне принадлежащих Публичной библиотеке. — Спб., 1897.

6. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. — М., 1986. — С. 79—125.

7. Вяземский П.П. Обзор московских книгохранилищ // Вяземский П.П. Собр. соч. — Спб., 1893. — С. 186—187.

8. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 94—95.

9. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 4. — N 171.

10. Кирпичников А. Ф.И.Буслаев как идеальный профессор 60-х годов // Памяти Федора Ивановича Буслаева: Сборник статей. — М., 1898. — С. 148—198.

11. Померанцева Э.В. Новые страницы воспоминаний Ф.И.Буслаева // Труды института этнографии им. Миклухо-Маклая. — 1965. — Новая серия. — Т. 91, вып. 3. — С. 145—161.

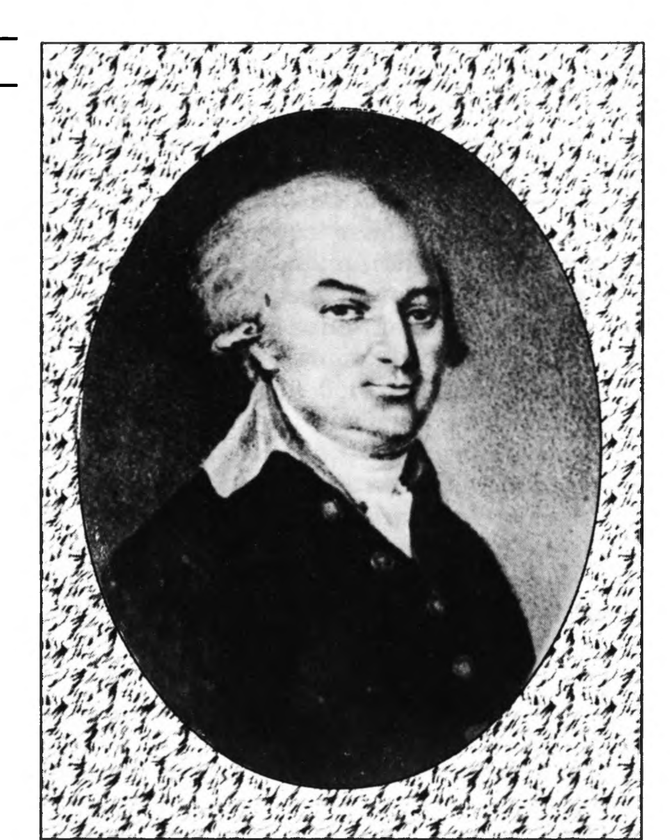
12. Редин Е.К. Ф.И.Буслаев: Обзор трудов его по истории и археологии искусства. — Харьков, 1898.

13. Танков А.А. Воспоминания о Ф.И. Буслаеве // Исторический вестник. — 1897. — N 9. — С. 837—851.

14. Чурмаева Н.В. Ф.И.Буслаев. — М., 1984.

15. Шереметев С.Д. Памяти Ф.И.Буслаева и Г.Д.Филимонова. — Спб., 1899. — С. 52—53.

БУТУРЛИН Дмитрий Петрович (1763—1829)



С миниатюры неизвестного художника.

Д.П. Бутурлин — граф, сенатор, библиофил, собиратель картин, гравюр, ботанической коллекции.

Родился 14 декабря 1763 г. в Санкт-Петербурге в семье графа Петра Александровича Бутурлина. Его крестной матерью стала Екатерина II, пожаловавшая его при крещении чином сержанта гвардии. Принадлежал по отцовской и материнской линиям к известным аристократическим родам. Его дед — фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин. Екатерина Романовна Дашкова, президент двух Российских Академий, приходилась ему тетей (была сестрой его матери Марии Романовны Воронцовой). После ранней смерти родителей мальчик был взят на воспитание дядей со стороны матери, графом Александром Романовичем Воронцовым.

Дмитрий Петрович, выросший в петербургском дворце канцлера Воронцова, известного своим независимым характером, широким культурным кругозором, получил превосходное образование и удивлял окружающих своим «энциклопедическим всеведением». От природы он был также наделен прекрасной памятью.

Закончив Императорский сухопутный шляхетный Кадетский корпус, Бутурлин был определен адъютантом к князю Потемкину. Однако прослужил всего шесть недель: военная карьера не прельстила молодого человека. Он перешел в Коллегию иностранных дел, но скоро оставил и эту службу. Увлекшись революционными идеями, он намеревался отправиться во Францию, но Екатерина II запретила ему ехать. В знак протеста Дмитрий Петрович оставил службу и покинул Петербург.

В 1793 г., после женитьбы, Бутурлин поселился в Москве и целиком посвятил себя любимым занятиям: чтению, составлению библиотеки и коллекции. В 1802 г. он был назначен директором Императорского Эрмитажа. Однако, хотя он и оставался в этой должности до 1817 г., по воспоминаниям

сына, большую часть времени проводил все-таки в Москве, среди любимых книг, картин, рукописей, а также тропических оранжерейных растений.

«В Москве, до 1812 года, он почти ежедневно отправлялся в назначенный всегда час из нашего Слободского дома на Кузнецкий мост, сперва к книгопродавцу Рису, и потолковав с ним о библиографических новостях, нередко заезжал оттуда к часовщику Феррие... потом к торговцу антикварными и художественными вещами, итальянцу Осипу Карловичу Негри... Магазины всех этих трех негоциантов были на Кузнецком мосту... Нередким посетителем был также мой отец другого известного антикварного торговца Лухманова, на Лубянке... Были также у моего отца приятели-торговцы: Нюрембергский Пирлинг и итальянец — оптик Диотти, последний имел свой магазин на Маросейке», — вспоминал сын собирателя, Михаил Дмитриевич (3, с. 237—238).

В библиотеке Бутурлина, насчитывавшей до сорока тысяч томов, по единодушному мнению его современников, было собрано практически все редкое, что издавалось в Европе со времени изобретения Гутенбергом печатного станка. «Граф Бутурлин в продолжение двадцати лет не щадил ничего для приобретения самых редких изданий», — отмечал один из современников. Этому в немалой степени способствовали революционные события конца XVIII столетия: «Бутурлин воспользовался потрясениями Юга того времени, чтобы собрать выдающуюся библиотеку для далекого Севера», — писал впоследствии коллекционер И.И.Лазаревский (9, с. 44).

Бутурлинская библиотека была составлена во вкусе библиофилов XVIII в. Отличительные особенности тогдашних библиотек — универсальность и подбор книг по всем отраслям знаний в наиболее ценных и дорогих изданиях. Самым представительным в библиотеке был раздел, посвященный литературе, — здесь хранились сочинения практически всех известных писателей.

Украшением библиотеки служили книги, отпечатанные первыми типографами Европы в XV—XVI вв. Заслуживала внимания коллекция изданий Библии на многих языках мира с превосходными иллюстрациями.

Высокую оценку библиотеке давали не только соотечественники, но и иностранцы. «Этот вельможа, — отмечал в начале XIX в. английский путешественник Кларк, — не только собирает редчайшие издания классиков, но некоторых писателей, например Вергилия, имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую особую библиотеку... Его собрание колыбельных изданий и печатанных в XV столетии доходит до 6 тысяч томов. По Орландиеву списку авторов, изданных между 1457 и 1500 г., число их доходит до 1303. Вероятно, они почти все есть у Бутурлина» (5, с. 2).

Немецкий путешественник Рейнбек, побывавший у Бутурлина в 1805 г., писал: «Здесь очень много книг XV и XVI столетий, великолепные издания Дидода, Баскервиля и Бодони и, кроме того, редчайшее и дорогое собрание Библий, — собрание, которое я не умею оценить» (5, с. 6).

Рукописное собрание Дмитрия Петровича отличалось также наличием многих уникальных документов. У него, к примеру, была собственноручная переписка Генриха IV с его министром Сюлли.

В Москве Д.П.Бутурлин жил в Лефортовской части, в Немецкой слободе. «Дом наш, — вспоминал сын собирателя, Михаил Дмитриевич, — с пространным садом занимал более четырех десятин; сад доходил до реки

Яузы и примыкал одним боком к улице и к мосту, ведущим к военному госпиталю» (3, с. 233). Это был настоящий дворец. «Все приемные апартаменты были внизу; стены двух или трех из них были обвешаны штофными шпалерами, окаймлены золотым багетом, мебель и двери были также местами позолочены» (3, с. 234).

Библиотека располагалась на первом этаже. Она занимала три огромных зала. Все книги, поступавшие в эту библиотеку, переплетались домашними мастерами. На переплетах ставился герб Бутурлиных. При библиотеке был специальный служащий, как правило, из иностранцев.

Владелец легко разрешал пользоваться его библиотекой. Он превосходно знал ее. По воспоминаниям, на любой вопрос не сходя с места тотчас давал обстоятельный ответ: указывал имя автора, название книги, характеристику издания и даже показывал место нахождения той или иной книги в шкафу. В своем кабинете он проводил целые дни, и его часто видели за чисткой и отделкой какой-нибудь «библиографической диковинки».

Дорожа книжным собранием, владелец подготовил каталог личной библиотеки. Первое его издание вышло в свет в Санкт-Петербурге в 1794 г., второе — в Париже в 1805 г. Второй каталог составлялся библиотекарем Государственного совета Барбье и Шарлем Пужансом. Он был выпущен в двух частях на бумаге самого высокого качества и содержал около 800 страниц. В нем охарактеризовано 4003 издания. Все книги сгруппированы в шесть основных разделов: теология, юридические науки, наука и искусство, изящная словесность, история и манускрипты. В конце каталога помещен алфавитный указатель авторов. Этот каталог считался классическим в своем роде.

В предисловии к нему владелец писал: «Издавая в свет роспись книгам, я намерен был дать самому себе отчет в собственном наслаждении» (5, с. 3). Далее сообщал, что, несмотря на все книжное богатство, он мечтает «о новых изданиях Дидо, Бодони и Ренуара» и признавался, что в каталог включены далеко не все названия. Бутурлин намеревался издать отдельный каталог редких книг XV в., насчитывавший до 379 наименований (в их числе — «Зеркало блаженства», «Библия для бедных» и др.).

Слободской дворец Бутурлиных был знаменит в Москве не только своей отменной библиотекой, но и превосходной ботанической коллекцией. В усадьбе устроили несколько оранжерей с тропическими растениями. Сам граф заботливо ухаживал за ними, изучив «тайну поливки растений». Среди оранжерей в специальном помещении находилась особая ботаническая библиотека.

Имелся у Бутурлина и «физический кабинет», в котором он иногда занимал гостей «опытами белой магии, физики и карточными фокусами». (Позднее этот кабинет был целиком продан Московскому университету.)

Библиотека Бутурлина погибла в 1812 г. «Пожалеем также об утрате знаменитой библиотеки графа Бутурлина, которая равным образом превращена в пепел московским пожаром, — отмечал в 1819 г. известный журналист и коллекционер П.П.Свиньин. — Не только Россия, но и весь ученый свет сделал в ней великую потерю, ибо едва ли кто-нибудь из частных людей обладал столь обширным и избранным книгохранилищем» (13, с. 73—74).

Д.П.Бутурлин тотчас стал собирать новую библиотеку. В 1817 г. по состоянию здоровья он уехал в Италию и поселился во Флоренции. Флорентийская библиотека к концу его жизни насчитывала свыше тридцати трех тысяч томов.

Д.П.Бутурлин умер во Флоренции 7 ноября 1829 г. и погребен в Ливорно, в Греческой церкви.

Наследники продали библиотеку с аукционов (в 1831 г. — в Италии, в 1839 г. — в Париже).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Азнаровский Дм. Кто что может ответить // Среди коллекционеров. — 1921. — N 3. — С. 40.*

2. *Бутурлин Д.П. // Русский биографический словарь. — Спб., 1909. — «Бетанкур — Бякстер» [Т. 3]. — С. 544—545.*

3. *Бутурлин М.Д. Записки // Русский архив. — 1897. — N 2. — С. 223—244.*

4. *Бутурлин М.Д. Очерк жизни графа Д.П.Бутурлина // Русский архив. — 1867. — Т. 5—6. — Столб. 376—386.*

5. *Геннади Г.Н. Русские библиофилы: Библиотеки графа Д.П.Бутурлина и их каталоги // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1856. — Ч. XC. — N 4 (апрель). — С. 1—10.*

6. *Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). — М., 1905. — С. 78.*

7. *Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 4. — N 175.*

8. *Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 110 ; Т.1, кн. 2. — С. 1091, 1127, 1157—1158, 1400.*

9. *И.И. Кто что может ответить // Среди коллекционеров. — 1921. — N 4. — С. 43—44.*

10. *Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. — Л., 1985. — С. 283—284.*

11. *Макаров М. Московские дома бояр века Екатерины Второй // Московские губернские ведомости: Прибавления. — 2. Отдел исторический. — 1841. — N 38 (20 сентября). — С. 561—562.*

12. *Письма Н.Д.Иванчина-Писарева к И.М.Снегиреву. / Публикация Б.Л.Модзалевского // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1902. — Т.7, кн. 4. — С. 118.*

13. *Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 1.*

14. *Соболевский С. Заметка // Русский архив. — 1867. — N 3. — С. 479—480.*

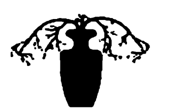
15. *Catalogue de la bibliothèque de M. le Comte D.Boutourlin. Première partie, contenant les livres imprimés en langue Française, quelques manuscrits etc., St.-Ptbg. 1794.*

16. *Catalogue des livres de la bibliothèque de S.M.E. le Comte Boutourlin revu par M.M. Ant. Alex. Barbier, Paris, 1805 (2 части).*

17. *Catalogue de la bibliothèque de S.E.M. le Comte D.Boutourlin. Redigé par Et. Audin aidé de V.Sloane, Anglais, Florence, 1831.*

18. *Catalogue de la bibliothèque de feu M. le Comte D.Boutourlin dont la vente se fera le lundi 25 Novembre 1839 et jours suivants... rue des Bons Enfants N 30... Paris, 1839.*

19. *Deuxième partie... dont la vente se fera le lundi 15 Novembre 1840 et jours suivants Paris, 1840.*



ВАЛЬЦ Карл Федорович

(1846—1929)

С гравюры неизвестного художника.

К.Ф. Вальц — механик-машинист и художник-декоратор, коллекционер «театральной машинерии».

Родился в Петербурге в семье обрусевшего остзейского немца Федора Карловича Вальца, служившего машинистом сцены Большого (Каменного) театра в Петербурге. В 1854 г. отец был переведен в Москву для оборудования сцены Большого театра, восстанавливаемого после пожара 1853 г. Мальчик проявлял большой интерес к работе отца, а тот, заметив этот интерес, решил дать сыну соответствующее образование.

В 1855 г. восьмилетний Карл Вальц был отправлен отцом за границу «в ученье». Он занимался в Дрездене в общеобразовательном пансионе и одновременно получал специальные знания у профессора театрально-декорационной живописи Королевского оперного театра Отто Рама. Спустя два года он переехал в Берлин на стажировку к профессору Берлинского королевского театра Карлу Гроппиусу.

Вернувшись в Москву, Карл Вальц стал помогать отцу. «Сложный механизм сцены пленял мое юношеское воображение и живо интересовал. Я пытливо расспрашивал отца, — вспоминал позднее Карл Федорович, — о всех мельчайших подробностях машинно-декорационной части и всегда получал серьезные и исчерпывающие объяснения» (1, с. 25). В пятнадцать лет он уже работал в качестве художника-декоратора Большого театра, а с 1869 г. занял место отца и стал механиком-машинистом этой прославленной сцены. Служению театру Карл Федорович отдал шестьдесят пять лет своей жизни.

«Кто же в Москве не знал волшебника Вальца?! — вспоминал артист и режиссер В.П.Шкафер. — Чудеса превращения мрачных замков в роскошные сады с фонтаном, провалы городов, пожары, появление плывущих по морю кораблей, колоссальные разрушения, приводящие зрителей в смяте-

ние и ужас, — все это было делом огромной фантазии и рук К.Ф.Вальца» (10, с. 183). В Москве не было ни одного театра, ни одного значительного гуляния или благотворительного вечера, «обстановкой» которых не заведовал бы Карл Федорович. Популярность его в Москве была велика. Создатель технических и световых эффектов, в воспоминаниях москвичей-современников он всегда предстает магом и чародеем.

Народные гулянья, проходившие в Москве по случаю коронации Александра III, а затем Николая II, надолго запомнились москвичам благодаря затейливым и изобретательным пиротехническим спектаклям, придуманным К.Ф.Вальцем. Непременными атрибутами гуляний были в ту пору иллюминации и фейерверки, устройством которых он тоже виртуозно владел.

Вальц пользовался известностью не только в Москве. Его приглашали в Париж, он сопровождал знаменитую балетную антрепризу Сергея Дягилева во время «Русских сезонов» в Париже. Феерическая постановка спектакля «Павильон Армиды», в подготовке которой он принимал самое непосредственное участие, произвела столь сильное впечатление на парижскую публику, что многие ходили за кулисы как бы на экскурсию, чтобы своими глазами увидеть тайны «русского Калиостро».

Карл Федорович принадлежал к последней плеяде механиков и декораторов, мастеров феерических постановок. Со временем в его доме собралась уникальная коллекция, раскрывавшая секреты «театральной машинерии». Здесь были чертежи, рисунки, эскизы декораций, модели, макеты, различные инструменты, словом, все, без чего нельзя представить искусство сценического оформления спектакля.

Бывая ежегодно в Западной Европе, Карл Федорович собирал и там все то, что могло пригодиться в профессиональной деятельности. Он привозил в Москву и макеты, и чертежи, и, конечно, книги, посвященные искусству театра и механике сцены.

Готовя постановку, мастер сначала делал предварительные наброски и выполнял макеты, причем иной раз макеты были действующими. С детства хорошо познавший законы механики и физики, он изготавливал все эти макеты на редкость изобретательно и искусно. Это был Мастер в высшем значении слова. Так, он выполнил модель сцены Большого театра с устройством целой системы водопроводных труб. Стоило при пожаре нажать всего одну кнопку, и вся сцена мгновенно окружалась сплошными водяными стенами.

К.Ф.Вальц умер в Москве 3 апреля 1929 г., похоронен на Немецком кладбище.

Вся коллекция Карла Федоровича после его смерти поступила в Государственный центральный театральный музей им. А.А.Бахрушина.

В Москве Вальц жил в доме Кальмеера на Пречистенском бульваре (д. 23).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальц К.Ф. Шестьдесят пять лет в театре. — Л., 1928.*

2. *Вальц К.Ф. // Всемирная иллюстрация. — 1886. — N 926. — С. 276—278, 281.*

3. *Вальц К.Ф. // Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. —*

М., 1972. — Т. 2. — С. 160.

4. Вальц К.Ф.: Некролог // Современный театр. — 1929. — N 16. — С. 259.

5. Петрова М.В. О специфике систематизации, хранения и исследования художественных фондов в ГЦТМ имени А.А.Бахрушина // Музей-4: Художественные собрания СССР. — М., 1983. — С. 10.

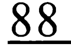
6. Р. Отголоски дня // Московский листок. — 1911. — N 224 (30 сентября). — С. 3.

7. Сашонко Вл. Вальцы и вальсы // Нева. — 1989. — N 11. — С. 198—202.

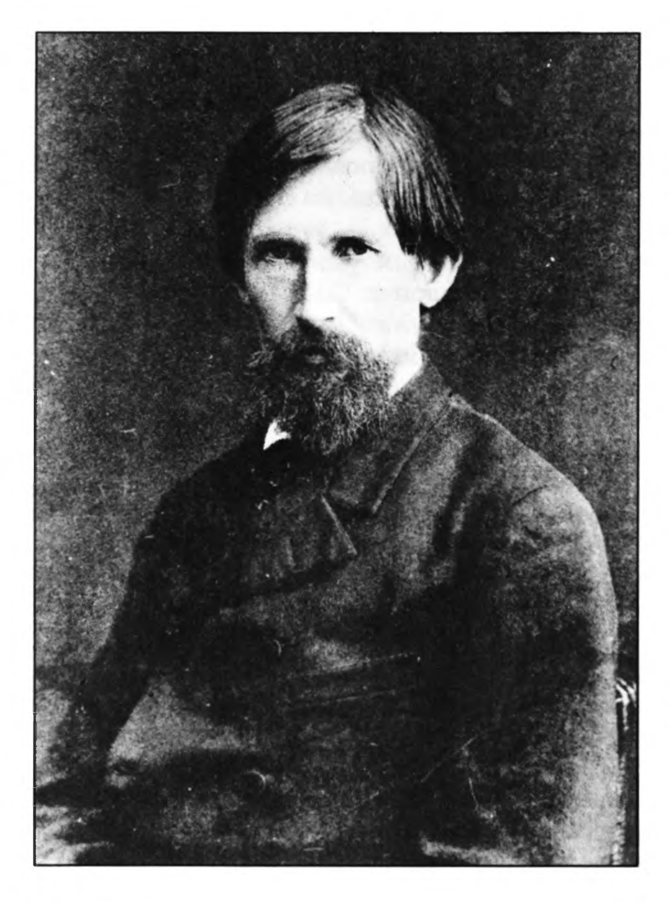
8. Театр и музыка // Новое время. — 1911. — N 12770 — 30 сентября (13 октября). — С. 5.

9. Шестьдесят пять лет в театре // Красная нива. — 1928. — N 43. — С. 15.

10. Шкафер В.П. Сорок лет на сцене русской оперы. — Л., 1936. — С. 119, 183—184, 244.



ВАСНЕЦОВ
Виктор Михайлович
(1848—1926)



В.М. Васнецов — художник, собиратель икон.

Родился 3 мая 1848 г. в селе Лопьял Вятской губернии в семье священника Михаила Васильевича Васнецова. Детство прошло в селе Рябово. Учился в духовном училище в Вятке (1858—1862), а затем в Вятской духовной семинарии (1862—1867), но с последнего курса ушел. Тяга к рисованию взяла верх. Еще мальчиком любил он рисовать большие корабли, морские сражения, а в Вятке регулярно ходил в местный музей копировать гипсы и срисовывать литографии.

В 1867 г. юноша отправился в Петербург. Вначале учился в Рисовальной школе Общества поощрения художников у И.Н.Крамского, а с 1868-го по 1875 г. — в Академии художеств. Еще в годы ученичества он впервые обратился в своем творчестве к древностям: в 1867 г. выполнил серию литографированных рисунков для издания «Царскосельский арсенал, или Собрание оружия, принадлежащего Е.В. Государю Императору Александру Николаевичу» (Спб., 1869).

В марте 1878 г. Васнецов принял решение уехать из Санкт-Петербурга в Москву и заняться исключительно историко-былинной живописью. В апреле 1878 г. он уже был в Москве и с тех пор не разлучался с этим городом. «Я чувствовал всем существом, — писал Виктор Михайлович, — что только Москва, ее народ, ее история, ее Кремль смогут оживить мою обессиленную петербургским равнодушием и холодом фантазию! Только Москва, этот исконный центр всего родного, с детства такого близкого и понятного, сможет правильно насытить мое истосковавшееся по всему русскому, по всей народной поэзии творчество, направить меня по настоящему, русскому художнику свойственному, пути и направлению!» (6, с. 26).

До 1878 г. Васнецов трижды бывал в Москве проездом. Однако ему ни разу не удалось познакомиться с городом поближе. Теперь, обосновав-

шись здесь, он с головой ушел в мир самобытной старины, которой в ту пору была столь богата Москва. «Когда я приехал в Москву, — писал позднее Васнецов Стасову, — то почувствовал, что приехал домой и больше ездить уже некуда — Кремль, Василий Блаженный заставляли меня чуть не плакать, до такой степени все это веяло на душу родным, незабвенным» (7, с. 148).

В Москве одновременно с Виктором Михайловичем поселились И.Е.Репин и В.Д.Поленов. Друзья вместе осматривали достопримечательности города, знакомились с подмосковными монастырями. В первые же дни они осмотрели Оружейную палату, Патриаршую ризницу, Румянцевский музей, Художественно-промышленный музей им. Императора Александра II при Строгановском училище; побывали на Мясницкой в галерее русской живописи Солдатенкова, на Покровке у собирателя западной живописи Д.П.Боткина, на Пречистенке в голицынском музее; познакомились с коллекцией старопечатных книг А.И.Хлудова; стали постоянными посетителями Третьяковской галереи.

В Москве Васнецов стал одним из деятельных участников Абрамцевского художественного кружка, близко сошелся с С.И.Мамонтовым.

Стремясь к созданию произведений в истинно национальном стиле, Виктор Михайлович обратился к событиям прошлого, образам былин и русских сказок. Вершиной на этом пути стало полотно «Богатыри» (1881—1898). Широкую известность получили монументальные росписи, выполненные Васнецовым в православных храмах. Особенно большой успех сопутствовал его работе во Владимирском соборе в Киеве (1885—1896).

В 1882—1885 гг. В.М.Васнецов создал картину-фриз «Каменный век». «Серия Васнецовских панно «Каменный век», исполненных для Исторического музея, — отмечал И.Э.Грабарь, — единственная в европейской живописи композиция, заставляющая верить в подлинность этих первобытных людей» (2, с. 335).

В Историческом музее В.М.Васнецов близко познакомился с И.Е.Забелиным, А.В.Орешниковым, В.Н.Щепкиным, В.И.Сизовым. Они часами могли увлеченно говорить на исторические темы. В стенах музея устраивались персональные выставки Васнецова, причем часть вырученных от них денег автор жертвовал на расходы «по приобретению памятников древней русской культуры и предметов искусства, литературы, утвари и проч.» (2, с. 220).

Виктор Михайлович стал не только ценителем, но и собирателем русской старины. Возможно, мысль о личной коллекции зародилась у него в Абрамцеве, когда там стал создаваться музей народного творчества. Васнецов «широко раскрытыми глазами» разглядывал стремительно стекавшиеся в Абрамцево расписные прялки, донца, резные вальки. Живя подолгу в Абрамцеве, художник, как и многие друзья С.И.Мамонтова, втянулся в собирательство.

Личная коллекция В.М.Васнецова тоже включала образцы народного творчества, но все же наиболее ценной частью ее стали иконы. Он собирал их планомерно, примерно с 1890-х гг. Хорошо зная антикварный рынок Москвы, поддерживал отношения со многими торговцами древностями. Знакомые антиквары неоднократно сообщали ему письменно о наличии в прода-

же интересных памятников старины: икон, оружия, книг. Был дружен с коллекционерами, особенно с И.С.Остроуховым, И.Е.Цветковым.

«Большим его увлечением, — отмечал в своих мемуарах племянник художника Всеволод Аполлинарьевич Васнецов, — было собирание произведений древнерусского искусства — старинных икон. За свою жизнь он собрал замечательную коллекцию, в которую входили совершенно уникальные произведения мастеров-иконописцев. Я не знаю, где, как и по каким ценам приобретал он древние иконы, но иногда ему удавалось купить что-нибудь интересное на Сухаревском рынке» (1, с. 101).

Всеволод Аполлинарьевич продолжал: «На этом же Сухаревском толчке попадались моему дяде древние иконы. Он был большим их знатоком и одним взглядом определял достоинства предлагаемого произведения. И вот иногда раздавался телефонный звонок — звонил дядя Виктор. «Аполлинарий! Какую вещь я приобрел! Сейчас же приезжай смотреть». Ему не терпелось похвастаться своим приобретением. Отец немедленно выезжал, а частенько и я с ним. Посередине мастерской на мольберте уже стояла новая покупка. Как всякий коллекционер, пополнивший свою коллекцию каким-либо интересным приобретением, дядя бывал оживлен, разговорчив и сиял как именинник. Оба брата с интересом рассматривали икону, восторгались ее достоинствами, иногда спорили о школе и времени» (1, с. 102).

В начале XX века коллекция икон В.М.Васнецова была уже столь значительной, что, будучи показанной на выставке Первого съезда русских художников (Петербург, 1911—1912), обратила на себя внимание. Здесь художник экспонировал 44 иконы.

В собрание Виктора Михайловича входили в основном иконы XVI—XVII вв. Среди произведений XVI в. у него были «Богоматерь с младенцем», «Никола»; к XVII столетию относились иконы «Праздники», двусторонняя икона «Никола» и «Богоматерь», «Богородичные праздники». Самыми древними в его собрании были две иконы XV в. — «Деисус» и «Житие Николы Зарайского».

В конце своей жизни Васнецов занимался преимущественно религиозной живописью. Изучение подлинников, в том числе и из собственной коллекции, помогало ему в решении творческих задач.

Кроме икон в васнецовском собрании были интересные образцы старинных русских доспехов (кольчуга, остроконечный шлем с забралом, секиры, круглый щит, двуручный меч в черных ножнах, берданка) и мебели (дубовый стол петровского времени, столешница которого в центре украшена двуглавым орлом, и деревянный, обитый кожей сундук, передняя крышка которого была инкрустирована перламутром и слоновой костью), образцы народной резьбы (доски с резным растительным орнаментом), народного костюма, бытовая утварь (братины, ковши, туеса), расписные прялки. В 1910-е гг. из поездки по Верхней Волге художник привез коллекцию лубочных картинок.

С весны 1894 г. до конца своих дней В.М.Васнецов жил в доме, выстроенном по его проекту в Троицком переулке (ныне пер. В.М.Васнецова, д. 13). Влюбленный в старину, художник и свой дом-мастерскую устроил в виде сказочного деревянного дворца. Как писал неоднократно бывавший здесь Ф.И.Шаляпин, это было «нечто среднее между современной крестьянской

избой и древним княжеским теремом» (6, с. 11). Обстановка дома целиком отвечала наклонностям владельца. Тут вдоль стен тянулись дубовые скамьи, стояли массивные деревянные резные столы, шкафы-буфеты, стулья. Украшением интерьеров были печи, сложенные на старый манер и украшенные многоцветными изразцами. Среди этого убранства как-то особенно органично смотрелись старинные вещи из личного собрания Васнецова.

Самую драгоценную часть собрания — иконы — Виктор Михайлович поместил в кабинете-спальне. В доме эту комнату, расположенную на втором этаже напротив мастерской, называли «светелкой». На многих она производила впечатление кельи летописца в древнем монастыре. «Вдоль стен — широкие, чисто выструганные скамьи. На бревенчатых стенах угольные и карандашные наброски, рисунки, этюды. В левом углу старинные строгие иконы без позолоты и украшений — это ценнейшие образцы творчества древнерусских живописцев», — вспоминал Всеволод Аполлинарьевич Васнецов (1, с. 98). На столе, на скамьях, в большом книжном шкафу неизменно привлекали внимание старинные книги в толстых кожаных переплетах.

В мастерской этого дома в 1925 г. М.В.Нестеров написал портрет В.М.Васнецова на фоне икон из его личного собрания. «Вышел очень художественный, — писал Виктор Михайлович в письме к М.В.Васнецову. — О сходстве я сам говорить не могу: но говорят, похож. Написан у меня в мастерской на фоне старых икон, так что, пожалуй, можно принять за торговца старыми иконами, вроде Силина. Все, впрочем, хвалят» (2, с. 253—254).

С коллекцией В.М.Васнецова были хорошо знакомы многие современники. На знаменитые «васнецовские четверги» в его «теремок» приходили с семьями И.Е.Репин, В.Д.Поленов, В.И.Суриков, В.А.Серов, М.В.Нестеров, А.И.Куинджи, К.А.Коровин, А.П.Чехов, Ф.И.Шаляпин.

В.М.Васнецов умер в Москве 23 июля 1926 г.. Похоронен на Введенском кладбище.

После смерти художника его дом и все художественные собрания перешли дочери Татьяне Викторовне Васнецовой. Благодаря ей в 1953 г. в этом здании был открыт Мемориальный музей В.М.Васнецова, существующий и поныне. Здесь сохраняется основная часть коллекции икон (свыше тридцати) и других памятников старины, некогда собранных Виктором Михайловичем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Васнецов В.А. Страницы прошлого: Воспоминания о художниках братьях Васнецовых. — Л., 1976. — С. 91—110.

2. Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.А.Ярославцевой. — М., 1987.

3. Вздорнов Г.И. Живая старина: Частное коллекционирование икон в России // Наше наследие. — 1993. — N 28. — С. 115—125.

4. Дом-музей В.М.Васнецова: Каталог. — М., 1959.

5. Лобанов В.М. Виктор Васнецов в Москве. — М., 1961.

6. Лобанов В.М. Дом-музей художника В.М.Васнецова. — М., 1957.

7. Моргунов Н.С., Моргунова-Рудницкая Н.Д. Виктор Михайлович Васнецов: Жизнь и творчество. — М., 1962.

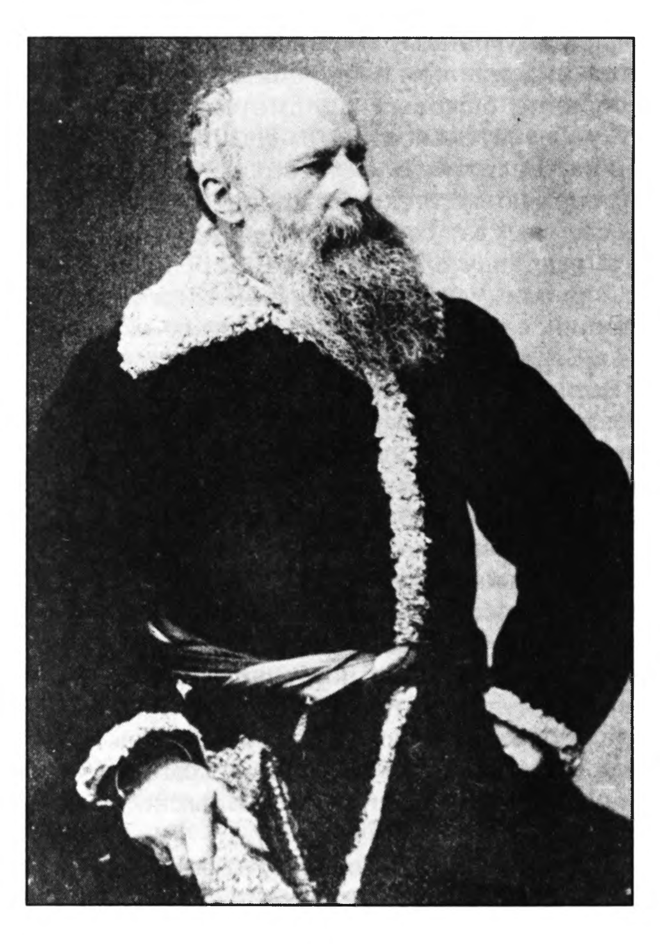
8. Поленова Н.В. Абрамцево. — М., 1922.

9. Стасов В.В. Виктор Михайлович Васнецов и его работы: Воспоминания и заметки В.В.Стасова. // Искусство и художественная промышленность. — 1898. — N1—2. — С.65—96; N3. — С.137—183.

10. Успенский А.И. В.М.Васнецов. — М., 1906.

ВЕРЕЩАГИН Василий Васильевич

(1842—1904)



В.В. Верещагин — художник, очеркист, собиратель памятников этнографии и декоративно-прикладного искусства.

Родился в Череповце 14 октября 1842 г. в дворянской семье. Окончил Петербургский морской кадетский корпус. Тогда же проявил наклонности к искусству и стал посещать Рисовальную школу Общества поощрения художников. Наконец занятия живописью одержали верх. Отказавшись от военной карьеры, Верещагин поступил в Академию художеств. Разочаровавшись в постановке академического образования, спустя три года оставил ее стены. Продолжил образование в Парижской Академии художеств.

В историю русской живописи В.В.Верещагин вошел как художник-баталист, автор знаменитых серий исторических картин — Туркестанской, Балканской, а также цикла произведений, посвященных Отечественной войне 1812 года.

Его неоспоримой заслугой является создание особого жанра документально-этнографической живописи. Много путешествуя по России, странам Западной Европы, Индии, Палестине, Афганистану, Турции, Филиппинам, Японии, Америке, Кубе, он всюду делал подробные и документально точные зарисовки с натуры. И отовсюду привозил «овеществленные приметы» этих мест: костюмы, оружие, бытовую утварь, предметы декоративно-прикладного искусства. Все его картины были насыщены реалистическими деталями, строились на глубоком знании быта и истории материальной культуры. «Овеществленные приметы» со временем составили богатую историко-бытовую и художественную коллекцию.

Собирать он начал довольно рано — в шестидесятые годы XIX в. И уже из первого путешествия по Кавказу и Дунаю (1863—1865) привез

немало разного рода «трофеев». В его собрание входили предметы чуть ли не со всего света. Заметное место занимала и русская коллекция.

В июне 1888 г. издатель журнала «Русская старина» М.И.Семевский, путешествуя по России, случайно встретился с В.В.Верещагиным в Ярославле. Василий Васильевич уже побывал в Ростове, Костроме, Макарьеве на Унже и теперь с восторгом осматривал Ярославль. «Две просторные комнаты, занятые им на антресолях Кокуевской гостиницы, — вспоминал позднее М.И.Семевский, — представляют целый музей: кокошники, вообще головные и всякие другие женские уборы, предметы старины самые разнообразные, тут и иконы, и пуговицы, и монеты, и оружие, и рукописи — все это приобретается художником с большим знанием дела и все поступает в громадное собрание бытовых предметов всех стран света, куда только приводит его любознательность» (8, с. 205).

По свидетельству А.П.Бахрушина, Василий Васильевич купил у собирателя Н.И.Подклюшникова знаменитую коллекцию древнерусских бытовых вещей, куда входили кресты, посуда, серьги, пуговицы.

Устраивая в 1869 г. свою первую выставку в Петербурге, Верещагин экспонировал на ней предметы быта, оружие, украшения среднеазиатских народов. И впоследствии все свои многочисленные выставки в Москве и Петербурге, Варшаве и Будапеште, Вене и Берлине, Париже и Лондоне, Стокгольме и Праге, Брюсселе и Нью-Йорке Василий Васильевич непременно дополнял новыми предметами. Он сам выстраивал все экспозиции и считал, что предметы искусства и старины органично вписываются в них, помогая глубже понять творческую манеру и замысел автора. «Для декорирования служили также предметы этнографических коллекций, собранных отцом в его путешествиях, — писал сын художника, — азиатское и европейское оружие, дорогие индийские, туркменские и бухарские ковры» (5, с. 144).

С 1892 г. жизнь Верещагина была тесно связана с Москвой. Тут он продолжил работу над циклом картин об Отечественной войне 1812 г., и это побудило его продать парижскую мастерскую и обосноваться в Москве. Панорама старой Москвы, ее памятники старины, музеи и частные коллекции помогали художнику в его работе. Особенно часто бывал Верещагин в музее русской старины П.И.Щукина, в Историческом музее, в Оружейной палате. Ощутимым подспорьем служила для Василия Васильевича и его личная коллекция.

Московский дом художника действительно напоминал самый настоящий музей. «Зимняя мастерская в доме за Серпуховской заставой, — вспоминал позднее сын Василия Васильевича, — не была лишь помещением, где отец работал и где находились его картины, а скорее походила на музейный зал, где кроме многочисленных картин было собрано множество предметов, привезенных отцом из его путешествий по разным странам Старого и Нового света» (5, с. 42).

Возводя дом-мастерскую у деревни Нижние Котлы (близ села Коломенское), Верещагин специально предусмотрел условия для размещения личной коллекции. В мастерской свободно помещались как холсты больших размеров, так и разнообразнейшие предметы собрания.

«Особенно красиво была обставлена и декорирована угловая часть левой половины мастерской у входа, где располагались коллекции отца», —

отмечал сын Верещагина (5, с. 44). Широкие лавки были устланы нарядными коврами, пестрый индийский ковер покрывал пол, на нем стояло кресло индийской работы из черного дерева, сплошь покрытое затейливой резьбой. Между двумя парами оленьих рогов висело индийское зеркало в раме с перламутровой инкрустацией, на полочке стояли фигурки из слоновой кости.

На северной стене над лавкой помещалось старинное холодное и огнестрельное оружие, привезенное художником с Кавказа и из Туркестана, из Индии и Турции. Здесь были кавказские кинжалы, шашки, стальные кольчуги, турецкие ятаганы, арабская винтовка с прикладом и ложем, украшенными перламутровой инкрустацией, китайские луки, ружья французской и русской армий времен Отечественной войны 1812 г. Здесь же висели последнего образца американская пехотная винтовка, кавалерийский карабин, офицерские шпаги и сабли. Особое место в этой «экспозиции» занимала тяжелая пищаль, которую художник изобразил на картине «Богатый киргизский охотник с соколом» (5, с. 44).

Из поездки в Японию в 1903 г. Василий Васильевич привез большую коллекцию предметов искусства и домашнего обихода. Мастерская украсилась шелковыми панно с традиционными изображениями священной горы Фудзияма, аистов, цветущей вишни, драконов, хризантем. На столах и полочках появились вазы из бронзы и фарфора, но особенно драгоценным было собрание нэцкэ, вырезанных из слоновой кости и твердых пород дерева. Рядом стояли изящные лакированные шкатулки.

У рояля лежали роскошные шкуры тигра, медведя и леопарда, привезенные из Индии. На стене были укреплены чучела двух ястребов, а между ними — большого гималайского орла, с потолка свешивались чучела «парящих» орлов.

Из Ярославля, Костромы, Вологды, Сольвычегодска, с берегов Северной Двины, где художник путешествовал в 1894 г., были привезены многочисленные предметы русского быта. В резных шкафах-витринах лежали иконы, венцы с икон, кресты, стояли кубки, рядом возвышался деревянный резной клирос из старой церкви села Верхняя Тойма.

Помимо всего прочего в доме Верещагина бережно сохранялся «Скобелевский уголок» — здесь были мундир, складной походный стульчик, боевой значок. Каждая вещь была подарена владельцу самим Михаилом Дмитриевичем Скобелевым на память о встречах в Туркестане и в период Русско-турецкой войны. Каждая из скобелевских реликвий имела свою историю. Именно в этом мундире Скобелев был ранен на Зеленых горах: маленькая заплатка на груди возле сердца указывала место ранения. Боевой значок — большой кусок двойной красной шелковой материи с желтым шелковым крестом, набитый на казацкую пику, хранящий следы от пуль и непогоды — был со Скобелевым в двадцати двух сражениях.

Прямо в мастерской находилась большая библиотека. В ней насчитывалось свыше тысячи книг на французском, английском и немецком языках по истории, социологии, естествознанию, философии, астрономии. Особенно любил Верещагин книги с описанием путешествий. Почти все книги имели пометы владельца.

В 1895 и 1898 гг. В.В.Верещагин принес в дар Императорскому Историческому музею отдельные предметы из своего собрания.

В.В.Верещагин погиб 31 марта 1904 г. при взрыве броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре.

После его смерти следы замечательной коллекции теряются. Известно лишь, что в 1907 г. его вдова, Лидия Васильевна, передала в дар Историческому музею реликвии Русско-турецкой войны 1877 г. Вероятно, оставшись без средств к существованию, вдова художника была вынуждена распродавать коллекцию. Не сохранился и дом, сгоревший дотла.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает / Прим. М.Цявловского. — М., 1916. — С. 24, 77, 106.

2. Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. — М., 1993. — С. 144—183.

3. Верещагин В.В. Очерки, наброски, воспоминания. — Спб., 1883.

4. Верещагин В.В. Повести, очерки, воспоминания. — М., 1990.

5. Верещагин В.В. Воспоминания сына художника. — Л., 1978.

6. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 368—372.

7. Марти Х. Выставка картин Верещагина // Куба. — 1967. — N1. — С. 19—23.

8. Семевский М.И. Путевые очерки, заметки и наброски // Русская старина. — 1889. — Т. 10.— С. 203—210.

9. Стасов В.В. Выставка Верещагина в Берлине // Стасов В.В. Собр. соч. — Спб., 1894. — Т.2., отд.3 — Столб. 563—572.

10. Стасов В.В. Выставка Верещагина в Париже // Новое время. — 1879. — N 1374.

11. Стасов В.В. Конец выставки В.В.Верещагина в Париже // Стасов В.В. Собрание сочинений. — Спб., 1894. — Т.2., отд.3 — Столб. 563—572.

12. Суетенко В.П. Дом у заставы: Московские годы жизни и творчества В.В.Верещагина. — М., 1968.

13. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1912. — Ч.3. — С. 33; Ч.5. — С. 25—28.

ВИГЕЛЬ Филипп Филиппович
(1786—1856)

С гравюры К.С. Осокина. 1836.

Ф.Ф. Вигель — литератор, мемуарист, библиофил, собиратель гравюр, литографий и рисунков.

Родился 12 ноября 1786 г. в селе Симбухово Пензенского уезда Пензенской губернии. Его отец генерал служил пензенским гражданским губернатором. Принадлежал к обрусевшему шведскому роду; мать — к русскому дворянскому роду Лебедевых. Детство мальчик провел в Киеве. В 1798 г. непродолжительное время учился во французском пансионе в Москве. Не получив систематического образования, Ф.Ф.Вигель всю жизнь гордился, что его домашним учителем одно время был Иван Андреевич Крылов.

С 1800 г. Ф.Ф.Вигель начал службу в Архиве Коллегии иностранных дел в Москве. В дальнейшем служил в разных ведомствах в Петербурге. В 1824—1826 гг. Филипп Филиппович был вице-губернатором в Бессарабии, в 1826—1828 гг. — градоначальником в Керчи.

Вернувшись в Петербург, Вигель стал сначала вице-директором, а вскоре — директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий. В 1840 г. он вышел в отставку в чине тайного советника и поселился в Москве.

«В эту зиму, — вспоминал С.М.Загоскин, — приехал на жительство в Москву Филипп Филиппович Вигель и стал часто посещать матушку, нередко обедая со мною и братьями; хотя я и прежде видал его в нашем доме, но только с этого времени ближе познакомился с этим умным занимательным собеседником.

Вигель, старик лет 67, небольшого роста, сгорбленный, одетый постариковски в долгополый сюртук и всегда в черных укороченных панталонах, походил на какого-то приказного или подьячего старого времени. Лицо его было выразительное и умное; маленькие огненные черные глаза ехидно смотрели из-под нависших бровей; тонкие губы насмешливо улыбались, а небольшой горбатый нос придавал его лицу вид хищной птицы. Речь его была тихая, плавная, увлекательная, но порой ядовитая и даже злая» (3, с. 944).

О Вигеле сохранилось немало свидетельств современников. И хотя оценка его личности не всегда лестна, однако все отмечали его литературную одаренность, меткость суждений, его недюжинную способность

проникать в суть вещей и особенно его мастерство рассказчика. В своем дневнике А.С. Пушкин 7 января 1834 г. писал: «Вчера был он у меня. Я люблю его разговор — он занимателен и делен» (8, с. 65).

Автор мемуаров француз Ипполит Оже писал о Вигеле: «Речь его отличалась особенным характером: она обильно пересыпалась удачными выражениями, легкими стишками, анекдотами, и все это с утонченностью выражения и щеголеватостью языка придавало невыразимую прелесть его разговору» (1, с. 437).

Широкую известность в России Ф.Ф.Вигель приобрел благодаря своим мемуарным записям, сделанным после выхода в отставку. Сохраненные им свидетельства являются ценнейшим источником, так как Филипп Филиппович знал многих выдающихся людей своего времени и был участником важных исторических событий. Он, например, хорошо помнил вступление на престол Павла I; как член известного литературного кружка «Арзамас» общался с писателями и поэтами — И.А.Крыловым, А.С.Пушкиным, Н.М.Карамзиным, П.А.Вяземским, К.Н.Батюшковым, Н.И.Гнедичем, Н.В.Гоголем; имел связи в кругах масонов. По роду своей службы Вигель соприкасался с представителями высшего чиновничества.

«Записки» Ф.Ф.Вигеля ярко рисуют дворянское общество и быт России с конца XVIII в. до 30-х гг. XIX столетия. Литературные характеристики современников органично дополнялись галереей литографированных портретов русских деятелей, которые автор собирал всю жизнь.

В 1852 г. Ф.Ф.Вигель принес в дар Московскому университету свою обширную графическую коллекцию. «Тайный советник Вигель пожертвовал в пользу Московского университета, — отмечалось в отчете университета за 1852—1853 гг., — собрание 3139 отдельных гравированных портретов и до 800 рисунков, в особых изданиях помещенных» (5, с. 50).

Переданная владельцем коллекция находилась в образцовом состоянии. Портреты хранились в специальных папках по группам: «портреты русских иностранцев, служивших в русской службе» и «портреты иностранцев». На полях гравюр владелец собственноручно делал подписи и пояснения. На некоторых гравюрах были автографы. Собрание представляло большую историческую и художественную ценность.

Русская портретная галерея включала 415 гравюр и литографий. Почти половину из них составляли изображения современников коллекционера. Почетное место занимали деятели отечественной культуры, связанные с Московским университетом — М.В.Ломоносов, И.И.Шувалов, Е.Р.Дашкова, П.Г.Демидов, М.М.Херасков, М.Н.Муравьев.

Превосходно в этом собрании были подобраны портреты писателей и поэтов — Д.И.Фонвизина, Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, Н.В.Гоголя. Среди воспроизведений образа А.С.Пушкина почетное место принадлежало гравюре Н.И.Уткина с оригинала О.А.Кипренского с автографом поэта. Большую ценность представляли также два портрета З.А.Волконской.

В вигелевской коллекции были и подлинные раритеты: изображения адмирала И.М.Головина, парные портреты наследников престола — Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны.

С точки зрения истории искусств это собрание также являлось заслуживающим большого внимания. В нем были сосредоточены произведе-

ния многих выдающихся русских и иностранных граверов разных школ и эпох. Русская гравировальная школа XVI—первой половины XIX в. была представлена работами Е.П.Чемесова (портреты И.И.Шувалова, Екатерины II, Е.Р.Дашковой, Г.Г.Орлова, Ф.Г.Волкова), И.А.Берсенева (портрет Е.Н.Орловой), Д.Ф.Герасимова (портрет П.И.Ягужинского, П.С.Салтыкова), Н.И.Уткина (портреты А.Б.Куракина, А.В.Суворова, Е.С.Семеновой, А.Н.Оленина) и др.

Среди произведений иностранных мастеров можно назвать гравюры Г.Шмидта (портреты К.Г.Разумовского, П.И.Шувалова), Дж.Уокера (портреты А.М.Дмитриева-Мамонова, А.А.Безбородко, Екатерины II, П.А.Зубова, А.Д.Ланского), Т.Райта (портреты А.Н.Голицына, А.П.Ермолова, А.С.Меншикова, М.А.Милорадовича, Н.С.Мордвинова, М.А.Сперанского) и др.

Ф.Ф.Вигель собрал полную коллекцию портретов, выпущенных в начале XIX в. издателем и коллекционером П.П.Бекетовым.

К сожалению, до сих пор неизвестно, когда и как Ф.Ф.Вигель собирал свою коллекцию. Остается загадкой, почему этот маститый коллекционер ни словом не обмолвился об этих портретах ни в мемуарах, ни в переписке с современниками.

Кроме коллекции графики Вигель дорожил своей библиотекой, в которой было свыше двух тысяч прекрасно переплетенных томов, главным образом на французском языке и преимущественно по истории и сценическому искусству.

Ф.Ф.Вигель часто переезжал с места на место. По свидетельствам современников, Филипп Филиппович, обладая неуживчивым характером, часто менял место жительства, «таская за собой мебель, библиотеку и разную домашнюю утварь» (3, с. 944).

Ф.Ф.Вигель умер 20 марта 1856 г. в Москве. Коллекция, собранная Ф.Ф.Вигелем, до настоящего времени хранится в Московском университете в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки. В истории российского частного собирательства это один из редких случаев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вигель Ф.Ф. Записки // Русские мемуары: Избранные страницы. 1800—1825. — М., 1989. — С.435—522.

2. Вигель Ф.Ф. Записки. — М., 1928. — Т. 1—2.

3. Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. —1900. — Март.

4. Зубков Н.Н. Ф.Ф.Вигель // Русские писатели: 1800—1917: Биографический словарь. — М., 1989. — Т. 1. — С.439—440.

5. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1852—1853 академический и 1853 гражданский годы. М., б.г.

6. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т. 2. — С.168.

7. Сапрыкина Н.Г. Коллекция портретов собрания Ф.Ф.Вигеля. Гравюра и литография XVIII—первой половины XIX века: Аннотированный каталог. — М., 1980.

8. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. — Л., 1976. — С.65—66.

9. Штрайх С.Я. Филипп Филиппович Вигель: Историко-литературный очерк. — М., 1928. — С. 37.

ВИНИУС
Андрей Андреевич
(1641—1717)

С гравюры неизвестного художника.

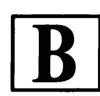
А.А. Виниус — государственный деятель, библиофил, собиратель карт, планов, гравюр.

Родился в Москве. Его отец, амстердамский купец Андрей Денисович Виниус, еще в 1627 г. приехал в Россию торговать. Позже он стал заниматься поисками руды и основал близ Тулы железоделательный завод. В 1646 г. принял православие и был записан в московские дворяне. Он стал первым иностранцем, имевшим влияние на государственные дела в России.

Видное положение Андрея Денисовича позволило Виниусу-младшему получить хорошее образование. Он смог, подобно отцу, достичь высокого положения при русском дворе. В 1664 г. двадцатитрехлетним юношей Андрей Андреевич стал переводчиком с голландского языка в Посольском приказе. Позднее, в 1677—1689 гг., Виниус возглавлял Аптекарский приказ, в 1697—1703 гг. — Сибирский приказ, в 1685—1701 гг. был во главе почтового ведомства. С 1678 г. — дьяк, с 1695 г. — думный дьяк.

Талантливый руководитель, А.А.Виниус внес много нового и полезного в организацию работавших под его началом учреждений. Он пользовался прекрасной репутацией у русских царей, был деятельным помощником Петра I, преподавал ему голландский язык. Петр I сразу же оценил его достоинства и приблизил к себе. Виниус выполнял дипломатические поручения, занимался организацией Навигацкой школы. Во время Азовских походов он ведал снабжением русской армии.

Возвращавшимся из Второго Азовского похода войскам Виниус подготовил торжественную встречу — в Москве была построена Триумфальная арка. По описанию одного из современников, 30 сентября 1696 г. при



церемонии приветствия «устроитель торжеств, Виниус, с верху Триумфальных ворот в трубу говорил вирши победителям» (5, с. 22).

В 1697—1698 гг., когда царь инкогнито едет в Европу, только Виниусу «тайными чернилами» он посылает письма, в которых сообщает обо всем виденном и слышанном.

Зная языки и обладая литературными способностями, Виниус занимался переводами научных сочинений, составлял словари.

Перу Виниуса принадлежат многочисленные труды в области богословия, этики, истории, государственного управления, географии. Одна из самых крупных его работ была закончена в 1667 г. Она называлась «О столицах нарочитых городов и славных государств, и земель, и островов, и проливов, и знатных мест сухими и водными путями, колика имут расстояние Российского Государства от первопрестольного Его Царского Величества града Москвы». Примерно в эти же годы он составил географическую карту, на которой указал путь из Москвы в Китай.

В 1703 г., отстраненный от высоких постов, продолжал службу в Посольском приказе. В 1706 г. его направили в район военных действий, и он бежал в Голландию. В 1708 г. вернулся в Россию, «повинился» перед Петром I. В последние годы жизни работал над переводами на русский язык сочинений по механике, фортификации, артиллерийскому делу.

Всю жизнь занимаясь переводами и литературным трудом, А.А.Виниус в течение пятидесяти лет собирал ценную библиотеку.

Книги Виниус покупал и в Москве, и будучи за границей. Кроме того, он выписывал их из-за границы через голландского ученого и путешественника Н.Витсена.

Книжное собрание А.А.Виниуса насчитывало до 400 книг на немецком, французском, латинском, польском языках. Преобладали издания на голландском языке. Здесь были представлены книги, изданные в 1581—1702 гг.: сочинения по юриспруденции, философии, анатомии, архитектуре, математике. Наибольшей полнотой отличались разделы по истории, филологии, географии и военному делу. Среди книг этой личной библиотеки было немало словарей и грамматик. В разделе географии выделялись описания России Герберштейна и Олеария, а также такие редкости, как «Монархия турецкая» (Рим, 1678), «Путешествие в Китай» (Амстердам, 1690).

Кроме книг у Виниуса было ценнейшее собрание географических карт, атласов и планов городов, в том числе рукописных.

Графическая коллекция Виниуса представляла в основном искусство голландских художников. Гравюры и рисунки находились в большом альбоме, в котором насчитывалось 138 гравюр и 171 рисунок. На его переплете рукой владельца выведено: «Книга Андрея Виниуса». В альбоме среди многочисленных листов было двадцать четыре рисунка крупного голландского мастера Яна Ливенса. Именно у Виниуса Петр I познакомился с графическим искусством голландских художников и сделался его поклонником и собирателем.

Раритетом этого собрания была икона Спаса Нерукотворного, подаренная царем Федором Алексеевичем в 1677 г. «в знак особой милости»

(в четырнадцатилетнем возрасте А.А.Виниус принял православие). Эта икона имела свою историю. По приказу Ивана Грозного в 1583 г. она была списана с подлинной чудотворной иконы, хранившейся в Риме. Получив ценный подарок, Виниус на оборотной стороне доски сделал пространную памятную запись.

В 1706 г., после того как А.А.Виниус бежал из России, Петр I приказал конфисковать его имущество. Вернувшись, Виниус просил вернуть ему хотя бы книги. В октябре 1708 г. «домишко распечатан, деревнишки возвращены». Однако книг в доме не оказалось. Выяснилось, что вся библиотека была передана в Аптекарский приказ, и только по специальному распоряжению Петра книги возвратились к владельцу.

В связи с переводом столицы и многих государственных учреждений в Петербург Виниус после 1712 г. вынужден был туда переехать и в начале 1717 г. умер.

После смерти владельца его книги поступили в личную библиотеку Петра I. Позднее они в составе петровского собрания переданы Екатериной I библиотеке Академии наук. Тут был составлен каталог книг А.А.Виниуса, который включал 363 названия. Туда же попал и альбом гравюр.

Икона Спаса Нерукотворного в конце XIX в. оказалась в церкви села Михайловское Старицкого уезда Тверской губернии, где сохранялась до 1917 г.

Отдельные планы, карты и атласы из бывшего собрания Виниуса поступили в Эрмитаж.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белокуров С.А. О Посольском приказе. — М., 1906.

2. Доброклонский М.В. «Книга Виниуса»: Памятник русского собирательства XVII—XVIII вв. // Известия Академии наук. — 1929. — Серия 7. — N 8. — С. 215—230.

3. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 4. — N 227.

4. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т. 1, кн. 1. — С. 332, 444; Т.1, кн.2. — С. 883.

5. Козловский И.П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого: 1641—1717. — Спб., 1911.

6. Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. — Варшава, 1913.

7. Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. — Л., 1985. — С. 34, 248.

8. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. — Л., 1973. — С. 236—238.

9. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. — Спб., 1862. — Ч.1. — С. 208—209.

10. Письма и бумаги императора Петра Великого. — М.-Л., 1950. — Т.9, вып.1. — С. 13, 52; Вып. 2. — С. 543—546, 631.

11. Сторожев В. Дело дьяка Ан.Ан.Виниуса. — Тверь, 1896.

ВЛАСОВ Александр Сергеевич

(1777—1825)

А.С. Власов — камергер двора, библиофил, собиратель живописи, графики, произведений декоративно-прикладного искусства.

Родился в знатной дворянской семье. Род Власовых известен с начала XVII столетия. Его отец служил при дворе и имел чин действительного статского советника. Воспитывался мальчик дома. В возрасте пяти лет записан в лейб-гвардии Семеновский полк.

Карьера А.С.Власова началась в том же полку, когда ему исполнилось двадцать лет. Шла служба весьма исправно: Александр Сергеевич получал звание за званием, в 1806 г. был произведен в капитаны и тогда же вышел в отставку, получив при этом чин действительного камергера.

Служба Александра Сергеевича проходила в Петербурге при царском дворе, что позволило ему познакомиться со многими собраниями произведений искусства, и в частности, с коллекцией Императорского Эрмитажа. «Частые посещения Эрмитажной галереи и, как сказывал он сам, первый приход туда, — вспоминал его друг коллекционер Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев, — решили судьбу его, означив в нем будущего пламенного любителя искусств. Юный Власов посвящал все свободные часы свои созерцанию тех славных произведений живописи, которыми бессмертная Екатерина обогатила Россию. Здесь сердце отрока трепетало пред великими идеалами великих гениев» (2, с. 287).

Знакомство с сокровищами Эрмитажа натолкнуло Власова на мысль о создании личной коллекции. Поскольку больших средств у него не было, то для начала выбор его пал на относительно недорогие эстампы. Александр Сергеевич стал собирать гравюры с тех живописных произведений, оригиналы которых хранились в Эрмитаже. Скоро, войдя во вкус, он стал охотиться за редкими и высококачественными оттисками.

Страсть к собирательству укрепилась во Власове после знакомства с князем Александром Михайловичем Белосельским-Белозерским, известным дипломатом и коллекционером. В 1805 г. они породнились: Александр Сергеевич женился на дочери Белосельского-Белозерского (от второго брака), Марии. Первой же дочерью князя была знаменитая Зинаида Александровна Волконская. Богатое приданое Марии Александровны позволило Власову оставить службу, переехать в Москву и всецело посвятить себя коллекционированию.

«Вполне удовлетворенный собранием эстампов, которых многие отпечатки признаны ненаходимыми, — отмечал один из современников, — Власов сделался страстным охотником до картин, резных камней, манускриптов и редких изданий книг» (2, с. 291). Ему посчастливилось приобрести почти полностью художественную коллекцию графа А.Г.Головкина (картины, гравюры, библиотеку, рукописи), а также графическое собрание Маслова, много живописных полотен при распродаже известной Голицынской картинной галереи. В его коллекцию перешло немало произведений искусства и книг из фамильного собрания Н.Ф.Хитрово.

Важнейшим источником пополнения коллекции А.С.Власова были его приобретения на заграничных аукционах. «Комиссионеры Власова жили безвыездно в Париже, во многих городах Италии и присылали все, что продавалось там редчайшего в отношении искусств» (2, с. 298). Причем, располагая значительными средствами, Александр Сергеевич порою даже перекупал вещи, предназначавшиеся для царствующих особ. В Италии для него было приобретено несколько работ из знаменитой коллекции Медичи. Резные камни поступили к нему из коллекций герцога Орлеанского, Одескальчи, Рикарди. Из кабинета герцога Орлеанского он получил картины «Иоанн Евангелист» и «Орест». Во Флоренции для него была приобретена картина «Богоматерь со спящим младенцем и малолетним Иоанном Крестителем» работы Рафаэля. Последнюю он считал лучшим произведением искусства в своем собрании.

За короткий срок Александр Сергеевич Власов сумел сформировать одну из крупнейших в Москве своего времени художественных галерей. В его доме побывали многие известные деятели русской культуры. Подробное описание коллекции оставил собиратель и журналист Павел Петрович Свиньин. Его воспоминания относятся к 1819 г. Он подробно пишет о собрании эстампов, картин, бронзы, камней и книг.

Известный историк А.Ф.Малиновский отмечал, что в особняке Власова «находились все предметы изящных искусств, с разборчивым вкусом собранные: книги, эстампы, живописные картины, резные камни, бронзы и мраморы. Не гоняясь за многочисленностью редкостей, он придерживался превосходства во всех родах» (6, с. 164).

А.С.Власов дважды издавал каталоги своего собрания, выходившие в Москве на французском языке в 1819 и 1821 гг. Они печатались малыми тиражами и распространялись среди узкого круга друзей, а также предназначались зарубежным комиссионерам. Эти издания давно стали величайшей библиографической редкостью. И хотя коллекции Власова больше не существует, эти каталоги, а также свидетельства современников позволяют достаточно полно представить ее состав.

Самая значительная часть власовской коллекции — картинная галерея и библиотека. Достаточно сказать, что он владел такими шедеврами мирового искусства, как полотно Леонардо да Винчи «Святое семейство», картина Рафаэля «Богоматерь со спящим младенцем и малолетним Иоанном Крестителем»; произведениями кисти Рубенса, Рембрандта. Под стать им были и многие другие картины, среди авторов которых — Брейгель Бархатный, Тенирс Младший, Босх, Корреджо, С.Роза, Карло Дольчи, Остаде, Воуверман, Рюисдаль, Терборх и др.

«Портфели эстампов его, — отмечает в своем «Обозрении Москвы» А.Ф. Малиновский, — вмещали в себе все, что только ознаменовано неизменным достоинством, правильностью рисунка и красивостью оттисков» (6, с. 164). Отделение гравюр включало листы прекрасной сохранности, гравированные Дюрером, М.Антонио, Карраччи, Рембрандтом, Л.Борстерманом, Р.Нантеем. Тут были и листы работы Белля, Бервика, Блотелинга, Броуна, Клерка, Дориньи, Массона, Клода, Смита, Вишера, Виваресса и др.

Современники особо выделяли собрание резных камей А.С.Власова. Многие из них были выполнены древнегреческими мастерами. Украшением этой части собрания была редкой красоты камея «Голова Тиберия», вырезанная на редчайшем трехцветном ониксе. Одна из камей — «Орфей, окруженный животными» — была подписной, выполнена мастерами Кайлюсом и Леппером. Особым изяществом отличались камеи «Аякс, несущий тело Ахиллесово» и «Минервина голова». Среди редкостей собрания были камеи, резанные известным мастером Меллином. Десятки камей попали к Власову из известнейших европейских собраний и описаны в литературе XVIII в.

В коллекцию бронзы входили античные памятники: скульптурные группы, изображавшие «похищение Деианиры»; Геркулеса, поражающего кентавра; Геркулеса, налагающего цепи на Цербера; большая античная ваза, украшенная сценами жертвоприношения. Известно, что ранее эта ваза находилась в собрании И.И.Шувалова, потом перешла к А.Г.Головкину, а от него — к Власову.

Библиотека Александра Сергеевича включала в основном редчайшие и очень ценные книги, например, книгу В.Дуранде, которая отпечатана на пергаменте еще в 1439 г. Тут были сочинения Платона, выпущенные в свет в 1472 г., Сенеки — в 1475 г., Гомера — в 1488 г. Многие книги этого собрания иллюстрированы прекрасными гравюрами. Власову принадлежало также полное собрание Дидо с гравюрами. Многочисленными иллюстрациями отличалось описание музея Ребильяра и Лорана.

Парижские антиквары в своих каталогах не раз ссылались на библиотеку Власова как на место хранения редчайших книг. В этом книжном собрании были издания, подготовленные для подношения царским особам и потому существующие всего в одном экземпляре.

Составной частью собрания А.С.Власова была ботаническая коллекция. Среди экзотических и тропических растений выделялись сто два померанцевых дерева, одно из которых было столь велико, что под его раскидистой кроной накрывали стол на 25 персон.

Прямо в оранжереях находились вольеры с декоративными и певчими птицами редких пород.

Александр Сергеевич был не просто владельцем, но и глубоким знатоком всей своей коллекции. Об этом свидетельствуют его письма к Н.Д.Иванчину-Писареву. В них содержатся оценка многих произведений искусства, сведения о новой литературе, характеристики частных собраний, особенно много уделено внимания его любимым эстампам.

А.С.Власов умер в Москве 28 января 1825 г.

Исключительно ценная коллекция была большей частью распродана после смерти хозяина: в 1826 г. часть собрания разыграна в лотерею, оставшиеся произведения искусства проданы с аукциона в 1830 г. С этой целью были изданы еще три каталога власовского собрания. Они вышли в свет в Москве на французском языке в 1826 г. и на русском — в 1826 и 1830 гг. Коллекцию эстампов и пять живописных полотен приобрел друг Власова, Н.Д.Иванчин-Писарев. Впоследствии графические листы попали к Д.А.Ровинскому. Отдельные предметы достались коллекционерам

П.Ф.Карабанову и М.А.Голицыну. В дальнейшем собрания Ровинского, Карабанова и Голицына практически полностью поступили в крупнейшие российские музеи.

Не исключено, что какая-то часть коллекции перешла в собрание Зинаиды Александровны Волконской, приходившейся коллекционеру близкой родственницей. В частности, она увезла в Италию все померанцевые деревья. К этому необходимо добавить, что З.А.Волконская покинула Россию вместе с вдовой Власова, Марией Александровной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Барсуков Н.П. Альбом автографов Н.Д.Иванчина-Писарева // Старина и новизна. — Спб., 1905. — Т.10. — С. 530—533.*

2. *Иванчин-Писарев Н.Д. Речь, произнесенная в заседании Московского Общества Истории и Древностей Российских 28 января 1826 года // Московский телеграф. — 1826. — N 8. — Ч. 8. — С. 284—298.*

3. *Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 4. — N 240.*

4. *Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т. 1, кн. 2. — С. 1170, 1400, 1402—1403.*

5. *Лазаревский И.И. Собиратели и антиквары прошлого: Коллекция Власова // Среди коллекционеров. — 1921. — N 2. — С. 10—12.*

6. *Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992. — С. 163—164.*

7. *Письма Н.Д.Иванчина-Писарева к И.М.Снегиреву / Публикация Б.Л.Модзалевского // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1902. — Т. 7, кн. 4. — С. 66—74, 95—97.*

8. *Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т. 2. — С. 168.*

9. *Ровинский Д.А. Русские граверы и их произведения с 1564 года. — М., 1870. — С. 116.*

10. *Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 2. — С. 195—204.*

ВОЛКОНСКАЯ
Зинаида Александровна
(1792—1862)

С литографии неизвестного художника. 1820-е гг.

З.А. Волконская — княгиня, поэтесса, певица, композитор, собирательница художественных и исторических коллекций.

Родилась 25 ноября 1792 г. в Турине в семье русского посланника князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского. Мать ее умерла при родах, поэтому девочку воспитывал отец, человек разносторонних знаний, писатель, коллекционер. Зинаида Александровна получила блестящее домашнее образование. Она была от природы наделена хорошим голосом, имела незаурядные музыкальные и литературные способности.

В 1805 г. княжна впервые приехала в Россию. В 1810 г. она вышла замуж за флигель-адъютанта Александра I Никиту Григорьевича Волконского. В эти годы она занимает видное место при дворе, ведет переписку с Александром I. В свите императора в 1813—1814 гг. Волконская приняла участие в Заграничном походе русской армии.

В Париже Волконская организовала оперную труппу и осуществила постановку оперы Россини «Итальянка в Алжире». Знатное происхождение, близость к царскому двору побудили ее оставить сцену. По настоянию Александра I она в середине 1817 г. вернулась в Россию; жила то в Петербурге, то в Одессе, то в Москве. 1820—1823 гг. провела в Италии, где сблизилась с кружком русских художников. В 1823 г. Зинаида Александровна вернулась в Петербург. Здесь она сходится с поэтами-декабристами А.И.Одоевским, В.К.Кюхельбекером, А.А.Бестужевым. Однако, чувствуя себя неуютно в великосветском Петербурге, осенью 1824 г. она переезжает в Москву.

В 1824—1829 гг. З.А.Волконская постоянно жила в Москве, причем это был самый знаменательный период ее жизни в России. В Москве, по словам Ф.И.Буслаева, она «жила в богатом доме брата своего у Тверских ворот, в доме, который она умела обратить в настоящую академию наук и искусств» (5, с. 7).

Здесь в прекрасном особняке на Тверской Волконская принимала всю литературную, артистическую и научную Москву. Ее салон стал одним

из наиболее значительных центров культурной жизни города. «...В Москве дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества, — писал Петр Андреевич Вяземский. — Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты... представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе стояла сама хозяйка дома» (10, с. 329).

В Москве Волконская занялась основательным изучением родного языка, древнерусской литературы, русской истории, отечественных древностей. Она даже опубликовала исследование по истории древних славян «Славянская картина». В октябре 1825 г. за этот труд, по предложению коллекционера и журналиста Павла Петровича Свиньина, она была избрана почетным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете, а в 1826 г. своим почетным членом ее избрало Общество любителей российской словесности. Впервые женщина стала членом серьезных общественных объединений.

Начало собранию, которое служило украшением ее московского особняка, положил еще А.М.Белосельский-Белозерский. Именно при нем особняк на Тверской, принадлежавший второй жене князя, Анне Григорьевне Козицкой, наполнился картинами, скульптурами, другими произведениями искусства, привезенными из Европы. Известный дипломат екатерининской эпохи (он служил посланником в Дрездене и Турине), Александр Михайлович немало путешествовал по Европе, имел большие возможности для пополнения своей коллекции. Его художественное собрание высоко оценивалось современниками. «Увлекаясь до страсти искусством, — отмечала Н.А.Белозерская, — он заказывал и гравировал в Турине портреты русских исторических и литературных деятелей, собрал замечательную коллекцию картин и статуй, которая была впоследствии перевезена в Москву» (3, с. 940). Вкус к собиранию памятников искусства и истории отец сумел привить дочери.

К сожалению, описаний коллекции Волконской почти нет. Однако отдельные ее черты запечатлены в мемуарной литературе.

«Все в доме, по отзывам современников, носило отпечаток служения искусству и мысли, — писала Н.А.Белозерская на страницах журнала «Исторический вестник», — З.А., знакомая с детства с памятниками древности, сокровищами живописи и ваяния в Италии, украсила свои залы фресками, убрала статуями, оригиналами и копиями знаменитых картин» (3, с. 957). Н.А.Белозерской вторит М.Веневитинов: «Она украшала свой дом оригиналами и копиями знаменитых произведений живописи и ваяния, комнаты своего дома, настоящего музея, она раскрашивала фресками в стиле различных эпох» (7, с. 119—120).

Бывавший у З.А.Волконской историк профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев, позднее — воспитатель ее сына, отмечал в своем дневнике, что видел в этом собрании коллекции древних римских и греческих монет, а также рисунки старинных памятников, выполненные в Париже. Писатель и путешественник А.Н.Муравьев от-

метил, что в собрании Зинаиды Александровны хранилась древняя икона святой Ольги, которая, по семейному преданию, была написана одним из живописцев императора Константина VII Багрянородного в 955 г. (по другим данным — в 957 г.), когда великая княгиня киевская приняла христианство в Константинополе.

В кабинете Зинаиды Александровны висели многочисленные «готические картины», стояли бюсты русских царей; в столовой обращали на себя внимание пейзажи; в театральной зале возвышалась статуя Аполлона. Входивших в дом встречали бюсты Мольера и композитора Д.Чимарозы.

В картинной галерее Волконской было много фамильных портретов и изображений самой Зинаиды Александровны. Ее рисовали К.П.Брюллов, Ф.А.Бруни, Филипп Берже, Пьетро Бенвенути, Эмилио Росси, Фридрих Лидер, а также Изабе, Лагрене, Мюнере. «Я видел у нее, — писал М.Д.Бутурлин, — великолепный портрет ея во весь рост в рыцарском костюме Танкреда, писанный нынешним профессором Академии Ф. Бруни, который начал в двадцатых годах свое поприще под щедрым ее покровительством» (6, с. 641). С этого портрета она заказала литографию, подаренную в октябре 1826 г. А.С.Пушкину. Известно, что в собрании Волконской были в свое время работы В.Л.Боровиковского («Портрет Павла I»), О.А.Кипренского, Ф.С.Рокотова («Портрет Петра III», «Портрет Александра I»).

В 1825 г. коллекция Волконской пополнилась предметами из собрания известного московского собирателя А.С.Власова, который был женат на ее сводной сестре Марии Александровне.

В мае 1829 г. З.А.Волконская навсегда покинула Россию и обосновалась в Риме. На свою виллу она перевезла из московского дома архив, библиотеку, коллекции и картинную галерею.

На вилле, богатой памятниками Древнего Рима, Волконская создала своеобразный музей под открытым небом в честь поэтов, писателей, деятелей культуры. На мраморных колоннах, обелисках, стеллах появились имена Пушкина, Веневитинова, Баратынского, Жуковского, Гете, Байрона, Вальтера Скотта.

В 1831 г. Зинаида Александровна опубликовала на страницах журнала «Телескоп» проект создания Эстетического музея при Московском университете. Этот проект еще раз продемонстрировал широту кругозора автора, глубокое понимание музея как очага науки и просвещения, стремление поставить музеи на службу обществу. В этом своем сочинении она, в частности, подробно охарактеризовала коллекцию будущего художественного музея Москвы. Собрание, по ее мнению, должно было включать «лучшие произведения резца, кисти и циркуля» в девяти отделениях. В первом отделении предлагалось собрать «памятники искусства египетского и этрусского», во втором — «сокровища резца греческого», в третьем — «статуи всех богов, богинь, полубогов и героев мифологии древней», в четвертом — мраморные скульптуры, в пятом — первые живописные портреты, в шестом — памятники христианского искусства, в седьмом — произведения А.Кановы и Б.Торвальдсена, а в особом, девятом отделении, по ее замыслу, должны быть представлены модели выдающихся архитектурных сооружений всего мира. При музее пред-

лагалось создать библиотеку, иметь коллекции живописных произведений и гравюр.

Проект высоко оценили в научных кругах. Историк и коллекционер Михаил Петрович Погодин писал: «Да здравствует княгиня! Она алмазными буквами вписывает свое имя в летопись Москвы, или лучше, всей России» (2, с. 179).

Зинаида Александровна высказывала готовность лично участвовать в создании коллекции нового московского музея. По ее мнению, для собраний Эстетического музея следовало выстроить специальное здание.

При жизни Волконской проекту не суждено было осуществиться. Однако на рубеже XIX—XX вв. замысел Зинаиды Александровны блистательно воплотил профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев. В 1912 г. в Москве был открыт Музей изящных искусств при Московском университете.

Умерла З.А.Волконская в Риме 24 января 1862 г. Похоронена там же в церкви святых Винченцо и Анастазио, у фонтана Треви.

Знаменитая римская вилла с богатейшим литературным архивом и художественным собранием перешла к приемной внучке княгини, Надежде Владимировне Волконской-Кампанари, и сохранялась в неприкосновенности до 1921 г. В 1921 г. маркиза Кампанари вынуждена была продать виллу и переехать на городскую квартиру, куда перевезла в ящиках и все собрания З.А.Волконской.

В 1923 г. маркиза Н.Кампанари умерла. И коллекция была поделена на пять равных частей между наследниками, которые стали распродавать семейные реликвии в разные руки. Антикварные магазины и аукционы Рима были какое-то время просто переполнены предметами из этой коллекции. Лишь одна часть, доставшаяся Владимиру Кампанари, перешла в руки русского антиквара Василия Леммермана, жившего в Риме. Он сумел также приобрести часть вещей из собрания Волконской на местных аукционах. В 1967 г. именно эта часть собрания (рукописи, письма, акварельные портреты, рисунки) попала в библиотеку Гарвардского университета.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон М.И., Рейсер С.А. Литературные кружки и салоны. — Л., 1929. — С. 152—157.

2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. — Спб., 1888. — Т. 1. — С. 313; 1889 — Т. 2. — С. 5, 35—38, 55—56, 58, 69, 85, 103, 239, 255; 1890. — Т. 3. — С. 178—182; 1896. — Т. 10. — С. 338.

3. Белозерская Н.А. Княгиня Зинаида Александровна Волконская // Исторический вестник. — 1897. — Т. 67.— N 3. — С. 939—972. — Т. 68. — N 4. — С. 131—164.

4. Бочаров И., Глушкова Ю. Русский мемориал в Риме // История: Научно-популярные очерки. — М., 1985. — С. 70—82.

5. Буслаев Ф.И. Римская вилла кн. З.А.Волконской // Вестник Европы. — 1896. — Т. 1. — С. 1—32.

6. Бутурлин М.Д. Записки // Русский архив. — 1897. — Кн. 1, вып. 4. — С. 640—641.

7. Веневитинов М. К биографии поэта Д.В.Веневитинова // Русский архив. — 1885. — Т. 1. — Кн. 1.

8. З.А.Волконская: Некролог // Русский инвалид. — 1862. — N 289.

9. Волконская З.А. Проект Эстетического музея при Императорском Московском университете // Телескоп. — 1831. — Ч. 3. — С. 385—399.

10. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. — Спб., 1882. — Т. 7.

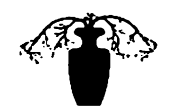
11. Желвакова И.А. Улица Горького, 14. — М., 1987.

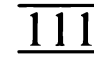
12. Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами. — Киев, 1871. — С. 11—14.

13. Новонайденное письмо М.И.Глинки к З.А.Волконской. / Публикация И.Зильберштейна. // Памяти Глинки: 1857—1957: Исследования и материалы. — М., 1958. — С.441—456.

14. О княгине З.А.Волконской // Русский архив. — 1867. — Столб. 311—313.

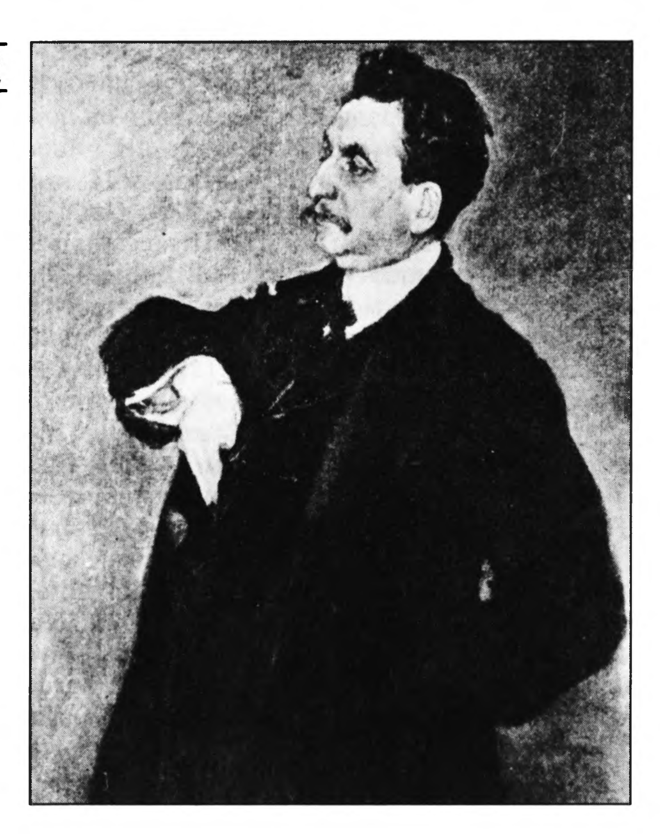
15. Цветаев И.В. Памяти княгини З.А.Волконской // Московские ведомости. — 1898. — N 82. — С. 4; N 84. — С. 3—4.





ГИРШМАН Владимир Осипович

(1867—1936)



С портрета В.А. Серова. 1911.

В.О. Гиршман — предприниматель, меценат, собиратель русской живописи, мебели работы русских мастеров, предметов декоративно-прикладного искусства.

Родился в семье мелкого фабриканта. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. По отзывам современников, Владимир Осипович отличался глубокими познаниями, начитанностью, широтой взглядов. Он владел несколькими иностранными языками, читал классиков в подлинниках, но особенно любил книги по истории изящных искусств, имел прекрасную библиотеку.

В.О.Гиршман унаследовал от отца небольшую игольную фабрику в Колюбакине, что на границе Звенигородского и Рузского уездов Московской губернии, сумел превратить ее в крупное предприятие и стать монополистом в изготовлении швейных игл.

Широкую известность в Москве в начале XX в. получила его общественная деятельность. Он был близок со многими представителями художественной интеллигенции, участвовал в работе различных кружков, обществ, комитетов. В частности, он субсидировал общество «Свободная эстетика», существовавшее в Москве в 1906—1917 гг. и объединявшее в своих рядах поклонников «нового искусства». В.О.Гиршман входил в состав комитетов по устройству «Посмертной выставки произведений В.А.Серова» (Петербург — Москва, 1913 г.), «Выставки картин и скульптур русских художников, устроенной в пользу пострадавших от войны бельгийцев» (Москва, 1915 г.). Известно его участие в 1907 г. в благотворительной лотерее в пользу художника Н.А.Тархова.

В 1906 г. Владимир Осипович был избран почетным пожизненным членом Парижского Salon d'Automne.

Как вспоминала его жена Генриетта Леопольдовна, «В.О.Гиршмана отличала редкая любовь к искусству во всех его проявлениях. Он собрал

прекрасную коллекцию картин, старинной мебели, люстр, ковров, серебра, стекла, табакерок, силуэтов. Все было русское, в отличие от его друзей, коллекционеров С.И.Щукина и И.А.Морозова, собиравших западноевропейскую живопись и скульптуру» (6, с. 326). Начало коллекции было положено в 1890-е годы. К 1903 г. В.О.Гиршман обладал уже значительным собранием.

Высокую оценку собирательской деятельности Гиршмана дал И.Э.Грабарь. «Едва ли он начал собирать из внутренней потребности, но раз начав, он вошел во вкус и превратился в страстного коллекционера-спортсмена, охотившегося за выдающимися новинками. Когда он покупал насильно ему навязанную работу Врубеля «33 богатыря», он совсем не разбирался в живописи, но спустя два-три года без подсказа различал хорошее от посредственного» (9, с. 198).

Основным увлечением В.О.Гиршмана была современная русская живопись. Это сблизило его со многими художниками. В доме собирателя неоднократно бывали В.А.Серов, К.А.Коровин, К.А.Сомов, М.В.Добужинский, А.Н.Бенуа, Б.М.Кустодиев, Е.Е.Лансере.

Собирая картины художников-современников, Гиршман не пропускал ни одной выставки в Москве и Петербурге. Именно так и были сделаны им основные приобретения. Как правило, он осматривал выставки до их открытия. Обладая цепким художественным чутьем, он неизменно останавливался на лучших работах. Часто еще до открытия выставок он договаривался с художниками об условиях приобретения их полотен. Так, в Петербурге с выставки он купил картины «Водоем» и «Гобелен» В.Э.Борисова-Мусатова, «Окно в парикмахерской» М.В.Добужинского и «Даму в голубом» К.А.Сомова. Эти приобретения положили начало долголетней дружбе супругов Гиршман с М.В.Добужинским и К.А.Сомовым.

При покупке картин с выставок В.О.Гиршман порою сталкивался с Советом Третьяковской галереи, который останавливал свой выбор на тех же произведениях. Болезненно и не без душевных волнений собиратель уступал просьбам музея. Именно поэтому не заняла своего места в коллекции Гиршмана уже приобретенная им картина Сомова «Дама в голубом».

Гиршман внимательно прислушивался к мнению друзей-художников. Например, рисунки З.Е.Серебряковой для его коллекции отбирал К.А.Сомов. Гиршман высоко ценил мнение И.Э.Грабаря. По его настоятельному совету он приобрел у М.В.Добужинского картину «Кукла».

В 1900-е гг. в собрании Гиршмана насчитывалось около двухсот картин и рисунков высокого художественного уровня. Среди них — «Сидящий Демон» М.А.Врубеля, «Гобелен» В.Э.Борисова-Мусатова, «Прогулка короля» А.Н.Бенуа, «На берегах Днепра» А.М.Васнецова, «Двор», «Уголок Петербурга», «Кукла», «Окно в парикмахерской» М.В.Добужинского, «На Кавказе. Сидящие горцы», «На Оке», «В мастерской художника», «Бумажные фонари» К.А.Коровина, «Праздник в деревне» Б.М.Кустодиева.

Особенно высоко Владимир Осипович ставил В.А.Серова и К.А.Сомова. Недаром в его коллекции их творчество представлено наилучшим образом. Здесь были такие известные вещи В.А.Серова, как «Крестьянский дворик», «Портрет итальянского певца Франческо Таманьо». Кисти К.А.Сомова принадлежали «Портрет Н.Ф.Обер», «Поэты», «Пейзаж», «Заросший пруд», «На балконе», «Дама в розовом платье», «Спящая молодая женщина», «Пор-

трет М.А.Кузмина» и др. В общей сложности в коллекции Гиршмана было более восьмидесяти работ К.А.Сомова.

К жемчужинам этого собрания относились портреты Владимира Осиповича и его жены Генриетты Леопольдовны работы В.А.Серова, К.А.Сомова и М.В.Добужинского. «В.О.Гиршман был действительно страстным любителем искусств, — писал А.Н.Бенуа, — и именно страстность эта привела к тому, что его особняк у Красных ворот в несколько лет до отказа наполнился превосходными вещами, главным образом картинами и рисунками — произведениями молодых (в то время молодых) художников» (6, с. 415).

У Гиршмана было несколько работ художников-передвижников (И.И.Шишкина, В.И.Сурикова) и небольшая, но ценная коллекция портретов конца XVIII—начала XIX в. (Н.И.Аргунова, А.П.Антропова, В.Л.Боровиковского, В.А.Тропинина, О.А.Кипренского, П.А.Федотова).

Графическое собрание Гиршмана включало рисунки русских художников. Здесь была подборка силуэтных изображений, одна из немногих коллекций такого рода в России.

Помимо живописи и графики В.О.Гиршман не менее увлеченно собирал мебель. По словам историка искусства и коллекционера И.И.Лазаревского, эта коллекция была «почти единственная по красоте предметов и их сохранности и по вкусу выбора» (17, с. 24).

Сюда входила русская, французская, английская мебель. Самые ранние образцы восходили к XVI в. В 1917 г. тут было 373 предмета. Лучшую часть коллекции составляла мебель работы отечественных мастеров: 28 предметов (диваны, кресла, столы) относились к эпохе Петра I, 86 — к годам царствования Павла I, 92 — к Александровскому времени. Отдельные предметы были изготовлены по эскизам архитектора К.И.Росси. Почти вся мебель состояла из образцов выдающегося художественного достоинства.

«Отыскивая в большом доме подходящий для обстановочного портрета уголок, — писал И.Э.Грабарь в монографии, посвященной Серову, — он пришел в восхищение от очаровательной туалетной комнаты, уставленной бесподобной по красоте мебелью карельской березы. Дальше он просто не рассуждал; это было так красиво, так соблазнительно отражался хрусталь, а с ним и сам Серов в зеркале туалетного стола, что «обстановка» была найдена и портрет начат и окончен здесь» (8, с. 187). Так в доме Гиршмана у Красных ворот родился один из самых прославленных женских портретов В.А.Серова — «У туалетного стола» (портрет Г.Л.Гиршман).

Коллекция предметов декоративно-прикладного искусства включала самые разнообразные вещи; особенно хороши были табакерки и изделия из серебра.

Вместе с мужем коллекционированием увлекалась и Генриетта Леопольдовна. Их собрание размещалось в просторном двухэтажном особняке в Мясницком проезде, д. 6 (не сохранился, ныне на этом месте вестибюль станции метро «Красные ворота»).

Дом четы Гиршманов был одним из известных центров художественной и артистической Москвы. Здесь в гостях у радушных хозяев бывали выдающиеся деятели отечественной культуры «серебряного века». Так что многие современники имели возможность познакомиться с собранной здесь коллекцией. «Дом был, — писал об особняке Гиршмана М.В.Добужинский, — до чрезмерности перегружен коллекциями антикварных предметов рус-

ской старины (главным образом XVIII в. и нашего ампира) — мебели, миниатюр, табакерок и фарфора, но все это было собрано с большим вкусом и любовью. Дом их, стоявший в замечательном месте — почти вплотную к глядящим в окна дома триумфальным Красным воротам, был настоящий музей, и было там чем любоваться!» (13, с. 216). «Дом у Гиршмана большой, старинный, полон роскошных вещей и старины», — вторил Добужинскому также часто бывавший здесь К.А.Сомов (20, с. 105).

Коллекция В.О.Гиршмана отмечалась в путеводителях по Москве 1900-х гг. среди художественных галерей. В путеводителе 1917 г. «По Москве» сообщалось: «Частное собрание В.О.Гиршмана, у Красных ворот, соб. дом. Богато представлено современное русское искусство. Осмотр с разрешения владельца» (19, с. 648).

После Февральской революции 1917 г. В.О.Гиршман вошел в «Союз деятелей московских художественных хранилищ», был товарищем председателя и председателем его (в 1918 г.). Союз стремился способствовать развитию музейного дела, ставил целью создание институтов музееведения. Однако позднее Гиршман был вынужден эмигрировать.

В 1918 г. в особняке Гиршмана создали хранилище Музейного фонда. В начале 1919 г. коллекция была национализирована. 29 октября 1919 г. в особняке Гиршмана открылся Музей мебели. Этот превосходный музей существовал, однако, недолго. Уже в мае 1920 г. коллекция мебели была перевезена в Александринский дворец в Нескучном саду, где предполагалось создать Музей декоративного искусства, художественной промышленности и быта XVIII—XIX вв. 2 мая 1921 г. музей был открыт, а в 1926 г. ликвидирован. Мебель передана различным учреждениям и культурно-просветительным организациям. Основная часть мебели русских мастеров поступила в отдел дерева Государственного Исторического музея, а работы западноевропейских мастеров — в Музей изящных искусств.

Картины из дома В.О.Гиршмана в июне 1920 г. перевезены в Румянцевский музей. При ликвидации его в 1924 г. они перешли в основном в Третьяковскую галерею.

После 1922 г. В.О.Гиршман жил в Париже и на первых порах содержал большой художественный салон на улице Сент-Оноре, специализировавшийся на торговле старинной стильной мебелью, устраивал там небольшие выставки художников группы «Мир искусства»: А.Н.Бенуа, М.В.Добужинского, З.Е.Серебряковой, Н.С.Гончаровой, Н.Д.Милиоти, В.И.Шухаева. Последняя выставка состоялась в 1927 г. Салон был своеобразным клубом русских эмигрантов.

В 1929 г. В.О. Гиршман вынужден был сменить салон на скромный магазин, а в 1931 г. совсем прекратил торговлю. Последние годы своей жизни Владимир Осипович прожил в нужде.

По всей видимости, В.О.Гиршман скончался в Париже.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Л.М. Из истории национализации московских частных художественных собраний в первые годы советской власти // История СССР. — 1977. — N 2. — С. 186—193.

2. Бартенева Т.П.: Из воспоминаний // Голубкина А.С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. — М., 1983. — С. 227—230.

3. Белый Андрей. Между двух революций. — М., 1990. — С. 199—201.

4. Бенуа А.Н. Кончина В.О.Гиршмана // Последние новости (Париж). — 1936. — N 5712.

5. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. — 2-е изд., доп. — М., 1990. — Кн. 4—5. — С. 362, 415, 450, 665, 689.

6. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т. 1. — С. 415, 427; Т. 2. — С. 326, 329, 335.

7. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1989. — Т. 2. — С. 103, 156, 169, 233, 256, 257, 366—368.

8. Грабарь И.Э. Валентин Александрович Серов: Жизнь и творчество. — М., [1914].

9. Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомонография. — М.-Л., 1937.

10. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 158, 177, 180, 182, 191, 281, 284—285, 294, 364.

11. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977 — С. 15—16, 27, 78—79, 87, 135, 200, 225, 237, 295, 301, 303.

12. Грабарь И.Э. Письма 1941—1960 гг. — М., 1983. — С. 319—321, 323, 346, 354.

13. Добужинский М.В. Воспоминания. — М., 1987. — С. 203, 216—217, 410, 418, 431.

14. Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 гг. — М., 1985. — С. 67—68.

15. Зенц Е.М. История одной коллекции // Вопросы истории. — 1968. — N 7. — С. 205—206.

16. Из альбома Г.Л.Гиршман // Новый журнал (Нью-Йорк). — 1963. — Кн. 71.

17. Лазаревский И.И. Коллекционерство и подделка // Столица и усадьба. — 1914. — N 7.

18. Лобанов В.М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. — М., 1968. — С. 45, 56, 117, 146, 148.

19. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 46, 648.

20. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. — М., 1979. — С. 105, 158, 169, 245, 285, 353, 360, 367, 570, 585, 589.

21. Художественные произведения московских частных собраний, выставленные временно в Третьяковской галерее: 1917—1918 гг. — М., 1918.

ГИРШМАН
Генриетта Леопольдовна
(1885—1970)

С портрета В.А. Серова. 1907.

Г.Л. Гиршман — собирательница русской живописи, мебели работы русских мастеров, предметов декоративно-прикладного искусства. Жена коллекционера В.О. Гиршмана.

Родилась 30 мая 1885 г. в Петербурге в семье зерноторговца Леопольда Леона. Мать Генриетты Леопольдовны была профессиональным музыкантом: она закончила Берлинскую консерваторию по классу рояля. «Интерес и любовь к искусству, — отмечала Гиршман, — были мне привиты еще в детские годы» (6, с. 325).

«Отец, — вспоминала Генриетта Леопольдовна, — всегда находил время, чтобы интересоваться музыкой, живописью, чем увлекал и нас (нас было шесть человек детей). С детства мы слушали музыку родителей, их друзей — Ауэра, Вержбиловича, Камионского и многих других. Родители собирали картины Альберта Бенуа, Айвазовского, Галкина, Риццони. (Последние двое писали портреты матери и всех детей)» (6, с. 326).

В Петербурге Леоны жили в одном доме с семьей архитектора Л.Н.Бенуа, профессора и ректора Академии художеств. Дети их росли вместе и на всю жизнь сохранили близкие отношения.

После получения аттестата зрелости в Петербурге Генриетта Леопольдовна поехала в Дрезден для занятий иностранными языками, музыкой (рояль, пение) и живописью. Здесь она прожила два года.

По возвращении на родину по совету И.Е.Репина поступила в частную художественную студию О.Э.Браза. «Он — Браз — первый обратил внимание на новое движение в живописи и ознакомил с исканиями «Мира искусства» (журнал, в котором Репин участвовал)» (6, с. 326). В это же время состоялась встреча Генриетты Леон с С.П.Дягилевым.

В 1903 г. Генриетта Леопольдовна вышла замуж за московского предпринимателя Владимира Осиповича Гиршмана и переехала в Москву, с которой связан едва ли не самый значительный и счастливый период ее жизни.

«Принято было недоумевать, — вспоминал в конце своей жизни А.Н.Бенуа, — как такая очаровательная женщина, такая красавица — «самая краси-

вая дама Москвы», как Генриетта Леопольдовна, «могла выносить» такого совсем неподходящего мужа. На самом же деле они являли собой образцовую, тесно связанную пару и как будто друг другом не тяготились вовсе» (6, с. 427).

В Москве Г.Л.Гиршман продолжила занятия живописью под руководством художников А.Е.Архипова и К.Ф.Юона, музыкой — с композитором, пианистом и дирижером А.Н.Корещенко и пением — с профессором Московской консерватории А.И.Книппер (матерью актрисы О.Л.Книппер-Чеховой). Вместе с Владимиром Осиповичем она с головой окунулась в культурную жизнь города: осматривала выставки, музеи, участвовала в собраниях общества «Свободная эстетика» (первые заседания этого объединения художественной интеллигенции проходили в особняке Гиршмана), Литературно-художественного кружка, занималась устройством вечеров творческой интеллигенции.

В 1900-е гг. стремительно пополнялась коллекция русской живописи конца XIX—начала XX в., которую увлеченно собирал Владимир Осипович. Это собрание было широко известно в Москве, а его владелец принадлежал к числу крупнейших коллекционеров своего времени.

Выросшая в семье, где высоко ценили изобразительное искусство и даже собирали картины, Генриетта Леопольдовна целиком разделила увлечение своего мужа.

В поисках новых приобретений супруги Гиршманы имели обыкновение одними из первых знакомиться с многочисленными выставками, проходившими в Москве и Петербурге. Иной раз они приобретали картины еще до вернисажа, опережая, таким образом, не только других собирателей, но и представителей художественных музеев.

«Постепенно, — вспоминала Гиршман, — я стала принимать самое деятельное участие в выборе и покупках картин, стала ездить на выставки, большею частию до открытия, увлеклась исканиями мужа и вынуждена была бросить свои занятия живописью» (6, с. 328).

В доме четы Гиршманов многократно бывали видные деятели русской культуры: В.А.Серов, К.А.Сомов, А.Н.Бенуа, М.В.Добужинский, Б.М.Кустодиев, Е.Е.Лансере, В.Я.Брюсов, К.Д.Бальмонт, С.А.Кусевицкий, К.С.Станиславский, В.И.Качалов. Близкие отношения связывали их с С.П.Дягилевым. Генриетта Леопольдовна помогала Дягилеву в организации выставки русского искусства в Париже в 1906 г. В частности, она убедила мужа в необходимости экспонировать там некоторые вещи из их личного собрания (картину М.А.Врубеля «Демон Сидящий» и его акварель «Тридцать три богатыря»). В 1906 г. Г.Л.Гиршман вместе с мужем была избрана пожизненным почетным членом Salon d'Automne.

Генриетта Леопольдовна вдохновила многих русских художников: ее не раз писали такие видные мастера, как В.А.Серов, К.А.Сомов, З.Е.Серебрякова, Ф.А.Малявин, К.Ф.Юон, Н.Д.Милиоти, А.А.Риццони, И.С.Галкин, Л.О. Пастернак.

Особенно широкую известность получили ее портреты работы В.А.Серова. Их знакомство относится к 1903 г. «Мой муж был очень дружен с Валентином Александровичем не только как коллекционер и большой поклонник его искусства — их связывала большая человеческая дружба, —

вспоминала на склоне лет Гиршман (6, т. 2, с. 327). Вскоре добрые отношения установились у Серова и с Генриеттой Леопольдовной. «Угрюмый и нелегко сходившийся с людьми, Валентин Александрович, — отмечал И.Э.Грабарь, — был очень расположен к ней, находя ее умной, образованной, культурной, простой и скромной, без замашек богатых выскочек, и очень симпатичной. Она и была такой, ее все любили, выгодно выделяя среди большинства «жен коллекционеров» (6, т. 1, с. 531). Серов стал часто бывать в их доме; над портретами Генриетты Леопольдовны работал с видимым удовольствием.

В 1908 и 1910 гг. два портрета Генриетты Леопольдовны — большой масляный и овальную пастель — выполнил К.А.Сомов. Работа над этими произведениями проходила также в особняке Гиршманов, где останавливался, приезжая в Москву, Константин Андреевич. С Сомовым у Генриетты Леопольдовны сложились дружеские отношения, которым было суждено продолжиться в годы эмиграции.

В 1915 г. Г.Л.Гиршман помогала К.А.Сомову при развеске его произведений на «Выставке картин и скульптур русских художников, устроенной в пользу пострадавших от войны бельгийцев» в галерее К.Ф.Лемерсье (Салтыковский пер., 8). «Замечательно милая женщина Генриетта Леопольдовна; чем больше ее видишь, тем больше ее ценишь, простая, правдивая, доброжелательная. Не гордая и, что совсем странно при ее красоте, совсем не занята собой, никогда о себе не говорит», — писал сестре К.А.Сомов 9 марта 1910 г. (20, с. 110).

Иначе воспринимал ее Андрей Белый: «Бледно грустная, почти красавица, юная эта брюнетка питала симпатию к Брюсову, томно рождаясь из дыма фиолетово-жемчужных кисей; энергичным и резким движением приподымала свой веер к точеному носику, бросив в пространство тоскующий взгляд, выражающий муку ее раздвоений» (3, с. 200).

После 1922 г. Г.Л.Гиршман вместе с мужем эмигрировала. В особняке у Красных ворот остались не только часть коллекции, но и архив: письма и документы.

В Париже 10 июня 1928 г. супруги Гиршманы отметили свою серебряную свадьбу. «Когда я пришел около 10 вечера к Гене и Володе, — писал в те дни в письме к А.А.Михайловой К.А.Сомов, — меня поразило такое количество цветов, какого я никогда не видел. Не было ни одного пустого стола, камина, уголка, где бы не стояли громадные роскошные цветочные сооружения. Даже на шкафах!» (20, с. 337).

Во Франции Гиршманы занимались торговлей антиквариатом, однако промышленный кризис начала 1930-х гг. поставил их на грань разорения и вынудил прекратить дело. В связи с болезнью Владимира Осиповича Генриетта Леопольдовна взяла на себя все заботы о семье: работала в книжном магазине, а затем в женской гимназии в одном из предместий Парижа.

Последние годы жизни Г.Л.Гиршман прошли в Нью-Йорке. По свидетельству А.Н.Бенуа, она до последнего времени продолжала быть очаровательной, несмотря на весьма почтенный возраст, живой, всем интересовавшейся, особенно музыкой. Известно, что она сотрудничала с одним из нью-йоркских музыкальных издательств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенева Т.П.: Из воспоминаний // А.С.Голубкина. — М., 1983. — С. 227—230.

2. Белицкий Я.М., Глезер Г.Н. Москва незнакомая. — М., 1993. — С. 278—280.

3. Белый Андрей. Между двух революций. — М., 1990. — С. 199—201.

4. Бенуа А.Н. Кончина В.О.Гиршмана. // Последние новости (Париж). — 1936. — N 5712.

5. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. — 2-е изд., доп. — М., 1990. — Кн. 4—5. — С. 362, 450, 665, 689.

6. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.1. — С. 415, 426—427, 534; Т. 2. — С. 324—344.

7. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1989. — Т. 2. — С. 103, 156, 169, 233, 256—257, 366—368.

8. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи начала XX века (до 1917 года). — М., 1984.

9. Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомонография. — М.-Л., 1937.

10. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 158, 177, 180, 182, 191, 281, 284—285, 294, 364.

11. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977. — С. 15—16, 27, 78—79, 87, 135, 200, 225, 237, 295, 301, 303.

12. Грабарь И.Э. Письма 1941—1960 гг. — М., 1983. — С. 319, 321, 323, 346, 354.

13. Добужинский М.В. Воспоминания. — М., 1987. — С. 203, 216—217, 410, 418, 431.

14. Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 гг. — М., 1985. — С. 67—68.

15. Зенц Е.М. История одной коллекции // Вопросы истории. — 1968. — N 7. — С. 205—206.

16. Из альбома Г.Л.Гиршман // Новый журнал (Нью-Йорк). — 1963. — Кн. 71.

17. Лазаревский И.И. Коллекционерство и подделка // Столица и усадьба. — 1914. — N 7. — С. 24.

18. Лобанов В.М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. — М., 1968. — С. 45, 56, 117, 146, 148.

19. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 46, 648.

20. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. — М., 1979. — С. 105, 158, 169, 245, 285, 353, 360, 367, 570, 585, 589.

21. Художественные произведения московских частных собраний, выставленные временно в Третьяковской галерее: 1917—1918 гг. — М., 1918.

ГОЛИЦЫН Александр Михайлович
(1723—1807)

С портрета Д.Г. Левицкого. 1772.

А.М. Голицын — государственный деятель, дипломат, меценат, собиратель художественной коллекции. Двоюродный брат Дмитрия Михайловича Голицына.

Родился 6 ноября 1723 г. в семье генерал-адмирала Голицына Михаила Михайловича (Меньшого). Принадлежал к знатному дворянскому роду. Получил дома блестящее образование.

В 1742 г. начал службу по дипломатической части. Вначале был в Голландии (1742—1749), в 1749—1755 гг. служил в России. Затем — снова в Европе: в 1755—1762 гг. — во Франции, в 1762 г. — в Англии. По возвращении в Россию 9 июля 1762 г. был назначен Екатериной II вице-канцлером и оставался в этой должности до 2 апреля 1775 г. С 1764 г. — действительный тайный советник, с 1775 г.— сенатор и обер-камергер.

21 сентября 1765 г. А.М.Голицын был принят в почетные члены Академии трех знатнейших искусств. С тех пор в Академию стали принимать не только художников, но и любителей искусства.

Выйдя в отставку, А.М.Голицын переехал в Москву. Александр Михайлович, подобно многим своим родственникам, имел художественную коллекцию, основу которой составляли картины западноевропейских мастеров. Ее дополняли скульптура и бронза.

Картины для своего собрания А.М.Голицын покупал за границей. Будучи в Петербурге, он при пополнении коллекции пользовался услугами иностранных корреспондентов. Его собрание создавалось в те же годы, что и Эрмитаж, а сам он, без сомнения, испытал влияние такого коллекционера, как Екатерина II.

«В то же самое время (1769 г. — *Прим. авт.*) г-н вице-канцлер князь Александр Михайлович Голицын начал собирать картины и благодаря

своей корреспонденции выписывать из разных стран. В 1776 году Его сиятельство уже собрал такую большую коллекцию прекрасных картин знаменитых мастеров, что смог устроить пристойную галерею между своим кабинетом и библиотекой», — отмечал Якоб Штелин (6, с. 375). С его же слов известно, что каталог этой частной коллекции был составлен им самим. К сожалению, он не сохранился.

А.М.Голицын был участником многих аукционов. Известно, что в 1774 г. на аукционе, устроенном в Петербурге французским торговцем картинами Фламандом, он купил одно из произведений для своей коллекции.

Среди картин Голицына выделялось полотно Остаде, которое было ему подарено баварским королем. Один из современников так описывал это произведение: «Остаде представил близ фермы при большом тенистом дереве Фламандский праздник, в коем участвуют более 50 фигур в разнообразных группах: сам музыкант начинает плясать, и во внутренности домика видны веселящиеся люди. Сильное и правильное выражение лиц, наималейших движений, расположение умное, совершенно разнообразное, согласие красок, равенство в тоне и наконец величина картины, имеющей в длину 1 ар. 15 верш., а в ширину 1 ар. 6 верш., делают ее одним из лучших и капитальных произведений сего знаменитого артиста. Она принадлежала Дюссельдорфской Галерее и нынешним Королем Баварским подарена вице-канцлеру Голицыну» (8, с. 206—207).

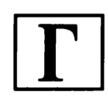
Другая картина — кисти Луки Джордано — была подарена Голицыну неаполитанским королем. Тот же автор описывает ее следующим образом: «Она представляет Исаака, благословляющего Иакова, подведенного к нему Ревеккой. Древность и сомнения слепца изображены превосходно во всех чувствах и движениях Исаака, и наоборот — хитрость и страх в лице Ревекки и робость в Иакове. Сверх того приличным расположением фигур, ударами света и тени, силою и мягкостью колорита, кажется, художник превзошел здесь самого себя и занял все достоинства учителя своего Риберы» (8, с. 207).

Итальянский граф Натали прислал в 1768 г. в подарок вице-канцлеру картину Амикони, представлявшую «Коронование Ариадны Вакхом».

Парадный портрет А.М.Голицына написал придворный живописец Екатерины II Вигилиус Эриксен. Его бюст в гипсе (1773 г.) и повторение в мраморе (1775 г.) выполнил Ф.И.Шубин. «Шубин, — по словам Якоба Штелина, — выказал себя исполнением нескольких бюстов с натуры с полным сходством выражения и превосходной манерой в драпировке, например, бюста вице-канцлера князя Голицына...» (6, с. 184). Ныне гипсовый бюст находится в Русском музее, а мраморный — в Третьяковской галерее.

После смерти в Вене двоюродного брата, Д.М.Голицына, в качестве его душеприказчика Александр Михайлович занимался устройством больницы, получившей название Голицынской публичной. Будучи в 1788 г. почетным директором крупнейшей в Москве Павловской больницы, он со знанием дела приступил к созданию нового больничного комплекса.

Устройство больницы потребовало немало сил и средств, потому что она «долженствовала служить и в украшение Столицы, и в вечную память покойному, и в честь всей фамилии князей Голицыных» (3, с. 285).



После долгих хлопот удалось за 40 тысяч рублей приобрести участок земли близ Нескучного сада в самом начале Калужской улицы, выходящий на берег Москвы-реки. 20 июля 1796 г. состоялась закладка здания, проект которого был выполнен выдающимся русским архитектором М.Ф.Казаковым.

Между Калужской улицей и Москвой-рекой в 1796—1802 гг. возник целый архитектурный ансамбль. Главное здание, выдержанное в стиле классицизма, имело большой парадный двор — курдонер. Центральная часть его фасада была выделена храмом-ротондой, украшенным ионической колоннадой. Боковые флигели, фланкировавшие парадный двор, выходили на красную линию улицы. Позади больничного корпуса до самой реки спускался сад с многочисленными оранжереями, беседками, клумбами. Берег реки был одет в камень, а по бокам набережной возведены две беседки.

Больница открылась в торжественной обстановке 22 июля 1802 г. Первоначально она была рассчитана на пятьдесят человек. Как того и желал завещатель — Д.М.Голицын, здесь оказывалась безвозмездная медицинская помощь всем неимущим — русским и иностранцам.

А.М.Голицын позаботился об увековечении памяти Д.М.Голицына. В склепе больничной церкви было устроено захоронение его останков, привезенных из Вены. Высокохудожественное надгробие выполнено скульпторами Ф.Г.Гордеевым и Ф.Цунером.

В зале для посетителей на видном месте был портрет Д.М.Голицына работы Ф.Г.Друэ Младшего. Позднее рядом с ним помещались портреты всех почетных попечителей больницы из рода Голицыных.

При больничном храме Александр Михайлович завел хор из своих крепостных. По преданию, этот хор был настолько хорош, что сюда приезжали любители церковного пения со всей Москвы.

В 1803 г. А.М.Голицын открыл при больнице богадельню на тридцать человек. Примерно в это время Александр Михайлович в больничном парке заложил еще одно каменное двухэтажное здание. Оно предназначалось специально для художественной коллекции. «Любя искусство, князь Александр Михайлович, — говорилось в книге, посвященной истории больницы, — начал постройку для картинной галереи особого двухэтажного корпуса с тем, чтобы в нем были помещены все сокровища искусства, которые князь собирал всю свою жизнь, обладая знаниями и отменным вкусом. Ему хотелось дать возможность молодым русским художникам изучать на родине искусство по классическим образцам» (10, с. 18).

В дополнении к завещанию от 23 декабря 1804 г. Александр Михайлович писал: «... в статье третьей, имея же знатное собрание оригинальных картин, скульптуры, мраморные и литые бронзовые фигуры с их пьедесталами, которые яко редкости собирал я долговременно, получал случайно и от дружбы покойного двоюродного брата моего и друга князя Димитрия Михайловича Голицына и приобретал оные не малым иждивением и кои в жизни моей праздное время занимали и доставляли мне удовольствие. Размышлял я долго, каким бы образом и кому оставить без раздробления столь полную и знаменитыми живописцами составляющую коллекцию? Думал я так: «Ежели оставить оныя моим наследни-

кам или моим ближним воспитанникам, в таком случае вся коллекция раздроблена бы была на разные и многие части, а вместе, как я тогда желал, сохраниться бы не могла» (9, с. 105).

Однако он не успел достроить картинную галерею. А.М.Голицын умер в Москве 15 ноября 1807 г. Погребен в склепе под церковью Голицынской больницы, рядом с Дмитрием Михайловичем Голицыным.

Так же как и Д.М.Голицын, Александр Михайлович все свое имущество, в том числе и художественную коллекцию, завещал больнице.

В 1809 г. во главе лечебницы стал племянник Александра Михайловича — действительный тайный советник, попечитель Московского учебного округа Сергей Михайлович Голицын. Он возглавлял больницу пятьдесят два года. Выполняя волю Александра Михайловича, он в первую очередь достроил картинную галерею. В 1809 г. работы были завершены и в этом здании открылась первая в Москве общедоступная галерея западноевропейского искусства.

В галерее было представлено 477 картин, кроме того — мраморные и бронзовые статуи, скульптурные группы, бюсты, вазы, тумбы, а также яшмовые «фигуры, вазы, и проч.» из собраний Дмитрия Михайловича и Александра Михайловича Голицыных.

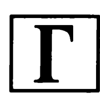
Галерея открылась в мае 1810 г. В своем завещании Александр Михайлович выразил пожелание, чтобы галерея стала общедоступной, «кроме крестьян и в лапти обутых, совсем не понимающих изящности художества» (10, с. 21). В завещании оговаривался порядок работы художников-копиистов; предписывалось, как встречать знаменитых российских и иностранных особ. При галерее назначался особый штат.

В 1812 г., когда Москва была занята французами, погибло немало музейных коллекций и частных собраний. Картинная галерея при Голицынской больнице сохранилась полностью, так как медицинский персонал оказывал помощь и русским и французским раненым.

Однако первая московская картинная галерея просуществовала всего восемь лет. Попечитель больницы, Сергей Михайлович Голицын, посчитал необходимым распродать галерею, а на вырученные деньги расширить больницу. В 1816 г. он обратился за разрешением к императрице Марии Федоровне. Разрешение было получено, галерея закрыта, и началась ее распродажа с аукционов. Живописные произведения из личных собраний Голицыных перешли в руки многих московских коллекционеров; некоторые из них попали за границу.

В период с 20 февраля 1817-го по 26 февраля 1818 г. прошло двадцать восемь аукционов. На них было продано 323 картины и 66 предметов искусства. Кроме картин продавались статуи, мраморные и бронзовые бюсты. Всего на аукционах присутствовало 55 покупателей. Лучшие вещи голицынской галереи украсили частные собрания известных московских коллекционеров: Н.Б.Юсупова, А.С.Власова, Ф.С.Мосолова, М.П.Голицына, И.В.Черткова, М.А.Голицына.

Оставшиеся непроданными свыше 140 картин были разыграны 29 декабря 1819 г. в лотерею. Чистая выручка составила 276505 рублей. «Просторные и высокие палаты корпуса, где помещалась картинная галерея, со следующего года уже были отведены под летнее мужское отделение» (10, с. 36).



«Нельзя не пожалеть об утрате сей галереи: быв публичною и полною, она была весьма полезна для образования художников, кои могли в ней учиться списыванию с превосходных оригиналов», — отмечал в 1819 г. коллекционер и журналист П.П.Свиньин (8, с. 232).

Сохранились в больнице лишь портреты ее почетных попечителей из рода Голицыных.

Корпуса Голицынской больницы стоят и сегодня. Уцелело и здание, в котором когда-то располагалась картинная галерея.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Брук Я.В. Из истории художественного собирательства в XIX веке // Государственная Третьяковская галерея: 1856—1917. — Л., 1981. — С.24, 48.

2. Власов П.В. Обитель милосердия. — М., 1991. — С. 40—45.

3. [Гастев М.] Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. — М., 1841. — Ч.1. — С. 281—293.

4. Голицын А.М. // Русские портреты XVIII—XIX столетий. — Спб., 1905. — Т.1, вып.3 — N 87.

5. Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. — Спб., 1892 — Т.1 — С.139.

6. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. — М., 1990. — Т.1. — С.85, 152, 156, 182, 194, 374, 380, 407, 409.

7. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 330.

8. Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 2.

9. Сейделер И.И. Московская Голицынская больница в ряду европейских больниц. — М., 1865.

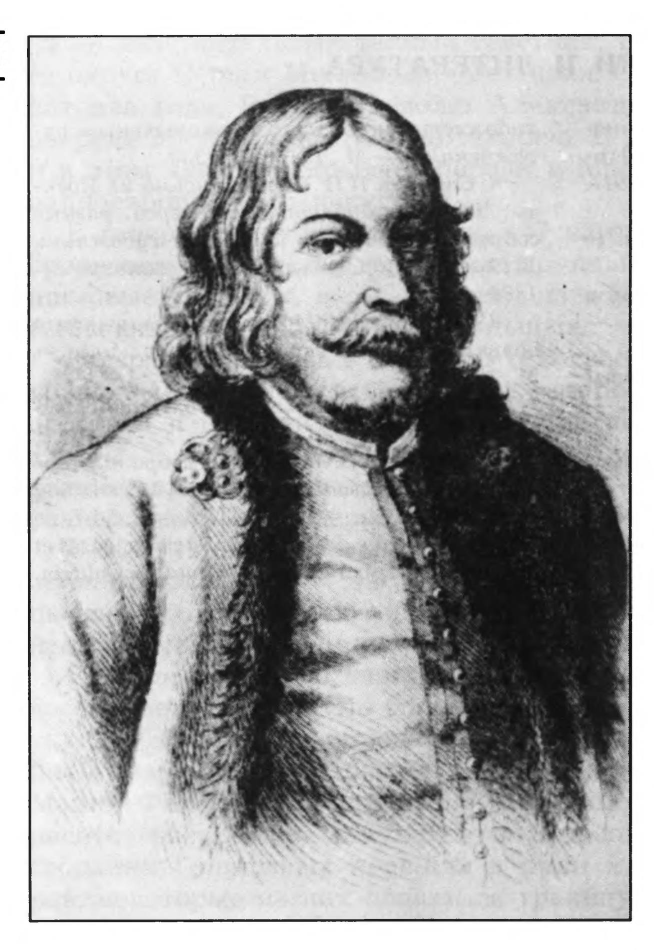
10. Сто лет Голицынской больнице в Москве: 1802—1902. — М., 1902.

11. Чаянов А.В. Московские собрания картин сто лет назад // Известия Московской городской думы. — 1917. — N 1. — С. 5—7.

12. Catalogue des tableaux, statues, vases et autres objets, appartenant à l'hôpital de Galitzin. — M., 1817.

ГОЛИЦЫН Василий Васильевич

(1643—1714)



С гравюры Тарасевича.

В.В. Голицын — князь, государственный и военный деятель, собиратель художественной коллекции и книг. Двоюродный брат Дмитрия Михайловича Голицына.

Происходил из рода Голицыных. Получил хорошее домашнее образование; владел латинским, немецким, польским и греческим языками. На латыни говорил как на родном языке. Был одним из самых образованных людей своего времени. Выдвинулся при царе Федоре Алексеевиче; получил от него крупные земельные владения, в 1676 г. стал боярином. Принимал участие в защите южных границ России (1676—1677 гг., 1680—1681 гг.), был участником Чигиринских походов (1677—1678 гг.).

После стрелецкого восстания 1682 г. как сторонник Милославских и фаворит Софьи Алексеевны Голицын руководил важнейшими государственными делами. Он возглавлял Пушкарский (1682—1686 гг.), Судный Владимирский (1677—1680 гг.), Иноземский и Рейтарский (1682—1689 гг.), Посольский, Малороссийский, Смоленский, Новгородский (1682—1689 гг.) приказы, Устюжскую и Галицкую четверти (1682—1689 гг.). Занимался разработкой государственной реформы, выступал за развитие сотрудничества со странами Западной Европы. Ему в 1684 г. был дан необыкновенный титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель, ближний боярин и наместник новгородский». В эти годы В.В.Голицын управлял Россией чуть ли не единолично. Иностранцы называли его «Великим».

После дворцового переворота 1689 г. Голицын оказался в опале. Он был лишен боярства, имущества и сослан на Север. Отбывал ссылку в Каргополе, Яренске, Мезени и Кологорах.

В историю Москвы Василий Васильевич вошел как человек, заботившийся о благоустройстве города. По его приказу на всех улицах были сделаны деревянные мостовые, сооружен Каменный мост на Москве-реке «о двенадцати арках», возведены в Кремле здание для Посольского приказа и каменные палаты для присутственных мест. Со времен Голицына широкое распространение получило строительство домов из камня.

Василий Васильевич Голицын олицетворяет ранний период русского собирательства. В его собрании предметы домашнего убранства и собственно коллекции еще не получили четкого разграничения. Однако интерес к памятникам искусства и старины был налицо. В его доме наряду с изделиями русских мастеров находилось немало произведений западноевропейского искусства.

В.В.Голицыну принадлежало в Москве и Подмосковье несколько усадеб. Главным его домом были палаты в Охотном ряду (на участке между Тверской и Большой Дмитровкой).

Дом В.В.Голицына являлся московской достопримечательностью, построен в начале 1680-х гг. Он поражал своей архитектурой и внутренним убранством и воспринимался иностранцами как восьмое чудо света. Достаточно сказать, что длина здания составляла 33 сажени. В доме насчитывалось 53 комнаты, более двухсот дверей и «оконных затворов», железная кровля была вызолочена. Рядом с палатами возвышалась домовая церковь Параскевы Пятницы, соединенная с ними крытой галереей.

«В его обширном московском доме, — писал историк В.О.Ключевский, — все было устроено на европейский лад: в больших залах простенки между окнами были заставлены большими зеркалами, по стенам висели картины, портреты русских и иноземных государей, немецкие географические карты в золоченых рамах; на потолках нарисована была планетная система, множество часов и термометров художественной работы довершали убранство комнат» (8, с. 457).

Одна из комнат, столовая палата — просторное светлое помещение с сорока шестью окнами в два яруса. Простенки между окнами расписаны «цветным аспидом» (то есть «под мрамор») и с одной стороны обиты золочеными немецкими кожами, убраны шпалерами. Украшение зала дополняли пять зеркал, из которых два — в резных золоченых рамах, а одно — в черепаховой оправе. Убранство включало также два серебряных шандала.

По стенам столовой палаты в тяжелых деревянных рамах висело пятнадцать портретов русских царей, от Владимира до Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича. Парсуны были написаны на полотнах и на бумаге и заключены в черные рамы: портреты князя Владимира Мономаха, царей Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича. Федор Алексеевич был изображен на четырех портретах. Тут же — портреты патриархов Никона, Иоакима, изображения иноземных королей. «Три персоны королевских, писаны на полотнах, в черных рамах. Персона Польского короля на коне. В двух рамах персоны Польского короля и королевы его» (4, с. 202). Кроме того, на стенах висело 12 немецких парсун.

На видном месте находились два портрета самого хозяина в богатых золоченых рамах за стеклами. Тут же помещался герб князя В.В.Голицына.

Потолок был затянут «левкашенными подволоками», на которых нарисованы «круг солнца, боги небесные с зодием и с планеты». От солнца, изображенного в центре, на прутах спускалось восьмиконечное паникадило, выполненное из слоновой кости. На потолке, кроме того, «в двадцати клеймах резных позолоченных писаны пророческие и пророчиц лица» (14, с. 98).

Вдоль стен стояло семь скамей, обитых красным (анбургским) сукном. Посреди — три стола, возле которых двадцать два стула. У одной из глухих стен «три завеса на столбах ярко расписаны», а на другой стороне на рундуке органы и домбра большая басистая.

В парадном зале нашлось место и для огромного «о четырех створках» орехового шкафа немецкой работы. На его полках стояла драгоценная посуда: серебряные кубки, кружки, чашки, солонки, хрусталь. Среди них — братина, подарок боярина Василия Ивановича Стрешнева. Своей красотой выделялись яшмовые чашки в сканной золоченой оправе. Были здесь и часы в нарядных футлярах, и дорогие шкатулки.

Другие комнаты обставлены не только обыденной домашней утварью, но и украшены произведениями искусства — портретами, гравюрами, чертежами, зеркалами в дорогих оправах, шкафами с драгоценной посудой. Серебряных изделий у Голицына было до четырехсот пудов. В спальной комнате висели «две личины человеческих каменных арапские».

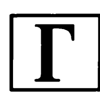
В.В.Голицын собрал одну из богатейших для своего времени библиотек, отличавшуюся большим разнообразием изданий на русском, польском, латинском, немецком языках. Среди отечественных рукописных книг — летописи, родословные, судебники, повести, «Книга о ратном строе». Из числа немецких — грамматики, описание рыб и зверей, сочинения по истории, геометрии, «воинские уставы голландской земли». В этой библиотеке была книга Иова Лудольфа «Об Абиссинии», поднесенная Голицыну в 1684 г. Рингбером.

Среди рукописей высокую ценность представляли сочинения политического и военного деятеля, писателя и публициста XVI в. Андрея Курбского и славянского ученого-энциклопедиста, писателя и общественного деятеля XVII в. Юрия Крижанича.

В своих палатах хозяин принимал иностранцев, которые неизменно восхищались обстановкой. Французский дипломат Невилль в 1689 г. писал, что в доме Голицына его приняли не хуже, чем при дворе какого-нибудь итальянского князя, а сам дворец по красоте мог сравниться с любым европейским.

В.В.Голицын скончался 21 апреля 1714 г. в с. Кологоры Волоко-Пинежской волости Архангельской губернии. Похоронен в Красногорском Богородицком монастыре, в шестнадцати верстах от Пинеги.

После его высылки из Москвы имущество В.В.Голицына было переписано настолько тщательно, что в опись попали даже «живые рыбы из пруда села Кривцова», «битое стекло в сундуках». «Животы» Голицына разошлись по приказам, монастырям, разным людям. Наиболее ценные предметы попали в Оружейную палату. Среди них — иконы, кресты, паникадила, парсуны, шпалеры, часы, зеркала, музыкальные инструменты, «шкапы»; некоторые из них сохраняются там и поныне.



Отдельные голицынские вещи позднее оказались во многих городах России и Украины: в Феодосийском музее древностей (монеты), в Ростовском музее церковных древностей (иконы), Музее Псковского археологического общества (рукописи Курбского).

Библиотека В.В.Голицына в полном составе поступила в Кремлевский дворец.

Некогда великолепные палаты В.В.Голицына сохранялись до 1930-х гг. В 1918 г. они были по достоинству оценены историками архитектуры; тогда же приняли решение об их реставрации. В 1925 г. были выполнены обмеры здания. В 1930-е гг. началась реконструкция Охотного ряда, и палаты оказались под угрозой сноса. В защиту памятника в 1925 г. в журнале «Строительство Москвы» (N 10) выступил И.Э.Грабарь. Он предлагал провести реставрацию здания и разбить вокруг него сквер. Однако власти поступили иначе. Палаты были безжалостно снесены в 1933—1935 гг. при сооружении Дома Совета Труда и Обороны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725. — М., 1883. — Вып.2. — С.429.

2. Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. — Спб., 1892. — Т. 1. — С.121.

3. Грабарь И.Э. Древние дома Голицына и Троекурова в Охотном ряду // Грабарь И.Э. О русской архитектуре. — М., 1969. — С. 367—371, 419.

4. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVIII столетиях. — М., 1990. — С. 145—146, 201—202.

5. Записки де ла Невилля о Московии: 1689 // Русская старина. — 1891. — N 9. — С. 431.

6. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 6. — N 309.

7. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев., 1892. — Т. 1, кн.2. — С. 864, 1001, 1035, 1068, 1075, 1090, 1259, 1285.

8. Ключевский В.О. Курс русской истории. — М., 1908.

9. Козлов В., Седельников В. Конец Охотного ряда // Архитектура и строительство Москвы. — 1990. — N 4. — С. 24—28, 32.

10. Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа: 1764—1917. — Л., 1985. — С. 34, 246—247.

11. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 239—240.

12. Пыляев М.И. Старая Москва. — М., 1990. — С. 279—281.

13. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. — Спб., 1888. — Т. 3.

14. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1864. — Т. 14. — С. 97—100.

15. Цветаев Д. Сношения с Абиссинией // Русский архив. — 1888. — N 1. — С. 208.

16. Чаянов А.В. Собирательство в старой Москве: Собрания XVI—XVII вв. // Среди коллекционеров. — 1922. — N 1. — С. 26—29.

ГОЛИЦЫН
Дмитрий Михайлович
(1665—1737)

С литографии неизвестного художника. 1860-е гг.

Д.М. Голицын — князь, государственный деятель, библиофил, собиратель памятников искусства, старины и природы. Двоюродный брат Василия Васильевича Голицына.

Родился 3 июля 1665 г. в семье боярина Михаила Андреевича Голицына. Принадлежал к древнему и знатному роду. Получил хорошее домашнее воспитание. Занимал высокое положение при царском дворе.

В 1686 г. стал комнатным стольником царевича Петра Алексеевича. С 1694 г. — капитан Преображенского полка. В 1697 г. Д.М.Голицын был послан Петром I в Италию для обучения навигации, где занимался под руководством ученого Марка Мартиновича.

Неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Петра. В 1701 г. назначается послом России в Константинополе; с 1704 г. находился при Польском короле. Живя за границей, он познакомился с европейской культурой, с памятниками древности и музеями, с крупными частными собраниями.

В 1707—1711 гг. Голицын служил киевским воеводой, в 1711—1718 гг. — губернатором Киева. В это время занимался в Киевской академии. Близость к ученым пробудила в нем жажду научных знаний. По его поручению здесь стали переводить многие сочинения европейских авторов — исторические, политические, экономические, литературные, философские. В киевский период Дмитрий Михайлович стал собирать рукописные переводы западноевропейских книг.

После переезда в Петербург в 1718 г. Дмитрий Михайлович возглавил Камер-коллегию и оставался на этом посту до 1722 г. Являлся членом Верховного совета. Впоследствии стоял во главе Коммерц-коллегии.

После смерти Петра I Д.М.Голицын возглавил партию, которая выступала против Екатерины I. Он был идеологом олигархического образа правления, который пытался провести при воцарении Анны Иоанновны, был инициатором избрания ее на царство. В 1726 г. он стал одним из организаторов Верховного Тайного совета, пытавшегося позже ограничить власть Анны Иоанновны. После провала «верховников» подвергся опале и с 1730 г. поселился в подмосковной усадьбе Архангельское, целиком посвятив себя научным занятиям.

Здесь Д.М.Голицын прожил около шести лет. В декабре 1736 г. был взят под стражу, увезен в Петербург, заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Голицын, по словам И.Е.Забелина, «принадлежал к тому поколению благородных деятелей нашей истории, которых воспитала и выдвинула на историческое поприще благодатная петровская реформа» (3, с. 330—331). Как и сам Петр, все его ближайшие сподвижники стали коллекционерами.

Дмитрий Михайлович был одним из крупнейших собирателей. «В Архангельском, — писал И.Е.Забелин, — он собрал весьма замечательную по времени библиотеку и музей, которые своим богатством уступали в то время только библиотеке и музею графа Брюса» (3, с. 331). В состав коллекции Д.М.Голицына входили книги, рукописи, естественнонаучные собрания, картины и другие редкие вещи.

Широкую известность получило книжное собрание Дмитрия Михайловича. В его библиотеке насчитывалось около трех тысяч изданий на русском и иностранных языках. Все книги имели экслибрис владельца с надписью «Ex Bibliotheca Archangelina».

В каталоге иностранных книг, сосредоточенных в библиотеке усадьбы Архангельское в 1722 г., указано 1300 названий, составлявших примерно 1900 томов. Более поздние описи были сделаны в 1738 г. Из них видно, что издания религиозного содержания составляли у Голицына 346 названий, светского — 336, в том числе книги на латинском, итальянском, французском языках. Кроме того, в описи отмечены издания и на немецком языке (без подробного перечисления). Известно, что немало книг у Дмитрия Михайловича было также на английском, голландском, испанском и шведском языках.

В библиотеке выделялись следующие основные разделы: иностранные сочинения о России; сочинения по истории Польши; сочинения классических греческих и римских авторов; сочинения политических мыслителей XVI—XVIII вв.; книги по политике и юриспруденции; сочинения по истории и дипломатии; трактаты по истории, происхождению и прерогативам аристократии; сочинения по прикладным наукам.

В этой библиотеке было, к примеру, полное собрание сочинений итальянского политического мыслителя XV—XVI вв. Н.Макиавелли.

Точное количество книг на русском языке неизвестно. На первом месте среди них была историческая литература, на втором — географическая, немало изданий по философии, политике, дипломатии, генеалогии.

Рукописное собрание включало 335 названий: летописи во многих списках, хронографы, византийские хроники, степенные книги, родословные и разрядные книги, статейные списки, новгородские и великокняжеские грамоты, сборник писцовых наказов, описания паломничеств по святым мес-

там, лечебники и др. В числе наиболее ценных рукописей — «Царственный летописец», украшенный многочисленными миниатюрами, написанный прекрасным полууставным письмом, который содержал сведения от начала царствования Владимира Мономаха с 1113 г. до покорения Новгорода Иваном III в 1478 г.

Значительную часть рукописного собрания составляли неопубликованные переводы известных сочинений иностранных авторов.

Рукописи этого собрания широко известны. Ими пользовались такие историки, как В.Н.Татищев, М.М.Щербатов, Н.М.Карамзин. М.М.Щербатов в Петербурге в 1772 г. издал ценнейшую рукопись голицынского собрания «Царственный летописец».

Знаменитая библиотека в Архангельском стала как бы олицетворением собирательской деятельности Дмитрия Михайловича. Между тем он был и владельцем обширного собрания картин. По свидетельству первого исследователя истории частного коллекционирования в России Якоба Штелина, государственный канцлер М.И.Воронцов в 1744 г., совершая с императрицей поездку в Новый Иерусалим, случайно услышал о богатствах одной из бывших усадеб Д.М.Голицына. «Однажды утром г-н Воронцов, — свидетельствует Штелин, — из любопытства поскакал туда и нашел там среди прочего целую комнату, полную превосходных итальянских и брабантских картин, которые, однако, находились все в таком плохом состоянии, что некоторые из самых больших и дорогих картин висели частью покрытые плесенью, частью продырявленные, другие лежали сваленные в кучу» (9, с. 368).

К сожалению, ни Воронцов, ни Штелин не указали наименования этой голицынской подмосковной усадьбы. Можно предполагать, что имелось в виду Петровское, или Петрово-Дальнее, которое было основано в XVII в. князьями Прозоровскими и в 1720 г. перешло к Голицыным. Состав живописного собрания Д.М.Голицына, а также его последующая судьба неизвестны.

Д.М.Голицын увлекался садоводством. В двух своих усадьбах — в Архангельском и в Богородском на Пахре — он развел сады и построил оранжереи.

В своей любимой усадьбе Архангельское, в 18 верстах от Москвы по звенигородской дороге, в родовой вотчине, которая перешла к нему от отца, он завел две оранжереи. Одна из них достигала в длину 8 сажень и в ширину составляла 4 сажени. По своим размерам она почти равнялась жилым хоромам. В ней было 36 стеклянных окончин с деревянными ставнями. В оранжерее зимовали заморские деревья, цветы и травы. Среди 14 разновидностей деревьев были лавр, пальмы («фиговых больших десять»), персики, но больше всего — померанцевых и лимонных деревьев.

При описании оранжереи в 1737 г. оказалось «померанцевых и лимонных прививков малы 50» и «почешных лимонов и попоранцов сорок три горшка и три ящика» (3, с. 333). Среди цветов числились «марховая» гвоздика, герань, фиоль, розмарин. Всяких индийских трав насчитывалось до двухсот.

В усадьбе Архангельское Д.М.Голицын начал возведение нового дома, однако завершить строительство не успел. Предполагалось создать пышное убранство: дубовые резные панели, живописные шпалеры, изразцовые печи.

В другой усадьбе, на реке Пахре в Подольском уезде, в тридцати верстах от Москвы, тоже была оранжерея, созданная Д.М.Голицыным. В ней круглый год цвели и плодоносили лимоны, апельсины, заморские орехи (26

деревьев), «шелковые деревья», «заморские вишни» (100 деревьев), каштаны (5 деревьев). Одних только яблоневых деревьев насчитывалось свыше 1500. В саду были разбиты многочисленные цветники с тюльпанами, ирисами, пионами.

Усадьба Богородское, или Богородско-Казанское, досталась князю в качестве приданого жены Анны Яковлевны Одоевской. Здесь Дмитрий Михайлович развернул каменное строительство: возвел двухэтажные палаты, кирпичную ограду, а ворота украсил четырьмя статуями.

Д.М.Голицын умер в Шлиссельбургской крепости 14 апреля 1737 г.

Имущество Д.М.Голицына было конфисковано сразу после его ареста. 30 апреля 1739 г. книги Голицына в 20 запечатанных сундуках отправлены в Канцелярию конфискации. В дальнейшем судьба книг сложилась по-разному. Одни были переданы в Синод, другие — в петербургский Петропавловский собор, третьи, возможно, распределены по московским храмам. Какие-то книги переданы в библиотеку Академии наук, отдельные экземпляры (преимущественно издания на иностранных языках) попали в личную библиотеку Елизаветы Петровны. Сочинения Н.Макиавелли и Т.Боккалини взял для себя А.П.Волынский.

При Елизавете Петровне опала с Д.М.Голицына была снята. Указом от 1 февраля 1742 г. предписывалось вернуть книги сыну собирателя, А.Д.Голицыну. Спустя две недели это исполнили. Из Петропавловского собора вернули 1915 книг на латинском, французском, немецком и итальянском языках, а также 281 издание на русском языке. Восемь церковных книг Голицына возвращено из канцелярии Синода.

От А.Д.Голицына около двухсот рукописных книг из этого некогда знаменитого собрания (в основном переводные сочинения) в начале XIX в. перешли в коллекцию графа Ф.А.Толстого. В дальнейшем они попали в Императорскую Публичную библиотеку (ныне РНБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина).

Часть рукописей Д.М.Голицына досталась московскому собирателю П.Ф.Карабанову.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Голицын Н.В. Новые данные о библиотеке кн. Д.М.Голицына («верховника») // Чтения Общества Истории и Древностей Российских. — 1900. — Кн. 4. — С. 1—16.

2. Голицын Н.Н. Материалы для полной родословной росписи кн.Голицыных. — Киев, 1880.

3. Забелин И.Е. Оранжереи и сады подмосковных вотчин кн. Дмитрия Михайловича Голицына в 1737 г. // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. — М., 1873. — Ч.2. — С. 330—337.

4. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 114, 117, 339, 444, 664, 815, 821; Т.1, кн. 2. — С. 898, 1078—1083, 1142, 1163, 1298, 1337.

5. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. — Л., 1973. — С. 204—223.

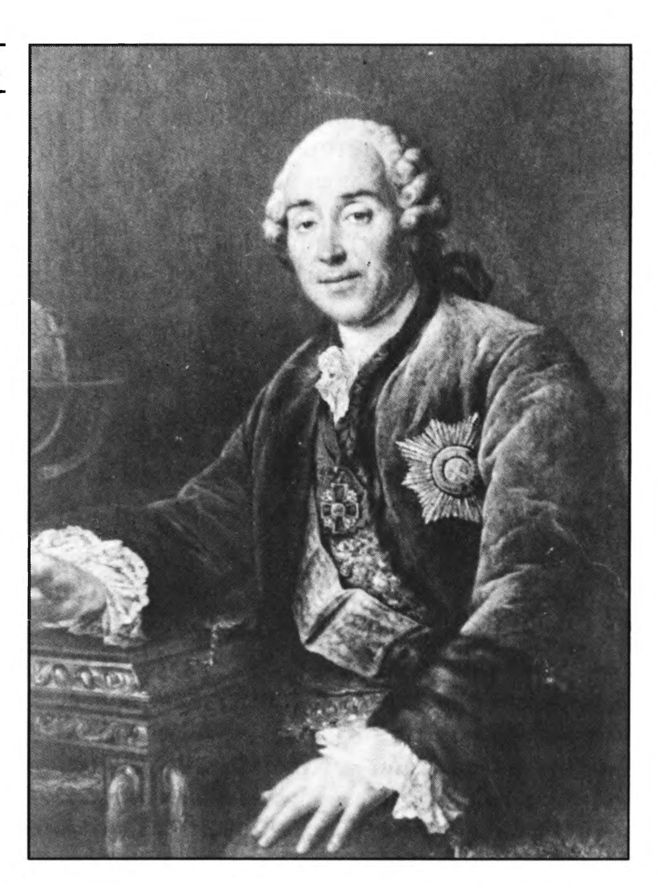
6. Овсянникова С.А. Частное собирательство в России в XVIII—первой половине XIX века // Очерки истории музейного дела в России. — М., 1961. — Вып.3. — С. 271—272.

7. Переписка о книгах Д.М.Голицына Махиавелевой и Боколиновой (сообщил И.Е.Забелин) // Библиографические записки. — 1861. — Т.3. — N 11 — столб. 320—324.

8. Погодин М.П. Судьбы археологии в России // Труды Первого археологического съезда. — М., (1869) — Т.1. — С. 6.

9. Штелин Я. История картин в России // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. — М., 1990. — Т.1. — С. 368, 388.

ГОЛИЦЫН
Дмитрий Михайлович
(1721—1793)



С портрета Ф.Г. Друэ Младшего. 1762.

Д.М. Голицын — князь, государственный деятель, дипломат, меценат, собиратель художественной коллекции. Двоюродный брат Александра Михайловича Голицына.

Родился 15 мая 1721 г. в г.Або в семье фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына-Старшего от его второго брака с княжной Татьяной Борисовной Куракиной. Род Голицыных вел свое происхождение от Великого князя Литовского Гедимина. В детстве был записан в гвардию, служил в лейбгварии Измайловском полку. В 1751 г. пожалован в камерюнкеры, в 1755 г. — в камергеры. Позже (1762) получил звание генерал-майора.

В 1760 г. заведывал русским посольством в Париже, год спустя был назначен чрезвычайным послом в Вену. На этом посту Дмитрий Михайлович оставался тридцать лет. В 1792 г. вышел в отставку и по-прежнему жил в Вене.

Голицын получил широкую известность как меценат. «Князь Дмитрий Михайлович в продолжении тридцати лет стяжал себе в Вене любовь всеобщую, — отмечалось в одном из изданий 1841 г. — Милостивый ко всем бедным вообще, он особенно покровительствовал ученым и художникам, и, содействуя их занятиям вниманием, словом, делом, доставлял обществу полезные плоды трудов их, а себе высокое нравственное наслаждение, которому доступны одни люди добродетельные. Задавая художникам работу, покупая их изделия по склонности к художествам, а больше, может быть, для пособия трудившимся, он составил у себя обширную галерею всех школ» (3, с. 6)

Приобретая в большом количестве произведения искусства, Д.М.Голицын составил «целый музей редкостей бронзы, скульптуры и большую картинную галерею» (4, N 26).

Д.М.Голицын скончался в Вене 19 сентября 1793 г. Похоронен на своей вилле Предигштуль неподалеку от Вены.

Прямых наследников у Д.М.Голицына не было. Главную часть своей коллекции он завещал своему двоюродному брату А.М.Голицыну. «Повелеваю отдать, — гласила статья шестая его духовного завещания, — двоюродному брату моему господину обер-камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну... все мои картины, эстампы и рисунки, большие порцелиновые вазы, бронзою оправленные; две поясные, мраморные статуи и сверх того золотую с синею финифтью и с портретом государыни Императрицы табакерку, осыпанную бриллиантами, прося его сиятельство принять сей малый дар в знак моей к нему дружбы и истинного почтения» (8, с. 7—8).

Другому двоюродному брату, князю Михаилу Михайловичу Голицыну, он отказывает «кабинет... собрание разных камней натуральной истории» (8, с. 8). Племяннику своему известному коллекционеру Николаю Петровичу Румянцеву он завещал свою виллу Предигштуль со всем ее убранством и всю свою библиотеку.

В статье тринадцатой завещания Дмитрий Михайлович писал, чтобы оставшиеся после него деньги «употребили на заведение в столичном российском городе Москве богаделен и больниц, или других каких человеколюбивых и отечеству моему полезных учреждений, либо установлений, лишь бы они могли соответствовать в рассуждении оного отечества моего доброму намерению моему» (8, с. 12). Исполнителями завещания он назначил своих двоюродных братьев Михаила Михайловича и Александра Михайловича Голицыных, а также племянников Николая Петровича и Сергея Петровича Румянцевых.

Денег у покойного оказалось 920600 рублей. Кроме того, Дмитрий Михайлович завещал на богоугодные заведения доходы с двух вотчин с числом крестьян в 713. Волю Дмитрия Михайловича осуществлял в основном его брат князь Александр Михайлович Голицын. В 1802 г. больница была торжественной открыта. При ней по инициативе Александра Михайловича была создана картинная галерея, куда вошли коллекции и Дмитрия Михайловича, и Александра Михайловича.

В 1817—1819 гг. картинная галерея была распродана попечителем больницы племянником Д.М.Голицына Сергеем Михайловичем Голицыным.

К сожалению, каталога собрания картин не существовало и выделить принадлежавшие когда-то Дмитрию Михайловичу Голицыну картины из общего собрания Голицынской больницы невозможно. В литературе есть сведения, что графическая коллекция Д.М.Голицына оказалась в собрании князя А.И.Долгорукова.

Широко распространено мнение, что картинная галерея при больнице была создана по мысли Дмитрия Михайловича Голицына. Однако документы свидетельствуют о том, что идея устройства картинной галереи принадлежала целиком Александру Михайловичу Голицыну. И в основу этой галереи легло собрание именно А.М.Голицына. Но поскольку коллекция включала и картины Дмитрия Михайловича, то молва стала приписывать ему и всю затею с больничным музеем.

Напоминанием о благородном почине Д.М.Голицына долго служили его портрет кисти французского художника Ф.Г.Друэ Младшего, висевший до 1919 г. в Голицынской больнице (ныне в ГМИИ им. А.С.Пушкина) и обелиск с портретом Дмитрия Михайловича работы Ф.Г.Гордеева на средней аллее парка.

В 1802 г. тело князя Д.М.Голицына с Высочайшего соизволения было привезено в Москву в медном ковчеге и похоронено в склепе больничного храма. Над могилой была сооружена композиция, выполненная в 1799 г. скульптором Ф.Г.Гордеевым. Основу памятника составляют аллегорические фигуры Щедрости и Веры. Венчает композицию бюст Д.М.Голицына работы скульптора Ф.Цунера.

В 1814 г. больницу посетили поэты Г.Р.Державин и В.Л.Пушкин. В больничном храме они отстояли службу, а потом, поклонившись мраморному бюсту Дмитрия Михайловича, Гаврила Романович сказал: «Таких благодетелей и в мраморе надо почитать и им поклоняться» (2, с. 44).

После 1917 г., когда больничный храм закрыли, надгробие Д.М.Голицына было перенесено в Михайловскую церковь Донского монастыря.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Брук Я.В. Из истории художественного собирательства в 19 веке // Государственная Третьяковская галерея. Очерки истории. 1856—1917. — Л., 1981. — С. 48.

2. Власов П.В. Обитель милосердия. — М., 1991. — С. 40—45.

3. Гастев М. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. — М., 1841. Ч. 1. — С. 281—293.

4. Голицын Д.М. // Русские портреты 18—19 вв. — Т. 2. — Вып. 3. — Спб., 1906. — N 26.

5. Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Спб., 1892. — Кн. 1. — С. 137—138 (N 53).

6. Ильин М., Моисеева Т. Москва и Подмосковье. Справочник-путеводитель. М., 1979. — С. 519—520 (ил. N 223).

7. Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы // Отечественные записки. — 1820. — N 2. — С. 232.

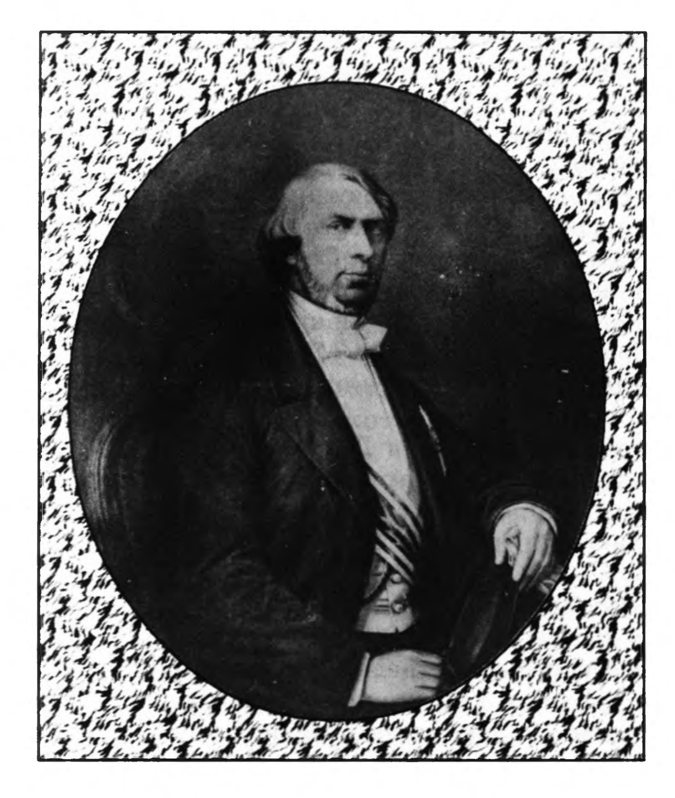
8. Сейделер И.И. Московская Голицынская больница в ряду европейских больниц. — М., 1865.

9. Сто лет Голицынской больницы в Москве. 1802—1902. — М., 1902.

10. Чаянов А.В. Московские собрания картин сто лет назад // Известия Московской городской думы. — 1917. — N 1. — С. 5—7.

11. Catalogue des tableaux, statues, vases et autres objets, appartenant à l'hôpital de Galitzin. — M., 1817.

ГОЛИЦЫН Михаил Александрович (1804—1860)



С портрета неизвестного художника.

М.А. Голицын — князь, дипломат, библиофил, собиратель художественной коллекции.

Родился в Москве 12 мая 1804 г. в родовитой княжеской семье. Детство и юность провел в Париже, где проникся интересом к западноевропейской культуре. В парижском салоне своей тетки Е.И.Голицыной познакомился со многими известными художниками, литераторами, музыкантами.

В 1822—1833 гг. Голицын служил в Коллегии иностранных дел, а затем — в ее Архиве. В этот период он сблизился с библиофилами С.А.Соболевским, В.А.Мухановым, Ф.И.Тютчевым. Был дружен с А.О.Смирновой-Россет.

С 1833 г. началась дипломатическая служба М.А.Голицына за границей. Долгие годы он состоял в русской миссии во Флоренции и Риме. В 1856—1860 гг. возглавлял посольство России в Испании.

Живя за границей, М.А.Голицын познакомился почти со всеми выдающимися европейскими музеями, художественными галереями, библиотеками. «С юных лет, — писал близко знавший М.А.Голицына К.М.Гинцбург, — он с особенною любовью предавался наукам и изучению классиков, преимущественно римских, с которыми был знаком основательно... Где только были собраны сокровища человеческого знания и искусства, там он останавливался охотно» (4, с. 8).

Собирать свою коллекцию М.А.Голицын начал в молодые годы. Основу собрания составили произведения искусства, унаследованные от отца. Чаще всего он покупал полотна художников западноевропейской школы. Материальные возможности позволяли ему не останавливаться перед приобретением даже самых дорогих вещей. Он был непременным участником многих аукционов и регулярно посещал антикварные лавки. В результате у него сформировался прекрасный художественный вкус, позволивший исключительно плодотворно заниматься пополнением собственной коллекции.

Сфера внимания М.А.Голицына как коллекционера была достаточно широкой. Его привлекали картины западноевропейских художников, скульптура, археологические памятники, произведения декоративно-прикладного искусства, библиографические редкости. Все это со временем в изобилии было собрано в его особняке в Москве на Волхонке.

Богатейшее личное собрание М.А.Голицын мечтал превратить в общедоступный музей. «Враг всякого узкого самодовольства, он, пред кончиной своей, — отмечал один из современников, — возымел мысль: собранные им сокровища, служащие к образованию ума и изящного вкуса, предоставить в общее пользование своим соотечественникам. Он завещал своему наследнику учредить в родном его городе Москве Публичный Музей» (4, с. 8—10).

Михаил Александрович умер 17 марта 1860 г. в Монпелье и был похоронен в итальянском городе Болонья.

После смерти владельца вся собранная им коллекция, размещавшаяся в фамильном особняке на Волхонке (Малый Знаменский пер.), перешла по наследству его сыну — семнадцатилетнему Сергею.

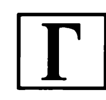
Сын исполнил волю отца. 26 января 1865 г. в Москве торжественно открылась частная художественная галерея, получившая в честь покойного собирателя наименование Голицынского музея. Музей был общедоступным, открыт по понедельникам, средам и пятницам с двенадцати до четырех часов.

Все заботы о музее взял на себя личный врач Голицыных Карл Маркович Гинцбург. Он подготовил каталог, благодаря чему у нас есть возможность воссоздать былую экспозицию. Она была развернута в пяти залах второго этажа. Одних только картин в ней насчитывалось свыше ста восьмидесяти.

В первом зале посетителей встречали произведения декоративно-прикладного искусства итальянской школы: картины и скульптура, а также бронзовые изделия, найденные при археологических раскопках в Помпее. Среди полотен выделялись картины художников Караваджо, Каналетто, Корреджо, Веронезе, Панини. Не случайно картины итальянских мастеров как бы открывали собою музей. Прожив долгие годы в Риме и во Флоренции, Михаил Александрович особенно хорошо знал итальянское искусство, и оно лучше всего представлено в его коллекции.

Второй зал был посвящен французской школе. За ним следовал зал с картинами немецких, голландских, фламандских живописцев. Предпоследний зал отдан декоративно-прикладному искусству: на стенах висели старинные хронометры, гобелены, а в многочисленных витринах экспонировались вазы, сосуды, кувшины из стекла, фарфора, фаянса, обожженной глины. Фарфоровые изделия представляли искусство мастеров Англии, Германии, Франции, Японии, Китая. Завершался музей залом греческой скульптуры. Особую привлекательность и уют придавала всем залам старинная резная мебель.

Наряду с художественными предметами в коллекции Голицына присутствовало несколько очень ценных мемориальных вещей: охотничий нож в кожаных ножнах с ручкой из слоновой кости, принадлежавший Генриху II, с его портретом, гербом и с вензелем Дианы де Пуатье, его



же фаянсовая ваза, две парные вазы французского короля Людовика XVI и его супруги Марии Антуанетты.

Каждый посетитель имел возможность побывать и в голицынской библиотеке. Она содержала до 20 тысяч томов. «Библиотека князя Голицына, — отмечал устроитель музея К.М.Гинцбург, — вполне заслуживает название классической... Она содержит в себе превосходное собрание сочинений из области богословия, юриспруденции, положительных наук и изящных искусств, истории и географии, преимущественно же сочинения классической литературы Греции, Рима, Франции, равно как и лучших классиков Англии и Италии, в отличных и редких изданиях... Но что делает эту библиотеку одним из украшений Москвы, — это драгоценное собрание типографических редкостей» (4, с. 9).

Среди «типографических редкостей» в библиотеке Голицына находились две ксилографические книги — «Страдания Спасителя» и «Искусство умирать», несколько инкунабул, в том числе отпечатанных и самим Гутенбергом, а также книги лучших типографов Европы — Альдов, Эльзевиров, Джунтьи, Барбу, Бриндлея, Крапле и др.

Многие вошедшие в состав библиотеки редчайшие издания были приобретены Михаилом Александровичем у известных московских библиофилов — А.С.Власова, М.П.Голицына, А.М.Дмитриева-Мамонова, А.Г.Головкина.

В частном Голицынском музее бывало ежегодно свыше трех тысяч посетителей. Сюда охотно приходили художники, историки, археологи. В музее периодически устраивались выставки новых поступлений. Несколько раз издавались каталоги. Богатый сокровищами особняк стал одним из центров культурной жизни Москвы.

16 марта 1869 г. в стенах Голицынского музея был открыт созванный по инициативе Московского археологического общества Первый всероссийский археологический съезд. С докладами на нем выступали известные ученые: В.В.Вельяминов-Зернов, И.И.Срезневский, М.П.Погодин.

С годами С.М.Голицын постепенно охладел к музею. Возникшие финансовые затруднения побудили его поднять вопрос о распродаже собрания. Русскую общественность весьма встревожили это известие и возможность продажи его за границу. В Москву даже приезжали французские антиквары «торговать музей». К счастью, коллекция была приобретена в 1886 г. Императорским Эрмитажем за 800 тысяч рублей. Москва лишилась прекрасного музея, по словам П.И.Щукина, «обогатив и без того богатые Императорский Эрмитаж и Императорскую Публичную Библиотеку» (17, с. 83).

В Эрмитаже остались наиболее ценные картины, предметы, книги. Большая часть книг из бывшего голицынского собрания была передана в Императорскую Публичную библиотеку. Их оказалось 3276 наименований (более 10 тысяч томов). Редкие издания с гравюрами, книги по искусству и рукописи с миниатюрами пополнили Императорский Эрмитаж.

Пять картин Г.Робера (всего у М.А.Голицына их было 11) поступили в Аничков дворец. Второстепенные полотна отправлены в загородные дворцы под Петербургом. Часть предметов прикладного искусства передана в музей Общества поощрения художеств. Из оставшихся предметов Алексею Петровичу Боголюбову, основателю Радищевского музея в Саратове, было разрешено отобрать все достойное внимания.

К числу наиболее ценных произведений, поступивших в Эрмитаж из упраздненного музея, относились картины итальянской школы («Товий с ангелом» К.Аллори, «Святой Карл Борромей» О.Борджанни, «Городской вид» Ф.Гварди, «Бык» Ф.Казановы, «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» В.Катены, «Распятие» Б.Луини, «Мужской портрет» Я.Пальмы Старшего, «Портрет пожилой женщины» Себастьяно дель Пьомбо, «Оплакивание Христа» А.Турки, «Благовещение» Д.Чима да Конельяно, «Внутренний вид большой готической церкви» Л.Бизи, «Площадь миланского собора» А.Ингании, «Венецианский вид», «Вид площади с колоннады» Д.Мильяра).

Кроме картин в Эрмитажное собрание влились античные скульптуры, несколько работ французских скульпторов, в том числе две работы Гудона.

Волею судьбы в одном из флигелей перестроенной голицынской усадьбы в январе 1994 г. открылся единственный в своем роде Музей личных коллекций — дань признания заслуг русских коллекционеров перед отечественной культурой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А.Н. Из юношеских дневников // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского — Пг., 1921. — С. 43—64, 71—126.

2. Внутренние известия // Художественные новости. — 1886. — N 13. — С.379.

3. Внутренние известия // Художественные новости. — 1886. — N 18. — С.498.

4. Гинцбург К.М. Голицынский музей в Москве // Современная летопись (воскресное приложение к «Московским ведомостям»). — 1865. — N 4.

5. Голицын Н.Н. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. — Киев, 1880.

6. Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись: Каталог. — Л., 1976. — Т.1.

7. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 6. — N 312.

8. Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. — Л., 1985. — С. 301.

9. Македонская Е.И. Улица Волхонка, 14. — М., 1985.

10. Московский Голицынский музей в 1866 году. — М., 1867.

11. Новости // Художественный журнал. — 1887. — Т.10. — С. 73.

12. Орешников А.В. Мнение известного французского археолога Франца Ленормана о бронзовой статуэтке Вакха из Голицынского музея // Древности: Труды Московского археологического общества. — М., 1885. — Т.10. — С. 5051, прот. 208.

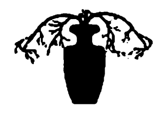
13. Орешников А.В. О бронзовой статуэтке Вакха, находящейся в музее князя Голицына в Москве // Древности: Труды Московского археологического общества. — М., 1883. — Вып. 2—3. — С. 92, прот. 189.

14. Путеводитель по Москве и ее окрестностям. — М., 1872. — С. 178—186.

15. Серчевский Е. Записки о роде князей Голицыных. — Спб., 1853.

16. Указатель Голицынского музея. / Сост. К.М.Гинцбург. — М., 1869.

17. Щукин П.И. Из воспоминаний // Русский архив. — 1912. — N 5. — С. 83—85.



ГОЛИЦЫН Михаил Петрович

(1764—после 1836)

С рисунка пастелью И.Барду. Конец XVIII в.

М.П. Голицын — князь, камергер, библиофил, собиратель художественной коллекции.

Родился 30 августа 1764 г. в семье Петра Михайловича Голицына, известного своей работой в Комиссии по составлению Уложения. Принадлежал к известному роду Голицыных, который вел свое происхождение от великого князя литовского Гедимина.

Михаил Петрович в отличие от других своих родственников почти не прославился на служебном поприще. Служил при дворе, в 1806 г. получил чин действительного камергера, вышел в отставку и переехал в Москву. Сюда он перевез картины, гравюры, скульптуру и любимую библиотеку, которую собирал с юных лет.

Нередко придворные чиновники, вынужденные жить в Петербурге, «исподволь готовили уже себе в Москве убежище под старость» (14, с. 108) и свои московские особняки наполняли предметами искусства и роскоши.

Многие дома московских вельмож отличались богатыми художественными собраниями, однако именно о доме М.П.Голицына шла молва как о «московском Эрмитаже». «Галерею князя Михайла Петр. Голицына можно назвать Музеем, или Московским Эрмитажем в малом виде: то же разнообразие предметов, тот же вкус ко всему изящному и то же искусство в размещении их таким образом, что один другого не затмевает», — писал Павел Петрович Свиньин в 1819 г. после посещения этой галереи (13, с. 76).

Современники недаром называли М.П.Голицына «владельцем Эрмитажа». Он был участником всех аукционов начала XIX в. и приобретал на них немало интересных и дорогих произведений. Так, например, при распродаже картин князя Н.Г.Щербатова он купил «Зимний пейзаж» Ван Дер-Верфа. Именно на аукционах приобрел отдельные вещи из собраний

московских коллекционеров М.М.Голицына, Н.Ф.Хитрово, Н.А.Касаткина, П.Г.Головкина. Несколько картин он купил при распродаже галереи Голицынской больницы в 1817—1818 гг.

Часть произведений поступила к Голицыну из французских собраний — герцога Шуазеля, Пулленя.

Основу коллекции Михаила Петровича составляли картины фламандской школы. Здесь были произведения Рубенса, Рюисдаля, Вандероцера, Метца, Вандергейдена, Теньера.

Сюда входили также картины Корреджо. «Но как описать тебе сие превосходное произведение кисти вдохновенного Корреджия? Здесь правильность рисунка и сила выражения, свойственного идеалу Пречистой Девы и Божественного Младенца, составляют уже последние достоинства: здесь в полотне видишь кровь, переливающуюся в нежных фибрах Небесных Существ! Одним словом, чем больше смотришь на сию картину, тем более открываешь в ней красот души и жизни!» (13, с. 77).

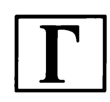
В собрании имелись скульптурная группа Кановы, античные скульптуры, базальтовый бюст Тита. «Но еще несравненно драгоценнее базальтовый бюст Тита, — отмечал П.П.Свиньин, — с драпировкою из восточного алебастра молочного цвету, поставленный на пьедестал из ружантику. Сей прекрасный бюст принадлежал Висконти и приобретен от Н.Ф.Хитрово. Он вышиною шестнадцать вершков, а шириною десять. Винкельман замечает, что судя по превосходному штилю и тщательной отделке из базальта, работали в Греции только самые отличные художники, а из алебастра не делали никогда целых фигур» (13, с. 79).

В библиотеке Михаила Петровича было много ценных и редких изданий на разных европейских языках. Особенно полно представлены разделы по натуральной истории и описания путешествий. Причем большинство книг путешественников имели иллюстрации. Значительную ценность представлял и раздел изобразительного искусства. Тут имелись описания почти всех известных картинных галерей мира.

При книжном собрании находился отдел рукописей. Большинство из них отличались красивым письмом, многие украшены миниатюрами, замысловатыми арабесками по золоту и серебру. Одна из рукописей была написана золотыми буквами по шелковой бумаге, а каждый лист включал изысканного рисунка виньетки, картуши и арабески. Другая, в атласном переплете, украшена вензелем, вышитым жемчугом.

Особую ценность представляли рукописи с миниатюрной живописью, а также принадлежавшие европейским знаменитостям. В собрании М.П.Голицына был манускрипт «Служба Пресвятой Богородице», когда-то принадлежавший Карлу V, а до этого — Козимо Медичи. «Служебник» — супруге Людовика XV; «Птичья охота», содержавшая около ста рисунков, происходила из собрания герцога Бургундского, а затем была подарена адмиралу Бонивену Франциском I. «Жизнь святого Дионисия» принадлежала Марии Медичи.

В собрании рукописей находилась Беррийская Библия XIII столетия; «Литургия», происходившая из библиотеки Санского архиепископа; Часовник из собрания неаполитанской королевы; Молитвенник 1529 г. из дома герцога де Ла Вальтера.



В числе рукописей был и «Молитвенник св. Людовика». Его Михаил Петрович получил из коллекции графа Головкина, а тот в свою очередь приобрел в период Французской революции. По просьбе французского двора М.П.Голицын вернул эту реликвию в королевское собрание. В ответ Людовик XVIII прислал в Москву две громадные фарфоровые вазы севрской фабрики, украшенные живописью Беренжера на темы из гомеровой «Илиады». По мнению знатоков, эти вазы — одни из лучших произведений фарфоровой фабрики г. Севра.

Собрание живописи соседствовало с предметами декоративно-прикладного искусства. «Между большим количеством любопытства достойных у князя редкостей есть отличные резные камни, золотые медали и бронзы века Медицисов» (6, с.164).

В 1816 г. М.П.Голицын издал в Москве на французском языке каталог своего собрания. Несколько лет спустя он подготовил новое его издание.

Художественные ценности М.П.Голицына хранились в городской усадьбе на Старой Басманной в доме 15 близ церкви Никиты Великомученика и в подмосковной усадьбе Пехра-Яковлевское. Эту усадьбу он получил от своего отца. «Дворянское гнездо», возведенное в 1770—1810 гг. близ села Яковлевское (26 км от Москвы по Владимирской дороге), относилось к числу наиболее богатых в Подмосковье. Архитектурный комплекс, в создании которого принимал участие В.И.Баженов, принадлежит к числу выдающихся творений своего времени. В усадьбе были устроены театр и оранжерея для коллекции тропических растений.

Приобретая дорогие вещи для своего собрания и делая это систематически в большом количестве, М.П.Голицын в конце концов разорился. После 1825 г. был вынужден начать распродажу коллекции.

Библиотека, увезенная в Париж, продана с аукциона, состоявшегося 3 марта 1825 г. В канун аукциона в Париже был издан каталог.

В 1828 г. владелец продал усадьбу Пехра-Яковлевское И.А.Гагарину.

М.П.Голицын умер в Москве после 1836 г.; погребен в Донском монастыре.

Родовая вотчина М.П.Голицына Пехра-Яковлевское частично сохранилась до наших дней. От нее уцелели Преображенская церковь, некоторые надворные постройки, лестница со скульптурными изображениями львов и сфинксов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Геннади Г. Литература русской библиографии. — Спб., 1858. — С.125—126, 177.*
2. *Глинка С. Путеводитель по Москве. — М., 1829. — С. 269—270.*
3. *Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. — Спб., 1892. — Т.1. — С. 153.*
4. *Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 6. — N 313.*
5. *Лазаревский И.И. Собиратели и антиквары прошлого: Коллекция Власова // Среди коллекционеров. — 1921. — N 2. — С. 11—12.*
6. *Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992. — С. 163—164.*
7. *Москва, или Исторический путеводитель. — М., 1831. — Т.4. — С. 203.*
8. *Некрасов А.И. Забытая подмосковная «Пехра-Яковлевское». — М., 1925.*
9. *Опочинин Е. Новые сведения о Пехре-Яковлевском // Сборник Общества изуче-*

ния русской усадьбы. — М., 1928. — Вып.1. — С. 5—7.

10. Памятники архитектуры Московской области. — М., 1975. — Т.1. — С. 12—15.

11. Памятники усадебного искусства. — М., 1928. — Вып.1. — С. 70—71.

12. Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. — М., 1955. — С. 296—297.

13. Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 1. — С. 76—83.

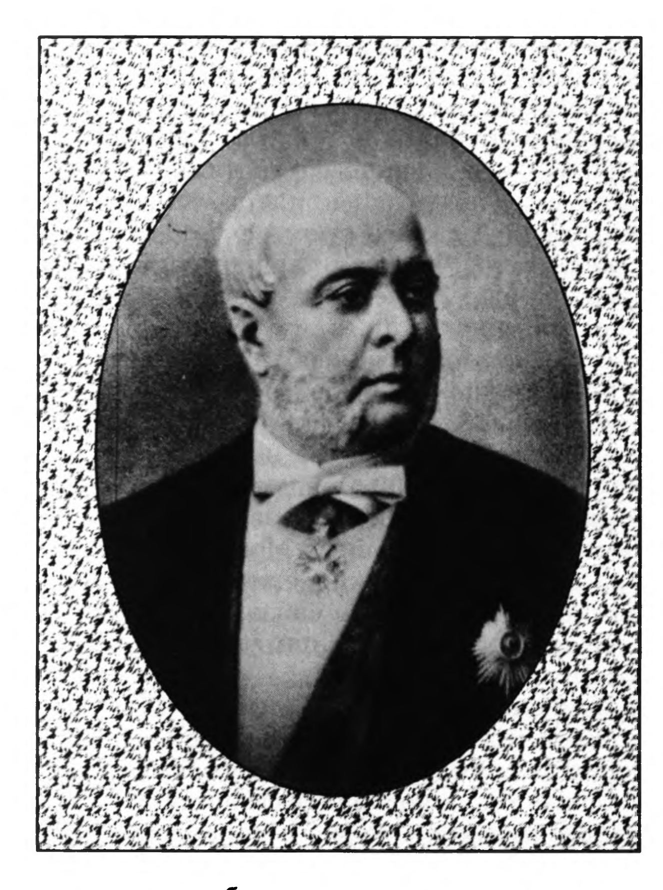
14. Симони П.К. П.П.Бекетов // Старые годы. — 1908. — N 2.

15. Тихомиров Н.Я. Архитектура подмосковных усадеб. — М., 1955. — С. 234—237, 344.

16. Чаянов А.В. Московские собрания картин сто лет назад // Известия Московской городской думы. — 1917. — N 1. — С. 1—16.

ДАШКОВ Василий Андреевич

(1819—1896)



В.А. Дашков — этнограф, меценат, собиратель этнографических коллекций и портретов русских деятелей, основатель Дашковского этнографического музея.

Родился в Рязани 2 мая 1819 г. в семье рязанского вице-губернатора. Принадлежал к древнему дворянскому роду. Получил превосходное домашнее образование. Окончил Олонецкую губернскую гимназию в Петрозаводске.

В.А.Дашков воспитывался в среде, отличавшейся глубоким интересом к народной культуре, поэтому он довольно рано начал изучать быт русского народа, объездил всю губернию, проникая в самые отдаленные ее уголки, много работал в архивах.

Результатом исследований В.А.Дашкова стала книга «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях» (Спб., 1842). Она явилась первым специальным научным трудом по этнографии Карелии; Василий Андреевич стал первооткрывателем интереснейшего в этнографическом отношении региона.

Любовь к этнографии — с вниманием к быту, к памятникам истории и культуры — закономерно привела Василия Андреевича к мысли о создании этнографической коллекции. Из поездок по Олонецкой губернии он привозил образцы домашней утвари, народных костюмов, украшений, орудий труда.

Покинув Карелию, В.А.Дашков с 1841 г. поселился в Москве и всецело посвятил себя занятиям этнографией. В начале 1860-х гг. он был помощником попечителя Московского учебного округа. Принимал участие в деятельности многих научных обществ и комиссий, с 1871 г. стал членом Московского археологического общества.

10 мая 1865 г. В.А.Дашков выступил в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии с предложением «содействовать открытию в Москве этнографической выставки с тем, чтобы, по окончании

оной, предметы этнографические поступили в собственность Московского Публичного музея» (12, с. 1). На устройство будущей экспозиции Василий Андреевич пожертвовал 40 тысяч рублей.

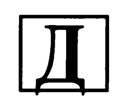
Дашков сам участвовал в поисках экспонатов и почти целиком взял на себя финансирование выставки. Среди других предметов старины была впервые представлена личная этнографическая коллекция Василия Андреевича.

Всероссийская этнографическая выставка прошла в Москве в 1867 г. с большим успехом. По предложению В.А.Дашкова для выставки, располагавшейся в здании Манежа, были изготовлены многочисленные манекены в человеческий рост. По воспоминаниям дочери скульптора Николая Александровича Рамазанова, Александры Николаевны, в мастерской ее отца «фигуры одевали, лица раскрашивали, вставляли стеклянные глаза, придавали позы и движения, так что в конце обработки их можно было принять за живых людей. При выработке лиц придерживались или натуры, или фотоснимков. Костюмы выписывались прямо с мест. А стеклянные глаза — из-за границы, всех цветов. Каждая пара глаз лежала в коробочке на вате, а коробочек были горы... Женский головной убор Архангельской губернии — белая повязка, унизанная жемчугом, — чаровал красотой. Сарафаны, паневы, плахты, разноцветная обувь кружили головы, мы были как в дурмане, и невозможно нас было увести из кабинета... Публика на выставку шла толпами» (13, с. 57—58).

После закрытия выставки все экспонировавшиеся на ней предметы — до трехсот манекенов, до 450 костюмов, до 1200 предметов домашнего быта, до 2 тысяч моделей и фотографий — легли в основу Дашковского этнографического музея. Новый музей стал отделением Московского Публичного и Румянцевского музеев, а сам Василий Андреевич в 1867 г. был назначен его директором и всю последующую жизнь связал со своим детищем. Теперь, продолжая поиски этнографических памятников, он пополнял музейную коллекцию.

Дашковский музей, располагавшийся в Пашковом доме на Моховой, сразу же стал московской достопримечательностью. По воскресеньям залы были буквально переполнены посетителями. Особенно много приходило простого люда. Всех привлекала экспозиция, в которую включили до трехсот манекенов, изображавших «типы народов России и сопредельных с нею славянских стран», подлинную народную одежду (мужскую, женскую, детскую), а также орудия труда и бытовую утварь на фоне природного и архитектурного ландшафта. Предметы экспонировались не сами по себе, они образовывали как бы живые сценки народного быта. Было любопытно рассматривать сцены охоты, рыбной ловли, изготовления инвентаря и т.п. Переходя от витрины к витрине, посетители как бы совершали своеобразное путешествие по самым отдаленным и самобытным уголкам необъятной России, воочию знакомились с жизнью и бытом ее многочисленных обитателей. Здесь было представлено до пятисот народных костюмов практически всех губерний России.

Очень большую ценность представляла собранная в Дашковском музее обширная (свыше 200 предметов) коллекция музыкальных инструментов. Подобной в то время не было ни в одном музее Западной Европы.



Заботясь о популяризации музея и его коллекции, В.А.Дашков на свои средства издавал научные труды, систематические описания коллекций, путеводители, альбомы и каталоги. Среди них — «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих» (Т.1—2. М., 1868—1873 гг.), «История русской жизни с древнейших времен» И.Е.Забелина (Т.1—2. М., 1876—1879 гг.), «Материалы для исторического описания Румянцевского музея» К.И.Кестнера (М., 1882 г.), «Сборник материалов по этнографии» под ред. В.Ф.Миллера (Вып. 1—3. М., 1886 г.).

Наряду с занятиями этнографией В.А.Дашков собирал портреты русских деятелей, создавая галерею знаменитых соотечественников. Свое богатейшее собрание из 243 портретов он пожертвовал в 1882 г. Румянцевскому музею. В конце XIX в. оно насчитывало 304 изображения. Тут были и представители царской династии, и писатели, и художники, и ученые, и военачальники. Многие из них прославились своими коллекциями предметов старины и искусства — А.С.Матвеев, В.В.Голицын, Я.В. Брюс, И.И.Шувалов, А.И.Мусин-Пушкин, Н.П.Румянцев, Ф.В.Ростопчин. По заказу Дашкова над созданием портретов работали художники И.Н.Крамской, И.Е.Репин, В.А.Серов, В.М.Васнецов, Н.П.Загорский, С.Ф.Александровский, В.М.Максимов и другие. В Румянцевском музее «пантеон» деятелей отечественной культуры стал доступен для обозрения, для чего был выделен специальный зал — просторная комната, на стенах которой висели портреты в пять рядов по двенадцать изображений в каждом.

В.А.Дашков умер в Москве 8 января 1896 г. В год его смерти этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии пожертвовал Румянцевскому музею его портрет, который был затем помещен в главном зале Этнографического музея над лестницей во второй этаж.

К сожалению, Москва давно лишилась Румянцевского музея, а с ним и Дашковского: коллекции, собранные Василием Андреевичем, в 1920-е гг. разошлись по разным музеям; значительная их часть попала в Государственный музей этнографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев С.В. В.А.Дашков // Григорьев С.В. Естествознание и техника в Карелии: Биографический словарь. — Петрозаводск, 1973. — С.97.

2. Дашков В.А. // Московское Императорское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — Т.2. — С. 103—104.

3. Дашков В.А.: Некролог // Исторический вестник. — 1896. — N 2. — С. 741—743.

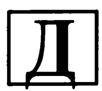
4. Дашков В.А. // Новый энциклопедический словарь. — Спб., б.г. — Т.15. — С. 630.

5. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891. — Т.1, кн.1. — С. 668, 845, 862—863, 865, 872—873.

6. Императорский Московский и Румянцевский Музеи: Иллюстрированный путеводитель по Этнографическому музею. — М., 1916.

7. Московский Публичный и Румянцевский Музеи: Путеводитель по Дашковскому собранию изображений русских деятелей. — М., 1901.

8. Пименов В., Эпштейн В. Карелия глазами путешественников и исследователей. — Петрозаводск, 1969. — С. 140—145.



9. Полевой П. Румянцевский музей в Москве: Вид Дашковской портретной галереи // Живописное обозрение. — 1883. — N 43. — С. 260.

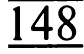
10. Померанцева Э.В. Новые страницы воспоминаний Федора Ивановича Буслаева // Труды института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая. — 1965. — Новая серия. — Т.91., вып.3. — С. 145—161.

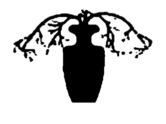
11. Прахов Н.А. Репин в 1860—1880 гг. // Репин И.Е. — М.-Л., 1949. — Т.2. — С. 7—36.

12. Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. — М., 1877.

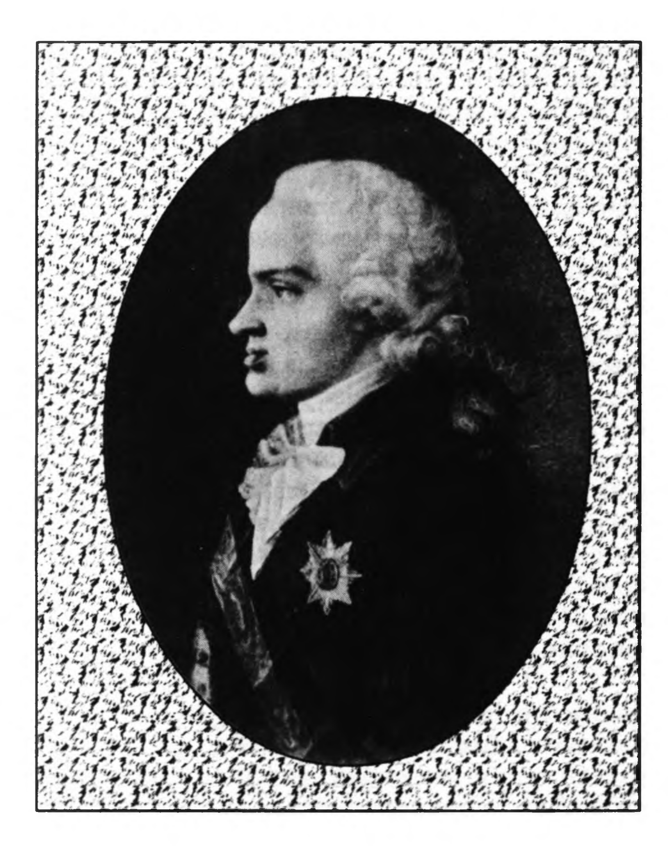
13. Рамазанова А.Н. Из жизни художественной Москвы // Встречи с прошлым. — М., 1983. — Вып.1. — С. 44—81.

14. Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея. / Сост. В.Ф.Миллер. — М., 1887—1895. — Вып.1—4.





ДЕМИДОВ Павел Григорьевич (1738—1821)



С портрета неизвестного художника.

П.Г. Демидов — ученый, путешественник, библиофил, собиратель памятников естественной истории, монет, медалей, художественных произведений.

Происходил из рода Демидовых, давшего России немало известных деятелей; приходился правнуком Никите Демидовичу Антуфьеву, который заложил основы богатства этой семейной династии.

Родился 29 декабря 1738 г. Его отец, Григорий Акинфиевич Демидов, много заботился о воспитании и обучении сына. «Грамотному чтению» Павла стали учить уже с трех лет. В десять лет его отправили в Ревель к профессору Сигизмунди для обучения немецкому и латинскому языкам. Тремя годами позже — в одно из лучших высших учебных заведений того времени, в Геттингенский университет в Германии. Здесь преподавали многие европейские светила. Любимыми предметами юноши были естественные науки и металлургия. Когда в 1755 г. Павел Демидов окончил университет, то поехал во Фрейберг и в тамошней академии еще целый год изучал «практическое искусство добывания руд и плавильное».

По окончании учебы «молодой русский ученый предпринял путешествие по Европе, — отмечал один из биографов Демидова К.Д.Головщиков, — куда влекло его желание видеть важнейшие достопамятности природы, наук и художеств» (2, с. 4). За шесть лет он успел посетить Богемию, Венгрию, Швейцарию, Италию, Францию, Голландию, Англию, Шотландию, Швецию, Норвегию. Везде он слушал лекции, осматривал заводы, спускался в рудники, посещал библиотеки, музеи, минц-кабинеты, картинные галереи. Именно тогда, будучи в Швеции, он познакомился с выдающимся естествоиспытателем Карлом Линнеем, стал его учеником, а потом и другом и состоял с ним в переписке долгие годы.

В период странствий по Европе было положено начало личной коллекции Демидова. Первая покупка сделана им в Париже: Павел Григорьевич приобрел у знаменитой актрисы Клерон первоклассный кабинет натуральной истории. Затем были приобретены коллекции кайенских птиц, пресмыкающихся, минералов, «оригностическое собрание Войта», «геогностическая коллекция», астрономические и физические приборы, «модельная камера» (собрание макетов штолен, шахт, печей, машин и «струментов»). Везде и всюду он скупал дорогие и редкие книги, а также рукописи на всех языках и по всем отраслям науки. В пополнении собраний Демидову помогали профессора Добантон и Ласенет.

В Россию Павел Григорьевич вернулся через одиннадцать лет, в начале 1762 г. Вернулся не только с багажом научных знаний, но и с колоссальной коллекцией и прекрасной библиотекой. Тяготея к естественным наукам, он собрал превосходную коллекцию по натуральной истории.

Местом своего постоянного жительства П.Г.Демидов избрал Москву. Получив свою долю отцовского наследства, значительную его часть отдал в распоряжение братьев, решив посвятить себя наукам, занятиям в личной библиотеке, изучению собственной коллекции. Зимой он жил в городском особняке. Его двухэтажный, прекрасной архитектуры дворец с бельведером располагался в первой Басманной части (квартал 61).

Летние месяцы Демидов проводил в подмосковной усадьбе Леоново на Яузе (в одной версте от Ростокина). По воспоминаниям современников, он посвящал свое время «философскому уединению, ученому наблюдению над природой, коллекционированию художественных предметов, монет, книг, разнообразя его игрой на скрипке и на органе, а летом увлекаясь садоводством и лесоводством» (7, с.41). В Леонове он посадил пихты, лиственницы, кедры. Сады Демидова были наполнены растениями, «большею частью достопримечательными по каким-либо особливым явлениям, кои он наблюдал весьма тщательно и всегда с великим удовольствием» (7, с. 41).

Демидов совершил путешествие и по России. Он побывал в Туле, Ладоге, Петербурге, Шлиссельбурге, объездил весь Урал; ежегодно совершал экскурсии по Подмосковью. «Во время же своих путешествий заграничных и по России, — отмечал К.Д.Головщиков, — Павел Григорьевич приобретал редкие коллекции по части естественных наук, собрания медалей, монет, художественных редкостей и библиотеку» (2, с.7).

П.Г.Демидов в совершенстве знал математику, физику, минералогию, металлургию, литейное искусство. Он опубликовал за границей четырнадцать книг на разных европейских языках.

В 1803 г., «любя науки и почитая просвещение первым основанием благосостояния государства», Павел Григорьевич пожертвовал 300 тыс. рублей на университетское образование. На эти деньги, в частности, был основан в Ярославле широко известный в России Демидовский юридический лицей.

Но поистине бесценным даром стало пожертвование Демидовым Московскому университету своей библиотеки, кабинета натуральной истории и минц-кабинета. Этот дар оценивался современниками в 250—300 тыс. рублей.

Для размещения полученных от Павла Григорьевича коллекций в здании Московского университета было отведено три зала, получивших название Демидовских. В первом из них поместили коллекцию насекомых, собранную самим Демидовым под руководством К.Линнея. Здесь же находилась коллекция минералов, которая включала образцы геологических пород, большие штуфы и дорогие камни. Тут же была расположена часть собрания раковин.

Во втором зале, украшенном бюстом Демидова, экспонировалась основная часть раковин, «чрезвычайно дорогое собрание животно-растений, кораллов, морских губок и др. морских растений». Тут неизменно обращала на себя внимание египетская мумия.

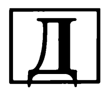
В третьем зале — рукописи и книги, в основном на иностранных языках. Известно, что во второй половине XVIII в. вслед за Екатериной II представители высшей аристократии практиковали комплектование личных библиотек при посредничестве зарубежных книжных фирм. П.Г.Демидов был в числе тех, кто именно таким образом активно пополнял свое книжное собрание.

Издания на русском языке были относительно немногочисленны. «Русская библиотека Демидова, — по замечанию В.М.Ундольского, — далеко не так многочисленна, как известные потом частные собрания М.П.Погодина, И.Н.Царского и др., но все-таки с утратою ея некоторых изданий, переводов и даже сочинений нельзя найти ни в одной известной библиотеке» (5, с. 1158). В общей сложности изданий на русском языке было 529. В их числе немало старопечатных славянских книг.

В рукописном собрании значилось 158 рукописей, причем некоторые из них были известны в единственном экземпляре: сочинения на латинском, французском, немецком языках, но более всего — на старославянском. Среди сочинений выделялись бумаги князя Курбского, Степенная книга, рукописи по истории патриаршества и церковного управления XVIII в.

Кроме всего перечисленного Демидов подарил университету «травник» (гербарий), собрание художественных редкостей (античные мраморы и картины) и часть минц-кабинета, который включал медали и монеты всех европейских государств. В 1806 г. сюда же поступила наиболее любимая владельцем часть нумизматического собрания: несколько тысяч древних монет и медалей — золотых, серебряных, бронзовых, оловянных, медных, свинцовых. «Особенное же внимание, — писал профессор Московского университета С.П.Шевырев, — заслуживал этот кабинет редким собранием монет шведских, расположенных хронологически с самых древних времен до новейших. Подобного собрания не было и в самой Швеции, и шведские нумизматы завидовали ему» (6, с. 371). Дарованное Демидовым естественнонаучное собрание превратило университетский Музей натуральной истории в один из крупнейших в своем роде. Дальнейшему развитию музея способствовал капитал, выделенный Демидовым специально на создание кабинета натуральной истории.

Демидов и впоследствии оказывал помощь университету. Он подарил его обсерватории «превосходный астрономический экваториал» работы известного английского художника Шорха и орган «для употребления при тор-



жественных случаях». Кстати, сам Павел Григорьевич любил музыку, играл на фортепьяно и скрипке и имел небольшую коллекцию органов.

В 1805—1807 гг. в Москве вышел в свет четырехтомный каталог демидовской коллекции. Первый том, посвященный библиотеке, был целиком составлен самим владельцем, причем по системе, разработанной им лично и указывающей на обширные познания в области библиографии. Остальные тома в основном составил профессор Фишер, возглавлявший кабинет натуральной истории Московского университета. Но в этих последних томах описания монет и медалей сделаны самим П.Г.Демидовым.

Неоднократно щедрые пожертвования от Демидова получал и юридический лицей в Ярославле.

Почти все собрания, переданные Демидовым Московскому университету, погибли в 1812 г. во время французского нашествия. Удалось вывезти и сохранить лишь малую толику: собрание раковин и полипов, систематическую коллекцию штуфов, коллекцию драгоценных камней, в которой находился значительной величины изумруд. К несчастью, при пожаре погиб весь личный архив Демидова, который был также передан им Московскому университету.

Последние годы жизни Павел Григорьевич провел в своей усадьбе Леоново, где и скончался 1 июля 1821 г. Погребен в Москве, в Спасо-Андрониковом монастыре.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Биография Павла Григорьевича Демидова // Журнал Министерства народного просвещения. — 1821. — Ч.1. — С. 127—128.

2. Головщиков К.Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища. — Ярославль, 1887.

3. Демидов П.Г. Каталог российским книгам библиотеки П.Г.Демидова, составленный им самим // Чтения Общества Истории и Древностей Российских. — 1846. — Кн.2. — N 2. — С. 1—35.

4. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 6. — N 372.

5. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 110; Т.1, кн.2. — С. 916, 1091, 1158—1160.

6. История Московского университета. — М., 1855.

7. Капустин В.А. Леоново: Подмосковное поместье боярина князя Ивана Никитича Хованского. — М., 1908.

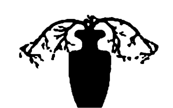
8. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 611.

9. Признательное воспоминание Московского университета в день рождения... Павла Григорьевича Демидова, досточтимого любителя и благотворителя наук, 1821 года, декабря 29-го числа. — М., 1821.

10. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т.1. — С. 560.

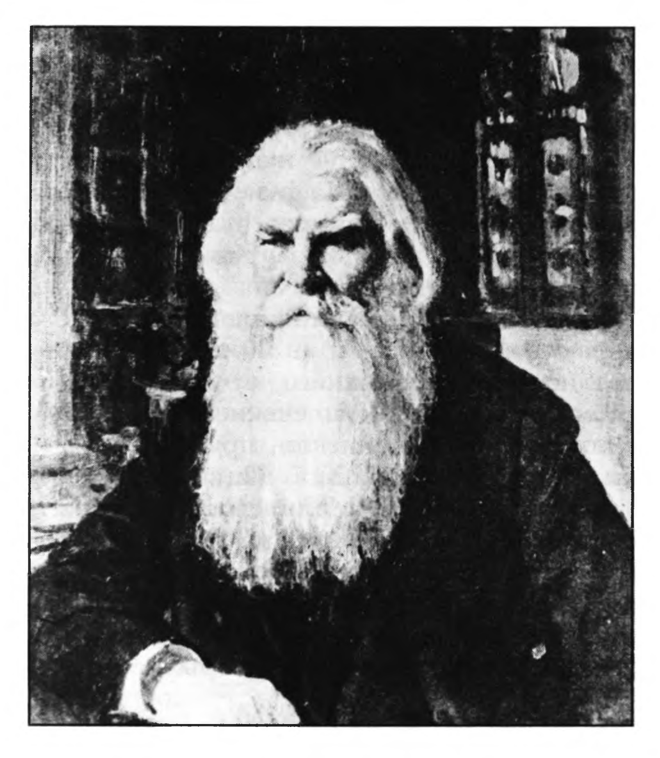
11. Семевский М.И. Путевые очерки, заметки и наброски // Русская старина. — 1889. — Т.10. — С. 218—220.

12. Museum Demidovianum: Catalogue systématique des livres de la bibliothèque de Paul Demidoff. Arrangé suivant son système bibliographique... Publié avec une préface par le Professeur Fischer. — M., 1806. — Tome premier.



ЗАБЕЛИН Иван Егорович

(1820—1908)



С портрета В.А. Серова. 1892.

И.Е. Забелин — историк, археолог, археограф, этнограф, библиофил, собиратель русских древностей. Один из основателей Российского Исторического музея.

Родился в Твери 17 сентября 1820 г. в семье небогатого чиновника. Восьми лет лишился отца. Вместе с матерью переехал в Москву, с которой теснейшим образом связана вся его последующая жизнь. В 1832 г. он был отдан в Преображенское сиротское училище.

Достигнув семнадцати лет, Забелин покидает училище и поступает на работу в Оружейную палату. Это место помог ему найти попечитель училища, Д.М.Львов, обративший внимание на интерес мальчика к истории.

Работа в Оружейной палате фактически определила творческий путь Забелина. Он занимался архивом музея и изучил большое количество материалов о Московской Руси. На основе этих источников Забелин через два года подготовил к печати свою первую статью, посвященную выезду в XVII в. царской семьи на богомолье в Троице-Сергиев монастырь.

Благодаря своему исключительному трудолюбию и природным способностям Забелин вскоре стал одним из признанных знатоков русской истории и древнерусского искусства. Диапазон его научных интересов был велик. Он работал и как археолог, и как этнограф, и как источниковед, и как археограф. К тому же он прекрасно разбирался в древнерусском искусстве — в архитектуре и во всех видах прикладного искусства, был тонким знатоком иконописи. Его перу принадлежит много работ, в том числе такие широко известные сочинения, как «Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях», «История города Москвы».

Забелин принимал участие в деятельности многих научных обществ. За заслуги в исследованиях он в 1884 г. был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

В 1870-е гг. И.Е.Забелин принял участие в разработке программы создания в Москве Исторического музея, а в дальнейшем, с 1885 г., являлся товарищем председателя музея, то есть фактическим руководителем.

И.Е.Забелин принадлежит к числу крупных коллекционеров. Свою личную коллекцию он собирал около сорока лет. С 1885 г. все его приобретения пополняли фонды Исторического музея.

Еще в годы учебы Забелин проявил интерес к собирательству. «Жажда знаний. Она и заставила собирать библиотеку», — так в «Воспоминаниях о жизни» говорил о своих первых шагах коллекционера Иван Егорович (2, ч. 1, с. 109). Таким образом, начало составления коллекции относится к концу 1830-х гг., и первыми его приобретениями были книги по русской истории. «Они, — вспоминал Забелин, — сильно возбуждали пытливое внимание... и направили любознательность к исторической древности вообще» (2, ч. 1, с. 109). Получая весьма скромное жалованье, он мог тратить на книги в месяц «не более четвертака». На эти деньги можно было купить разве что несколько разрозненных номеров старых журналов. Вначале, правда, он не столько покупал, сколько тут же, на глазах букинистов, прочитывал целые книги.

Каждое воскресенье Забелина можно было видеть на книжных рынках и развалах. Как вспоминал позднее сам Иван Егорович, «в 30-х годах ходил на Смоленский рынок, где продавались старинные книги, с четвертаком в кармане, и покупал все больше альманахи, книжки маленькие, копеек 20—30 дашь. Я все свое образование получил на Смоленском, придешь и начнешь рассматривать... вот и знаешь, что есть такая книга» (2, ч. 1, с. 91).

Книги, рукописи, а также отдельные предметы для своего собрания Забелин покупал на Сухаревке, на Смоленском рынке, на Плющихе, на Красной площади во время Вербного базара, который проходил здесь в шестую неделю Великого поста. Начиная со второй половины 1850-х гг. он стал приобретать различные издания и в книжных магазинах. Особенно часто бывал в книжной лавке Т.Ф.Большакова. Некоторые книги и рукописи получил в дар.

Тесные отношения связывали Забелина со многими московскими букинистами и антикварами, собирателями и коллекционерами: Д.А.Ровинским, П.И.Щукиным, К.Т.Солдатенковым, А.П.Бахрушиным, Н.Л.Шабельской, А.С.Уваровым, П.С.Уваровой, С.Д.Шереметевым, В.В.Верещагиным. Многим из них он помогал в пополнении и изучении коллекций. К личному собранию Забелина не раз обращались в своих трудах известные отечественные исследователи: А.Н.Пыпин, А.Н.Афанасьев, Ф.И.Буслаев, Л.Н.Майков.

Коллекция И.Е.Забелина была велика и разнообразна: она включала рукописи, карты, планы, изобразительные материалы, археологические памятники, монеты, предметы бытовой и церковной утвари.

Основу ее составляли рукописные материалы. Как исследователь Иван Егорович прекрасно понимал их ценность. Еще в 1860 г. он отмечал в одной из своих статей: «Как важны, например, все акты, записи, называемые обыкновенно юридическими или этнографическими, особенно все те бумаги, в которых записаны не правительственные действия и распоряжения, а живые дела народа. Сыскное уголовное дело, жалобная чело-

битная, домашний акт и записи духовные и рядные, частные письма, расходные книги и т.д., все это самые добрые родники для исследователя и испытателя древней жизни» (2, ч.1, с.105).

Хронологически собранные им памятники охватывали XVI—XIX вв. У него были материалы, ценные для характеристики истории России в целом, особый интерес представляли документы по истории Москвы, изучению которой Забелин посвятил многие свои труды. Тематически эти материалы касались застройки и планировки города, состава его населения, хозяйственной деятельности, общественной и культурной жизни, причем всех без исключения слоев общества. Забелина привлекали газеты, журналы, с особой любовью и тщательностью он собирал такие редкие предметы коллекционирования, как рекламные листы и прейскуранты разных фирм и магазинов, программы и афиши театров, концертов, вечеров, народных гуляний.

Картографическая коллекция Забелина включала 49 атласов, 103 плана (планы городов, военных сражений, межевые планы), немало старинных карт Российской империи, сопредельных с нею стран, а также Европы, Америки и Австралии. По времени эти материалы относились к XVI—XX вв.

Пристальное внимание уделял Иван Егорович своей коллекции прорисей. Интерес к ним возник у него еще в годы работы в Оружейной палате, когда он собирал материалы о мастерах-иконописцах. Иконные образцы Забелин приобретал в основном у антикваров на Сухаревском рынке. Это собрание в общей сложности насчитывало 3393 листа XVII—первой половины XIX в. Почти половину собиратель приобрел сразу в 1861 г. у наследников знаменитых иконописцев братьев Сапожниковых. Особенно значимыми были подписные листы Федора Захарова, Ивана Андреева, Прохора Зарина, Ивана Филатова, а также самих иконописцев Петра и Михаила Сапожниковых.

Из московских газет в собрании Забелина находились редчайшие издания, выходившие недолго и являвшиеся огромной библиографической редкостью.

Пополняя свою коллекцию, Забелин собирал не только памятники старины, но и документы своего времени, сознавая, что и они станут ценными для науки.

К концу жизни исследователя его библиотека включала 10825 книг, среди них — 865 книг с дарственными надписями авторов.

Забелин в Москве сменил несколько квартир. Он жил в Денежном переулке, на Третьей Мещанской улице. Поступив на службу в Исторический музей, он в 1885 г. получил казенную квартиру прямо в его здании на Красной площади (квартира располагалась на втором этаже). В ней прошли последние годы его жизни. Здесь в его кабинете и размещалась коллекция. «Темное, сводчатое помещение кабинета Забелина, — вспоминала дочь коллекционера Н.Д.Бартрама Анастасия Николаевна Изергина, — зарешеченные окна, шкафы, стеллажи, полные деревянной утвари и резных досок, стол, заваленный книгами и бумагами, и за ним — большой, с длинной бородой и густыми волосами, Забелин. Мне казалось, что он, как могучий старый дуб, врос своими корнями во все окружающие его предметы крестьянского искусства» (1, с. 64).

На фоне старинных вещей из личного собрания портрет И.Е.Забелина в 1892 г. создал В.А.Серов. «От всей фигуры этого могучего старика, с его длинной крестьянской бородой и белыми волосами в скобку, веет Русью. Старой Русью... Его любимый XVII век наложил свою окраску на умное, нет — мудрое, былинное лицо его», — писал об этом портрете один из современников (7).

И.Е.Забелин умер в Москве 31 декабря 1908 г.; похоронен на Ваганьковском кладбище.

Все свое собрание Иван Егорович завещал Историческому музею. Его дочь, Мария Ивановна, передала музею и всю обстановку его рабочего кабинета, а также большую часть его личных вещей. Тогда же, в 1909 г., Совет музея принял решение собрать все забелинские реликвии и открыть мемориальный кабинет ученого.

Московская городская дума на заседании в январе 1909 г. почтила память историографа Москвы И.Е.Забелина и приняла решение учредить при городской управе особую библиотеку по истории и археологии Москвы. Для этого были выделены деньги, заказана специальная мебель (рисунки шкафов и витрин выполнены в русском стиле И.Э.Грабарем). 31 декабря 1913 г., в пятую годовщину кончины ученого, в здании Городской думы состоялось торжественное открытие Забелинской библиотеки. Она разместилась в лучших залах на верхнем этаже. (В 1936 г. в этом здании был открыт Музей В.И.Ленина.)

Библиотека сразу же приобрела популярность среди москвичей. Сюда стали поступать пожертвования: книги, рукописи, монеты, медали, произведения искусства, карты, планы, фотографии. Все эти реликвии были памятниками московской старины; они могли бы составить со временем прекрасный музей старой Москвы. Не случайно поэтому Московская городская дума предполагала передать это красивое и вместительное здание в историческом центре города музею. Революционные события помешали воплощению этих планов.

В канун 850-летнего юбилея Москвы по решению мэрии в здании, где прежде размещалась Забелинская библиотека, намечено открыть экспозицию, посвященную истории города.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бартрам Н.Д. Избранные статьи: Воспоминания о художнике. — М., 1979. — С. 5, 63, 66.

2. Забелин И.Е. 170 лет со дня рождения (материалы научных чтений Государственного Исторического музея 29—31 октября 1990 года). — М., 1992. — Ч.1—2.

3. Забелин И.Е. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — Т.2. — С. 123—124, доп. С. 69—71.

4. Завещание И.Е.Забелина // Исторический вестник. — 1909. — N 3. — С. 1254—1255.

5. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 7. — N 447.

6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 64, 83, 88—89, 107, 111, 126, 151, 164, 191, 198, 299, 307, 309—310, 327, 345, 360, 385, 393, 401, 403, 407, 424—425, 427, 430, 432, 434, 445, 525, 620, 622, 713, 723—724, 776, 816, 820—821, 865—866, 870; Т.1, кн.2. — С. 911, 968, 982, 1045, 1054,

1073—1074, 1077, 1079—1080, 1250, 1256, 1273, 1289, 1322, 1355, 1365, 1369, 1408, 1477, 1479.

7. Панкратов А. Истинно русский человек // Русское слово. — 1909. — N 3.

8. Панова Н.К. Библиотека И.Е.Забелина // Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов. — М., 1987. — Ч.1. — С. 56—64.

9. Сахаров А.Н. Светлый русский ум // Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. — М., 1990. — С. 5—35.

10. Сперанский М.Н. Воспоминания о И.Е.Забелине // Археографический ежегодник за 1976 год. — М., 1977. — С. 272—277.

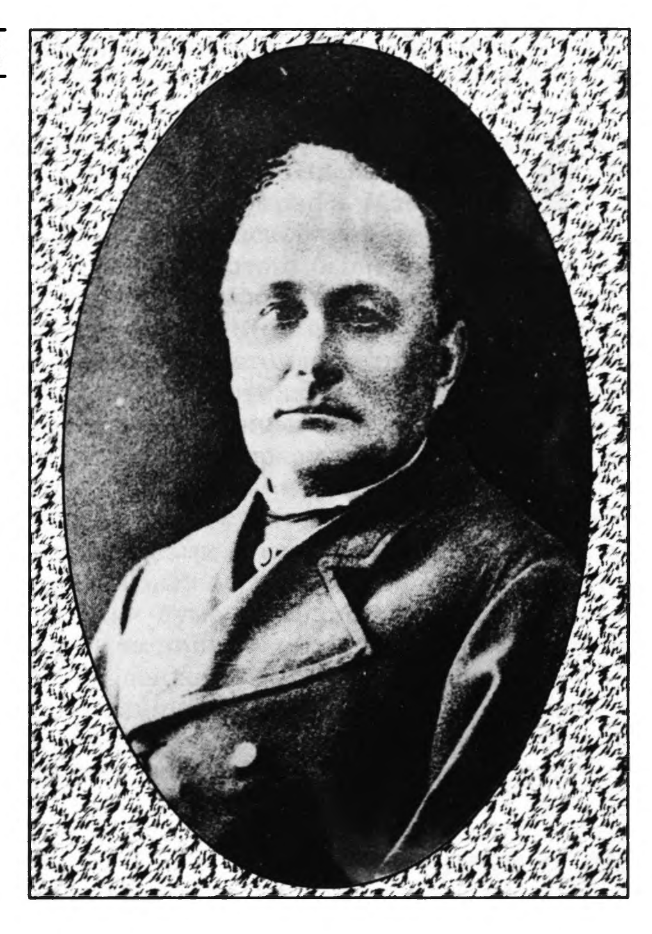
11. Сперанский М.Н. Собрание рукописей Ивана Егоровича Забелина // Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг. — М., 1926. — Приложение 2. — С. 1—27.

12. Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин. — М., 1984.

13. Хроника. Мелкие заметки // Русский библиофил. — 1912. — N 1. — С. 86; N 7—8. — С. 214; 1913. — N 2. — С. 100; N 7. — С. 113; N 8.— С. 105.

ЗАЙЦЕВСКИЙ Михаил Михайлович

(1815—1885)



М.М. Зайцевский — собиратель художественной коллекции, старопечатных книг и рукописей.

Где и в какой семье родился Зайцевский — неизвестно. «Карьера его, — писал антиквар М.М.Савостин, — началась службой при Большом театре в качестве капельдинера при артистах» (11, с. 40). По свидетельству же коллекционера А.П.Бахрушина, М.М.Зайцевский был слугой в богатом московском доме. Хозяева особняка увлекались коллекционированием произведений искусства и старинных вещей.

Со временем разбогатев, Михаил Михайлович расстался с хозяевами и посвятил себя собирательству; был одним из самых завзятых московских коллекционеров. По словам В.А.Гиляровского, «полвека его знала вся Сухаревка. За десятки лет все его огромные средства были потрачены на... музей, закрытый для публики и составлявший в полном смысле этого слова жизнь для своего старика-владельца, забывавшего весь мир ради какой-нибудь «новенькой старинной штучки» и никогда не отступавшего, чтобы приобрести ее. Он ухаживал со страстью и терпением за какой-нибудь серебряной крышкой от кружки и не успокаивался, пока не приобретал ее» (3, с. 63).

Собирать свою коллекцию М.М.Зайцевский начал, по всей вероятности, уже в зрелом возрасте, в 1840-е гг. Сохранились свидетельства о том, что все началось с приобретения им старинных костюмов, некогда принадлежавших артистам Большого театра. Затем собиратель стал бывать на Сухаревке и приходил сюда регулярно в течение полувека.

Здесь же, на Сухаревке, были им куплены и первые книги. Приобретя однажды несколько редких изданий, он узнал у торговца адрес владельца распродававшейся библиотеки и смог купить ее целиком. Гордостью

собирателя являлась первопечатная книга «Учение Фомы Аквинского», выпущенная в 1467 г. в Майнце в типографии Шефера, компаньона Гутенберга. Среди редкостей была и рукопись «Декамерона» Боккаччо, написанная по-французски в 1414 г. и украшенная многочисленными рельефными рисунками.

На покупку вещей Зайцевский тратил немало средств жены, Олимпиады Ивановны, знаменитой московской портнихи, обшивавшей чуть ли не всю тогдашнюю аристократию.

В поисках новых приобретений Михаил Михайлович ежедневно объезжал все антикварные и букинистические лавки и рынки. Его маршрут был хорошо известен: сначала он посещал на Волхонке часовщиков, потом осматривал мебельные лавки у Александровского сада, затем направлялся на Сухаревку, далее — на Немецкий рынок, оттуда — на Таганку, к Серпуховским, Калужским воротам.

К концу жизни Михаил Михайлович имел одну из самых крупных в Москве художественных коллекций. Собирал Зайцевский буквально все: старопечатные книги, рукописи, картины, гравюры, акварели, миниатюры, серебро, фарфор, стекло, бронзу, эмаль, майолику, ткани, резное дерево, костюмы, кресты, панагии, складни и многое другое.

Огромное и пестрое по своему составу собрание М.М.Зайцевского после его смерти, увы, пошло с молотка. «Начав собирать лет тридцать-тридцать пять тому назад, — писал А.П.Бахрушин, — он мог собрать действительно и много, и недорого, а помер — и полетело это все по всем концам света белого! Сперва продавалось в Москве, цены назначены были наследниками безбожные, а потому и продано было немного; затем повезли в Петербург, там продали много, ценами сперва московскими, а потом с уступкой; что же осталось от Петербурга, привезли в Москву и допродали окончательно» (1, с. 45—46).

На страницах «Художественного журнала» один из современников, сожалея по поводу гибели знаменитого собрания, делился своими впечатлениями от знакомства с ним. Эта публикация позволяет уточнить состав давно утраченной коллекции: ни ее описей, ни каталогов не существовало.

Картинная галерея включала полотна русских и западноевропейских мастеров. Тут были холсты А.Г.Венецианова. Среди работ западных мастеров выделялись картины «Поклонение волхвов» А.ван Остаде, «Менуэт» А.Паламедеса, «Андромеда» Поленбурга, «Святой Иероним» Л.Джордано, «Христос с детьми» Лесюера, пейзажи Берхема, П.Миньяра, Альбани Авиньонского, Марати, П.Брейгеля Младшего, прозванного Адским, Я.Брейгеля Старшего, прозванного Бархатным, Бургиньона.

Графическое собрание Зайцевского было столь велико, что никто даже приблизительно не представлял себе, сколько в нем насчитывалось листов. Современники отмечали хорошую подборку английских гравюр в красках, превосходную пастель с изображением Екатерины II работы неизвестного французского художника.

Миниатюрами в квартире Зайцевского были увешаны целые стены. Среди них привлекали внимание портреты Павла I и Н.И.Новикова.

Михаилу Михайловичу удалось собрать отличную коллекцию старинных хронометров: изделия знаменитых часовых дел мастеров А.Л.Бреге,

Нортона, Р.Уарда, Деверберй, Жиру, а также часы, заключенные в превосходной работы корпуса французского мастера А.Ш.Буля.

Фарфор у Зайцевского был собран почти со всего света, образцы работы европейских заводов (берлинского, венского, севрского, саксонского). Отечественный фарфор — продукция лучших фарфоровых фабрик, Гарднера и Попова.

Зайцевский собрал много старинного серебра, бронза представлена изделиями эпохи Людовика XVI, которые отличались пышностью формы и роскошной позолотой.

В коллекции привлекала внимание серебряная фигура Ермака, грудь которого была выполнена из огромной цельной жемчужины, а сама скульптура стояла на серебряном блюде XI в. К числу диковинок относился и портрет Екатерины II. Он был искусно собран из немецких слов, составлявших рассказ о ее царствовании. Однако прочитать этот текст можно было лишь с помощью увеличительного стекла.

Ночная лампа с изображением Дианы считалась принадлежавшей некогда Диане де Пуатье — фаворитке французского короля Генриха II. Среди мемориальных реликвий значительную ценность представляли подсвечник из дома сподвижника Петра I Я.В.Брюса, золотой складень с надписью «Моление головы московских стрельцов Матвея Тимофеевича Синягина». Тут находилась конская упряжь, осыпанная бирюзой, украшавшая некогда любимых рысаков А.Г.Орлова-Чесменского, а рядом висели портреты графа: на одном он был изображен верхом на Барсе, на другом — в санях, запряженных Свирепым.

Особый отдел составляли церковные древности: кресты, складни, панагии, наперсники.

В частном музее Зайцевского можно было увидеть и индульгенцию XVI в., и резной архангелогородский комод, и масонские знаки, и чернильницы подьячих, и перстни с часами, и старинные золотые ключи с музыкой, и оклады, унизанные жемчугом, и вериги, и самовары, и скульптуры, и геммы. Однако мало кто видел это собрание. Владелец был из числа тех коллекционеров-затворников, которые таили свои сокровища от постороннего взгляда. Это еще больше разжигало интерес к таинственному собранию, окутывало его романтической тайной.

В 1870—1880-е гг. собрание размещалось в особняке Зайцевского в Хлебном переулке (ныне д. 3), в четырех больших комнатах, а некоторые крупные вещи хранились в амбаре во дворе. Огромная библиотека Михаила Михайловича располагалась во флигеле дома. В первой комнате все стены были завешаны старинными картинами, во второй находились иконы, кресты и складни, в третьей и четвертой — портреты и предметы декоративно-прикладного искусства.

М.М.Зайцевский скончался в Москве в 1885 г. После смерти владельца москвичи впервые смогли познакомиться с этой коллекцией, так как наследники, стремясь наивыгоднейшим образом распродать собрание, в течение трех месяцев показывали его всем желающим. В числе главных покупателей был А.С.Голицын, знаток и любитель старины. Он приобрел основную часть старого серебра, а остатки достались Веригиным и Четвертинским. Эмаль, бронзу, фарфор приобрел известный собиратель

Д.А.Постников, в частности большой белый эмалевый древний венец (впоследствии собрание Постникова попало в Русский музей). Часть эмалей купил коллекционер М.П.Боткин.

Иностранные книги, а их у Зайцевского было 739 — на французском, немецком, итальянском и латинском языках, были проданы антиквару В.Г.Готье, составившему и опубликовавшему в 1890 г. их каталог.

К сожалению, очень многие вещи навсегда покинули не только стены особняка Зайцевского, но и нашу страну — были вывезены за границу западными антикварами.

Известно, что какая-то часть собрания продана сыном собирателя, Иваном Михайловичем, Императорскому Историческому музею, а часть принесена ему в дар. В 1890 г. на выставке русской старины при Восьмом археологическом съезде экспонировалось несколько старинных грамот, 46 предметов церковных древностей, оставшихся от этого собрания. В их числе была пелена с изображением крестного хода и икона Божией Матери. Некоторые из них здесь же на выставке купил известный московский коллекционер П.И.Щукин, и впоследствии они тоже попали в Исторический музей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин А.А. Из записной книжки: Кто что собирает. — М., 1916. — С. 113—116.

2. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. — М., 1986. — С. 203, 206—207, 341.

3. Гиляровский В.А. Избранное в двух томах. — Куйбышев, 1965. — Т.2. — С. 63—65.

4. Заболотских Б.В. Книжная Москва: Исторические очерки. — М., 1990. — С. 251—252.

5. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 7. — N 452.

6. Каталог выставки Восьмого археологического съезда в Москве. 1890 год. — М., 1890. — С. 4—14.

7. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т.2. — Столб. 171.

8. Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С.196.

9. Труды Восьмого археологического съезда в Москве 1890 г. — М., 1897. — С. 241, табл.23.

10. Частный музей древностей Зайцевского в Хлебном переулке // Художественный журнал. — 1887. — Т. 10. — С. 332—333.

11. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1912. — Ч.4. — С. 26, 40—42.

12. Catalogue des livres rares et curieux provenant de la bibliothèque de M.Z...ky. En vente aux prix marqués. — M., 1890.

ЗОСИМА Зой Павлович

(1757(?)—1827)

З.П. Зосима — купец, меценат, собиратель монет, медалей, жемчужин.

Родился в греческом городе Янине. Совсем юным Зосима покинул отеческий дом и по торговым делам переехал в Москву. Здесь он прожил всю свою жизнь, вместе с братьями вел крупную торговлю в России и Азии. В результате ему удалось приобрести большое состояние. В 1793 г. З.П.Зосима оставил торговую деятельность и занялся собирательством и благотворительностью.

Источники не позволяют ответить на вопрос о том, где и когда Зосима получил образование. Скорее всего, никакого формального образования он не имел. Однако ясно, что этот человек очень высоко ценил знания, его благотворительная деятельность проявилась в основном на ниве просвещения. Причем он стремился оказать посильную помощь в развитии просвещения как в Греции, так и в России, которая стала для него второй родиной. Просветительская деятельность Зоя Павловича выражалась и в учреждении учебных заведений, и в уплате жалованья учителям, и в содержании на свой счет бедных учеников. Но более всего это проявилось в издании книг и учебников. Достаточно сказать, что все книги на греческом языке, выходившие в это время в Европе и в России, издавались за его счет. (В издательских делах принимали участие и его братья.) Эти книги и учебные пособия он приносил в дар учебным заведениям.

Заметную роль сыграл Зосима в культурной жизни Москвы. Перечислим лишь некоторые его пожертвования городу. В 1810 г. при основании Московской практической академии коммерческих наук Зой Павлович внес вклад в размере 20 тыс. рублей; Московскому университету подарил дачу и дом для оборудования обсерватории; Императорскому обществу испытателей природы — более 6 тыс. рублей на издание научных трудов. В Московской медико-хирургической академии З.П.Зосима содержал учителя греческого языка, в Московской гимназии учредил на собственные средства греческий класс. Все учебные заведения Москвы получали от него в дар книги на греческом языке.

Особой заслугой Зосимы стало издание научных трудов Х.Ф.Маттея, профессора Московского университета и одного из крупнейших лингвистов своего времени.

За масштабную просветительскую деятельность З.П.Зосима был удостоен царских подарков и наград: ордена св. Анны II степени и св. Владимира IV степени, а также был избран почетным членом многих научных обществ как в России, так и за ее пределами.

Богатейшую коллекцию монет, медалей, собранную Зосимой, многие современники относили к числу лучших в Европе. Она включала римские, греческие и русские монеты и медали. Подавляющее большинство древних монет отличалось хорошей сохранностью. Этот минц-кабинет «любопытный для охотника по великому числу золотых и серебряных медалей; а знатоку представляет он полный и наставительный ряд исторических па-

мятников» (6, с. 221). Его коллекцию приводили в порядок и описывали крупнейшие ученые того времени, профессора Московского университета Р.Ф.Тимковский и Х.Ф.Маттей. К сожалению, описания нумизматического кабинета не сохранились.

К числу драгоценных и редких собраний относилась коллекция жемчужин, собранная Зосимой. Особенно высоко отзывались современники о жемчужине под именем Перегрина. «Теперь познакомлю тебя с первою московскою красавицей, с красавицею, которая хранится за неменьшим числом затворов и замков и под столь же непроницаемыми вуалями, как первая одалиска турецкого султана... — писал известный собиратель П.П.Свиньин после знакомства с этой коллекцией на страницах журнала «Отечественные записки». — Ничто в свете не может уподобиться ея белизне, сравниться с округлостию и правильностию ея форм... удивительная моя красавица, моя невидимка есть не что иное, как прелестная Перегрина Зоя Павловича Зосимы» (6, с. 217—218).

«Сия жемчужина, — продолжал Павел Петрович, — весом 28 карат и куплена в Ливорно одним из братьев Зосимы у шкипера, приехавшего прямо из Индии... Г. Зосима хранит свое сокровище в трех ящичках, помещенных один в другом. Первый украшен драгоценными каменьями, другой — серебряный, а третий, в котором она лежит, есть уже сама по себе дорогая морская диадема, оправленная в золото с выпуклым стеклом» (6, с. 219—220).

«Но обогащая свой кабинет редкостями и драгоценностями всякого рода, — писал один из его биографов, — он делал это не по корыстным побуждениям, а исключительно из желания завещать своему отечеству наиболее полную коллекцию всего того, что можно было приобрести при помощи богатства, стараний и труда» (2, с. 472).

Последние сорок лет Зой Павлович жил в Греческом Николаевском монастыре, располагавшемся на Никольской улице, которую с полным правом именовали «улицей просвещения». Познакомиться с его личной коллекцией сюда приходили профессора и студенты Московского университета, любители старины, собиратели и даже «некоторые из особ царственной фамилии».

Зосима скончался в Москве в 1827 г. Похоронен в Донском монастыре. На его могиле была выбита пространная эпитафия, повествовавшая о его благодеяниях: «Здесь лежит греческий уроженец Зой Павлович Зосима, всем известный. Он служил славою и похвалою для отечества своего Эпира, града Янины, и для всех греков. Во всю свою жизнь был любителем и споспешествователем добра...» (4, с. 478).

О судьбе выдающегося московского собрания ничего не известно. Кому Зосима передал или завещал свои сокровища, как сложилась их дальнейшая судьба, мы не знаем. С годами и само имя этого коллекционера было забыто.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т. 2, кн. 2. — С. 1402.*

2. *М.П. Зосима З.П. // Русский биографический словарь. — Пг., 1916. — Т. 7. — С. 471—472.*

3. *Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992. — С. 165.*

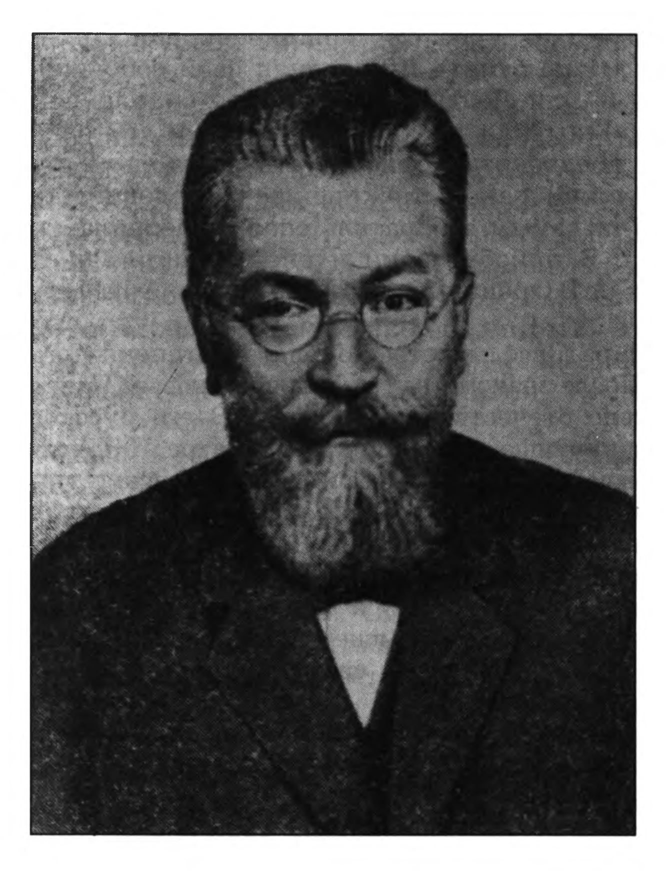
4. Московский некрополь. — Спб., 1907. — Т. 1. — С. 478—479.

5. О кабинете восточных монет господина Шпревица // Московский телеграф. — 1827. — N 10. — С. 95—96.

6. Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 2. — С. 195—238.

ЗУБОВ Павел Васильевич

(1862—1921)



П.В. Зубов — ученый-химик, библиофил, собиратель монет и медалей.

Родился в Москве 1 марта 1862 г. в семье купца Василия Павловича Зубова. Отец владел красильной мастерской, занимался торговлей. В Москве он был известен широкой благотворительностью и любовью к музыке. В.П.Зубов собрал коллекцию уникальных смычковых инструментов.

С семилетнего возраста Павел занимался музыкой и «был недюжинным скрипачом, отлично изучившим классическую камерную музыку» (9, с. 38). Любовь к ней он унаследовал от отца и учился у профессора И.В.Гржимали.

Среднее образование Павел Зубов получил в частной гимназии Ф. Креймана. В 1881 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Он избрал специальность химика для того, чтобы профессионально вести семейное предприятие: к тому времени его отец имел уже красильную фабрику, которая находилась в городе Александрове Владимирской губернии. Окончив в 1885 г. университет, Зубов был оставлен при нем в лаборатории технической химии.

С 1886 г. Павел Васильевич начал помогать отцу в фабричных и торговых делах, однако научная работа привлекала его все больше и больше. После смерти отца (1889 г.) он решил отойти от предпринимательской деятельности и заняться наукой. С 1894 г. около двадцати лет работал в термохимической лаборатории при Московском университете и читал лекции. Научные труды Зубова не потеряли своего значения до сих пор.

Оставив службу в университете, П.В.Зубов последние годы занимался исключительно нумизматикой. Увлечение ею пришло к Павлу Васильевичу еще в гимназические годы. Со временем оно переросло в серьезный и глубокий интерес. Встреча в 1890 г. с нумизматом А.В.Орешниковым

окончательно укрепила это пристрастие. Павел Васильевич стал крупнейшим собирателем и знатоком монет, медалей и других нумизматических предметов. Его собрание отличалось не только полнотой, но и тем, что в нем были представлены монеты и медали во многих разновидностях.

Знания в области химии помогали коллекционеру определять возраст монет и состав сплавов, из которых они были изготовлены. Каждый новый предмет, поступавший в собрание, аккуратно очищался и определялся владельцем. Все сведения заносились на карточки из плотного картона с помощью приспособленной для этого пишущей машинки.

Свои приобретения Зубов делал на русском, западноевропейском и азиатском антикварных рынках. «Разыскивая и пополняя свои собрания, Зубов появлялся то в Амстердаме или Лондоне, то на старом «толкучем рынке» в Москве у Китайской стены или в лавке у менялы и торговца старым железом» (9, с. 39). Он предпочитал приобретать не столько отдельные предметы, сколько целиком ранее сложившиеся коллекции, а также неразрозненные клады. Тем самым собиратель спас от переплавки очень много ценного материала. В приобретении и определении монет собирателю оказывали помощь А.В.Орешников, И.И.Гортунг, А.К.Марков, Х.Х.Гиль.

Первоначально П.В.Зубов собирал все монеты подряд. Постепенно его более стали привлекать русские. После знакомства с А.В.Орешниковым Павел Васильевич начал собирать только отечественные монеты. В его русское собрание в 1890—1914 гг. вошли крупные коллекции нумизматов П.Н.Арапова (монеты императорского периода), Д.Н.Чудовского (допетровские монеты), Ю.Б.Иверсена (допетровские и императорские монеты и медали), В.В.Реймера (императорские монеты), В.Я.Криваксина (императорские монеты и медали), А.И.Черепнина (допетровские монеты), И.С.Корнева (удельные монеты), Демеля (польские и русские монеты), а также собрание менялы Степанова (удельные, царские, императорские монеты). Изучая их, Павел Васильевич подготовил и издал в 1897 г. на основе своего личного собрания книгу «Материалы по русской нумизматике».

Приобретая русские монеты, Павел Васильевич постоянно сталкивался с монетами восточными. Причем никто из коллекционеров его времени не занимался всерьез восточной нумизматикой. Видя, как на глазах пропадает ценный нумизматический материал, собиратель решил создать и восточную коллекцию. Он считал, что русские коллекционеры обязаны и сохранить, и изучить восточные памятники, поскольку они происходили из сопредельных с Россией стран либо принадлежали народам, когда-то жившим на территории России. Так со второй половины 1890-х гг. стало складываться его восточное собрание.

Как и при формировании отечественной части своего собрания, Павел Васильевич отдавал предпочтение «коллекционированию коллекций»: он в 1898—1914 гг. купил парижскую коллекцию Гофмана, константинопольские — Мордтмана и Алишана, багдадскую — Адлера, русские — Н.А.Авинова, Гартмана, А.И.Черепнина, О.Ф.Ретовского. Это позволило Зубову составить превосходный набор мусульманских и сасанидских монет. «Благодаря энергии, неустанной работе и нежалению средств на покупку монет П.В.Зубовым достигнута небывалая еще полнота серий, — отмечал

нумизмат А.К.Марков в 1908 г. — Мы можем сказать не преувеличивая, что если Берлинское, Эрмитажное и Парижское собрания сложить вместе, вычтя дублеты, то коллекция Павла Васильевича по числу экземпляров будет все-таки больше» (5, с. 153).

Как и всякий собиратель, Павел Васильевич имел библиотеку, насчитывавшую более тысячи томов. Преобладали в ней книги по востоковедению. Здесь в тридцати шкафах было немало книг по истории, археологии, нумизматике, библиографии, а также издания, посвященные описанию церквей, монастырей и икон. «Библиотека эта, — отмечал на своих страницах журнал «Среди коллекционеров», — большинству, конечно, неизвестна, да ею, к сожалению, не интересовались и наши специалисты по библиотечному делу, а следовало бы взглянуть на этот образцовый и совершенный распорядок, в котором хранились у Зубова дорогие ему книги, и поучиться искусству хранить книги у «частного» человека, который не располагал ни громадными штатами, ни рабочей силой, а располагал только своим трудом и своей любовью и опирался на них» (9, с. 38).

В 1890 г. П.В.Зубов стал действительным членом Московского нумизматического общества, а в 1898 г. был избран товарищем его председателя и членом редакционного комитета. Это общество объединяло самых крупных нумизматов своего времени. В 1914 г. Зубов был избран членом нумизматического общества Индии, что свидетельствовало о его признании за рубежом.

Еще в 1901 г. Павел Васильевич оформил завещание, по которому он передавал собрание: «...нумизматическую мою коллекцию, состоящую из собрания монет, медалей, жетонов и старинных ассигнаций, а равно и археолого-нумизматическую библиотеку приношу в дар Императорскому Российскому Историческому музею имени императора Александра III в Москве» (5, с. 163). Свое завещание он подтвердил в 1911 г., причем выразил желание, чтобы его нумизматическое собрание и библиотека сохранялись как целостные именные коллекции.

С 1918 г. П.В.Зубов работал в отделении монет, медалей и печатей Государственного Исторического музея. Это отделение тогда только создавалось, и он стоял у его истоков. В том же 1918 г. филиалом отделения стала личная коллекция и библиотека П.В.Зубова. Этот филиал открылся прямо в доме собирателя.

Павел Васильевич Зубов жил на Большой Алексеевской улице (в 1919—1922 гг. она называлась улицей Коммунаров, а позже была переименована в Большую Коммунистическую). «Туда, в этот дальний угол Москвы, — писал П.Сухотин, — тянулись по нашей медлительной почте пакеты и посылки со всех концов Европы и Востока: Амстердам, Лондон, Константинополь, Индия. Этот же угол Москвы гостеприимно, по русскому старинному обычаю, привечал у себя безбородого скопца-менялу, юркого антиквара Асмана Нури и других торговцев Азиатской Турции, скрипача Гржимали, композитора Танеева и иных артистов и ученых России и Европы» (9, с. 38).

Один из современников, близко знавший Павла Васильевича, так описывал свои впечатления от встреч с ним: «...то мне казалось, что передо мною только что сидел просто умный коренной замоскворецкий житель,

то казалось — это был весьма ученый европеец, но и в том, и в другом смысле отрадно было ощущать близкое веяние высокоодаренной натуры, а таким именно и был Павел Васильевич, и не столько многоценность и редкостность собранных им коллекций дает ему право быть помянутым особенно, сколько именно эта общая одаренность и богатство его натуры» (9, с. 38).

Став заведующим филиала музея, Зубов продолжал изучать свою коллекцию. Он определил и описал монеты, отчеканенные в период правления первых восьми османских султанов. Тогда же им был разобран большой клад, найденный в 1909 г. на станции Петровская (Кубань). Этот клад весил больше пуда и включал серебряные монеты генуэзско-татарских султанов, турецких султанов, а также династии Гиреев.

Незадолго до смерти, в 1920 г., П.В.Зубов передал собрание редких смычковых инструментов, доставшееся ему от отца, в Государственную коллекцию уникальных инструментов.

П.В.Зубов умер в Москве 2 июля 1921 г. Похоронен на кладбище Спасо-Андроникова монастыря.

Наследники в марте—апреле 1923 г. часть нумизматической коллекции (200 тысяч монет, размещавшихся в 14 шкафах) и всю библиотеку перевезли в Исторический музей. Зубовский филиал был закрыт. В течение 1925—1928 гг. родственники передали и последнюю часть собрания в Исторический музей — в основном такие предметы, как наградные академические медали, знаки извозчиков, налоговые собачьи жетоны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерский Н.В. Справочная книга для коллекционеров памятников старины в России (преимущественно монеты). — Спб., 1903.

2. Берестецкая Т.В. К истории отдела нумизматики ГИМ (1918—1965 гг.) // Очерки по истории отдела нумизматики: Нумизматический сборник: Труды ГИМ. — Вып. 83. — М., 1993. — Ч. 12. — С. 16, 23—24, 36.

3. Зубов П.В. // Библиографический словарь деятелей естествознания и техники. — М., 1958. — С. 265.

4. Зубов П.В. Материалы по русской нумизматике. — М., 1897.

5. Зубова М.В. Материалы к биографии П.В.Зубова // Нумизматический сборник: Труды ГИМ. — Вып. 61. — М., 1986. — Ч. 9. — С. 153—163.

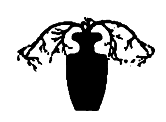
6. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 7. — N 467.

7. Параделов М.Я. Адресная книга русских библиофилов. — М., 1904. — С. 43.

8. Соколов Ю.И., Скуратова С.М.. П.В.Зубов: К 100-летию со дня рождения // Вопросы истории естествознания и техники: Вып. 14. — М., 1963. — С. 137—141.

9. Сухотин П. Павел Васильевич Зубов: Некролог // Среди коллекционеров. — 1922. — N 1. — С. 38—39.

10. Шуманский Е.А. Справочная книга русских библиофилов. — Одесса, 1905. — С. 38.



ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ Николай Дмитриевич

(1790—1849)

Н.Д. Иванчин-Писарев — писатель, историк, собиратель эстампов и предметов художественной старины.

Родился 30 сентября 1790 г. в Москве в родовитой дворянской семье. Детство провел в имении родителей в селе Рудинки Серпуховского уезда Московской губернии. Получил домашнее образование; хорошо знал французский, немецкий, итальянский языки. Хотя гувернерами у мальчика были иностранцы, он с детства живо интересовался русской историей и отечественными древностями.

В 1804 г. Николай поступил на службу: сначала в Московскую контору запасных магазинов, а затем на Московский почтамт, откуда и вышел в отставку в 1814 г. С этих пор он целиком посвятил себя занятиям литературой, историей и коллекционированию. Большую часть времени Н.Д.Иванчин-Писарев проводил в своих любимых Рудинках. В Москве он снимал квартиру в доме госпожи Дурновой в переулке Обуха.

Николай Дмитриевич писал стихи и публиковал их на страницах многих журналов и альманахов. Он был знаком с известными поэтами своего времени. В его «златообрезном» альбоме собраны автографы И.И.Дмитриева, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, П.А.Вяземского, А.П.Буниной, З.А.Волконской, Е.А.Баратынского, Н.И.Гнедича. И, наконец, самый драгоценный — Александра Сергеевича Пушкина: 30 декабря 1828 г. поэт вписал в него стихотворение «Муза».

Под влиянием знаменитой «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина Иванчин-Писарев увлекся исследованием исторического прошлого, опубликовал несколько десятков очерков и статей. Среди них особый интерес представляют описания подмосковных монастырей: «День в Троицкой Лавре», «Вечер в Симонове», «Утро в Новоспасском», «Спасо-Андроников», «Прогулка по древнему Коломенскому уезду». Его имя часто встречалось на страницах журнала «Москвитянин», с редакцией которого он активно сотрудничал с 1841 г. При этом показал себя добросовестным, сведущим и пытливым человеком. Особенно высоко ценились его комментарии, в которых содержалось немало точных и ценных сведений.

Ревностно занимаясь изучением прошлого русской земли, Иванчин-Писарев стал собирать различные памятники старины и постепенно превратился в завзятого коллекционера. Собрание Николая Дмитриевича было довольно разнообразным по составу: живописные полотна, рисунки, миниатюры, гравюры, старинные предметы быта, скульптура. К сожалению, известны лишь отдельные произведения, некогда входившие в это обширное собрание. Например, в отделении миниатюр выделялись две работы художника Петито: одна из них изображала королеву Анну Австрийскую с младенцами-сыновьями Людовиком XIV и герцогом Орлеанским, вторая — портрет графини де Фекьер. Причем первая была выполнена на пергаменте, а другая — «писана под эмаль». Обе эти работы когда-то находились в кабинете французского короля, а после рево-

люции были приобретены А.Л.Нарышкиным и графом Г.И.Головкиным. От них они перешли к Иванчину-Писареву.

Наиболее ценной частью его коллекции были гравюры. В одном из писем к М.П.Погодину он признавался: «Я сам фанатик по части гравирования от его начала и до нынешних времен. Эстампы, а еще более достоинства их экземпляров для меня до сих пор важны» (2, т. 9, с. 201).

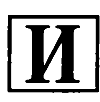
Когда Михаил Петрович Погодин обратился к Николаю Дмитриевичу с просьбой познакомить читателей журнала «Москвитянин» с его собранием, тот отказался. «Я не могу говорить в своей журнальной статье, — сообщал он И.М.Снегиреву в феврале 1841 г., — об эстампах иначе, как языком фанатика-собирателя — итак, в России меня почтут сумасшедшим» (7, с. 117). Хотя он признавался, что занимается составлением каталога, подводящего итоги четвертьвековой собирательской деятельности, однако составлял этот каталог на французском языке и предполагал печатать его в Париже тиражом в 1 тысячу экземпляров. Выбор французского языка объяснялся тем, что вся терминология по гравировальному искусству была именно французского происхождения и, казалось, не могла быть передана по-русски. Но каталог не был издан.

Результатом работы над каталогом стала публикация нескольких статей, которые показывают глубокие познания автора. В одной из них — «О редчайшем гравированном портрете Лжедимитрия» — он рассказывает об истории происхождения гравюры, характеризует творческую манеру художника Луки Килиана, объясняет обстоятельства, которые сделали ее «ненаходимою» (политические причины), и далее подробно повествует о том, как в его собрании оказался этот редчайший оттиск.

«Мне лестно в качестве охотника и обладателя коллекции редчайших эстампов всех старых и новых школ от начала гравирования, — писал он, — посвятившего 30 лет на составление оной из первейших европейских кабинетов, сообщить любителям художественных редкостей, что драгоценный лист... ныне принадлежит мне и есть один из важнейших в портретном разряде моего собрания...» (5, с. 488). Гравюра первоначально была в собрании госпожи Коллод. В конце XVIII в. всю свою коллекцию эстампов она продала в Россию графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. После его смерти коллекция досталась А.С.Власову, от которого и поступила в собрание Иванчина-Писарева.

В другой статье — «Портрет Виниуса» — он также знакомит читателя с историей «рождения» произведения, его отличительными особенностями («гравирован чистым резцом без помощи крепкой водки»), пишет о том, как долго искали этот оттиск русские коллекционеры. «Я получил свой из коллекции покойного А.С.Власова вместе с большею частию его редких экземпляров; а он купил его в Париже, после смерти знаменитого охотника Дюрана, за 1200 франков. Известный своими сведениями по исторической части художеств Г.Дютень нашел равный ему только в Голландии, в Королевской коллекции эстампов» (6, с. 390).

Наконец в статье «Две замечательные миниатюры — «Портрет Людовика XIV» и «Портрет Петра Великого» он самым подробным образом раскрывает, как эти великолепные произведения искусства из королевского собрания в Париже попали в Россию и как сложилась их последующая судьба.



Н.Д.Иванчин-Писарев был хорошо знаком с собраниями многих коллекционеров своего времени. Поэтому он сумел приобрести лучшие гравюры из известных коллекций П.П.Бекетова, А.Г.Головкина, Н.З.Хитрово, Н.Г.Щербатова, А.С.Власова.

Иванчин-Писарев был дружен с Александром Сергеевичем Власовым, их подмосковные усадьбы располагались неподалеку одна от другой. Николай Дмитриевич особенно высоко ценил «гравюрный кабинет» Александра Сергеевича. Они постоянно переписывались, сообщали о своих приобретениях, о новостях на антикварном рынке. «Поздравляю вас с новым приобретенным эстампом, — писал А.С.Власов 3 ноября 1822 г., — а еще более — с продолжением охотничьего стремления к умножению вашего уже значительного собрания... И вы яко настоящий любитель с приумножением еще более соделоваетесь охотником, что в нынешнее время очень редко и с чем паки я вас поздравляю» (1, с. 533).

Николай Дмитриевич был приглашен выступить с публичным докладом, посвященным памяти А.С.Власова, в котором сумел ярко показать его собирательскую деятельность. Благодаря этому мы сегодня можем представить, сколь колоритной фигурой в ряду московских собирателей начала XIX в. был Власов. Эту речь высоко оценила научная общественность: именно за нее автор избран в 1825 г. в члены Общества истории и древностей российских.

Картинная галерея у Иванчина-Писарева была, вероятно, невелика — несколько старинных полотен западноевропейской школы XV—XVII вв. Пять картин он приобрел из коллекции А.С.Власова. Среди рисунков — произведения Рафаэля и Караваджо. В отделе скульптуры насчитывалось тринадцать античных изваяний.

Будучи дружен с владельцем крупнейшего московского Древлехранилища М.П.Погодиным, Иванчин-Писарев в 1847 г. пожертвовал ему старинный кинжал. «Спешу сообщить тебе мою археологическую радость: Тверской летописец. Это еще ничего, но вот европейская драгоценность: кинжал императора Карла V с его именем, годом и короною, резной отличной работы средних веков», — сообщал Погодин С.П.Шевыреву (2, т.9, с. 202).

Н.Д.Иванчин-Писарев умер 25 января 1849 г. в Москве, погребен в Рудинках.

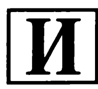
После смерти собирателя вся его коллекция была куплена Григорием Васильевичем Лихачевым за 9 тысяч рублей. В дальнейшем она перешла в руки брата Григория Васильевича — Ивана Васильевича Лихачева. Потомки последнего распродали коллекцию в 1884 г. И лишь небольшую ее графическую часть смогли приобрести Д.А.Ровинский и С.С.Шайкевич.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Н.П. Альбом автографов Н.Д.Иванчина-Писарева. // Старина и новизна. — Спб., 1905. — Т. 10. — С. 473—477.

2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. — Спб., 1889. — Т. 2. — С. 145; 1891. — Т. 4. — С. 114; Т. 8. — С. 249; 1895. — Т. 9. — С. 201—202.; 1896. — Т. 10. — С. 216; 1902. — Т. 16. — С. 407.

3. Грот К.Я. К биографии И.И.Дмитриева // Известия второго отделения



Академии наук. — 1901. — Т. 6, кн. 4. — С. 236.

4. *Иванчин—Писарев Н.Д. Две значительные миниатюры // Москвитянин. — 1844. — Ч. 2. — N 4. — С. 391—394.*

5. *Иванчин-Писарев Н.Д. О редчайшем гравированном портрете Лжедимитрия // Москвитянин. — 1842. — Ч. 2. — N 4. — С. 486—488.*

6. *Иванчин-Писарев Н.Д. Портрет Виниуса // Москвитянин. — 1844. — Ч. 2. — N 4. — С. 389—391.*

7. *Письма Н.Д.Иванчина-Писарева к И.М.Снегиреву. / Публикация Б.Л.Модзалевского // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1902. — Т. 7, кн. 4. — С. 66—126.*

8. *Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т. 2. — Столб. 171.*

9. *Саитов В.И. Иванчин-Писарев Н.Д. // Русский биографический словарь. — Спб., 1897. — Т. 8. — С. 34—36.*

ИВАСК Удо Георгиевич (1878—1922)

С офорта М.В. Рундальцова. 1909.

У.Г. Иваск — художник-график, библиограф, историк книги, библиофил, собиратель книжных знаков.

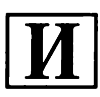
Родился 8 декабря 1878 г. в имении Керсель Лифляндской губернии. Закончил Юрьевское реальное училище.

В 1897 г. Удо Георгиевич приехал в Москву, чтобы получить художественное образование. Три года он занимался живописью у К.А.Коровина, однако эти занятия не принесли ему удовлетворения.

Больше всего юношу привлекала книга — «как источник не только эстетического, но и интеллектуального наслаждения». В 1902 г. Иваск вступил в члены Русского библиографического общества при Московском университете. Здесь в кругу любителей и знатоков он нашел свое истинное призвание и достиг значительных результатов на поприще изучения книги.

За двадцать лет целеустремленных занятий библиографией он опубликовал около пятидесяти книг и статей. Занятия библиографией требовали терпения, скрупулезности, точности в сочетании с обширными и разносторонними знаниями. Этими качествами Удо Георгиевич обладал в полной мере. «Опьяненный идеей, — вспоминал о нем Б.С.Боднарский, — У.Г. становился непроницаемым ни для каких внешних воздействий: целые гекатомбы источников он переворачивал нередко лишь для того, чтобы отыскать какую-нибудь деталь, которую самый рьяный библиограф упустил бы, экономя свои силы. Сколько бесконечных часов просиживал он в книгохранилищах Москвы и особенно в Румянцевском музее, извлекая материалы из книг, которых редко кто касался в течение многих лет» (1, с. 3).

Памятником эрудиции и колоссальной трудоспособности Удо Георгиевича стали фундаментальные сочинения «Частные библиотеки в России»



(М.-Спб., 1911—1912. — Ч. 1—2) и «Описание русских книжных знаков» (М., 1905—1918. — Вып. 1—3). В первом исследователь впервые собрал воедино разрозненные сведения почти о полутора тысячах книжных собраний. Этот обширный и обстоятельный указатель частных библиотек, существовавших в России XV—XX вв., является уникальной библиофильской энциклопедией, причем единственной в своем роде. До сих пор она является незаменимым научно-справочным изданием для широкого круга исследователей.

Не менее значим труд, посвященный русским книжным знакам — «охранным грамотам библиотек». Появление этого исследования стало возможным благодаря неутомимой собирательской деятельности Удо Георгиевича. В его личном хранилище, которое он начал формировать с 1902 г., были с невиданной полнотой собраны отечественные экслибрисы. В этой области он являлся первопроходцем, обратившим внимание на книжный знак и как на особую область книговедения, и как на произведение графического искусства.

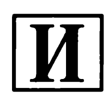
Личное собрание Иваска включало около двух тысяч русских книжных знаков от самого их зарождения до XX в. Исследованию этой коллекции посвящен самый капитальный труд Удо Георгиевича. В нем приведены описания 2600 книжных знаков, сведения о библиотеках и их владельцах, воспроизведены некоторые экслибрисы. Книгу высоко оценили современники. Они сравнивали ее с известным сочинением Д.А.Ровинского, посвященным русским гравированным портретам.

По инициативе Иваска в 1905 г. было создано Московское общество любителей книжных знаков. О широкой известности коллекционера и исследователя свидетельствует избрание его членом германского и швейцарского обществ по изучению книжных знаков.

Удо Георгиевич был не только исследователем и коллекционером, но и автором многих книжных знаков. Им создано тридцать пять «охранных грамот» для личных библиотек друзей-библиофилов и коллекционеров: Б.С.Боднарского, Л.Э.Бухгейма, С.П.Виноградова, С.К.Кузнецова, Н.М.Лисовского, А.К. фон Мекка, М.Я.Параделова, В.К.Трутовского. Один из самых удачных книжных знаков был создан художником по просьбе московского собирателя П.И.Щукина. В небольшую графическую миниатюру включено изображение нарядного терема щукинского частного музея древностей на Малой Грузинской улице.

Один из знаков разработан У.Г.Иваском для библиотеки Московского археологического института им. Николая II. В его стенах он учился уже в зрелом возрасте и получил звание ученого-архивиста. Именно этому институту собиратель решил принести в дар в 1908 г. свою коллекцию русских книжных знаков, чтобы познакомить с книжной культурой и графическим искусством как можно более широкий круг специалистов и любителей. Удо Георгиевич, пожертвовав свое собрание, остался его попечителем и продолжал пополнять его.

У.Г.Иваском была собрана небольшая, но чрезвычайно ценная библиотека (1500 названий), включавшая редкие труды по генеалогии, геральдике, сфрагистике, библиографии. Особое место в этой библиотеке занимали книги по истории Москвы, а также практически все издания по истории частных библиотек.



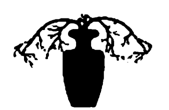
После Октябрьской революции У.Г.Иваск продолжал свои занятия. Он стал одним из организаторов Книжной палаты, издателем и редактором «Книжной летописи», участвовал в создании Российского библиографического института. Однако возникшие трудности заставили его покинуть Россию и горячо любимую Москву, расстаться с кругом друзей-библиофилов и с библиотекой Румянцевского музея. С октября 1920 г. он жил в Юрьеве (Тарту) и работал помощником главного библиотекаря Тартуского университета.

У.Г.Иваск скончался в Тарту 15 мая 1922 г.

Коллекция книжных знаков, собранная У.Г.Иваском, сохранилась до наших дней. После закрытия Археологического института она была передана Российской Академии художественных наук, а впоследствии перешла в Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Часть собрания находится в Научно-исследовательском музее Академии художеств России в Петербурге.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Боднарский Б.С. Памяти У.Г. Иваска. — М., 1925.*
2. *Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). — М., 1905—1918. — Вып. 1—3.*
3. *Иваск У.Г. Подробный каталог домашней библиотеки У.Г.Иваска. — М., 1910.*
4. *Иваск У.Г. Собрание фамильных портретов У.Г.Иваска. — М., 1911.*
5. *Иваск У.Г. // Художники народов СССР: Библиографический словарь. — М., 1983. — Т. 4, кн. 1. — С. 460.*
6. *Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя. // Русский библиофил. — 1911. — Ч. 1. — N 3, 4, 6, 7, 8; Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 г. — Спб., 1912. — Ч. 2.*
7. *Краткий справочник книголюба. / Сост. и общая ред. А.Э.Мильчина. — М., 1976. — С. 107.*
8. *Кульпа-Иваск Е.У. Удо Георгиевич Иваск: Указатель литературы. — Воронеж, 1973.*
9. *О даре У.Г.Иваска // Раннее утро. — 1908. — N 311. — С.3.*
10. *Орлов Н.Н. Иваск У.Г. как исследователь русского книжного знака. — М., 1927.*
11. *Орлов Н. Русское библиографическое общество: О заседании Общества 29 октября 1922 года, посвященном памяти У.Г.Иваска // Среди коллекционеров. — 1922. — N 10. — С. 53—54.*
12. *Орлов Н.Н. Список библиографических работ У.Г.Иваска. — М., 1918.*
13. *Савонько В.С. Удо Георгиевич Иваск // Среди коллекционеров. — 1922. — N 9. — С. 54—55.*



ИСАДЖАНОВ Исаджан Степанович
(1872—1937)

И.С. Исаджанов — купец-предприниматель, собиратель живописи.

Родился в армянской семье в с.Тумбул Нахичеванского уезда Эриванской губернии. Его мать происходила из обедневшего дворянского рода, отец принадлежал к купеческому сословию и вел торговлю с турецким городом Трапезундом. О детских и юношеских годах собирателя сведений не сохранилось. Возможно, он окончил реальное училище.

Участвуя в делах семейного предприятия, Исаджанов с коммерческими целями (торговали, в основном, чаем и табаком) переехал в Москву. Произошло это в 1892—1896 гг. В 1898 г. он основывает собственную фирму и фабрику по производству папиросных гильз, для которых арендует помещение в Рыковом переулке. Однако дело начинающего предпринимателя не было успешным. Позднее он напишет: «Это мое предприятие кончилось для меня очень неудачно, т.е. полным банкротством в 1906 г., когда я был Моск. Коммерческим судом объявлен несостоятельным должником» (2, л. 1). Гильзовое производство с торгов приобрел банковский дом «И.В.Юнкер и К°», и оно успешно просуществовало до революции, возглавляемое служащим банка А.А.Торнеусом, а основатель фирмы перешел на службу в банк. Имя Исаджанова продолжало сохраняться в названии фирмы, и это явилось причиной его преследований при советской власти.

После революции Исаджанов служил в разных советских учреждениях, большею частью связанных с торговлей чаем, используя старинные связи с поставщиками и торговцами. В конце 1920-х—начале 1930-х гг. Исаджанова неоднократно увольняли со службы, лишали пенсионного обеспечения. Заступничество деятелей культуры (А.В.Щусева, А.Е.Архипова, Д.Н.Кардовского, П.П.Кончаловского, И.Э.Грабаря, А.В.Куприна, А.В.Лентулова и др.) помогло ему выжить в годы репрессий.

Начало картинному собранию было положено в Москве. Как можно предположить, первые приобретения были сделаны Исаджановым в 1906 г. Активное формирование коллекции продолжалось до 1917 г. За десять лет было собрано чуть более двухсот произведений искусства. Основу собрания составляли произведения живописи новейшего времени, прежде всего художественного объединения «Бубновый валет».

Исаджанов приобретал картины либо лично у художников, либо на выставках. Его галерея была широко известна в Москве, и многие художники, зная его как горячего поклонника нового искусства, предпочитали отдавать ему свои работы даже за незначительную плату. «Да, — писал П.П.Кончаловский И.И.Машкову летом 1917 г., — Якулов очумел от галереи Исаджанова и, видно, горит желанием попасть туда, ну а Исаджанов дело понимает» (7, с. 180—181).

Собирательство в этом случае ярко рисует нам образ человека, которым двигала прежде всего искренняя любовь как к искусству, так и к творцам этого искусства. Исаджанов относился к особой когорте коллекционеров-подвижников. Приобретая работы своих современников — как правило, еще молодых непризнанных художников, выступающих с новаторскими идеями, — они помогают им выстоять и окрепнуть. И не столько, может, важна их материальная помощь (часто коллекционеры не богаче художников), сколько духовная поддержка. Коллекционер, сопереживая поискам начинающих живописцев, становится участником творческого процесса. Подобное содружество обогащает взаимно: оттачивается художественный вкус коллекционера, а художник в свою очередь, ободренный пониманием и признанием, продолжает с воодушевлением работать. Яркий пример такого союза — коллекционер Сергей Иванович Щукин и французский художник Анри Матисс. Этот феномен хорошо известен в истории искусства. Менее известна роль коллекционера Исаджанова в становлении и развитии объединения «Бубновый валет».

В доме Исаджанова собиралась творческая молодежь, сплотившаяся после выставки 1910 г. в товарищество художников «Бубновый валет». Его учредители — П.П.Кончаловский, И.И.Машков, А.В.Куприн — были в числе самых близких друзей коллекционера. Радушный, гостеприимный и влюбленный в искусство Исаджанов на равных участвовал в их горячих спорах. Более опытный в житейских делах, он всегда первым приходил на помощь в трудные минуты. Не случайно, когда в послереволюционные годы на Исаджанова начались гонения как на представителя имущего класса, в его защиту (мы уже упоминали об этом) выступило немало деятелей культуры.

В 1919 г. собрание Исаджанова, как и подавляющее число московских коллекций, было национализировано. На его основе создали 7-й Пролетарский музей имени А.В.Луначарского. Исаджановская коллекция являлась, вероятно, настолько цельной, что ее почти не дополняли (как это было сделано с другими частными собраниями, давшими жизнь еще нескольким пролетарским музеям). Исаджан Степанович был оставлен при своей коллекции директором музея.

В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи и в отделе письменных источников Государственного Исторического музея со-

хранились документы, позволяющие реконструировать одну из ценнейших частных галерей Москвы, сформировавшуюся в начале века.

Исаджановская коллекция состояла из 206 картин и этюдов (из них три — кисти иностранных художников), 24 скульптур, 19 икон, 2 миниатюр.

В картинной галерее имелись работы таких известных мастеров, как А.К.Саврасов, М.А.Врубель, И.И.Левитан, М.В.Нестеров, В.Д.Поленов, И.Е.Репин, В.А.Серов, Б.М.Кустодиев, А.Я.Головин, К.А.Коровин. Как правило, это этюды. Среди названных художников больше всего (15) работ Константина Коровина. Остальные художники представлены либо одной работой (Врубель, Нестеров, Головин), либо тремя.

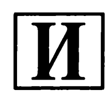
Картины художников объединения «Бубновый валет» составляли ядро исаджановской галереи: их работ было здесь 125. «Среди московских частных картинных собраний, — отмечалось в документах музейного отдела Наркомпроса, относящихся к 1919 г., — собрание Ис.Ст.Исаджанова занимает особое место и имеет ярко выраженный характер благодаря пристрастию Исаджанова к новой русской живописи и скульптуре. Галерея его собрана за последние 10 лет. Несмотря на то, что в ней не замечается особенно строгой системы, выбор Исаджанова нельзя назвать случайным. Восхищение его новой живописью, преимущественно участников выставки «Бубновый валет», вошедших также в состав левой группы «Мир искусства», заставило его за короткий срок накупить большое количество их произведений» (4, л. 133).

«Зал музея, посвященный Кончаловскому, — читаем на страницах журнала «Русское искусство» за 1923 г., — дает довольно полное представление о его творчестве до 1913—1914 гг. Здесь и ранние непритязательные натюрморты, и этюды, и более поздние декоративные, насыщенные красочностью пейзажи России, Прованса, Италии. Здесь необычно впечатляющая сдержанной страстностью, суровой серо-черно-коричневой гаммой «Голова тореадора» (1910 г.) и портрет Якулова, пламенный по цвету, захватывающий стремительным ритмом линий, этими дерзко брошенными на полотно кривыми кинжалами, этой почти гротескной экспрессивностью лица. Здесь и написанные в Сиене пейзажи — запоминается своим лаконизмом черная величественная «Piazza del Campo». Тут и ряд мастерски сделанных натюрмортов, от декоративно-красочных до «сухих красок», работы фактурной, с наклейками этикеток. В этом зале легко проследить первоначальное воздействие французов на художественные устремления Кончаловского, и здесь и там проглядывают Ван Гог, Матисс, Марке («Piazza del Campo»)» (8, с. 79).

В галерее Исаджанова было 34 работы П.П.Кончаловского. Не менее представительно здесь демонстрировалось творчество другого ведущего мастера из объединения «Бубновый валет» — И.И.Машкова: его произведений (картин и этюдов) насчитывалось 24. Значительное число произведений принадлежало кисти А.В.Куприна (19) и А.В.Лентулова (14). Кроме того, здесь были картины Д.Д.Бурлюка (5), Р.Р.Фалька (4).

В собрании Исаджанова имелось шесть работ из «степной», или «киргизской» серии картин П.В.Кузнецова.

«Чтобы придать (по словам владельца) более последовательный характер собранию, — как отмечалось в документах советского периода, —



сюда вошли произведения Туржанского, Петровичева, Пастернака, бар. Клодта, Коровина, Кустодиева» (4, л. 133).

Скульптура в собрании коллекционера была представлена исключительно работами А.С.Голубкиной и С.Т.Коненкова.

Галерея Исаджанова размещалась в отдельном особняке на Старой Басманной, д. 26. Этот трехэтажный кирпичный дом коллекционер арендовал с середины 1910-х гг. Картинная галерея занимала восемь комнат первых двух этажей. Самая большая комната была отдана картинам П.П.Кончаловского, в двух комнатах размещались работы И.И.Машкова. В отдельных комнатах висели картины А.В.Лентулова, А.В.Куприна. На втором этаже в самой отдаленной комнате находились иконы. Скульптура наполняла все восемь комнат галереи.

Музей в особняке Исаджанова просуществовал недолго. С 1925 г. началось его медленное расформирование, которое завершилось в 1928 г. Лучшие картины из коллекции (около тридцати) попали в Третьяковскую галерею, в том числе такие, как «Сухие краски», «Матадор Мануэль Гарта», «Бой быков», «Портрет художника Георгия Богдановича Якулова», «Комната в Испании» П.П.Кончаловского, «Дождь. В степи», «Стрижка овец» П.В.Кузнецова, «Прогулка в провинциальном городе», «Танцующие» М.Ф.Ларионова, «Нижний Новгород», «У Иверской» А.В.Лентулова, «Женевское озеро», «Яблоки и груши на белом», «Портрет Евгении Ивановны Киркальди», «Портрет Семена Яковлевича Рубановича» И.И.Машкова.

Большая же часть картин разошлась по музеям почти двадцати городов России (Брянск, Владикавказ, Вятка, Вологда, Ельна, Калуга, Нижний Тагил, Омск, Пенза, Рязань, Саратов, Таганрог, Ярославль и др.).

И.С.Исаджанов умер в Москве 21 февраля 1937 г., погребен на Армянском кладбище.

Особняк на Старой Басманной снесен в 1970-е гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Битюцкая С.И. Материалы по истории русского собирательства // Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. — Ф. 104, ед.хр. 70, лл. 161—164.

2. Исаджанов И.С. Записка в конфликтную комиссию Горстрахкассы // Документы И.С.Исаджанова в личном собрании внука коллекционера Александра Авдеевича Мархарова-Исаджанова.

3. Регистрационные карточки на собрание И.С.Исаджанова. 1919 г. // Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. — Ф. 54, ед.хр. 251, лл. 1—451.

4. Характеристика и каталог собрания И.С.Исаджанова // Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. — Ф.54, ед.хр. 239, лл. 133—134.

5. Бабаева Л.М. Из истории национализации московских частных художественных собраний в первые годы советской власти. 1917—1920-е гг. // История СССР. — 1977. — N2. — С.192.

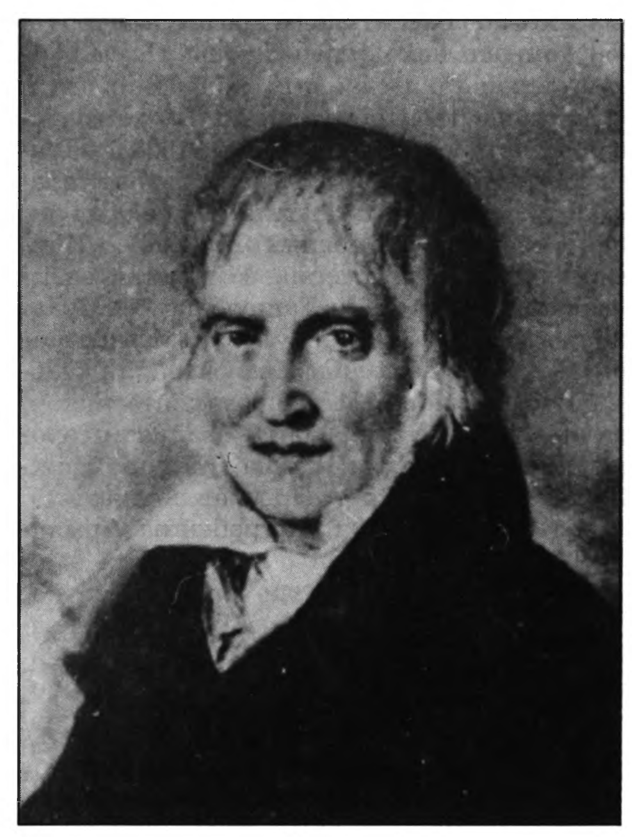
6. Государственная Третьяковская галерея / Каталог живописи XVIII—начала XX века (до 1917 года). — М., 1984. — С. 71, 213, 240, 243, 251, 270—271, 286, 293—294, 381, 480.

7. Кончаловский П.П. Письма к И.И.Машкову / Подг. к печати, предисловие и комментарии И.С.Болотиной // Панорама искусств. — М., 1980. — Вып.3. — С. 162—190.

8. Ромм А. Музей имени Луначарского // Русское искусство. — N 2—3. — С. 79—80.

9. Третьяковская галерея за десять лет // Правда. — 1928. — 30 января. — С.3.

КАРАБАНОВ Павел Федорович (1767—1851)



С портрета С.Тончи.

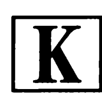
П.Ф. Карабанов — библиофил, собиратель русских древностей.

Родился 25 октября 1767 г. в семье тверского вице-губернатора. Принадлежал к старинному дворянскому роду. Его мать, Анастасия Григорьевна (урожденная Кисловская), была троюродной сестрой князя Г.А.Потемкина. Воспитывался дома. Шести лет, в 1773 г., П.Ф.Карабанов был записан в Преображенский полк; «числясь сержантом, в 1789 г. произведен был в первый офицерский чин, а в 1790 г. вышел в отставку» в чине премьер-майора. Непродолжительное время состоял заседателем совестного суда, депутатом дворянского собрания Тверской губернии. Женитьба на княжне Варваре Ивановне Гагариной принесла ему крупное состояние и позволила в дальнейшем тратить большие средства на приобретение реликвий.

Свою долгую жизнь Павел Федорович провел в Москве, куда переехал после женитьбы в начале 1790-х гг. Большую часть досуга он посвятил собиранию памятников отечественной старины и составил замечательный музей древностей, известный как «Русский музей Карабанова». По словам П.В.Долгорукова, неоднократно бывавшего в стенах этого музея и коротко знакомого с хозяином, Павел Федорович «имел характер привлекательный по теплой доброте своего сердца, по утонченной деликатности чувства и по своей необыкновенной скромности; одаренный любознательностью, страстно любя Отечество, он страстно любил и русскую историю и усердно ею занимался» (7).

Первыми экспонатами домашнего музея стали семейные реликвии: золотая табакерка, доставшаяся собирателю от деда по отцовской линии, и портрет Петра Великого, полученный от деда по материнской линии.

Особенно богатым был раздел декоративно-прикладного искусства. Высоким художественным уровнем отличалось собрание старинной русской



утвари — разнообразные братины, чарки, чаши, сосуды. В их числе именные вещи — братина, принадлежавшая некогда великому князю Ивану III, серебряная тарелка царевны Софьи, подписная серебряная чарка собственноручной работы Петра I с надписью по краям: «Труды царственных рук Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича всея Руси». На другой чарке вырезано: «Мера чарки Государя Петра Великого». Среди посуды из драгоценных металлов было немало жалованной боярам, дворянам, гостям и торговым людям с памятными надписями: «За верную службу, за радение и дородство».

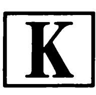
Несомненными художественными достоинствами отличалась коллекция ювелирных изделий, изощренно украшенных узорочной финифтью, сканью, жемчугом, драгоценными камнями — серьги, перстни, ожерелья, цепочки, подвески, запонки, кольца. Среди них — любимый браслет Екатерины II с миниатюрным портретом Петра I. В карабановском собрании была еще одна екатерининская реликвия — золотое перо с карандашом, которое императрица брала в руки лишь для того, чтобы подписать милость осужденному. В этом же отделе находилось несколько десятков мужских перстней с печатями, с помощью которых в старину запечатывали письма и документы.

Наряду с предметами гражданского обихода П.Ф.Карабанов собирал и памятники церковной старины. Особенно представительной была у него коллекция крестов, образов, икон. Он собирал иконы-панагии и так называемые воротные иконы, носившиеся на шее вместо крестов. На некоторых из них сохранялись старинные надписи вроде «Се азъ князь Григорий княж Петров Курдюк-Шаховский благословил сына Петра на рать» или «Во здравие души и тела».

В дополнение ко всему у Карабанова был и свой минц-кабинет, включавший около 2 тысяч медалей и монет. Среди его редкостей выделялись пугачевский рубль, серебряный рубль Алексея Михайловича и золотой рубль Петра I.

Особое место в музее принадлежало коллекции гравированных и литографированных портретов русских деятелей. Для своего времени это было крупнейшее собрание такого рода, насчитывавшее до трех тысяч листов. «В числе портретов, — отмечал известный знаток и собиратель гравюр Д.А.Ровинский, — находятся почти единственные отпечатки, без подписи, портретов Анны Иоанновны и Анны Петровны работы Вортмана... Дмитрия Самозванца работы Килиана и Иоанна VI» (13, с. 115). Последний был подлинным раритетом: считалось, что этот оттиск портрета малолетнего императора являлся единственным. Часть портретов приобретена владельцем у известных собирателей графики П.П.Бекетова, А.В.Олсуфьева, Ф.В.Каржавина и А.С.Власова. Интерес П.Ф.Карабанова к иконографии не был случаен. Он всю жизнь увлекался генеалогией, собирал рукописные материалы по истории дворянских родов и являлся автором двух известных работ: «Списки замечательных лиц русских», охватывавшие период с 1699-го по 1851 г. (1860) и «Статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX столетий» (1870—1871).

Будучи близко знаком с людьми, занимавшими некогда видное место при дворе или на государственной службе, бывшими очевидцами или



участниками важных событий государственной жизни, Павел Федорович в течение многих лет записывал их воспоминания. Так у него составилось интереснейшее собрание «исторических анекдотов» — своеобразный свод мемуарных свидетельств о жизни России в XVIII—начале XIX в. Здесь нашли отражение события, неизвестные по другим источникам. Впоследствии эти записи под названием «Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей» были опубликованы в журнале «Русская старина» в 1870—1871 гг.

Современники высоко оценивали и библиотеку П.Ф.Карабанова, в которой были собраны книги по истории на русском и церковнославянском языках. При библиотеке имелась значительная коллекция древних рукописей (около шестисот названий). В числе наиболее ценных материалов — 26 столбцов, относящихся к XVII в.: документы о Крымских походах, переписка воевод, выступавших против Степана Разина, источники по земельному межеванию.

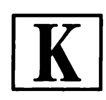
Частный музей П.Ф.Карабанова размещался в двух залах его московского особняка на Петровке. Тут не раз бывали известные писатели и ученые Д.Н.Бантыш-Каменский, И.М.Снегирев, К.П.Бороздин, М.П.Погодин и др.

«Глазам своим не верил я, — писал на страницах журнала «Москвитянин» один из современников под впечатлением от карабановского музея, — увидя перед собою многочисленные сокровища, собранные с таким знанием дела и в такой полноте, сохраняемые в таком порядке... Взоры мои перебегали от одних предметов к другим, и я не знал, на чем остановиться: так все любопытно, важно, ново. Между тем достопочтенный хозяин, который знал лично Болтина, князя Щербатова, Елагина, Миллера, Панина, Потемкина, слыхал о Бибикове, Суворове, был дружен с Мусиным-Пушкиным, рассказывал любопытные подробности обо всех этих незабвенных для русской истории лицах: слушать его доставляло такое же удовольствие, как и рассматривать его редкости... Три часа употребил я, чтобы только обежать все глазами» (11, с. 299).

По своему составу коллекция музея П.Ф.Карабанова напоминала кремлевские собрания и составляла как бы дополнение к сокровищам Оружейной палаты.

П.Ф.Карабанов умер в Москве 30 мая 1851 г. Похоронен в Новоспасском монастыре под Покровским собором. На его надгробии выбита эпитафия: «Здесь лежит древний русский дворянин, любивший Отечество, Павел Федорович Карабанов; рождение его в 1767 г., октября 25, кончина 1851 г., мая 30 дня, 83 л. семь м. пять д. от рождения» (14, с. 16).

Свой музей Павел Федорович завещал Николаю I. Став собственностью государства, собрание было поделено на несколько частей. Памятники декоративно-прикладного искусства перешли в фонды Оружейной палаты Московского Кремля, портретная галерея досталась Императорскому Эрмитажу, книги и рукописи поступили в Императорскую Публичную библиотеку, в библиотеку Московского университета, в Архив Министерства юстиции, в Кашинский Клобуков монастырь. Таким образом, карабановское собрание стало ценным пополнением ведущих музеев, библиотек и архивов России. Собрание рукописей по генеалогии было передано князю П.В.Долгорукову.



До наших дней в перестроенном виде сохранился особняк П.Ф.Карабанова на Петровке (д. 23).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. — Спб., 1897—1898. — Т. 11. — С. 227, 514; Т. 12. — С. 396—397.

2. Геннади Г. Литература русской библиографии. — Спб., 1858. — С. 127.

3. Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых. — Берлин, 1880. — Т. 2. — С. 105.

4. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 7. —N 511.

5. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891. — Т. 1, кн. 1. — С. 775, 787—788; Т. 1, кн. 2. — С. 1082, 1269.

6. Кисловский С.В. Исторические личности местного края // Кисловский С.В. Кашинский край. — Калязин, 1926. — Ч. 1—2.

7. Карабанов П.Ф. // Русские портреты XVIII и XIX столетий. — Спб., 1906. — Т. 2. — Вып. 3. — N 123.

8. Карабанов П.Ф. // Русский биографический словарь. — Спб., 1897. — Т. 8. — С. 483.

9. Македонская Е.И. Собрание русских древностей П.Ф.Карабанова // Вопросы истории. — 1982. — N 1. — С. 180—183.

10. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1852 год. — Спб., 1853.

11. П. [Погодин М.П.]. Музей отечественных достопримечательностей Павла Федоровича Карабанова // Москвитянин. — 1843. — N 3. — Ч. 2. — С. 299—300.

12. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. / Сост. Д.А.Ровинский. — Спб., 1895. — Т. 2. — С. 743—744, 746.

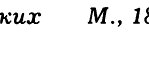
13. Ровинский Д.А. Русские граверы и их произведения с 1564 года. — М., 1870.

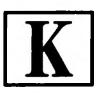
14. [Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.]. Московский некрополь. — Спб., 1908. — Т. 2.

15. Снегирев И.М. Русский музей г. Карабанова // Московский городской листок. — 1847. — N 35. — С. 139—141.

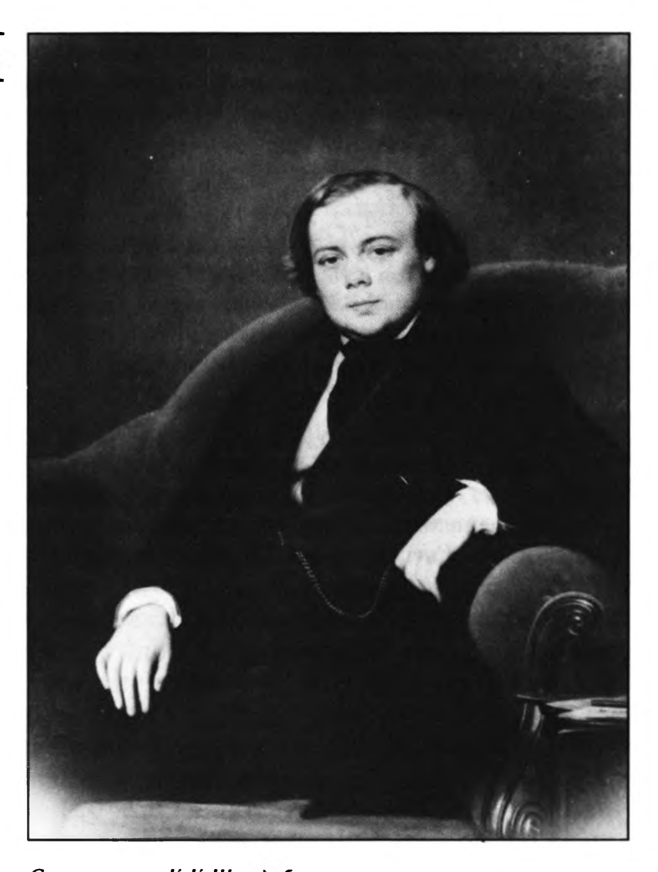
16. Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых. — М., 1991. — С. 165.

17. Филимонов Г. Описание памятников древностей церковного и гражданского быта Русского музея П.Ф.Карабанова. — М., 1849.





КОКОРЕВ Василий Александрович (1817—1889)



С портрета К.К.Штейнбена.

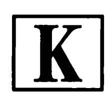
В.А. Кокорев — купец-предприниматель, публицист, меценат, собиратель живописи, основатель частной художественной галереи.

Родился 23 апреля 1817 г. в Вологде в семье мещанина. Систематического образования не получил, однако всю жизнь настойчиво занимался самообразованием. Природный ум, практичность, неуемная энергия позволили провинциальному юноше крепко встать на ноги и превратиться в одного из состоятельнейших людей России.

Имя В.А.Кокорева было широко известно москвичам в 1860—1880-е гг. Достаточно вспомнить сооружение в самом центре города, на Софийской набережной против Кремля, громадной гостиницы «Кокоревское подворье»; его деятельное участие в проведении конно-железной дороги — «конки»; организацию торжественной встречи в феврале 1856 г. в Москве участников обороны Севастополя.

Известен был Кокорев и своими радикальными взглядами на проведение крестьянской реформы. Немалый резонанс в русском обществе имели публицистические выступления Василия Александровича — «Путь севастопольцев», «Взгляд русского на европейскую торговлю», «Обличительное дело», «Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 года». В названных статьях автор проявил и незаурядные аналитические способности, и умение находить выход из тяжелых ситуаций. Не случайно он пользовался авторитетом и влиянием в кругах высших чиновников. Министры финансов, председатели Государственного совета не раз приглашали его к себе для конфиденциальных бесед, касавшихся тех или иных экономических трудностей.

Диапазон предпринимательской деятельности Кокорева был чрезвычайно широк: он занимался винным откупом, вел торговые дела в Иране и Средней Азии, был одним из первых инициаторов создания в России круп-



ных акционерных обществ. Раньше других оценив замечательные свойства нефти, он построил первый в мире нефтеперегонный завод, причем в качестве эксперта привлек выдающегося химика Д.И.Менделеева.

Владея многомиллионным состоянием, Василий Александрович немалые средства жертвовал на развитие науки, искусства и просвещения. Человек большого размаха, он и в области культуры не раз выдвигал новаторские идеи. По его инициативе в Вышневолоцком уезде Тверской губернии была основана академическая дача, так сказать, первый в России Дом творчества художников. Он планировал создать творческие студии на Волге, Урале, в Крыму и на Кавказе. Полагал, что русская природа способна вдохновлять художников никак не меньше, чем заграничные пейзажи. В.А.Кокорев мечтал об организации в России национальной художественной галереи. Свою мечту он пытался осуществить в Москве, с которой связал жизнь в 1850-е гг.

Собирать коллекцию художественных произведений В.А.Кокорев начал, по всей вероятности, в 1840-е гг. К 1863 г. в ней уже насчитывалось около пятисот произведений русской и западноевропейской школ. Преобладали полотна ведущих русских мастеров: Д.Г.Левицкого, В.Л.Боровиковского, К.П.Брюллова, А.А.Иванова, С.Ф.Щедрина, И.К.Айвазовского. Произведения западноевропейской школы были не столь многочисленны, зато являли собой работы таких всемирно признанных мастеров, как Ван Дейк, Я.Брейгель, Г.Терборх, Н.Пуссен, Ж.Б.Грез, К.Тройон и др. Как по числу произведений, так и по их художественному достоинству личное собрание Кокорева приближалось к музейному. Сознавая это, владелец приступил к созданию общедоступного художественного музея.

26 января 1862 г. Кокоревская галерея была открыта для посетителей. «Сегодня, — писала в тот день газета «Северная пчела», — открылась в первый раз для публики много лет собираемая и давно уже ожидаемая Москвою картинная галерея, составленная В.А.Кокоревым. Галерея устроена для Москвы, не имевшей до сего времени решительно никакого пособия для художественного образования публики... Вряд ли можно представить себе издержку более почтенную и в настоящее время более нравственно производительную, как осуществление мысли Московской публичной картинной галереи» (1).

Экспозиция Кокоревской галереи была построена по историческому и монографическому принципам. Полотна западноевропейских художников размещались в двух залах и составляли два раздела — «древнейший» (XVI—XVIII вв.) и «новейший» (XIX в.).

Собрание русской школы открывалось произведениями XVIII в. Здесь были собраны парадные портреты (полотна Д.Г.Левицкого, В.Л.Боровиковского). В соседнем зале выставлены произведения, изображавшие будничные сцены из жизни простых людей (картины А.Г.Венецианова, А.В.Тыранова, Н.А.Заваруева, Л.К.Плахова, Н.Е.Сверчкова). Следом шел пейзажный зал. Тут царили И.К.Айвазовский (24 работы) и А.П.Боголюбов (11 картин).

Коллекция картин Карла Брюллова размещалась в нескольких залах, являясь предметом особой гордости владельца галереи. Василию Александровичу удалось приобрести свыше сорока произведений этого выда-

ющегося русского живописца. Сам Кокорев считал, что картины Брюллова из его коллекции давали полное представление о постепенном развитии таланта художника. Здесь были копии с известных полотен мастера «Итальянское утро» и «Итальянский полдень» (подлинники украшали царские особняки), но копии, выполненные учеником Брюллова А.Корицким. Тут же экспонировались эскизы самого Карла Павловича. Украшением галереи служили брюлловские шедевры — «Портрет графини Ю.П.Самойловой, удаляющейся с бала» и «Портрет сестер Шишмаревых».

«Многие картины Брюллова, — писал В.В.Стасов, — приобретены были от писателя А.Н.Струговщикова, приятеля Брюллова; большинство же других русских картин сбывал Кокореву Н.Д.Быков, бывший надзиратель в Академии художеств, потом управляющий у золотопромышленника Соловьева» (13, с. 598). Отдельные работы Брюллова куплены у его ученика А.Корицкого. Известное полотно «Портрет графини Ю.П.Самойловой, удаляющейся с бала» коллекционер приобрел у брата художника. Эти вещи, как и многие другие, пришли в Кокоревскую галерею «из первых рук», так что вопрос об их подлинности практически не возникал.

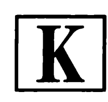
Художественный критик К.А.Варнек в «Письмах из Москвы» так описывает галерею: «Все восемь залов музея убраны богато и со вкусом. Мягкие диваны, красивая резная мебель в русском стиле, прекрасный паркет, столы с затейливой инкрустацией... бюсты мраморные и алебастровые, дорогие вазы... достаточный свет сверху» (4, с.115). В каждом зале имелись объяснения сюжетов картин. Стремившийся ни в чем не уступать музеям Западной Европы, Кокорев приобрел для своей галереи специальные «жестяные очки» и увеличительные стекла для рассматривания картин вблизи.

Здание Кокоревской галереи в Петроверигском переулке (не сохранилось) было одним из первых специальных музейных сооружений в Москве. Владелец пристроил к своему дому просторный двухэтажный корпус, отделанный в русском стиле. Второй этаж не имел окон, освещался верхним светом. Строение резко отличалось от соседних домов и вызывало немало удивления у современников.

Галерея была открыта ежедневно «для всей образованной и жаждущей образования публики». Плата за вход составляла тридцать копеек, а по праздникам и того дешевле — всего десять копеек.

Кокорев считал, что галерея должна стать не только художественным, но и заметным просветительским центром. С этой целью был устроен вместительный зал для чтения бесплатных публичных лекций. Интерьеры лекционного зала и располагавшегося рядом трактира напоминали традиционное убранство русской избы. Трактир являлся для москвичей того времени своего рода клубом, привычным местом для общения и встреч.

Галерея просуществовала недолго, до 1870 г. В результате финансового просчета В.А.Кокорев был вынужден продать сначала особняк, где она размещалась (дом приобрело Петропавловское училище), а затем и саму коллекцию. Основная часть собрания — 166 произведений русских мастеров — была приобретена Министерством императорского двора.



Картины украсили Александровский дворец в Царском Селе и Аничков дворец в Санкт-Петербурге, а позднее вошли в состав открытого в 1898 г. Русского музея. Семь картин и скульптуры купил у Кокорева в 1869 г. П.М.Третьяков. Лучшая часть западноевропейского собрания перешла в руки известного коллекционера Д.П.Боткина. Остальные картины были распроданы наследниками и оказались в разных музеях и частных собраниях.

В.А.Кокорев скончался 22 апреля 1889 г. в Петербурге. Похоронен на Малоохтинском кладбище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Кокоревская картинная галерея // Северная пчела. — 1862. — N 24.

2. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 7. — N 562.

3. Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. / Сост. М.Л.Гавлин. — М., 1991.

4. К.В.[К.А.Варнек]. Письма из Москвы // Русский художественный листок. — 1862. — N 29. — С. 115—116.

5. Куйбышева К.С. Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации в 1859—1861 гг. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.: Сб. статей. — М., 1956. — С. 314—341.

6. Любопытные показания графа А.А.Закревского о некоторых представителях московского образованного общества в начале прошлого царствования // Русский архив. — 1885. — Кн.2. — N 7. — С. 447—452.

7. Михневич В. Наши знакомые. — Спб., 1884. — Вып.1. — С. 105—106.

8. Панова Т. Кокоревская галерея // Художник. — 1980. — N 8. — С. 52—61.

9. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 308—309.

10. Романюк С. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 107, 114, 121.

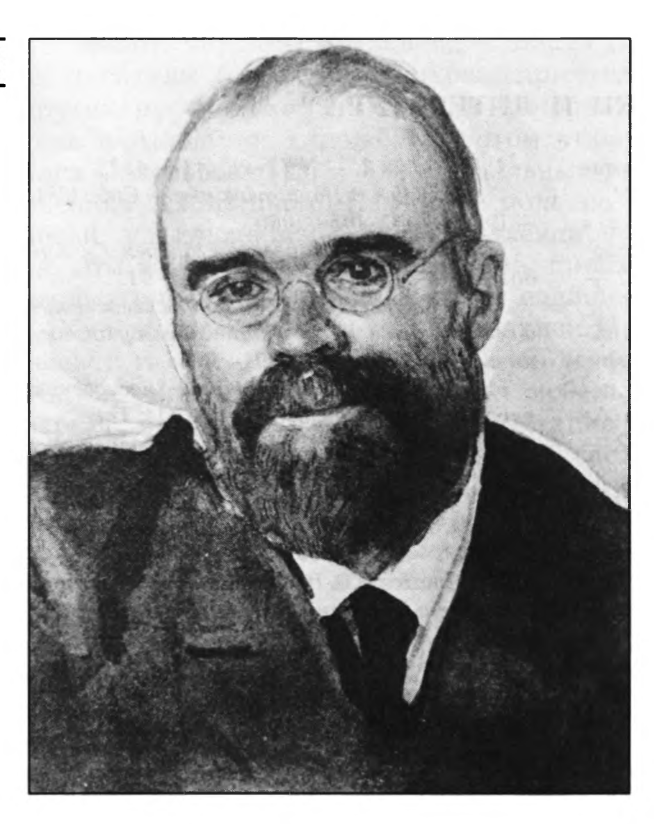
11. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. — 2-е изд. — Спб., 1891. — С. 164—178.

12. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 186, 194, 195, 217.

13. Стасов В.В. Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. — 1893. — Декабрь.

14. Указатель картин и художественных произведений галереи В.А.Кокорева. / Сост. А.Н.Андреев. — М., 1863.

ЛАНГОВОЙ Алексей Петрович
(1857—1939)



С портрета В.А. Серова. 1902 г.

А.П. Ланговой — врач, собиратель картин русских художников.

Среди московских коллекционеров 1900-х гг. видное место принадлежит А.П.Ланговому. Биографических сведений о нем мало. Известно, что, получив высшее медицинское образование, он был врачом-терапевтом, впоследствии стал доктором медицины, профессором Московского университета, Московских высших женских курсов. Не чуждый общественной деятельности, он избирался гласным Московской городской думы.

С молодых лет Алексея Петровича привлекало изобразительное искусство, причем с годами он стал его знатоком и ценителем. В 1890-е гг. он принимал деятельное участие в работе Московского общества любителей художеств и даже получал премии этого объединения.

Известность и авторитет А.П.Лангового были столь велики, что в декабре 1903 г. И.Е.Репин назвал его наряду с В.М.Васнецовым, В.Д.Поленовым, И.С.Остроуховым, В.А.Серовым, И.Е.Цветковым в числе лиц, которых следовало бы включить в комиссию по приобретениям для Третьяковской галереи.

В 1905 г. Алексей Петрович выступил в печати с предложением избрать художника и коллекционера И.С.Остроухова попечителем Третьяковской галереи. Предложение было принято.

В 1913—1914 гг. А.П.Ланговой входил в состав Совета Третьяковской галереи.

Общественная деятельность и врачебная практика сблизили Алексея Петровича со многими известными московскими художниками. Он был хорошо знаком с В.А.Серовым, В.М.Васнецовым, А.Е.Архиповым, И.С.Остроуховым. Это и помогло ему собрать интересную коллекцию картин. Он был страстным поклонником объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников», что нашло яркое отражение в его личном собрании.

К составлению художественной коллекции Алексей Петрович приступил, вероятно, в 1890-е гг.

«Горячо желая иметь в своем собрании работу Серова, — писал в мемуарах А.П.Ланговой, — я обратился с просьбой к Архипову, который одновременно с ним был преподавателем в Школе живописи, ваяния и зодчества, сообщить Серову о моем желании.

Наше свидание с художником состоялось в Школе в ноябре 1898 г. Серов произвел на меня самое приятное впечатление: симпатичное, умное, выразительное лицо, говорит спокойно, с весом, очень находчиво; в случае надобности сумеет ответить ядовито.

Серов предложил мне акварель, изображающую натурщика Школы, по национальности сирийца. От этой вещи Левитан был в полном восторге и говорил, что он не придает значения, что руки не закончены. Акварель эту я приобрел и, воспользовавшись случаем, просил Серова иметь меня в виду и на будущее время. Серов ответил: «Ведь я больше пишу заказные портреты, так что у меня редко бывают свободные вещи, которые я мог бы продать. Вот, если хотите, могу написать Ваш портрет». Хотя мой портрет меня мало интересовал, но желание иметь еще работу Серова заставило меня согласиться на это предложение» (8, с. 319).

«В ноябре 1904 г., — продолжает А.П.Ланговой, — я получил от Валентина Александровича в подарок акварель «Генерал Топтыгин», которая воспроизводилась несколько раз. Эта акварель — выдающаяся вещь. Не говоря уже о пейзаже, о вихре, подхватившем тройку, необыкновенно исполнена фигура самого медведя, в которой ясно выражено, что он смущен всем происходящим, не понимает, что с ним произошло, сидит очень неуверенно и с трудом удерживает равновесие» (8, с. 320).

«Недели через три, — писал А.П.Ланговому из Петербурга К.А.Сомов 7 января 1904 г., — я буду иметь возможность предоставить на Ваш выбор около 50 акварелей и рисунков, находившихся на выставке за границей и возвращающихся теперь в Петербург» (12, с. 81).

«Голубчик, — писал, обращаясь к И.Э.Грабарю, А.П.Ланговой 18 июля 1908 г., — у меня до Вас большая просьба — я не знаю, когда к Вам попаду, а купить что-нибудь из Ваших вещей мне ужасно хочется — ради Создателя, отложите Вы для меня 2—3 вещи (ведь Вы имеете представление о моем вкусе) и, когда будете в Москве, захватите мне показать» (5, с. 407).

В собрании А.П.Лангового имелись произведения А.Е.Архипова («Ледоход», этюд для картины «Лед прошел»; «Поденщицы на чугунолитейном заводе», этюд для одноименной картины; «Обратный»), С.А.Виноградова («Пастух»), К.А.Коровина («Мостик»), И.И.Левитана («Зимой в лесу», «Березовая роща», «Каменный век», «Никита Новгородский», «Страшный суд», «Аленушка»), С.В.Малютина («Ловля рыбы», «Перья золотые»), В.Г.Перова («Старушка», фрагмент варианта картины «Старики родители на могиле сына»), В.Д.Поленова («Харам-Эш-Шериф. Часть двора»), И.М.Прянишникова («Мужской портрет»), А.А.Рылова («Вечер»), А.К.Саврасова («После грозы»), С.И.Светославского («Дворик»), В.И.Сурикова («Старуха, сидящая на земле», этюд для картины «Утро стрелецкой казни»), И.И.Шишкина («Цветы на опушке леса», этюд для картины «Лес на берегу моря»).

На некоторых картинах художниками были сделаны памятные надписи. Так, на этюде С.Д.Милорадовича «Старик» рукою автора написано: «На добрую память глубокоуважаемому Алексею Петровичу Ланговому. С. Милорадович. 1907 г.» (4, с.298).

Известно, что у Алексея Петровича была хорошая библиотека по истории русского искусства, насчитывавшая до полутора тысяч книг.

Собрание А.П.Лангового размещалось в его квартире на Мясницкой улице. В стенах своего дома Алексей Петрович и его жена Ольга Николаевна принимали многих художников.

А.П.Ланговой был к тому же страстным цветоводом. Разведением цветов он занимался на даче в Подмосковье. Особой его любовью пользовались кампанулы. Многие письма к И.Э.Грабарю наполнены восхищенными отзывами об этих цветах и приглашениями приехать на дачу, чтобы нарисовать эти необыкновенно красивые растения.

А.П.Ланговой умер в Москве в 1939 г.

Перу А.П.Лангового принадлежат воспоминания «История моего собрания картин и знакомства с художниками», хранящиеся в Отделе рукописей Третьяковской галереи (ф. 3, ед. хр. 319, опубликованы частично).

В 1935—1936 гг. отдельные картины из собрания А.П.Лангового были приобретены Третьяковской галереей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.1. — С. 53, 429; Т.2. — С. 74, 318—321, 535.

2. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1989. — Т.1. — С. 196, 198, 259—260, 352—354, 440; Т.2. — С. 122—123, 354.

3. Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. — М., 1987. — С. 174, 187, 196, 210, 416—417, 426, 434.

4. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX века (до 1917 года). — М., 1984. — С. 29, 104, 218, 256, 259—260, 288, 348, 363, 374, 406, 414, 420, 449, 511.

5. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 200—202, 204—205, 216—218, 220, 222, 296—297, 302, 305—306, 308—313, 316—317, 394—396, 442—443.

6. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977. — С. 16, 297.

7. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — 1911. — N 8. — N 629.

8. Ланговой А.П. История моего собрания картин и знакомства с художниками // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.2. — С. 318—321.

9. Ланговой А. О выборе попечителя Третьяковской галереи: Письмо в редакцию // Русские ведомости. — 1905. — 6 марта. — N 62.

10. Лобанов В.М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. — М., 1968. — С. 146, 236—237, 241.

11. Параделов М.Я. Адресная книга русских библиофилов. — М., 1904.

12. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. — М., 1979. — С. 85, 165, 178, 521, 537.

13. Шуманский Е.А. Справочная книга для русских библиофилов. — Одесса, 1905.

МАЗУРИН Федор Федорович

(1845—1898)

Ф.Ф. Мазурин — купец, библиофил, собиратель рукописей, старопечатных книг и гравюр.

Родился в богатой московской купеческой семье. Ф.Ф.Мазурин заинтересовался собирательством в возрасте двадцати пяти лет. Вначале он приобретал сочинения по истории России, потом обратил внимание на редкие русские издания и рукописи.

Спустя короткий срок он прославился в Москве среди библиофилов и книготорговцев как непревзойденный знаток русской книги. «Ф.Ф.Мазурин, — писал о нем коллекционер Алексей Петрович Бахрушин, — такой специалист в редких русских книгах, что лучшие знатоки-торговцы, как Шибанов, Большаков, Фрейман, покойный Байков, обращались к нему за справками и всегда получали скорый, точный и верный ответ; память его в этом случае изумительна» (1, с. 20). Действительно, многие библиофилы отмечали феноменальную память Мазурина. Он мог без запинки сообщить год издания многих русских редких книг, количество рисунков в них, число изданных экземпляров и другие сведения. Он был для современников как бы ходячей энциклопедией старой русской книги.

Федор Федорович все свои доходы тратил на приобретение старинных книг и рукописей. Собрание его было замечательно по тематике и красоте отдельных изданий. К сожалению, одинокий и, по-видимому, неустроенный в жизни человек, Ф.Ф.Мазурин был нелюдим и относился к той категории любителей книг, которые прослыли библиотафами. Он не любил показывать свои раритеты, не вел каталогов. Порою, увлеченный идеей пополнения своего собрания, он допускал даже варварское отношение к книгам.

В своих «Воспоминаниях» коллекционер Петр Иванович Щукин давал этому собирателю такую характеристику: «Не могу обойти молчанием еще

одного библиофила, которого хотя и не знавал лично, но часто встречал у букинистов, а именно — потомственного почетного гражданина Ф.Ф.Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одетый, он по целым дням рылся в книжных лавках, причем иногда незаметно вырывал из редкой книги лист или два, чтобы ее обесценить и купить подешевле, а при случае даже и воровал книги» (10, с. 10—11).

Другой страстный собиратель книг, Д.В.Ульянинский, также неоднократно встречавшийся с Мазуриным в лавках книгопродавцов, писал о нем: «Знал он книги, по отзыву специалистов-букинистов, превосходно, но его знания и оставались при нем... А какой бы он мог быть высокоинтересный, полезный собеседник и руководитель для каждого, кто интересовался одинаковыми с ним книжными отраслями» (9, с. 53).

Ф.Ф.Мазурин жил в старинном купеческом особняке в одном из переулков в районе Мясницкой улицы. Все его скромно меблированные комнаты были до отказа заполнены книгами. Тома стояли на полках, лежали на стульях, столах, даже на полу, а наиболее ценные и редкие экземпляры были бережно завернуты в бумагу и сложены в сундуки.

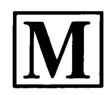
Федор Федорович умер в конце 1898 г. в Москве. Наследовали библиотеку собирателя его сестры В.Ф.Бахрушина и В.Ф.Чернышева. Они пожертвовали всю библиотеку Ф.Ф.Мазурина в Главный архив Министерства иностранных дел. Это событие получило широкий отклик в московской печати.

«Московский листок» 22 марта 1899 г. сообщал своим читателям: «В феврале месяце Московский Главный архив Министерства иностранных дел обогатился весьма значительным и ценным приобретением. Наследницы потомственного почетного гражданина Ф.Ф.Мазурина, умершего в конце прошлого года, В.Ф.Бахрушина и В.Ф.Чернышева, пожертвовали архиву всю богатейшую библиотеку покойного. Библиотека эта состоит главным образом из рукописей, старопечатных книг и книг XVIII в.» (6).

Только после того как собрание поступило в архив, по-настоящему раскрылось его историко-культурное значение. Ценность материалов оказалась настолько высока, что «об этом пожертвовании доведено было до сведения Государя Императора, и Его Величество, по всеподданнейшему докладу о сем министра иностранных дел, в 4-й день сего марта всемилостивейше соизволил на принятие архивом этого дара и повелел объявить жертвовательницам свою высочайшую благодарность» (2, с. 786).

Столь высокое внимание к дару объяснялось тем, что в коллекции рукописей Мазурина были письма русских царей, причем несколько из них написано собственноручно: 6 писем Петра I (три собственноручных). 3 письма Екатерины II, 2 письма Александра I. Одно из собственноручных писем Александра I, адресованное графу П.А.Толстому по поводу оставления Кутузовым Москвы, исследователи биографии императора долго не могли обнаружить ни в одном из архивов. Это письмо представляло столь высокую историческую ценность, что вскоре было опубликовано.

За 25 лет Ф.Ф.Мазурин собрал свыше семи тысяч томов старопечатных изданий и книг XVIII столетия, а также свыше семисот рукописей. Среди них находилось семь памятников на пергаменте. Самая ранняя рукопись восходила к XII в. Самая поздняя была датирована XVI в. —



Четвероевангелие в кожаном переплете со старинными наугольниками и украшениями. Большинство рукописей принадлежало к XVI—XVII вв. Здесь было много сборников, летописей, хронографов, а также кормчих книг. По содержанию среди рукописей выделялся неизвестный науке того времени судебник царя Федора Иоанновича. В художественном отношении выделялись Евангелие-апракрос XVI—XVII вв. замечательного письма с красивыми заставками и буквицами и Акафист Божией Матери. Акафист был написан на 29 листах иеромонахом Карионом (Истоминым) и поднесен царевичу Алексею Петровичу. Он имел десять великолепных рисунков и изумительные по красоте буквицы.

В рукописном отделении насчитывалось немало актов, столбцов, писем разных лиц XVI—XIX вв., тут были даже целые личные архивы князей Голицыных, Куракиных, Бахметьевых, а также дела Егорьевского земского суда и Московской управы благочиния Приказа общественного призрения.

К настоящим редкостям относились Псалтирь 1568 г. (это была третья по времени выхода в свет книга, отпечатанная в Москве), Требник 1606 г. (издан в Стрятине), Молитвослов 1691 г. (напечатан в Уневской обители и заключен в роговой переплет с серебряными украшениями), другой Молитвослов 1695 г. (отпечатан в Могилеве, имел филигранный серебряный переплет).

Из числа книг, напечатанных гражданским шрифтом, в библиотеке Мазурина были почти все издания петровского времени, увидевшие свет как в России, так и в Голландии (в Амстердаме). Одна из этих книг — «Книга Квинта Курция о делах, содеянных Александром Великим» — была известна всего в трех экземплярах. Немало было книг екатерининской эпохи. К редким изданиям относилась «Жизнь Ушакова» А.Н.Радищева.

У Ф.Ф.Мазурина были две прелестные миниатюрные книги. Первая — «Месяцеслов», изданный в 1774 г. (3,3 × 2,2 см), другая — «Краткое изображение российской истории» Шлецера, отпечатанная в Москве в 1805 г. (5,5 × 4,5 см) и заключенная в переплет, отделанный бисером.

Совершенно неожиданно в библиотеке Мазурина была обнаружена громадная коллекция гравюр и литографий западноевропейских и русских мастеров. К сожалению, гравюрная коллекция при поступлении в архив не была описана. Поэтому ее состав остается неизвестным.

В настоящее время основная часть собрания Ф.Ф.Мазурина хранится в Российском государственном архиве древних актов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

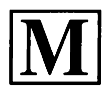
1. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает/ Прим. М.Цявловского. — М., 1916. — С. 19—20, 102—103.

2. Главный архив Министерства иностранных дел // Исторический вестник. — 1899. — N 5. — С. 785—786.

3. Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). — М., 1905—1918. — Вып.1—3.

4. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911. — Спб., 1912. — Ч.2.

5. Новости литературного мира // Известия книжных магазинов Товарищества М.О.Вольф: С.-Петербург и Москва. — 1899. — N 12. — С. 197. — Столб. 3.



6. О собрании Ф.Ф.Мазурина // Московский листок. — 1899. — N 81. — С. 2.

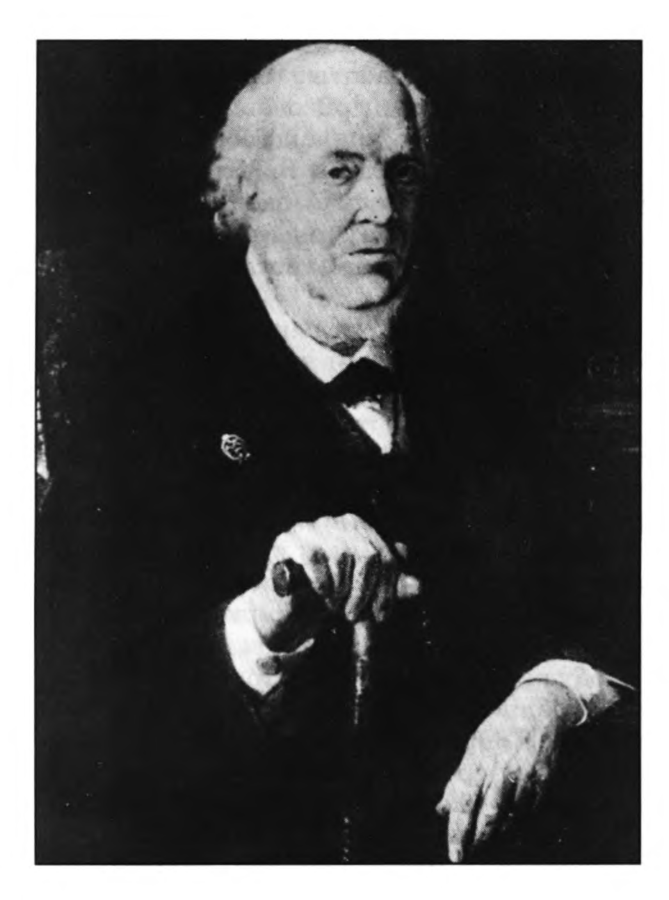
7. Письмо императора Александра I к графу П.А.Толстому: Из собрания Ф.Ф.Мазурина // Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел. — М., 1899. — Вып. 6. — С. 551—556.

8. Рудаков В. Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел.: Вып. 6. М., 1899 (рец.) // Исторический вестник. — 1900. — N 2. — С. 804—805.

9. Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. — М., 1979. — С. 52—53.

10. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1912. — Ч. 3.

МАКОВСКИЙ Егор Иванович (1802—1886)



С портрета В.Е. Маковского. 1880.

Е.И. Маковский — художник-любитель, коллекционер, собиратель гравюр, рисунков и живописи.

Родился 14 апреля 1802 г. в Москве. Его отец, Иван Борисович, служил протоколистом в Дворянской опеке при предводителе Д.А.Олсуфьеве. Затем отец получил место секретаря в Звенигородском магистрате, и детство Егора прошло в Звенигороде. До одиннадцати лет мальчик воспитывался в доме своего крестного, Василия Марковича Короткова. В 1813 г. был записан на службу в Звенигородский магистрат. Однако вскоре семья Маковских переехала в Данковский уезд, и Егора определили на службу в уездный суд. Так началась его карьера.

В 1818 г. Е.И.Маковский приехал в Москву, с которой связана вся его последующая жизнь. Он служил в разных местах: одно время — в канцелярии Комиссии по сооружению храма Христа Спасителя. Однако удачно начавшаяся служба продолжалась недолго: главный строитель храма А.Л.Витберг и все его служащие оказались под арестом. Егор Иванович был вскоре освобожден, так как по его части — а был он помощником бухгалтера — злоупотреблений не обнаружилось. В 1827 г. его приняли на должность бухгалтера Экспедиции кремлевских строений, возглавлявшейся князем Н.Б.Юсуповым. Здесь он прослужил до глубокой старости.

Всю свою жизнь Егор Иванович работал бухгалтером, однако его главной отрадой было искусство. «Как родной отец Егора Ивановича, так и крестный, — писал один из его близких друзей Ю.Виппер, — любили эстампы и украшали ими свои комнаты. Огромное собрание лубочных картин, приобретавшихся Олсуфьевым, по всей вероятности, подало Короткову мысль обклеивать этими картинами спальную комнату крестни-

ка. Эта картинная галерея производила на впечатлительного мальчика необыкновенное действие, фантазия его сильно работала, голова была полна чудных образов и видений» (3, с. 6).

Еще одно впечатление детства способствовало пробуждению в Егоре Ивановиче любви к искусству. Его крестный отец был церковным старостой знаменитого памятника древнерусского зодчества — звенигородского Успенского собора «на Городке» (XV в.). Когда мальчику было восемь лет, он наблюдал, как обновляли стенные росписи и иконы. Именно тогда в нем пробудилось сильное желание учиться живописи. Однако его отец не имел возможности дать сыну художественного образования.

Вынужденный с малых лет самостоятельно зарабатывать на хлеб, Егор Иванович тем не менее находил время заниматься рисованием, живописью, собирать свою собственную художественную коллекцию. Еще в Данкове он брал уроки рисования у художника Наумова. В Москве учился искусству миниатюры у К.И.Зиля. В 1832 г. Маковский вместе с друзьями, любителями живописи, основал в Москве «Натурный класс», который спустя десять лет был преобразован в училище (впоследствии Московское училище живописи, ваяния и зодчества).

Егор Иванович со временем стал хорошим рисовальщиком. В 1834 г., когда в Петербурге на академической выставке были впервые представлены работы москвичей, именно его рисунок получил серебряную медаль. Известен выполненный им портрет автора популярных романсов А.Л.Гурилева. Кисти Маковского принадлежат копии с картин «Купидон» и «Магдалина», хранившихся в кремлевском собрании.

Находясь на службе в Кремле, Егор Иванович получил счастливую возможность неспешно знакомиться с богатейшими и разнообразными царскими собраниями. По делам он часто встречался с крупнейшим московским меценатом и коллекционером Н.Б.Юсуповым. Коллекции эстампов были в его доме, а также в доме его крестного. Неудивительно, что со временем тяга к собирательству пробудилась и у самого Егора Ивановича.

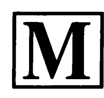
«Егор Иванович, — вспоминал позднее искусствовед и переводчик Александр Николаевич Андреев, — весь предан был делу искусств, которое он любил до безумия и на скудные средства свои, отказывая себе, а нередко и семейству своему в самом необходимом, собирал и покупал гравюры» (1, с. 354).

Возможность приобретать произведения искусства для личного собрания появилась у Маковского в 1820-е гг.

Ядро художественного собрания Е.И.Маковского составляла графика. К концу жизни собиратель обладал коллекцией, насчитывавшей около трех тысяч листов. Тут были представлены практически все отечественные и западноевропейские школы гравировального искусства XVI—XIX вв., а также рисунки многих русских художников.

Живописное собрание Маковского было относительно небольшим, в основном полотна известных мастеров, со многими из которых Егор Иванович дружил: В.А.Тропинина, К.П.Брюллова, О.А.Кипренского, Семена Щедрина, Сильвестра Щедрина и П.Ф.Соколова; картины сыновей коллекционера.

Еще одной частью домашней коллекции были произведения старых голландских живописцев.



Владелец с особым трепетом относился к предметам своего собрания. Он считал вечер потерянным, если его не удалось провести, разглядывая любимые гравюры. Но с наибольшим удовольствием Маковский любовался мастерством художников с близкими ему людьми, с теми, кто, как и он сам, видел и понимал прекрасное. «Иногда, глядя на гравюру и начав об ней речь, как о картине, — вспоминал Андреев, — невольно переносились мы в область ее сюжета, в мифологию, историю, топографию местности, даже эстетику, логику и чуть ли не философию» (1, с. 356).

Маковский охотно показывал эти произведения не только друзьям, но и всем желающим. Поэтому скромную по размерам квартиру собирателя можно было считать небольшим, но популярным частным художественным музеем. Больше того, Егор Иванович предоставлял произведения из своего собрания для чтения лекций в Московском университете.

Дом Маковского был известным культурным центром города, своеобразной творческой студией. «У него, — отмечал один из современников, — проводили время и сходились такие искусные и знаменитые мастера своего дела, как Рамазанов, Зарянко, Брюллов, Витали, Тропинин, Рабус и многие другие» (5).

Все дети в этой семье рисовали: и дочь Александра, и три сына. Владимир и Константин стали впоследствии известными художниками. Владимир уже в пятнадцатилетнем возрасте в 1861 г. под руководством отца написал картину «Мальчик, продающий квас». Ныне это полотно находится в Третьяковской галерее.

С 1860 г. Маковский стал деятельным членом Московского общества любителей художеств.

Е.И.Маковский умер в Москве 9 августа 1886 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Ценнейшую часть его собрания — гравюры — унаследовал сын собирателя В.Е.Маковский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Н. Давние встречи // Русский архив. — 1890. — N 7. — С. 354—356.

2. Брук Я.В. Из истории художественного собирательства в Петербурге и Москве в XIX веке // Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории: 1856—1917. — Л., 1981. — С. 26—28, 48, 65, 102.

3. Виппер Ю.Ф. Егор Иванович Маковский, почетный член Московского художественного общества. — М., 1983.

4. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 247, 332, 338.

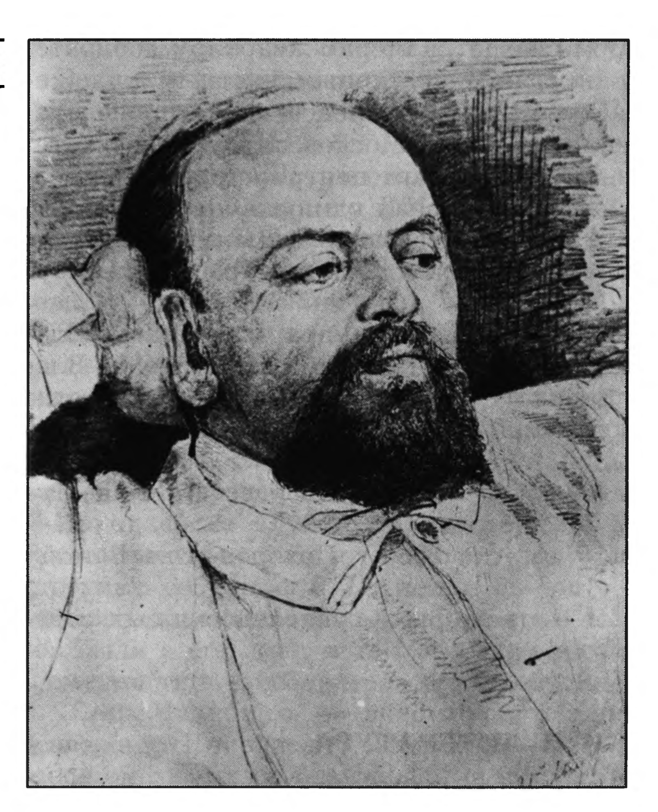
5. Маковский Е.И.: Некролог // Новости и биржевая газета. — 1886. — 2 сентября.

6. Маковский Е.И.: Некролог // Художественные новости. — 1886. — Т. 4. — N 17. — Столб. 483—484.

7. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т.2. — Столб. 172.

8. Стасов В.В. Воспоминания товарища о Д.А.Ровинском // Публичное собрание Императорской Академии наук в память ее почетного члена Д.А.Ровинского. — Спб., 1896. — С. 28.

МАМОНТОВ Савва Иванович
(1841—1918)



С рисунка В.А. Серова. 1879.

С.И. Мамонтов — промышленник, меценат, собиратель художественной коллекции. Муж Елизаветы Григорьевны Мамонтовой.

Родился в г.Ялуторовске Тобольской губернии 2 октября 1841 г. в семье винного откупщика Ивана Федоровича Мамонтова. В 1849 г. семья Мамонтовых переехала в Москву. Отец мечтал дать сыну хорошее образование, с этой целью был нанят гувернер, выпускник Дерптского университета Ф.Б.Шпехт, который занимался с мальчиком по широкой программе. В дальнейшем Савва Мамонтов учился во Второй московской гимназии, в 1854—1856 гг. — в Петербургском институте корпуса гражданских инженеров, в 1860—1862 гг. — на юридическом факультете Московского университета. Учеба мало привлекала юношу, и все свое время он отдавал театру. Поэтому отец счел ненужным дальнейшее обучение сына и отправил его для ведения дел в Баку. Таким образом, с 1862 г. Савва Иванович вопреки собственному желанию вынужден был заняться предпринимательской деятельностью.

В 1865 г. С.И.Мамонтов женился на Елизавете Сапожниковой, принадлежавшей к известному московскому купеческому роду и целиком разделившей все начинания и устремления мужа.

Обладая деловой хваткой, Мамонтов составил крупный капитал на железнодорожном строительстве. При его активном участии были построены дорога Ярославль — Архангельск (расценивалась современниками как выдающийся проект) и Донецкая каменноугольная железная дорога, связавшая Донбасс с Мариупольским портом. Он был главным акционером общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, Товарищества Невского механического завода, Общества Восточно-Сибирских чугуноплавильных заводов.

Мамонтов стал одной из примечательных фигур не только в предпринимательском мире, но и в художественной жизни России. Его дом в

Москве на Садовой-Спасской улице и подмосковную усадьбу Абрамцево посещали художники, скульпторы, артисты. Выдающимся явлением в истории отечественной культуры стала созданная им Московская частная русская опера. Он финансировал журнал «Мир искусства», внес крупную сумму на строительство в Москве Музея изящных искусств, издавал совместно с С.Т.Морозовым газету «Россия».

Менее известна деятельность С.И.Мамонтова как собирателя, хотя его коллекции представляли немалый интерес. Для Саввы Ивановича собирательство было одной из многих граней его кипучей деятельности. И хотя оно не носило целенаправленного характера, как бы сами собой складывались весьма интересные художественные коллекции. Многие вещи были подарены Савве Ивановичу, который дружил едва ли не со всеми ведущими русскими художниками своего времени. Какие-то произведения были написаны по его заказу, что-то приобреталось на художественных рынках и выставках в России и за рубежом.

Произведения, входившие в мамонтовское собрание, находились в московском особняке владельца на Садовой-Спасской и в Абрамцеве.

В 1870 г. Савва Иванович приобрел это имение у дочери Сергея Тимофеевича Аксакова и сохранил в неприкосновенности все, что напоминало об Аксакове и его литературном кружке (мемориальный кабинет, семейные портреты, личные вещи).

С 1881 г. в Абрамцеве начал складываться музей русского народного искусства. Савва Иванович с симпатией отнесся к идее его создания, но коллекционированием старины занималась преимущественно его жена, Елизавета Григорьевна.

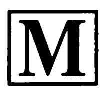
В усадьбе подолгу работали известные русские художники. Самым выдающимся произведением в абрамцевском собрании был портрет дочери Саввы Ивановича Веры кисти В.А.Серова — «Девочка с персиками» (1887 г.). Портрет был подарен Серовым Елизавете Григорьевне Мамонтовой и висел в столовой.

Судя по описи, составленной в 1920 г. В.Я.Адарюковым, в собрание входили работы В.А.Серова, А.М.Васнецова, В.М.Васнецова, М.А.Врубеля, А.АКиселева, С.А.Коровина, К.А.Коровина, В.Д.Поленова, И.Е.Репина, Н.В.Неврева, И.Н.Крамского. Здесь были представлены не только живописные полотна, но и этюды, акварели, рисунки, гравюры, литографии.

В 1867 г. супруги Мамонтовы поселились в Москве, в доме неподалеку от Сухаревки, подаренном отцом Саввы Ивановича, Иваном Федоровичем. Этот особняк (ныне Садовая-Спасская, д. 6) неоднократно перестраивался и из небольшого двухэтажного постепенно превратился в огромное строение. В конце концов на первом этаже стало пятнадцать комнат, на втором — одиннадцать и четыре — в мезонине. Флигель этого дома был выстроен по проекту М.А.Врубеля. При доме имелся обширный зимний сад.

Интерьеры отличались изысканной отделкой. Потолок столовой и кабинета был украшен мореным дубом, мозаика для пола выписана из Италии, двери покрыты резьбой по рисункам друзей-художников, а мебель изготовлена в Гельсингфорсе.

«Весь ваш дом, конечно, по-старому сильно нравится мне, а в особенности я был поражен, — признавался М.М.Антокольский в письме к хо-



зяину дома, — вашей новой столовой: вы настоящий художник. Я редко видел подобные столовые» (6, с. 19).

Одна из комнат служила С.И.Мамонтову мастерской, в которой он выполнил целый ряд своих скульптурных работ.

В московском доме Мамонтова, как и в его подмосковной усадьбе, сложилась крупная коллекция произведений искусства. Ее в основном составляли работы, выполненные художниками Мамонтовского кружка. Некоторые полотна созданы непосредственно в стенах этого дома. Тут у Саввы Ивановича было два кабинета. В малом кабинете находились портреты знаменитых итальянских певцов А.Мазини и Ф.Таманьо работы В.А.Серова (написаны в доме Саввы Ивановича), а также бронзовые бюсты работы М.М.Антокольского «Мефистофель» и «Голова Иоанна Крестителя». Здесь же висела картина В.Г.Перова «Мальчик».

В большом кабинете (он был действительно так велик, что в нем ставили оперы) — картины А.М.Васнецова «Вид Днепра», И.Е.Репина «Портрет Э.А.Сайгина», здесь же возвышалась мраморная скульптура Антокольского «Христос перед Пилатом».

На стенах большого зала висели работы К.А.Коровина «Испанки» и «Корабли», И.С.Остроухова «Вид Севастополя», В.Е.Маковского «Поздравление», Н.А.Ярошенко «Барышни».

Картина В.М.Васнецова «Ковер-самолет» служила главным украшением столовой.

Вдоль парадной лестницы располагались картины В.М.Васнецова — «Витязь на распутье» и «Битва русских со скифами»; полотна К.А.Коровина — «Вид с балкона в Париже» и «Натурщица в мастерской художника».

Кроме того, у Мамонтова была большая коллекция этюдов и рисунков русских художников. В первую очередь это работы друживших с ним В.А.Серова, К.А.Коровина и изделия из майолики М.А.Врубеля.

В собрание входили также коллекция оружия, русские и иностранные монеты, иконы в окладах, предметы декоративно-прикладного искусства, мебель.

Домашняя библиотека включала художественную литературу и многочисленные издания по изобразительному искусству, а также богатое нотное собрание.

В доме Мамонтова побывал весь цвет московской творческой интеллигенции: архитектор В.А.Гартман, художники В.М.Васнецов, В.Д.Поленов, И.И.Левитан, В.И.Суриков, В.А.Серов, К.А.Коровин, М.А.Врубель и др. Именно в стенах этого дома москвичи впервые услышали голос Ф.И.Шаляпина.

11 сентября 1899 г. в своем доме на Садовой С.И.Мамонтов был арестован и заключен в Таганскую тюрьму за финансовые нарушения. Все его имущество было опечатано. В таком виде дом простоял более двух с половиной лет. В 1901 г. одна из московских газет писала: «Ледяным погребом веет на входящего в просторный вестибюль злополучного здания, гулко раздаются шаги под заиндевевшими сводами, и невольная робость, точно в присутствии покойника, охватывает душу... Тяжелое, похожее на кошмар чувство возбуждает в свежем человеке посещение этой новейшей Помпеи. Не хочется верить в существование сознательного вандализма в просвещенном XX веке. И в душе невольно рождается

горячее желание спасти от гибели произведения национального творчества... Если Мамонтов даже и грешен — из этого все-таки не следует, чтобы художественная коллекция, провинившаяся только тем, что с любовью собиралась им, разделила с ним его тяжелую долю» (8, с. 233).

Весной 1902 г. все имущество Саввы Ивановича было распродано для погашения долгов. Благодаря вмешательству В.А.Серова и И.С.Остроухова несколько картин приобрела Третьяковская галерея. Некоторые произведения были куплены Русским музеем, какие-то — частными коллекционерами. А.А.Бахрушин на этой распродаже купил причудливой формы рояль, инкрустированный перламутром, который привлек собирателя тем, что именно на этом инструменте в гостиной Мамонтова когда-то учился играть Ф.И.Шаляпин.

В конце 1900 г. Савва Иванович поселился у Бутырской заставы при гончарном заводе «Абрамцево». Это производство, основанное в Абрамцеве в 1889 г., было переведено в Москву еще в 1896 г. Здесь Мамонтов уединенно прожил последние годы жизни. Он занимался художественной керамикой. Изделия мамонтовской мастерской продавались в Москве, были представлены на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. и получили золотую медаль.

С.И.Мамонтов скончался в Москве в доме у Бутырской заставы 24 марта 1918 г. Похоронен в Абрамцеве у Спасской церкви.

Большую часть своего архива Савва Иванович завещал коллекционеру Алексею Александровичу Бахрушину, создателю частного литературно-театрального музея.

Дом Мамонтова на Садовой-Спасской улице сохранился до наших дней; здесь расположен Московский полиграфический институт.

В 1918 г. в усадьбе был создан музей «Абрамцево», унаследовавший все принадлежавшие Мамонтову коллекции. К тому времени тут насчитывалось около двух тысяч экспонатов, в том числе около 200 произведений живописи, более 50 скульптур. Особенно полно были представлены изделия из дерева и тканей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамцево: Художественный кружок. Живопись. Графика. Скульптура. Театр. Мастерские. — М., 1988.

2. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 145, 279—280, 525, 574, 576.

3. Боханов А.Н. Савва Мамонтов // Вопросы истории. — 1990. — N 11. — С. 48—67.

4. Васнецов В.М. Воспоминания о С.И.Мамонтове // Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников. — М., 1987. — С. 242—247.

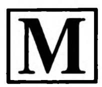
5. История музея «Абрамцево» в документах и фактах: 1917—1930 гг.: Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево». — М., 1990. — Вып. 3.

6. Киселева Е.Г. Дом на Садовой. — М., 1986.

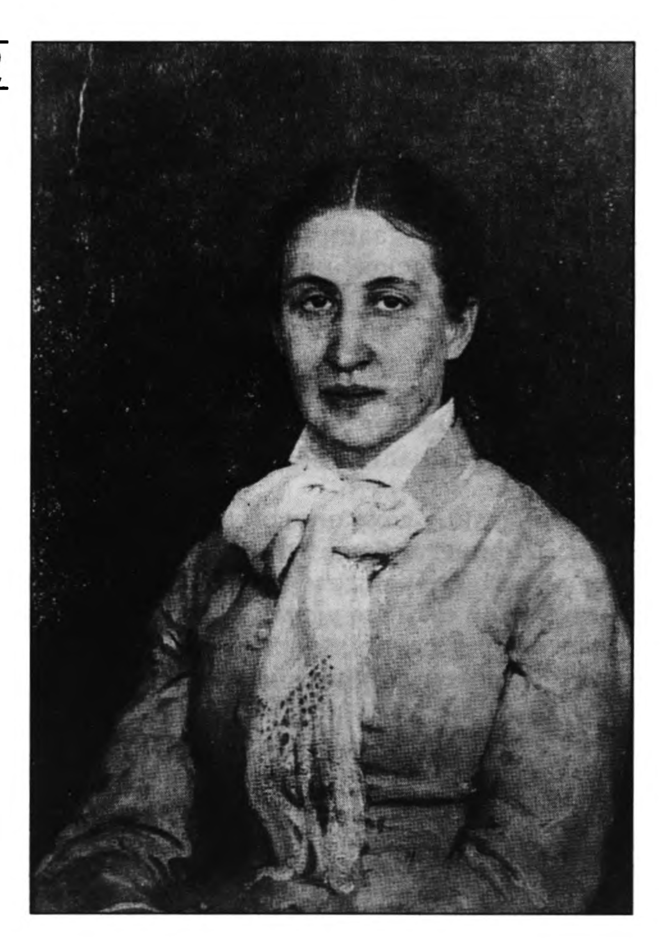
7. Коган Д.Э. Мамонтовский кружок. — М., 1970.

8. Копшицер М.М. Савва Мамонтов. — М., 1972.

9. Мамонтов В.С. Воспоминания о русских художниках: Абрамцевский художественный кружок. — 2-е изд. — М., 1951.



МАМОНТОВА
Елизавета Григорьевна
(1847—1908)



С портрета И.Е. Репина.

Е.Г. Мамонтова — собирательница предметов народного искусства. Жена Саввы Ивановича Мамонтова.

Родилась 1 сентября 1847 г. в семье московского купца-шелкоторговца Григория Григорьевича Сапожникова. Ее мать, Вера Владимировна (урожденная Алексеева), была родной теткой Константина Алексеева (по сцене —К.С.Станиславского). Таким образом, Станиславский приходился Елизавете Григорьевне двоюродным братом. В доме Сапожниковых любили музыку, театр, искусство.

Девушка получила хорошее домашнее образование; с юности увлекалась музыкой и поэзией. «Я очень любила стихи, много занималась музыкой и страстно любила немецких классиков, особенно Бетховена и Шумана», — признавалась позже Е.Г.Мамонтова (2, с. 52—53). Она была знакома с известным русским археографом, основателем журнала «Русский архив» П.И.Бартеневым.

В 1864 г. Лиза совершила свое первое путешествие по Европе: побывала в Германии (Берлин, Дрезден, Баден-Баден), Франции (Париж), Италии (Милан). Известно, что она брала уроки у Клары Шуман-Вик, вдовы знаменитого немецкого композитора. Словом, девушка была привлекательна не только внешне, но и своим неповторимым внутренним миром. Во время этой поездки семнадцатилетняя Елизавета познакомилась в Италии с Саввой Мамонтовым.

25 апреля 1865 г. состоялась свадьба Елизаветы Григорьевны и Саввы Ивановича. После свадьбы молодые поселились в особняке, приобретенном для них Иваном Федоровичем Мамонтовым, на Садовой против Спасских казарм (ныне Садовая-Спасская, д. 6).

Вместе с С.И.Мамонтовым Елизавета Григорьевна неоднократно бывала за границей. В Италии она встречалась со скульпторами М.М.Антокольским, М.П.Поповым, М.А.Чижовым, историком искусств Адрианом Викторовичем Праховым, художниками А.П.Боголюбовым, Ф.А.Бронниковым, В.Д.Поленовым. Пользуясь их помощью и советами, она познакомилась со многими памятниками архитектуры, галереями, музеями. Именно здесь окончательно сформировались ее жизненные интересы и идеалы, определился круг знакомых и друзей.

Близкие, доверительные отношения сложились у Елизаветы Григорьевны со многими русскими художниками — В.А.Серовым, В.М.Васнецовым, В.Д.Поленовым, И.С.Остроуховым, М.В.Нестеровым.

Весной 1870 г. Мамонтовы приобрели у дочери С.Т.Аксакова Софьи Сергеевны Аксаковой имение Абрамцево близ станции Хотьково Ярославской железной дороги. Так начался новый период жизни этой подмосковной усадьбы, отмеченный деятельностью широко известного Мамонтовского кружка.

Все входившие в этот кружок разделяли стремление к возрождению русского искусства, считали необходимым ввести творчество в повседневную жизнь. Тем самым естественно, как бы сами собою продолжались в Абрамцеве традиции «старика Аксакова». Одной из таких традиций было уважительное отношение к памятникам национальной старины — литературным сочинениям, архитектурным сооружениям, предметам народного быта.

Начало собранию русской старины было положено в Абрамцеве летом 1881 г. во время прогулки в соседнее село Репихово. Участвовали в ней Е.Г.Мамонтова, В.Д.Поленов, В.М.Васнецов, И.Е.Репин. На одном из домов их внимание привлекла резная доска, украшенная изящным растительным орнаментом. Хозяева дома согласились продать это украшение. Резная деталь была принесена в Абрамцево В.Д.Поленовым и И.Е.Репиным. Она-то и стала первым предметом в музее русского народного искусства, созданном в этой усадьбе.

«Осенью того же года, — вспоминала Н.В.Поленова, — Поленов привез из имения брата, из Саратовской губернии, три деревянных валька, покрытых тончайшей геометрической резьбой, сделанных мельником в свободное от работы время, и подарил их Елиз. Григорьевне. Этими приобретениями было положено начало Абрамцевскому собранию предметов крестьянского обихода и остальных украшений построек — собранию, которое впоследствии легло в основание всего производства абрамцевской столярной мастерской» (10, с. 39).

С этого времени члены кружка стали регулярно обследовать окрестности усадьбы. Посетили они и Гефсиманский скит, расположенный близ Троице-Сергиевой Лавры. В результате коллекция пополнилась резным настоятельским креслом XVI в., старинным свечным столом, игрушками работы сергиевских мастеров.

Большое значение имела коллекция предметов народного искусства в деятельности созданной по почину Елизаветы Григорьевны кустарной столярной мастерской. Верным ее помощником стала Е.Д.Поленова. «В это время (т.е. в 1882 г. — *Прим. авт.*), — писала Е.Г.Мамонтова В.В.Ста-

сову 27 января 1899 г., — моя столярная мастерская уже существовала, но работали в ней простые вещи, не по художественным образцам. Елене Дмитриевне первой пришла мысль ввести резьбу и искать образцы по избам. С этой целью мы начали обходить деревни в Дмитровском и Подольском уездах, а затем ездили не раз в Ярославскую губернию, где лучшие вещи нашли около Ростова в селе Богородском» (14, с. 28). Таким образом, коллекция пополнялась предметами старины, бытовавшими не только в Московской, но и в других губерниях России.

«Началось созидание музея, и Е.Г. стала с увлечением собирать все то, что от старины сохранилось по деревням, уцелело от пожаров и от вытеснения фабричным производством, — писала Н.В.Поленова. — Оказалось, что в данной местности можно было еще многое найти, и музей стал быстро расти, а с ним вместе и любовь обывателей Абрамцева к бытовому прошлому России. Во всех этих донцах, вальках с бесхитростными надписями вроде «кого люблю того дарю», в ларчиках, коньках на крышах и т.п. было столько личного творчества, так ярко чувствовалось душевное переживание творца, что вещи эти дышали прошлым и воскрешали его» (10, с. 44).

Вскоре молва о скупке в Абрамцеве старинных вещей распространилась по всей округе. Сюда стали приносить разную домашнюю утварь, старую крестьянскую одежду, украшенную вышивкой, расшитые полотенца.

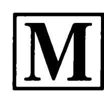
По свидетельству Н.В.Поленовой, немало приобретений для абрамцевской коллекции сделала Елизавета Григорьевна в Хотьковском монастыре близ Троице-Сергиевой Лавры. Это были «поневы, фартуки, сумочки», расписные бураки. В окрестных деревнях ей удалось приобрести большой ларец, «оригинальную детскую сиделку», резной ящик с выдвижной крышкой, множество вальков, прялиц и донец, украшенных резьбой и росписью.

В мае 1885 г. Елизавета Григорьевна вместе с Е.Д.Поленовой совершили специальную экспедицию за старинными вещами в Ярославль и Ростов Великий.

«29 ноября [1886 г.]. Чего только за эти дни не нанесли — страх, — сообщала в одном из писем Елизавета Григорьевна. — Все из Владимирской губ. Накупила всего больше, чем на 50 р. Сарафан чудесного покроя, 85 аршин красной пестряди. Вышивкам нет конца. Старуха филимоновская привезла стойло и валик. Стойло очень интересное, есть новый мотив резьбы. Купила еще две очень интересные рубахи — еще видоизменение в рукавах. Одним словом, слава об нас растет» (14, с. 43).

В поисках образцов крестьянского искусства Е.Г.Мамонтова старалась не пропустить ни одной ярмарки, проводившейся в окрестностях Абрамцева. При этом ее интересовали не только предметы «седой старины», но и произведения современных народных мастеров.

Вещи, стремительно стекавшиеся в усадьбу, требовали ухода, систематизации, помещений для хранения и показа. Весной 1885 г. в Абрамцеве по инициативе Елизаветы Григорьевны был создан музей русского народного искусства — один из первых музеев такого рода в России. Савва Иванович Мамонтов с участием отнесся к замыслу создания му-



зейной экспозиции. Первоначально предметы были выставлены в его рабочем кабинете, расположенном в мезонине главного усадебного дома.

В мае 1885 г. абрамцевский музей русской старины был торжественно открыт. Два года спустя кабинет уже не вмещал всего собранного. Музей перевели в большую столовую.

В собрание абрамцевского «русского музея» вошли предметы домашнего быта: резные и расписные прялки (ярославские, архангельские, городецкие, владимирские, вологодские, костромские), посуда (ковши, солонки, братины, ендовы, туеса, бураки), пряничные доски, рубели, образцы народной одежды (старинные рубахи, поневы, сарафаны, фартуки, пояса), вышивка, образцы русской набойки, игрушки, мебель, детали крестьянского жилища (карнизы, пилястры, наличники), старинные изразцы.

Заботами Е.Г.Мамонтовой коллекция продолжала пополняться и в последующие годы.

Гордясь своим детищем, Елизавета Григорьевна не раз показывала коллекцию гостям Абрамцева. В частности, летом 1887 г. тут побывал академик Ф.И.Буслаев, снимавший дачу в близлежащей Ахтырке; 17 июля 1888 г. — М.В.Нестеров. В одном из своих писем, говоря о главном, что поражает новичка в Абрамцеве, Михаил Васильевич назвал «домашний музей и картинную галерею» (9, с. 35).

Собрание народного искусства широко использовалось в деятельности созданных по инициативе Е.Г.Мамонтовой кустарных мастерских — столярной и женских рукоделий. Предметы старины сыграли свою роль и в создании декораций для постановок, осуществлявшихся на домашней абрамцевской сцене. В 1882 г., при постановке пьесы А.Н.Островского «Снегурочка», хор и некоторые солисты были одеты в «настоящее русское платье, образцы которого хранились в Абрамцевском музее» (10, с. 84). К коллекции музея не раз обращалась, работая над иллюстрациями к русским сказкам, Е.Д.Поленова. «Костюмным отделом музея» не раз пользовался В.М.Васнецов.

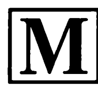
Не без воздействия собирательского опыта Е.Г.Мамонтовой сформировались интересы таких коллекционеров, как И.С.Остроухов, В.М.Васнецов, В.Д.Поленов.

В последние годы жизни Е.Г.Мамонтова жила в Москве на Спиридоновке в доме Тучкова (д. 18).

Е.Г.Мамонтова умерла в Москве 25 октября 1908 г. Похоронена в Абрамцеве возле Спасской церкви.

В 1918 г. усадьба «Абрамцево» была превращена в музей. Одним из его организаторов стала дочь Е.Г.Мамонтовой, Александра Саввишна, прошедшая «абрамцевскую музейную школу». В 1920-е гг. она занималась научным описанием и систематизацией коллекции крестьянского творчества. По описи, составленной 18 октября 1926 г., в Абрамцевском музее-усадьбе насчитывалось до 140 «художественных предметов крестьянского быта».

Коллекция народного искусства, собранная Е.Г.Мамонтовой и Е.Д. Поленовой, сохранилась до наших дней и является составной частью фондов Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево».



ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белоглазова Н.М. Абрамцево: Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник. — М., 1981.

2. Боханов А.Н. Савва Мамонтов // Вопросы истории. — 1990. — N 11.— С. 48—67.

3. Бочаров Г.Н. Деятельность художников по возрождению народного искусства: Абрамцево и Талашкино // Русская художественная культура конца XIX—начала XX века (1895—1907). — М., 1969. — Кн.2. — С. 341—352.

4. Коган Д. Мамонтовский кружок. — М., 1970. — С. 164—173.

5. Копшицер М.И. Савва Мамонтов. — М., 1972.

6. Мамонтов В.С. Воспоминания о русских художниках: Абрамцевский художественный кружок. — 2-е изд. — М., 1951.

7. Мамонтова Е.Г.: Некролог // Русское слово. — 1908. — 28 октября. — N 250. — С. 2. — Столб. 2.

8. Нестеров М.В. Е.Г.Мамонтова // Нестеров М.В. Давние дни: Воспоминания. Очерки. Письма. — Уфа, 1986. — С. 444—445.

9. Нестеров М.В. Письма. Избранное. — Л., 1968. — С. 23, 33—35, 59—60, 64—67, 70, 72, 74—75, 77—78, 82, 85, 93, 101, 176, 342, 454, 459, 492.

10. Поленова Н.В. Абрамцево: Воспоминания. — М., 1922. — С. 32—39, 44, 84.

11. С.С. [Спиро С.П.]. Мамонтовский кружок // Столица и усадьба. — 1914. — N 23. — С. 5—9.

12. Сахарова Е.В. В.Д.Поленов. Е.Д.Поленова: Хроника семьи художников. — М., 1964.

13. Смирнов Л.П. Музей-усадьба «Абрамцево». — М., 1929.

14. Хроника Абрамцевского художественного кружка: Материалы и исследования. — М., 1994. — Ч.1. — Вып. 5.

МИРОНОВ Николай Михайлович

(1870-е гг.—1917)

Н.М. Миронов — купец, собиратель предметов декоративно-прикладного искусства.

Родился в семье богатого купца. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. После смерти отца совсем молодым человеком возглавил семейное предприятие. Дела фирмы к этому времени были уже столь хорошо отлажены, что у него оставалось немало свободного времени. Вначале Н.М.Миронов увлекался спортом и охотой. Однако со временем он почувствовал тягу к более серьезным занятиям, дававшим душевное удовлетворение.

Поездка в Западную Европу, знакомство с многочисленными историческими и архитектурными памятниками, галереями, музеями настолько поразили молодого человека, что, вернувшись на родину, он с головой ушел в искусство, «запоем» читал книги и занялся собирательством.

Миронов стал постоянным участником аукционов, посетителем антикварных лавок, букинистических магазинов, выставок, музеев. Со временем он путем самообразования превратился в признанного знатока старины и страстного собирателя. «Стоило ему только узнать, что где-то есть хорошая вещь, — вспоминал о нем архитектор и коллекционер Илья Евграфович Бондаренко, — как он летел туда, и если он эту вещь, по его выражению, «чувствовал», она уже не могла ускользнуть от него. Тогда ценою он не стеснялся. «Чувствование» вещи было в нем поразительное» (2, с. 70).

«Вещь нужно холить, ласкать и полюбить, — говорил он (Николай Михайлович. — *Прим.авт.*), — тогда она не обманет. Я люблю, чтобы она, до покупки, пробыла у меня в кабинете несколько дней, и я в эти дни положительно ухаживаю за ней. Если она ответит на мое ухаживание — я ее приобретаю, если она не ответит — я возвращаю ее владельцу» (2, с. 70).

За относительно короткое время Миронов собрал превосходную коллекцию предметов декоративно-прикладного искусства русской и западноевропейской работы. В каждом случае (а в его коллекции были представлены серебро, фарфор, стекло, изделия из камня и др.) он отбирал только первоклассные вещи. Приобретал он предметы, предварительно просмотрев литературу и посоветовавшись со знатоками.

Самым ценным в собрании Миронова было русское серебро, в частности чернь работы северных мастеров. Многие серебряные вещи были подписными. На серебряном ковше русской работы, пожалованном Петром I, выгравировано: «Симбирянину Мартемьяну Захарову за прибор таможенных и кабацких приборов в 1695 и 1699 годах»; на другом — «Леонтию Платову в 1713 году за его радение и прибор»; на третьем — «волгожанину Сергею Лукьянову Пушнину в 1703 году за прибыль». В его коллекции выделялась серебряная массивная кружка конца XVII в. с клеймами городов Риги и Аугсбурга, украшенная чеканным изображением библейской сцены.

Фарфор в этой коллекции представлен только уникальными экземплярами, отличавшимися либо оригинальной росписью, либо редкими формами. В собрание фарфора входила коллекция табакерок и статуэтки, изображавшие представителей народностей России в национальных костюмах, работы Императорского фарфорового завода.

В коллекции русского стекла выделялись изделия из так называемого молочного стекла, причем весьма старинные.

Своеобразной «изюминкой» собрания Миронова являлись разного рода подделки под серебро и фарфор. Причем каждая вещь имела пространную аннотацию, в которой раскрывалась суть подделки, указывалось истинное место и время ее изготовления.

Постепенно в особняке матери собирателя на Второй Мещанской улице, где Николай Михайлович занимал весь первый этаж, составилось отменное художественное собрание. Впоследствии для размещения коллекции Миронов приобрел особняк на Малой Дмитровке, некогда принадлежавший Беланже. При этом дом подвергся существенной перестройке: по проекту московского архитектора И.Е.Бондаренко ему были приданы черты ампирного особняка начала XIX в. Для украшения парка, примыкающего к особняку, устроен фонтан с мраморными скамьями, специально купленными в Италии. По проекту того же Бондаренко в парке возведена круглая беседка «Храм любви».

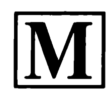
По случаю завершения строительных работ хозяин устроил торжественный ужин, на котором присутствовали известные московские коллекционеры В.О.Гиршман и А.П.Бахрушин.

Кроме того, Н.М.Миронов приобрел в Подмосковье усадьбу, принадлежавшую в свое время Барятинским. Весь усадебный комплекс также реконструирован по проекту И.Е.Бондаренко. Тут был создан «уголок, в котором можно почувствовать себя во времена Пушкина и декабристов» (2, с. 69).

Николай Михайлович очень охотно предоставлял вещи из своего собрания на разные выставки: «Елизаветинскую выставку», устроенную в Петербурге в 1910 г. Академией наук, «Выставку в память 1812 года», которая прошла в Москве в 1912 г. На первой из них внимание публики привлекли первоклассные вещи из серебра и изделия, украшенные чернью, из мироновского собрания.

В последние годы жизни Н.М.Миронов участвовал в работе Комиссии Московского археологического общества «Старая Москва», был членом попечительского совета Театрального музея им. А.А.Бахрушина.

Сблизившись с семейством Бахрушиных, Николай Михайлович часто бывал в их доме. Сын основателя Театрального музея, Юрий Алексеевич Бахрушин, вспоминал: «Ник. Мих. Миронов был наследником крупного фабриканта. Хорошо образованный и прекрасно воспитанный, он рано увлекся отечественной стариной и коллекционировал красивые вещи, отдавая предпочтение фарфору. На приобретение старинных вещей он тратил большие деньги. Некрасивый и страшно застенчивый, он всегда старался не бросаться в глаза в обществе, молчать и держаться в тени. Коллекционерство сблизило его с моим отцом, в атмосфере нашего дома он почувствовал себя непринужденно и быстро вошел в число наших постоянных посетителей» (1, с. 403—404).



Когда Н.М.Миронов тяжело заболел, то его мать, Е.Н.Шевлягина, по совету И.Е.Бондаренко в 1917 г. передала коллекцию в дар Императорскому Историческому музею. Так фонды этого хранилища пополнились почти 800 предметами старины.

Н.М.Миронов умер в Москве вскоре после октябрьского переворота. И.Е.Бондаренко предложил увековечить память неутомимого собирателя не только надмогильной часовней, но и изданием каталога его коллекции. Составление каталога было начато сотрудниками Исторического музея В.К.Трутовским и А.В.Орешниковым. К сожалению, эта работа осталась неопубликованной.

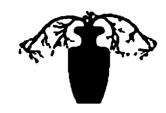
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 574.

2. Бондаренко И.Е. Записки: Коллекционеры и книжники. — Рукопись. Собрание Линьковой, Москва. — С. 65, 67—72.

3. Обзор фонда Музея «Старая Москва». — М., 1991. — С. 126.

4. Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг. — М., 1926. — С. 12—13.



МОРОЗОВ Алексей Викулович
(1857—1934)

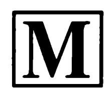
А.В. Морозов — промышленник, собиратель русского фарфора, русских гравированных портретов и икон.

Родился в Москве в купеческой старообрядческой семье. Принадлежал к известному в Москве роду Морозовых, к его старшей ветви — «Викулычей». «С именем Морозовых, — отмечал коллекционер и мемуарист П.А.Бурышкин, — связуется представление о влиянии и расцвете московской купеческой мощи. Эта семья, разделившаяся на несколько самостоятельных и ставших различными ветвей, всегда сохраняла значительное влияние и в ходе московской промышленности, и в ряде благотворительных и культурных начинаний» (1, с. 124).

В 1868 г. мальчика отдали в реальное училище, однако он не сумел его закончить. Учение давалось А.В.Морозову с большим трудом. Позднее Алексей Викулович много занимался самообразованием, слушал лекции в Московском университете по истории и истории искусства. Некоторые профессора приходили заниматься даже в дом самого Морозова. В итоге он получил широкие познания в области отечественной культуры.

«Викулычам» принадлежала мануфактура «Товарищество Викулы Морозова сыновей». В 1877 г. Морозов был «приставлен к делу». В 1894 г. после смерти родителей он стал во главе Товарищества. Однако, захваченный собирательством, передал дела в 1900 г. брату Ивану Викуловичу. «Человек он был очень культурный, любил культурную работу больше, чем занятие своим делом», — отмечала его родственница Маргарита Кирилловна Морозова (9, с. 100).

По воспоминаниям П.А.Бурышкина, все Морозовы этой ветви были старообрядцы, «беспоповцы», кажется, Поморского согласия, очень твер-



дые в старой вере. Все были с большими черными бородами, не курили и ели непременно своей собственной ложкой. Самый известный из них — Алексей Викулович, у которого была на редкость полная и прекрасно подобранная коллекция русского фарфора. В Москве эту коллекцию знали мало, так как владелец не очень любил ее показывать. Было у него и хорошее собрание русских портретов» (1, с. 129).

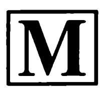
Получив в свое распоряжение наследство, Алексей Викулович с неслыханной энергией принялся за составление личного собрания. Им давно овладела идея собирательства, но только с 1894 г. она могла по-настоящему полно воплотиться в жизнь. Огромные материальные средства позволили А.В.Морозову создать прекрасную и богатую первоклассными памятниками искусства коллекцию за сравнительно короткий срок. В его собрание входили фарфор, миниатюры, гравюры, лубок, иконы, стекло, хрусталь, серебро, табакерки, деревянные резные игрушки, ткани, вышивки. Характерно, что все это были изделия русских мастеров. С самого начала Морозов мечтал создать общественно значимое собрание и подарить его Москве. В 1913 г. журнал «Русский библиофил» писал: «По распространившимся в городе слухам, А.В.Морозов завещает свое замечательное собрание русских гравюр, миниатюр и лубка, а также фарфора, хрусталя и серебра русского производства, громадной ценности, в дар городу Москве, на создание музея его имени» (14, с. 104).

Составляя свою коллекцию, А.В.Морозов сошелся со всеми московскими собирателями, антикварами, любителями и исследователями старины. Важным источником пополнения морозовского собрания были поездки за границу: посещение антикварных лавок, участие в аукционах. Ему удалось приобрести в Европе немало предметов для своего собрания и таким образом вернуть на родину многие произведения отечественного искусства.

Как коллекционер А.В.Морозов прославился прежде всего собранием русского фарфора, лучшей коллекцией такого рода, когда-либо существовавшей в России. Здесь были с удивительной полнотой представлены все российские фарфоровые заводы, являя подлинную «энциклопедию отечественного фарфорового производства»: 2459 предметов — от первых чашек елизаветинского времени до новейшей продукции российских предприятий. Существенную помощь в пополнении собрания фарфора оказал А.В.Морозову московский антиквар С.Н.Какурин.

Владелец очень дорожил образцами фарфорового производства времен Елизаветы Петровны и Екатерины II. Огромную ценность представляли фарфоровые статуэтки, отличавшиеся как большой редкостью, так и чрезвычайно хорошей сохранностью. В этом собрании была широко представлена продукция завода Ф.Я.Гарднера: разнообразные предметы сервировки стола, миниатюрные фигурки, статуэтки из серии «Русские типы».

Без обращения к коллекции А.В.Морозова невозможно представить себе историю частных фарфоровых заводов России конца XVIII—начала XIX в.: Юсупова, Всеволожского, Поливанова, Долгорукова. Продукция этих небольших предприятий, выпускавшаяся не для продажи, была, как правило, очень малотиражна, а потому чрезвычайно редка.



Тридцатые—сороковые годы XIX столетия были достойно представлены у Морозова изделиями завода Попова. Это и особенная поповская «трактирная» посуда с подчеркнуто броским орнаментом и раскраской, и фарфоровые статуэтки, и бесконечно разнообразные и простодушные «типы» — крестьяне, горожане, военные, казаки, музыканты.

«Несмотря на то, что коллекция фарфора расположена в строгих однообразных шкафах красного дерева в специально отведенных в морозовском особняке комнатах, лишенных какого бы то ни было уюта, с неприятно отвлекающими внимание ярко-золочеными люстрами, — писал в 1916 г. И.И.Лазаревский, — собрание все же производит большое впечатление» (3, с.8).

А.В.Морозов представлял собою классический тип коллекционера-исследователя. Начиная составлять свою коллекцию, он тут же приступил к ее изучению. Почти все произведения из фарфора в его коллекции были атрибутированы им самим.

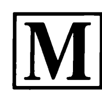
Другим страстным увлечением собирателя стали гравированные и литографированные портреты. Многие коллекционеры составляли портретные галереи отечественных знаменитостей; в их ряду собрание Алексея Викуловича было одним из лучших как по числу собранных портретов, так и по качеству оттисков.

Эту часть своей коллекции владелец начал составлять в 1895 г., когда представилась возможность приобрести сразу около 1000 листов из коллекции Василия Анисимовича Тюляева. В 1897 г. Морозов купил 160 редких листов у Николая Семеновича Мосолова. Ценнейшие гравюры из собрания П.А.Ефремова пополнили его коллекцию в 1901 г. Годом позже Алексей Викулович купил собрание гравюр Э.П.Чапского. Таким образом, к 1912 г. составилось превосходное — около 10 тысяч листов — собрание гравюр и литографий.

В морозовском собрании находились почти все портреты, не только изданные в свое время Платоном Петровичем Бекетовым, но и подготовленные им к изданию. На основе этой коллекции С.П.Виноградов подготовил замечательную книгу «Собрание портретов, издаваемых П.П.Бекетовым». Выпущена она была в 1913 г. на средства А.В.Морозова.

Занимаясь изучением своей коллекции, Алексей Викулович в 1912—1913 гг. опубликовал многотомный «Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов», являющийся ценнейшим источником для исследователей истории музейных коллекций и специалистов в области изобразительного искусства. В нем описано 8276 листов. Издание сопровождают 1142 иллюстрации. В предисловии владелец подробно рассказал об истории своего собрания. Занимаясь поиском и изучением гравюр, Алексей Викулович руководствовался трудами Дмитрия Александровича Ровинского и его системой; свой труд он посвятил его памяти.

В рецензии на это издание журнал «Русский библиофил» писал: «Собрание русских гравированных портретов А.В.Морозова, в Москве, является в настоящее время несомненно первым в России как по количеству, так и по редкости листов... Мы не знаем намерений владельца единственной в мире коллекции, о которой мы здесь говорим. Будем на-



деяться, что она не распадется, что долгие годы, с любовью и знанием потраченные на ее составление, не пропадут даром, и собрание это сохранится для России в целом его виде тем или другим способом» (8, с. 105).

Была у Морозова и заслуживающая внимания коллекция икон. Иконы как предмет собирательства захватили Морозова несколько позднее, хотя в наследство от отца он получил очень хорошие образцы древнерусской живописи. Часть старинных икон досталась ему и от деда — Елисея Саввича, большого почитателя «древнего письма». Решив составить первоклассное собрание икон, Морозов сумел достичь цели за короткий срок — всего за четыре года. Поскольку в это время древнерусской живописью интересовались многие, Алексей Викулович особое предпочтение отдавал житийным иконам. В составлении коллекции ему помогал художник и коллекционер И.С.Остроухов. К 1917 г. в собрании было 219 древних икон, причем самая ранняя восходила к XIII в., а основная часть относилась к XVII в.

Составляя коллекцию старого русского серебра, владелец разыскивал произведения елизаветинского времени. Все 220 предметов этого собрания выделялись высокими художественными достоинствами.

Собрание миниатюр насчитывало 156 работ.

Коллекции А.В.Морозова с самого начала размещались в особняке, перешедшем к нему от отца. «Дом, который после смерти отца перешел к нему (на Покровке, во Введенском переулке) (ныне Подсосенский пер., д. 21. — *Прим.авт.*) как старшему, был огромный, с бесконечным числом комнат, — вспоминала Маргарита Кирилловна Морозова. — Все комнаты второго этажа наполнялись витринами с фарфором его собрания и иконами. Сам же он жил внизу, где у него были две столовые, гостиная и кабинет. Кабинет его был двусветный, очень высокий, весь отделанный темным деревом с пятью панно работы М.А.Врубеля, изображающими Фауста, Мефистофеля и Маргариту» (9, с. 100).

Приспосабливая дом для размещения своих собраний, А.В.Морозов заменил всю внутреннюю отделку, причем пригласил для этого видного архитектора Ф.О.Шехтеля. Картины для особняка были специально заказаны М.А.Врубелю, а мебель, шкафы для книг, витрины для фарфора изготовлены на фабрике П.А.Шмита.

Для размещения икон в 1895 г. к особняку пристроили еще одно здание.

После октябрьского переворота собрание А.В.Морозова едва не погибло. 3 марта 1918 г. морозовский дом был захвачен латышской анархической организацией «Лесна». Собранию и его владельцу грозила гибель. В конце апреля анархистов удалось выбить с помощью оружия. Коллекции был нанесен непоправимый ущерб. «В «анархический» и безхозяйный периоды 1918 года собрание значительно пострадало: исчезли все табакерки — фарфоровые и лаковые лукутинские, погибла вся коллекция тканей, которыми владелец предполагал декорировать стены иконного отдела, часть миниатюр, много фарфора обращено в черепки, разбита даже некоторая мебель», — констатировалось в журнале «Среди коллекционеров» (15, с. 59). Гравюры были изъяты из папок и разбросаны по всем комнатам. Личный архив коллекционера был полностью уничтожен.

19 августа 1918 г. коллекция А.В.Морозова была национализирована. По акту от 21 мая 1919 г. в собрании, располагавшемся в четырех комнатах и тридцати восьми витринах, находилось 2372 предмета из фарфора. Бывший владелец, получив от новых властей две комнаты в бывшем своем особняке, занимался хранением и описанием коллекции.

Собрание А.В.Морозова 5 июля 1919 г. получило статус «Музея-выставки русской художественной старины» с двумя отделами — русского фарфора и средневековой живописи. 14 декабря 1919 г. музей был открыт для посетителей.

«Неопределенность «физиономии» музея давно уже беспокоила московских музейных деятелей, и решение обратить его в музей фарфора сложилось само собой, естественным путем. Иконы и гравюры должны уйти, — отмечалось в журнале «Среди коллекционеров», — в другие московские музеи (как это предполагал одно время сделать и сам А.В.Морозов). Теперь приступлено к осуществлению этой мысли: над планом музея работает особая комиссия. Занявший несколько отличных музейных зал «фарфоровый фонд» должен быть вывезен, а его помещения использованы для планомерного развертывания богатейшего материала» (15, с. 59). 25 марта 1921 г. реорганизованный музей получил наименование «Музей фарфора. Отделение Центрального декоративного музея».

До 1929 г. музей находился в особняке Морозова во Введенском переулке. Потом был переведен в особняк С.И.Щукина, в здание Второго музея новой западной живописи. В 1932 г. он вновь поменял свое местонахождение и с тех пор расположен в усадьбе Кусково.

В результате всех отмеченных преобразований целостность коллекции А.В.Морозова была нарушена: многочисленные предметы разошлись по разным российским музеям. Иконы были поделены между Историческим музеем и Третьяковской галереей. Коллекция гравюр перешла в Графический кабинет Музея изящных искусств. Старинное русское серебро и миниатюры попали в собрание Оружейной палаты. Остальные предметы и книги оказались в разных музеях.

Большая часть из собранного некогда А.В.Морозовым фарфора хранится ныне в фондах Государственного музея керамики и усадьбы Кусково. К сожалению, когда в доме Морозова создавали специализированный музей фарфора, были объединены предметы из многих музеев и частных собраний. Таким образом, 2459 морозовских предметов безвозвратно «растворились» в новом семитысячном фонде.

А.В.Морозов умер в Москве 2 декабря 1934 г. Похоронен на Преображенском кладбище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 124, 129—134.

2. [Виноградов С.П.]. Собрание портретов, издаваемых П.П.Бекетовым. — Каталог составил С.П.Виноградов. Издал А.В.Морозов. — М., 1913.

3. Лазаревский И. Собрание фарфора А.В.Морозова // Столица и усадьба. — 1916. — N 64—65. — С. 8—11.

4. Лазаревский И.И. Среди коллекционеров. — Пг., 1914. — С. 93—133.

5. Линьков А. Коллекция А.В.Морозова // Литературная Россия. — 1978. — N 33.

6. Миркина И.А. Документы ЦГА РСФСР о А.В.Морозове и его коллекциях // Советские архивы. — 1991. — N 1. — С. 106—107.

7. Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. — М., 1912—1913. — Т. 1—5.

8. Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. — М., 1913. — Т. 1—2: Рецензия // Русский библиофил. — 1913. — N 3.

9. Морозова М.К. Мои воспоминания // Наше наследие. — 1991. — N 6. — С. 90—109.

10. Музеи и достопримечательности Москвы: Путеводитель. — М., 1926. — С. 107—111.

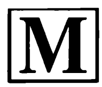
11. Музей русской художественной старины: Собрание фарфора. — М., 1920.

12. Самецкая Э.Б. А.В.Морозов и создание Государственного музея керамики // Музей-6: Художественные собрания СССР. — М., 1986. — С. 159—164.

13. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 205—212.

14. Хроника. Мелкие заметки // Русский библиофил. — 1913. — N 8.

15. Хроника // Среди коллекционеров. — 1923. — N 5.



МОРОЗОВ Иван Абрамович

(1871—1921)

С портрета В.А. Серова. 1910.

И.А. Морозов — предприниматель, собиратель западноевропейской и русской живописи. Брат коллекционера Михаила Абрамовича Морозова.

Родился в Москве в известной купеческой семье. Принадлежал к ветви «Абрамовичей», или «Тверских». С детства занимался рисованием. Уроки живописи брал у К.А.Коровина, писал пейзажи под руководством Е.М.Хруслова. Среднее образование получил в реальном училище, высшее — в Цюрихском политехникуме. В первые годы студенчества факультативно занимался рисунком и живописью на архитектурном отделении.

В 1892—1900 гг. И.А.Морозов являлся директором-распорядителем Тверской мануфактуры, одним из владельцев красильных и ситценабивных фабрик. Благодаря упорству и предприимчивости И.А.Морозова капитал семейного предприятия в 1904—1916 гг. вырос в три раза. Значительная прибыль была получена в годы Первой мировой войны за счет выполнения заказов на изготовление хлопчатобумажной ткани, холста и сукна для русской армии.

Помимо участия в деятельности семейной фирмы, И.А.Морозов являлся председателем правления Мугреевско-Спировского лесопромышленного товарищества, членом-учредителем Российского акционерного общества «Коксобензол» и Московского банка.

С 1900 г. И.А.Морозов стал жить в Москве (до этого он жил в Твери и бывал в Москве наездами). С этого времени и начинается его собирательская деятельность. Под воздействием своего старшего брата Михаила Абрамовича он окунулся в мир собирательства, познакомился со многими коллекционерами. Огромное впечатление произвел на него С.И.Щукин, его галерея западной живописи. Сыграли свою роль и знакомства с художниками. Особенно он подружился с В.А.Серовым.

Начало личному собранию живописи было положено одной из картин И.И.Левитана. В 1903 г. Иван Абрамович купил картину А.Сислея «Мороз в Лувесьенне». Так Морозов начал собирать коллекцию западноевропейской живописи, которая стала одной из крупнейших в России.

И.А.Морозов приобретал картины, как правило, у парижских торговцев художественными ценностями — Воллара, Друо, Дюран-Рюэля, Бернхейма, Конвейлера, а также на вернисажах и прямо в мастерских живописцев. Он стал регулярно ездить за границу. В Париже кроме музеев и выставок для него как бы ничего не существовало. Особенно часто он бывал на выставках «Независимых» и «Salon d'Automne».

«Едва лишь с поезда, как он уж в лавке, где торгуют картинами, погрузившийся в кресло, которое специально делается глубоким и низким, чтобы любителю нелегко было подняться, пока перед ним сменяются холсты, как эпизоды какого-то фильма, — писал директор галереи Бернхейма — Жан Феликс Фенон. — К вечеру г-н Морозов, зритель исключительного внимания, слишком утомлен, чтобы идти даже в театр. После нескольких дней такого режима он возвращается в Москву, не увидев ничего, кроме картин; некоторые он увозит с собой, и это отборные вещи» (15, с. 103).

После смерти брата, М.А.Морозова, в 1903 г. Иван Абрамович с удвоенной энергией продолжил пополнение своей коллекции. Уже через несколько лет его собрание включало свыше 250 произведений новейшей французской живописи, в том числе полотна П.Гогена («Разговор», «Пейзаж со стогами сена»), Ван Гога («Улица в Овере», «Красные виноградники в Арле»), О.Ренуара («Купание на Сене», «Портрет Жанны Самари», «Девушка с веером»), П.Сезанна («Цветы в вазе», «Гора св. Виктория»), А.Матисса («Бутылка джина», «Натюрморт с фруктами и чашкой кофе»), П.Пикассо («Арлекин и его товарищ», «Акробат на шаре») и другие.

После 1908 г., по авторитетному мнению искусствоведа Б.Н.Терновца, «вкусы И.А.Морозова приобретают устойчивость и определенность, перед ним выясняются задачи его собирательской деятельности, и она получает ту свободу и тот размах, которые так поражали современников. Начиная с этой эпохи И.А.Морозов расходовал систематически чрезвычайно крупные суммы на пополнение любимой коллекции. Поток картин, направляющихся из Парижа в Москву в его коллекцию на Пречистенке, принимает фантастические размеры; можно утверждать, что в эти годы, пересеченные войной 1914 года, ни один из европейских собирателей нового искусства, ни один из западных музеев не обогащали своих коллекций с такой энергией и стремительностью» (17, с. 108).

Специалисты высоко ценили состав морозовской коллекции новейшей французской живописи, в которой были достойным образом представлены почти все ведущие мастера. Именно этим его собрание выгодно отличалось от коллекции С.И.Щукина, отдававшего предпочтение лишь некоторым живописцам.

Хотя И.А.Морозов прославился прежде всего своим великолепным собранием западной живописи, ему не чужд был интерес и к полотнам русских художников. «Попадая в морозовскую коллекцию, испытывали сначала изумление, потом разочарование, затем новое любопытство, — писал искусствовед А.М.Эфрос. — Во-первых, открывали как какую-то Америку, что половина морозовского собрания состоит из типических русских вещей нынешних художников, живущих художников, выставочных художников, которых по всем российским канонам нельзя сажать за один общий стол с парижской художественной аристократией» (18, с. 2—3).

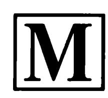
Тем не менее Иван Абрамович, известный независимостью своего выбора, собирал и те и другие картины. Он с огромным интересом посещал выставки не только за рубежом, но и в России. «Серовский «модный депутат», такой стройный и лощеный на портрете, незримо окруженный нашептывателями и советчиками, появлялся своей большой и рыхлотелой фигурой на выставках как-то по-своему, неожиданно, никогда не в дни вернисажа и сутолок, когда можно было видеть всю Москву, — писал А.М.Эфрос. — Он приходил в какой-нибудь будничный день и не спеша, один, начинал хождение по пустынным комнатам. С ним здоровались — и оставляли одного... Когда же он оставлял какую-нибудь картину за собой, к ней сходились художники и ценители; споров не было: ясно было само собой, что Морозов сделал свое обычное дело» (18, с. 4).

Русская художественная школа была представлена в собрании Морозова полотнами М.А.Врубеля («Пропилеи. Афины», «Сирень»), А.Я.Головина («Испанка», «Автопортрет», «Девочка и фарфор»), Н.С.Гончаровой («Мальчишки на коньках», «Фруктовый сад осенью»), К.А.Коровина («Рыбы, вино и фрукты», «Париж ночью. Итальянский бульвар», «Портрет хористки», «На даче»), Б.М.Кустодиева («Кони св. Марка. Венеция», «Ярмарка»), В.А.Серова («Портрет художника К.А.Коровина», «Зал старого дома»), К.А.Сомова («Конфиденции», «Эхо прошедшего времени») и других художников. Этот раздел его коллекции включал 303 картины и 7 скульптур.

По свидетельству И.Э.Грабаря, И.А.Морозов из русских живописцев «больше всего любил К.Коровина и Головина, которых собрал исчерпывающим образом» (6, с. 246). В 1903 г. Коровин написал портрет Ивана Абрамовича (ныне в Третьяковской галерее). Морозов прислушивался к советам Коровина при пополнении своей коллекции.

Среди других московских коллекционеров наиболее близок И.А.Морозову был Алексей Александрович Бахрушин. Сын Бахрушина, Юрий Алексеевич, так писал о Морозове: «Среди представителей московского капитализма у отца был только один близкий друг — Иван Абрамович Морозов. Относиться равнодушно к этому толстому розовому сибариту было невозможно. Постоянное доброжелательство и добродушие пронизывали насквозь этого ленивого добряка, а его исключительные знания и понимание в вопросах новой русской и в особенности западноевропейской живописи делали его незаменимым судьей и консультантом в области станкового творчества... Бывал он у нас и на званых обедах и запросто. Каждый раз он подолгу рассматривал картинную галерею отца, делал свои замечания, пускался в рассуждения... Отец и Иван Абрамович Морозов часто делали друг другу подарки картинами, менялись своими сокровищами. Морозов, помимо своей основной западноевропейской коллекции, собирал лично для себя полотна и русских художников, «мирискуссников», они-то и бывали обычно предметом мены с моим отцом. Главное, что сближало Морозова с отцом, было то, что оба смотрели на свои коммерческие дела лишь как на способ добывания денег для основной задачи их жизни — коллекционирования» (2, с. 281—282).

Плодотворность собирательской деятельности И.А.Морозова свидетельствует о его широком художественном кругозоре, безупречном вкусе, обостренном восприятии прекрасного. Величина собрания и бесспор-



ная ценность большинства входивших в него произведений позволяют считать И.А.Морозова одним из крупнейших русских коллекционеров.

Специально для размещения своего собрания И.А.Морозов в 1899 г. приобрел в Москве на Пречистенке просторный особняк, построенный еще в 1840-е гг. В 1905 г. под руководством архитектора Л.Н.Кекушева здание было реконструировано с учетом размещения коллекции, ликвидированы украшения в интерьерах, слишком бросавшиеся в глаза. К отделке своего особняка владелец привлек художников, М.Дени — панно на тему мифа о Психее, А.Майоля — бронзовые декоративные скульптуры «Помона» и «Флора». Для парадной лестницы И.А.Морозов заказал П.Боннару триптих «Средиземное море».

В морозовском особняке имелась так называемая несгораемая комната: толстые каменные стены, бетонированный сводчатый потолок; два маленьких окна и двустворчатая дверь были устроены по системе несгораемых шкафов — с внутренними ставнями. Дверь закрывалась на шесть замков, которые открывались в особой секретной последовательности. В углу комнаты стоял огромный сундук, достигавший в длину трех метров, а в высоту — полутора метров. В случае надобности в этой комнате можно было спрятать всю коллекцию. (В 1920-е гг. Музей Л.Н.Толстого использовал комнату для хранения рукописей великого писателя).

Являясь одним из крупнейших в России собраний западноевропейской и русской живописи конца XIX—начала XX в., коллекция И.А.Морозова была почти недоступна для осмотра. Со временем, подобно другим коллекционерам, владелец намеревался подарить ее Москве. Зная о подобном решении, А.Н.Бенуа в 1911 г. в статье «Московские впечатления» отмечал, что когда собрания С.И.Щукина и И.А.Морозова перейдут в собственность Москвы, тогда общество «приобретет умение разбираться в современных исканиях» и «тогда оно только и окажется в состоянии сделать серьезную оценку и всему отечественному творчеству» (3).

В 1918 г. частная галерея И.А.Морозова была национализирована и послужила основой для создания Второго музея новой западной живописи. Бывшего владельца назначили заместителем директора этого музея, и порою сам Морозов давал необходимые пояснения посетителям галереи.

В конце 1918 г. И.А.Морозов эмигрировал.

И.А.Морозов умер 22 июня 1921 г. в Карлсбаде.

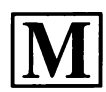
Ныне картины русской школы находятся в основном в Третьяковской галерее. Французская живопись, после ликвидации в 1948 г. Музея новой западной живописи, частично поступила в Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, частично — в Эрмитаж.

В бывшем морозовском особняке ныне располагается Академия художеств России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аксененко М.Б. История Государственного музея нового западного искусства // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 216—225.

2. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 281—284, 530.



3. Бенуа А.Н. Московские впечатления // Речь. — 1911. — N 34.

4. Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. — Л., 1969. — С. 69.

5. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.1. — С. 271, 300—302, 415, 600; Т.2. — С. 81, 326, 328, 341, 370, 525.

6. Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомонография. — М.-Л., 1937.

7. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 158, 181, 358, 367, 369, 373, 390, 393.

8. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977. — С. 87, 99, 301, 329, 331, 384.

9. Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... — М., 1993. — С. 113—115.

10. Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 108—130.

11. Каталог Государственного музея нового западного искусства. — М., 1928.

12. Коровин К.А. М.А.Морозов // Константин Коровин вспоминает... — М., 1990. — С. 402—403, 583.

13. Лобанов В.М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. — М., 1968. — С. 56, 135, 142, 146—147, 181—182.

14. Морозова М.К. Мои воспоминания // Наше наследие. — 1991. — N 6. — С. 97.

15. Морозов и Щукин — русские коллекционеры: От Моне до Пикассо. — Москва-Кельн, 1993. — С. 98—121.

16. Терновец Б. И.А.Морозов: Некролог // Среди коллекционеров. — 1921. — N 10. — С. 38—41.

17. Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. — М., 1977. — С. 13, 15, 17, 105—109, 111—112, 114—119, 122—124, 127—129, 190.

18. Эфрос А. Человек с поправкой: Памяти И.А.Морозова // Среди коллекционеров. — 1921. — N 10. — С. 1—4.

МОРОЗОВ Михаил Абрамович (1870—1903)

С портрета В.А. Серова. 1902.

М.А. Морозов — предприниматель, меценат, коллекционер живописи. Брат Ивана Абрамовича Морозова.

Родился в Москве в семье купца Абрама Абрамовича Морозова. В детские годы вместе с братом Иваном занимался живописью под руководством К.А.Коровина и Е.М.Хруслова. По традиции купеческих семей он как старший должен был возглавить дело. Однако М.А.Морозов не вписывался в привычные рамки. «Мой муж, — вспоминала его вдова Маргарита Кирилловна, — проявлял с детства большой интерес и способности к науке и искусству, и так как он не хотел ни за что слышать о том, чтобы посвятить себя коммерческому делу, то ему дали возможность свободно выбирать свою деятельность» (7, с. 97). Михаил Морозов выбрал историко-филологический факультет Московского университета, который он закончил в 1893 г. с дипломом первой степени.

Будучи студентом первого курса университета, Михаил получал от матери (отец умер, когда мальчику было всего 12 лет) по 75 рублей в месяц. Однако, когда ему исполнился 21 год, т.е. в день совершеннолетия, он стал одним из самых состоятельных людей России.

Сначала он недолго преподавал в университете. В это время подготовил и опубликовал на собственные средства под псевдонимом «Михаил Юрьев» сочинения «Спорные вопросы западноевропейской исторической науки» (1890 г.), «Карл V» (1894 г.), «Мои письма» (1895 г.); последняя работа носила автобиографический характер.

В 1890-е гг. М.А.Морозов не раз ездил за границу, побывал в Париже, Берлине, Турине, Риме, Александрии, Триесте, Монте-Карло, Ницце, где познакомился с художественными музеями и памятниками истории.

Образованный, общительный, богатый и независимый М.А.Морозов был хорошо известен в Москве, пользовался авторитетом и доверием. Его избирали в гласные Городской думы, почетным мировым судьей, председателем Московского купеческого собрания.

До конца жизни М.А.Морозов был старостой Успенского собора Московского Кремля, занимался исследованием этого уникального памятника старины, финансировал работы по его реставрации.

М.А.Морозов принимал участие в деятельности и финансировании ряда общественных организаций — Общества любителей художеств, Общества литераторов и ученых, Общества ревнителей просвещения, Русского музыкального общества, Филармонического общества.

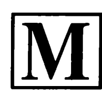
Подобно лучшим представителям купеческого сословия, Михаил Абрамович жертвовал немалые деньги на благотворительные цели — на содержание приютов и больниц Ведомства императрицы Марии, на поддержку Московской консерватории и Строгановского художественно-промышленного училища, на создание в Москве Института злокачественных опухолей. Он был в числе меценатов, откликнувшихся на призыв профессора И.В.Цветаева оказать помощь в сооружении и отделке Музея изящных искусств им. Александра III в Москве на Волхонке, и взял на себя расходы по созданию зала, посвященного искусству Греции.

Человек разносторонний и увлекающийся, М.А.Морозов был страстным любителем драматического театра и балета, писал отзывы на театральные постановки и публиковал их в столичных газетах. По воспоминаниям Маргариты Кирилловны Морозовой, «характер Михаила Абрамовича был исключительно живой, впечатлительный, он горячо реагировал на все явления жизни и искусства. Особенно живопись и театр стали захватывать его. Он сам был очень способен к живописи и учился рисовать в студии художника Мартынова. В живописи он хорошо разбирался, много читал о ней и много видел. Впоследствии он стал коллекционировать картины и тут проявил тонкое чутье, вкус и понимание» (7, с. 96).

Первые приобретения были сделаны М.А.Морозовым в 1890-е гг. В его коллекции со временем заняли свое место полотна западноевропейских мастеров и русских художников, и иконы, и произведения декоративно-прикладного искусства.

Коллекционируя современную русскую живопись, Михаил Абрамович первоначально приобретал полотна К.А.Коровина, С.А.Виноградова, затем отдал предпочтение И.И.Левитану, М.А.Врубелю, В.А.Серову, В.М.Васнецову. Со многими из них собиратель был хорошо знаком.

«Михаил Абрамович много общался с нашими русскими художниками, особенно с В.А.Серовым, К.А.Коровиным, С.А.Виноградовым, В.В.Переплетчиковым, А.М.Васнецовым и И.С.Остроуховым, и постоянно приобретал их картины, — отмечала в мемуарах М.К.Морозова. — Картины эти он очень любил, устроил для них отдельное большое помещение, в котором он очень заботливо и с большой любовью их развешивал и перевешивал» (7, с. 98).



В рабочем кабинете М.А.Морозова В.А.Серов в 1903 г. создал его известный портрет. В этом же особняке Валентин Александрович написал и один из лучших детских портретов — сына коллекционера Мики Морозова.

От деда и отца М.А.Морозов перенял интерес к религиозному искусству. Это нашло отражение и в его коллекции, где кроме живописи имелось значительное собрание икон.

Полотнами, с которых началось увлечение западной живописью, стали приобретенные в 1897 г. произведения Бенара «Интимная феерия» и Вебера «Борьба женщин».

Под влиянием новейших течений живописи М.А.Морозов увлекся произведениями западноевропейских мастеров конца XIX—начала XX в. — Э.Мане, К.Моне, О.Ренуара, Э.Дега, А.Тулуз-Лотрека, П.Сезанна, П.Гогена. Обладая не только хорошим вкусом, но и присущей настоящему коллекционеру интуицией, М.А.Морозов раньше других собирателей оценил творчество художников П.Гогена, В.Ван Гога, П.Боннара. Все они были представлены в его галерее. В морозовском музее эти мастера впервые явились московскому зрителю. Почин М.А.Морозова оказал сильнейшее воздействие на других московских собирателей, в частности на Сергея Ивановича Щукина и младшего брата Михаила Абрамовича — Ивана.

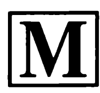
Итогом непродолжительной, но интенсивной собирательской деятельности М.А.Морозова стало превосходное собрание, включавшее до ста произведений русской и западноевропейской живописи, до десяти скульптур и свыше шестидесяти икон.

В 1891 г. М.А.Морозов приобрел роскошный особняк на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка. Дом был выстроен в 1877 г. для чаеторговца К.С.Попова. «Дом этот, — писала М.К.Морозова, — был своим фасадом полукруглый, в середине — выступающая терраса с мраморными белыми колоннами. Фундамент дома был облицован темно-красным гранитом. Внутри дом был очень причудливый, по-моему, очень некрасиво отделанный. Было смешение всех стилей: передняя была египетская, зала — вроде ампир, аванзала — помпейская, столовая — русская. Еще комната — мавританская» (7, с. 96). Для размещения картинной галереи М.А.Морозов приспособил бывший зимний сада.

В доме известного коллекционера и хлебосольного хозяина, каким был Михаил Абрамович, по воскресеньям собирались шумные компании московской интеллигенции. Кроме друзей-художников здесь бывали артист Малого театра М.П.Садовский, театральные критики Н.Е.Эфрос, А.К.Соболев, собиратель А.В.Морозов, граф Л.Н.Игнатьев, князь В.М.Урусов, адъютанты московского генерал-губернатора В.С.Гадон и В.Ф.Джунковский. Все они внимательно относились к художественным коллекциям, собранным хозяином, и каждый по-своему разносили о них молву по Москве.

М.А.Морозов скончался в Москве в 1903 г.

«М.А.Морозов вообще был чрезвычайно характерной фигурой, — писал в некрологе С.П.Дягилев, — во всем его облике было что-то своеобразное и вместе с тем неотделимое от Москвы, он был очень яркой час-



тицей ее быта, чуть-чуть экстравагантной, стихийной, но выразительной и заметной. Его, повторяю, постоянно не хватает, о нем часто вспоминаешь с грустью, и я уверен, что большинство художников-москвичей и любителей искусства и театра долго не забудут его жизнерадостной фигуры, так метко обрисованной на оставшемся нам портрете работы Серова, написанном почти накануне ранней и неожиданной кончины М.А.Морозова» (3, с. 178—179).

В 1910 г. вдова собирателя передала большую часть коллекции в Третьяковскую галерею. В дальнейшем произведения кисти западноевропейских художников были переданы в Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина и в Эрмитаж.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т. 1. — С. 98, 135, 177—179, 202, 227, 301, 356, 377, 415, 529, 552—553, 635; Т. 2. — С. 53, 68—69, 86, 189, 263—268, 319, 337, 366, 378, 388, 459, 481, 488.

2. Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... — М., 1993. — С. 113—115.

3. Дягилев С.П. М.А.Морозов: Некролог // Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. — М., 1982. — Т. 1.

4. Константин Коровин вспоминает... — М., 1990. — С. 10—11, 402—404, 527, 583.

5. Морозов М.А.: Некролог // Исторический вестник. — 1903. — N 12. — С. 1148—1149.

6. Морозов и Щукин — русские коллекционеры: От Моне до Пикассо. — Москва-Кельн, 1993. — С. 89—98.

7. Морозова М.К. Мои воспоминания // Наше наследие. — 1991. — N 6. — С. 89—109.

8. Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 35—36, 43, 88, 219.

9. Муратов П.П. Новый дар Третьяковской галерее // Московский еженедельник. — 1910. — N 13. — С. 42.

10. Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. — М., 1977. — С. 106—108.

11. Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых. — М., 1983. — С. 360—361.

МОСОЛОВ Николай Семенович

(1847—1914)

Н.С. Мосолов — гравер-офортист, академик, собиратель графики. Двоюродный внук Федора Семеновича Мосолова.

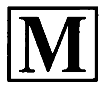
Родился в Москве в дворянской семье. Его отец Семен Николаевич и двоюродный дед Федор Семенович были любителями искусства и коллекционерами. Отец Мосолова сам пробовал силы в изобразительном искусстве и занимался офортом.

Рано проявившаяся любовь мальчика к искусству не только поддерживалась родителями, но и культивировалась ими. Николаю была предоставлена возможность изучать изобразительное искусство как в Москве, так и за границей, где подолгу жили родители. Для мальчика нанимали специальных учителей, а когда отец заметил у сына тягу к искусству гравюры, то Николай Семенович смог в совершенстве освоить ее технику.

Граверному искусству Николай Мосолов учился сначала в Санкт-Петербурге у Ф.И.Иордана, а с 1864 г. — в Дрездене у гравера Густава Планера. В 1869 г. для усовершенствования в технике гравюры он работал в Вене под руководством известного офортиста Виллияма Унгера, а затем в Париже у Фламенга.

Домашнее образование, начитанность (дома была великолепнейшая библиотека по искусству), а кроме того — впечатления от регулярного посещения музеев и галерей в России и за ее пределами, разнообразных выставок позволили Николаю Семеновичу уже в молодые годы прослыть знатоком искусства, стать незаурядным мастером-гравером.

В 1872 г. в Лейпциге изданы двадцать листов гравюр работы Мосолова с выдающихся произведений, хранящихся в Эрмитаже: работ Рубенса, Рафаэля, Мурильо, Веронезе, Остаде, Терборха и др. Тогда же издан альбом из сорока гравюр по произведениям Рембрандта из собрания Эр-



митажа. Издания обратили на себя внимание, и автор был избран в действительные члены Академии художеств.

В 1876 г. увидела свет еще одна подборка гравюр по произведениям Рембрандта. Эти три «сюиты» продемонстрировали высокое мастерство художника, принесли ему широкую известность, а офорты, выставленные для обозрения в парижском Салоне, получили золотую медаль. С тех пор за Мосоловым укрепилась слава «лучшего истолкователя» графики Рембрандта. Недаром он с четырнадцати лет самым усердным образом копировал офорты великого мастера.

Мосоловым были воспроизведены в гравюрах знаменитые работы западных мастеров из ведущих европейских музеев, много русских портретов XVII—XIX вв., а также картины русских художников: В.Е.Маковского, В.В.Верещагина, Н.Н.Ге, В.Г.Шварца. Критика отмечала, что гравюры, выполненные Мосоловым, отличались высочайшей техникой и художественными достоинствами. Пробовал Мосолов создавать и собственные композиции, однако они были менее удачными. К 1885 г. Николай Семенович выполнил около двухсот офортов. А за всю жизнь — около четырехсот.

Гравюры Н.С.Мосолов печатал на собственном ручном станке, причем делал это мастерски. Он ограничивался немногочисленными оттисками, поэтому каждый из них наилучшим образом передавал все достоинства оригинала, его свежесть. Эти оттиски художник, как правило, дарил друзьям-коллекционерам. Страстным собирателем графики был и он сам.

Мосолов являлся коллекционером в третьем поколении. Но если его предшественники с одинаковым увлечением приобретали и картины, и скульптуры, и другие произведения искусства, то Николай Семенович отдавал предпочтение графике. Причем это было столь сильное увлечение, что он не колеблясь распродал большую часть фамильного собрания картин.

Получив от отца и деда весьма представительную графическую коллекцию, в которой были работы мастеров ведущих европейских школ — итальянской, немецкой, французской, английской, голландской, Николай Семенович, преклоняясь перед голландским искусством XVII в., решил собирать гравюры именно этой школы. Раздарив друзьям и музеям другие произведения, он сосредоточил весь свой собирательский пыл на приобретении лучших голландских листов.

Европейской известностью пользовалось его собрание офортов и рисунков голландских мастеров XVII в. Здесь были все знаменитые имена, причем украшением коллекции служили произведения Рембрандта и Адриана ван Остаде в прекрасных по качеству оттисках.

В гравюрном кабинете Мосоловых Рембрандт был представлен превосходно: отец Мосолова Семен Николаевич боготворил этого выдающегося художника и сумел собрать 367 его произведений. Свое восторженное поклонение гению он передал сыну, и тот поставил перед собой задачу: не просто увеличить рембрандтовскую коллекцию, но довести ее до наивысшей степени совершенства, заменив некачественные листы на гравюры в наиболее точных оттисках. В результате многолетних настойчивых поисков он нашел всего четыре новых офорта Рембрандта, но зато все

слабые оттиски заменил на первоклассные. Рембрандтовская коллекция Мосолова уступала лишь собранию Д.А.Ровинского.

У Мосолова широко и разносторонне были представлены офорты Остаде: равного собрания не знали не только в России, но и в Западной Европе.

В общей сложности в гравюрном отделе насчитывалось свыше двух тысяч листов: 162 листа гравюр нового времени и 1922 — голландской школы эпохи ее расцвета, в том числе 211 работ Остаде и 371 — Рембрандта.

Наряду с гравюрами Н.С.Мосолов собирал и рисунки. Их было относительно немного — всего 172. Однако принадлежали они исключительно старым мастерам голландской школы. Мосолов обладал семнадцатью рисунками Остаде и шестью — Рембрандта.

Николай Семенович работал над каталогом своего художественного собрания, но не успел издать его.

Н.С.Мосолов умер в Москве 16 июля 1914 г.

Все собрание вместе с библиотекой, личным архивом и уцелевшей частью фамильной коллекции, Николай Семенович завещал Румянцевскому музею, которому с давних пор покровительствовал, принося в дар произведения искусства. Он был на редкость скромным человеком. Не любил выставлять себя на показ, старался не привлекать внимания к собственной особе, и даже не все его друзья знали, что он из года в год помогал Училищу живописи, ваяния и зодчества и Отделу искусств Румянцевского музея. Мысль о пожертвовании музею всего своего собрания была как бы сама собой разумевшейся. Мосолову всегда хотелось познакомить с выдающимися произведениями искусства широкую публику, он, как и многие коллекционеры, мечтал, чтобы его собрание служило развитию культуры, искусства, просвещения.

С поступлением коллекции Мосолова в Румянцевский музей его собрание графики стало одним из лучших в своем роде. «Благодаря ей, — писал историк искусства и коллекционер П.Д.Эттингер, — графический кабинет Румянцевского музея, до сих пор почти не привлекавший на себя внимания, теперь приобрел крупное значение в глазах любителей и исследователей старинной гравюры» (13, с. 64). Известно, что коллекцию Мосолова высоко ценили и мечтали заполучить в свое распоряжение многие европейские музеи, в том числе Королевские музеи в Дрездене.

Румянцевский музей стал обладателем произведений и самого Мосолова. Однако сюда поступили отнюдь не все выполненные им гравюры. Щедрый на подарки, автор сплошь и рядом забывал оставить себе даже один оттиск своей работы. Полное собрание мосоловских гравюр имели его друзья — собиратели Н.В.Баснин и С.П.Виноградов.

В 1917 г. в Румянцевском музее была устроена выставка рисунков голландских художников XVII в. из коллекции Н.С.Мосолова — 46 работ.

Из фамильного собрания в Румянцевский музей перешли работы западных мастеров: Кейпа, К.Дольчи («Голова Христа», «Мадонна»), А. ван Остаде («Флейтист»), Н.Берхема («Стадо у воды»), К.Дюжардена («Пастух с ослом») и, наконец, картина «Юный Христос, благославляющий мир», принадлежавшая кругу мастеров, близких Леонардо да Винчи. Сюда

же поступила и фамильная портретная галерея, в том числе портреты деда, отца, матери Н.С.Мосолова кисти В.А.Тропинина и О.А.Кипренского. Из работ русских скульпторов выделялись копия скульптуры «Иван Грозный», выполненная самим М.М.Антокольским, и несколько бронзовых групп работы Е.Е.Лансере. Богаче была представлена западноевропейская скульптура: бронзовая копия XVIII в. с античной мраморной группы «Лаокоон с детьми», портретный бюст неизвестного мастера эпохи Возрождения, статуэтка «Диана» французской работы XVII столетия. XIX век был представлен бронзовой скульптурой «Рыбак» Менье и двумя работами «Амазонка» и «Танцовщица» Ф.Штука.

Кроме гравюр, рисунков, картин и скульптур Румянцевский музей получил от Мосолова по завещанию коллекцию изящной японской и китайской бронзы, фарфора, изделий из слоновой кости, коллекцию копенгагенского фарфора. Николай Семенович завещал музею и всю мебель: шкафы, столы, стулья, тумбы, стеллажи, подставки.

Когда в музее в одном из залов картинной галереи разместили это личное художественное собрание, то, по мнению современников, получился «живой мавзолей, посвященный памяти покойного Николая Семеновича и носящий на себе печать вкусов, привычек и коллекционерских пристрастий этого барина-коллекционера, привлекательный тип которого совершенно исчезает под напором современной жизни» (13, с. 64).

Мосоловский зал просуществовал недолго. В 1923 г. не стало самого Румянцевского музея. Основная часть коллекции Николая Семеновича перешла в Музей изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С.Пушкина), где сегодня насчитывается около 1500 графических листов из его собрания (355 гравюр Рембрандта, 210 — Остаде, 157 рисунков голландских художников), а также шесть живописных полотен и столько же скульптур.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вести за месяц // Старые годы. — 1915. — N 10. — С. 53.

2. Виппер Б. Рисунки голландских художников XVII века: Каталог выставки. — М., 1917.

3. Водо Н.Н. Столетие Гравюрного кабинета // 50 лет Государственному музею изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Сб. статей. — М., 1962. — С. 16—17.

4. Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Каталог картинной галереи: Живопись. Скульптура. Миниатюра. — М., 1986. — С. 27, 41, 62, 79, 102, 123, 195—196, 200, 207, 214, 216.

5. Каталог картинной галереи Румянцевского музея. — М., 1915. — С. 278, 285.

6. Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа: 1764—1917. — Л., 1985. — С. 299.

7. Миронов А. Московский Публичный и Румянцевский музеи как художественно-воспитательное учреждение. — М., 1899. — С. 20.

8. Мосолов Н.С. // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 37.

9. Некрасов Н.В. Н.С.Мосолов // Среди коллекционеров. — 1921. — N 8—9. — С. 40—43.

10. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. / Сост. Д.А.Ровинский. — Спб., 1895. — Т. 2. — С. 665—666.

11. Сидоров А.А. Рисунки старых мастеров в московских собраниях: Румянцевский музей // Среди коллекционеров. — 1922. — N 7—8. — С. 3—16.

12. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1912. — Ч. 3. — С. 8; Ч. 5. — С. 23.

13. Эттингер П.Д. Николай Семенович Мосолов // Русский библиофил. — 1914. — N 7. — С. 61—64.

МОСОЛОВ Федор Семенович
(1769—1840)

С картины В.А. Тропинина. 1830-е гг.

Ф.С. Мосолов — коннозаводчик, собиратель художественной коллекции. Двоюродный дед Николая Семеновича Мосолова.

Родился в богатой дворянской семье. Систематического образования не получил, но, по свидетельству современника, «был один из тех немногих людей, которые, не получив в молодости большого образования, овладели современным просвещением силою природного ума и твердой воли» (1, с. 5).

Будучи страстным охотником, причем приверженцем конной охоты, Ф.С.Мосолов обожал лошадей и в двадцатилетнем возрасте завел в своей усадьбе конный завод. Ему Россия обязана сохранением породы чистокровных скаковых лошадей. Коннозаводством Ф.С.Мосолов занимался почти полвека, делал это с большим знанием, усердием, преодолевая все трудности, которых немало возникало на его пути.

Конный завод Мосолова находился в подмосковном селе Головково, в шестидесяти верстах от города. Это был один из лучших заводов России. Только здесь истые охотники могли приобрести «чистую, бесприместную кровь лучших скакунов». Когда были учреждены скаковые призы, то лошади с завода Мосолова занимали, как правило, первые места.

Признанием заслуг Федора Семеновича в этой области стало избрание его в течение ряда лет старейшиной скаковых охотников.

Другой страстью Мосолова было художественное коллекционирование. Он собирал картины западноевропейских мастеров, скульптуру из мрамора и бронзы, эстампы.

В труде известного историка, архивиста и археографа А.Ф.Малиновского «Обозрение Москвы», своеобразном путеводителе по старой русской столице первой трети XIX в., среди прочих частных собраний вы-

делена картинная галерея Ф.С.Мосолова: «Семьдесят картин г.Мосолова, сообразно со светом для каждой размещенные в отделанной нарочно для того галерее, придают новое достоинство Караваю, Валентену, Вернету, Вандику, Рембрандту, Винанитау, Карлу Дольчи и Сальватору Розе, которых изящные произведения тут находятся. Лучшими картинами в сей галерее считают Рубенсову «Сусанну», аллегорическую Луки Жордана, «Фламандский праздник» Исаака Останда и «Сельский вид» Вумервана» (3, с. 164).

Другой описатель частных галерей, Павел Петрович Свиньин, не только называет лучшие картины из собрания Ф.С.Мосолова, но указывает, как и при каких обстоятельствах некоторые из них попали в галерею. Таким образом известно, что Мосолов приобретал картины у других коллекционеров и был активным участником художественных аукционов. Когда в 1817—1818 гг. была устроена распродажа картинной галереи Голицынской больницы, то часть полотен приобрел именно Федор Семенович Мосолов. В их числе — «Сельский праздник» Адриана ван Остаде, «Снятие со креста» Якова Коведина, а также картины Рубенса и Луки Жордана.

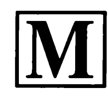
Часть произведений для своей коллекции Мосолов приобрел у А.П.Бибикова и А.С.Васильчикова. У последнего, кстати, он купил «Автопортрет» знаменитого испанского художника Веласкеса, «Пейзаж» Ф.Вувермана, «Иисус и блудница» Караваджо.

П.П.Свиньин осматривал галерею Мосолова в 1819 г. В 1824 г. ее описал французский любитель живописи де Лаво. Вслед за Свиньиным и Малиновским он также восхищается прекрасным собранием и относит его к числу наиболее ценных в «Московии».

Федор Семенович был бесконечно увлечен искусством, о каждой из картин он стремился узнать как можно больше. Он хорошо знал собрания москвичей-современников и был не только страстным собирателем, но и тонким ценителем живописи, получавшим от созерцания полотен ни с чем не сравнимое наслаждение. Как вспоминал его близкий друг драматург и переводчик С.П.Жихарев, «после двадцатипятилетнего обладания картиною, мрамором или хорошим оттиском эстампа он любовался ими точно так же, как и в первый день их приобретения... Не раз случалось нам заставать его совершенно одного, медленно прохаживающегося по картинной галерее своей и отыскивающего в произведениях кисти Рубенса, Джордона (по-видимому, Джорджоне. — *Прим. авт.*), Риберы, Веласкеза, Остада, Вернета и прочих новых красок и нового для себя наслаждения» (1, с. 7).

Ф.С.Мосолов умер в 1840 г.

Коллекцию Ф.С.Мосолова наследовал его брат, Николай Семенович Мосолов (1775—1859), также известный собиратель картин и гравюр. Все Мосоловы были страстными коллекционерами. Однако последний владелец фамильной коллекции, гравер-офортист Николай Семенович Мосолов, собирая графику, распродал почти всю веками складывавшуюся картинную галерею. При этом большинство произведений попало в разные руки, и только некоторые поступили в московские музеи. Ныне в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина хранится шесть картин маслом и столько же скульптур, восходящих к мо-



соловской коллекции. Не исключено, что некоторые из них в свое время украшали галерею Федора Семеновича Мосолова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Волунин Мемнон [Жихарев С.П.] // Федор Семенович Мосолов. Б. м. и. г.*
2. *Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Каталог картинной галереи: Живопись. Скульптура. Миниатюра. — М., 1986. — С. 27, 41, 79, 102, 123, 134, 195—196, 200, 214, 216.*
3. *Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992.*
4. *Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 2. — С. 205—209.*
5. *Чаянов А.В. Московские собрания картин сто лет назад // Известия Московской городской думы. — 1917. — N 1. — С. 1—16.*

МУСИН-ПУШКИН Алексей Иванович (1744—1817)

С миниатюры неизвестного художника.

А.И. Мусин-Пушкин — граф, государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей.

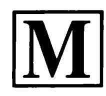
Родился в Москве 16 марта 1744 г. в семье гвардии капитана Ивана Яковлевича Мусина-Пушкина. Графский титул он получил не при рождении, а заслужил своими трудами: в графское достоинство А.И.Мусин-Пушкин был возведен уже в зрелые годы, при Павле I.

Тринадцатилетним мальчиком, в 1757 г., Алексей Мусин-Пушкин поступил в Артиллерийское училище, после окончания которого начал службу в артиллерии. Вскоре назначен адъютантом при князе Г.Г.Орлове, благодаря чему вошел в близкое окружение Екатерины II. Когда в 1772 г. фаворит, вызвав недовольство Екатерины, был отстранен от дел, его адъютант также подал в отставку. Неудачно сложившаяся военная карьера не обескуражила молодого человека.

В том же 1772 г. он отправляется в большое путешествие по Европе. Посещает Германию, Францию, Голландию, Италию. Везде его привлекают достопримечательности, памятники старины и искусства. Он знакомится со многими частными коллекциями. По возвращении в Россию в 1775 г. Мусин-Пушкин начинает свою собирательскую деятельность, увенчавшуюся созданием крупнейшего в России частного хранилища древностей, занимается историческими исследованиями, принесшими ему известность ученого-археолога.

Карьера его на государственном поприще начинается в 1789 г., когда А.И.Мусин-Пушкин возглавил привилегированное учебное заведение для инородцев — Корпус чужестранных единоверцев. Этот ответственный пост он занял благодаря своим глубоким познаниям в истории и литературе, превосходному владению иностранными языками.

Новое назначение способствовало его занятиям наукой и литературой. Он принадлежал к числу известнейших в XVIII—начале XIX в. «лю-



бителей истории»: так называли тогда людей, любовь которых к родной истории заставляла их серьезно и основательно проводить исторические изыскания, собирать и публиковать памятники Древней Руси. Такими «любителями истории» были Н.М.Карамзин, А.Н.Оленин, Н.П.Румянцев, И.П.Елагин, А.Ф.Малиновский, труды которых положили начало формированию русской исторической науки. В 1789 г. А.И.Мусин-Пушкин был избран членом Российской академии. Еще раньше, в 1785 г., его избрали почетным членом Академии художеств. В 1794—1799 гг. он даже возглавлял ее.

Коллекционировать А.И.Мусин-Пушкин начал в Санкт-Петербурге; по его словам, с самого начала он собирал «отечественные книги, монеты и редкости» (6, с. 77—78). Владел он и неплохим собранием живописи. Однако славу ему как коллекционеру принесло рукописное собрание, о котором заговорили в 1791 г.

Именно в этом году через книгопродавца В.С.Сопикова собиратель приобрел архив историка и комиссионера Петра I, П.Н.Крекшина. Известный деятель петровского окружения умер в 1760 г., и бумаги его за ненадобностью наследники свалили в сарай, где те пролежали более тридцати лет. В 1791 г. их за бесценок (200 рублей) купил Сопиков и перевез в свою лавку в надежде выгодно сбыть. Ему удалось сделать это относительно быстро. «Торг тотчас состоялся, и покрытые пылью, неизвестностью бумаги были немедленно перевезены к новому владельцу» (9, с. 454). Все бумаги за 500 рублей приобрел Мусин-Пушкин.

Позднее в автобиографии Алексей Иванович так передаст эпохальное для своей коллекции событие: «Нечаянно узнал он, — читаем мы в «Вестнике Европы» за 1813 год, где автобиография публиковалась от имени третьего лица, — что привезено на рынок в книжную лавку на нескольких телегах премножество старинных книг и бумаг, принадлежащих комиссару Крекшину, которые великой кучей лежат у книгопродавца, и что в числе их есть такие, каких прочесть не можно. А как ему известно, что Крекшин при Государе Петре Великом имел многие поручения... то не медля, того же часа поехал в лавку и, не допуская до разбору ни книг, ни бумаг, без остатку все купил — и не вышел из лавки, доколе всего, при себе положа на телеги, не отправил в дом свой» (6, с. 78). Так мог поступить только коллекционер, уже осознанно формирующий свое собрание, страстно увлеченный собирательством и прекрасно понимающий, какие невиданные редкости можно обнаружить «в сей великой куче».

Предчувствия не обманули любителя древностей. Кроме интереснейших документов царствования Петра I, в том числе и собственноручных его записок, здесь оказались и древнерусские манускрипты — летопись за подписью князя Ф.И.Кривоборского, летопись патриарха Никона, правленная им собственноручно, летопись с примечаниями В.Н.Татищева, Книга Большому Чертежу Российской империи.

Позднее А.И.Мусин-Пушкин получил еще одно собрание бумаг П.Н.Крекшина (непосредственно от наследников), среди которых исследователем был обнаружен «Летописец российский преподобного Нестора древлеписьменной на пергамине», составленный в 1375 г. Эта летопись вошла в историю под названием Лаврентьевской летописи. Именно в ней содер-

жалось Поучение Владимира Мономаха, один из наиболее выдающихся памятников культуры Древней Руси.

Случайно попавшие к нему ценнейшие документы сделали собрание и имя Мусина-Пушкина известным в кругу исследователей, расположили к нему многих видных ученых. Общение с ними углубило интерес коллекционера к отечественным древностям и сделало его еще более страстным собирателем. Он стал приобретать рукописи с помощью комиссионеров, которых имел во многих городах. Причем наказывал им щедро одаривать деньгами тех, кто предлагал редкости.

Екатерина II, познакомившись с коллекцией Мусина-Пушкина, получившей широкую известность в Петербурге, осталась ею очень довольна и способствовала дальнейшему ее увеличению. Она подарила собирателю несколько старинных книг и рукописей. Но главное, она назначила Алексея Ивановича указом от 26 июля 1791 г. обер-прокурором Синода, а следующим указом от 11 августа 1791 г. повелела собирать в Синоде древние рукописи и старопечатные книги из всех церквей и монастырей России. Во все епархии разослали предписание, обязывавшее присылать старинные бумаги, и уже в первый год было получено до ста рукописей. Мусин-Пушкин получил неограниченные возможности для исторических занятий. Часть поступлений впоследствии оказалась в личном собрании Мусина-Пушкина.

«Такое позволение, — отмечал Алексей Иванович в автобиографии, — доставило ему редкие исторические и дипломатические выписки и книги, а место его в Святейшем Синоде и короткое знакомство и обращение с духовными особами подали случай собрать множество древних рукописей и печатных книг, что весьма умножило и обогатило его собрание» (6, с. 82).

К 1793 г. у Мусина-Пушкина было уже 1725 рукописей. Позднее он стал обладателем рукописей из собрания протоиерея П.А.Алексеева, археолога, историка и палеографа А.Н.Оленина, графа Г.И.Головкина, астраханского архиепископа Никифора, рукописей из коллекции И.Быковского. Несколько рукописных своих сочинений подарил собирателю поэт Г.Р.Державин.

Большую коллекцию ростовских и ярославских древностей Мусин-Пушкин получил благодаря знакомству с архиепископом Арсением (Верещагиным), с 1787 г. возглавлявшим Ярославскую епархию. Среди старинных документов оказалось и знаменитое «Слово о полку Игореве», хранившееся в ризнице Спасо-Преображенского собора упраздненного Спасо-Ярославского монастыря. Находка и публикация этого бесценного памятника древнерусской литературы принесли коллекционеру мировую известность.

Иногда в его коллекцию поступали целые библиотеки или значительные их части. Так, к нему перешли полностью библиотека профессора Московского университета А.А.Барсова, часть книжного собрания и рукописей историка и поэта И.П.Елагина. Книжные редкости завещал Алексею Ивановичу архангельский архиепископ Аполлос (Байбаков). К нему со временем перешла и библиотека архимандрита Иоиля. Библиотека историка И.Н.Болтина была куплена императрицей специально для со-

брания А.И.Мусина-Пушкина. Большая часть книг и рукописей историка В.Н.Татищева также влилась в собрание.

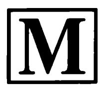
Обширный свод рукописей А.И.Мусина-Пушкина составлялся в те годы, когда из церковного обихода активно вытеснялись рукописные книги и им на смену приходили типографские издания. На антикварном рынке оказалось множество рукописей из церковных и монастырских собраний. Не случайно самые крупные рукописные коллекции А.И.Мусина-Пушкина, Ф.А.Толстого, Н.П.Румянцева сложились именно на рубеже XVIII—XIX вв.

Особое место в рукописном собрании Мусина-Пушкина занимали черновые бумаги выдающихся людей. Идея собирать их появилась под впечатлением когда-то увиденной во Флоренции портретной галереи Марии Медичи, которая была составлена исключительно из автопортретов современников собирательницы. Все бумаги, совершенно справедливо рассуждал коллекционер, когда-нибудь станут ценным источником для характеристики своего времени, и надо их уже сейчас собирать и беречь. Первыми стали бумаги Екатерины II, которые Мусину-Пушкину подарила сама императрица. Это были ее черновики к «Запискам касательно Российской истории», а также бумаги к новому Уложению. Впоследствии к ним добавились бумаги митрополитов Димитрия Ростовского, Самуила Киевского, Гавриила Новгородского, Арсения Ростовского (Верещагина). Вместе с книгами А.А.Барсова и И.Н.Болтина к собирателю перешли их личные архивы.

Кроме рукописей и старопечатных книг в собрание Мусина-Пушкина входил обширный минц-кабинет, в котором были монеты и медали как отечественные, так и «чужестранные». «По пословице: на ловца и зверь бежит, — писал в его биографии Д.Н.Бантыш-Каменский, — любопытное собрание Мусина-Пушкина вскоре увеличилось несколькими летописями графа Гавриила Ивановича Головкина, который подарил ему и древние монеты, им собранные. Тогда получил он из Киева монету, досель единственную, с подписью: сребро Ярославле, а также древнюю полтину с словами: Княз. Волод., найденную там при копании рва. Эти драгоценные приобретения внушили ему мысль отыскивать, посредством комиссионеров, в старинных Российских городах древние рукописи и деньги, с поручением платить за последние вдвое против весу. Полный успех увенчал его предприятие» (9, с. 454—455).

«Между ними, — писал о минц-кабинете Мусина-Пушкина коллекционер и писатель П.П.Свиньин, — особенно замечательна достопамятная медаль, коею Царевна София наградила своего любимца Голицына за Турецкий поход: на одной стороне медали изображена София в Царской короне, а на другой — Цари Иоанн и Петр. Футляр сделан из яшмы с яхонтовою крышечкою, медаль же привешена на тяжелую золотую цепь» (12, с. 72—73).

Имелось у Алексея Ивановича и живописное собрание. И хотя оно не получило такой известности, как его коллекция рукописей, однако среди картин были подлинники Рафаэля («Богоматерь»), Рубенса («Богоматерь»), Леонардо да Винчи («Спаситель»), Корреджо («Головы»). Произведение Рафаэля коллекционер выменял из известного в конце XVIII в. собрания гра-



фа Головкина. В картинной галерее Мусина-Пушкина были Сальватор Роза, Бюргель, Берхем, Сасо-Ферато.

Картины дополнялись небольшим собранием скульптур: «В числе антиков и бронз, — замечал один из современников, — нельзя не заметить прекрасной группы: Геркулеса, поражающего смертоносною палицею стоглавую гидру. Это есть превосходное произведение славного Jean Boulogne. Оно хотя вылито из серебра, но покрыто бронзовым лаком, дабы выставить наружу все малейшие мускулы и нервы, кои представлены чрезвычайно натурально» (12, с. 73).

В 1797 г. Алексей Иванович вышел в отставку с поста обер-прокурора Синода. Через два года, оставив все государственные должности, он поселился навсегда в Москве в собственном просторном доме на Разгуляе. Сюда и была привезена из Петербурга его богатейшая библиотека с обширнейшим рукописным отделом и все его коллекции. Здесь, среди любимых рукописей и древностей, прошли его последние годы.

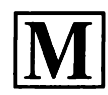
Мусин-Пушкин гордился своим собранием и охотно предоставлял рукописи для работы. Памятники изучали известные историки Н.М.Карамзин, И.Н.Болтин, Н.Н.Бантыш-Каменский, чешский исследователь Йозеф Добровский.

Будучи крупным знатоком российских древностей, А.И.Мусин-Пушкин опубликовал несколько ценных рукописей из своего собрания. В 1800 г. он подготовил и издал одну из жемчужин древнерусской культуры — «Слово о полку Игореве». Драгоценный памятник погиб в огне московского пожара 1812 г., и это издание служит первоисточником для многих поколений историков и литературоведов.

В 1807 г. друг коллекционера, Н.Н.Бантыш-Каменский, убедил владельца пожертвовать свое книжное и рукописное собрание Архиву Коллегии иностранных дел. В прошении на имя императора Алексей Иванович писал: «Изучение отечественной истории с самых юных лет было одно из главнейших моих упражнений. Чем более встречал я трудностей в исследовании исторических древностей, тем более усугублялось мое желание найти сокрытые оных источники; и в течение многих лет успел я, наконец, немалыми трудами и великим иждивением собрать довольное число редких летописей и разных рукописных исторических сочинений и выписок» (5, с. 19—20).

Однако Алексей Иванович «похвального намерения своего исполнить не успел». Вся его коллекция погибла в огне во время французского нашествия. Сохранилось лишь около двадцати рукописей некогда громадного древлехранилища, которые в 1812 г. по счастливой случайности находились у других исследователей либо были в ярославском имении коллекционера, да те, что он в свое время подарил Александру I и Великой Княгине Елене Павловне. В частности, несколько памятников оказалось у Н.М.Карамзина. Летопись Ф.И.Кривоборского была в это время у П.П.Бекетова. Уцелел и Лаврентьевский список Несторовой летописи: он буквально накануне войны был преподнесен коллекционером Александру I (ныне — в Российской национальной библиотеке в Петербурге).

Гибель древлехранилища Мусин-Пушкин очень тяжело переживал. Страсть к собирательству побудила его снова приняться за поиски. Однако на этот раз он сумел собрать немного рукописей.



Во время пожара погиб и его личный архив, в том числе записи, которые он вел ежедневно с 1772 г. Они представляли громадный интерес не только для него, но и для характеристики общества конца XVIII—начала XIX в.

Однако сохранилась картинная галерея. По свидетельству К.Ф.Калайдовича, написавшего обстоятельную биографию коллекционера, «дочь его, княгиня Волконская, увезла картины и серебро; но, без позволения отца, не смела прикоснуться к запертым шкафам, от которых ключи находились у него» (9, с. 464). В 1819 г. о хорошем собрании картин графини Екатерины Ивановны Мусиной-Пушкиной, вдовы коллекционера, писал П.П.Свиньин, давая характеристику московским частным коллекциям на страницах журнала «Отечественные записки».

А.И.Мусин-Пушкин умер в Москве 1 февраля 1817 г. Его отпевали в Богоявленском соборе и похоронили в имении Иловна Мологского уезда Ярославской губернии.

В 1866 г. в Чертковскую библиотеку в Москве была пожертвована коллекция рукописей, собранных А.И.Мусиным-Пушкиным в 1813—1817 гг. Их было всего шестнадцать.

Особняк Мусина-Пушкина сохранился до наших дней.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и просвещению: А.И.Мусин-Пушкин. — Рыбинск, 1994.

2. Дмитриев Л.А. Первые издатели «Слова» // Вестник Академии наук СССР. — 1976. — N 4 . — С. 97—103.

3. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 116.

4. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911. — Спб., 1912. —N773.

5. Калайдович К.Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А.И.Мусина-Пушкина // Записки и труды Общества Истории и Древностей Российских. — М., 1824. — Ч.2. — С. 6—24.

6. Калайдович К.Ф. Записки для биографии графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Вестник Европы. — 1813. — N21—22, отд. 2. — С. 76—91.

7. Козлов В.П. Кружок А.И.Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». — М., 1988.

8. Моисеева Г.Н. О «Собрании российских древностей» А.И.Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1983. — Л., 1985. — С. 14—26.

9. Мусин-Пушкин А.И. // Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. — Спб., 1847. — Ч.2. — С. 451—471.

10. Мусин-Пушкин А.И. // Русские портреты XVIII и XIX столетий. — Спб., 1906. — Т.2, вып.3. — N75.

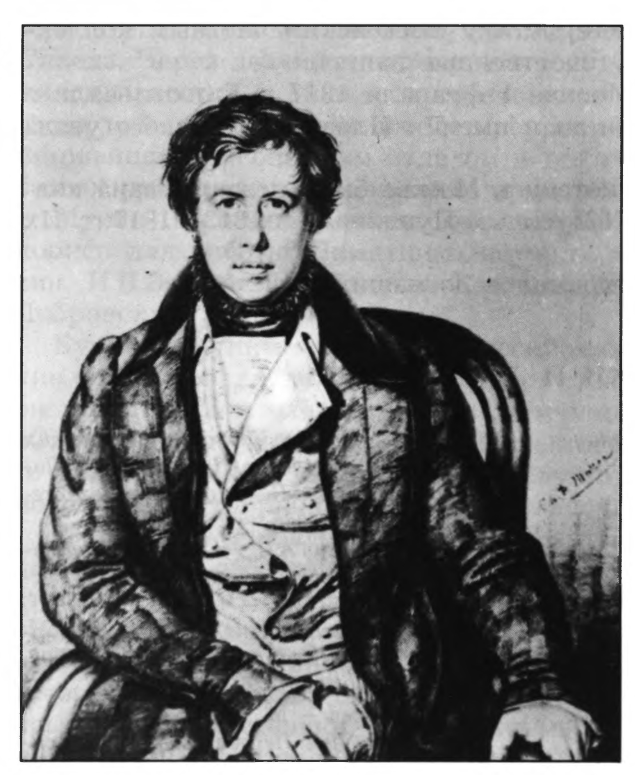
11. По Москве. — М., 1917. — С. 102.

12. Свиньин П.П. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 1. — С. 71—73; N 2. — С. 234.

13. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 113—114.

14. Щепкина М.В. К вопросу о сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве» (принадлежащей А.И.Мусину-Пушкину) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. — Л., 1955. — Вып.11. — С.39—47.

НАЩОКИН Павел Воинович (1801—1854)



С рисунка К.-П. Мазера. 1839.

П.В. Нащокин — собиратель картин и древностей.

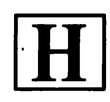
Родился 8 декабря 1801 г. в Москве в богатой родовитой семье. Его отец — Воин Васильевич Нащокин — был известным генералом екатерининских времен. Отличался смелостью и отвагой. Он знаменит также тем, что крестной его была императрица Анна Иоанновна и нареченное имя Доримедонт изменила на Воин. Отец умер, когда Павлу было пять лет.

В 1814—1815 гг. учился в Благородном пансионе при Царскосельском лицее. В 1819—1820 гг. служил прапорщиком в лейб-гвардии Измайловском полку, затем юнкером, корнетом и поручиком в Лейб-кирасирском полку. Избалованный богатой матерью, имея большое состояние, Павел Воинович в ноябре 1823 г. оставил военную службу и вел жизнь вольную, если не сказать — сумасбродную.

Павел Воинович был одним из самых задушевных друзей Пушкина. Познакомились они в Благородном пансионе, где вместе с Нащокиным учился брат Пушкина, а особенно сблизились после 1830 г. Александр Сергеевич Пушкин ценил в Нащокине живость и независимость ума, его непревзойденный дар рассказчика (в письмах признавался: «слушаю Нащокина», «забалтываюсь с Нащокиным»). Одна из нащокинских историй — о белорусском дворянине Павле Островском — послужила основой для пушкинского «Дубровского». Сюжет «Домика в Коломне» взят из жизни Нащокина: влюбившись в актрису Варвару Асенкову, он, переодевшись в женское платье, месяц служил у нее горничной. Своего друга поэт мечтал изобразить в романе «Русский Пелам», идею которого вынашивал в 1834—1836 гг.

Нащокин был дружен и с Н.В.Гоголем, который «списал с него» Хлобуева, выведенного во второй части «Мертвых душ».

Когда и при каких обстоятельствах увлекся Павел Воинович собирательством — неизвестно. Его коллекция была обширна — «он покупал



все, что попадалось ему на глаза: фарфор, бронзу, бриллианты, бирюзу...» (9, с. 9). В его собрании были монеты, гравюры, литографии, произведения китайского прикладного искусства и пр. Среди живописных полотен — произведения художников итальянской и голландской школ. Нащокин обладал тонким художественным вкусом, хорошо разбирался в искусстве, интересовался современной живописью. Он дружил с известными художниками; был близко знаком с К.П.Брюлловым. Он специально пригласил к себе художника Н.И.Подклюшникова, который выполнил семейный портрет Нащокиных и запечатлел интерьер их гостиной. В доме Павла Воиновича два года жил художник К.П.Мазер.

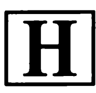
В собрании Павла Нащокина была целая галерея его живописных и графических портретов — около ста работ разных мастеров. Можно утверждать, что ни у одного московского собирателя ни до Нащокина, ни после него не было столь своеобразного «личного собрания». Правда, появление экзотической портретной галереи объяснялось желанием Нащокина каким-то образом помочь художникам. «Залы у него, — писал М.И.Пыляев в книге «Замечательные чудаки и оригиналы», — были полны произведениями начинающих художников; одних собственных его портретов было более сотни... все его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками» (9, с. 9).

Но, пожалуй, самым необыкновенным экспонатом его коллекции стал игрушечный домик, вошедший в историю под названием «Нащокинский домик». Задумал свой «Маленький домик» неистощимый на выдумки Нащокин в 1830-е годы и настойчиво создавал в течение семи лет. По замыслу Павла Воиновича, это должна была быть уменьшенная копия собственной его квартиры, в которой с необыкновенной точностью он стремился передать все убранство вплоть до мелочей.

«Маленький домик» представлял собою прямоугольный футляр размером 2,5×2 м с раздвижными зеркальными стеклами, позволявшими рассматривать убранство всех комнат двух этажей и подвала. Тут были гостиная, танцевальная зала, столовая (стол сервирован на 60 персон), «пушкинская комната», буфетная, кабинет, спальня, бильярдная, кухня.

Лучшие мастера делали для Нащокина точные копии всех предметов из подлинных материалов — бронзы, фарфора, серебра, красного дерева, резной кости. Все предметы изготавливались на тех же фабриках, что и настоящие. Фарфор — на фабрике Попова, мебель — на фабрике братьев Гамбс, рояль высотой 18 сантиметров был исполнен на московской фабрике Ф.Фишера. Мастера серебряных дел, как и положено, ставили клейма на все игрушечные изделия. Отдельные предметы были заказаны Нащокиным за границей — в Вене и Лондоне. Миниатюрные подобия тропических растений заказывались в Париже. Все выполнялось безукоризненно точно, каждое изделие требовало большого кропотливого труда, незаурядного мастерства. Миниатюрные вещицы стоили дорого. Например, рояль обошелся хозяину в полторы тысячи рублей.

Точность, с которой были выполнены все предметы убранства «Нащокинского домика», поражала современников. К примеру, буфет имел крошечные замочки с ключиками и выдвижными досками. Неизменный восторг у всех вызывали книги, набранные специальным шрифтом и изготов-



ленные по всем правилам типографского и переплетного искусства. Особый интерес представляла искусно воспроизведенная коллекция Нащокина: литографии, картины итальянских и голландских мастеров.

«Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свечка, приготовленная для зажигания канделябров, — писал один из очевидцев. — В одной из комнат сидят пестро одетые дамы, а в дверях — фигура военного времен очаковских. Хозяйка приветствует его рукой. В другой комнате хозяин и гость кушают кофе. В биллиардной идет игра, все фигуры одеты в надлежащие тому времени костюмы. Жизнь старого русского дома искусно схвачена в целом ряде моментов» (9, с. 15).

В письме к жене от 8 декабря 1831 г. из Москвы А.С.Пушкин с восторгом писал о «Нащокинском домике»: «Дом его (помнишь?) отделывается: что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испражнится разве шпанская муха» (7, с. 394).

В другом письме он сообщал: «У него в домике был пир: подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей» (7, с. 394).

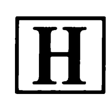
Павел Воинович собирался подарить домик Наталье Николаевне Пушкиной. «Эта вещь, — писал о домике А.И.Куприн, — драгоценна как памятник старины и кропотливого искусства, но она несравненно более дорога нам как почти живое свидетельство той обстановки, той среды, в которой попросту и так охотно жил Пушкин» (2, с. 11). Однако, разорившись, Нащокин вынужден был заложить его в 1840-е годы нотариусу Пирогову. Последний предполагал продать домик в казну, но сделка не состоялась. Тогда реликвия попала в московский антикварный магазин Волкова.

Сын писателя Загоскина, Сергей Михайлович, вспоминал: «Нащокин получил некоторую известность в Москве устройством маленького домика, помещавшегося на простом ломберном столе и в котором мебель, фортепиано, картины, посуда, серебро и вообще все убранство было сделано лучшими мастерами и совершенно схоже с употребляемым в настоящих, жилых домах. Игрушка эта, говорят, стоила Нащокину больших денег и немало способствовала окончательному расстройству его уже сильно расшатанного состояния. Гораздо позднее домик этот продавался в московском антикварном магазине Волкова, если не ошибаюсь, за 40000 руб. ассигнациями» (1, с. 941).

П.В.Нащокин был вынужден расстаться не только с «Маленьким домиком». Попадая в затруднительное положение, он всякий раз продавал что-нибудь из своей коллекции. «Своей роскошной жизни он не покидал и понемногу стал распродавать свои богатые коллекции: монеты, картины, фарфор, бронзу и т.д.» (9, с. 13).

В Москве Нащокин неоднократно менял квартиры. В 1831—1832 гг. он снимал двухэтажный дом Ильинской у Пречистенских ворот в Гагаринском переулке (ныне д. 4). Здесь у него бывал и останавливался А.С.Пушкин. Именно эта квартира и стала прообразом «Маленького домика».

П.В.Нащокин умер в Москве 6 ноября 1854 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище.



В течение семидесяти лет «Маленький домик» переходил из одних рук в другие. Отдельные предметы были утрачены. В 1918 г. в составе одного из национализированных собраний эта реликвия поступила в Исторический музей. Здесь с 1905 г. хранилось несколько предметов из «Нащокинского домика», попавших сюда в составе коллекции Петра Ивановича Щукина. В 1930-е гг., когда создавался Всесоюзный музей А.С.Пушкина в Ленинграде, домик перешел в его фонды, где и находится в наши дни. В общей сложности в «Нащокинском домике» сохранилось свыше 300 предметов убранства. Время от времени в музей поступают вещицы из домика, некогда распроданные поштучно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. — 1900. — Март.

2. Назарова Г. Нащокинский домик. — Л., 1971.

3. Нащокин П.В. Воспоминания П.В.Нащокина с поправками Пушкина. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 томах. — М.; Л.,1949. — Т.12. — С. 287—292.

4. Нащокин П.В. Воспоминания Павла Воиновича Нащокина, написанные в форме письма к А.С.Пушкину. / Публикация Эйдельмана Н.Я. // Прометей. 2-е изд. — М., 1975. — Т.10. — С. 275—292.

5. Нащокин П.В. // Друзья Пушкина. / Сост. В.В.Кунин. — М., 1984. — Т.2. — С. 319—373.

6. Пушкин А.С. Дневник: 1833—1835. / Под ред. и с объяснит. прим. Б.Л.Модзалевского и со статьей П.Е.Щеголева. — М.; Пг., 1923. — С. 199—201.

7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в десяти томах. — М.; Л., 1949. — Т.10. — С. 394.

8. Пушкин и его время. — Л., 1962. — Вып. 1. — С. 421—422.

9. Пыляев М.И. Замечательные чудаки и оригиналы. — М., 1990. — С. 6—15.

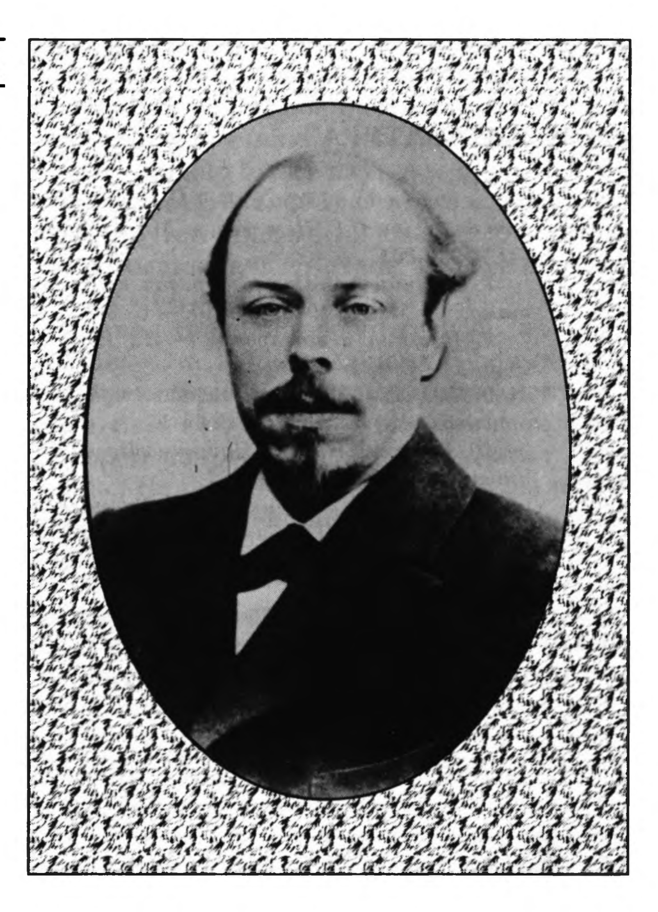
10. Раевский Н. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. — М., 1971.

11. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым в 1851—1860 гг. / Вступ. статья и прим. М.Цявловского. — М., 1925.

12. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. — Л., 1976. — С. 268—269.

НЕСТЕРОВ Михаил Васильевич

(1862—1942)



М.В. Нестеров — художник, собиратель живописи.

Родился в Уфе 19 мая 1862 г. в купеческой семье. Вероятно, первой картиной, которую увидел Миша Нестеров, был портрет деда, Ивана Андреевича Нестерова. «По сохранившемуся портрету, — вспоминал впоследствии художник, — дед был с виду похож на администраторов того времени. Изображен в мундире с шитым воротником, с двумя золотыми медалями. Он имел звание «степенного гражданина» (4, с. 26).

Одно из первых ярких впечатлений Нестерова — посещение Уфимской ярмарки. Много лет спустя, вспоминая эти годы, он писал: «По пути так много было разнообразных впечатлений, столько раз приходилось останавливаться очарованным то тем, то другим. Проходили мимо ряда балаганов, где на балконе, несмотря на мороз, лицедействовали и дед, и девица в трико, и сам «Зрилкин», без которого не обходились ни одна окрестная ярмарка, ни одно деревенское празднество. Зрилкин был душой народных увеселений. Тут, конечно, был и знаменитый Петрушка.

Вот и книжные ряды, здесь тоже захватывающе интересно. Развешаны лубочные картинки: «Еруслан Лазаревич», «Как мыши кота хоронили», генералы на конях, по бокам которых так славно прошлись кармином, а по лицу Паскевича-Эриванского — медянкой...» (4, с. 35).

Осенью 1872 г. Нестеров поступил в приготовительный класс уфимской гимназии. «Учился плохо, шалил много», — по собственному признанию (4, с. 41).

В 1874 г. Нестеров впервые приехал в Москву, с которой в дальнейшем будет связан крепкими узами. В 1874—1877 гг. учился в реальном училище К.П.Воскресенского, в 1877—1881 гг. — в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у В.Г.Перова, А.К.Саврасова, И.М.Прянишникова. В эти годы он успел хорошо познакомиться с художественной галерей П.М.Тре-

тьякова. «Мы, тогда юнцы, ученики Училища живописи и ваяния, хорошо знали дорогу в Лаврушинский переулок. Там, во дворе, стоял небольшой двухэтажный особняк с подъездом посредине; тут же, сбоку, ютилась пристройка с особым входом. Мы шли туда, как домой» (4, с. 435). Не окончив училища, Нестеров уехал в Петербург, и в 1881—1884 гг. занимался в Академии художеств у П.П.Чистякова. Однако Академию оставил, снова вернулся в Москву и продолжил занятия в Училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончил в 1886 г.

В дальнейшем творческая деятельность художника протекала в Подмосковье (Сергиев Посад, Абрамцево), Уфе, Киеве, Петербурге, Абастумани. Особенно продолжительным стал киевский период, когда он вместе с В.М.Васнецовым работал над росписями собора святого Владимира. Приезжая в Москву, он останавливался в Кокоревском подворье на Софийской набережной.

В годы учебы в Петербурге Михаил Васильевич был «ежедневным посетителем» Эрмитажа; бывая в Москве, непременно посещал Третьяковскую галерею, был лично знаком с Павлом Михайловичем Третьяковым.

М.В.Нестеров неоднократно бывал за границей — в Италии, Франции, Греции, Австрии, Германии, где с неизменным интересом знакомился с памятниками архитектуры, галереями и музеями.

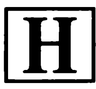
В 1890-е гг. Нестеров стал известным художником, создавшим такие картины, как «Христова невеста», «Пустынник», «Видение отроку Варфоломею». В эти годы было положено начало его личной коллекции. Не обладая большими средствами, Михаил Васильевич пополнял свое собрание преимущественно за счет обмена и подарков от друзей-художников.

Вспоминая свой приезд в Москву в 1893 г., Нестеров писал в мемуарах: «В Москве я пробыл недолго. Провел время оживленно. Поленов подарил мне прекрасный палестинский этюд... Тогда же Левитан подарил мне свой этюд Волги. Светославский и Аполлинарий тоже дали мне по хорошему этюду. Моя коллекция росла быстро» (4, с. 156). «Это хороший вклад в мою галерею», — сообщал Нестеров в письме к родным от 18 февраля 1893 г. (5, с. 105).

В 1896 г. В.А.Серов подарил Нестерову акварельный рисунок костюма князя Владимира, который он исполнил для оперы А.Н.Серова «Рогнеда», а В.М.Васнецов — эскиз «Слово о полку Игореве» и «этюд к давно написанному поэтическому пейзажу «Озеро с лебедями» (5, с. 141).

Как видно из переписки М.В.Нестерова, 7 апреля 1897 г. с его собранием познакомился П.М.Третьяков.

В мае 1910 г. М.В.Нестеров переехал из Киева в Москву, с которой связана вся его последующая творческая биография. Здесь ему предстояло выполнить настенные росписи в Марфо-Мариинской обители на Ордынке. Поэтому он стремился найти квартиру где-нибудь неподалеку. Довольно долго поиски не давали результата. «И вот однажды, — вспоминал Михаил Васильевич, — читаю: отдается квартира о семи комнатах на Донской. Еду на Донскую. Улица широкая, засаженная по сторонам деревьями вплоть до самого монастыря. Невзрачная в своем начале у Калужских ворот, она делается более и более приятной, приближаясь к концу. Много богатых особняков купеческого типа. Множество старых садов, что полагалось Замоскворечью в старину.



Вот и дом N 26, большой, не старый, трехэтажный. Вхожу — лестница чистая, удобная; квартира 96 наверху.

Показывает управляющий, нечто вроде приказчика из лабаза. Он вежлив, обстоятелен... Входим, осматриваю. Квартира светлая, с большим залом 14 на 10 аршин, что мне и нужно, в виду семиаршинных «Христиан». Цена тоже подходящая, по силам. Узнаю, что дом принадлежит купцу Простякову, что у него только по Донской восемь домов, да на Басманной еще... Договорились обо всем, дал задаток» (4, с. 285—286).

«Квартиру я нанял отличную, удобную, от Ордынки семь-десять минут езды на трамвае. Зато от центра — ох как далеко! минут двадцать пять езды...

Да! Квартирка хороша, из окон видна улица вся в садах, в конце старая-престарая церковь «Риз положения», а дальше Донской монастырь...» — писал Михаил Васильевич в письме к А.А.Турыгину 20 мая 1910 г. (5, с. 239).

Здесь, на третьем этаже особняка близ Донского монастыря, М.В.Нестеров жил и работал в 1910—1916 гг. В этой квартире и размещалось его художественное собрание.

В общей сложности в коллекции М.В.Нестерова насчитывалось более 100 произведений выдающихся русских художников XIX — начала XX в.: И.Е.Репина, А.М.Васнецова, В.М.Васнецова, С.А.Коровина, А.Н.Бенуа, Н.А.Ярошенко, А.Е.Архипова, И.С.Остроухова, В.Д.Поленова, И.И.Шишкина, И.И.Левитана, С.В.Малютина. Среди них были произведения с подписями авторов.

В доме М.В.Нестерова бывали многие видные деятели русской культуры: художники, архитекторы, меценаты. В их числе И.Э.Грабарь, П.Д.Корин, П.И. и В.А.Харитоненко, В.П.Зилоти. Возможно, среди гостей М.В.Нестерова в этом доме бывал и В.В.Розанов.

Размеры собрания, его высокая историко-художественная значимость побудили владельца всерьез задуматься о его дальнейшей судьбе. Так еще в начале 1900-х гг. у него возникла идея создания на основе своей художественной коллекции общедоступного музея в родном городе Уфе.

«Собирая коллекцию картин и этюдов для будущего музея на родине моей — Уфе, — писал М.В.Нестеров в письме к В.Н.Бакшееву в 1903 г., — я решаюсь обратиться и к Вам, Василий Николаевич, с предложением. Не пожелаете ли Вы... поменяться со мной Вашим прекрасным пейзажем, причем я могу предложить Вам акварельный эскиз картины моей «Великий постриг» и один из этюдов к новой картине» (1, с. 79).

Нестеров хотел разместить собрание в специальном здании на территории своей уфимской усадьбы, которое спроектирует архитектор А.В.Щусев. «По водворении там моей коллекции, — писал М.В.Нестеров в 1940 г., — предполагалась передача ее вместе с домом в дар г.Уфе на общее пользование моим землякам» (7, с. 87). Эти замыслы впоследствии претерпели изменения.

В преддверии юбилея С.Т.Аксакова в Уфе в 1909 г. началось сооружение в его честь Народного дома с музеем, библиотекой, аудиториями для народных чтений, театром. Михаилу Васильевичу предложили разместить художественную коллекцию в этом же здании. Нестеров принял предложение с условиями, во-первых, чтобы залы, отведенные для галереи, выходили окнами на север и, во-вторых, чтобы галерея пополнялась новыми произведениями только с ведома почетного попечителя (вначале им должен быть жертвователь, а после его смерти кто-либо из членов семьи или Академии

художеств). Аксаковский Народный дом с Нестеровской картинной галереей были торжественно заложены 30 апреля 1909 г.

В 1913 г. М.В.Нестеров официально передал свое собрание Уфе. За пожертвование художественной коллекции Михаил Васильевич был избран почетным попечителем Уфимской художественной галереи. Новому музею присвоили его имя. «На днях, — сообщал М.В.Нестеров А.А.Турыгину 10 ноября 1915 г., — получил письмо от уфимского городского головы и протокол заседания 27 октября Уфимской городской думы, из коих узнал, что земляки почтили меня единогласным постановлением избрать «почетным попечителем» музея, наименовав его моим именем. Кроме того, постановлено как в музее, так и в зале заседаний Городской думы повесить мои портреты» (5, с. 263).

Однако создание художественного музея в Уфе затянулось на несколько лет. Недостаток средств, а затем начавшаяся Первая мировая война помешали воплощению этого плана. Открытие Народного дома было отложено до окончания войны. Картины нестеровского собрания по-прежнему оставались в Москве на Донской улице.

В 1916 г. М.В.Нестеров переехал с Донской улицы на Новинский бульвар в дом князя С.А.Щербатова. Через два года, уезжая из Москвы в Армавир для лечения, он передал свою коллекцию на хранение в Государственный Исторический музей и Театральный музей им. А.А.Бахрушина и просил своего знакомого, известного в художественных кругах Москвы архитектора И.Е.Бондаренко, при первой же возможности переслать картины в Уфу. Часть нестеровского собрания — прежде всего его собственные картины, этюды, рисунки, архив, библиотека — осталась в щербатовском особняке и впоследствии бесследно пропала.

Выполняя волю владельца, член коллегии Наркомпроса архитектор И.Е.Бондаренко в октябре 1919 г. доставил 16 ящиков с картинами из Москвы в Уфу на специальном пароходе. Некоторое время они находились в губернском музее, а затем были перевезены в бывший особняк лесопромышленника М.А.Лаптева. В этом здании 5 января 1920 г. состоялось открытие Художественного музея (ныне Башкирский государственный художественный музей им. М.В.Нестерова). В 1920—1942 гг. М.В.Нестеров снова жил и работал в Москве. Последняя его квартира находилась в доме 43 по Сивцеву Вражку.

М.В.Нестеров умер в Москве 18 октября 1942 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бакшеев В.Н. Воспоминания. — М., 1963.

2. Михайлов А.И. Михаил Васильевич Нестеров: Жизнь и творчество. — М., 1958.

3. Музейная хроника // Среди коллекционеров. — 1923. — N 5. — С. 60—61.

4. Нестеров М.В. Давние дни: Воспоминания. Очерки. Письма. — Уфа, 1986.

5. Нестеров М.В. Письма: Избранное. — Л., 1988. — С. 102, 107, 232—235, 251, 253—254, 256, 259, 273.

6. Никонова И. М.В.Нестеров. — М., 1962.

7. Ртищева Л.Д. Роль М.В.Нестерова в создании художественного музея в городе Уфе // Художественные музеи и эстетическое воспитание трудящихся: Сб. тр. — М., 1974. — С. 87—101.

8. Сергей Глаголь. Михаил Васильевич Нестеров: Жизнь и творчество. — Спб., б.г.

НОСОВА Евфимия Павловна

(1881—1960)

С портрета А.Я. Головина. 1914.

Е.П. Носова — собирательница русской живописи. Сестра Михаила, Николая, Степана Рябушинских.

Родилась в Москве 8 августа 1881 г. в семье московского промышленника и общественного деятеля Павла Михайловича Рябушинского. Воспитывалась вначале дома, затем училась в гимназии. В начале 1900-х гг. вышла замуж за Василия Васильевича Носова, одного из владельцев известной в Москве суконной фирмы. Рябушинские и Носовы принадлежали к московской купеческой элите. С 1910 г. В.В.Носов стал заметной фигурой в деловой Москве: он управлял делами фирмы, входил в Совет Купеческого коммерческого банка Российского взаимного страхового союза. В 1912 г. вместе с Рябушинскими он выступил в качестве учредителя Московского банка.

Интерес к искусству у Носовой пробудился рано. И это не удивительно, поскольку ее братья имели коллекции очень высокого художественного достоинства.

Евфимия Павловна тоже стала собирать художественную коллекцию. Пример братьев Михаила и Степана, предполагавших передать свои собрания Москве, заразил и ее. Она решила в своем особняке создать музей русского искусства и впоследствии передать его родному городу. «Дом после своей смерти, — писал о Носовой М.В.Добужинский, — хочет передать городу, и ее мечта, чтобы выдающиеся и нравящиеся ей русские художники в этом доме сделали нечто. Вместе с домом Москве должна быть завещана и коллекция картин как городская художественная галерея» (8, с. 295).

В коллекции Носовой была представлена только русская живопись. Судя по произведениям, оказавшимся позже в государственных музеях, едва ли не главное место занимала в ней портретная живопись. Здесь были работы В.Л.Боровиковского («Портрет кн. Е.А.Долгорукой», «Порт-

рет кн. А.А.Долгорукого», «Портрет кн. М.И.Долгорукой», «Портрет стихотворца и переводчика гр. А.С.Хвостова»), А.Г.Венецианова («Портрет Е.А.Балкашиной»), О.А.Кипренского («Портрет А.А.Челищева»), Д.Г.Левицкого («Портрет графини Урсулы Мнишек», «Портрет капитан-лейтенанта Г.А.Долгорукова»), Ф.С.Рокотова («Портрет неизвестного в синем кафтане», «Портрет неизвестной в розовом платье»), М.И.Теребенева («Портрет неизвестной в чепце»), В.А.Тропинина («Портрет неизвестного с сигарой в руке»), П.Ротари («Портрет неизвестного»), С.Тончи («Портрет поэта Г.Р.Державина»). Таким образом, это была очень самобытная и ценнейшая по представленным здесь произведениям коллекция, превосходный домашний музей русского портрета.

Искусство художников начала XX в. в собрании Носовой было представлено портретами самой собирательницы. Ее рисовали такие выдающиеся мастера, как К.А.Сомов, А.Я.Головин, ее лепила А.С.Голубкина.

Самым представительным был портрет Евфимии Носовой работы молодого, входившего в моду театрального художника А.Я.Головина. Созданный в 1914 г. огромного размера холст (2,9 х 2,3 м) изображал модель верхом на лошади в костюме амазонки. Надо отметить, что она действительно увлекалась конным спортом и была неплохой наездницей. Уже в 1915 г. этот портрет экспонировался в Москве на «Выставке картин и скульптур русских художников, устроенной в пользу пострадавших бельгийцев». Он оказался в центре внимания посетителей. У многих полотно вызвало воспоминания о знаменитой работе К.П.Брюллова «Всадница». Сходство было неслучайным, поскольку портрет заказывался для галереи, он украшал в особняке Носовых парадную столовую.

Самый первый портрет хозяйки собрания выполнил К.А.Сомов в 1911 г. Знакомство Евфимии Павловны с Константином Андреевичем сыграло большую роль в формировании ее художественных вкусов. «Е.П. сегодня говорила мне, что я в ее жизни сыграл очень большую роль», — записал в своем дневнике К.А.Сомов 29 апреля 1914 г. (13, с.130). Они познакомились в 1910 г. «Днем к нам на файфоклок приезжала и другая моя модель, Носова, оказавшаяся очень и очень интересной для живописи, — писал из Москвы 17 января 1910 г. Сомов сестре Анне Андреевне. — Блондинка, худощавая, с бледным лицом, гордым и очень нарядная, хорошего вкуса при этом» (13, с. 105). Они вместе бывали на выставках, в музеях, в театрах. Встречались они и после того, как работа над портретом была завершена.

В 1912 г. Носова приобрела для своей коллекции полотно К.А.Сомова «Арлекин и дама». Небезынтересно, что эту работу стремились получить и Русский музей, и собиратель В.О.Гиршман. Сомовым позже выполнен вариант этой картины для Русского музея.

Коллекция Носовой размещалась в особняке на углу Малой Семеновской и Введенской площади. Дом этот построен еще В.Д.Носовым в 1880 г. Евфимия Павловна поселилась здесь после замужества, в начале 1900-х гг.

Интерьеры отделаны хозяйкой в соответствии с ее вкусами и стремлением создать в этих стенах художественный музей. Она пригласила архитектора И.В.Жолтовского, художников В.А.Серова, Е.Е.Лансере, М.В.Добужинского. Жолтовский оформил парадный зал второго этажа.

Для украшения были использованы коринфские колонны из искусственного мрамора. Иллюзию двусветного зала создавал ряд зеркал, расположенных против арочных окон. Помещение напоминало парадные залы дворцов начала XIX в.

К заказу Е.П.Носовой с большим интересом отнесся В.А.Серов. Ему было предложено выполнить роспись торцевой стены парадной столовой. Валентин Александрович подготовил 29 эскизов на античную тему «Диана, превращающая Актеона в оленя». Однако внезапная смерть помешала ему выполнить все задуманное.

С октября 1912-го по апрель 1913 г. в особняке Носовой работал М.В.Добужинский, оформляя парадную лестницу. Выполненная им роспись потолка, имитировавшая мозаику, считается одной из самых известных его монументальных работ. Художник использовал насыщенные тона синего и черного цветов в сочетании с позолотой. Современники высоко оценили эту работу.

Особняк Е.П.Носовой стал одним из художественных центров Москвы, где устраивались литературные вечера, театральные представления, вернисажи с участием поэта М.А.Кузмина, художников С.Ю.Судейкина, К.А.Сомова, М.В.Добужинского и других. «Она была типичной представительницей меценатствующего московского капитализма, — вспоминал ее племянник Ю.А.Бахрушин. — Окруженная поэтами-символистами и художниками-«мирискуссниками», она «рассудку вопреки, наперекор стихиям» превращала памятный мне по детству старый носовский дом на Введенской площади во дворец Козимо Медичи» (1, с. 244).

После 1917 г. Е.П.Носова эмигрировала. Еще до своего отъезда самые ценные картины она сдала на временное хранение в Третьяковскую галерею и в Театральный музей им. А.А.Бахрушина. После декрета о национализации все эти вещи стали собственностью государства. Позже в Третьяковскую галерею поступили и те полотна, что находились в Театральном музее.

Ныне в Государственной Третьяковской галерее находится шестнадцать портретов из собрания Е.П.Носовой. В числе этих полотен и ее собственный портрет работы К.А.Сомова. Ее конный портрет оставался в особняке до 1960 г., после чего поступил в Государственный Исторический музей.

В первые послеоктябрьские годы в бывшем особняке Е.П.Носовой открылся один из Пролетарских музеев. Однако просуществовал он недолго и подобно другим таким же музеям был ликвидирован, а художественные предметы пополнили Государственный музейный фонд. Оттуда они попадали либо в другие музеи, либо в Антиквариат.

Дом Носовой сохранился до наших дней (Введенская площадь, д. 1). В 1980 г. разработан проект его реставрации. Были восстановлены как фасады, так и интерьеры ряда помещений, в том числе парадной лестницы с живописью М.В.Добужинского, парадной столовой, колонного и каминного залов. Ныне здесь располагается историко-краеведческий музей Первомайского района.

В эмиграции Евфимия Павловна сначала жила в Париже, затем переехала в Рим.

Е.П.Носова умерла в 1960 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 244—245, 525—526.

2. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.1. — С. 412, 476, 613.

3. Голубкина А.С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. — М., 1983. — С. 251.

4. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX в. — М., 1984. — С. 52—53, 55, 89, 203, 266—267, 402, 441—442, 462, 472, 555, 557.

5. Гофман И. Головин — портретист. — М., 1981. — С. 158.

6. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 26, 277, 428, 433.

7. Грушина А. Особняк на Малой Семеновской // Куранты: Историко-краеведческий альманах. — М., 1989. — Вып. 3. — С. 293—298.

8. Добужинский М.В. Воспоминания. — М., 1987. — С. 417.

9. Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 206—213.

10. Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 гг. — М., 1985. — С. 147.

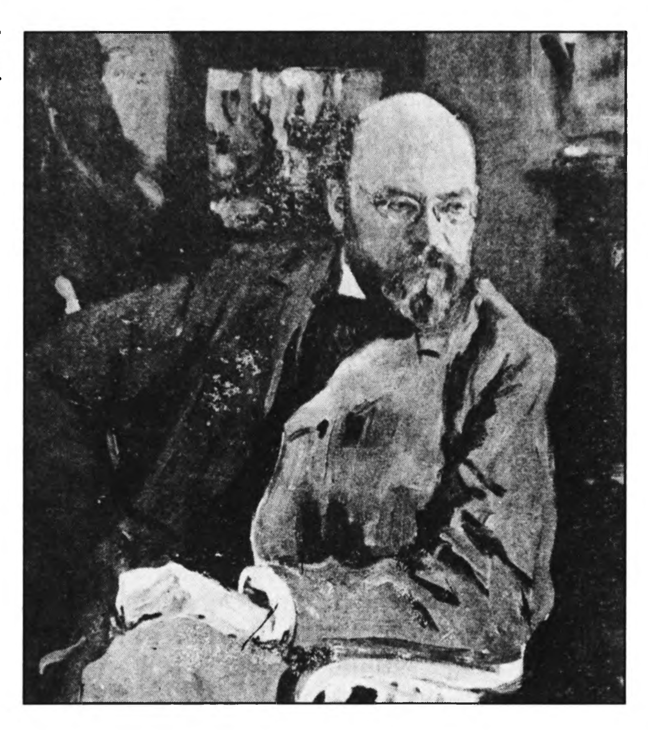
11. Лобанов В.М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. — М., 1968. — С. 56, 135, 137.

12. Петров Ю.А. Евфимия Носова // Кентавр. — 1992. — N 9—10. — С. 132—142.

13. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. — М., 1979. — С. 105—108, 112—113, 117—120, 124, 136, 139, 266, 529, 532, 534, 538, 541, 598, 601.

ОСТРОУХОВ Илья Семенович

(1858—1929)



С портрета В.А. Серова. 1902.

И.С. Остроухов — художник, общественный деятель, библиофил, собиратель живописи и древнерусских икон, основатель частного общедоступного художественного музея.

Родился в Москве 20 июля 1858 г. в купеческой семье. Его детство прошло в Замоскворечье. Учился он в частном пансионе Марковых, затем в Московской практической академии коммерческих наук. Получив диплом, Илья Семенович поступил на службу в Торговый дом Боткиных.

С ранних лет будущего художника влекла природа; дружба с ученым-натуралистом П.П.Мельгуновым еще более укрепила в нем этот интерес: они вместе совершали поездки по Подмосковью. Именно в это время Илья Семенович занялся коллекционированием: собранная им естественнонаучная коллекция была составлена настолько профессионально, что ее высоко оценили отечественные и зарубежные специалисты.

Своей любовью к искусству И.С.Остроухов обязан А.И.Мамонтову, известному издателю и владельцу типографии. Постоянное общение с художниками в кругу семьи Мамонтовых вызвало у него желание рисовать. Он стал брать частные уроки живописи у А.А.Киселева, посещать «воскресные вечера» в мастерской И.Е.Репина, заниматься рисунком у П.П.Чистякова. В 1885 г. на XIII передвижной выставке Илья Семенович представил картину «Последний снег», а на XV выставке передвижников П.М.Третьяков приобрел у него полотно «Золотая осень».

В 1880-е гг. Остроухов близко сошелся с П.М.Третьяковым. Павел Михайлович высоко ценил вкус художника, не раз советовался с ним при приобретении новых вещей и создании экспозиции.

И.С.Остроухов являлся членом Товарищества передвижных художественных выставок и Союза русских художников, действительным членом Императорской Академии художеств.

Широко известна деятельность И.С.Остроухова на общественном поприще: в 1898—1902 гг. он входил в Комиссию Московского археологи-

ческого общества по реставрации Смоленского собора Новодевичьего монастыря; участвовал в работах по реставрации Архангельского, Благовещенского и Успенского соборов Московского Кремля, храма Василия Блаженного, Троицкого собора в Троице-Сергиевой Лавре; с 1905 г. он был членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества, с 1906 г. — его действительным членом. В 1898—1903 гг. Илья Семенович входил в Совет Третьяковской галереи, а в 1905—1913 гг. был ее попечителем. В 1900 г. он выступил одним из устроителей русского художественного отдела на Всемирной выставке в Париже. Остроухов являлся гласным Московской городской думы, попечителем Арнольдо-Третьяковского приюта для глухонемых.

Уже познавший страсть к коллекционированию, И.С.Остроухов со временем перенес ее на живопись. Мало-помалу у него собралась коллекция произведений русских художников. Женитьба в 1889 г. на Надежде Петровне Боткиной, дочери миллионера-чаеторговца, резко изменила его материальное положение и открыла новые возможности для собирательства.

Почти оставив живопись, Остроухов целиком посвятил себя коллекционированию. Теперь он позволял себе приобретать полотна старых европейских мастеров, предметы прикладного искусства, скульптуру, старинную мебель и утварь.

Первой картиной в собрании Остроухова стал этюд В.Д.Поленова «Лодка», подаренный ему автором в 1880-е гг. Со временем домашняя галерея пополнилась такими произведениями, как «Волы», «Холстомер», «Площадь св. Марка в Венеции» В.А.Серова, «Солнечный день. Деревня» и «Последний снег. Саввинская слобода» И.И.Левитана, «Сирень» М.А.Врубеля, «На солнце» И.Е.Репина. Мастера русской школы первой половины XIX в. были представлены такими широко известными картинами, как «Анкор, еще анкор!» П.А.Федотова, «Деревенская улица» Ф.А.Васильева, «Волга» А.К.Саврасова. Особенность коллекции Остроухова состояла в том, что в ней преобладали этюды, ибо именно их он ценил и стремился приобретать.

Об очень высоком уровне остроуховского собрания свидетельствовал и раздел западноевропейской живописи. Тут были и средневековая итальянская живопись («Профиль юноши», XV в., Веронская школа), и признанные мастера импрессионизма (полотна Э.Дега, О.Ренуара, Э.Мане, А.Матисса).

По мнению И.Е.Репина, Остроухов владел «небольшой, но отборной на редкость по красоте и значению» коллекцией рисунков (14, с. 348).

Значительную научную ценность представляла коллекция икон, которую И.С.Остроухов стал собирать под влиянием ученого и коллекционера Н.П.Лихачева и помощника хранителя Третьяковской галереи Н.Н.Черногубова. Большую помощь в поиске и приобретении икон оказывал Остроухову Савва Иванович Черногубов, потомственный москвич, прекрасный знаток древнерусского искусства.

По художественным достоинствам этому собранию не было равных во всей Москве. Здесь хранились выдающиеся образцы византийской, новгородской, московской, ярославской, строгановской иконописных школ. Самая старая из икон — «Иоанн Златоуст» — восходила к XIII в. Гордо-

стью собирателя был и деисусный чин, близкий по стилю к византийским работам XIV в.

«Остроухов никогда не уставал показывать свои иконы, даже хвалиться ими перед каждым, кого он считал достойным их осмотреть, — вспоминал художественный критик В.М.Лобанов. — Небольшая, тщательно оберегаемая коллекция хранилась и в просторных комнатах, и в мезонине.

В мезонин проникали только избранные, те, кто, по авторитетному мнению собирателя, знали икону и понимали ее замечательные живописные достоинства» (11, с. 120).

Остроуховское собрание служило серьезной основой для изучения иконописи. Недаром именно этой коллекции посвятил одну из своих работ такой тонкий знаток и ценитель древнерусской живописи, как П.П.Муратов; опирался на нее художник-искусствовед А.В.Грищенко при подготовке книги «Русская икона как искусство живописи». Благодаря И.С.Остроухову увлечение русскими иконами широко распространилось среди московских любителей. Сам собиратель с 1902 г. пополнял свою коллекцию исключительно иконами.

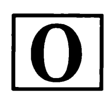
И.С.Остроухов демонстрировал свои иконы на московской выставке, устроенной в 1913 г. в честь 300-летнего юбилея Дома Романовых.

Как это не раз случалось в истории частного собирательства, коллекция И.С.Остроухова стала перерастать в новое качество, превращаясь в частный музей. Датой зарождения музея владелец считал 1890 г., когда к собранию был открыт доступ всем желающим. Познакомиться с экспозицией можно было по предварительной записи: Илья Семенович назначал письменно или по телефону день и время посещения и сам принимал посетителей.

«Вспомнив об Остроухове, — писал художник А.Я.Головин, — нужно указать, что среди московских коллекционеров в 90-х и 900-х годах должно быть особо выделено имя этого любителя, знатока и ценителя живописи. Будучи сам крупным художником, Остроухов собрал оригинальную коллекцию картин, ценность которой состояла в равном и высоком качестве. Он одинаково тонко чувствовал и живопись старых западных мастеров, и современные искания, и древнюю живопись, и какую-нибудь китайскую бронзу, мейсенский фарфор или византийскую эмаль. Его коллекция в Трубниковском переулке влекла к себе, заинтересовывала всех друзей искусства, там было на что посмотреть, на что полюбоваться» (1, с. 30).

Посетителями остроуховского музея были многие известные деятели культуры. По свидетельству В.М.Лобанова, «с большим увлечением устраивал Остроухов изысканные обеды, чаще ужины для всякого рода приезжавших знаменитостей, «тешил» себя и приглашенных домашними музыкальными вечерами, собиравшими изысканных любителей. К Остроухову часто приходили «на огонек» крупнейшие представители художественного московского мира» (11, с. 120). Из художников здесь особенно часто бывали В.А.Серов, И.Е.Репин, В.Д.Поленов, В.М.Васнецов, В.И.Суриков, К.А.Коровин, С.А.Виноградов.

В 1911 г. остроуховский музей посетил Анри Матисс. Потрясенный древнерусской живописью из собрания Остроухова, он выразил недо-



умение по поводу того, что русские, имея столь выдающиеся художественные образцы, стремятся учиться за границей.

Илья Семенович тщательно записывал все сведения о новых поступлениях в музей, собственноручно составлял каталоги. Эти записи позволяют с достаточной полнотой проследить «биографию» коллекции. К 1917 г. в ее состав входили 117 икон, свыше шестисот предметов церковной утвари (панагии, малые образа, медные и каменные кресты, печати, деревянная скульптура), акварели и рисунки русских художников, живописные произведения русских мастеров (237), около сорока работ западноевропейских художников, до двух десятков скульптур. Помимо всего названного в собрание входили предметы декоративно-прикладного искусства (около 100) из Древнего Египта, Греции, Рима, Японии и Китая. В общей сложности в фондах частного музея насчитывалось около двух тысяч произведений.

В 1890 г. художник приобрел дом в Трубниковском переулке (ныне д. 17). Это уютный одноэтажный особняк с мезонином, выдержанный в классическом стиле. Тут прошло около сорока лет жизни И.С.Остроухова.

Экспозиция была первоначально развернута в пяти залах остроуховского особняка: живопись, графика и скульптура были представлены в нижних комнатах, древнерусская живопись — наверху. Расположение предметов отличалось большой продуманностью, вкусом, стремлением выявить все достоинства экспоната, найти для каждого свое особенное место.

Значительную ценность представляла и библиотека И.С.Остроухова. Она насчитывала свыше 12 тысяч томов и служила органическим продолжением музея. В 1914 г. владелец издал каталог своего книжного собрания.

Рост коллекции побудил владельца в 1905 г. сделать для ее размещения специальную одноэтажную пристройку к дому. В 1914 г. эта пристройка получила второй этаж. В это время Остроухов был одержим собиранием древнерусской живописи, в его доме царил настоящий «культ иконы». По словам С.А.Щербатова, «храмом иконы» «сделался пристроенный к старому тесному особняку Остроухова музей, где бывала вся Москва и куда наезжали иностранцы» (19, с. 19).

В 1918 г. частный музей был национализирован, владелец назначен пожизненным хранителем, а сам особняк стал филиалом Третьяковской галереи и получил название «Музей иконописи и живописи имени И.С.Остроухова». Известный музейный деятель В.Ф.Булгаков, побывавший тут весной 1921 г. и прослушавший экскурсию самого Ильи Семеновича, вспоминал: «И вот мы в большом зале, все стены которого увешаны сплошь, от пола до потолка, старинными иконами... изящные всадники на белых и черных конях, грустные Богоматери, поэтические крылатые ангелы глядели на нас со всех сторон. Казалось, хозяин-художник, с любовью в течение всей жизни собиравший эти сокровища, чувствовал, что скоро с ними расстанется, и, любуясь, невольно прощался с ними» (3, с. 62—63).

Илья Семенович Остроухов умер в Москве 8 июля 1929 г.

После смерти художника музей был ликвидирован. Любовно собранные произведения разошлись по фондам Третьяковской галереи, Русского музея, Музея-усадьбы В.Д.Поленова и других хранилищ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Яковлевич Головин: Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. — Л.-М., 1960. — С. 18, 30—32, 35, 146, 164, 173—174.

2. Алфавитный указатель библиотеки И.С.Остроухова. — М., 1914.

3. Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. — Л., 1969. — С. 52—65.

4. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.1. — С. 32—33, 37, 223, 235—279; Т. 2. — С. 37, 71, 78.

5. Вздорнов Г.И. Живая старина: Частное коллекционирование икон в России // Наше наследие. — 1993. — N 28. — С. 116—118.

6. Врангель Н.Н. Собрание И.С.Остроухова в Москве // Аполлон. — 1911. — N 10. — С. 5—18.

7. Выставка древнерусского искусства, устроенная в 1913 г. в ознаменование чествования 300-летия царствования Дома Романовых. — М., 1913. — NN 14—25, 73.

8. Грабарь И.Э. Глаз // Среди коллекционеров. — 1921. — N 4. — С. 3—5.

9. Грищенко А.В. Русская икона как искусство живописи. — М., 1917. — С. 39, 70, 151, 153—171, 249.

10. Кызласова И. Московские собиратели «греческого письма» // Наше наследие. — 1992. — N 25. — С. 6—11.

11. Лобанов В.М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. — М., 1968. — С. 44—45, 56, 118—125, 140, 145, 234—241.

12. Муратов П.П. Древнерусская иконопись в собрании И.С.Остроухова. — М., 1914.

13. Муратов П.П. Об Остроухове // Среди коллекционеров. — 1921. — N 4. — С. 1—3.

14. Репин И.Е. Далекое близкое. — М., 1964.

15. Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 189.

16. Русаков Ю. И.Остроухов. — М.-Л., 1962.

17. Тыдман Л.В. Возрождение дома И.С.Остроухова // Памятники Отечества. — 1983. — N 1 (7). — С. 36—37.

18. Щекотов Н.М. Один из «посвященных» // Среди коллекционеров. — 1921. — N 4. — С. 5—10.

19. Щербатов С.А. Московские меценаты // Памятники Отечества. — 1993. — N 29 (1—2). — С. 16—17.

ПЕТР I ВЕЛИКИЙ

(1672—1725)

С гравюры неизвестного художника.

Петр I (Великий) — русский царь, император, собиратель древностей, картин, памятников естественной истории.

Родился в Москве 30 мая 1672 г. Был единственным сыном царя Алексея Михайловича от его второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Отрочество и юность провел в селе Преображенском. Систематического образования в детстве не получил, но всю жизнь занимался самообразованием. В юные годы выучил немецкий и голландский языки, позже изучал английский и французский. Освоил немало практических навыков в области столярного, оружейного, кузнечного, часового, типографского, корабельного дела.

Значительное влияние на формирование взглядов Петра I оказали иностранцы Ф.Я.Лефорт, П.И.Гордон, Я.В.Брюс. Петр I был лично знаком с выдающимися учеными своего времени — Г.Лейбницем, И.Ньютоном и др. В 1717 г. избран почетным членом Парижской Академии наук.

Петр I был первым российским коллекционером в прямом смысле этого слова. Собрания его предшественников, деятелей XVII в., свидетельствовали скорее о пробуждении интереса к предметному миру, о стремлении иметь что-то удивительное, необычное. Личные коллекции царя легли в основу первого в России публичного музея — Кунсткамеры.

Начало этим обширным и разнообразным коллекциям было положено в Москве. Здесь они и находились до 1714 г. «Всякому почти известно, — сообщалось в описании Кунсткамеры, изданном в 1800 г., — что Санкт-Петербургская Императорская Академии Наук Кунсткамера одолжена началом своим Государю Петру Великому. Город Амстердам был первый, который положил ея основание. Петр Великий, будучи в 1698 году в сем городе, приобрел множество вещей, состоящих в птицах, рыбах, разных земноводных и насекомых, которые оттуда привезены были в Москву и поручены в смотрении лейб-медику Арешкину, но к коим вскоре было приобщено несколько уродов и анатомических препаратов, в главной онаго го-

рода аптеке собранное. Потом малое сие собрание перевезено в Санкт-Петербург и помещено в старом летнем Дворце обще с библиотекою» (3, с. 4).

Интерес к книгам, произведениям искусства пробудился у Петра еще в юные годы. Книжное учение будущего царя началось с трехлетнего возраста. Его учитель Зотов заинтересовал мальчика историческими рассказами с помощью картинок-кунштов. Эти картинки мальчик видел не только в книгах: «фряжские и немецкие потешные листы» были развешаны в царских палатах. В юные годы Петр перечитал едва ли не все книги царской библиотеки. Молодой царевич знал наизусть Евангелие и Апостол, имел глубокие познания в области греческой и римской мифологии.

Немалую роль в расширении его культурного кругозора сыграло общение с иностранцами, которые жили в Немецкой слободе. В домах Ф.Лефорта и А.Виниуса он познакомился с собраниями произведений живописного и графического искусства.

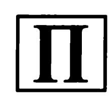
Поездка Петра I в Западную Европу в 1697—1698 гг. в составе Великого посольства — важный момент в его биографии. В Амстердаме он увидел богатые общественные и частные собрания, оценил их значение для развития науки и культуры. Именно здесь, в Амстердаме, двадцатипятилетний русский царь почувствовал вкус к коллекционированию, приобрел первые предметы для личного собрания. В дальнейшем, где бы Петр ни оказывался, он уже как страстный собиратель осматривает коллекции, завязывает дружеские отношения с коллекционерами, налаживает с ними обмен, старается все самое интересное приобрести для своего Кабинета.

Амстердам в конце XVII в., когда в нем побывал Петр Алексеевич, был своего рода международным центром торговли коллекционными предметами. Со всех концов света свозились сюда товары и продукты, а вместе с ними и «заморские редкости» для любителей составлять «Кабинеты редкостей». Именно такие Кабинеты были распространены в Западной Европе в связи с бурным развитием естественноисторической науки. Сюда же нередко входили минц-кабинеты с монетами и медалями, собрания картин и гравюр, предметы быта, оружие, мемориальные вещи.

В Амстердаме русский царь осмотрел все примечательное, в том числе картинную галерею (она находилась прямо в ратуше), ботанический сад, коллекции Ост-Индской и Вест-Индской компаний, частные собрания Ф.Рюйша, Я.Вильде, Н.Витсена.

В музее Ост-Индской компании Петр I осмотрел кроме коллекции редких растений собрания японского и индийского оружия, китайские картины и карты.

Большое значение в жизни Петра имело знакомство с известнейшим в Европе анатомом Фредериком Рюйшем, являвшимся обладателем поистине уникальных собраний по анатомии и эмбриологии. Экспонаты для своей коллекции Ф.Рюйш готовил по собственной технологии, на разработку которой он потратил несколько лет. Уже тогда, судя по всему, у Петра возник замысел целиком приобрести эту коллекцию. Он называл Ф.Рюйша своим наставником: именно Рюйш учил начинающего коллекционера приемам приготовления препаратов, рассказывал о том, как их надлежит сохранять.



Побывал Петр и в доме Якова де Вильде, обладателя богатых археологического и нумизматического собраний. Это посещение было запечатлено дочерью собирателя, Марией де Вильде, на гравюре. На ней изображен кабинет, уставленный шкафами, а на первом плане, за столом — хозяин дома и Петр I, рассматривающие редкости. Позже, в 1703 г., Вильде отправил в подарок своему гостю книгу с описанием резных камей.

В Дельфте Петр I познакомился со знаменитым голландским ученым-натуралистом А. ван Левенгуком, сделавшим немало интереснейших открытий при помощи сконструированного им микроскопа. После этой встречи Петр пополнил свою коллекцию сразу несколькими микроскопами.

В Лейдене царь осматривал музей и ботанический сад в сопровождении известного нидерландского химика, ботаника и врача Г.Бургаве. Музей был известен богатой коллекцией этнографических и археологических предметов: египетские мумии, идолы из Африки и Ост-Индии, норвежская хижина. К удивлению Петра, среди экзотической обуви тут были образцы, доставленные из Московии.

Петр I делился своими впечатлениями с А.Виниусом: «...от роду таких я на Москве китайских вещей не видал, как здесь», — писал он ему 1 марта 1698 г. (2, с. 21).

Из Голландии царь отправился в Англию, где познакомился с целым рядом новых музеев и коллекций. В лондонском Тауэре он осмотрел собрание оружия. Побывал он на Монетном дворе, где было немало монет старой чеканки. Тут помещалась и королевская сокровищница, в которой хранились регалии и серебро. Однако они не привлекли российского гостя. В Англии его спутником был известный российский ученый и коллекционер Я.В.Брюс.

На обратном пути в Россию Петр I, ставший уже довольно искушенным ценителем старины, детально познакомился с Дрезденской кунсткамерой. В донесениях князя Фюрстенберга Августу II сохранилось подробное описание этого эпизода. По прибытии в город Петр «сейчас же потребовал от меня, чтобы я дал ему осмотреть Кунсткамеру. Я сделал все нужные для того распоряжения, велел очистить ему путь от людей и в час ночи отвел его туда, где он и оставался до рассвета. Он выражал большое удовольствие при виде разных там находящихся редкостей, особенно при осмотре математических инструментов и других всяких ремесленных орудий, которых здесь большое количество» (7, с. 24). На другой день Петр снова попросил, чтобы его отвели в Кунсткамеру, и «там он оставлен вплоть до ночи». В день отъезда он в третий раз побывал в этом музее.

Петр I щедро одаривал тех, кто ему показывал коллекции. Рюйшу преподнес два соболя по десять рублей и два по восемь рублей; в Дрездене служители получили от него каждый по тридцать золотых. Когда в Голландии любитель преподнес ему «две доски мух» (две коробки с наколотыми на булавки насекомыми), Петр I тут же одарил его парой соболей по тридцать рублей и тремя парами соболей по десять рублей.

Полученные впечатления привели Петра I к мысли о необходимости создания в России самых разнообразных коллекций научного характера, подобных тем, что ему удалось увидеть в Западной Европе.

Первые приобретения для личного собрания сделаны Петром Алексеевичем в Амстердаме. Причем на эти цели он не жалел денег, и это была основная статья его расходов за границей. Дороже всего обошлось ему приобретение крокодила и меч-рыбы: «...куплено в Амстердаме у торгового человека Варфоломея Форгагена морской зверь коркодил да морская рыба свертфиш про его, великого государя, обиход, а дано за нее двести ефимков» (2, с. 20). Сто шестьдесят пять ефимков было уплачено «торговому человеку Бартлю фон Гагему за покупные товары: за фарфоровые сосуды и за раковины и плоды морские, которые куплены на Остинском дворе» (2, с. 20). Там же, на Остинском дворе, была куплена «персонка глиняная остинской работы» за три золотых. В Амстердаме царь купил и несколько «живых экспонатов»: обезьяну, мартышку, попугаев, «малого арапчонка», «арапа Рыцерту», «арапа Арация».

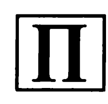
Петр I, собираясь ехать из Амстердама в Англию, позаботился отправить все ранее приобретенные вещи в Россию. Специально для упаковки стеклянных сосудов были изготовлены деревянные ковчеги, выложенные внутри хлопчатой бумагой. Отправленные в 1698 г. первые предметы и положили начало личной коллекции Петра I.

В Англии Петр приобрел много хирургических и других медицинских инструментов, яхту из кипарисового дерева и «платье аглинских законников черное». Почти везде он приобретал книги.

По указанию государя многие его приближенные стали покупать разнообразные предметы для царской коллекции. При этом можно выделить три основные группы: к первой относилась литература по анатомии, математике, географии и др.; ко второй — приборы и инструменты (глобусы, квадранты, циркули, медицинские и хирургические инструменты); к третьей — редкости из мира природы: «плоды морские», раковины, коллекции заспиртованных «рыб, птиц и гадов».

Во время заграничной поездки Петр I условился об обмене научными препаратами с некоторыми учеными и коллекционерами, в том числе с Ф.Рюйшем, Н.Витсеном и Я.Ю.Вуттером. Из Москвы в 1701 г. Витсену и Рюйшу ушла посылка с подмосковными ящерицами и червями. В ответ Рюйш в письме от 16 июля 1701 г. сообщал, что отправил в Москву посылку: «1) весьма удивительную ящерицу с острыми чечуями; 2) малый лигван, имея зеленое брюхо, из западной Индии; 3) рыбка из острова Каракуас, имея черное пятно на хвосте; 4) двоеглавную змею оттуда ж; 5) восточной Индии сверчок; 6) выпороток рыба Гай, Каракуаса ж острова; 7) золотой жучок из шпанских западных Индей; 8) вельми удивительная птица из восточныя Индеи; 9) пречюдная ящерица из восточныя Индеи; 10) еще ящерица; 11) две змеи из восточныя Индеи» (12, с. 520).

В этом же письме Рюйш просил прислать из Москвы для его коллекции разные предметы: «...мы несумняемся, на Москве многие такие удивительные бабочки и иныя всякия гадины изобильно обретаются, которые бы нам вельми приятны были. Желал бы аз, дабы к нам прислали всяких жучков, прузни, великия мухи, оводы, дивныя лягушки, змии, крысы, белки летучие и иные зверьки в хлебном вине; также всякия маленькие рыбки, длиною с перст до пяди. Около Азова обретаются разные зверьки и рыбочки маленькие; аще укажете к нам таких в хлебном же вине прислать» (12, с. 521).



Один из купцов, торговавших с Архангельском, Ян Воуттер де Ионг, в письме от 21 июня 1703 г. сообщал Петру, что по его просьбе привез в Москву «ост и вест индейских диковинок». Впоследствии он систематически снабжал его редкими экземплярами насекомых и животных.

Приобретались царем и произведения искусства. Интерес Петра I к морскому делу проявился в его увлечении изображениями кораблей и морских пейзажей. Первыми приобретенными картинами стали марины. В их числе были полотна кисти Адама Сило, славившегося своим прекрасным знанием корабельной оснастки. Из первого путешествия в Европу Петр Алексеевич привез в Москву двух рисовальщиков и гравера Пиккарда.

Личные коллекции Петр I хранил в Московской Главной аптеке, которая считалась царской. Это было связано с тем, что он жил в Москве в небольшом доме в Преображенской слободе и не имел возможности там держать свое собрание. «Получив разные поручения от короля, — писал в записках датский посланник Юст Юль, — я отправился рано утром к царю в слободу, называемую Преображенскою. Расположена она верстах в двух от Немецкой Слободы. Царь живет там на небольшом, неказистом, плохом подворье, построенном исключительно из леса и напоминающем священнический двор в Норвегии» (9, с. 146).

Вместе с коллекциями в Аптеке находилась и большая часть книг из личной библиотеки Петра I. «Осмотрел Московскую царскую аптеку, о которой много слышал прежде. Она поистине может считаться одною из лучших аптек в мире... При аптеке имеется большая библиотека, в которой лучшие, на всевозможных языках, сочинения по медицине или искусству лечить», — отметил Юст Юль (9, с. 166—167).

Вплоть до 1714 г. все поступления в Императорский кабинет, как стала именоваться личная коллекция царя, направлялись в Московскую Главную аптеку, которая размещалась на Красной площади (ныне на этом месте стоит Государственный Исторический музей). Хранителем царского кабинета был назначен лейб-медик Петра Роберт Арескин.

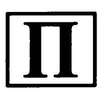
Подолгу отлучаясь из Москвы, Петр никогда не забывал о своем собрании и постоянно заботился о его приумножении. Приезжая в Москву, он непременно приходил в Главную аптеку, осматривал свое собрание, «чтоб иметь в натуральной истории систематическое понятие».

К моменту перемещения петровской коллекции в Петербург она представляла уже солидное и хорошо систематизированное собрание. Здесь были анатомические препараты, собрания земноводных, рыб, насекомых, морских червей, млекопитающих, птиц.

После основания Петербурга туда перевезены личная коллекция и библиотека Петра I, а также анатомические и зоологические коллекции Аптекарской канцелярии. В 1714 г. они были размещены в Летнем дворце. Так положено начало первому российскому общедоступному музею — Кунсткамере.

Петр I скончался 28 января 1725 г. в Петербурге. Похоронен в Петропавловском соборе Петропавловской крепости.

Предметы из коллекции, собранной некогда Петром, хранятся ныне в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого.



ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. Сб. статей. — М.-Л., 1947. — Т.1. — с.63—103.

2. Бакланов Н.А. Великое посольство за границей в 1697—1698 гг.: Его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства // Петр Великий. Сб. статей. — М.-Л., 1947. — Т.1. — С. 3—62.

3. Беляев Осип. Кабинет Петра Великого. — Спб., 1800.

4. Библиотека Петра I: Указатель-справочник. — Л., 1978.

5. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. — М., 1941. — Т.2, ч.1.

6. Грот Я. Петр Великий как просветитель России. — Спб., 1872.

7. Дипломатические материалы сборного содержания, относящиеся к царствованию Петра Великого // Сборник Русского исторического общества. — Спб., 1877. — Т.20. — С. 23—30.

8. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697—1699 гг., веденный кн. Б.И.Куракиным, состоявшим при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы. / Сообщил И.Ф.Горбунов // Русская старина. — Т. 25. — С. 101—132.

9. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709—1711. — М., 1899.

10. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. —М., 1990. — Т.1—2.

11. Левинсон-Лессинг В.Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. — Л., 1985. — С. 307—342.

12. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. — Спб., 1862. — Т.1.

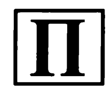
13. Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого: 1672—1689. — М., 1875.

14. Рассказы Нартова о Петре Великом. / Н.М.Майкова. — Спб., 1891. — С. 31.

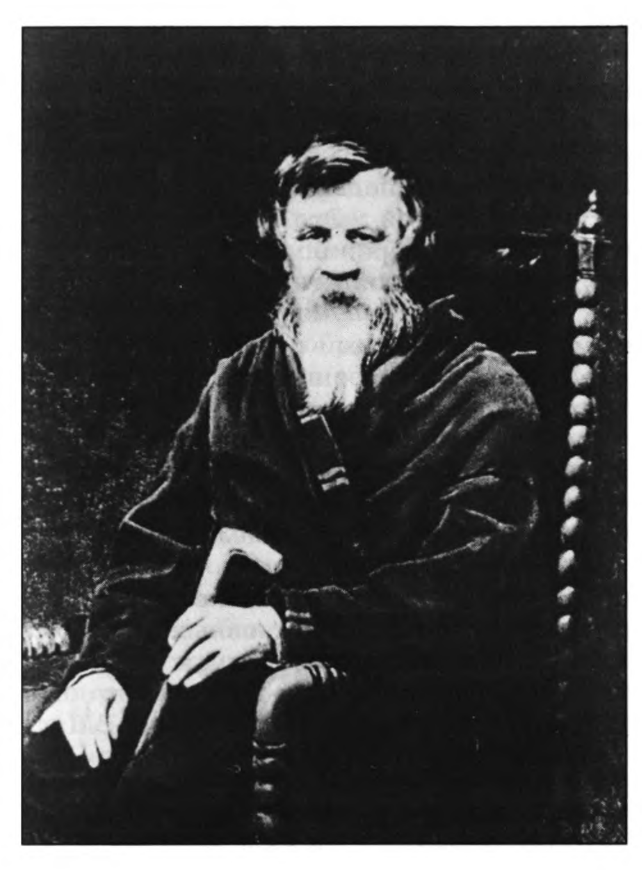
15. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. — М., 1872. — Т.1.

16. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. — М.-Л., 1953.

17. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — Спб., 1858. — Т.3.



ПОГОДИН
Михаил Петрович
(1800—1875)



С портрета В.Г. Перова. 1872.

М.П. Погодин — историк, публицист, писатель, библиофил, собиратель памятников письменности и русских древностей, основатель общедоступного частного Древлехранилища.

Родился в Москве 11 ноября 1800 г. в семье крепостного Петра Моисеевича Погодина. Когда мальчику исполнилось шесть лет, отец получил вольную. Природный талант, исключительная трудоспособность позволили М.П.Погодину занять высокое положение в обществе: получить звание академика и чин действительного статского советника.

В 1814—1818 гг. Погодин учился в Московской губернской гимназии, потом поступил на словесное отделение Московского университета. По окончании университета в 1821 г. Михаил Погодин был определен преподавателем географии в Благородный пансион при Московском университете. В 1825 г. он защитил магистерскую диссертацию, посвятив ее Н.М.Карамзину: «История государства Российского» когда-то определила выбор жизненного пути ученого. Молодой историк совершил специальную поездку в Петербург, был представлен знаменитому историографу и «получил как бы его благословение». С 1825 г. Михаил Петрович преподает историю в Московском университете. В 1841 г. он получает звание академика Петербургской Академии наук; избирается почетным членом многих научных обществ и университетов. В 1844 г. Погодин оставляет преподавательскую деятельность, посвятив все время «кабинетным занятиям», публицистике и собирательству.

Перу Михаила Петровича принадлежат многочисленные исторические исследования и учебники по русской истории. Им введены в научный оборот десятки исторических памятников. Как писатель он известен исторической драмой «Марфа Посадница». В 1827—1830 гг. М.П.Погодин издавал журнал «Московский вестник», а в 1841—1856 гг. — «Москвитянин».

Один из его биографов писал: «Русскую народность Погодин знал и любил как плоть от плоти своей, кость от костей своих. Он видел в ней остатки старины и увлекался этими остатками; он жил прошлым родной страны, инстинктивно стремясь к этому прошлому: вот где следует искать ключ к его поклонению перед русской историей, которая для него являлась миром чудес и исключительных особенностей» (19, с. 155). Остатки родной старины с громадным увлечением и всю свою жизнь Михаил Петрович собирал, будь то пергаментная рукопись, старопечатная книга, монета или оружие, церковная утварь или письмо известного деятеля, отдавая собирательству не меньше сил и времени, чем историческим исследованиям.

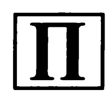
Коллекционером Погодин стал чуть ли не с младенчества. Первую коллекцию он составил уже в десять лет. Это было собрание взрослого и весьма серьезного журнала «Русский вестник». Юного Погодина журнал привлек патриотическими описаниями разных подвигов и прекрасно исполненными портретами русских знаменитостей. «Это был первый признак, на десятом году от роду, моей охоты к собраниям, которая впоследствии усилилась до такой степени», — скажет позднее Михаил Петрович об истоках своего собирательства (2, кн.1, с.6).

Окончив университет и занявшись историческими исследованиями, он стал систематически формировать свое Древлехранилище, собирая все относящееся к отечественной истории и мечтая основать в родной Москве общедоступный музей.

Погодин имел обширные связи с любителями истории, учеными, коллекционерами, антикварами, книгопродавцами, купцами, старообрядцами, священнослужителями по всей России. Почти все замечательные в историческом отношении города и местности посетил он за свою долгую жизнь. В Москве его знали в каждой книжной лавке и антикварном магазине, на толкучках и ярмарках, в городских и подмосковных монастырях. В получении древностей ему помогали многочисленные агенты и комиссионеры, среди которых были и знаменитый московский антиквар Т.Ф.Большаков, и «книжник-старинар» А.Г.Головастиков, купец Д.В.Пискарев, мещанин А.Е.Сорокин (агент Погодина по иконной части), ржевский комиссионер В.К.Мясников, московский художник К.Я.Тромонин, вятич И.Н.Изергин, петербуржец А.И.Костерин, московские купцы Н.П.Филатов, В.Я.Лопухин, нижегородец М.Зубов.

«В своих многократных поездках по России, — сообщалось в его биографии, — Погодин завязал массу сношений с местными любителями отечественной старины и приобретал, большею частию покупкой, памятники этой старины: рукописи, старопечатные книги, портреты и т.д. Таким путем с тридцатых годов XIX в. у него мало-помалу стали скопляться весьма интересные письменные и вещественные памятники прошлого родной земли, а со второй половины сороковых годов Погодин мог уже прямо считать свое все разроставшееся собрание целым рядом коллекций по отечествоведению. Это было в полном смысле слова русское национальное древлехранилище, которое сам Погодин называл музеем» (19, с. 158).

«Погодин, уже профессор русской истории в Московском университете, стал собирать старопечатные книги и редкие рукописи, потом моне-



ты, картины, портреты, оружие, что ни попало, лишь бы это касалось русской истории, и довольно скоро составил очень редкую коллекцию замечательных предметов. В особенности выдавались рукописный и старопечатный отделы, где были прямо весьма редкие фолианты. Имя Погодина как собирателя-знатока всякой старины сделалось известным в Москве всем и каждому. Кто бы ни добирался каким ни на есть путем до редкой рукописи, картины — нес ее прежде всего к Погодину» (3, с. 376).

В первой половине XIX в. после графа Н.П.Румянцева и графа Ф.А.Толстого Михаил Петрович стал признанным главой русских коллекционеров. Со слов самого Погодина известно, как протекала его собирательская деятельность. В журнале «Москвитянин» он неоднократно печатал материалы о домашнем Древлехранилище, из которых видно, как, когда, при каких обстоятельствах те или иные раритеты попадали в его музей.

Например, в 1847 г. коллекционеру прислали из Вятки рукопись «Камень Веры» с собственноручными пометками автора — Стефана Яворского. Из Одоева к нему поступили два древних серебряных ларчика для хранения драгоценностей, блюдце с древним изображением двуглавого орла, несколько старинных пуговиц и окладов икон, из Харькова — список Софийского временника, из Жиздры — вещи из тамошних курганов, из Тобольска — собрание писем Сперанского его другу Словцову, из Свияжска — список о роде Авраамия Палицына, из Вязников — Часослов 1692 г. Эти примеры показывают масштабность собирательской деятельности Погодина и широкую известность его собрания в России.

Погодинское Древлехранилище было известно и за рубежом среди ученых-славистов. Так, из Вены от сербского филолога В.С.Караджича он неоднократно получал сербские, болгарские, молдовлахийские рукописи.

Старинные вещи как по волшебству стекались в дом к Погодину. Он был из русских самородков, которые притягивали к себе людей любых сословий, любого уровня образования и рода деятельности. Немало сил и времени отдавал он изучению и систематизации собранного материала. Все письменные и вещественные памятники подразделялись в его музее на 17 отделений.

Первое отделение составляли рукописи. Это был, безусловно, самый ценный раздел погодинского собрания. Он включал до двух тысяч рукописей, из которых 75 написано на пергаменте. Многие из них приобретены у известных коллекционеров: П.М.Строева, К.Ф.Калайдовича, Н.П.Филатова, И.П.Лаптева, Т.Ф.Большакова, Н.Н.Сандунова. Во втором значилось около восьмисот старопечатных книг. Самостоятельный раздел составляли книги, напечатанные при Петре Великом. В отдельную группу были выделены древние грамоты и старинные судебные акты, их было до пяти тысяч.

Один из самых обширных разделов включал автографы знаменитых российских деятелей — бумаги и письма, принадлежавшие ученым, писателям, государственным сановникам. Многие из них попали к Погодину с личными архивами Я.Штелина, М.Н.Муравьева, А.С.Шишкова, И.И.Голикова, З.Я.Ходаковского. Отдельную подборку составляли письма и бумаги государей начиная с Петра Великого. Сюда вошли и письма, полученные Михаилом Петровичем от многих известных русских и зарубежных деятелей культуры: автографы австрийских, английских, греческих, дат-

ских, немецких, польских, французских, сербских, чешских, шведских, швейцарских государственных, военных, политических, церковных деятелей, а также представителей науки, литературы, искусства. Каталог автографов включал 429 документов.

Вещественные памятники были представлены самыми разнообразными предметами — монетами и медалями (минц-кабинет включал до двух тысяч предметов, часть из которых приобретена у А.А.Медынцева), серебряными и медными крестами (до шестисот), литыми образами (до четырехсот), древними вислыми печатями (до тридцати), окладами, оружием, вещами из чудских курганов (часть их приобретена у Г.И.Спасского), ювелирными украшениями (старинными серьгами, кольцами, пуговицами), посудой.

Художественная часть собрания включала картины, иконы (около двухсот) и обширные коллекции графики: лубочных картин, портретов русских деятелей, ранних образцов отечественных гравюр.

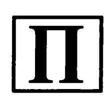
«Во всех сих памятниках живым ключом бьет русская жизнь, и при пособии их можно проследить и изучить все ее стороны: религиозную, умственную и домашнюю, или, так сказать, обиходную, — писал по поводу приобретения погодинской коллекции государством академик А.Ф.Бычков. — Прибавим еще, что в нем находится до двухсот предметов единственных в мире, до тысячи наиредчайших и редких — без числа. Собрать теперь что-нибудь такое же или даже подобное вновь решительно невозможно» (2, кн. 12, с. 350—353).

С 1836 г. Погодин поселился на окраине Москвы вблизи Новодевичьего монастыря на Девичьем поле. Он владел обширной усадьбой, которая начиналась от угла Саввинского переулка и доходила почти до Плющихи. Здесь он основательно обустроил свой музей: заказал пятьдесят вместительных шкафов и более двухсот специальных картонных коробов.

Погодинское Древлехранилище было широко известно в Москве, с его памятниками работали десятки исследователей. В гостях у маститого историка бывали известнейшие писатели: здесь читали свои произведения М.Ю.Лермонтов, А.Н.Островский, А.Ф.Писемский, Л.А.Мей. В доме Погодина жил и работал Н.В.Гоголь.

Один из современников так описывал свое первое посещение этого дома: «Приехали. Лакей... доложил, впустив нас в длинную комнату, уставленную витринами со столбцами, грамотами, с вислыми печатями, пожелтевшими от времени письмами; около окон стояли бюсты, среди которых я заметил бюст Пушкина. Стены увешаны были картинами, неважными, но старыми. Спустя две или три минуты слуга растворил дверь, и мы очутились пред Погодиным. М.П. сидел у письменного стола и писал... Я сидел ни жив ни мертв, поглядывая на множество акварелей-портретов на стенке, на полки, набитые книгами» (26, с. 166).

Прекрасно понимая высочайшую научную ценность своего собрания, неоднократно наблюдая гибель коллекций после смерти их владельцев, Михаил Петрович решил заранее определить его последующую судьбу. Кроме того, он постоянно остерегался пожара, поскольку коллекция хранилась в деревянном здании. Владелец пришел к мысли продать в казну свою коллекцию с тем условием, чтобы она осталась в Москве и легла в основу Московской публичной библиотеки, во главе которой на первых



порах мог бы стать он сам. Погодин предполагал, что правительство найдет возможность построить для этого общественного собрания древностей специальное каменное здание. К сожалению, главное условие не было принято. Казна хотя и приобрела погодинское Древлехранилище в 1852 г., но перевезла его из Москвы в Санкт-Петербург.

В письме к Погодину от 17 августа 1852 г. директор Императорской Публичной библиотеки барон М.А.Корф сообщал, что принято решение «печатные книги, рукописи и эстампы из сего собрания обратить в Императорскую Публичную Библиотеку, а все прочие предметы сложить в Императорском Эрмитаже» (2, кн.12, с. 343). Кроме того, «на принадлежащих вам книгах и рукописях, во всегдашнюю память о употребленных вами на сие собрание многочисленных трудах и пожертвованиях, означить наружным на переплете штемпелем, что оне поступили из вашего собрания» (2, кн. 12, с. 343). И лишь церковные древности остались в Москве, пополнив собрание Оружейной палаты.

После 1852 г. Михаил Петрович продолжал приобретать предметы старины, правда, уже не в тех масштабах, что раньше. В одном из писем С.П.Шевыреву он с удовлетворением отмечал, что собрал уже неплохую коллекцию бюстов и портретов писателей. Погодинская портретная галерея навела П.М.Третьякова на мысль создать живописный пантеон знаменитых современников в своей галерее, и он стал заказывать их портреты известным художникам.

В эти годы в погодинском собрании появился совершенно необыкновенный для подобного рода коллекций экспонат. Автор двадцатидвухтомной биографии коллекционера Н.П.Барсуков, скрупулезно воссоздавший хронику жизни Михаила Петровича, сообщает: «В 1856 году В.А. Кокорев водрузил в Погодинском саду Русскую избу» (2, кн. 15, с. 57). Василий Александрович Кокорев, известный в свое время предприниматель и коллекционер, такой же страстный почитатель русской истории и русского искусства, сделал удивительный подарок Погодину. Существует версия, что дом с резными украшениями предназначался для нового собрания.

М.П.Погодин скончался в Москве 8 декабря 1875 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

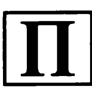
После смерти Погодина его «кабинетную библиотеку» и личный архив вдова Софья Ивановна в 1878 г. пожертвовала Московскому Публичному и Румянцевскому музеям. Это книжное собрание насчитывало 2018 томов. По желанию дарительницы оно было помещено в восемь отдельных шкафов, на каждом томе вытеснен штемпель «Из библиотеки Мих. Петр. Погодина».

Погодинская усадьба сгорела в 1941 г. от фашистской бомбы. От нее сохранился лишь один флигель — кокоревский подарок: бревенчатая изба с резными наличниками и декоративным балкончиком (ул. Погодинская, д. 10—12).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Арензон Е.Р. Погодинская изба // Памятники Отечества. — 1983. — N 2. — С. 144—147.

2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. — М.-Спб., 1888—1910. — Кн.1—22.



3. Берг Н.В. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы: 1826—1856 гг. — М., 1990. — С. 366—379.

4. Бестужев-Рюмин К.Н. Погодин М.П.: Некролог // Древняя и новая Россия. — 1876. — Т. 1. — N 2. — С. 147—158.

5. Дворецкая Н.А. Каталог собрания автографов М.П.Погодина. — Л., 1960.

6. Загребин В.М. Сербские рукописи из собрания М.П.Погодина // Археографический ежегодник за 1973 г. — М., 1974. — С. 188—199.

7. Иванова К.И. Рукописи И.П.Лаптева в собрании М.П.Погодина // Археографический ежегодник за 1982 г. — М., 1983. — С. 188—192.

8. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 899.

9. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 786—787, 859, 1892; Т.1, кн.2. — С. 1169, 1270—1274, 1325, CCCII.

10. Каталог библиотеки М.П.Погодина. — М., 1993.

11. Козьменко И.В. Архив М.П.Погодина // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. — М., 1950. — Вып. 11.

12. Кондаков Н.П. М.П.Погодин как археолог. — Спб., 1901.

13. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1852 год. — Спб., 1853. — С. 21—58.

14. П-в. Погодин Михаил Петрович: К 50-летию ученой деятельности // Всемирная иллюстрация. — 1871. — N 153. — 4 декабря.

15. П.М. [Погодин М.П.]. Археологические приобретения М.П.Погодина // Москвитянин. — 1850. — N 3. — С. 57; N 5. — С. 68; N 6. — С. 40.

16. П.М. [Погодин М.П.]. Новые приобретения в музее М.П.Погодина // Москвитянин. — 1847. — N 1. — С. 248—249.

17. П.М. [Погодин М.П.]. Об археологических собраниях пр. Погодина // Москвитянин. — 1844. — N 5. — С. 169—176.

18. Погодин М.П. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие своего существования. — М., 1915. — С. 273—274.

19. Погодин М.П. // Русский биографический словарь. — Спб., 1905. — «Плавильщиков — Примо» [Т.14.] — С. 154—166.

20. [Погодин М.П.]. Археологические приобретения // Москвитянин. — 1851. — N 1. — С. 227—228.

21. Путеводитель по библиотеке Московского Публичного и Румянцевского музеев. — М., 1896. — С. 15.

22. Пятидесятилетний юбилей Погодина. — М., 1872.

23. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т. 2. — С. 1539—1540; прилож. 2, С. 163, 167, 174; прилож. 5, С. 239.

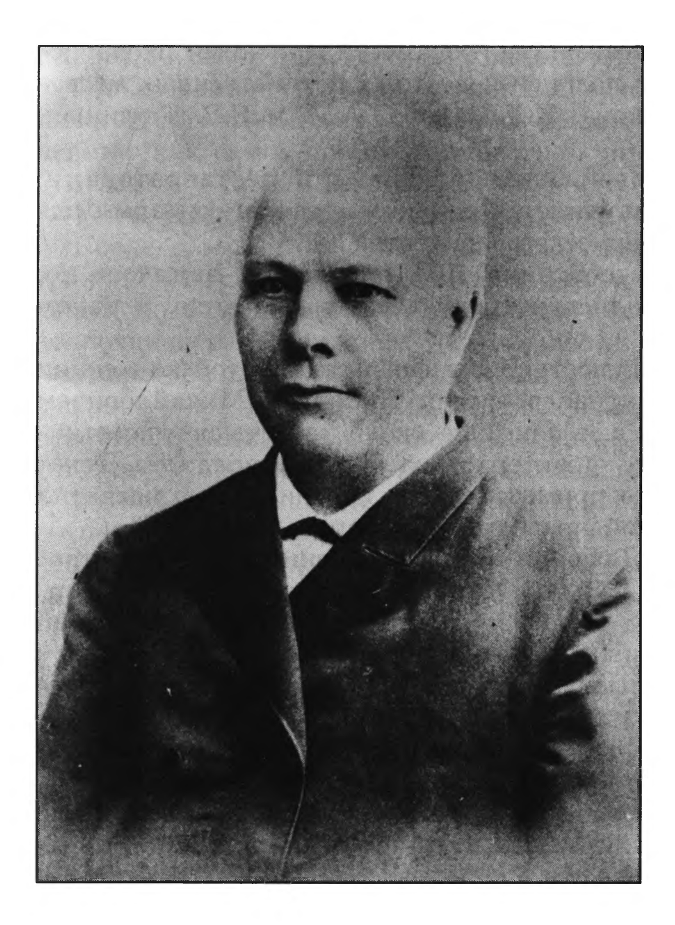
24. Рукописные книги собрания М.П.Погодина: Каталог. — Л., 1988. — Вып. 1.

25. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: 11—13 вв. — М., 1984.

26. Чаев Н. Воспоминания о Михаиле Петровиче Погодине // Исторический вестник. — 1901. — N 1. — С. 162—173.

27. Ястржембский Л., Сорокин В. Памятники литературной Москвы. — М., 1957. — С.52.

ПОСТНИКОВ Николай Михайлович
(ок. 1827—ок. 1897)



Н.М. Постников — купец, антиквар, собиратель икон и церковной утвари.

О начале жизненного пути Н.М.Постникова нам не удалось найти никаких сведений. С конца 1840-х гг. Н.М.Постников стал торговать иконами и церковной утварью. Его магазин был широко известен в Москве. Скупщики и торговцы охотно приносили ему иконы и различные церковные принадлежности. Тогда-то, вероятно, и пробудился у Постникова интерес к старым вещам, памятникам древности. По свидетельству коллекционера А.П.Бахрушина, хорошо знавшего Николая Михайловича, часто бывавшего и в его лавке, и в его доме, собирателем Постников стал, когда ему исполнилось двадцать лет.

Все лучшее, что поступало в магазин, он откладывал для своей коллекции. Потом, не ограничиваясь этим, стал и сам заниматься поиском старинных вещей. Известно, что много икон он приобрел у других собирателей и у реставраторов-иконописцев. Например, строгановская икона начала XVII в. «О Тебе радуемся» была приобретена им у московского собирателя икон С.И.Тихомирова. Другую икону «Богоматерь Смоленская» он выменял у иконописцев-реставраторов М.И.Дикарева и О.С.Чирикова.

Таким образом, почти за сорок лет он собрал громадную коллекцию старины, в которой одних только икон насчитывалось более трех тысяч. Это была самая большая коллекция икон среди всех частных и государственных собраний России в XIX в. «Его собрание икон, церковной утвари, серебра известно всей России», — утверждал А.П.Бахрушин (3, с. 12).

Увлеченный собиратель, человек общительный, он способствовал расширению интереса коллекционеров к церковным древностям. Под влиянием Постникова стали собирать иконы его брат Андрей Михайлович и

племянник Дмитрий Андреевич, Петр Иванович Щукин, Михаил Петрович Боткин, Юрий Всеволодович Мерлин.

В собрании Постникова были иконы X в. Считалось, что немало икон из его собрания принадлежит кисти знаменитого Андрея Рублева. Икон XV—XVII вв. было очень много, несколько сотен. Причем представлены практически все русские иконописные школы — около двадцати. Кроме того, у Николая Михайловича хранилась образцовая подборка (по определению Н.П.Кондакова) «корсуньских» и «греческих» икон.

Историческую ценность в этом собрании представляли иконы, выполненные в XIX в. московскими, мстерскими, палехскими, холуйскими иконописцами. Большинство из них имели подписи известных потомственных мастеров — В.И.Хохлова, И.А.Рослякова, И.Д.Шахова, А.М. и Я.В. Тюлиных, О.С.Чирикова и др.

Поддерживая постоянные связи с иконописцами и реставраторами, Н.М.Постников многому у них научился. Среди собирателей он слыл одним из лучших знатоков древнерусского искусства.

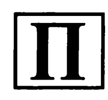
Отличительной особенностью собрания Н.М.Постникова являлось то, что все старинные доски оставались нетронутыми, в том виде, в каком они достались собирателю.

В 1888 г. вышел роскошный иллюстрированный каталог этой коллекции христианских древностей, составленный самим Николаем Михайловичем Постниковым. Он включал подробное описание около трех тысяч памятников. На 173 страницах была дана характеристика каждого предмета. Текст сопровождался 45 рисунками. Это примечательное издание автор посвятил любителям и собирателям русской православной старины.

В 1890 г. в Москве проходил Восьмой археологический съезд, приуроченный к двадцатипятилетнему юбилею Императорского Московского археологического общества. Съезд сопровождался масштабной выставкой памятников искусства и старины, устроенной в залах Императорского Исторического музея. На этой выставке были представлены многие частные собрания. Среди богатства и обилия экспонатов выделялась коллекция Н.М.Постникова. Она не только превосходила остальные количеством предметов (3245), но поражала разнообразием и ценностью памятников церковной старины. Здесь кроме икон посетители могли видеть церковную утварь — складни, кресты, панагии, венцы, оклады, накладки, цепи, печати, кольца и т.п.

Обозревая выставку, профессор Егор Кузьмич Редин особо отметил такие вещи из собрания Н.М.Постникова, как икона Владимирской Божией Матери (особенно интересны клейма с изображением жития Богородицы), две иконы «Благовещение», три иконы «Рождество Христово», две иконы «Успение Пресвятой Богородицы», икона «Рождество Богородицы», три иконы «Воскресение Христово», икона «Введение Богородицы во храм». Все эти иконы были интересны тем, что в основе их ясно прослеживались византийские прототипы. Все они отличались строгой сдержанностью и гармоничностью.

Николай Михайлович занимал небольшую квартиру на втором этаже дома Аристова на одной из Тверских-Ямских улиц. Для собрания оставалось мало места, поэтому большая часть коллекции хранилась в сундуках.



Однажды Постников едва не лишился всего своего собрания. Случилось это примерно в 1884 г. Когда он был на пасхальной службе в храме Василия Кесарийского, прибежавшие люди сообщили, что в его доме пожар. Подойдя к дому, Постников увидел, что во дворе горят конюшни и жильцы соседних домов выносят скарб на улицу. Николай Михайлович бросился в свою квартиру, сел на сундуки и, как его ни упрашивали, решительно отказывался выходить сам и выносить предметы своей коллекции. Он понял,что всего спасти не сможет, а если начнет выносить, то многое будет повреждено и растащено. Собиратель решил погибнуть вместе со своей драгоценной коллекцией. К счастью, дом уцелел.

Однако замечательная коллекция вскоре все же погибла как единое целое. Торговые дела Постникова пошатнулись, и он заложил свою коллекцию как самое ценное имущество купцу Пономареву, владельцу свечной лавки у храма Василия Блаженного. Выкупить он ее не смог.

Умер Н.М.Постников около 1897 года.

После его смерти коллекция была распродана. Иконы поступили в собрания П.М.Третьякова, Е.Е.Егорова, Д.И.Силина, Л.К.Зубалова, Б.И. и В.Н.Ханенко, но больше всего икон из этой коллекции приобрел петербургский коллекционер Н.П.Лихачев. Позднее постниковские иконы попали во многие государственные музеи, в том числе в Третьяковскую галерею и Исторический музей. В частности, в 1897 г. в Исторический музей поступил дар известного московского собирателя Ивана Абрамовича Морозова: семьдесят девять предметов старины из бывшего постниковского собрания.

В 1907 г. библиотека, собранная Н.М.Постниковым, включавшая книги по церковной археологии, иконописи, истории, а также коллекция снимков с древних икон и церковной утвари были проданы антиквару П.П.Шибанову и затем разошлись по разным собраниям. Большая часть книг приобретена С.П.Рябушинским.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова В.И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. — М., 1967. — N 45, ил. 59; N 114, ил. 132—133.

2. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. — М., 1963. — Т.1. — N 285; Т.2. — N 385, 820, 832.

3. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. / Прим.М.Цявловского. — М., 1916. — С. 12, 28—29, 65, 98—99.

4. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 198—201.

5. Георгиевский В. Икона св. Иоанна Предтечи: Из собрания Б.Н.Протопопова // Светильник. — 1914. — N 7. — С. 3—6.

6. Залы 5-я и 6-я Археологической выставки, устроенной Императорским Московским археологическим обществом в память своего первого двадцатипятилетия: Собрание церковных древностей Ник. Мих. Постникова. — М., 1890.

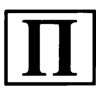
7. Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). — М., 1905 — 1918. — Вып.1—3.

8. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 923.

9. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891. — Т.1, кн.2. — С. 1417.

10. Каталог N 138 антикварно-книжной торговли П.Шибанова. — М., 1908 (объявление на обложке).

11. Каталог христианских древностей, собранных московским купцом Николаем Михайловичем Постниковым: Посвящается любителям и собирателям русской право-



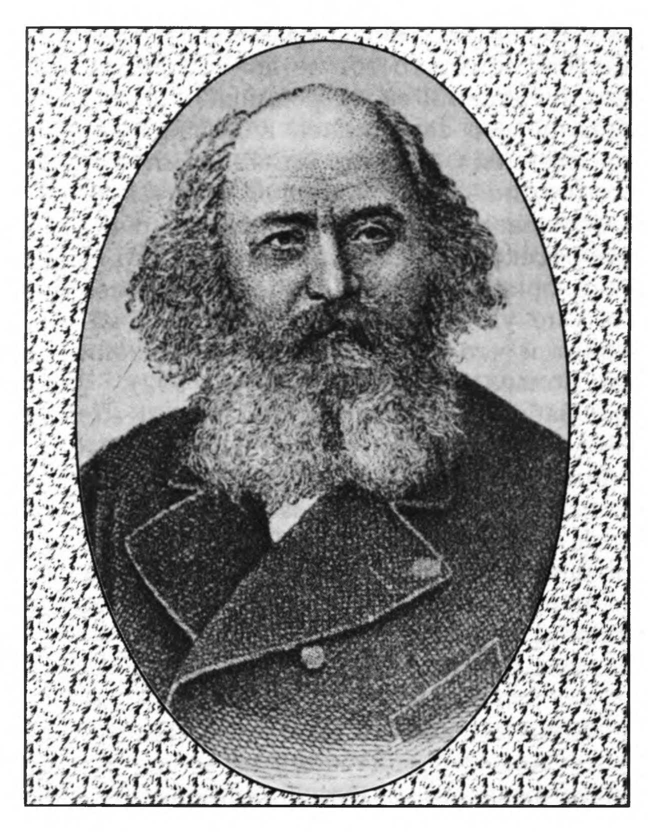
славной старины: С 45 рисунками-фотогравюрами. — М., 1888.

12. Кызласова И. Московские собиратели «греческого письма» // Наше наследие. — 1992. — N 25. — С. 6—11.

13. Ласунский О. Письмо из Дрогобыча // Встреча с книгой. — М., 1984. — Вып. 2. — С. 169—170.

14. Редин Е.К. Церковные древности // Труды Восьмого археологического съезда в Москве 1890 г. — М., 1897. — Т.4. — С. 207—219.

РОВИНСКИЙ Дмитрий Александрович (1824—1895)



С гравюры И. Пожалостина. 1880.

Д.А. Ровинский — юрист, историк искусства, библиофил, собиратель графики.

Родился в Москве 16 августа 1824 г. в семье полицеймейстера. В 1844 г. закончил Петербургское училище правоведения. Начал службу в Петербурге в Министерстве юстиции. Однако, прослужив четыре года, в 1848 г. переехал в Москву. Здесь он прожил двадцать два года: служил по юридической части — сначала стряпчим, в 1850—1853 гг. — товарищем председателя Московской Уголовной Палаты, в 1853—1868 гг. — московским губернским прокурором, в 1868—1870 гг. — председателем Уголовного департамента Московской судебной палаты. В 1870 г. Дмитрий Александрович получил высокую должность сенатора Уголовного кассационного департамента и переехал в Петербург.

В Москву Ровинский приехал начинающим, никому не известным собирателем, а покидал ее с огромной коллекцией, пользовавшейся европейской славой.

Д.А.Ровинский стал заниматься коллекционированием с 1844 г., с тех пор как поступил на государственную службу. Первоначально он собирал работы западноевропейских мастеров. Интерес к собирательству пробудился у него после посещения Эрмитажа и знакомства с творчеством Рембрандта. «Не будучи в состоянии окружить себя картинами Великого мастера, которые уже успели разместиться в неотчуждаемое владение по большим музеям, — писал ученый-экономист К.С.Веселовский, — Ровинский стал страстно собирать ныне уже нелегко находимые офорты Рембрандта» (17, с. 106).

В поисках произведений прославленного мастера Дмитрий Александрович объездил Европу вдоль и поперек, лично принимал участие во всех крупных аукционах, вел оживленную переписку со всеми крупнейшими антикварами. К концу жизни он составил одну из самых полных в Европе

коллекций оригинальных гравюр Рембрандта, которая включала 395 первоначальных оттисков и около двухсот разновидностей. Владелец настолько дорожил своей коллекцией листов Рембрандта, что, уезжая из дома, сдавал ее на хранение в государственный банк.

Кроме того, Ровинский собрал целую библиотеку о творчестве этого мастера. Итогом многолетней работы стала публикация семи томов «Полного собрания гравюр Рембрандта» (1890), причем четыре тома содержали текст, а три — тысячу иллюстраций. Эта книга стала справочным пособием для всех коллекционеров и искусствоведов и таковой остается по сей день. Как заметил А.Ф.Кони, Ровинский «создал великому голландцу — «королю светотени» — памятник, которого тот не дождался от преследующих художественные цели учреждений своей родины!» (11, с. 578).

Русская часть собрания Д.А.Ровинского зародилась в Москве. Этому способствовали атмосфера «белокаменной», еще хранившая множество остатков старины, знакомство с сотрудником Оружейной палаты, в будущем крупнейшим историком-москвоведом, И.Е.Забелиным и общение с двоюродным дядей, владельцем русского Древлехранилища М.П.Погодиным. «То, что вы собираете, — говорил Михаил Петрович, — довольно собирают и другие — этим никого не удивишь, а вот собирайте-ка все русское, чего еще никто не собирает и что остается в пренебрежении и часто бесследно пропадает, — так польза будет иная» (11, с. 592).

Ровинский познакомился с И.Е.Забелиным вскоре после переезда в Москву, когда тот служил в Оружейной палате, и часто бывал у него. «Это хранилище, — писал Забелин, — и послужило, так сказать, мостом, по которому Дмитрий Александрович легко и незаметно перешел в своих изысканиях прямо к русской старине» (11, с. 3). Вместе с Забелиным Ровинский осматривал московские церкви, соборы, монастыри, боярские дворцы. Потом они вместе обошли (именно обошли! — Ровинский берег деньги на приобретение гравюр) все исторические места ближнего и дальнего Подмосковья. Затем стали ежегодно совершать путешествия по Центральной России.

Всю жизнь Дмитрием Александровичем неодолимо владели две страсти: коллекционирование и путешествия. Эти увлечения не мешали друг другу, напротив, помогали, споспешествовали, как говорили раньше. Из ежегодных летних поездок подчас по самым глухим и захолустным уголкам российской глубинки, с их патриархальным бытом, нетронутой стариной, обычаями и традициями, Ровинский привозил новые и новые листы для своего собрания. Он буквально исколесил всю Россию, собирая отечественную старину. Добавим, что он объездил и всю Европу, кроме того, побывал в Египте, Китае, Индии и добрался даже до Японии.

Став состоятельным человеком, Д.А.Ровинский стремился приобретать гравюры для своей коллекции целыми собраниями. Он стал обладателем собраний гравюр, принадлежавших ранее Я.Ф.Большакову, А.М.Дмитриеву, А.М.Яковлеву, А.И.Гассингу, И.И.Петрову, П.П.Бекетову, И.М.Остроглазову и некоторым другим. По мнению В.Я.Адарюкова, главные свои приобретения собиратель совершал все-таки за границей, где антикварный рынок был богаче. В Европе им были найдены и многие русские гравюры. Причем даже самые редкие листы там удавалось купить отно-

сительно недорого. Серьезный спрос на русскую графику на западном антикварном рынке возник только после выхода в свет классических трудов по истории гравюры самого Ровинского.

Русская часть коллекции Д.А.Ровинского включала такое разнообразие гравюр, что по сути представляла развитие национального гравировального искусства от его зарождения до современности. Работы современников Ровинский собирал с такой же настойчивостью, как и старинные листы. Шире всего в этом собрании были представлены портреты и народные картинки.

Целенаправленно и настойчиво Ровинский собирал литографированные и гравированные портреты. У него были представлены царские особы, дипломаты, военачальники, ученые, художники. Они составляли целую портретную галерею. «Страсть Дмитрия Александровича собирать портреты, не уступавшая его страсти пополнять принадлежавшую ему коллекцию гравюр Рембрандта, доходила до того, — вспоминал академик А.Ф.Бычков, — что он часто покупал за довольно высокую цену книги, в которых находились гравированные русские портреты, выделял их из книг, а самые книги оставлял букинистам, утверждая, что таким образом он дает возможность людям, не ценящим портреты, приобретать сочинения, иногда важные, за бесценок» (17, с. 102).

В это собрание Ровинского входили портреты исключительной редкости. Например, портрет царевны Софьи в царском одеянии и с короной на голове был известен всего в трех экземплярах. Едва ли не единственным был портрет Андрея Денисовича Виниуса, основателя тульских заводов, работы гравера Вишера. Тут было до пятидесяти редчайших портретов Петра Великого. Каждый из портретов Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек являлся величайшей редкостью. В коллекции же Ровинского были все известные портреты Самозванца и его спутницы. Большой интерес представляли портреты Симона Ушакова, копии с редчайших портретов В.А.Жуковского работы Вендрамини.

Дмитрий Александрович каждый раздел своей коллекции собирал настолько основательно, настолько глубоко изучал тему, что естественно и органично итогом работы становились научные публикации. Материалы портретной галереи легли в основу четырехтомного «Подробного словаря русских гравированных портретов» (1886—1889). В качестве иллюстраций для книги автор отобрал около 2000 листов из своего собрания. Это было второе издание «Словаря». В предисловии к первому, вышедшему в 1872 г., автор писал, что книга адресована любителям русских гравюр и главная ее цель — возбудить охоту к гравюрам отечественных мастеров и сохранить их от гибели. Поставленной цели он достиг. Число собирателей гравюр русской школы значительно увеличилось, причем не только в России, но и за рубежом.

Коллекция русских народных картинок-лубков в собрании Д.А.Ровинского по своей полноте не уступала его портретной галерее и считалась одной из наиболее значительных коллекций такого рода. Эти коллекции дополняли друг друга, взаимно перекликались и вместе давали богатейший материал для характеристики русского общества на протяжении нескольких веков. В этих картинках была отражена жизнь народа с на-

чала XVII до середины XIX в. Здесь и сюжеты, посвященные детям (особенно на тему постижения грамоты), здесь и космографии — своего рода учебники по всемирной истории, целые серии, посвященные Мамаеву побоищу, войне с французами. Здесь и народные праздники, и паломничество к русским святыням, и юродивые, и грехопадение человека. Казалось, не было такой стороны в жизни отдельных людей и общества в целом, которая бы не была отражена безымянными мастерами в лубочных картинках.

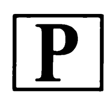
Дмитрий Александрович начал собирать лубок одним из первых, в то время, когда к нему как к произведению «подлого» сословия не было никакого почтения. Тем самым он не только спас от забвения и уничтожения множество листов, но, возбудив интерес коллекционеров к этому предмету, сохранил ценнейшие источники для характеристики целой отрасли самобытного народного творчества. Итогом его собирательской деятельности явилась еще одна многотомная публикация: 1780 листов из собрания лубков увидели свет в девятитомном сочинении Д.А.Ровинского «Русские народные картинки» (1881—1893).

Известный художественный критик В.В.Стасов писал: «Дмитрий Александрович Ровинский представляет собою очень редкий у нас пример. Он один из тех немногочисленных, но все-таки существующих на свете русских людей, которые, взяв на свои плечи еще в молодости важное и значительное дело, никогда не отступали от него в продолжение всей своей жизни, никогда ему не изменяли, никуда не перебегали и не перескакивали, никому не позволяли сманивать себя на сторону и постоянно снимали со с любовью взращиваемого ими дерева все новые и новые драгоценные плоды» (22, с. 417).

О книгах Дмитрия Александровича в той же статье Стасов писал: «Это все такие капитальные, такие истинно вековые издания, которые кажутся невозможными для усилий одного и того же человека, да еще человека, занятого обязательною государственною службою: в начале своей карьеры Д.А.Ровинский был одним из самых выдающихся прокуроров наших и принимал громадное участие в приготовлении и осуществлении судебной нашей реформы: в течение последних двадцати лет он состоит сенатором. И, однако же, несмотря на такую свою постоянную занятость, Д.А.Ровинский находил всегда столько времени, сколько нужно было для того, чтоб заниматься самыми обширными, сложными и идущими до последних мелочей исследованиями, разысканиями; путешествия по Европе и Азии, работа в иностранных галереях и коллекциях также уносили пропасть времени, и все-таки Дм. Ал. Ровинский успевал со всем этим справляться и издавать, без всякой чужой помощи и на одни собственные средства, те многочисленные тома за томами, ту огромную историческо-художественную галерею, которая навеки останется связанною с его именем» (22, с. 418).

За заслуги в исследовании истории искусств Ровинский был избран почетным членом Академии художеств (1870) и Петербургской Академии наук (1883).

Дмитрий Александрович всегда охотно показывал свои гравюры любителям, знатокам и коллекционерам. «Его глаза загорались и радостно



блестели, — вспоминал юрист и общественный деятель А.Ф.Кони, — когда он мог показать какое-либо из своих приобретений и рассказать историю его получения, требовавшую иногда немалых хлопот и странствий» (12, с. 28).

Дмитрий Александрович не раз дарил произведения из личной коллекции и изданные книги музеям и библиотекам. Но более всего подношений он сделал Императорской Публичной библиотеке. Более двадцати лет он помогал ей собирать коллекцию портретов Петра I и даже из своего собрания пожертвовал три редких изображения императора.

В Москве Д.А.Ровинский неоднократно менял свой адрес. Дома, в которых он жил в 1850-е гг., не сохранились (Остоженка, д. 24; Большой Афанасьевский переулок, д. 41). В 1860-е гг. он приобрел дом в Трубниковском переулке, который цел и поныне. Это здание под номером 32. Позднее, в 1867 г., он снимал квартиру в Борисоглебском переулке (ныне д. 6).

Несмотря на свое высокое положение, Ровинский жил без какой-либо роскоши: вокруг него как бы не существовало ничего, кроме книг и гравюр. Все свои средства собиратель тратил исключительно на коллекции и издания. «Обстановка его верхнего жилья, — вспоминал И.Е.Забелин, — не оставила у меня в памяти никаких других предметов, кроме массы книг по истории искусства и больших и малых папок с гравюрами» (17, с. 3).

Хотя с 1870 г. Ровинский жил в Петербурге, в Москве он бывал довольно часто. Летний отпуск проводил только в Подмосковье на своем любимом хуторе на Сетуни, который приобрел еще в 1851 г. Здесь у него были два развлечения — цветы и фейерверки. Небольшой домик утопал в цветах, выращенных самим коллекционером, а по вечерам окрестности расцвечивались огнями фейерверков, которые он мастерски умел составлять, используя богатейший опыт мастеров-пиротехников. Среди сотен папок с гравированными листами четыре хранили листы, посвященные этому давно забытому виду искусства.

Дмитрий Александрович умер в Германии в Бад-Вильдунгене 11 июня 1895 г. Погребен под Москвой близ своего хутора на Сетуни у Спасской церкви.

Уникальную коллекцию, весь капитал и все недвижимое имущество собиратель завещал музеям и библиотекам. Иностранная часть коллекции осталась в Петербурге: свыше 600 гравюр Рембрандта поступили в Императорский Эрмитаж, около 50000 портретов западноевропейских мастеров — в гравюрное собрание Императорской Публичной библиотеки, гравюры зарубежных школ и все медные гравировальные доски — в Императорскую Академию художеств. Личная библиотека Ровинского, включавшая отборное собрание книг по искусству, перешла к Петербургскому училищу правоведения. В составе этой библиотеки было и полное собрание изданий коллекционера.

Русскую часть коллекции Дмитрий Александрович завещал Москве. В 1897 г. эта часть собрания в 180 больших томах и огромных папках, систематизированная самим коллекционером, поступила в Московский Публичный и Румянцевский музеи. Сюда входило: 74 тома русских портретов, 59 томов работ русских граверов, 43 тома русских народных картинок, 4 тома с «фейерверками», 1 том старинной ксилографии и отдельные подборки по

разным темам. Это подношение сразу же принесло европейскую славу Гравюрному кабинету, сделало его широко известным в России и способствовало притоку в музей новых поступлений от коллекционеров.

Хутор на Сетуни Д.А.Ровинский завещал Московскому университету.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Адарюков В.Я. Архив Дмитрия Александровича Ровинского // Среди коллекционеров. — 1921. — N 6—7. — С. 11—20.*

2. *Адарюков В.Я. В мире книг и гравюр: Воспоминания. — М., 1984. — С. 9.*

3. *Адарюков В.Я. Гравюра и литография в книге XIX века: Портреты издателей и художников русской книги. — М., 1984. — С. 9.*

4. *Адарюков В.Я. Дмитрий Александрович Ровинский: Материалы для его биографии // Старые годы. — 1916. — Апрель—июнь. — С. 93—110.*

5. *Адарюков В.Я. Д.А.Ровинский-коллекционер // Среди коллекционеров. — 1921. — N 2.— С. 1—4.*

6. *Водо Н.Н. Столетие Гравюрного кабинета // 50 лет Государственному музею изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Сб. статей. — М., 1962. — С. 15, 17.*

7. *Забелин И.Е. Воспоминания о Д.А.Ровинском. — Спб., 1896.*

8. *Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 94.*

9. *Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912 . — N 964.*

10. *Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891 — 1892. — Т.1, кн.1. — С. 71—72, 295, 307, 433, 479, 723, 818—819; Т. 1, кн. 2. — С. 1270, 1274, 1361, 1368, 1370, 1373—1377, 1401—1404, 1408, 1418, 1507, 1717.*

11. *Кони А.Ф. Д.А.Ровинский // Очерки и воспоминания. — Спб., 1906. — С. 521—624.*

12. *Кони А.Ф. О Д.А.Ровинском // Среди коллекционеров. — 1921. — N 5. — С. 27—28.*

13. *Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа: 1764—1917. — Л., 1985. — С. 209.*

14. *Миронов А. Московский Публичный и Румянцевский музеи как художественно-воспитательные учреждения. — М., 1899.*

15. *Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1897 год. — М., 1898.*

16. *Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1903 год. — М., 1904. — С. 47.*

17. *Публичное собрание Императорской Академии наук в память ее почетного члена Д.А.Ровинского: 10 декабря 1895 года. — Спб., 1896.*

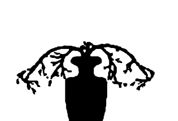
18. *Ровинский Д.А.: К 50-летию служебной деятельности // Нива. — 1894. — N 24. — С. 570—571.*

19. *Ровинский Д.А.: Некролог // Нива. — 1895. — N 25. — С. 602—603.*

20. *Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 159, 190, 192.*

21. *Стасов В.В. Воспоминания о Д.А.Ровинском // Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. — М., 1952. — Т.1. — С. 182—189.*

22. *Стасов В.В. Новые труды Д.А.Ровинского // Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. — М., 1954. — Т.2. — С. 417—431.*



РОСТОПЧИН
Андрей Федорович
(1813—1892)

С акварели П.Ф. Соколова.

А.Ф. Ростопчин — граф, литератор, меценат, библиофил, собиратель картин русской и западноевропейской школ.

Родился 13 октября 1813 г. в Москве в семье московского генерал-губернатора Федора Васильевича Ростопчина. Детские годы провел вместе с родителями за границей — в Италии и Франции. По возвращении в Россию в 1824 г. Ростопчин был отдан в Пажеский корпус. Не окончив курса, в 1830 г. зачислен корнетом в Лейб-кирасирский полк. Три года спустя он вышел в отставку и поселился в Москве.

Здесь в 1833 г. состоялась свадьба Андрея Ростопчина и Евдокии Сушковой, ставшей впоследствии известной поэтессой.

В 1840—1843 гг. Ростопчин снова находился на военной службе; в 1845—1847 гг. жил с семьей за границей — во Франции, побывал в Германии и Италии.

Вернувшись на родину, семья Ростопчиных поселилась в Москве, а летнее время проводила в имениях. На эти годы приходится расцвет поэтического дарования Евдокии Ростопчиной. Широкое признание современников получила ее любовная лирика. Ее творчество высоко ценили М.Ю.Лермонтов, Ф.И.Тютчев, посвятившие ей свои стихотворения. Около сорока ее произведений были положены на музыку и стали популярными романсами.

В этот период Андрей Федорович много времени уделял своим любимым занятиям — составлению библиотеки и картинной галереи. От отца он унаследовал прекрасную картинную галерею и книжное собрание с коллекцией изданий и гравюр, составленные в Париже в 1817—1823 гг. Став обладателем этого собрания, граф в 1836 г. перевез его в свой петербургский особняк, где оно оставалось до 1849 г. Во время заграничных путешествий он постоянно делал новые приобретения. В 1849 г., снова поселившись в Москве, он перевез сюда и свою коллекцию.

Первоначально Ростопчин жил в особняке матери на Басманной улице. Специально для размещения своей богатой коллекции Андрей Федо-

рович приобрел большой дом на Садовой, принадлежавший ранее губернатору Небольсину.

К 1850 г. Андрей Федорович владел уже обширным собранием живописи. Основу его составляли работы западноевропейских художников. Некоторые полотна принадлежали кисти выдающихся мастеров: А.Дюрера, Веласкеса, Рембрандта, Рубенса, Пуссена, Тициана, Тинторетто, Сальватора Розы, Рибейры, Каналетто, Мурильо, Ван Дейка, Греза, Гвидо Рени, Ван Остаде, Рюисдаля, Вувермана, Теньера, Доу. Он имел картины 133 мастеров, включая произведения безымянных художников.

Особое место в собрании занимала портретная галерея. В ней были представлены русские и европейские деятели XVIII—начала XIX в.: императрица Екатерина II, император Павел I, полководец А.В.Суворов, генерал А.П.Ермолов, граф П.А.Румянцев-Задунайский, граф С.Р.Воронцов, писатель Ф.Рабле, кардинал Мазарини, французские короли Людовик XIV, Людовик XVIII, Генрих IV, Филипп IV, шведский король Карл X, шведская королева Христина, французский революционер Робеспьер, Наполеон, английский король Георг IV и др. Сюда же входила и фамильная портретная галерея. Членов семейства Ростопчиных рисовали О.А.Кипренский (Ф.В.Ростопчин, Е.П.Ростопчина) и С.Тончи (Ф.В.Ростопчин).

В состав коллекции входили также статуи, бюсты, мозаики. Тут было представлено творчество скульпторов Ментенона, Лавальери, Монтеспа, Корнеля, Риго, С.Тадолини и Галленса. Последнему принадлежал скульптурный портрет Ф.В. Ростопчина, выполненный в Париже в 1819 г.

В январе 1850 г. граф Андрей Федорович в собственном особняке на Садовой улице открыл для публики частную картинную галерею. «Граф, — отмечал поэт Н.В.Берг, — занял верхнюю половину дома, отделав ее по своему вкусу, довольно просто, но комфортабельно. В том же этаже поместилась наследственная картинная галерея и библиотека» (3, с. 708).

В 1850 г. был издан каталог музея на французском языке: «Каталог портретов, картин, мраморов и предметов искусства галереи графа Ростопчина». В нем описано 282 картины, 26 мраморов и произведений декоративно-прикладного искусства. Открытие галереи вызвало большой общественный резонанс.

Присутствовавший на ее открытии историк и коллекционер М.П.Погодин писал на страницах журнала «Москвитянин»: «По первому скромному объявлению о том в «Московских ведомостях» толпы хлынули, несмотря на жестокий мороз, восьмого января в его новый, отлично устроенный дом на Садовой улице (бывший Небольсина). Дворяне, купцы, духовные и даже двое крестьян ходили по великолепным залам и любовались изящными произведениями искусства... Для художников галерея открыта ежедневно, для публики — по воскресеньям от двенадцати до четырех часов. Честь и слава владетелю сокровищ, предлагающему их с таким радушием для общественного наслаждения, поучения и употребления» (11, с. 66). Интерес к галерее не угасал и позже. Особенно охотно приходили сюда ученики Художественного класса, которым дозволялось бесплатно копировать произведения искусства. Более того, коллекционер и меценат Ростопчин, поощряя штудии юных художников, приобретал эти копии за щедрое вознаграждение.

В ростопчинской галерее в мае 1850 г. была устроена выставка картин П.А.Федотова. Выставка пользовалась успехом у москвичей.

Музей просуществовал всего два года. Живя на широкую ногу, владелец в конце концов разорился и вынужден был закрыть его.

В 1852 г. граф перевез свое собрание в Петербург и разместил его в залах гостиницы Демута у Полицейского моста. В ноябре того же года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось сообщение о распродаже картин, статуй и редких вещей, принадлежащих А.Ф.Ростопчину. «В непродолжительном времени, — отмечала газета, — будет продаваться с публичного торга вся эта галерея, состоящая из 256 нумеров» (10, с. 1075). Распродажа растянулась до 1868 г.

Такая же участь постигла и ростопчинскую библиотеку: в 1860-е гг. 2500 отборнейших книг этого собрания, уложенные в 19 сундуков, привезены в Петербург и распроданы.

Свое книжное собрание Андрей Федорович любил еще больше, чем картины. Он был увлеченным и эрудированным библиофилом. В 1862 г. в Брюсселе на французском языке он отпечатал собственноручно составленный каталог книжного собрания под несколько необычным заглавием: «Людиана. Анекдотический, библиографический, биографический и забавный каталог книг библиотеки графа Андрея Ростопчина, сопровождаемый язвительными замечаниями, большей частью неприличными, как для мертвых, так и для живых. Посвящаю моему учителю и библиографу С.С. Брюссель, март 1862 г. С портретом автора, очень похожим».

Книги в библиотеке Андрея Федоровича (по каталогу их числилось 3306) отличались превосходным состоянием, отличными переплетами. В основном — издания на иностранных языках, большей частью на французском. Тут были памятники классической литературы, сочинения по истории и искусству.

В 1858 г. Ростопчин избран почетным членом Императорской Публичной библиотеки. Этому государственному книгохранилищу он жертвовал и деньги, и редкие книги, и гравюры.

Сам же граф вынужден был отправиться в Иркутск на государственную службу, затем вернулся и жил в Петербурге.

А.Ф.Ростопчин умер 24 ноября 1892 г. в Петербурге и погребен на Волковом кладбище.

Особняк Ростопчина сохранился (Садовая-Кудринская, д. 17).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М.К. Сибирская беллетристика тридцатых годов // Азадовский М.К. Сибирские страницы. — Иркутск, 1988. — С. 51—55, 308.

2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. — М.-Спб., 1888—1910. — Т.10. — С. 207, 330, 370—371; Т. 11. — С. 99, 227—232; Т. 13. — С. 260—262, 264, 266—267; Т. 18. — С. 297; Т. 21. — С. 407—408, 431.

3. Берг Н.В. Графиня Ростопчина в Москве // Исторический вестник. — 1893. — N 3.

4. Витберг А.Л. Записки академика Витберга, строителя храма Христа Спасителя в Москве // Русская старина. — 1872. — Т. 5. — N 1. — С. 19—22; N 4. — С. 479, 551—579.

5. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 337.

6. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 979.

7. Императорская Публичная библиотека за сто лет. — Спб., 1914. — С. 220—221; Приложения — С. XIX.

8. Модзалевский Б.Л. Библиофил граф Андрей Федорович Ростопчин (1813—1892) // Русский библиофил. — 1915. — N 4. — С. 55—67.

9. Модзалевский Б.Л. А.Ф.Ростопчин // Русский биографический словарь. — Пг., 1918. — «Романова—Рясовский» [Т. 17]. — С. 231 —237.

10. М.П. Выставка картин, статуй и редких вещей, принадлежащих гр. А.Ф.Ростопчину // Санкт-Петербургские ведомости. — 1852. — 25 ноября. — С.1075—1076.

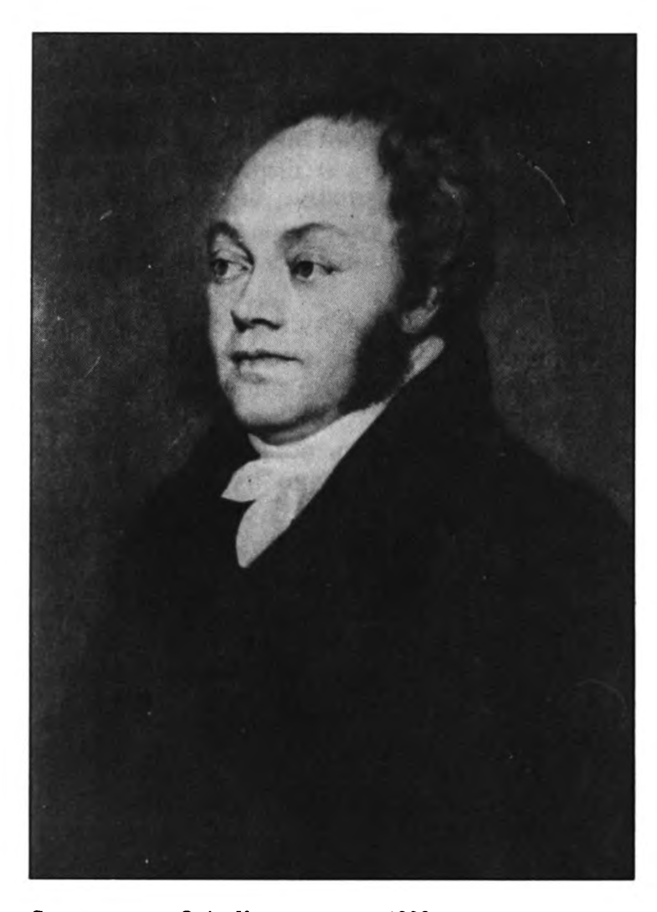
11. Погодин М.П. Московская летопись // Москвитянин. — 1850. — N 2.

12. Рабус К. Несколько слов о состоянии живописи в Москве: Из дневника художника // Москвитянин. — 1851. — N 3. — С. 210—221.

13. Ростопчина Л. Семейная хроника. — М., 1912.

РОСТОПЧИН Федор Васильевич

(1763—1826)



С портрета О.А. Кипренского. 1809.

Ф.В. Ростопчин — граф, государственный деятель, библиофил, собиратель картин западноевропейской школы. Отец Андрея Федоровича Ростопчина.

Родился 12 марта 1763 г. в деревне Ливны Орловской губернии в семье помещика Василия Федоровича Ростопчина. Принадлежал к роду, который вел свое начало от Ростопчу, одного из приближенных Чингисхана.

Отец не жалел средств, чтобы дать детям хорошее образование. Он приглашал к ним учителей-иностранцев. «Меня обучали сразу целой куче вещей и разным языкам, — вспоминал на склоне лет Федор Васильевич. — Благодаря тому, что я обладал некоторой долей бесстыдства и шарлатанства, меня принимали порой за мудреца. Моя голова скоро превратилась в библиотеку, ключ от которой хранился у меня» (4, с. 238).

Десяти лет от роду Федор был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1775 г. он зачислен в Пажеский корпус, по окончании которого начал военную службу.

В 1786 г., взяв отпуск, Ростопчин совершил длительную поездку за границу для получения знаний. Он жил в Берлине, Лейпциге, Париже, Лондоне; занимался фортификацией, математикой, прослушал курс лекций в Лейпцигском университете. В 1788 г. вернулся в Россию и продолжил военную службу. Современники отмечали, что Федор Васильевич был человеком большого ума и редкого остроумия, блестяще образованным, наделенным ораторским даром.

В 1792 г. Ф.В.Ростопчин благодаря поддержке А.А.Безбородко был приближен ко двору. Сначала он состоял в свите Екатерины II, затем Павла I. На последнего оказывал вместе с графом А.А.Безбородко заметное влияние. В благодарность за службу Федор Васильевич был удостоен графского титула и пожалован многими землями, имениями и особняками. В 1798—1801 гг.

возглавлял Коллегию иностранных дел. В конце царствования Павла I он вышел в отставку и в 1801 г. переехал в Москву, с которой тесно связана вся его дальнейшая жизнь.

До 1810 г. Федор Васильевич находился в отставке, а затем был назначен московским генерал-губернатором. На этом посту он заслужил репутацию энергичного, неутомимого начальника. «Я очень хорошо понимал, — писал он в старости, — что Москва послужит примером для всей России, и употребил все старания, чтобы приобресть доверие и расположение ея жителей. Необходимо было, чтобы Москва служила указателем, маяком и электрическим очагом» (4, с. 263).

Существует предположение, что именно Ростопчин был инициатором московского пожара осенью 1812 г. Однако сам Федор Васильевич не раз публично опровергал эту версию и даже опубликовал заметку «Правда о пожаре Москвы» (М., 1823).

К 1814 г. граф снова вышел в отставку и годом позже уехал за границу, где провел целых восемь лет. Прославленный участник войны с французами, он был с большими почестями встречен во многих странах. С 1817 г. Ростопчин жил в Париже.

Будучи за границей, Федор Васильевич собирал художественную галерею, осматривал местные достопримечательности и исторические памятники. В своих записках он отмечал наиболее яркие впечатления. Так например, он описывал комнаты Фридриха Великого в Сан-Суси. «В приемной между двух окон стоял стол, на коем Король обыкновенно писывал; на нем лежало множество перьев, из коих я одно взял с собою и берег, как вещь редкую, полагая, что оно бывало в руках, умеющих столь хорошо править государством» (10, с. 11). Федор Васильевич присутствовал при последних минутах жизни императора. Здесь же он осмотрел знаменитый дворец и его картинную галерею.

В 1823 г. Ростопчин вернулся на родину. «Уезжая обратно в Россию, он увозил с собой собрание картин и предметов искусства на пополнение редкостей, сгоревших в Воронове» (11).

Жил в Москве и в имении Вороново Московской губернии.

Подмосковное имение Вороново Федор Васильевич приобрел еще накануне своей первой отставки. Он не жалел средств для украшения главного дома произведениями искусства. Когда к усадьбе приближались французы, он лично поджег дом и конный завод, не желая оставлять их врагу.

После войны усадьба была отстроена заново, и именно сюда Ростопчин привез часть картин и предметов искусства, приобретенных ранее за границей.

Другую часть коллекции владелец разместил в городском особняке. «Граф Федор Васильевич Ростопчин, — писал историк А.Ф.Малиновский, — привез с собою из Парижа коллекцию картин, которые не приведены еще в порядок; но славится уже Вумервана «Сельский вид», портрет Людовика XIV из спальни г-жи Ментенон, «Прелестная девица» Леонардо Винт, Рубенса «Духовник» и 27 картин Робера» (8, с. 164).

В собрании имелась целая галерея живописных изображений самого владельца, в том числе полотна работы С.Тончи, О.А.Кипренского, А.Л.Витбер-

га. Она дополнялась гравированными портретами коллекционера. Лучшим среди них был портрет, гравированный И.С.Клаубером. Современники находили, что ближе всего к оригиналу портрет, гравированный А.А.Осиповым в 1812 г. Некоторые портреты владелец снабдил ироническими надписями, например: «Без дела и без скуки сижу, поджавши руки», «Он в Москве родился и ей пригодился».

Федор Васильевич, будучи человеком широкого художественного кругозора, натурой одаренной, обладая литературными способностями, задумал издать роскошное описание событий Отечественной войны 1812 г., сопроводив его портретами главных участников. С этой целью он заказал серию портретов, батальных сцен и виньеток художнику-архитектору А.Л.Витбергу. К сожалению, начинание не было доведено до конца.

Свидетель и активный участник событий трех царствований, Ростопчин имел обширный архив, в котором было огромное число писем.

Ф.В.Ростопчин умер 18 января 1826 г. в Москве и похоронен на Пятницком кладбище.

Все его богатое наследство перешло сыну — Андрею Федоровичу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурцев А.Е. Описание редких российских книг. — Спб., 1897. — Ч. 2. — С. 396.*

2. *Витберг А.Л. Записки академика Витберга, строителя храма Христа Спасителя в Москве // Русская старина. — 1872. — Т. 5. — N 1. — С. 19—22; N 4. — С. 479, 551—579.*

3. *Дом графа Орлова-Денисова, прежде бывший графа Ростопчина. — М., 1850. — С. 1—28.*

4. *Ельницкий А. Ф.В.Ростопчин // Русский биографический словарь. — Пг., 1918. — «Романова — Рясовский» [Т. 17]. — С. 238—305.*

5. *Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 117.*

6. *Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т.1, кн.2. — С. 1143—1145.*

7. *Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. — М., 1992. — С. 277—278.*

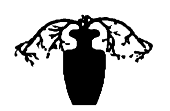
8. *Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992. — С. 164.*

9. *Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1882. — Т.2.*

10. *Ростопчин Ф.В. Путешествие по Пруссии // Москвитянин. — 1849. — Ч. 4. — N 13. — С. 3—14.*

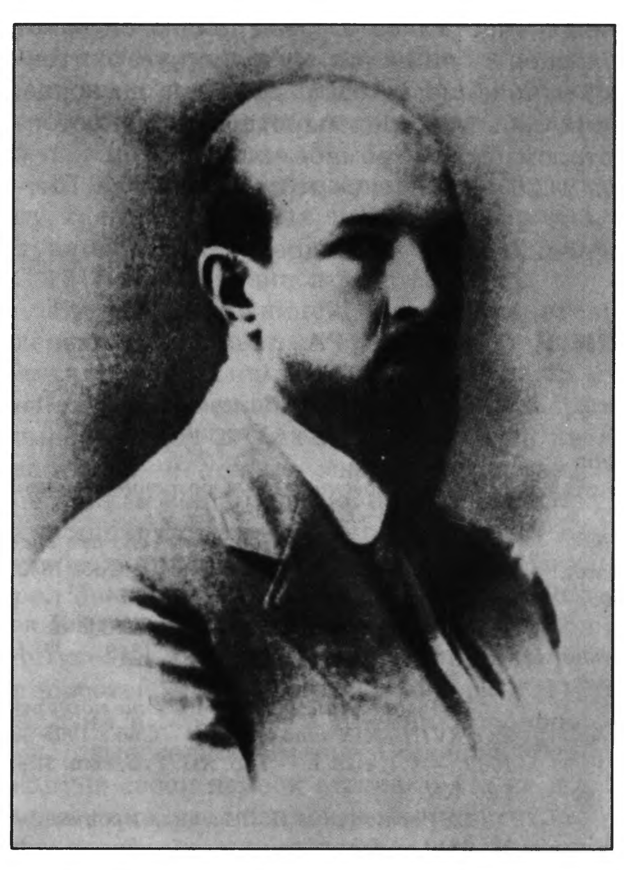
11. *Ростопчин Ф.В. // Русские портреты XVIII—XIX столетий. — Спб., 1905 — 1909. — Т.1, вып.1. — Таб. XII; Т. 5, вып. 1. — Таб. XII.*

12. *Ростопчина Л. Семейная хроника. — М., 1912.*



РЯБУШИНСКИЙ Михаил Павлович

(1880—1960)



М.П. Рябушинский — промышленник, банкир, меценат, собиратель русской и западноевропейской живописи. Брат Евфимии, Николая и Степана Павловичей Рябушинских.

Родился в Москве 15 июня 1880 г. в семье известного купца-промышленника и общественного деятеля Павла Михайловича Рябушинского. Отец начинал свою карьеру в Москве с торговли «скупным товаром», развозя его по деревням. Затем открыл «фабричку» в Голутвинском переулке, которая очень скоро обратилась в серьезное предприятие. В 1840-е гг. Павел Михайлович был уже миллионером. Вместе с братом он в 1867 г. открыл в Москве Торговый дом «П. и В. Братья Рябушинские». В 1869 г. братья приобрели бумагопрядильную фабрику близ Вышнего Волочка, в 1874 г. при ней выстроили ткацкую фабрику, а в 1875-м — еще две, красильно-отбельную и аппретурную.

После смерти брата Василия Павел Михайлович реорганизовал Торговый дом. В 1887 г. в Москве появилось «Товарищество мануфактур П.М.Рябушинского с сыновьями». Его основной капитал оценивался в два миллиона рублей. Кроме фабрик в Вышнем Волочке он владел предприятием, торгующим мануфактурными товарами, пряжей и ватой, которое располагалось в его собственном доме на Биржевой площади. Своим детям Павел Михайлович передал отлично поставленное дело, значительный капитал.

В семье Рябушинских было 13 детей: восемь братьев и пять сестер. Михаил был шестым сыном. Всем детям Павел Михайлович стремился дать хорошее образование. Михаил, как и его старшие братья, прошел приготовительный класс Московской практической академии коммерческих наук, а затем окончил и саму академию.

Родовой дом Рябушинских, принадлежавший им с 1829 г., находился на углу Первого и Третьего Голутвинских переулков (ныне д. 10/8). Здесь

прошли детство и юность Михаила Павловича. Лето семья проводила в с. Заворове Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, где находилась фабрика Рябушинских. Отец считал, что сыновья должны с детства привыкать к фабричным делам и хорошо знать производство. Поэтому отдых в деревне сочетался с занятиями на фабрике.

После окончания академии Михаил Павлович включился в семейное дело. Среди братьев существовало разграничение обязанностей, и Михаил занимался банковскими операциями. В 1902 г. был основан «Банкирский дом братьев Рябушинских», членом правления которого стал Михаил Павлович. Банкирский дом в 1912 г. был преобразован в Московский банк. В его правление также вошел М.П.Рябушинский.

Михаил Павлович, как и его старшие братья, увлекался искусством, старался поддержать его развитие. В частности, он финансировал ряд художественных выставок, выделял, по просьбе И.Э.Грабаря, денежные средства служащим Третьяковской галереи. В 1913 г. он входил в состав Комитета по организации посмертной выставки произведений В.А.Серова (выставка проходила в Петербурге и Москве в 1914 г.).

Собирать свою личную коллекцию М.П.Рябушинский начал в 1900-е гг. К 1909 г. в ней насчитывалось около 100 картин, оценивавшихся примерно в 150 тыс. руб. В коллекцию Михаила Павловича входили картины русских и западноевропейских художников.

Работы старых русских мастеров были представлены в коллекции произведениями Д.Г.Левицкого («Портрет А.Д.Левицкой, дочери художника»), В.А.Тропинина («Автопортрет»).

Особой любовью собирателя пользовались картины молодых живописцев. «Михаил Павлович Рябушинский, — отмечал в одном из писем 1908 г. В.А.Серов, — делает у себя коллекцию современных русских художников» (6, с. 135).

У Рябушинского были полотна В.А.Серова («Баба в телеге», «Прачки», «Портрет П.И.Харитоненко»), А.Н.Бенуа («Пирамида в Версале»), В.М.Васнецова («Снегурочка», «Плащаница»), М.А.Врубеля («Демон», «Портрет К.Д.Арцыбушева», «Портрет М.И.Арцыбушевой», «Портрет С.И.Мамонтова»), А.Я.Головина («Портрет Н.К.Рериха», «Душное Кащеево Царство»), П.В.Кузнецова («Женщина с собачкой»), Б.М.Кустодиева («Японская кукла»), С.В.Малютина («Пирушка», «Портрет художника И.Е.Репина»), И.Е.Репина (этюд для картины «Торжественное заседание Государственного Совета» — портреты И.Л.Горемыкина и Н.Н.Герарда), М.С.Сарьяна («Автопортрет»), К.А.Сомова («Влюбленные»), И.Э.Грабаря («Иней», «Дельфиниум», «Яблоки»). Были здесь и полотна В.Е.Маковского, В.Д.Поленова, В.В.Верещагина.

Западноевропейская живопись была представлена в собрании М.П.Рябушинского полотнами французских художников — П.А.Бенара («Портретные наброски», «Адам и Ева»), Э.Дега («Певица из кафе-концерта»), К.Писсарро («Бульвар в Париже»); голландских — И.Б.Ионкинда («Набережная канала»); испанских — И.Зулоага («Карлик Грегорио»); бельгийских — Ф.Ропса («Сладострастие», «В антверпенском кафе»). В собрание входили также картины К.Моне, К.Коро.

Некоторые произведения для своего собрания Михаил Павлович покупал на выставках. Например, на Шестой выставке «Союза русских художников» он приобрел картину И.Э.Грабаря «Дельфиниум».

Коллекция М.П.Рябушинского после 1905 г. разместилась в особняке на Спиридоновке (ныне д. 17). Он приобрел его у вдовы известного московского коллекционера и мецената С.Т.Морозова. Дом выстроен в 1896 г. по проекту Ф.О.Шехтеля, в оформлении интерьеров принимал участие М.А.Врубель.

Михаил Павлович охотно показывал свою коллекцию любителям и не раз представлял картины на выставки.

По примеру некоторых московских коллекционеров Рябушинский намеревался со временем передать свое собрание в дар Москве. Об этом писала газета «Столичная молва» еще в 1909 г.

В 1917 г. многие коллекционеры, чтобы уберечь свои собрания, передали их на временное хранение в музеи. М.П.Рябушинский вместе с В.О.Гиршманом, И.И.Трояновским, А.П.Боткиной, Е.В.Борисовой-Мусатовой, В.А.Воробьевым поместил свою коллекцию в Третьяковскую галерею. Там была тогда же развернута выставка и опубликован каталог «Художественные произведения московских частных собраний, выставленных временно в Третьяковской галерее. 1917—1918 гг.» (М., 1918).

После выхода Декрета о национализации коллекции переходили в ведение музеев, принявших их на хранение. Таким образом коллекция М.П.Рябушинского оказалась в Третьяковской галерее. Впоследствии, в 1924 г., часть произведений западноевропейских художников была передана в Музей нового западного искусства.

В январе 1918 г. в Москве был создан «Союз деятелей художественных хранилищ», в состав которого вошли известные музейные работники и коллекционеры. Главной целью этого объединения являлось спасение частных собраний. Михаил Павлович стал казначеем Союза. Однако сотрудничество с новой властью не состоялось.

В 1918 г. М.П.Рябушинский, как и другие его братья, эмигрировал и поселился в Лондоне. Здесь он открыл отделение Банка Рябушинских и стал его директором. Он помог брату Николаю завязать деловые отношения с лондонскими антикварами. К 1937 г. его финансовые дела оказались расстроены, банк прекратил существование. Рябушинскому пришлось заняться сначала импортом товаров в Англию из Сербии и Болгарии, а после Второй мировой войны — стать комиссионером в мелких антикварных лавках.

Где умер и погребен Михаил Павлович, нам неизвестно.

В настоящее время произведения искусства, входившие некогда в состав коллекции М.П.Рябушинского, находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, Киевском музее русского искусства, Художественном музее им. А.Н.Радищева в Саратове.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России.:1860—1914. — Л., 1991. — С. 12, 115—124, 126—127, 129—130.

2. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 244.

3. Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммер-

ческие банки Российской империи. — М., 1994. — С. 263—267.

4. Будущая картинная галерея // Столичная молва. — 1909. — N 70. — 3 августа.

5. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 185—188.

6. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1985—1989. — Т.1. — С. 332; Т. 2. — С. 114—115, 135—136, 177—178, 245, 252.

7. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи. XVIII — начало XX в. — М., 1984. — С. 38, 87, 113, 128, 194, 240, 244, 267, 289—290, 393, 418, 429, 441, 447, 468.

8. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 284—285, 407, 436.

9. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977. — С. 15—16, 162, 246, 297, 301, 303.

10. Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 184—276.

11. Каталог Государственного музея нового западного искусства: Иллюстрированное издание. — М., 1928.

12. Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 45, 88, 219.

13. Петров Ю.А. Братья Рябушинские: Групповой портрет русской финансовой олигархии // Встречи с историей. — М., 1990. — Вып. 3. — С. 29—45.

14. Петров Ю. Рябушинские — целая эпоха в промышленной жизни России // Наука и жизнь. — 1992. — N 7. — С. 20—28.

15. Романюк С. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С.299—300.

16. Рябушинский М.П. Цель нашей работы. — М., 1916.

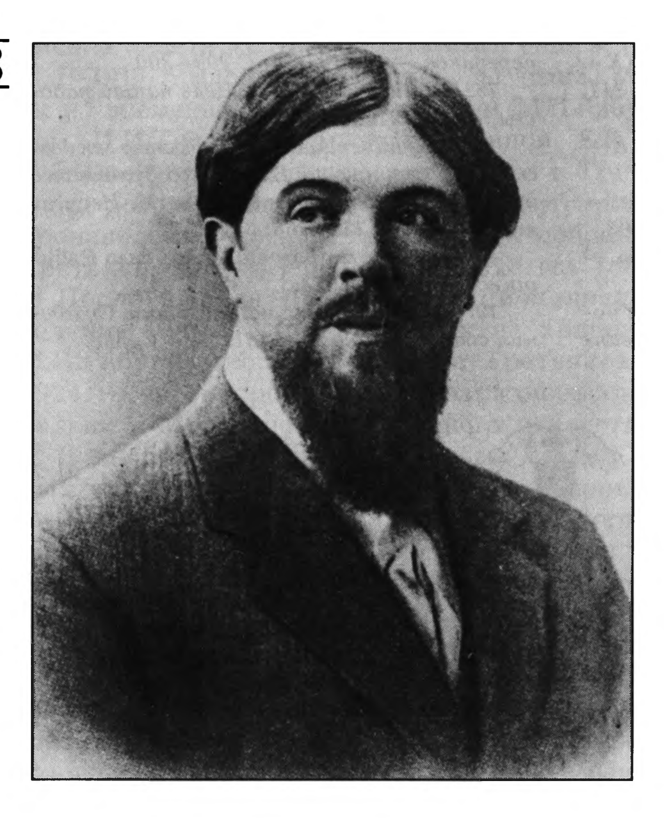
17. Рябушинский В.П. Купечество московское // Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. — М.-Иерусалим, 1994. — С. 133—168.

18. Торговое и промышленное дело Рябушинских. — М., 1913.

19. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. — М.,1979. — С. 538.

РЯБУШИНСКИЙ Николай Павлович

(1877—1951)



Н.П. Рябушинский — меценат, антиквар, собиратель русской и западноевропейской живописи. Брат Евфимии, Михаила и Степана Павловичей Рябушинских.

Родился в Москве 12 мая 1877 г. в семье известного промышленника и общественного деятеля Павла Михайловича Рябушинского. Он был пятым сыном. Как и старшие братья, получил хорошее образование. Николай окончил Московскую практическую академию коммерческих наук. По заведенной традиции летом вся семья выезжала в Вышний Волочек, где располагалась принадлежавшая ей бумагопрядильная фабрика. Все сыновья, таким образом, глубоко вникали в организацию производства. И только Николай демонстративно игнорировал фабричные заботы: он увлекался рыбной ловлей, охотой и верховой ездой.

После смерти отца в 1899 г., не имея склонности к коммерческой и промышленной деятельности, Николай Павлович вышел из числа пайщиков «Товарищества мануфактур П.М.Рябушинский с сыновьями». Он целиком посвятил себя искусству и литературе.

Общественность знала Н.П.Рябушинского прежде всего как мецената. Многих отталкивала его экстравагантная манера поведения, иным он казался поверхностным и неискренним. Однако такой тонкий и искушенный ценитель искусства, как А.Н.Бенуа, неоднократно встречавшийся с Николаем Павловичем, оставил о нем весьма лестный отзыв. «Я не мог не проникнуться симпатией и своего рода почтением к этому купчику-меценату, — писал Бенуа, — изо всех сил пытающемуся выползти из того состояния, которое ему было определено классом, средой, воспитанием, и проникнуть в некую «духовную зону», представляющуюся ему несравнимо более возвышенной и светлой» (3, с. 442).

Больше всего привлекало Н.П.Рябушинского русское искусство. Широкую известность в свое время получил издававшийся им ежемесяч-

ный иллюстрированный журнал по вопросам искусства и литературы «Золотое руно». Он выходил в 1906—1909 гг. и объединял ведущих представителей символизма: А.А.Блока, В.Я.Брюсова, К.Д.Бальмонта, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского. На страницах этого журнала печатались И.А.Бунин, Л.Н.Андреев, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Корней Чуковский. Сюда же входили художники объединения «Голубая роза»: М.С.Сарьян, П.В.Кузнецов, С.Ю.Судейкин, Н.Н.Сапунов. По инициативе редакции журнала устраивались выставки произведений современных русских художников, неизменно привлекавшие к себе внимание публики.

По заказу Н.П.Рябушинского на Нарышкинской аллее близ Петровского парка в начале XX в. была возведена одна из самых роскошных загородных дач ближнего Подмосковья, получившая название «Черный лебедь». Эта вилла славилась не только своей оригинальной архитектурой и богатой меблировкой, шумными приемами для московской богемы, но и исключительной коллекцией картин.

Николай Павлович собирал старую и новую живопись. Среди картин старых западноевропейских мастеров были работы Лукаса Кранаха Старшего, Брейгеля, Н.Пуссена. Французская школа была представлена художниками Корнелисом Ван Донгеном и Жоржем Руо. Их полотна он стал собирать первым из русских коллекционеров. Однако большую часть собрания составляли картины кисти русских мастеров, группировавшихся вокруг журнала «Золотое руно».

По инициативе Николая Павловича 18 марта 1907 г. открылась выставка московских символистов, вошедшая в историю русского искусства как выставка «Голубая роза». Экспозиция была устроена в доме «фарфорового» фабриканта М.Кузнецова на Мясницкой (ныне д. 8). Оформлена выставка была исключительно изысканно. Стены всех залов были задрапированы серебристо-серыми и нежно-голубыми тканями, стояли многочисленные вазы с гиацинтами, нарциссами, лилиями. На выставку были приглашены известные пианисты, и в залах звучала музыка. Здесь же читали стихи Андрей Белый и Валерий Брюсов. Устроители выставки во главе с Николаем Павловичем стремились создать атмосферу полного погружения в искусство, особого рода «благоговейной сосредоточенности». Художественный критик Сергей Маковский назвал выставочные залы «часовней искусств».

После закрытия выставки в коллекцию Рябушинского перешли многие картины: П.Уткина («Мираж», «Сон», «Заколыхались травы»), С.Ю. Судейкина («Венеция», «Каприччио»), Н.Н.Сапунова («Балет», «Менуэт», «Золотой вечер»), М.С.Сарьяна («Чары луны», «Озеро фей», «Радость дня»), А.Арапова («Игра на скрипке», «Ритм», «Скорбный ангел»). Особенно хорошо был представлен у Рябушинского наиболее талантливый художник этого объединения П.В.Кузнецов: «Белый фонтан», «Озаренная», «Рождение», «Утро», «Цвет акации», «Любовь», «Увядание», «Увядающее солнце».

В собрании Н.П.Рябушинского были известные скульптуры О.Родена — одна из фигур композиции «Граждане города Кале» (тонированный гипс) и бюст Виктора Гюго (мрамор).

К концу 1909 г. Николай Павлович разорился: сказались непомерные расходы на издание роскошного журнала, затраты на организацию блес-

тящих выставок, а также страсть к картам. В 1911 г. он был вынужден распродать часть своей коллекции с аукциона. В первую очередь проданы картины старых европейских мастеров. Интересно, что новый владелец этих полотен предпринял их распродажу в 1916 г. в Нью-Йорке. Был издан каталог «Примитивы и другие старые мастера». Узнав об этом, Рябушинский отправился за океан, чтобы выкупить некоторые произведения.

Любимую часть своей коллекции — картины русских мастеров начала XX в. — он решил сохранить. Однако пожар на вилле «Черный лебедь» погубил ряд полотен. Чудом уцелел вынесенный буквально из огня портрет В.Я.Брюсова работы М.А.Врубеля. Таким образом, от коллекции осталось лишь то, что располагалось в московском особняке Рябушинского.

Коллекционер был вынужден продать и свое небольшое собрание икон; их новым обладателем стал известный собиратель А.В.Морозов.

Октябрь 1917 г. Рябушинский встретил в Москве. Некоторое время он состоял на государственной службе в качестве консультанта и оценщика произведений искусства. В 1922 г. эмигрировал. Его художественное собрание было национализировано и поступило в Государственный музейный фонд. Оттуда произведения разошлись по многим галереям России.

Н.П.Рябушинский поселился в Париже. Значительный опыт собирательской деятельности, обширные связи с антикварами позволили Н.П.Рябушинскому не без успеха заниматься торговлей. Большой антикварный магазин он открыл в Ницце еще накануне Первой мировой войны. Позднее, в 1916 г., владел антикварным магазином в Париже на Елисейских полях. В 1924 г. открыл антикварный магазин на авеню Клебер, под названием «Николай Рябушинский. Антиквариат, мебель, картины, ювелирные украшения (покупка и продажа)». Впоследствии филиал этого магазина был открыт во французском курортном городке Биаррице. В конце жизни Николай Павлович продал магазин на авеню Клебер и открыл небольшую антикварную лавку в Монте-Карло.

Н.П.Рябушинский умер в апреле 1951 г. в Ницце; похоронен там же на Восточном кладбище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России: 1860—1914. — Л., 1991. — С.112—118.

2. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 244, 527—529.

3. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. — М., 1990. — Т.2. — С. 429, 435—436, 442.

4. Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. — М., 1994. — С. 263—267.

5. Дудаков В. Мастера «Голубой Розы» // Наше наследие. — 1989. — N 3. — С. 136—141.

6. Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 184—276.

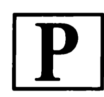
7. Думова Н.Г. Николай Рябушинский: «Золотое руно» и «Голубая роза» // Кентавр. — 1992. — N 1—2. — 83—95; N 3—4. — С. 122—133.

8. Лобанов В.М. Кануны. — М., 1968. — С. 145, 173, 179—181, 185, 192.

9. Малинин Н. Николай Павлович Рябушинский // Московский комсомолец. — 1990. — 5 июля.

10. Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 45, 88—89.

11. Петров Ю.А. Братья Рябушинские: Групповой портрет русской финансовой оли-



гархии // Встречи с историей. — М., 1990. — Вып. 3. — С. 29—45.

12. Петров Ю. Рябушинские — целая эпоха в промышленной жизни России // Наука и жизнь. — 1992. — N 7. — С. 20—28.

13. Рогачев А.В. Окраины старой Москвы. — М., 1993. — С. 148—151.

14. Русакова А. Павел Кузнецов. — Л., 1977.

15. Рябушинский В.П. Купечество московское // Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. — М.-Иерусалим. — С. 133—168.

16. Рябушинский М.П. Цель нашей работы. — М., 1916.

17. Торговое и промышленное дело Рябушинских. — М., 1913.

18. Шамаро А. Братья Рябушинские // Отечество. — М., 1991. — Вып. 2. — С. 105—117.

РЯБУШИНСКИЙ Степан Павлович

(1874—1942)

С.П. Рябушинский — промышленник, банкир, собиратель икон. Брат Евфимии, Михаила и Николая Павловичей Рябушинских.

Родился в Москве 5 июня 1874 г. в семье известного промышленника и общественного деятеля Павла Михайловича Рябушинского. Это был четвертый сын в большой семье Рябушинских.

Степан Рябушинский получил хорошее образование. Сначала он учился в приготовительном классе Московской практической академии коммерческих наук, а затем закончил и саму академию. В летнее время все сыновья помогали главе семейства в работе на бумагопрядильной фабрике близ Вышнего Волочка. Затем Степан прошел стажировку за границей.

Когда С.П.Рябушинскому исполнилось двадцать пять лет, скончался отец. В семейном предприятии «Товарищество мануфактур П.М.Рябушинский с сыновьями», в состав которого входили бумагопрядильные и ткацкие фабрики, Степан Павлович заведовал торговой частью. В 1902 г. Рябушинские основали «Банкирский дом братьев Рябушинских», преобразованный в 1912 г. в Московский банк, дававший им крупные доходы.

Братья Рябушинские увлекались коллекционированием. Степана Павловича уже в зрелом возрасте привлекла древнерусская живопись. Выросший в старообрядческой семье (род принадлежал к течению поповцев), имевшей моленную в собственном доме, он с детства проникся красотой древних икон. В отличие от многих собирателей из старообрядческой среды, для которых икона прежде всего являлась предметом культа, Рябушинский видел в ней произведение высокого искусства.

Собирать иконы Рябушинский стал с 1905 г. Именно тогда вышел правительственный указ, разрешавший возводить старообрядческие храмы. Для обустройста храмов старообрядцы предпочитали использовать старые иконы. «Степан Павлович, — вспоминал Ю.А.Бахрушин, — свято блюл правила древнего благочестия старообрядческой семьи Рябушинских» (3, с. 243). Он был в числе тех, кто специально разыскивал такие иконы. Когда десятки икон стали проходить через его руки, страсть собирателя и ценителя древнего письма пробудилась в нем. За короткий срок (с 1905-го по 1914 г.) он стал владельцем одной из лучших коллекций икон в Москве. Подобные собрания имели только И.С.Остроухов и А.В.Морозов.

Обладая большим состоянием, С.П.Рябушинский имел широкие возможности для приобретения памятников древнерусской живописи. Как правило, он покупал их большими партиями. Иконы привозили в Москву со всей России. Он тщательно разбирал новые поступления и оставлял себе наиболее ценные произведения. Остальное он жертвовал в новые старообрядческие храмы.

Характерно, что, будучи глубоко верующим человеком, Степан Павлович не украшал иконами стены кабинета и гостиной, а сосредоточил их в домашней моленной. Находясь в естественном окружении, каждая икона производила глубокое воздействие и на верующих, и на поклонников искусства.

Рябушинский одним из первых собирателей стал реставрировать иконы. Владелец устроил прямо у себя на дому реставрационную мастерскую. У него работал один из старейших иконников-реставраторов А.В.Тюлин. «Икона была покрыта густым слоем пыли, копоти, и только местами можно было разобрать, что она записана плохим северным письмом XVII века. Эта икона обратила на себя внимание обратной стороной, где видно было, что техника обработки доски относится к глубокой древности. Расчистка этой иконы производилась сначала в мастерской бр. Чириковых, а заканчивал ее Алексей Васильевич Тюлин, занимающийся у меня реставрацией икон», — писал в книге «Икона Божией Матери Одигитрии Смоленской» С.П.Рябушинский (24, с. 3—4). Так были открыты многие шедевры древнерусского искусства.

Собиратель, понимая высокую научную ценность своей коллекции, охотно допускал к ней исследователей древнерусской живописи. Его собрание использовали И.Э.Грабарь — при подготовке «Истории русского искусства», художник и искусствовед А.В.Грищенко — в процессе работы над книгой «Русская икона как искусство живописи». В этих изданиях были воспроизведены многие иконы.

С.П.Рябушинский в 1911—1912 гг. экспонировал свои реликвии на петербургской выставке «Древнерусская иконопись и художественная старина». Особенно широкий резонанс вызвало его участие в юбилейной выставке древнерусского искусства и иконописи, приуроченной к 300-летию Дома Романовых. Современники отмечали, что представленные на ней иконы из собрания Рябушинского являли собой едва ли не лучшие образцы иконописи новгородской, киевской и московской школ. Кстати сказать, именно Рябушинский выступил инициатором организации этой выс-

тавки, участвовал в создании ее экспозиции и подготовке печатного каталога.

На юбилейной выставке, которая проходила в Деловом дворе на Солянке и открылась 13 февраля 1913 г., было четыре отдела — икон, рукописей, материи и шитья, а также серебряных, финифтяных, медных, резных по металлу, камню, кости и дереву предметов XV—XVII вв. С.П.Рябушинский принимал участие в трех отделах. Он экспонировал 64 иконы, а всего на выставке можно было увидеть 147 икон, царские врата (из двух церквей) и хоругвь.

В отделе шитья Степан Павлович выставил покровец и к нему два парных воздуха, вышитых по червчатому атласу пряденым золотом, серебром и цветным шелком (NN 4,5,6), пелену с шитым по зеленому атласу изображением преподобного Макария Желтоводского (N 10), хоругвь, вышитую по червчатой камке, с изображением Рождества Богородицы (N 18), два оплечья фелони (NN 28, 70) и фрагмент французской парчовой ткани с богатым травным и цветочным узором.

В четвертом отделе были выставлены предметы церковной утвари из серебра, золота, слоновой кости, украшенные драгоценными камнями: оклады, кресты, панагии, иконы-складни, различные элементы окладов икон — венцы, венчики, поля, пластинки, цаты.

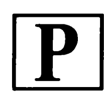
В общей сложности в этом отделе экспонировалось 196 предметов церковной старины из коллекции Рябушинского.

Степан Павлович был признанным знатоком древнерусской живописи. Больше того, он, как и И.С.Остроухов, стал одним из пионеров научного исследования иконы. Его перу принадлежит ряд работ по вопросам иконописи. Одна из них — «Икона Божией Матери Одигитрии Смоленской» — посвящена атрибуции и датировке знаменитого памятника живописи Древней Руси. Степан Павлович получил звание ученого-археолога и был избран почетным членом Московского археологического института.

Несколько статей С.П.Рябушинский опубликовал на страницах старообрядческого журнала «Церковь», издававшегося с 1908 г.: «Изображение Воскресения Христова», «О реставрации и сохранении древних св. икон». Одна из статей посвящена описанию древней христианской церкви в Риме. Все статьи сопровождались иллюстрациями и свидетельствовали о высоком профессионализме автора.

В 1914 г. в сборнике «Русская икона» появилось сообщение: «Прошлогодняя выставка древнерусского искусства в Деловом дворе дала сильный толчок для развития как частных, так и общественных собраний Москвы. Так, известный собиратель С.П.Рябушинский организует музей Русской иконописи, в который войдут драгоценные иконы его собрания, известные по выставке в Деловом дворе, а также целый ряд новых икон, недавно им приобретенных» (13, с. 81). Однако начавшаяся Первая мировая война помешала этим планам.

В Москве Рябушинскому принадлежал роскошный особняк близ Никитских ворот против церкви Большого Вознесения. Возведенный в 1900—1902 гг. в стиле модерн Ф.О.Шехтелем, этот дом стал одной из ярких достопримечательностей Москвы.



Специально по заказу Рябушинского архитектор спроектировал на третьем этаже особняка моленную, где и была сосредоточена знаменитая коллекция.

После 1917 г. С.П.Рябушинский эмигрировал. В 1918—1919 гг. его коллекция поступила в Государственный музейный фонд, откуда в 1924—1928 гг. разошлась по разным музеям. Лучшие иконы поступили в Третьяковскую галерею (ныне там 54 иконы из этого собрания), Государственный Исторический музей, Оружейную палату. Часть икон отправлена в Пермский и Кубанский музеи, некоторые были распроданы.

В эмиграции Степан Павлович жил в Милане. Ему и его братьям в обустройстве на новых местах помог капитал, хранившийся в заграничных банках — около 500 тыс. фунтов стерлингов. Это позволило братьям Рябушинским создать собственный банк с рядом отделений, суконную фабрику и антикварные магазины. С.П.Рябушинский управлял в Милане суконной фабрикой.

Рябушинский за границей остался верен своему давнишнему увлечению и вместе с братьями основал общество «Икона», которое и поныне занимается изучением и пропагандой древнерусского искусства.

Степан Павлович Рябушинский умер в Милане в 1942 г.

Особняк Рябушинского сохранился (Малая Никитская, д. 6/2). Ныне здесь Музей-квартира А.М.Горького. Восстановлен интерьер моленной комнаты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России: 1860—1914. — Л., 1991. — С. 112, 118, 120.

2. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. — М., 1963. — Т.1. — С. 22—25, 28, 86, 90—91, 99, 110—111, 116, 126, 139, 146—147, 164—165, 172, 264, 311, 349, 355—357; Т. 2. — С. 14, 21, 31, 35, 40, 47, 68, 75, 79, 81, 109, 150, 168, 177, 187—188, 197, 211, 232, 237, 253, 257, 265, 285, 291, 320, 323, 325, 333, 348, 353—354, 441, 495.

3. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 243, 245.

4. Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. — М., 1994. — С. 263—267.

5. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 185—188.

6. Вздорнов Г.И. Живая старина: Частное коллекционирование икон в России // Наше наследие. — 1993. — N 28. — С. 116—118.

7. Выставка древнерусского искусства, устроенная в 1913 г. в ознаменование чествования 300-летия царствования Дома Романовых. — М., 1913. — Отдел первый. — NN 2, 4, 6, 8—10, 12—13, 26, 28—35, 41—43, 45, 47—49, 54—55, 59, 63—64, 68—71, 77, 79—80, 82, 84, 86, 100—113, 116—118, 122, 125—127, 130—131, 137; Отдел второй. —NN 4—6, 10, 18, 28, 47, 70; Отдел четвертый. — NN 52—53, 59—60, 62—63, 70, 73—74, 76, 78, 116—121, 126—127, 130, 134—135, 137—138, 146—149, 151, 154—155, 158, 160, 168, 172—176, 179—180, 182—183.

8. Грабарь И.Э. История русского искусства. — М., 1915. — Т6. — С. 13, 19, 262.

9. Грищенко А.В. Вопросы живописи. Русская икона как искусство живописи. — М., 1917. — Вып.3. — С. 33, 41, 149, 207, 229, 236, 244.

10. Древние иконы Старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. — М., 1956.

11. Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 184—276.

12. Кызласова И. Московские собиратели «греческого письма» // Наше наследие. — 1992. — N 25. — С. 6—11.

13. Летопись // Русская икона. — 1914. — Т. 1. — Вып. 1.

14. Марченков А. М., Чернухина В.Н., Кириченко Е.И. Улица Качалова, 6/2. — М., 1990. — С. 8—13.

15. Петров Ю.А. Братья Рябушинские: Групповой портрет русской финансовой олигархии // Встречи с историей. — М., 1990. — Вып.3. — С. 29—45.

16. Петров Ю. Рябушинские — целая эпоха в промышленной жизни России // Наука и жизнь. — 1992. — N 7. — С. 20—28.

17. Романюк С. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 299—300.

18. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозое чувство. — М.-Иерусалим, 1994. — С. 133—168.

19. Рябушинский С.П. // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 45.

20. Рябушинский С. О реставрации и сохранении древних св. икон // Церковь. — 1908. — N 50. — С. 1701—1705.

21. Снимки древних икон и старообрядческих храмов Рогожского кладбища в Москве. — М., 1910.

22. С.П.Р.[Рябушинский С.П.]. Интересный памятник христианской старины. (Древняя церковь Богородицы — S.Maria Antiqua — в Риме.) // Церковь. — 1908. — N 6. — С. 196—200; N 7. — С. 227—232; N 8. — С. 270—277; N 9. — С. 313—323.

23. С.П.Р. [Рябушинский С.П.]. Изображение Воскресения Христова // Церковь. — 1908. — N 15. — С. 538—540.

24. С.Р. [Рябушинский С.П.]. Икона Божией Матери Одигитрии Смоленской. [М., 1913].

25. Торговое и промышленное дело Рябушинских. — М., 1913. — 154.

26. 1000-летие русской художественной культуры. — М., 1988. — С. 57, 106, 335—336, 351.

27. Хроника. Мелкие заметки // Русский библиофил. — 1913. — N 1. — С. 102.

28. Шамаро А. Братья Рябушинские // Отечество. — М., 1991. — Вып. 2. — С. 105—117.

29. Icons art and devotion. — London, 1993.

Сергей Александрович, Великий Князь

(1857—1905)

Сергей Александрович — Великий Князь, московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа, собиратель памятников русской старины и древнегреческой терракоты.

Родился 29 апреля 1857 г. в Петербурге. Был пятым «порфирородным» сыном императора Александра II. Воспитанием детей в семье занималась мать, императрица Мария Александровна. Когда Сергею исполнилось девять лет, началось систематическое обучение его различным наукам. В царской семье обычно для каждого ребенка разрабатывалась специальная программа. Программа для Сергея была рассчитана на одиннадцать лет. В качестве педагогов приглашались крупнейшие ученые. В числе учителей у него был и В.О.Ключевский. По отзывам современников, Сергей Александрович был одним из самых образованных людей своего времени. Особенно глубокими знаниями он обладал в области истории, литературы, поэзии. Был он к тому же хорошим знатоком живописи. Нужно подчеркнуть, что Александр II воспитывал в детях преклонение перед историческим прошлым России.

В 1877—1878 гг. Сергей Александрович принимал участие в Турецкой кампании и был удостоен ордена св. Георгия IV степени. В 1882 г. он поступил на службу в Преображенский полк, куда еще при рождении был записан прапорщиком.

В 1891 г. Сергей Александрович получил неожиданное для себя назначение московским генерал-губернатором. На этом посту он оставался до

1904 г., пока по собственной воле не подал в отставку. После этого он оставался лишь главнокомандующим Московского военного округа.

Таким образом, с 1891 г. вся жизнь Сергея Александровича была неразрывно связана с Москвой, в которую он перевез и свои личные коллекции. В Москве особенно ярко проявился интерес Великого Князя к истории, к русским древностям.

Еще в 1881 г. Сергей Александрович совершил поездку в Палестину. По возвращении оттуда по его инициативе и под его председательством было создано Православное палестинское общество, которое ставило своей целью собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока, оказывать покровительство паломникам, отправляющимся в Святую землю. На средства Великого Князя силами Общества в 1885 г. в Иерусалиме были проведены археологические раскопки.

Оказавшись в Москве, С.А.Романов стал принимать живое участие в деятельности Московского археологического общества, почетным членом которого он был избран 16 декабря 1888 г. Причем он посещал не только годовые и юбилейные заседания, но и текущие, принимал участие в обсуждении докладов и сообщений.

По воспоминаниям академика М.М.Богословского, Сергей Александрович, будучи от природы весьма застенчивым, «не решался сам громко высказывать какое-либо свое мнение или замечание, а сообщал его тихо графине (председателю Общества Прасковье Сергеевне Уваровой. — *Прим. авт.*), около которой занимал место, и та уже громко объявляла, что «Великий Князь говорит то-то» или «Великому Князю кажется то-то» (1, с. 118). По словам современников, эти замечания и мнения показывали глубокую заинтересованность Сергея Александровича в обсуждавшихся вопросах и его высокую компетентность в классической и церковной археологии.

Своими познаниями в археологии С.А.Романов был во многом обязан прежнему председателю Московского археологического общества графу Алексею Сергеевичу Уварову. Как вспоминала Прасковья Сергеевна, «страстный любитель и ценитель русских древностей, Великий Князь был связан тесными узами дружбы с основателем нашего Археологического общества графом А.С.Уваровым, предпринимал с ним поездки и раскопки по России, слушал курс отечественной археологии» (10, с. XIII).

В 1889 г. С.А.Романов вел археологические раскопки в Подмосковье близ села Ильинского, где располагалась его летняя резиденция. Доклад о результатах раскопок был сделан им в 1894 г. на заседании Московского археологического общества.

Будучи одним из покровителей этого Общества, С.А.Романов оказывал ему содействие в проведении съездов, в организации экспедиций (в частности, в Константинополь в 1882 г.), финансировал издание материалов. На нужды Общества он жертвовал значительные средства. Он поддерживал многие предложения Московского археологического общества, касавшиеся совершенствования охраны памятников и архивного дела. При содействии Романова велась реставрация таких известных памятников московской старины, как собор Василия Блаженного, Успенский и Архангельский соборы Московского Кремля, церковь Рождества Богородицы в Путинках и др.

С.А.Романов поддержал идею И.В.Цветаева о создании в Москве Музея изящных искусств и, будучи председателем Комитета по устройству музея, немало содействовал воплощению ее в жизнь. Он пожертвовал немалые средства на оборудование зала Парфенона.

В течение ряда лет занимаясь коллекционированием, Сергей Александрович собрал коллекции портретов деятелей XVIII в., редких памятников искусства, греческой скульптуры.

Будучи известным ценителем русских древностей, он собрал неплохую коллекцию икон. Иконы из его собрания экспонировались на выставках Московского общества любителей художеств, проходивших в Москве в 1896 и 1897 гг.

Особую научную ценность в собрании Сергея Александровича представляла древнегреческая терракота. Эту коллекцию он приобрел в Афинах в 1881 г. во время путешествия по Европе. Скульптуры, вошедшие в его собрание, были найдены на месте древнегреческого города Танагры и относились к периоду расцвета греческого искусства. Эти памятники впоследствии изучал профессор Иван Владимирович Цветаев. 9 марта 1894 г. на заседании Московского археологического общества Цветаев прочитал доклад «Древнегреческие терракоты из собрания Е.И.В. Великого Князя Сергея Александровича». Давая характеристику статуэткам, докладчик отметил особенно одну из них, изображавшую двух молодых женщин. По мнению Цветаева, эта терракота была самой лучшей в собрании Великого Князя и сделала бы честь и Лувру, и Британскому музею, и Эрмитажу. Все присутствовавшие на этом заседании получили приглашение 13 марта осмотреть коллекцию. Доклад впоследствии издали, и, кроме того, фотографии танагрских статуэток были опубликованы в «Учебном атласе античного ваяния» (т. 3), который издавался Московским университетом.

В библиотеке Великого Князя заслуживал внимания отдел историко-археологических сочинений.

Коллекции Великого Князя Сергея Александровича находились в Малом Николаевском дворце в Кремле, в подмосковном Ильинском и в официальной резиденции — доме генерал-губернатора на Тверской. В частности, древнегреческая терракота находилась в официальной резиденции, и именно здесь с нею знакомились члены Московского археологического общества, здесь ее изучал И.В.Цветаев.

4 февраля 1905 г. Сергей Александрович Романов был убит в Москве при выезде из Кремля у Никольских ворот И.П.Каляевым. Погребен в Алексеевском храме Чудова монастыря в Кремле.

На месте трагической гибели Великого Князя по проекту В.М.Васнецова в 1908 г. был сооружен высокий крест из темно-зеленого лабрадора с эмалевыми вставками с изображением распятого Христа. Надпись на кресте гласила: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят».

Вдова Сергея Александровича, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, решив посвятить себя благотворительной деятельности, отказалась от всего семейного имущества. Часть коллекций Сергея Александровича перешла, таким образом, в фонды Российского Исторического музея. Некоторые предметы из художественной коллекции Великого Князя были переданы Музею изящных искусств.

Памятник Сергею Александровичу в Московском Кремле был разрушен 1 мая 1918 г. В тот день, как вспоминал один из очевидцев, Ленин, пожурив коменданта Кремля за то, что памятный крест до сих пор не убран, решил сделать это сам: «Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно скомандовал Владимир Ильич. Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома... впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник» (9, с. 42).

Не сохранилась в Кремле и могила Сергея Александровича: она была уничтожена при разрушении Чудова монастыря.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярия. — М., 1987. — С. 58, 118—120, 123, 126, 198—199, 202.

2. Боханов А.Н. Обреченный // Родина. — 1994. — N 5. — С. 42—47.

3. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 209.

4. Давыдов В. Ильинское: судьба подмосковной усадьбы // Московский журнал. — 1991. — N 12. — С. 52—57.

5. Дары Российского Императорского Дома Историческому музею: Буклет выставки. — М., 1993.

6. Останкович Н.Н. Село Ильинское // Исторический вестник. — 1905. — N 6. — С. 966—975.

7. Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. — М., 1955. — С. 272.

8. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. — Спб., 1889. — Т.2. — Столб. 291—292.

9. Романюк С.К. Москва: Утраты. — М., 1992. — С. 39—42.

10. Сергей Александрович, Великий Князь // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — Т.2. — С. XIII—XV; прил., с. 173.

11. Сергей Александрович, Великий Князь. Письмо о запорожской иконе Покрова // Труды XI археологического съезда. — М., 1902. — Т.2. — С. 99.

12. Сергей Александрович, Великий Князь. Раскопки, произведенные летом 1889 года в Московской губернии // Древности: Труды Московского археологического общества. — М., 1894. — Т. 15, вып. 1. — С. 199—201 (прил.)

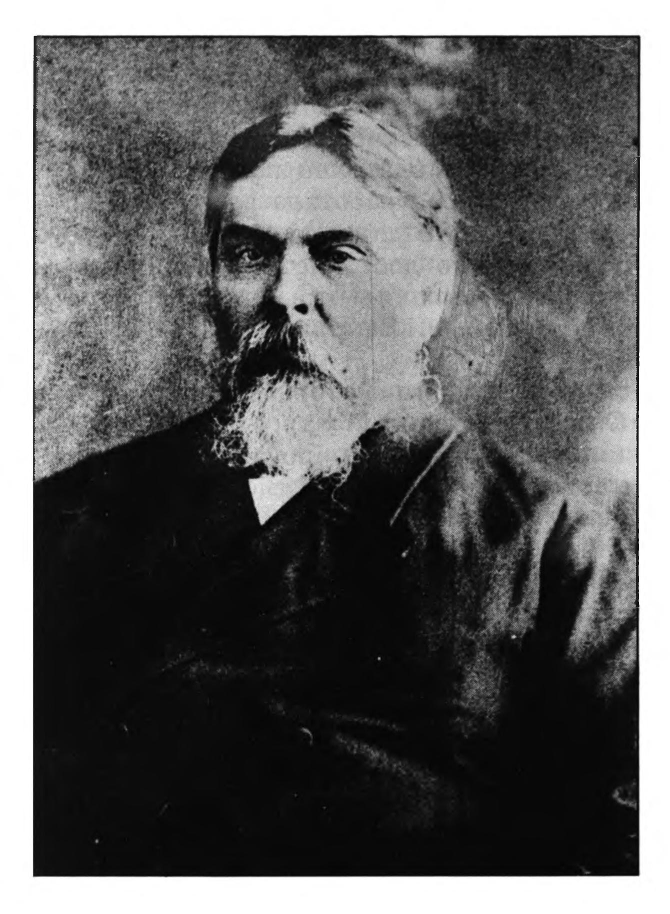
13. С.С. Московская выставка изображений Христа // Археологические известия и заметки. — 1896. — N 7—8. — С. 213—215.

14. Степанов М.П. Село Ильинское: Исторический очерк. — М., 1900.

15. Цветаев И.В. Древнегреческие терракоты из собрания Е.И.В. Великого Князя Сергея Александровича. Сообщение, читанное в годичном заседании Императорского Московского археологического общества 9 марта 1894 г. — М., 1894.

СИЛИН Иван Лукич

(ок. 1825—1899)



И.Л. Силин — антиквар-букинист, собиратель икон и старопечатных книг.

Родился в Гуслицкой волости Московской губернии в старообрядческой семье. В юности учился иконописи у живописцев-старообрядцев. Служил дьячком в храме на Рогожском кладбище.

В 1852 г. Силин открыл в Москве на Старой площади лавку по продаже икон, рукописных и старопечатных книг. Вскоре открыл еще и антикварный магазин. Торговля принесла Ивану Лукичу широкую известность в кругах московских любителей старины. Успеху содействовал не только широкий выбор предметов древности, но и глубокие познания торговца-антиквара. Особенно хорошо знал Силин иконы.

В силинской антикварной лавке сделали много ценных приобретений собиратели, музеи и библиотеки. Собрания икон П.М.Третьякова и купца Е.Е.Егорова были составлены при самом непосредственном участии Ивана Лукича. В его лавке часто бывал коллекционер П.И.Щукин, считавший, что именно здесь можно приобрести редкие и ценные иконы. По замечанию А.П.Бахрушина, «Забелин много заимствовал от Силина... в распознавании древних икон и техники иконописания (какое время, каким лицом, чем писали и условия рисунка, что при мне записывал в свою книжку)» (2, с. 66).

К Силину как к знатоку древних рукописей не раз приходили за советами историк литературы археограф Николай Саввич Тихонравов и археолог профессор Московского университета Алексей Степанович Павлов. К старинным книгам силинского собрания неоднократно обращались старообрядцы-единоверцы (Иван Лукич был старообрядцем по так называемому Окружному посланию).

В 1860-е гг. Силина избрали членом-сотрудником Общества древнерусского искусства при Московском Румянцевском музее.

Свою собирательскую деятельность Иван Лукич начал, очевидно, в 1850-е гг. Особое пристрастие он имел к старопечатным книгам и иконам. Поскольку через руки Силина проходили тысячи памятников старины, он имел возможность выбора. Не последнюю роль играла при этом и его удивительная интуиция. В 1870—1890-х гг. в Москве силинская коллекция икон уступала по численности памятников только собранию Н.М.Постникова. С его рукописным и книжным собраниями соперничали разве что личные коллекции П.П.Шибанова и Т.Ф.Большакова.

Иван Лукич считал необходимым, в отличие от многих других собирателей, проводить расчистку старинных икон. С этой целью он приглашал к себе реставратора-иконописца Якова Васильевича Тюлина.

Свое широко известное в Москве собрание владелец показал в 1890 г. на Выставке древнерусского искусства, которая работала в стенах Императорского Российского Исторического музея в дни проведения Восьмого археологического съезда. Общественность по достоинству оценила произведения из этой коллекции. Известны высокие отзывы на этот счет И.Е.Забелина, Н.М.Постникова, В.И.Сизова, А.П.Бахрушина, П.М.Третьякова.

Выставка сопровождалась изданием каталога, который позволяет судить о лучшей части собрания Силина. Четвертый зал экспозиции был целиком отведен для его коллекции. Здесь демонстрировалось 113 рукописей и старопечатных книг, а также 198 икон и предметов церковной утвари.

В рукописном собрании было пять рукописей на пергаменте; относились они к XIII—XIV вв. и почти все принадлежали «изводу Сербскому». Основную часть (56 названий) составляли памятники XV—XVII вв. Это были Апостолы, Апокалипсисы, жития, Псалтири, Пасхалии. В этом разделе выделялись три памятника. Прежде всего это Апокалипсис, украшенный лицевыми миниатюрами. Написанный в 1636—1643 гг. уроженцем Поморского края, он заканчивается пространным послесловием, в котором автор как бы извиняется перед своими будущими читателями за то, что он, мастер по росписи храмов, вдруг взялся за иллюстрирование рукописи. Однако созданные им миниатюры полны фантазии, изящества, красоты. Другой памятник — Псалтирь толковая Максима Грека, знаменательна тем, что ее список выполнен по повелению Ивана Грозного в 1550—1551 гг. Третий — роскошный экземпляр Евангелия напрестольного с заставками и изображениями евангелистов. Мастерством и тонким вкусом отличались заставки, выполненные в традициях новгородской школы. При этом рукопись почти точно копировала болгарский оригинал.

Очень интересным было и собрание старопечатных книг. Среди них — четыре книги кирилловской печати XV в., отпечатанные в Кракове и Черногории; книги известного издателя Франциска Скорины XVI в.; тринадцать книг XVI в., изданных в Венеции. В собрании Силина были две острожские Библии, увидевшие свет в 1581 г. Среди книг XVII в. — а их было пятнадцать — выделялся редчайший экземпляр «Еухологион албо

Молитвослов, или Требник, повелением митрополита Петра Могилы издан в Киеве в 1646». Книг XVIII в. было всего четыре. Однако среди них находилась такая редкость, как «Символы и эмблемы», отпечатанная по указу Петра I в Амстердаме в 1705 г.

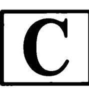
«Опись собрания икон и крестов, — как указано в каталоге, — составлена на основании подробных сведений, сообщенных владельцем собрания И.Л.Силиным, которому принадлежат терминология, определение иконописных школ и типов, а также определение времени написания икон» (7, с. 13).

Как видно из каталога, в собрании Силина представлены многие иконописные школы — новгородская, корсунская, строгановская, московская, тихвинская, павловская, псковская, вологодская, а также такие редкие, как палестинская и греческая. Причем Иван Лукич даже делал уточнения: «первых московских писем», «письма переходного с новгородского на московское», «старого московского письма». Среди палестинских икон сам владелец высоко ценил икону «Умиление» — «по содержанию и отличной сохранности красок представляет большую редкость» (7, с. 14). Из числа греческих икон владелец выделял две, относящиеся к XIII в.: «Господь Эммануил» («за правильный рисунок и хорошую сохранность») и «Вход Господень в Иерусалим» («замечательная по композиции») (7, с. 15).

В собрании Силина были иконы из иконостасов (некоторые — весьма большие по размерам), фрагменты самих иконостасов, царские врата. Часть икон была в старинных серебряных окладах, «с серебряными оплечьями», «с финифтяными венцами». Кроме того, здесь находились разнообразные предметы церковной утвари: кресты деревянные резные XVII в., оклады серебряные XVII—XIX вв., а также небольшие иконы, кресты, складни из серебра, меди, камня и финифти.

Именно на этой выставке П.М.Третьяков приобрел у Силина иконы, положившие начало отделу древнерусской живописи в его галерее. Всего в 1890—1892 гг. он купил у собирателя 17 икон, заплатив за них свыше ста тысяч рублей. Это были лучшие произведения древнерусского искусства из силинской коллекции, до сих пор украшающие Третьяковскую галерею: «Богоматерь Игоревская», «Евангелисты», «Рождество Христово», «Богоматерь Владимирская», «О Тебе радуемся», «Спас Вседержитель», «Богоматерь «Умиление» (Яхромская)», «Троица Ветхозаветная, с бытием», «Сретение», «Беседа Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (Добрые плоды учения)», «Воскресение (Сошествие во ад, со страстями и праздниками)», «Похвала Богоматери, с праздниками», «Достойно есть». Иконы дополняли складень трехстворчатый и церковь походная трехъярусная. Все они были отреставрированы и атрибутированы; в большинстве своем они принадлежали московской школе XV—XVII вв. Одна икона была строгановской школы и одна — новгородской. На трех досках имелись подписи мастеров.

В Третьяковскую галерею попал и шедевр собрания Силина — небольшая по размерам икона «Преображение» 1425 г. На ее тыльной стороне в XVIII в. была сделана надпись: «Аз писал многогрешный сию икону Андрей Иванов сын Рублев Великому Князю Василию Васильевичу» (1, с. 294). И хотя в те годы кисти Рублева приписывалось немало произ-



ведений древней живописи, атрибуция Силина оказалась правильной и подтвердилась в 1956 г. при углубленном исследовании этого памятника.

Коллекция Силина располагалась в его особняке в Дурновском переулке, в доме 27, близ Таганской площади. По примеру многих старообрядцев, владелец сосредоточил основную часть своих икон в домашней моленной.

И.Л.Силин умер в Москве 7 января 1899 г. Погребен на Рогожском кладбище.

Силинскую коллекцию, по всей видимости, унаследовали его сыновья Д.И. и Е.И. Силины, ставшие, как и их отец, собирателями и антикварами. Отдельные реликвии из его собрания в настоящее время находятся в Государственном Историческом музее; они были пожертвованы ему самим собирателем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1.Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. — М., 1963. — Т.1. — С. 16—18, 24, 294, 322, 325; Т. 2. — С. 12, 43, 77, 83, 90—91, 94, 103, 278, 295, 319, 326, 328, 344, 369.

2. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. / Прим. М.Цявловского. — М., 1916. — С. 21, 64—67, 122.

3. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 201—203, 206—207, 209, 341.

4. Виноградов И. К некрологу И.Л.Силина // Московские ведомости. — 1899. — N 10. — С. 5. — Столб. 1—2.

5. Силин И.Л. Некролог // Исторический вестник. — 1899. — Март. — С. 1103—1104.

6. N. Силин И.Л. Некролог // Московские ведомости. — 1899. — N 9. — С. 1, 5.

7. Собрание рукописей, книг старой печати, икон и крестов И.Л.Силина. Зала 4-я. / Сост. В.Щепкин // Каталог выставки 8 археологического съезда в Москве. — М., 1890. — С. 1—26.

8. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1912. — Ч. 5. — С.30—31.

СОЛДАТЕНКОВ Козьма Терентьевич (1818—1901)

К.Т. Солдатенков — купец-предприниматель, издатель, меценат, библиофил, собиратель русской живописи.

Родился в Москве 10 октября 1818 г. в старообрядческой купеческой семье. «Солдатенков, — вспоминал близко его знавший М.С.Щепкин, — родился и вырос в очень грубой и невежественной среде Рогожской окраины Москвы, не получил никакого образования, еле обучен был русской грамоте и всю юность провел в «мальчиках» за прилавком своего богатого отца, получая от него медные гроши на дневное прокормление в холодных торговых рядах» (30, с. 2). Будучи уже в зрелом возрасте, он в 1853—1854 гг. вместе с известным исследователем русского быта И.Е.Забелиным прослушал краткий курс древнерусской истории Т.Н.Грановского.

Козьма Терентьевич занимался торговлей бумажной пряжей, был акционером компаний по строительству железных дорог, пайщиком Ценделевской, Даниловской, Кренгольмской мануфактур, Трехгорного пивоваренного товарищества, Московского учетного банка, Московского страхового общества. Это позволило ему стать обладателем крупного состояния, оценивавшегося примерно в восемь миллионов рублей.

Фигура известная и авторитетная в купеческой среде, К.Т.Солдатенков являлся членом Коммерческого суда (1854—1858), старшиною и членом Московского биржевого комитета (1855—1858), членом Комитета для принятия от купечества средств на военные надобности (1855—1856), служил уполномоченным поверенным от Купеческого общества (1855—1863).

Всю жизнь стремившийся к знаниям, которые в его представлении были неотделимы от книг, Козьма Терентьевич много сил и средств отдавал издательской деятельности. Он выпускал как популярную, так и специальную научную литературу. Издания Солдатенкова имели в России большой общественный резонанс.

Начиная с 1840-х гг. К.Т.Солдатенков стал заниматься коллекционированием. Считается, что первой приобретенной им картиной стала «Вирсавия» К.Брюллова, купленная непосредственно у автора в 1852 г. Особый размах его собирательская деятельность приобрела в 1850-х гг. — после смерти отца он становится владельцем крупного состояния. Во время своей первой заграничной поездки в 1852 г. Солдатенков близко знакомится с русской художественной колонией в Риме. С этих пор его интересы сосредоточились исключительно на русской школе: он приступил к созданию русской картинной галереи.

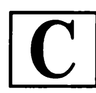
Составляя свою коллекцию, Солдатенков нередко прибегал к советам художников и более опытных коллекционеров. Особенно внимательно прислушивался он к суждениям А.А.Иванова, с которым познакомился в Риме. Преклоняясь перед его талантом, Козьма Терентьевич приобрел у прославленного мастера семь произведений для своей коллекции. В их числе — «Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора», два этюда к картине «Явление Христа Марии»: «Голова Христа» и «Голова Марии Магдалины», один из эскизов к знаменитой картине «Явление Христа народу» и два этюда к этому полотну — «Голова раба» и «Парк Виджи».

Предприимчивому и настойчивому в достижении целей Солдатенкову удалось в короткий срок собрать в своей домашней галерее свыше двухсот произведений мастеров отечественного искусства. В его собрание входили картины В.А.Тропинина — «Автопортрет на фоне окна с видом на Кремль», П.А.Федотова — «Завтрак аристократа», В.Г.Перова — «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы» и «Проводы покойника», И.И.Левитана — «Весна — большая вода» и др.

Русская галерея Солдатенкова получила в Москве широкую известность, однако его коллекция включала и другие произведения искусства.

Высокими художественными достоинствами отличалась коллекция икон. Особенно много было здесь икон строгановской школы, к примеру, подписная работа конца XVI в. Никифора Славина «Погребение Иоанна Богослова». К числу ценнейших относилась и другая подписная работа конца XVI в. мастера Истомы Савина «Неделя шестая о слепом». Жемчужиной собрания был рублевский «Спас», приобретенный коллекционером в Саввино-Сторожевском монастыре. Как и большинство старообрядцев, Солдатенков не выставлял иконы напоказ и не размещал их среди картин. Они находились в его домашней моленной.

«Но есть еще весьма интересный уголок дома, особенно для любителей византийского искусства, — отмечал писатель П.Д.Боборыкин. — Это — домашняя молельня, помещающаяся у площадки, откуда идет лестница в мезонин. Единственное окно, все в цветных стеклах, оставляет молельню в полутьме. Сводчатый потолок и стены расписаны в старом византийском стиле. Одна из икон — Божия Матерь, вывезена хозяином из Италии, где куплена у антиквария за очень дешевую цену. Эта молельня, с характером «древнего благочестия», составляет своеобразный контраст с остальными комнатами, где западное и русское искусство чередуются в ярких образцах. Только она и говорит, собственно, про коренную старую Москву с ее древними религиозными идея-



ми; все же остальное — Европа и европейско-русское искусство, начиная с фасада дома, с его греческими линиями и размерами» (21, с. 376—377).

Русскую часть коллекции дополняли скульптуры отечественных мастеров: «Крестьянские дети», «Погорелец» М.А.Чижова, «Христос и Мефистофель» М.М.Антокольского, «Дети» Н.А.Лаверецкого, бюсты русских писателей: А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, И.А.Крылова, выполненные Н.А.Рамазановым. Здесь находилось и повторение в серебре скульптуры М.М.Антокольского «Иван Грозный» работы Гальярди. В общей сложности у Солдатенкова насчитывалось до двадцати скульптур.

Составной частью солдатенковской коллекции отечественного изобразительного искусства являлись также сотни гравюр и рисунков.

В художественное собрание К.Т.Солдатенкова входили и несколько десятков произведений западноевропейского искусства — картины и копии с античных скульптур.

Коллекция К.Т.Солдатенкова с середины 1850-х гг. размещалась в его доме на Мясницкой улице. Этот особняк, выстроенный в 1770—1780-х гг., включал в себя палаты конца XVII в. После войны 1812 г. он был перестроен А.Г.Григорьевым по проекту О.И.Бове и получил ампирный облик. Еще раз его перестроили, когда он стал собственностью Солдатенкова. По его заказу архитектор А.И.Резанов возводит дополнительный объем для парадного вестибюля, меняется колоннада портика и декоративное оформление фасада, полностью переделываются интерьеры. Появляются комнаты с пышным декором — «помпейская», «византийская», «античная», «мавританская», «светелка».

«В половине пятидесятых годов, — отмечал П.Д.Боборыкин, — куплен был им дом у старой дворянской фамилии, на Мясницкой, и талантом тогда уже известного молодого архитектора Резанова превращен в чрезвычайно благообразное снаружи здание в греческом стиле, с большим мезонином. Этот дом и снаружи, и внутри был так отделан, что напрашивался на то, чтобы в нем приютились произведения искусства. В нем все почти комнаты нижнего этажа заслуживают подробного описания, в которое я, конечно, здесь не могу входить. В глубине площадки над лестницей вы сейчас же увидите прекрасную мраморную группу Чижова «Крестьянские дети», сработанную в начале семидесятых годов. Лестница и вся передняя отделаны в греческом стиле. Потом вы ступаете в темную комнату, род передней. Посетители могут не обратить на нее внимания, а она по стилю и отделке чрезвычайно изящна и характерна. Это настоящая помпейская комната с освещением с потолка. От темноты она теряет и остается незамеченной, если не обратить на нее внимания посетителя. Затем на улицу идет ряд комнат, наполненных картинами. Это настоящий небольшой музей. В столовой, выходящей окнами на двор, висят также картины. Эта столовая, вся в богатой деревянной резьбе, во вкусе Возрождения, ведет в мавританскую комнату. Картины висят еще в двух комнатах мезонина» (21, с. 373—374).

К 1859 г. солдатенковское собрание считалось одной из художественных достопримечательностей города. По своему значению оно приближалось к лучшим музеям своего времени.

«Дом его — музей, — с почтением писал известный собиратель А.П.Бахрушин, — в котором я был один раз, что считаю за честь и удовольствие» (5, с. 24). «Вся Москва его знала и им любовалась — П.М.Третьяков в числе других», — писал В.В.Стасов о солдатенковском собрании (27, с. 598).

Посетителями частной галереи были многие известные деятели русской культуры: И.С.Аксаков, А.П.Чехов, Л.Н.Толстой, И.Е.Забелин и др. Бывали тут и простые москвичи: для этого требовалось получить личное разрешение владельца.

Известно, что Козьма Терентьевич был и завзятым библиофилом. Его библиотека насчитывала свыше 20 тысяч книг на русском языке по истории, литературе и обществоведению. Все книги содержались в прекрасном состоянии, многие из них имели роскошные переплеты. Немало изданий в этой библиотеке было с автографами известных людей: Ф.И.Тютчева, Т.Н.Грановского, И.И.Лажечникова и др.

Известный московский благотворитель, К.Т.Солдатенков в течение длительного времени — с 1862 г. до самой смерти — оказывал поддержку Румянцевскому музею.

К.Т.Солдатенков умер в Кунцеве под Москвой 19 мая 1901 г. Похоронен на Рогожском кладбище.

Согласно воле собирателя вся его коллекция — 269 произведений искусства и библиотека — после смерти поступила в Румянцевский музей. По желанию дарителя собранные им живописные произведения экспонировались в отдельных залах. После ликвидации Румянцевского музея в 1920-е гг. основная часть бывшего солдатенковского собрания вошла в фонды Третьяковской галереи и Русского музея, а книги достались Всесоюзной библиотеке им. Ленина.

Основная часть икон из домашней моленной К.Т.Солдатенкова была завещана им Покровскому собору Рогожского кладбища. Его дар находился в особой витрине в приделе собора.

Особняк Солдатенкова сохранился, ныне — улица Мясницкая, д. 37.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Андреевич Иванов: его жизнь и переписка: 1806—1858. — Спб., 1880. — С. 277—278, 280—288.

2. Альбом галереи К.Т.Солдатенкова. — [Спб., 1885].

3. Альбом гелиогравюр: Из собрания картин К.Т.Солдатенкова. — М., 1892.

4. Андреев А.Н. Картинная галерея К.Т.Солдатенкова // Картинные галереи Европы. — Спб., 1862. — Т.1.

5. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает / Прим.М.Цявловского. — М., 1916. — С. 23—24.

6. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. — М., 1989. — С. 17—20.

7. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 155—157.

8. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX в. (до 1917 г.). — М., 1984. — С. 27, 31, 60—61, 64, 82, 102—103, 110, 119, 131, 136, 157, 159—160, 183, 199, 203, 211, 224, 230, 262, 272—273, 282, 285, 343—344, 368, 376, 396—397, 412, 421, 437, 442, 462, 472, 485, 490, 492, 500, 502, 509, 513, 519, 528, 533.

9. Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории: 1856—1917. — Л., 1981. — С. 14, 30, 33—34, 38, 40—43, 50, 53—55, 80, 99.

10. Грищенко А.В. Вопросы живописи: Русская икона как искусство живописи. — М., 1917. — С. 148—149.

11. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1071.

12. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т.1, кн. 2. — С. 1418.

13. Иллюстрированный каталог картинной галереи Московского Публичного и Румянцевского музеев: Собрание К.Т.Солдатенкова. — М., 1901.

14. Копылова Н. Не прервется связь времен // Московский журнал. — 1992. — N 6. — С. 63—64.

15. Костинский Д., Фролов В. Книгоиздатель Козьма Солдатенков // Московский журнал. — 1991. — N 11. — С. 61—63.

16. Московская галерея К.Т.Солдатенкова: Художественный альбом. — Спб., 1887.

17. Московский Публичный и Румянцевский музеи: Каталог картинной галереи, завещанной почетным членом музеев коммерции советником К.Т.Солдатенковым. — М., 1906.

18. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1901 год. — М., 1902. — С. 12—14, 36—38, 47—60.

19. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1902 год. — М., 1903. — С. 40.

20. Памятники архитектуры Москвы: Земляной город. — М., 1989. — С. 246—248 (N 308).

21. П.Б. [Боборыкин П.Д.]. Письма о Москве: Письмо третье // Вестник Европы. — 1881. — N 7. — С. 372—377.

22. Памяти К.Т.Солдатенкова // Новости дня. — 1901. — 20 мая.

23. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 45—46, 351, 534, 536, 539, 554.

24. Солдатенков и его галерея: Беседа с А.А.Риццони // Новое время. — 1901. — N 9061. — 28 мая.

25. Солдатенков К.Т.: Некролог // Исторический вестник. — 1901. — N 7. — С. 378—379.

26. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 225—226.

27. Стасов В.В. П.М.Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. — 1893. — N 12. — С. 597—598.

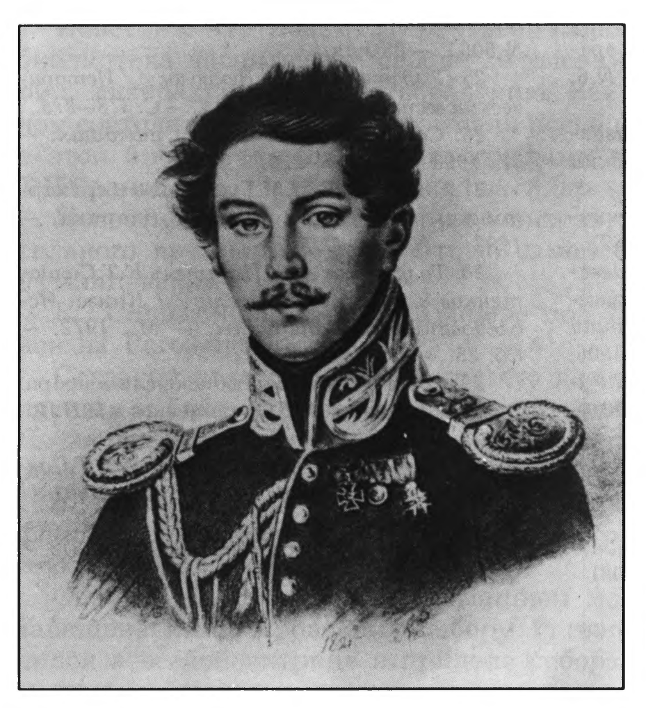
28. Толстяков А.П. Издатель К.Т.Солдатенков и русские писатели // Книга: Исследования и материалы. — М., 1972. — Сб. 25. — С. 66—99.

29. Толстяков А.П. Люди мысли и добра: Русские издатели К.Т.Солдатенков и Н.П.Поляков. — М., 1984. — С. 8—110.

30. Щепкин М. Надгробное слово К.Т.Солдатенкову // Русские ведомости. — 1901. — 22 мая. — С. 2.

31. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1912. — Ч. 3. — С. 22—24.

СТРОГАНОВ Сергей Григорьевич
(1794—1882)



С акварели Свинцова.

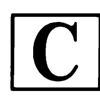
С.Г. Строганов — граф, государственный деятель, меценат, библиофил, собиратель картин западноевропейских художников, рукописей, икон, монет.

Родился 8 ноября 1794 г. в семье обер-камергера Григория Александровича Строганова. Роду Строгановых принадлежали несметные богатства; от отца Сергей унаследовал около ста тысяч крепостных и полтора миллиона десятин земли.

С.Г.Строганов получил великолепное домашнее воспитание. Пятнадцати лет поступил в только что созданный Институт путей сообщения; после его окончания был зачислен на военную службу. В 1811 г. произведен в офицеры. Восемнадцатилетним юношей участвовал во всех крупных сражениях Отечественной войны 1812 г. — под Смоленском, при Бородине, Тарутине, Малоярославце, Красном, принимал участие в Заграничных походах.

В 1815 г. С.Г.Строганов поселился в Москве и жил здесь постоянно до 1860 г. Основная его деятельность была связана с отечественным просвещением. В 1835—1847 гг. он являлся попечителем Московского учебного округа и Московского университета. Период его правления составил целую эпоху в развитии образования, получившую название «Строгановской эпохи». В 1859—1860 гг. был московским генерал-губернатором. В 1860 г. приглашен ко двору в качестве главного воспитателя наследника-цесаревича Николая Александровича (старший сын Александра II (1843—1865). — *Прим. авт.*). В связи с этим он переехал в Петербург.

Широко известна общественная деятельность Строганова. В 1825 г. он основал в Москве бесплатную художественную школу (позже известную как Строгановское училище). В 1837—1874 гг. Сергей Григорьевич был бессменным председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете, положил начало в 1859 г. Императорской Археологической комиссии и был ее пожизненным президентом. С 1837 г. являлся членом Комиссии для построения в Москве храма Христа Спасителя.



С.Г.Строганов принадлежал к числу самых образованных людей своего времени. При этом обширные знания были получены им в результате самостоятельных занятий. Он бесконечно любил книги, особенно по истории и изобразительному искусству. Другим его увлечением в течение всей жизни было коллекционирование памятников искусства и старины.

Сергей Григорьевич Строганов отличался прекрасным художественным вкусом. «Еще будучи двадцатилетним офицером, он хорошо познакомился с Европою, находясь в походе русской армии против Наполеона I, в 1815 г. долго оставался в Париже и особенно был заинтересован изучением художественных произведений самого высшего достоинства, которые были похищены в эту столицу как драгоценные трофеи победы из покоренных наполеоновскими войсками стран и преимущественно из Италии, как из больших городов, так и из маленьких» (2, с. 195).

В наследство от отца Строганов получил прекрасное художественное собрание. Коллекция высочайшего уровня досталась ему после женитьбы на Наталье Павловне Строгановой, внучке крупнейшего коллекционера XVIII в. Александра Сергеевича Строганова. Строгановский особняк на Невском проспекте с конца XVIII столетия являлся одним из выдающихся и наиболее старых частных музеев России. Сергей Григорьевич также собирал картины, скульптуру, рисунки, гравюры и другие предметы искусства. Среди собранных им коллекций особенно значительными были минц-кабинет и иконописное собрание.

В середине XIX в. в среде частных собирателей только зарождался интерес к русской иконе. В это время еще мало кто понимал ее истинную историко-культурную и художественную ценность. Строганов наряду с Н.М.Постниковым, Г.Т.Молошниковым, И.В.Стрелковым, А.А.Рахмановым и С.И.Тихомировым стал интенсивно собирать иконы уже в 1840-е гг. Интерес Сергея Григорьевича к иконам объяснялся еще и тем, что он принадлежал к той ветви Строгановых, которая основала особую, так называемую строгановскую школу иконописи.

Здесь были иконы, написанные по заказу его предков мастерами Иваном Соболем, Семеном Бороздиным, Истомой Савиным, Никифором Савиным, Прокопием Чириным. Эти мастера работали в конце XVI—начале XVII в. для Никиты Григорьевича и Максима Яковлевича Строгановых. С их именами связываются высшие достижения строгановской школы. Наиболее ранняя работа датировалась 1598 г. Это была икона работы Ивана Соболя «Перенесение мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар-Град». В строгановском собрании были и иконы царских изографов середины—второй половины XVII в.: Назария Истомина, Георгия Зиновьева, Никиты Павловца.

Благодаря Строганову в Москве были сохранены десятки старообрядческих икон, предназначенных к уничтожению. Об этом случае рассказывает Ф.И.Буслаев в воспоминаниях: «В царствование императора Николая Павловича строго преследовались раскольники. Между прочим дано было приказание полицейским чинам отобрать их раскольничьи иконы из молелен в их домах и скитах, а потом как запрещенный товар доставлять в назначенные на этот предмет склады. Граф узнал, что в сарае одного из московских монастырей свален целый обоз этой конфискован-

ной контрабанды, и отправился к митрополиту Филарету с просьбою, чтобы он разрешил ему отобрать из этого склада, что окажется пригодным для его собрания старинных икон. Филарет удивился, какой может быть прок в этом хламе, который он уже обрек на дрова и подтопку монахам того монастыря, но соблаговолил уступить просьбе графа и позволил ему распоряжаться в монастырском сарае сколько угодно» (2, с. 197).

Кроме икон Сергей Григорьевич собирал и иконописные прориси. Наибольшую ценность среди этого иконографического собрания представлял полный лицевой иконописный подлинник XVII в. Изданный Строгановым в 1869 г., он и по сей день служит ценнейшим пособием для каждого исследователя древнерусской живописи.

В дневниках профессора Московского университета И.М.Снегирева сохранились свидетельства о его посещениях музея Строганова: «Я смотрел с графом Строгановым древние и старинные иконы, из коих особенно примечательны: «Достойно есть» в лицах, «Похвала Богоматери», «Троица», «Преображение»... и «Я ездил... к графу Строганову, у коего встретился с Голохвастовым, осматривал старинные образа, большею частию Новгородские и Строгановские» (10, с. 402—403).

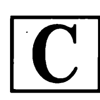
Сергей Григорьевич слыл отличным знатоком русской нумизматики и составил крупную коллекцию монет и медалей. Свидетельством тому может служить его переписка с известным славистом О.М.Бодянским. Бодянский, часто бывая за границей, выполнял просьбы Строганова по приобретению древних монет со славянскими надписями.

Федор Иванович Буслаев, описывая кабинет Строганова, сообщал: «Тут же находилась и драгоценная коллекция греческих, римских и византийских монет, золотых и серебряных, а частью и медных, наиболее редкостных; граф был большой знаток нумизматики и между специалистами по этому предмету славился своею опытностью отличать в монетах оригинальные экземпляры от поддельных» (2, с. 196). Изучение античных монет во многом развило эстетическое чутье коллекционера и способствовало формированию «знатока и опытного ценителя скульптурных произведений древнеклассического искусства».

С.Г.Строганов приобрел после смерти академика Г.К.Э.Келлера его собрание серных оттисков с греческих и римских монет (10111 штук). Эту коллекцию он подарил минц-кабинету Московского университета.

Картины и скульптуры строгановского собрания принадлежали в основном к западноевропейской школе. Среди живописных приобретений Сергея Григорьевича наибольшую известность получила купленная им в 1856 г. алтарная композиция Чимы да Конельяно, итальянского художника рубежа XV—XVI вв. Эта композиция находилась в монастыре кармелитов в Венеции.

Среди скульптур одно из центральных мест принадлежало бронзовой статуэтке Аполлона, полученной им в Москве в 1848 г. от князя Ю.А.Долгорукова. Это выдающееся художественное произведение античной эпохи оказалось в собрании Строганова благодаря содействию ученого Ф.И.Буслаева. Федор Иванович, будучи личным секретарем Строганова и учителем его детей, давал уроки и в семье Ю.А.Долгорукова. «Однажды на широком подоконнике в его кабинете, — писал Буслаев, — я заметил пере-



ломленную надвое статуэтку из бронзы, густо покрытую зеленою патиною... На мой вопрос об этих обломках, князь мне сказал, что они недавно найдены в кладовой между всяким хламом, куда попали, вероятно, как забракованный предмет из вещей, принадлежавших графу Орлову, родственнику его жены, который в преклонных летах долго жил на берегах Неаполитанского залива, интересовался классическою стариною и приобретал разные редкости, между прочим из раскопок Геркулана и Помпеи» (2, с. 199). Буслаев сумел разглядеть в этих обломках копию знаменитой статуи Аполлона Бельведерского, находившуюся в Ватиканском музее. Об этом открытии он сообщил Сергею Григорьевичу, и тот незамедлительно приобрел ее для своего собрания. Строганов сразу определил значение этой бронзовой статуэтки для истории классического искусства и пригласил академика Л.Э.Стефани, который провел ее детальное исследование, вылившееся в специальную книгу.

Историк и философ Б.Н.Чичерин вспоминает об увлечении С.Г.Строганова мексиканскими древностями: «Уже восьмидесятилетним стариком он вдруг с любовью занялся собиранием мексиканских древностей. Показывая мне свое собрание, он спросил меня, не знаю ли я какого-нибудь сочинения о Мексике» (18, с. 187).

Сергей Григорьевич получил в наследство от А.С.Строганова богатейшую библиотеку, которую он умножил многочисленными своими приобретениями. Особую ценность представляли тщательно подобранные книги по нумизматике.

С.Г.Строганов умер 27 марта 1882 г. в Петербурге. Погребен в Феодоровской церкви Александро-Невской лавры.

После 1917 г. коллекция Строгановых национализирована. Первоначально в строгановском особняке в Петербурге был открыт музей. С его ликвидацией коллекция расформирована и разошлась по многим музеям. Большая и лучшая часть собрания оказалась в Эрмитаже. Сюда перешла и вся нумизматическая коллекция С.Г.Строганова. Лучшие иконы из его собрания поступили в Русский музей. Отдельные предметы попали в Третьяковскую галерею (два эскиза А.А.Иванова), Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина (произведение Чимы да Конельяно).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бодянский О.М. Письмо О.М.Бодянского к графу Сергею Григорьевичу Строганову о древних русских и славянских монетах. Сообщил А.А.Титов. — М., 1885.

2. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Вестник Европы. — 1892. — Кн. 3. — С. 140, 152—159, 190, 194—203, 569, 616.

3. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 39, 42, 44, 63, 70—71, 90, 115, 121, 164, 187, 281, 292.

4. [Гартвиг А.Ф.]. Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. графом С.Г.Строгановым. — М., 1901. — С. 78—103.

5. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Каталог картинной галереи. Живопись. Скульптура. Миниатюра. — М., 1986. — С. 189, 291.

6. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб,. 1912. — N 1101.

7. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн. 1. — С. 299, 308; Т.1, кн. 2. — С. 898, 919, 921, 931,

1095—1097, 1197, 1209, 1254, 1287, 1357, 1368, 1370, 1405—1406.

8. Никифоров Д.И. Москва в царствование императора Александра II. — М., 1904.

9. Речи, говоренные в заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских 4 мая текущего года, посвященном незабвенной памяти бывшего председателя графа Сергея Григорьевича Строганова. — М., 1882.

10. Снегирев И.М. Дневник. — М., 1904. — Т.1. — С. 402—403.

11. Собрание Строгановых // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 19—20.

12. Стефани Л.Э. Аполлон Боэдромиос, статуя музея графа С.Г.Строганова, объясненная акад. Л.Стефани. — Спб., 1863.

13. Строганов С.Г. // Русские портреты XVIII—XIX столетий. — Спб., 1909. — Т.5, вып.4. — N 174.

14. Строганов С.Г. // Русский биографический словарь. — Спб., 1909. — «Смиловский — Суворина» [Т.19]. — С.523—530.

15. Строгановский дворец-музей: Итальянские медали. / Сост. А.Н.Зограф. — Пг., 1923.

16. Строгановский дворец-музей: Краткий путеводитель. — Пг., 1922.

17. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. — М., 1986. — С. 155.

18. Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары: 1826—1856. — М., 1990.

СТРОЕВ Павел Михайлович

(1796—1876)

П.М. Строев — историк, археограф, библиофил, собиратель рукописей.

Родился в Москве 27 января 1796 г. в семье дворянина Михаила Александровича Строева. С восьми лет воспитывался в частном пансионе Виллерса, затем в пансионе при Московском университете; уже в это время увлекся русской историей и древностями. В 1812 г., обладая хорошим знанием отечественной истории, поступил в Московский университет, однако тремя годами позже оставил его.

Восемнадцатилетним студентом второго курса Строев в 1814 г. опубликовал свою первую книгу — учебник «Краткая российская история в пользу российского юношества». Она не раз переиздавалась и служила учебным пособием несколько десятков лет. В 1815 г. энергичный и увлеченный юноша затеял издание журнала «Современный наблюдатель российской словесности».

Работа над учебником, а также лекции профессоров И.Ф.Тимковского и М.Т.Каченовского привели молодого историка к твердому убеждению, что написать полноценную книгу о русской истории затруднительно: не хватало фактического материала. Это обстоятельство и привело П.М.Строева к поиску и изучению памятников древнерусской письменности: им он посвятил всю свою жизнь. Его биограф, Н.П.Барсуков, приступая к составлению жизнеописания ученого, писал: «Я старался выяснить себе образ человека, во всех отношениях замечательного, — человека, посвятившего долгую жизнь суровому подвигу одному предмету, благородная страсть к которому, возгоревшись в ранней молодости, теплилась в нем до могилы» (4, с. II).

Журнальные публикации молодого исследователя привлекли к себе внимание известного общественного деятеля, историка и коллекционера графа Н.П.Румянцева. Вокруг этого неутомимого человека в 1810-е гг. сплотились единомышленники. Румянцевский кружок стал первым центром отечественной археографии. Здесь основательно занимались поиском, изучением и публикацией древних рукописей. Строев стал активным участником Румянцевского кружка, одним из ведущих археографов России.

По заданию Н.П.Румянцева Павел Михайлович вместе с Константином Федоровичем Калайдовичем в 1817—1818 гг. совершил первую археографическую экспедицию по подмосковным монастырям. В поисках древних рукописей и документов они побывали в Иосифо-Волоцком, Новоиерусалимском, Воскресенском, Саввино-Сторожевском, Пафнутьево-Боровском монастырях. Поездка убедила Павла Михайловича в том, что в монастырских библиотеках и ризницах сохранилось огромное количество рукописей не только церковных, но и светских, которые содержали в себе бесценный материал для воссоздания исторического прошлого отечества.

На заседании Московского общества истории и древностей российских 14 июля 1823 г. Строев выступил со страстной речью, призывавшей к обследованию всех российских монастырских хранилищ: «Не довольно Москвы для поприща нашей деятельности: пусть целая Россия превратится в одну библиотеку, нам доступную. Не сотнями известных рукописей мы должны ограничить свои занятия, но бесчисленным множеством их в монастырских и соборных хранилищах, никем не хранимых и никем не охраняемых, в архивах, кои нещадно опустошает время и нерадивое невежество... Общество должно извлечь, привести в известность... письменные памятники нашей истории и древней словесности, рассеянные по обширным пространствам от Белого моря до степей украинских и от границ Литвы до хребта Уральского» (4, с. 67).

Обследованию монастырских древлехранилищ, этих, по его словам, «неразработанных рудников нашей истории», Павел Михайлович посвятил всю свою жизнь. По инициативе П.М.Строева в 1828 г. началась деятельность археографических экспедиций, а с 1834 г. — Археографической комиссии, которая существует до сего дня: она внесла колоссальный вклад в изучение и публикацию древнерусских памятников истории и литературы. В числе ее важнейших публикаций — «Полное собрание русских летописей», первый том которого вышел при Строеве в 1841 г., а последний, тридцать первый том — в 1968 г.

С 1829-го по 1834 г. П.М.Строев в поисках древних рукописей объехал 14 губерний, в том числе весь Север России и Поволжье. Он обследовал около двухсот библиотек и архивов, собрал свыше трех тысяч документов XIV—XVIII вв., среди которых было немало уникальных памятников культуры. В 1915—1917 гг. опубликован весь материал, собранный Строевым и переданный им Археографической комиссии. В 2 ларцах, 11 картонных коробках и 14 переплетенных книгах содержалось 3300 актов, самый ранний из которых датировался XIV веком.

Строев подготовил к печати и опубликовал ряд ценнейших исторических документов, в том числе Софийскую летопись, Судебник 1497 г., Изборник 1073 г. и другие, без которых и сейчас не может обойтись ни один исследователь Древней Руси.

Монументальным трудом Строева стало описание старопечатных книг и рукописей московского коллекционера Ф.А.Толстого. Эту работу он выполнил в 1818—1820 гг. С 1825 г. он являлся смотрителем библиотеки Толстого и продолжал заниматься описанием вновь поступавших рукописей. В 1830—1840-е гг. им было выполнено такое же капитальное описание собрания И.Н.Царского. Печатные каталоги этих двух библиотек явились для историков одним из важнейших пособий для изучения древнерусских рукописей; для коллекционеров они служили ценным справочным материалом.

Кроме того, Павел Михайлович выполнил поистине грандиозную, «циклопическую», по словам современников, работу, составив ключ (указатель) к многотомному сочинению Н.М.Карамзина «История государства Российского», облегчив, по замечанию А.С.Пушкина, «до невероятной степени изучение Русской истории». Его перу принадлежит и другой капитальный труд — указатель к «Полному собранию русских летописей». Оба указателя не утратили ценности и до сего дня.

За свои научные изыскания в 1826 г. П.М.Строев был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1849 г. — академиком.

«По своим дарованиям П.М.Строев мог бы, конечно, играть видную роль на более блестящем поприще, — отмечал его биограф Н.П.Барсуков, — но «вся красная мира сего» он принес в жертву смиренной области Русской Археографии и ради ея провел лучшие годы свои в монастырских и соборных хранилищах нашей Древней Письменности, в кладовых и подвалах, недоступных лучам солнца, куда, по его же словам, «груды древних книг и свитков снесены были как будто для того, чтобы грызущия животные, черви, ржа и тля могли истребить их удобнее и скорее» (4, с. II).

Начало личной библиотеке Павла Михайловича Строева было положено еще в бытность его воспитанником пансиона. В 1811 г. на «карманные деньги» на толкучем рынке мальчик приобрел многотомную историю России князя М.М.Щербатова. Следующим приобретением для библиотеки были разрозненные тома «Древней Российской вивлиофики» Н.И.Новикова.

В 1817 г. П.М.Строев приобрел для своего личного собрания первую старинную рукописную книгу. С этого времени и почти до 1842 г. он активно пополнял коллекцию, которая в первой половине XIX в. являлась одним из ценнейших частных собраний. Особенно заметно увеличилось его собрание в ходе экспедиций 1829—1834 гг. После 1839 г. П.М.Строев особое внимание обращал на актовые материалы.

Чаще всего Строев покупал рукописи у антикваров и коллекционеров, некоторые из них он приобретал путем обмена. В 1832 г. после смерти К.Ф.Калайдовича, своего спутника по экспедициям и соратника по археографическим исследованиям, он приобрел 139 рукописей из его собрания. В 1836 г. в обмен на две ценные рукописи он отдал сто грамот коллекционеру И.Н.Царскому. Семнадцать пергаментных грамот он продал Археографической комиссии. Позднее стало известно, что у Строева был еще один не совсем обычный способ умножения коллекции. Как официальный археограф Академии наук Строев имел доступ во все архивы. Наблюдая за тем, насколько небрежно порою хранились ценнейшие документы, он, стремясь сохранить их для истории, изымал отдельные листы из сборников и пополнял ими свое собрание.

Рукописная коллекция Строева содержалась в идеальном состоянии. Все рукописи были одинаково переплетены в коричневую мраморную бумагу с желтоватой кожей на корешке. На всех корешках были вытеснены названия рукописей. На внутренней стороне обложки владелец наклеивал бумажный ярлык, на котором проставлял шифр рукописи согласно описи своей библиотеки. На вклеенном листе писал полное заглавие рукописи; если это был сборник — давал все содержание его. Оформление коллекции позволило современным исследователям обнаружить все строевские рукописи, «растворившиеся» сначала в погодинском собрании, а потом в рукописном отделении Императорской Публичной библиотеки.

Подготавливая коллекцию к продаже, П.М.Строев составил опись, во введении к которой писал: «При составлении этого собрания рукописей главной целью было собрать все, что относится собственно к Отечественной истории, гражданской, церковной и литературной. Здесь нет ни од-

ной Богослужебной книги и очень мало переводов Отцов церкви: ими переполнены все известные собрания рукописей, и все это полезно для одних филологов. Харатейные книги очень дороги и замечательны только в отношении филологическом» (4, с. 375).

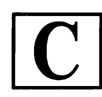
Поэтому в коллекции Строева была представлена светская литература и исторические документы: 9 летописей и летописцев, 8 хронографов, 2 космографии, Степенная книга, 3 судебника, несколько родословных, актовые материалы, древние грамоты, исторические сборники. Последние представляли особенно большую научную ценность. О значении исторических сборников владелец коллекции писал: «Историческая литература наших предков кроме летописей, хронографов и других книг сего рода преизобилует отдельными сочинениями, известными под названиями сказаний, повестей и отрывков исторических. Ни одна библиотека не представляет полного собрания их; они рассеяны всюду и до сих пор мало оценены. Исторические сборники этого собрания заключают в себе до 1100 таких статей» (4, с. 375).

В собрании Строева богато представлена житийная литература. Жития святых, как и сказания об иконах, коллекционер собирал так же настойчиво, как и исторические сборники, так как видел в них значительный и малоисследованный пласт источников. Ему удалось приобрести 64 жития святых и 10 сказаний об иконах. Об этих драгоценных материалах Павел Михайлович сообщал в описи: «Жития Святых Русских, в разные времена сочиненные, переделанные, дополненные, представляют богатый и почти непочатый запас истории общежития, мнений и поверьев прежней Руси, и даже в них есть много фактов, незамеченных бытописателями... Кто соберет все Жития Святых Русских, сказания об иконах и крестах, отдельные описания чудес и тому подобное и прочтет все это со вниманием и критикою, тот удивится богатству этих исторических источников. Карамзин воспользовался тем, что случайно попалось ему под руки; но чего не извлек бы этот великий муж, если бы приготовлено было наперед полное собрание? Наше заключает в себе уже более половины» (4, с. 375—376).

По оценке Строева, его коллекция имела «довольно памятников истории литературы. Еще более по части законоведения» (4, с. 375). Отдельные памятники, по его мнению, были настолько редки, что, возможно, представлены только в его коллекции. Строевская коллекция была сопоставима только с собраниями Ф.А.Толстого и М.П.Погодина.

«Собиратель предполагал приращать свое собрание до конца жизни, собственно для себя и в своей системе», — сообщает П.М.Строев (4, с. 376). Но нужда заставила Павла Михайловича отказаться от дальнейшего пополнения коллекции и продать «плод долголетних поисков и немалого иждивения».

В ноябре 1840 г. коллекционер получил предложение от такого же страстного собирателя, как и он — М.П.Погодина. 4 октября 1841 г. известный историк в течение четырех часов знакомился с его собранием. Однако сделка тогда не состоялась, и П.М.Строев обратился к князю П.А.Ширинскому-Шихматову с предложением приобрести его собрание для Отделения русского языка и словесности Академии наук, но получил отказ. В 1842 г. возобновились переговоры с М.П.Погодиным. 24 февраля вопрос был решен: за 8500 рублей ассигнациями коллекция перешла Погодину. 7 мар-



та Павел Михайлович с грустью упаковывал свои драгоценные бумаги в присланный от Погодина ларь, чтобы перевезти их новому владельцу. Из деревянного дома на Садовой улице (против Спасских казарм), где жил Павел Михайлович и где все эти годы находилась его коллекция, она переехала в Древлехранилище Погодина, располагавшееся на Девичьем поле. Однако здесь она пробыла всего десять лет. Нужда заставила и Погодина продать свои сокровища. В 1852 г. строевские рукописи вместе с погодинскими отправились в Петербург и поступили в Императорскую публичную библиотеку.

Вероятно, какие-то рукописи П.М.Строев приобретал уже после продажи собрания. Одну из них — «Княжеское родословие» — он потерял при переезде на новое местожительство. В 1858 г. последовало распоряжение московских властей, согласно которому он вместо деревянного дома должен был выстроить каменный. Не имея средств, Строев продал дом вместе с участком земли, а сам переехал в наемную квартиру. Располагалась она в доме священника в приходе церкви св. Панкратия у Сухаревой башни.

После 1859 г. Строев был вынужден продать и свою библиотеку, в составе которой были книги по истории и археографии. Его книжное собрание распродавалось в течение многих лет. И хотя книги попали в разные руки, библиофил А.И.Барятинский сумел снова собрать их воедино в своей библиотеке, находившейся в имении Марьино Курской губернии.

П.М.Строев умер в Москве 5 января 1876 г. Погребен на Пятницком кладбище.

Весь его архив наследники передали Императорской Академии наук и Археографической комиссии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.И. Из переписки П.М.Строева // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг. — Л., 1929. — Вып. 35. — С. 221—230.

2. Архив П.М.Строева // Русская историческая библиотека. — Пг., 1915—1917. — Т. 32, 35.

3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. — Спб., 1888—1910. — Кн. 1—22.

4. Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М.Строева. — Спб., 1878.

5. Бокачев Н. Описи русских библиотек. — Спб., 1890. — С. 137, 146—147.

6. Бычков А.Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. — Спб., 1882. — Вып. 1. — С. 106—112.

7. Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). — М., 1905. — С. 64, 271.

8. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1102.

9. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. — Т.1, кн. 2. — С. 897, 976—977, 981—982, 1046, 1050, 1052, 1069, 1076, 1078—1079, 1081, 1161, 1164—1166, 1168—1170, 1178, 1212, 1242, 1246, 1258, 1267, 1270—1276, 1279, 1293, 1322, 1344—1345, 1401, 1403, 1429, 1432, 1447, 1455, 1460, 1471, 1473.

10. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. — М., 1970. — С. 338—340.

11. Кончин Е. Эмиссары восемнадцатого года. — М., 1981. — С. 115.

12. Срезневский И.И. Воспоминание о П.М.Строеве. — Спб., 1877.

13. Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. — Спб., 1882.

14. Уо Д.К. К изучению рукописного собрания П.М.Строева // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. — Л., 1976. — Т.30. — С. 184—203.

ТОЛСТОЙ Федор Андреевич

(1758—1849)

С рисунка неизвестного художника. 1839.

Ф.А. Толстой — библиофил, собиратель рукописей и старопечатных книг.

Родился 16 декабря 1758 г. Происходил из старинного графского рода. Один из его предков — Петр Андреевич Толстой — был сподвижником Петра I. Еще в детские годы по обычаям своего времени записан в гвардию. Однако военная служба была не по душе юноше, он оставил ее в чине капитана и поселился в Москве.

Можно предположить, что интерес к русским древностям пробудился у богатого аристократа под влиянием исторических преданий, бытовавших в семейном кругу. Женитьба Толстого на дочери купца-старовера Степаниде Алексеевне Дурасовой еще больше укрепила его страсть к собирательству.

К 1812 г. Федор Андреевич располагал хорошим личным собранием. «Библиотека русской старины Графа Федора Андреевича Толстого, — отмечал писатель и коллекционер П.П.Свиньин, — заслуживает первое внимание и признательность соотечественника... Святотатственная рука галлов пощадила сие сокровище: просвещенные сподвижники Наполеона не истребили его, вероятно, из презрения, полагая, что книги сии не заслуживают ни малейшего внимания. Сие можно заключить потому, что многие из рукописей были ими разсматриваны и разбросаны, а Французские сочинения взяты» (13, с. 69).

После 1812 г. собрание Толстого по богатству и разнообразию было сопоставимо с такими известными коллекциями, как Московское Синодальное книгохранилище, Новгородское книгохранилище при Софийском соборе, Архив Министерства иностранных дел. Из частных собраний с ним могла соперничать только библиотека Н.П.Румянцева.

В 1810-е гг. Толстой приобрел сразу около двухсот книг из собрания князя Д.М.Голицына, позднее купил рукописи П.П.Бекетова. Но более всего умножению его библиотеки содействовали, как писал один из современников, предприимчивые торговцы, которые, «подстрекаемые желанием выгоды, привозили письменные памятники ото всех краев России». Действительно, его знали многие антиквары и букинисты. Нередко они по утрам приходили в его московский особняк.

Значительную роль в пополнении коллекции Толстого сыграл П.М.Строев. Он в течение многих лет не только приобретал для него рукописи, но и занимался их описанием, составлением каталогов. С 1825 г. Строев был личным библиотекарем Ф.А.Толстого. В переписке он порою называл его собрание «книгохранилище ревностного споборателя отечественной Клио» (1, с. 109).

Федор Андреевич, хорошо понимая значимость своего собрания для русской науки, в 1818 г. пригласил двух уже известных ученых, К.Ф.Калайдовича и П.М.Строева, для подготовки к публикации каталога рукописного собрания. На эту работу ими было потрачено семь лет. В 1825 г. вышла в свет книга «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора, двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого». Это был первый труд подобного рода, он имел большой резонанс и в России, и за рубежом.

Описание включало 1093 рукописи XI—XVIII вв. Тематика их чрезвычайно обширна: Священное писание, церковные книги, летописи, родословные, лечебники, пасхалии, сборники крюкового пения, наставления иконописцам, литературные сочинения. Коллекция Ф.А.Толстого заслуживала внимания и с точки зрения палеографии. Поэтому составители каталога в приложении к нему опубликовали образцы письма с XI по XVIII в.

П.М.Строев писал о Толстом: «Остается сказать о той бескорыстной, истинной любви к просвещению, которая одушевляет почтенного Собирателя нашей библиотеки. Исторгая письменные сокровища от рук невежества, он не таит их от ученых. Ему неизвестна жалкая склонность библиотафов, сберегающих Литературные достопамятности, кажется, с тем, чтобы первый несчастный случай мог истребить их удобнее» (7, с. LXIII).

Ярким свидетельством тому может служить публикация первого прибавления к описанию коллекции. Оно вышло в свет в том же 1825 г. и включало 15 вновь приобретенных рукописей. И хотя П.М.Строев в одном из писем выражал некоторое недоумение по поводу столь поспешной публикации дополнения, Толстой настоял на ней, так как считал, что необходимо как можно скорее рассказать ученым о существовании этих рукописей. Более того, в предисловии было указано: «Граф Федор Андреевич, соревнуя успехам отечественного бытописания, возымел патриотическое намерение сделать многочисленное свое хранилище памятников Славяно-российской письменности общим достоянием, открыв к нему свободный доступ всем ищущим знания древностей. Его Сиятельство поручил мне, по требованиям ученых соотечественников и чужестранцев, сообщать все нужные для их трудов справки, извлечения и выписки из рукописных и печатных книг его библиотеки. Объявление о сем ученой публике напечатано мною в периодическом издании «Северная пчела», N 41» (11, с. 3—4).

В 1827 г. вышло второе прибавление к описанию собрания, которое включало 192 рукописи — «новые плоды патриотического любостяжательства знаменитого Собирателя», — как отмечено во введении.

Позднее Строев подготовил и опубликовал описание старопечатных книг Толстого. Эта коллекция включала около четырехсот томов, изданных с 1491-го по 1727 г. Здесь были редкие книги, отпечатанные в Риме, Амстердаме, Вене, Кракове, Вильно, Москве, а также комплекты газеты «Ведомости» за 1703—1727 гг. и первые печатные календари.

В библиотеке Федора Андреевича находились книги и рукописи на многих языках. Ценнейшей частью ее были сочинения иностранных писателей о России, так называемая Rossica.

Богатое собрание Толстого было доступно для широкого круга исследователей. «Чем более будут пользоваться моею библиотекою, — писал коллекционер в одном из писем П.М.Строеву, — тем более мне будет удовольствие, ибо вам известно, что единственная моя цель в том и состоит, чтобы Обществу быть полезным» (1, с. 126). Известно, что рукописи этого собрания изучал Н.М.Карамзин. При публикации других древнерусских памятников неоднократно сличали экземпляры с рукописями из этого собрания.

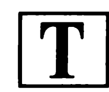
Хотя Ф.А.Толстой с 1825 г. жил в Петербурге, библиотека его по-прежнему оставалась в Москве на полном попечении П.М.Строева. С собой в Петербург владелец перевез в основном иностранный раздел, который описывал Я.О.Ярцев, служивший в Азиатском департаменте и владевший многими языками.

Чувствуя приближение старости, граф стал думать о судьбе своей коллекции. В 1828 г. 300 книг он подарил императрице Марии Федоровне. Год спустя Толстой пришел к мысли о необходимости продать свою библиотеку. Однако для себя он решил, что в чужие края ее не отдаст. Он предложил коллекцию Императорской Публичной библиотеке, и в 1830 г. его книги и рукописи были приобретены для нее через казну. К лету 1830 г. коллекция была доставлена с помощью антиквариев Ильина и Петрова в Петербург, где ее приняли И.А.Крылов и А.Х.Востоков.

Однако Толстой начал собирать новую коллекцию, и только после потери зрения в 1842 г. он был вынужден оставить любимое занятие.

Ф.А.Толстой владел не только рукописями и книгами, но и минц-кабинетом. Осмотревший его в 1819 г. П.П.Свиньин писал: «Нельзя также без особенного любопытства и уважения оставить обширный его Минц-Кабинет, коего главную часть и драгоценность составляют наши отечественные медали и монеты. Так, например, едва ли в других частных кабинетах можно найти золотую медаль Дмитрия Самозванца, золотую же медаль, поднесенную Депутатами законодательной комиссии Великой Законодательнице с именем Премудрой и Матери Отечества. Екатерина представлена в Русском наряде и в кокошнике. Чрезвычайно любопытною показалась мне также медная полтина Царя Алексея Михайловича. Сею монетою хотел он заменить (подобно ассигнациям) случившийся в его время недостаток в деньгах, но ропот народный заставил остановить выпуск сих денег» (13, с. 70—71).

В Москве Толстой имел собственный дом на Большой Дмитровке. Племянник собирателя, известный скульптор Ф.П.Толстой, в 1803 г. посетил дядю, при-



ходившегося ему крестным отцом. Позже он писал: «Дом он имел чрезвычайно богато убранный, наполненный мрамором, бронзою и фарфором» (5, с. 48).

Ф.А.Толстой умер в Петербурге 11 апреля 1849 г.

Оставшиеся после его смерти 402 рукописи (в том числе 300 славянских) были приобретены у наследников купцом А.П.Алексеевым, который пожертвовал их в 1854 г. в библиотеку Академии наук. Ныне эти рукописи находятся в Институте русской литературы РАН и Петербургском отделении Института истории РАН.

Кроме того, некоторые книги из последних приобретений Ф.А.Толстого оказались в семье его дочери, бывшей замужем за А.А.Закревским. После смерти последнего в 1865 г. эти книги были распроданы в Москве. К немалому удивлению букинистов, среди книг обнаружено около ста экземпляров «Обстоятельного описания» библиотеки Ф.А.Толстого, являвшегося величайшей библиографической редкостью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М.Строева. — Спб., 1878. — С. 46, 50—51, 73, 93, 105, 112—141, 157, 180—181, 409—410.

2. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 21, 71, 202, 212, 345.

3. Второе прибавление к описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Ф.А.Толстого. / Изд. П.Строев. — М., 1827.

4. Заболотских Б. Книжная Москва: Исторические очерки. — М., 1990. — С. 133—136.

5. Записки графа Федора Петровича Толстого, товарища президента Императорской Академии художеств // Русская старина. — 1873. — Т. 7. — N 1.

6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 114, 124, 144, 158, 162, 242, 627, 664, 710, 784, 809, 814—815, 818, 820—821, 827—828, 830—831, 836, 864, 869; Т.1, кн. 2. — С. 897, 1076, 1079, 1081—1082, 1161, 1163—1164, 1170—1171, 1270—1271, 1322, 1402, 1426, XXIV, CCVI—CCVII, CCIX, CCXII, CCXIV, CCLXXXIII, CCCVII, CCCLXV.

7. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора, двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого. / Изд. К.Калайдович и П.Строев. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. — М., 1825.

8. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке графа Ф.А.Толстого. / Изд. П.Строев. — М., 1829.

9. Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описи библиотек графа Ф.А.Толстого и И.Н.Царского. / Изд. П.Строев. — М., 1841.

10. Палеографические снимки шрифтов, с XV по XVIII век, принадлежащие к обстоятельному описанию старопечатных книг, хранящихся в библиотеке графа Ф.А.Толстого. — М., 1829.

11. Первое прибавление к описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Ф.А.Толстого. / Изд. П.Строев. — Спб., 1825.

12. Путеводитель по Императорской Публичной библиотеке. — Спб., 1852. — С. 44—45.

13. П.С. [Свиньин П.П.]. Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники 1819 года // Отечественные записки. — 1820. — N 1. — С. 64—71.

14. Уо Д.К. Славянские рукописи собрания Ф.А.Толстого. — Л., 1980.

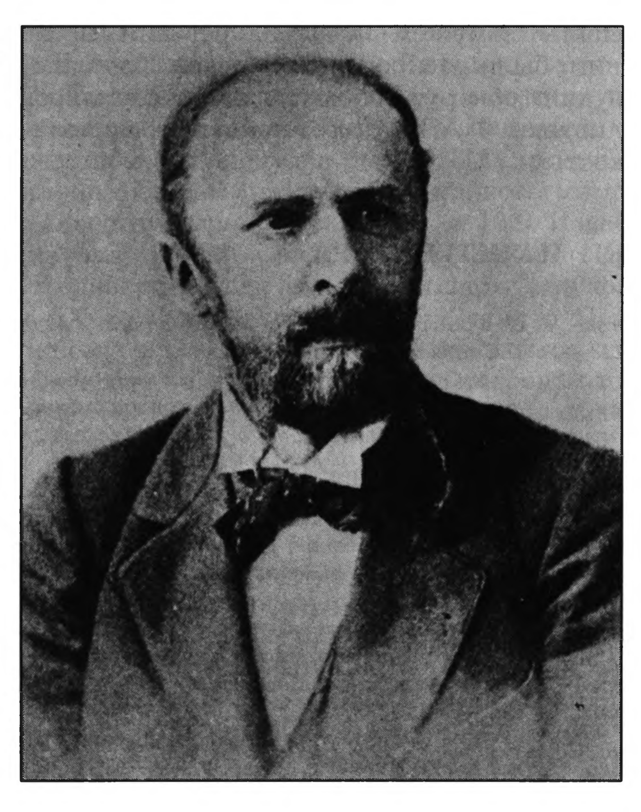
15. Catalogue raisonné des manuscripts du Comte Th. And. de Tolstoy par A.T. — St.-Ptbg., 1830.

16. Comitis Theodori de Tolstoy Bibliothecae Catalogus librorum antiquitate et raritate memorabilium. — Petropoli, MDCCCXXVII.

17. Comitis Theodori de Tolstoy Bibliothecae Catalogus ordine alphabetico dispositus. — Petropoli, MDCCCXXX.

18. Supplément aux manuscrits du Comte de Tolstoy. — St.-Ptbg., 1831.

ТОРОПОВ Андрей Дмитриевич (1851—1927)



А.Д. Торопов — книговед, библиограф, библиофил, собиратель художественных плакатов, образцов книжной графики.

Родился 11 августа 1851 г. в Ярославле в семье земского служащего. В раннем детстве воспитывался у деда, который был большим любителем книг.

Первые книги Андрей приобрел еще будучи учеником гимназии. «Оказывается, для него, еще мальчика первых классов гимназии, — писал библиограф Б.С.Боднарский, — книги были дороже самых сладких лакомств, и все копеечки, которые ему дарили баловавшие его родные, он тратил на покупку книг. Особенным праздником была для него ярмарка (5 марта), когда в Ярославль приезжали книжные торговцы из Москвы и между ними известный впоследствии книгоиздатель А.Д.Спирин, отметивший среди многих покупателей мальчика-библиофила и ставший его первым учителем книжного дела» (6, с. 1).

К концу гимназического курса в библиотеке Торопова было до четырехсот книг. Юноша специально изучил переплетное дело, чтобы самому переплетать самые ценные издания. Однако его первая библиотека сгорела, когда он был на каникулах. Тяжело переживая эту трагедию, он несколько лет совсем не покупал книг.

После окончания гимназии поступил в ярославский Демидовский юридический лицей, а через год перевелся в Московский университет в связи с переездом семьи в Москву.

По окончании университета в 1876 г. А.Д.Торопов начал службу в Московском окружном суде и в правлении Москворецкого пароходства, однако любовь к книгам взяла верх, и он навсегда оставил юриспруденцию. Впоследствии работал в типографиях, издательствах.

Новую свою библиотеку А.Д.Торопов стал собирать с 1876 г. В это время начинается его сотрудничество с Обществом распространения полезных книг, и под влиянием идей Общества он приобретает в основном

«книги для народа» и детские издания. К 1878 г. в его библиотеке было около 1500 книг. Владелец на ее основе открыл первую в Москве детскую общедоступную библиотеку.

Постепенно Торопов увлекся книговедением, библиографией, библиотековедением, расширилось его личное книжное собрание по этим вопросам. У него зарождается и крепнет интерес к художественному оформлению книги, который находит свое выражение в стремлении собрать самые ценные образцы книжной графики, переплетов, виньеток и др. «Часто А.Д. принимал участие в наших книжных беседах, внося в них большое оживление, увлекая всех своей остроумной речью, любовью к книге и знанием книжного дела, — вспоминал библиограф А.Соловьев. — Особенно охотно он участвовал в разговорах о технике книги, ее внешнем виде. Бумага, печать, шрифт, формат, иллюстрации, переплет — вообще вся внешность, и главным образом, изящная внешность была часто в центре его внимания и обсуждения» (15, с. 40).

«Одетый всегда с большой и часто удачной претензией на щегольство, — писал А.Соловьев, — летом обязательно в шелковом цилиндре («французик из Бордо», как с дружеской шутливостью звал его Астапов), А.Д. соединял в себе внешний вид просвещенного европейца с той исключительной расторопностью, какую он получил на своей родине в городе Ярославле. Впоследствии при ближайшем знакомстве я не раз имел случай убедиться в счастливом сочетании в А.Д. прирожденной энергии, твердой воли, стойкости в достижении поставленных задач с пытливым умом, просвещенностью и тонким пониманием художественной красоты» (15, с. 39—40).

В 1889 г. А.Д.Торопов объединил вокруг себя книголюбов и основал Библиографический кружок. С этого кружка и начинает свое существование в России библиография как наука. При кружке А.Д.Торопов основал библиотеку и журнал «Книговедение», который выходил под его редакцией в 1894—1897 гг. В 1900 г. Библиографический кружок преобразован в Русское библиографическое общество при Московском университете.

А.Д.Торопов подготовил и опубликовал свыше двадцати работ по библиографии, указатели к журналу «Нива», к «Большому всемирному настольному атласу» издания А.Ф.Маркса. Много лет он работал над энциклопедией «Книговедение», однако ее так и не удалось опубликовать.

В 1905 г. Торопов из Москвы переехал на Кавказ, куда был приглашен в качестве редактора. Однако уже осенью 1906 г. он переселился в Петербург. Здесь в 1907 г. в Главном управлении по делам печати он возглавил работу по формированию библиотеки, в которую с этого года начали поступать обязательные экземпляры всей печатной продукции. Кроме того, он стал выпускать еженедельник «Книжная летопись». Этот первый российский орган государственной библиографической регистрации, основанный А.Д.Тороповым и редактировавшийся им долгие годы, выходит и поныне.

А.Д.Торопов содействовал подготовке многих книжных выставок как в России, так и за рубежом. Он участвовал в Парижской выставке книг 1894 г., в выставке, посвященной 500-летию И.Гутенберга (Майнц, 1900). В 1914 г. он был назначен помощником комиссара русского отдела Международной выставки печатного дела и графики, проходившей в Лейпциге и давшей начало известным Лейпцигским книжным ярмаркам.

Признанием заслуг А.Д.Торопова в области книговедения стало его избрание членом Международного библиографического института в Брюсселе.

После 1917 г. Андрей Дмитриевич работал в Книжной палате, а затем в Институте книговедения и Библиографической комиссии Губполитпросвета.

Полнее всего в личной библиотеке Торопова была представлена книговедческая литература в сочетании с богатейшей иконографической коллекцией. Это поистине уникальная «галерея», главным действующим «лицом» которой была Ее Величество Книга. Сюда же входил отдел, содержавший в себе множество библиографических справочников и пособий. Только с их помощью можно было уверенно ориентироваться в бескрайнем книжном море.

Особый отдел составляли книги, журналы, брошюры, листовки и различные предметы, относившиеся к празднованию 500-летней годовщины со дня рождения Гутенберга. Известный книговед, Торопов был членом юбилейного комитета в городе Майнце и участвовал в празднествах на родине изобретателя книгопечатания. Он подготовил и издал каталог своего собрания предметов, связанных с этим юбилеем.

Торопов по праву гордился своей коллекцией детских иллюстрированных книг. Самостоятельную ценность в его библиотеке имели книги с описанием городов. Среди жемчужин этого книжного собрания выделялась «Древняя Российская вивлиофика», издававшаяся в 1773—1775 гг. Н.И.Новиковым и являвшаяся по существу старейшей отечественной историко-географической энциклопедией.

В общей сложности в библиотеке А.Д.Торопова в 1897 г. насчитывалось до 10 тысяч книг. К 1917 г. она увеличилась до 12 тысяч томов. Органичным дополнением книжного собрания служила коллекция книжной графики: образцы обложек, заставок, виньеток, шрифтов и др. Она хранилась в нескольких десятках папок и насчитывала до 50 тысяч экземпляров. Все папки, в которых находилась эта редчайшая в своем роде коллекция, были собственноручно изготовлены владельцем. И тут весьма пригодились навыки переплетного мастерства, которыми владел Торопов.

Любовь к рукоделию вообще была свойственна Андрею Дмитриевичу. Из множества выпиленных деревянных деталей им была, к примеру, собрана модель знаменитой Эйфелевой башни, возвышавшаяся много лет на его письменном столе.

Кроме книг у него хранилось прекрасное собрание художественных плакатов. Андрей Дмитриевич одним из первых в России стал коллекционировать плакаты и афиши. В его собрании, например, имелась полная подборка высокохудожественных афиш работы французского художника Шерэ, являвшегося основоположником этого жанра.

К числу редких для своего времени относилась и коллекция папиросных коробок и пачек отечественного производства, начиная с первой коробки «Голубка», украшенной женской головкой, и копеечных пачек папирос «Бр. Петровских».

Первоначально собрание располагалось в доме на углу Большой Дмитровки и Камергерского переулка. В этом доме находилось французское акционерное общество «Москворецкое пароходство», при котором жили на казенных квартирах сотрудники, в том числе и Торопов.

В начале 1900-х гг. Андрей Дмитриевич приобрел в деревне Куриловке Подольского уезда Московской губернии небольшой дом и перевез туда собрание. Все свои сокровища ему пришлось разместить на чердаке, так как другого подходящего места в доме не нашлось. И хотя после смерти жены в 1906 г. Андрей Дмитриевич переехал в Петербург, библиотека попрежнему оставалась в Куриловке. В 1917 г. во время революционных событий деревянный дом и находившаяся в нем библиотека сгорели дотла.

Книжная коллекция, которая хранилась в Петербурге, в первые годы после революции была продана собирателю из Америки. У владельца остались лишь некоторые дублетные издания, которые он передал в фонды создававшегося тогда Музея книги при Научно-исследовательском институте книговедения.

В 1926 г. А.Д.Торопов тяжело заболел. Предчувствуя близкую смерть, он весной 1927 г. переехал из Петербурга в Москву, к сестре.

А.Д.Торопов скончался в Москве 10 мая 1927 г. Похоронен на Миусском кладбище.

После смерти собирателя остатки его коллекции и архив поступили в Музей книги при ленинградском Институте книговедения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом деятелей 1-ой Всероссийской выставки печатного дела. — Спб., 1896. — С. 17.

2. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. — М., 1916. — С. 90.

3. Библиографический кружок // Исторический вестник. — 1899. — Февраль. — С. 752—753.

4. Библиографическое общество в Москве // Исторический вестник. — 1900. — Апрель. — С. 372—373.

5. Боднарский Б. А.Д.Торопов и Русское библиографическое общество // Библиографические известия. — 1927. — N 1—4. — С. 7—12.

6. [Боднарский Б.С.]. Андрей Дмитриевич Торопов: Биографический очерк // Библиографические известия. — 1927. — N 1—4. — С. 1—6.

7. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1151.

8. Каталог предметов, относящихся к чествованию 500-летия со дня рождения Иоганна Гутенберга: Собрание А.Д.Торопова. — М., 1900.

9. Куфаев М.Н. Андрей Дмитриевич Торопов // Книжная летопись. — 1927. — N 32. — С. 2177—2184.

10. Макарьевский М. А.Д.Торопов как представитель русской библиографии за границей // Библиографические известия. — 1927. — N 1—4. — С. 35—38.

11. Масанов Ю.И. А.Д.Торопов: 1851—1927: Краткий очерк жизни и деятельности. — М., 1951.

12. Мезьер А.В. Словарный указатель по книговедению. — Л., 1924. — Столб. 56.

13. Очерк деятельности Московского библиографического кружка за первый год его существования (4 окт. 1890 г.—1 дек. 1891 г.). — М., 1892. — С. 15, 17, 22—24, 28, 35—36, 38, 57, 61, 71—72.

14. Параделов М.Я. Адресная книга русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати. — М., 1904. — С. 119.

15. Соловьев А. Из личных воспоминаний об А.Д.Торопове // Библиографические известия. — 1927. — N 1—4. — С. 39—41.

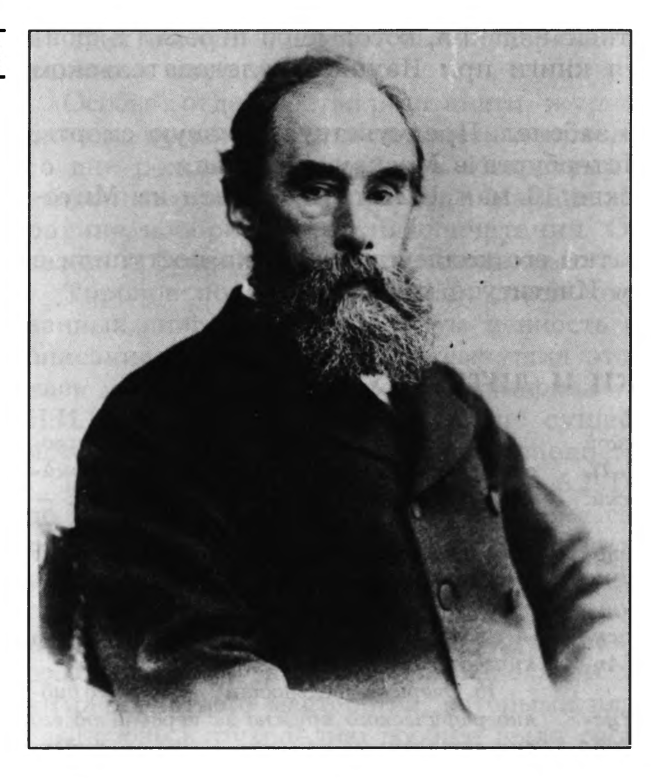
16. Торопов А.Д. Автобиографические заметки // Библиологический сборник. — Пг., 1915. — Т.1, вып.2. — С. 43—44.

17. 35-летие Русского библиографического общества при Московском университете // Библиографические известия. — 1924. — N 1—4.

18. Шилов Ф.Г. Записки старого книжника. — М., 1990. — С. 50—51.

ТРЕТЬЯКОВ Павел Михайлович

(1832—1898)



П.М. Третьяков — купец-предприниматель, меценат, собиратель произведений отечественного изобразительного искусства, основатель общедоступной частной художественной галереи. Брат Сергея Михайловича Третьякова.

Родился в Москве 15 декабря 1832 г. в потомственной купеческой семье. Как и многие люди его круга, получил домашнее образование. По свидетельству В.В.Стасова, «начиная с детства, П.М.Третьяков полюбил гравюры и литографии с историческими и вообще интересными сюжетами и ревностно собирал их, покупая большинство на рынке, в маленьких лавочках» (25, с. 593).

С четырнадцати лет вместе с братом Сергеем занимался торговыми делами: семья владела сначала «лавками с палатками», а затем «магазином полотняных, бумажных, шерстяных товаров, русских и заграничных». Позднее Третьяковы приобрели фабрики в Костромской губернии.

Во время первой поездки в Петербург в 1852 г. Павел Михайлович побывал в столичных театрах, посетил музеи и галереи, которые произвели на него неизгладимое впечатление. «Видел несколько тысяч картин! — с восторгом писал он матери. — Картин великих художников... Рафаэля, Рубенса, Вандерверфа, Пуссена, Мурилла, С.Розы и проч. и проч. Видел несчетное множество статуй и бюстов! Видел сотни столов, ваз, прочих скульптурных вещей из таких камней, о которых я прежде не имел даже и понятия» (3, с.17).

Проявляя интерес к искусству, П.М.Третьяков все охотнее приобретал художественные издания и гравюры. Свои первые покупки он сделал на знаменитых «развалах» у Сухаревой башни. В 1854 г. он купил там первые десять картин, полотна старых голландских мастеров. Однако уже через два года, в 1856 г., он приобретает две жанровые картины русской школы — «Искушение» Н.Г.Шильдера и «Финляндские контрабандисты» В.Г.Худякова. Этим двум произведениям и суждено было лечь в основу выдающегося собрания.

Павел Михайлович с первых шагов собирательской деятельности сосредоточил внимание на произведениях русских живописцев. С самого начала он хотел создать национальную художественную галерею. Нельзя не выразить восхищение тем, что этот грандиозный замысел принадлежал совсем еще молодому человеку и начинающему собирателю: Третьякову в ту пору было всего двадцать восемь лет, а в его коллекции — всего шесть картин русских художников.

Программа создания национальной галереи была сформулирована Третьяковым в завещательном письме в 1860 г. Согласно этому документу, он завещал свой основной капитал на устройство «художественного музеума». «Я... желал бы, — подчеркивал Павел Михайлович, — оставить национальную галерею, т.е. состоящую из картин русских художников» (7, с. 301).

Поставленной однажды цели Третьяков остался верен всю жизнь. «Павел Михайлович видел в этом своего рода миссию, возложенную на него Провидением», — писал собиратель и мемуарист П.А.Бурышкин (4, с.143).

В собрание П.М.Третьякова поступали наиболее ценные и примечательные произведения, в первую очередь — его современников. Свои приобретения он делал на выставках и непосредственно в мастерских художников. «Третьяков собирает картины русских художников чуть ли уже не 30 лет, — писал И.Н.Крамской. — Я знаю его давно и давно убедился, что на Третьякова никто не имеет влияния как в выборе картин, так и в его личных мнениях... Третьяков никогда не посещает мастерские художников в сопровождении лиц, которых можно было бы принять за суфлеров: он всегда один. Манера его держаться в мастерской и на выставках — величайшая скромность и молчаливость. Никто никогда не может сказать вперед, какая картина имеет вероятие быть им купленной» (11, с. 381).

Галерея пополнялась не только отдельными произведениями, но целыми собраниями. Так, Третьяков в 1874 г. приобрел у Верещагина 144 картины и этюда, затем 127 рисунков карандашом. Серию произведений этого художника он приобрел и на аукционе, проходившем в 1880 г. П.М.Третьякову удалось собрать целую галерею этюдов А.А.Иванова, в которую входило более восьмидесяти произведений прославленного мастера. В 1885 г. он приобрел у В.Д.Поленова 102 этюда, выполненных во время путешествия по Турции, Египту, Сирии и Палестине. У В.М.Васнецова Павел Михайлович купил собрание эскизов, сделанных в период работы над росписями киевского собора св. Владимира.

Наиболее полно и лучшими работами в собрании П.М.Третьякова были представлены В.Г.Перов («Сельский крестный ход на Пасхе», «Охотники на привале», «Тройка», «Последний кабак у заставы»), И.Н.Крамской («Неутешное горе», «Христос в пустыне», «Автопортрет», «Полесовщик»), И.Е.Репин («Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван»), В.И.Суриков («Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове»), И.И.Левитан («Осенний день. Сокольники», «Вечер на Волге», «Вечер. Золотой плес», «Владимирка», «Над вечным покоем», «Март»), В.А.Серов («Девушка, освещенная солнцем», «Портрет писателя Н.С.Лескова», «Портрет Н.А.Римского-Корсакова», «Портрет художника И.И.Левитана»).

Позднее, стремясь показать становление и развитие отечественной художественной школы, Павел Михайлович стал приобретать картины русских мастеров XVIII—первой половины XIX в. и памятники древнерусской живописи.

Владелец галереи задумал создать «Русский пантеон» — портретную галерею знаменитых соотечественников. Специально для пантеона П.М.Третьяков заказал ряд портретов деятелей отечественной культуры ведущим мастерам — Н.В.Невреву, Н.Н.Ге, В.Г.Перову, И.Н.Крамскому, И.Е.Репину и др.

На рубеже 1870—1880-х гг. П.М.Третьяков не ограничивался приобретением картин и этюдов. С этого времени в круг его интересов попадают и рисунки русских художников. К 1893 г. в его коллекции их насчитывалось 471.

В 1890-е гг. у Третьякова начинает складываться собрание древнерусской живописи. Именно тогда широко распространяется интерес к иконам как к произведениям искусства. И Павел Михайлович, составляя национальную галерею, не мог не отдать должного древнерусской живописи. Первое крупное приобретение икон он сделал на выставке русской старины при Восьмом археологическом съезде в Москве. Ценные произведения были им куплены, в частности, у известного собирателя-антиквара И.Л.Силина. Однако при жизни владельца иконы не включались в экспозицию, они висели в его кабинете. В общей сложности П.М.Третьяков приобрел 62 иконы.

Тогда же, в 1890-е гг., было положено начало коллекции русской скульптуры.

В 1851 г. П.М.Третьяков поселился в Лаврушинском переулке. Здесь в небольшом двухэтажном особняке, утопавшем в тенистом саду, и возникла галерея. Первые картины размещались в кабинете владельца на первом этаже. В дальнейшем, по мере роста собрания, они стали украшать стены столовой, гостиной, спальни, детских комнат, лестничные пролеты.

Все новые и новые поступления побудили владельца в 1872—1874 гг. сделать к особняку специальную пристройку. В 1882 г. за ней последовала вторая, в 1885 г. — третья, в 1892 г. — четвертая.

«Галерея, — писал ее хозяин В.В.Стасову, — существует с 1874 года. До того картины были в доме, и публика не допускалась; с 1874 г. допускались знакомые, потом и посторонние, но свободно стало возможно посещать только с 1881 года» (26, с. 433).

На первых порах посетителей в музее было немного. «Публика хотя и знает, что галерея существует несколько лет и открыта совершенно так же, как какой-нибудь Румянцевский музей, но все-таки посетителей мало, — отмечал в 1881 г. на страницах журнала «Вестник Европы» писатель П.Д.Боборыкин. — Например, в последний раз, когда я был в галерее и оставался там несколько часов, не вошло ни одного постороннего посетителя, и как раз в самые подходящие часы, т.е. от двенадцати до четырех. Может быть, тут много значит расстояние, местность, где находится дом хозяина. Замоскворечье и в Москве считают пригородом. Жители самого Замоскворечья не интересуются искусством. Ездят смотреть из дворянских улиц дамы и девицы. Но те большей частью, если и слышали о том,

что существует такая третьяковская галерея, то не знают даже, где она находится» (17, с. 383).

Впрочем, так продолжалось недолго: в 1885 г. в залах галереи побывало уже около тридцати тысяч человек.

«Иногда в галерее, — вспоминал художник М.В.Нестеров, — появлялся высокий, сухощавый человек, он подходил то к одной, то к другой картине, пристально, любовно всматривался в них, вынимая из сюртука платок, свертывал его «комочком», бережно стирал замеченную на картине пыль, шел дальше, говорил что-то двум служителям, бывшим при галерее, и незаметно уходил. Мы знали, что это был сам Павел Михайлович Третьяков» (15, с. 433—434).

В 1892 г. скончался младший брат Третьякова, Сергей Михайлович. Он тоже был коллекционером; собирал произведения западноевропейской живописи. В своем завещании С.М.Третьяков передавал все права на коллекции брату. Так в Третьяковской галерее появилось два зала западной школы.

По значимости своего собрания галерея вошла в один ряд с крупнейшими музеями России того времени. Она стала одной из главных достопримечательностей Москвы. Побывать в ней почитали за честь не только русские люди, но и многие иностранцы, начиная от государей и принцев до простых путешественников, разносивших славу о музее по всей Европе.

В августе 1892 г. Павел Михайлович передал свою художественную галерею в дар Москве. В собрании к этому времени насчитывалось 1287 живописных и 518 графических произведений русской школы, 75 картин и 8 рисунков европейской школы, 15 скульптур и коллекция икон.

«Желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусств в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, — писал Третьяков в Московскую городскую думу, — ныне же приношу в дар... всю мою картинную галерею со всеми художественными произведениями» (8, с. 304).

15 августа 1893 г. состоялось официальное открытие музея под названием «Московская городская галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых».

Передав галерею родному городу, сделав ее достоянием всей России, Павел Михайлович по-прежнему продолжал пополнять ее собрание. Ежегодно он дарил галерее десятки картин, рисунков, этюдов. Например, в первый год он пополнил собрание тридцатью картинами, двенадцатью рисунками и мраморной статуей М.М.Антокольского «Христианская мученица».

Немало времени и сил отдавал Третьяков изучению коллекции созданной им галереи. Результатом этой работы стали каталоги, издававшиеся с 1893 г.

«При всей своей чрезвычайной простоте, скромности и сдержанности, — отмечал журналист Н.Полевой, — Павел Михайлович несомненно носил в своем сердце сознание того, что он делает хорошее, важное и нужное дело; он несомненно гордился своею чудною галереею, собранною трудом всей его жизни, по его замыслу и почину, по плану, который ему одному был известен... Он сознавал, что его милое детище, выношенное и

выхоленное в его сердце, должно и в потомстве остаться его личною собственностью — плодом его личного творчества. Передавая городу свою галерею в вечное владение, он пожелал, чтобы никакие новые приобретения не были вносимы в состав того, что было им собрано, а вешались бы отдельно, не нарушая цельности и гармонии собранного им сокровища. Он как бы хотел этим сказать: «Возьмите и владейте всем, что я собрал и создал; но оставьте же на всем собранном печать моего личного труда, личной моей мысли и творчества!» (23, с. 950).

П.М.Третьяков скончался в Москве 4 декабря 1898 г.; погребен на Даниловском кладбище. В 1948 г. его прах перенесен на Новодевичье кладбище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова В.И. Государственная Третьяковская галерея. — М., 1968.

2. Безрукова Д. Третьяков и история создания его галереи. — М., 1970.

3. Боткина А.П. П.М.Третьяков в жизни и искусстве. — М., 1993.

4. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 141—144.

5. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX века (до 1917 года) — М., 1984.

6. Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории: 1856—1917. — Л.-М., 1981.

7. Завещательное письмо П.М.Третьякова // Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории: 1856—1917. — Л.-М., 1981. — С. 301—303.

8. Заявление П.М.Третьякова в Московскую городскую думу // Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории: 1856—1917. — Л.-М., 1981.

9. Зилоти В.П. В доме Третьякова. — М., 1992.

10. Каталог библиотеки П.М.Третьякова. — М., 1905.

11. Крамской И.Н. Письма. Статьи. — М., 1966. — Т.2. — С. 381—382.

12. Мудрогель Н.А. Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее. — Л., 1962.

13. Ненарокомова И.С. Павел Третьяков и его галерея. — М., 1994.

14. Ненарокомова И.С. П.М.Третьяков и И.В.Цветаев // Панорама искусств. — М., 1986. — Вып. 9. — С. 259—271.

15. Нестеров М.В. Давние дни: Воспоминания. Очерки. Письма. — Уфа, 1986.

16. Новицкий А.П. Краткий исторический обзор картинной галереи П.М.Третьякова. — М., 1893.

17. П.Б. [Боборыкин П.Д.]. Письма о Москве: Письмо третье // Вестник Европы. — 1881. — Т. IV. — N 7. — С. — 377—386.

18. Переписка В.В.Верещагина и П.М.Третьякова: 1874—1898. — М., 1963.

19. Переписка И.Н.Крамского: И.Н.Крамской и П.М.Третьяков:1869—1887. — М., 1953.

20. Переписка П.М.Третьякова и В.В.Стасова: 1874—1897. — М.-Л., 1949.

21. Письма художников П.М.Третьякову: 1856—1869. — М., 1960.

22. Письма художников П.М.Третьякову: 1870—1879. — М., 1968.

23. Полевой Н. Памяти П.М.Третьякова // Исторический вестник. — 1899. — Март. — С. 945—950.

24. Репин И.Е. Переписка с Третьяковым: 1873—1898. — М.-Л., 1946.

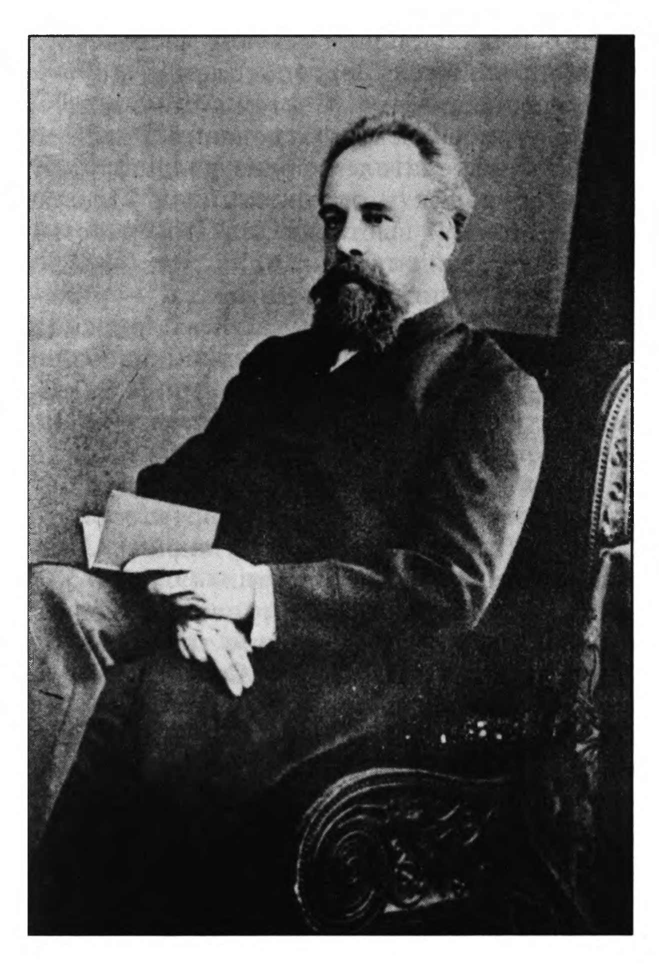
25. Стасов В.В. Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. — 1893. — Декабрь. — С. 569—608.

26. Третьяков П.М. Письмо В.В.Стасову от 11 декабря 1893 г. // В.В.Стасов. Статьи и заметки, не вошедшие в собрание сочинений. — М., 1954. — Т. 2. — С. 432—434.

27. Шумов П.С. Из воспоминаний о П.М.Третьякове. — М., 1899.

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Михайлович

(1834—1892)



С.М. Третьяков — купец-предприниматель, общественный деятель, меценат, собиратель западноевропейской живописи. Брат Павла Михайловича Третьякова.

Родился 19 января 1834 г. в Москве; принадлежал к старому купеческому роду. Отец Михаил Захарович Третьяков дал и старшему сыну Павлу, и младшему Сергею хорошее домашнее образование. Вместе с тем, в семье с ранних лет приучали детей к труду. Оба брата начинали «мальчиками» в лавке отца.

В 1850 г. скончался глава семьи. Торговые дела вела до 1859 г. его вдова, Александра Даниловна. В январе 1860 г. братья Третьяковы открыли на Ильинке лавку по продаже русских и иностранных полотняных, бумажных и шерстяных товаров: в Москве появилась новая торговая фирма «П. и С. Третьяковы и В.Коншин». Возглавил фирму Павел Третьяков. Сергей стал заниматься организацией оптового сбыта товаров и торговыми операциями с зарубежными партнерами. В.Коншин (муж их сестры Елизаветы) вел торговлю в самом магазине. Почти до 1889 г. С.М.Третьяков занимался делами семейного предприятия.

Подобно брату, Сергей Михайлович принимал активное участие в общественной жизни родного города. Его дважды избирали городским головой (1877—1881). «Умный, культурно-образованный, — писал о нем как о городском голове губернатор Москвы В.М.Голицын, — обладавший прекрасным, но очень твердым характером, он умел как нельзя лучше покорять сердца, одушевлять своих сотрудников и сотоварищей, внушать им любовь и преданность делу, которое сам он безгранично любил и которое знал до мельчайших подробностей» (3, с. 147).

Сергей Михайлович был известен в Москве как благотворитель. Им пожертвованы крупные суммы на детские приюты, больницы, училища. Он выкупил для города из казны Сокольничью рощу. В 1870—1871 гг. Сергей и Павел Третьяковы устроили проезд между улицей Никольской и Театральным проездом, который получил наименование Третьяковского.

Художественные интересы С.М.Третьякова развились под влиянием старшего брата. В юности он больше увлекался музыкой, брал уроки пения. Но постепенно интерес к изобразительному искусству стал играть большую роль в его жизни. Он был деятельным членом московского Общества любителей художеств (состоял его председателем в 1890—1892 гг.), Московского художественного общества. Сергей Михайлович, кроме того, принимал участие в работе московского отделения Русского музыкального общества и состоял его председателем более двадцати лет — с 1869-го по 1889 г. В 1881 г. участвовал в организации в Москве Всероссийской промышленно-художественной выставки. На его средства в 1881—1887 гг. издавался «Художественный журнал».

Сергей Михайлович стал — не без влияния старшего брата — увлеченным коллекционером. Первоначально он покупал картины русских художников. «Не только произведения иностранных художников были собраны в особняке С.М.Третьякова, — писал о его коллекции И.Э.Грабарь. — Здесь висело немало замечательных русских картин из числа тех, которые ныне составляют украшение Третьяковской галереи. Здесь были два лучших пейзажа Александра Иванова — «В парке виллы «Дориа» и «Вид из Помпеи на Кастелламаре», один из видов Сорренто Сильвестра Щедрина, «Птицелов» Перова, «Украинская ночь» Куинджи, «Лунная ночь» Крамского, «Бабушкин сад» Поленова и много других» (9, с. X—XI).

Третьяков приобрел картины А.П.Боголюбова «Ипатьевский монастырь близ Костромы» и «Летняя ночь на Неве у взморья», три картины В.В.Верещагина — «Повозка в Дели», «Гробница шейха Селима Чишти в Фатехпур-Сихри», «Факир Бомбейской провинции», Ф.А.Васильева — «В крымских горах», К.Ф.Гунна «Попался!». Все эти полотна были куплены собирателем у авторов по совету П.М.Третьякова.

В коллекции С.М.Третьякова с 1875 г. находился портрет Н.Г.Рубинштейна, выполненный В.Г.Перовым. Рубинштейн был другом детства братьев Третьяковых, и дружба их поддерживалась до самой смерти композитора.

В собрание С.М.Третьякова входило и несколько скульптур русских мастеров: «Христос и Иван Грозный» М.М.Антокольского, «Кобыла с жеребенком» П.К.Клодта, «Мальчик с обезьяной» Н.А.Лаверецкого, «Мальчик в бане» С.И.Иванова, «Достоевский» Л.А.Бернштама.

Войдя во вкус в приобретении картин, Сергей Михайлович остановил свой выбор на современной европейской живописи. Такое решение было вызвано стремлением не составлять конкуренции брату. «Он любил живопись страстно, — писал Павел Михайлович Репину, — и если собирал не русскую, то потому, что я ее собирал, зато он оставил капитал для приобретения только русских художественных произведений» (16, с. 165).

Благоприятствовали такому выбору и поездки Сергея Михайловича за границу по делам семейного предприятия. Чаще всего он бывал во Франции, где и приобрел многие полотна для личной коллекции. Порой при покупке картин он прибегал к советам И.С.Тургенева и А.П.Боголюбова, близко знавших художественный мир Парижа.

Свою собирательскую деятельность Сергей Михайлович начал в первой половине 1870-х гг. Начало собранию положили картины французских художников. Впоследствии он приобретал и произведения других школ. Немецкую живопись представляли в его коллекции А.Менцель, О.Ахенбах, Л.Кнаус, голландскую — Израэльс, Альма Тадем, испанскую — Фортуни, Тускес. «Тонкий, разносторонний и последовательный вкус Сергея Михайловича, — отмечал Грабарь, — тщательно и неспешно выискивал на западном художественном рынке высокие образцы иностранного искусства минувшего века, и таким образом была создана коллекция, которая среди русских собраний подобного рода стоит на первом месте» (9, с. 283).

Ядро коллекции составляли картины французских художников 1840—1880-х гг. Самыми ранними по времени создания были в этом собрании картины Ж.Л.Давида («Портрет Энгра») и Э.Делакруа («Потерпевшие кораблекрушение»). Великолепно, лучшими своими произведениями были представлены барбизонцы: от их предтечи К.Коро («Купание Дианы») до Т.Руссо, Ш.Ф.Добиньи, Ж.Депрена, К.Тройона, Диаса де ля Пеньи. Были в собрании Сергея Михайловича и работы Г.Курбе («Море у берегов Нормандии»), Ж.Бастьен-Лепажа («Деревенская любовь»), а также полотна Мейссонье, Лоранса, Кабанеля, Бонна, Данья-Бувре.

«Особенно драгоценна та часть собрания, — писал Грабарь, — где представлены мастера так называемой барбизонской школы и над составлением которой Сергей Михайлович трудился с исключительной разборчивостью и любовью. Картины Милле, Руссо, Коро, Диаза, Добиньи блестяще развертывают перед зрителем в собрании Сергея Михайловича одну из гениальных страниц новейшей живописи, и мимо этих полотен не может пройти ни один историк искусства, изучающий творчество «барбизонцев» (9, с. 283).

В общей сложности в коллекции насчитывалось 84 полотна западноевропейских художников.

Первоначально Сергей Михайлович жил вместе с братом в Лаврушинском переулке, в доме, который они приобрели в 1851 г. Женившись, он переехал на Мясницкую, а в 1871 г. приобрел старинный особняк на Пречистенском бульваре. По проекту А.С.Каминского дом был перестроен. Именно в этом особняке и размещалась с самого начала его художественная коллекция.

Дом С.М.Третьякова привлекал представителей московской художественной интеллигенции. Здесь любили бывать художники и музыканты. В числе именитых гостей тут принимали П.И.Чайковского, Н.Г.Рубинштейна, И.Е.Репина. «Редкий художник, — отмечалось в предисловии к «Каталогу художественных произведений Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых», — не бывал в его особняке на Пречистенском буль-

варе и не любовался замечательным собранием картин иностранных художников, главным образом французских мастеров XIX века» (9, с. X).

Однако для публики собрание было почти недоступно, так как Сергей Михайлович подолгу бывал за границей, а с 1889 г. стал жить в Петербурге. В 1892 г. он решил продать особняк и намеревался перевезти свою коллекцию в Петербург. Внезапная смерть помешала этим планам.

Произведения из собственного собрания С.М.Третьяков неоднократно экспонировал на многочисленных выставках, причем преимущественно за рубежом. Таким образом его собрание получило европейскую известность.

С.М.Третьяков скончался 25 июля 1892 г. в Петергофе. 29 июля его тело было привезено в Москву и погребено на Даниловском кладбище.

Согласно завещанию, вся коллекция Сергея Михайловича перешла в распоряжение Павла Михайловича Третьякова. По описи, составленной сразу же после смерти собирателя, в его доме значилось 75 картин западноевропейских художников, восемь рисунков, пять танагрских статуэток, а также несколько картин и скульптур русской школы. Коллекция была перевезена в Лаврушинский переулок и первоначально размещалась в одном из залов, а в 1898 г. была выставлена в двух специально для нее пристроенных залах. Причем первый зал носил мемориальный характер. В нем висел портрет С.М.Третьякова, написанный В.А.Серовым по просьбе Павла Михайловича. Здесь же экспонировались вещи из кабинета Сергея Михайловича: мебель, письменный стол, гобелены, настольная лампа, серебряные часы.

Во втором зале самое почетное место было отведено последнему приобретению Сергея Михайловича, жемчужине его коллекции, полотну К.Коро «Купание в лесу».

В 1925 г. картины западной школы, некогда принадлежавшие С.М.Третьякову, перешли в Музей изящных искусств (ныне их насчитывается здесь более сорока). Несколько картин оказалось в Эрмитаже. С тех пор не стало мемориального кабинета в Третьяковской галерее.

Особняк на Пречистенке перешел по наследству сыну собирателя — Николаю Сергеевичу, а после его смерти в 1896 г. стал собственностью П.П.Рябушинского, брата известных московских коллекционеров. Здание это сохранилось (ныне Гоголевский бульвар, д. 6).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова В.И. Государственная Третьяковская галерея. — М., 1968.

2. Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. — М., 1993.

3. Голицын В.М. Москва в семидесятых годах // Голос минувшего. — 1919. — N 5—12. — С. 111—162.

4. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX в. (до 1917 г.). — М., 1984. — С. 5—6, 42—43, 78, 98, 100, 136, 141, 159, 181, 185, 233, 241, 278, 300, 307, 346, 355, 360, 383, 428, 468, 488.

5. Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории: 1856—1917. — Л.-М., 1981.

6. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина: Каталог картинной галереи: Живопись. Скульптура. Миниатюра. — М., 1986. — С. 7.

7. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 351—352.

8. Зилоти В.П. В доме Третьякова. — М., 1992.

9. Каталог художественных произведений Городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. — М., 1917.

10. Кашкин Н.Д. Московское отделение Императорского Русского музыкального общества: Очерк деятельности за пятидесятилетие: 1860—1910. — М., 1910. — С. 56.

11. Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. — М., 1905. — Т.2. — С. 35.

12. Ненарокомова И.С. Павел Третьяков и его галерея. — М., 1994.

13. Ненарокомова И.С. Хозяин особняка на Пречистенском бульваре // Панорама искусств. — М., 1989. — Вып. 12. — С. 353—372.

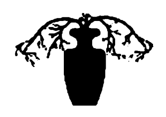
14. Огарева Н.В. Летопись жизни и деятельности художника А.П.Боголюбова. — Саратов, 1988. — С. 77—79, 84, 93, 108, 110, 128, 144.

15. Переписка П.М.Третьякова и В.В.Стасова: 1874—1897. — М.-Л., 1949. — С. 170.

16. Письма И.Е.Репина: Переписка с П.М.Третьяковым. — М.-Л., 1946. — С. 165.

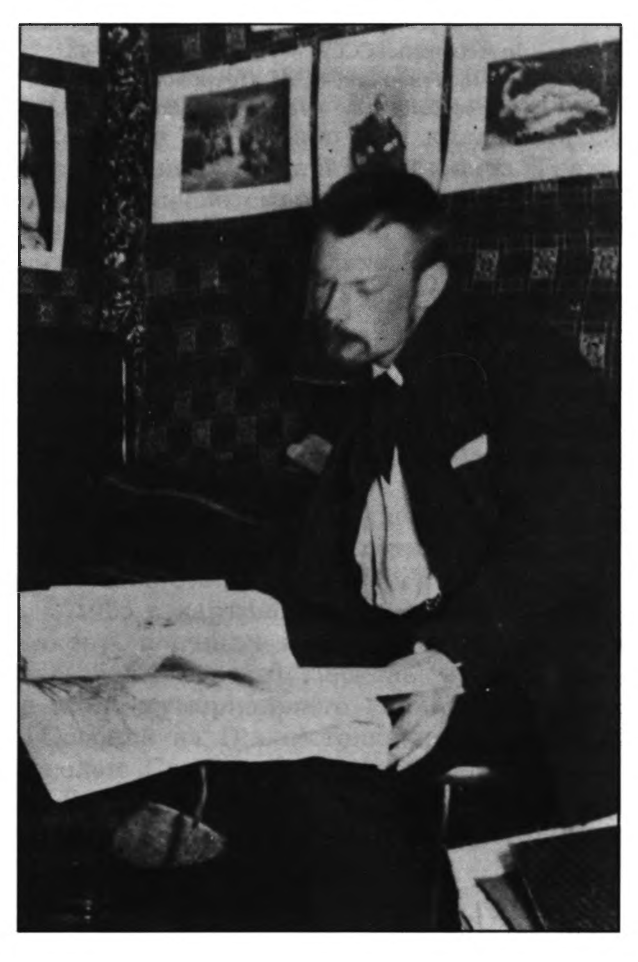
17. Третьяков С.М. // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 47—48.

18. Третьяков С.М. Некролог // Биржевые ведомости. — 1892. — 31 июля.



ТРОЯНОВСКИЙ Иван Иванович

(1855—1928)



И.И. Трояновский — врач, собиратель картин русских художников.

После окончания Московского университета И.И.Трояновский около полувека работал врачом-терапевтом в различных учреждениях: в Яузской больнице, на конной железной дороге, а после 1917 г. — в трамвайных парках Москвы.

Иван Иванович всю жизнь увлекался изобразительным искусством, был лично знаком со многими известными русскими художниками и писателями: В.А.Серовым, И.С.Остроуховым, К.А.Коровиным, И.И.Левитаном, К.А.Сомовым, В.И.Суриковым, В.Д.Поленовым, М.В.Нестеровым, И.Э.Грабарем, А.П.Чеховым, А.В.Амфитеатровым, В.Я.Брюсовым. У него лечились В.А.Серов, И.И.Левитан. Исаак Ильич Левитан умер у него на руках.

В 1890-е гг. И.И.Трояновский стал членом Московского товарищества художников, регулярно проводившего выставки живописи и скульптуры.

В 1907 г. И.И.Трояновский вместе с В.Я.Брюсовым, В.В.Переплетчиковым, А.Н.Скрябиным и В.О.Гиршманом стал основателем в Москве общества «Свободная эстетика». Он входил в Художественную комиссию этого общества, которая занималась устройством выставок, в том числе выставок картин из частных собраний.

«Иван Иванович Трояновский, — вспоминал Андрей Белый, — душа комитета, незабываем; ему было лет пятьдесят, а он как ребенок носился с каждым достижением Ларионова, Кузнецова, Судейкина; друг Грабаря, ценитель «Мира искусства», перенесший симпатии на группу тогдашних буянов искусства, — он был моде чужд» (2, с. 201).

Известно увлечение Трояновского творчеством художников объединения «Голубая роза»: М.С.Сарьяна, П.В.Кузнецова, С.Ю.Судейкина,

К.С.Петрова-Водкина, Н.Н.Сапунова. «В искусстве Трояновского всегда тянуло к передовым течениям, за исключением, впрочем, музыки: в ней, не знаю как впоследствии, но в пору нашей близости был он итальяноманом и чайковцем, — вспоминал А.В.Амфитеатров. — В театре — с «художественниками», в общем эстетизме — с Брюсовым, в живописи — с Рерихом, Сомовым, Бенуа, Сарьяном, Крымовым» (1).

«Вообще он, — говорилось в статье о Трояновском в 1910 г., — является в художественных кругах «своим человеком» (13).

После 1917 г. И.И.Трояновский вошел в состав Московского союза деятелей художественных хранилищ.

Начало личной художественной коллекции И.И.Трояновского было положено в 1880-е годы. «Отец, — вспоминала дочь собирателя, А.И.Трояновская, — интересовался живописью и собрал ценную коллекцию. Под влиянием дружбы с В.Д.Поленовым он стал собирать произведения Поленова, Левитана и Серова» (17, с. 187). В 1881 г. Иван Иванович приобрел этюд В.Д.Поленова к картине «Больная». Позже Василий Дмитриевич подарил врачу-коллекционеру авторское повторение картины «Московский дворик», В.А.Серов — картину «Стригуны на водопое».

Во время болезни И.И.Левитана И.И.Трояновский днями и ночами не отходил от больного, стремясь облегчить его страдания. В знак признательности за помощь и сочувствие Исаак Ильич подарил Трояновскому этюд «Весенний ручей» с дарственной надписью: «Милому, хорошему И.И.Трояновскому на добрую память. И.Левитан. 95 г.» (15, с. 4), а его дочери Анне — этюд с изображением цветущих вишен с собственноручно выведенными словами: «Милой Анюрке — ...И.Левитан. 1896» (15, с. 4).

«Трояновский, — писал И.Э.Грабарь в письме к брату, В.Э.Грабарю, в январе 1904 г., — покупал у меня за 200 р. этюд, который я успел уже написать, но я не смог с этого человека взять денег и подарил его ему. Как-то грешно с таких брать. Сам зарабатывает практикой, отказывает себе во всем (это я знаю), только чтобы иметь возможность купить что-нибудь» (7, с. 147). И.Э.Грабарь подарил собирателю этюды «Зимний вечер» и «Сентябрь», экспонировавшиеся на выставке «Союза русских художников».

К 1910 г. в собрании Трояновского насчитывалось уже свыше двухсот картин. Иван Иванович выдвинулся в число крупнейших московских собирателей. «Издавний интерес москвичей к изобразительному искусству, утвержденный и освященный превосходными коллекциями И.С. Остроухова, И.Е.Цветкова, не говоря уже о Третьяковской галерее, подкреплялся, ширился и углублялся быстро растущими собраниями Морозовых, Щукиных, Рябушинских, Гиршмана, Е.П.Носовой, врачей И.И.Трояновского и С.С.Боткина», — писал, характеризуя 1900-е гг., В.М.Лобанов (12, с. 56).

«И.И. не историк-коллекционер, — сообщалось о его собрании в литературно-художественном журнале «Кривое зеркало», — он никогда не гнался, составляя свою галерею, за модными именами. А собирал (между прочим, исключительно произведения русских художников) только то, что соответствовало его художественным вкусам и эстетическим запросам, покупал картины только тех художников, которые были близки ему по душевным настроениям и эстетическим переживаниям. И.И.Трояновс-

кий считает себя свободным от узкой художественной кружковщины, а потому одинаково любовно относится к достойным работам «стариков» и молодым ярким исканиям наших дней. Необходимое и единственное условие — талантливость. В собрании И.И.Трояновского поэтому русское художественное творчество представлено крайне разнообразно. Взято везде лучшее» (13).

Лучше всего у Трояновского был представлен Левитан: шестнадцать картин и этюдов этого крупного мастера отечественного искусства украшали его собрание. Среди живописных произведений современники отмечали картины «На Севере», «Заросший пруд», «Весна в Крыму», «Владимирка», «Плоты», среди левитановских этюдов — «Березовую аллею осенью», «Монблан», «Вишневый сад».

Столько же работ В.Д.Поленова находилось в коллекции И.И.Трояновского. Подаренное ему авторское повторение «Московского дворика» висело на самом почетном месте в домашней галерее.

К.А.Сомов был представлен серией из пяти работ, выполненных в его излюбленной манере неоромантического ретроспективного жанра на сюжеты XVIII в. — «Прогулка», «Фейерверк», «Последняя кукла», «Календарь», «Влюбленная». Два сомовских пейзажа — «Сад в Версале» и «Весна» — входили в собрание Трояновского. Но, бесспорно, самым ценным произведением этого мастера был портрет Михаила Алексеевича Кузмина. Написанный в 1909 г., он почти сразу из мастерской художника перешел в коллекцию Трояновского.

В собрании Трояновского были представлены почти все художники, работавшие в конце XIX—начале XX в.: В.А.Серов («Стригуны на водопое», «Петр I в Монплезире»), В.Э.Борисов-Мусатов («Венки васильков»), И.Е.Репин (эскиз к картине «Запорожцы»), П.В.Кузнецов («Голубой фонтан»), Е.Е.Лансере («Ботик Петра I»), Н.А.Тархов («За завтраком»), М.А.Врубель (акварельные эскизы к декорациям для оперных постановок и серия работ, выполненных во время путешествия в Италию), А.Я.Головин («Осень»), И.Э.Грабарь («Сугробы»), А.Н.Бенуа (рисунок игрушки из коллекции художника), К.А.Коровин (серия северных пейзажей), И.С.Остроухов (пейзажи), Н.Д.Милиоти («Ангел печали»).

Владелец гордился картиной Андрея Петровича Рябушкина «Чаепитие», считавшейся одной из лучших среди жанровых произведений известного мастера.

«Мы не перечислили всего, имеющегося в прекрасном собрании И.И.Трояновского. Оно не поражает количеством, но зато захватывает красотой своей, «внутренней подобранностью», единством художественного настроения собирателя», — заключает автор журнальной публикации, посвященной коллекции врача (13).

И.И.Трояновский жил сначала в небольшом домике на стрелке между Большой и Малой Молчановкой, затем в 1903—1910 гг. у Арбатской площади в Филипповском переулке в доме Шилова и в Скатертном переулке в доме Лукиной (д. 11). Здесь и располагалась его коллекция.

Дом Трояновского был хорошо известен в кругах московской интеллигенции начала XX в. Особенно охотно приходили сюда художники. С хозяйкой этого дома, женой Ивана Ивановича, пианисткой Анной Петров-

ной (урожденной Обнинской), дружил В.А.Серов, в теплых отношениях был И.И.Левитан.

«Мать моя, Анна Петровна, — писала Анна Ивановна Трояновская, — была прекрасной пианисткой, отец пел, Левитан же страстно любил музыку. Яркие, мажорные мелодии не привлекали его внимание; нравились ему очень напевы задумчивые, минорные. Помню, например, с каким вниманием и наслаждением слушал он романс Грига «Как солнца луч». И вообще он Грига очень любил.

Мне кажется, что дом моих родителей привлекал Левитана также своим семейным уютом. Перед моими глазами стоит наша скромная гостиная с ее мягкой мебелью, обитой пестреньким кретоном. Там у одного окна находилось любимое круглое кресло Левитана. В нем Исаак Ильич иногда просиживал в сумерках целые часы, тихий и задумчивый» (17, с. 187). В 1900-е гг., приезжая в Москву, у Трояновского неоднократно останавливался и подолгу гостил И.Э.Грабарь.

В летнее время И.И.Трояновский с семьей жил на даче «Бугры» в окрестностях Малоярославца, близ станции Обнинское. Здесь у него в конце 1890-х—начале 1900-х гг. бывал И.И.Левитан.

В 1917 г. И.И.Трояновский передал свое собрание на хранение в Третьяковскую галерею. В числе других его картины были экспонированы на временной выставке из частных собраний. В том же году часть из них поступила в фонды этого музея. В 1918 г. И.И.Трояновскому была выдана от лица Музейно-бытовой комиссии Наркомата имуществ охранная грамота на коллекцию новой русской живописи. В ней тогда было 128 картин.

В 1928 г. две работы В.Д.Поленова — «Больная» и «Московский дворик» — коллекционер передал Русскому музею.

И.И.Трояновский умер 21 ноября 1928 г. в Москве.

После смерти коллекционера его собрание перешло дочери, А.И.Трояновской. Впоследствии часть собрания приобретена Третьяковской галереей. Некоторые картины поступили в другие художественные музеи, в том числе в Пермскую государственную художественную галерею, Закарпатскую областную картинную галерею (Ужгород).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Амфитеатров А.В. Меценат-эстет // Сегодня (Рига). — 1931. — 28 мая. — N 146.

2. Андрей Белый. Между двух революций. — М., 1990. — С. 195, 197, 201—202, 204—206, 209, 219, 438, 505—506.

3. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.1. — С. 220, 418, 429, 433, 463, 485—487, 534; Т.2. — С. 60, 74, 321—322, 331, 334, 341, 343, 419—420, 424, 545—546.

4. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1989. — Т.1. — С. 256, 258, 303, 430, 445; Т. 2. — С. 111, 113, 144—145, 166—167, 187, 220, 224, 257—258, 263—264, 286—287, 295, 354, 366—368.

5. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX века. — М., 1984. — С. 49, 239, 250, 262, 264, 429, 431, 441, 460, 527.

6. Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомонография. — М.-Л., 1937. — С. 195—196, 337.

7. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 147, 153, 159—160, 226, 228, 231, 284—285, 294, 326, 364, 369, 393, 448.

8. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977. — С. 39, 61, 63, 84, 244, 296, 301, 329, 346.

9. Грабарь И.Э. Серов-рисовальщик. — М., 1961. — С. 27.

10. Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 годах. — М., 1985. — С. 55.

11. Левитан И.И. Письма. Документы. Воспоминания. — М., 1956. — С. 102, 187—188, 259, 262, 265, 277, 301, 311—312.

12. Лобанов В.М. Кануны: Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. — М., 1968. — С. 56, 146.

13. С.Р. Собрание картин И.И.Трояновского // Кривое зеркало. — 1910. — 3 октября. — N 40. — С.2.

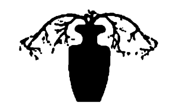
14. Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Золотой век художественных объединений в России и СССР: 1820—1932: Справочник. — Пб., 1992. — С. 133.

15. Соловьев Г. Коллекция врача И.И.Трояновского // Медицинский работник. — 1952. — 10 января. — N 3. — С. 4.

16. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. — М., 1979. — С. 139, 529, 541.

17. Трояновская А.И. Мои воспоминания о Левитане // Левитан И.И. Письма. Документы. Воспоминания. — М., 1956. — С. 187—188.

18. Художественные произведения московских частных собраний, выставленные временно в Третьяковской галерее: Каталог. — М., 1918.



ТЮРИН Евграф Дмитриевич (1796 (?)—1875)

Е.Д. Тюрин — архитектор, собиратель картин русской и западноевропейской школ, основатель публичной картинной галереи.

Тринадцатилетним мальчиком Евграф Тюрин был отдан в архитектурную школу при Экспедиции Кремлевских строений (впоследствии — Московское дворцовое (Кремлевское) архитектурное училище). Окончив ее в 1813 г., состоял архитектором Московской дворцовой конторы. Выйдя в 1868 г. в отставку, переехал в Тулу, где жил до конца своих дней.

В 1817—1827 гг. Евграф Дмитриевич принимал участие в перестройке дворцового комплекса подмосковной усадьбы Архангельское, принадлежавшей известному коллекционеру князю Н.Б.Юсупову. По проекту Тюрина в усадьбе был воздвигнут храм св. Екатерины, и при его участии построено здание крепостного театра. Им возведены парковые павильоны в Кузьминках и Царицыне, Александровский дворец в Коломенском. В 1830—1831 гг. Тюрин участвовал в перестройке ансамбля Нескучного дворца: здесь по его проектам были сооружены манеж и въездные ворота. Особенно удачно, по мнению специалистов, выполнил Тюрин в 1833—1836 гг. реконструкцию здания Московского университета. Перестроив левый флигель под библиотеку, а правый — под церковь св. Татианы, он органично объединил их с уже существовавшими постройками.

Самая знаменитая постройка Е.Д.Тюрина в Москве — Богоявленский собор, что в Елохове, возведенный в 1837—1845 гг.

В Москве Евграф Дмитриевич был известен и как коллекционер. Картины он начал собирать в конце 1810-х—начале 1820-х гг. Возможно, интерес к коллекционированию возник у него под впечатлением от собрания в усадьбе Архангельское, купленной Юсуповым специально для размещения одной из крупнейших частных коллекций России того времени. Все свои приобретения Е.Д.Тюрин делал на скромное жалованье архитектора, притом совершал покупки только в Москве. К 1835 г. он имел неплохое собрание, а к 1850 г. владел уже довольно обширной коллекцией, включавшей более четырехсот «оригинальных картин всех известных школ Европы».

Один из современников писал о коллекции Тюрина: «Ознакомившись, при руководстве внимательного хозяина, с его прекрасною коллекциею, мы полюбопытствовали знать, где и как могла быть она собрана. К крайнему нашему удивлению оказалось, что вся она составилась внутри России и весьма умеренными средствами одного человека! Мы удивились и в то же время много порадовались. При самой горячей любви к искусству как много надобно иметь предприимчивости, знания дела, уменья взяться за него, постоянства, терпения, сноровки, чтобы с малыми средствами и не выезжая из России сделать хотя бы и в 30 лет такое собрание!» (6, с. 10).

Сохранился каталог картин Е.Д.Тюрина. Из него видно, что в этом собрании были представлены полотна преимущественно итальянской

(Корреджо, Перуджино, А. дель Сарто, Доминикино, Альбани, Маратто, П. де Картони, Каналетто), фламандской (Рубенс, Иорданс, Ван Дейк), немецкой (А.Дюрер, Гольбейн), французской (Миньяр, Лесюер), испанской (Веласкес) школ.

По мнению владельца, одним из наиболее ценных произведений его коллекции был эскиз Рафаэля Урбино. Современники называли также копию с полотна Рафаэля «Преображение» (считалось, что это авторская копия), картину ученика Рубенса Иорданса «Бегство в Египет» (предполагалось, что женскую фигуру написал Рубенс, изобразив при этом свою жену), выделяли также картину с изображением Мадонны кисти Маратто. «Сам К.П.Брюллов, — отмечалось в одной из статей того времени, — много любовался этою картиною и указывал на нее как на образец подражания» (6, с. 9).

В коллекции Е.Д.Тюрина находились и исторические полотна, и пейзажи, и жанровые сцены, и картины на мифологические сюжеты. По мнению современников, в галерее лучше всего были представлены портреты. Они принадлежали кисти таких известных художников, как Веласкес, Гольбейн, Тинторетто, Миньяр.

На некоторых картинах из коллекции Тюрина стояли монограммы художников. Среди подписных работ были картины «Страшный суд» Адама Эльсхеймера, «Цветы» Питера Боля, «Сцена на рынке» Жиля Мостарта, «Козел в лесу» Гисберта Гондекутера, «Охота на оленей» Браша, «Святое семейство» Марселлиса, «Нимфа» Соламиносси. По поводу этих произведений Е.Д.Тюрин вел переписку с помощником директора Эрмитажа Б.В.Кене.

Русская школа в собрании Тюрина была представлена полотнами выдающихся живописцев: Ф.С.Рокотова, В.Л.Боровиковского, К.П.Брюллова, В.А.Тропинина.

«Предоставляя знатокам подробную и более точную оценку, — сообщалось в одной из газетных публикаций, — мы, впрочем, на основании приведенных выше данных, берем на себя смелость утверждать, что коллекция г.Тюрина, при своих необширных размерах, довольно разнообразна, что в ней есть вещи действительно весьма замечательные и что вообще она вполне заслуживала бы публичности» (6, с. 10).

Автор заметки в заключение писал: «Намерение владельца коллекции, как мы слышали от него лично, состоит в том, чтобы, если представится возможность, передать свою коллекцию целому Московскому обществу и сделать ее навсегда публичною для Москвы» (6, с. 10).

С самого начала собирательской деятельности Тюрин мечтал о создании в Москве общедоступной картинной галереи. Показывая свою коллекцию друзьям и знакомым, Евграф Дмитриевич уже с 1840-х гг. завел обычай, чтобы гости оставляли свои записи на специально подготовленных листах. В результате получилась своего рода книга отзывов посетителей частной галереи, в которой побывали академик К.И.Рабус (1848), академик А.Сухих (1849), профессор В.К.Шебуев (1858).

В 1843 г. с собранием познакомился К.П.Брюллов. И хотя его имени нет в книге отзывов, сохранились свидетельства его высокой оценки тюринской художественной коллекции. Больше того, известный мастер поддер-

жал идею собирателя о необходимости создания в Москве общедоступной галереи: «Эта коллекция достойна быть открыта публично, для образования художников» (1, с. 40).

В 1850 г. Тюрин выступил с инициативой создания в Москве публичной картинной галереи. Проект организации этого музея он направил в Московское художественное общество. Евграф Дмитриевич предлагал составить ядро будущего музея из произведений личной коллекции. При галерее предполагалось учредить постоянную выставку-продажу картин. В проекте указывалось, что понятие об искусстве в обществе так же необходимо, как и всеобщая грамотность. Поэтому галерея, по мысли Тюрина, должна быть общедоступным просветительным центром, необходимым не только художникам, но и всем москвичам.

Общественность благосклонно приняла предложение Тюрина. Ему даже направили приветственный адрес, который подписали триста любителей искусства. Среди них — художники, ученые, купцы, «простого звания люди», меценаты. Тут стояли подписи известных коллекционеров — К.Т.Солдатенкова, братьев Г. и Д. Хлудовых, братьев К. и С. Поповых. Причем Семен Попов дал письменное обязательство пожертвовать оригинальную картину новому музею.

Не ожидая окончательного решения вопроса, Евграф Дмитриевич решил открыть свое собрание для публичного осмотра. 1 января 1852 г. газета «Московские ведомости» подробно рассказала своим читателям о тюринской художественной галерее, открытой для осмотра по воскресным дням. В газете сообщалось, что «собрание г-на Тюрина находится в его квартире у Покрова в Левшине, в доме Дворцовой конторы» (6, с. 10). По этому адресу в Денежном переулке Евграф Дмитриевич жил на казенной квартире в 1835—1868 гг.

Один из современников, побывавший у собирателя еще в сентябре 1851 г., так описывает квартиру Тюрина: «Лишь только я вошел в первую комнату, как был просто поражен, увидев все стены ее, даже стены лестницы, увешанные прекраснейшими картинами. Во второй комнате меня встретил сам хозяин с истинным радушием художника. Ему было очень приятно слышать о моем желании обозреть его картины: он сам водил меня по комнатам, коих стены от пола до потолков и даже потолки (картины плафонной живописи) не были свободны от картин» (7, с. 1059).

«Любитель изящных искусств», как назвал себя автор публикации в газете, продолжает свое описание: «Кроме того, вы встретите множество скульптурных произведений из мрамора, мастерского резца древнейших и новейших времен, так что все это вместе заставляет думать, что находишься в целом музее, которому недостает только простора. Созерцая картины г. Тюрина, не знаешь, чему более дивиться: огромному ли их количеству, ибо ими можно занять несколько обширных зал, достоинству ли их, или необъятному труду и терпению, с какими они собраны, или, наконец, тому благородному самоотверженному чувству, которое постоянно двигало душою почтенного знатока-труженика» (7, с. 1059).

12 августа 1853 г. Евграф Дмитриевич подал московскому генерал-губернатору графу А.А.Закревскому записку «Объяснение о цели составления мной коллекции оригинальных картин и средствах основания из

оной Публичной Картинной галереи в Москве без траты казенных сумм». Записка не достигла своей цели.

Москвичи продолжали поддерживать начинание архитектора Тюрина, и на подписных листах в книге отзывов сохранились свидетельства о передаче ему не только отдельных произведений, но даже и части коллекций. В 1855 г. А.И.Кубарев обещал подарить два произведения Тропинина, А.П.Давыдов — картину Гольбейна, П.Гаврилов — картину итальянского художника, А.Андреев — часть своего собрания.

6 сентября 1856 г. Тюрин написал о создании в Москве Публичной галереи императору. Он предлагал отвести помещение в одном из зданий, подведомственных Московской Дворцовой конторе, для галереи. Однако 7 января 1857 г. Е.Д.Тюрин получил отказ министра двора.

До 1863 г. Е.Д.Тюрин предпринимал несколько попыток для осуществления своего замысла. Ни одна из них так и не увенчалась успехом.

Ввиду предстоящей отставки и связанной с ней необходимостью освободить казенную квартиру, Тюрин вынужден был приступить к распродаже своего собрания. В 1862 г. он обратился в совет Общества любителей художеств с предложением приобрести его коллекцию. Оно было отклонено. Год спустя он обратился с той же просьбой в Училище живописи, ваяния и зодчества. На этот раз Евграф Дмитриевич предлагал купить у него на выбор самые ценные полотна. И снова получил отказ. Кому, когда и какие картины из этого собрания были проданы, остается неизвестным.

Е.Д.Тюрин умер в Туле 16 ноября 1875 г., погребен там же на Всесвятском кладбище. Здание в Денежном переулке, где располагалась Тюринская общедоступная галерея, сохранилось до наших дней (ныне д. 1/8).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ан. В. Неведомый московский собиратель // Среди коллекционеров. — 1922. — N 4. — С. 39—42.

2. Брук Я.В. Из истории художественного собирательства в Петербурге и Москве в XIX веке // Государственная Третьяковская галерея: Очерки истории: 1856—1917. — Л.-М., 1981. — С. 28—29, 35, 49—50, 68.

3. Булавина Л. и др. Архангельское. — М., 1981. — С. 18, 20, 32—33, 81.

4. В.П.Г. Отметки московского старожила // Ведомости Московской городской полиции. — 1850. — 17 августа.

5. Дурылин С.Н. В своем углу. — М., 1991. — С. 46, 323.

6. Кудрявцев П. Художественные собрания в Москве: Собрание картин, принадлежащее господину Тюрину // Московские ведомости. — 1852. — 1 января. — N 1. — С. 9—10.

7. Пр-в И. Несколько слов о собрании картин г.Тюрина // Московские ведомости. — 1851. — 20 сентября. — N 113.

8. Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 165—166.

9. Соловьев А.В. Е.Тюрин: 1792—1870 // Зодчие Москвы. — М., 1981. — Кн.1. — С.186—188.

10. Степанова С.С. Собиратели западноевропейской гравюры и живописи из среды московской художественной интеллигенции второй трети XIX века // Частное коллекционирование в России: Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1994». — М., 1995. — Вып. XXVII. — С.131—141.

11. Шмидт О. Арбат. — М., 1993. — С. 40.

УВАРОВ Алексей Сергеевич (1825—1884)

А.С. Уваров — граф, археолог, общественный деятель, меценат, библиофил, собиратель русских древностей, владелец общедоступного частного «Порецкого музеума». Муж Прасковьи Сергеевны Уваровой.

Родился 28 февраля 1825 г. в семье президента Петербургской Академии наук графа С.С.Уварова. Получил прекрасное образование. После окончания в 1845 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Ему открывалась блестящая дипломатическая карьера, но Алексей Сергеевич отказался от нее. Он решил целиком посвятить свою жизнь изучению отечественных древностей.

С 1860 г. жизнь А.С.Уварова тесно связана с Москвой и подмосковным имением Поречье. Восемь лет провел он в своем имении, а затем жил в Москве. Особняк Уваровых располагался в Леонтьевском переулке.

А.С. Уварова привлекала прежде всего древняя история России. С 1848 г. он проводил археологические раскопки на Черноморском побережье, исследовал греческие города-государства. Особенно значительные работы были проведены им в Херсонесе.

Затем он перешел к исследованию курганов в Московской и Владимирской губерниях. Под его руководством в 1851—1854 гг. было изучено свыше семи тысяч курганов. Обобщенный материал лег в основу первого фундаментального труда А.С.Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (М., 1871). Позднее Уваров изучал первобытное общество: открыл стоянку периода палеолита в Карачарове и стоянку периода неолита в Волосове, опубликовал капитальный труд «Археология России. Каменный период» (М., 1881).

Понимая необходимость углубленного изучения, охраны и популяризации отечественной старины, Алексей Сергеевич в 1864 г. выступил с инициативой создания Московского археологического общества. Его высокий научный авторитет привлек в Общество ведущих русских ученых, художников, архитекторов, любителей старины, коллекционеров, историков, краеведов. Московское археологическое общество сыграло важнейшую роль в развитии отечественной исторической науки, в сохранении культурного наследия России. Особенно заметно стало значение Общества с 1869 г., когда под его эгидой начали регулярно собираться Всероссийские археологические съезды.

Алексей Сергеевич Уваров стал инициатором создания в Москве Российского Исторического музея. В 1881 г., в канун его открытия, Московское археологическое общество принесло в дар этому музею ценные собрания, многие из которых были включены в его первую экспозицию.

А.С.Уваров известен как один из крупнейших коллекционеров своего времени. После смерти отца в 1855 г. он унаследовал богатейшее фамильное собрание произведений искусства и древностей в усадьбе Поречье Московской губернии. К этому времени там имелась богатая коллекция западноевропейской живописи и скульптуры, книги и рукописи. Коллекции, собранные Алексеем Сергеевичем, содержали в основном отечественные древности. Сюда стекались археологические и этнографические памятники из разных уголков России, появились произведения русского декоративно-прикладного искусства, библиотека пополнялась старопечатными книгами и рукописными материалами.

Большую роль в развитии интереса Уварова к отечественным памятникам сыграл историк и крупнейший коллекционер М.П.Погодин. Их знакомство состоялось в 1847 г., вскоре после окончания Уваровым университета, в то время, когда Алексей Сергеевич делал еще первые шаги на научном поприще. По совету отца он приехал из Петербурга в Москву, чтобы познакомиться с Древлехранилищем Погодина. С собой он привез рекомендательное письмо от него к Погодину. С.С.Уваров писал: «Благоволите, Михаил Петрович, открыть драгоценные ваши коллекции и быть ему путеводителем в осмотре других. Он отправляется, чтобы посмотреть на матушку Россию... он любознателен и много видел в Европе; пора посмотреть и на свое» (4, т. 9, с. 183).

Алексей Сергеевич не только внимательным образом изучил Древлехранилище, но и нашел в Погодине друга и наставника по части изучения и коллекционирования памятников отечественной истории. Они настолько близко сошлись, что совершили в 1847 г. совместное путешествие: посетили древние русские города, знаменитые ярмарки. Во время путешествия Уваров сделал первые приобретения для личной коллекции русских древностей.

Начало уваровскому собранию русской старины положили монеты и медали. Погодин уступил Уварову многие дублетные экземпляры из своей нумизматической коллекции. Алексей Сергеевич сделал немало приобретений у других коллекционеров. Например, алтайские древности он купил у Г.И.Спасского.

Предметы старины для своей коллекции А.С.Уваров получал как правило через посредников. По просьбе графа они приобретали их на Нижегородской, Ростовской, Ярославской ярмарках. Важнейшим источником пополнения собрания служили проводившиеся А.С.Уваровым археологические раскопки. Некоторые памятники приобретены Уваровым во время зарубежных поездок. Причем за границей он покупал и отечественные древности, и произведения западноевропейского искусства.

В результате А.С.Уварову удалось создать обширное и чрезвычайно ценное собрание. Сюда входили археологические памятники, иконы, предметы церковного и домашнего обихода, монеты, медали, рукописи, грамоты, акты.

Археологические памятники, собранные Уваровым, представляли основные этапы развития первобытно-общинного строя. Здесь были памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков многих регионов России, а также Западной Европы. Особое место среди них занимали вещи из курганов, так как Алексей Сергеевич сам проводил многочисленные раскопки.

Поселившись в родовой усадьбе Поречье, граф перевез сюда из петербургского дома Уваровых на Большой Морской собранные им коллекции. Отныне именно в Поречье привозил Алексей Сергеевич новые приобретения. Главный дом усадьбы в 1860-е гг. был специально перестроен с учетом размещения новых коллекций.

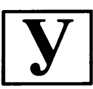
В археологической коллекции, находившейся в Поречье целый отдел составляли древности Причерноморья. Среди них большой ценностью обладали античные скульптуры и образцы древних надписей.

Крупный раздел уваровского собрания составляли иконы, которые приобретались прежде всего как произведения изобразительного искусства. Причем были собраны иконы и на досках, и на тканях, а также литые и резные. Приобретая иконы, Алексей Сергеевич, как отмечалось в каталоге собрания его древностей, «поставил перед собой цель собрать как можно большее количество икон символического содержания со сложными и редко встречающимися сюжетами, а также те, которые раскрывают нам тайник народной души, народных пониманий и поэтических воззрений на Божество, Загробную жизнь, деяния Святых и пр.» (11, т. 2, с. 83). В планы коллекционера входило провести исследования, посвященные христианской символике. В этом разделе насчитывалось 284 памятника: редкие иконографические образцы, такие, как «И возшедшего на небеса и седяща одесную Отца», «Образ Сотворение, или Почил Бог от всех дел своих», «Богородица: Камень нерукосечной горы».

Среди шитых икон — такие выдающиеся памятники, как пелена «Успение Богоматери», которая происходила из московской мастерской Ефросинии Старицкой и была выполнена в 1561—1563 гг.

Резные иконы выполнены из кости, камня и дерева. Самым замечательным образцом иконы из кости был переносной иконостас московской работы XVII в.

В коллекцию церковной утвари входили кресты, антиминсы, выносные церковные подсвечники, хоругви, плащаницы.



Декоративно-прикладное искусство было представлено фарфором, изделиями из серебра, эмали, финифти. Особенностью собрания прикладного искусства являлось наличие в нем многих мемориальных реликвий: чашки П.А.Румянцева, чайного прибора митрополита Платона и др.

Минц-кабинет включал до 30 тысяч русских, славянских и древнегреческих монет. Тут были собраны практически все медали начиная с петровского времени до эпохи Александра I.

Широкую славу музею в Поречье принесли рукописи. Их А.С.Уваров собрал более двух тысяч. Начало рукописному собранию было положено в 1853 г. приобретением коллекции московского купца И.Н.Царского, состоящей из 760 предметов. Через пять лет коллекция Уварова выросла более чем в два раза. Сюда поступили, в частности, коллекции А.С.Норова, И.П.Сахарова, Н.П.Хлебникова и др. В основном это были славянские рукописи, образцы церковной и светской литературы. Одних только Евангелий насчитывалось до семидесяти пяти, хронографов — до сорока пяти, образцов житийной литературы — до семидесяти. В коллекцию входили сорок шесть рукописей на пергаменте. Были тут и лицевые рукописи.

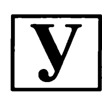
Трехэтажный дворец Уваровых был переполнен предметами искусства и старины, он стал настоящим музеем. Его экспозиция начиналась на первом этаже в приемной перед парадными комнатами. Далее шли парадная столовая, в которой размещалась фамильная портретная галерея, парадная гостиная, где выделялись мраморный камин и большие декоративные вазы. В гостиной графини обращала на себя внимание старинная итальянская мебель XVI в., а в ее кабинете — вторая галерея фамильных портретов (акварели, миниатюры, дагеротипы).

Хранилищем многих ценнейших вещей был кабинет графа. Один из современников писал, что в кабинете «как бы в малом масштабе выражается общая мысль основателя Порецкого дома, которую он проводил при его устройстве: создать истинную обитель науки и искусства» (21, N 203, с. 3).

На второй этаж вела парадная лестница, украшенная статуями и бюстами. Собственно «музеумом» называли именно второй этаж. Здесь три большие комнаты занимали библиотека, картины, скульптуры и другие произведения искусства. За библиотекой следовал зал мраморов, устроенный еще при С.С.Уварове.

«Входя во вторую часть залы, посвященную музею мраморов, невольно останавливаемся при виде гармонической, так сказать, обстановки всего, на что ни бросим взгляд: пурпуровый цвет стен, белизна мраморов, форма музея, свод, круглый стеклянный купол, самое освещение, тропические растения, помещенные в арках, — все это вместе, сильно действуя на воображение, как бы препятствует сосредоточить внимание наше исключительно на одном предмете», — писал один из современников (17, с. 14).

В следующей за залом мраморов комнате было представлено большое собрание предметов русской старины — казалось, их хватило бы для изучения тысячелетней истории отечественной культуры: портреты русских царей, старинная утварь, оружие, боевое снаряжение, посуда, иконы. Тут же хранились слюдяное окно из Московского Кремля, изразцовая печь из Суздаля, пушка времен Степана Разина. Тут было все — от массивного колокола до пряничных форм и пуговиц.



Следом шла «рукописная комната». Здесь кроме рукописей хранились нумизматическая коллекция и семейный архив.

В ряду комнат второго этажа находилось специальное помещение — главная зала, где сберегались исключительно ценные отечественные древности, подлинные раритеты, разысканные и собранные Алексеем Сергеевичем и Прасковьей Сергеевной Уваровыми. Убранство этой комнаты соответствовало трем главным историческим эпохам Древней Руси — Киевской, Суздальской и Московской. Тут были подлинные византийские мозаики и иконы XII в., фрески IX в. из пещерной могилы в Крыму, иконы греческого письма. Посреди залы в пять рядов стояли большие двусторонние витрины. В них экспонировались наиболее ценные археологические находки. Одна из витрин была полностью заполнена произведениями русского ювелирного искусства.

Третий этаж, появившийся после перестроек 1860-х гг., был отдан книгам.

Своеобразным продолжением музея, как бы его драгоценной живой оправой, служил обширный ботанический сад: до тридцати тысяч «отборных видов растений», привезенных сюда со всего света.

Порецкий музей Уваровых был доступен для всех желающих.

Граф А.С.Уваров заботился об изучении и систематизации порецкого собрания, о введении его памятников в научный обиход. С этой целью он задумал составить каталог «Порецкого музеума». Преждевременная смерть помешала воплощению этого замысла.

А.С.Уваров умер в Москве 29 декабря 1884 г.; похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Коллекции А.С.Уварова перешли к Прасковье Сергеевне Уваровой. Выполняя волю покойного мужа, она передала археологическое собрание в Исторический музей. Оставшиеся реликвии под ее руководством были систематизированы, подготовлены и изданы их научные каталоги.

После 1917 г. уваровское собрание национализировано. Самые крупные его разделы — рукописи, монеты и медали, иконы, книги — попали в Исторический музей.

Ныне предметы старины и искусства, а также книги, собранные некогда А.С.Уваровым, хранятся в Государственном Историческом музее, Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, в Государственной Публичной исторической библиотеке, Муромском историко-художественном музее (Владимирская область) и других хранилищах.

Усадьба в Поречье сохранилась до наших дней (ныне Можайский район Московской области). Сохранился и московский особняк Уваровых в Леонтьевском переулке (ныне д. 18).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. — М., 1963. — Т.1. — С. 16, 28, 130, 159; Т. 2. — С. 28, 42, 70, 126, 135—137, 158, 172, 249, 339, 358, 392, 443, 479, 503.

2. Анучин Д.Н. Граф Алексей Сергеевич Уваров // Труды VI Археологического съезда. — М., 1886. — Т.1. — С. 3—20.

3. Архимандрит Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей со-

брания графа А.С.Уварова. — М., 1893—1894. — Т. 1—4.

4. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. — М.-Спб., 1888—1910. — Кн. 1—22.

5. Беспалов Н.А. А.С.Уваров — основоположник русской археологии // Памятники истории и культуры. — Ярославль, 1988. — Вып. 3. — С. 29—35.

6. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Каталог картинной галереи. Живопись. Скульптура. Миниатюра. — М., 1986.

7. Граф Алексей Сергеевич Уваров: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам: Изданы ко дню 25-летия со дня кончины. — М., 1910.

8. Гуренок М.К. История создания архитектурного ансамбля усадьбы Поречье // Материалы по истории русской культуры конца XVIII—первой половины XIX в. — М., 1984. — С. 47—59.

9. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1177.

10. Кабанов А.К., Катаев И.М. Описание актов графа А.С.Уварова: акты исторические. — М., 1905.

11. Каталог собрания древностей графа А.С.Уварова. — М., 1887—1908. — Т. 1—4.

12. Купряшина Т.Б. Коллекция из имения А.С. и П.С. Уваровых Карачарово в Муромском музее // Очерки истории русской и советской археологии. — М., 1991. — С. 51—69.

13. Станюкович Л.Б. Библиотека Уваровых // Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов / Государственная публичная историческая библиотека. — М., 1987. — Ч. 1.

14. Стрижова Н.Б. Архив А.С. и П.С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея // Уваровские чтения: Тезисы докладов первых Уваровских чтений. — Муром, 1990. — С. 13—15.

15. Сухова О.А. Коллекция графов Уваровых из Карачарова как основа собрания Муромского историко-художественного музея // Уваровские чтения: Тезисы докладов первых Уваровских чтений. — Муром, 1990. — С. 11—13.

16. Уваров А.С. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — Т. 2. — С. 373—375.

17. Указатель Порецкого музеума для посетителей. — М., 1853.

18. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. — М., 1986. — С. 54, 67—68.

19. Щепкина М.В., Протасьева Т.М. Сокровища древней письменности и старой печати. — М., 1958. — С. 36—39.

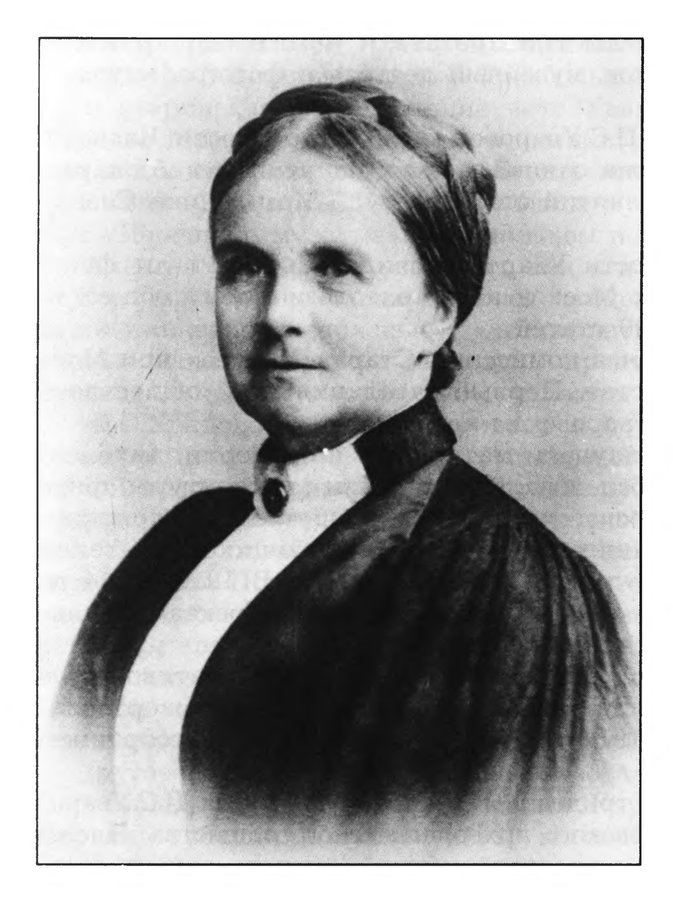
20. Щербатов Н.С. Граф А.С.Уваров как основатель Исторического музея // Древности: Труды Московского археологического общества. — М., 1911. — Т. 23, вып. 1. — С. 7—11.

21. Ярцев А. Подмосковные прогулки: Очерки и наблюдения: Прогулка 25. Поездка в Поречье-Уваровское // Московские ведомости. — 1904. — N 168; N 175; N 182. — 4 (17 июля). — С. 3; N 189. — 11 (24) июля. — С. 3; N 196. — 18 (31 июля). — С. 3—4; N 203. — 25 июля (7 августа). — С. 3—4; N 210. — 1 (14) августа. — С. 3; N 217. — 8 (21). — С. 3; N 224. — 15 (28 августа). — С. 3; N 231. — 22 августа (4 сентября). — С. 3; N 238. — 29 августа (11 сентября). — С. 3—4.

22. Bibliothèque Ouvaroff: Catalogue specimen. Sciences secrètes (Publié par A.Ladrague). — M., 1870.

УВАРОВА Прасковья Сергеевна

(1840—1924)



П.С. Уварова — графиня, археолог, общественный деятель, меценат, собирательница русских древностей. Жена Алексея Сергеевича Уварова.

Родилась 28 марта 1840 г. в семье князя С.А.Щербатова в селе Бобрики Лебедянского уезда Харьковской губернии. С середины 1850-х гг. семья Щербатовых обосновалась в Москве. Прасковья Щербатова получила домашнее образование. Среди тех, кому она была обязана не только знаниями, но творческим отношением ко всему окружающему, были профессор Ф.И.Буслаев, занимавшийся с нею русской литературой и изобразительным искусством, Н.Г.Рубинштейн, у которого она брала уроки музыки, А.К.Саврасов, учивший ее рисованию и живописи.

В шестнадцать лет прекрасно образованная и очень привлекательная Прасковья стала появляться на московских балах. Судьба свела ее с Л.Н.Толстым. Она стала прообразом княжны Кити Щербацкой в его романе «Анна Каренина».

В 1859 г., неполных девятнадцати лет, Прасковья Щербатова вышла замуж за известного русского археолога Алексея Сергеевича Уварова. После свадьбы молодая чета отправилась в заграничное путешествие. Они побывали во Флоренции, Риме, Равенне, Неаполе. Вместе с мужем Прасковья Сергеевна осматривала картинные галереи, изучала музейные коллекции, посещала библиотеки, обследовала древние городища. С первых же дней она целиком разделила интересы мужа, что определило всю ее последующую жизнь.

С увлеченностью и полной самоотдачей включилась П.С.Уварова в деятельность Московского археологического общества. Когда в 1884 г. А.С.Уваров скончался, она стала его преемником на посту председателя Общества и более тридцати лет возглавляла эту авторитетную организацию.

Обширные и разносторонние знания, личная заинтересованность, непреклонность в достижении целей, умение увлечь людей своим примером, бескорыстное служение русской культуре объединили вокруг П.С.Уваровой сотни людей, небезразличных к судьбам отечественных памятников.

Научные интересы, дружеские контакты, участие в многочисленных благотворительных акциях связывали Прасковью Сергеевну с множеством современников. Сотни писем, поступавших на ее имя, и по сей день хранятся в архивах Москвы. Среди тех, кто писал ей — художники А.М.Васнецов, В.Д.Поленов, коллекционеры И.С.Остроухов, П.М.Третьяков, П.И.Щукин, археолог В.И.Сизов, искусствоведы И.В.Цветаев и Ф.И.Шмит, архитекторы К.М.Быковский и И.П.Машков, музейный деятель и фотограф-художник И.Ф.Барщевский.

В сфере научных интересов П.С.Уваровой были и древности Кавказа. На протяжении четверти века она занималась их изучением в Аджарии и Осетии. Итогом долголетних занятий стал ее труд «Могильники Северного Кавказа» (1900).

О размахе научной деятельности Уваровой свидетельствует тот факт, что к 1915 г. только в изданиях Московского археологического общества ею было опубликовано около 200 статей.

В 1909 г. П.С.Уварова возглавила комиссию «Старая Москва» при Московском археологическом обществе. Первые заседания этой общественной организации проходили в уваровском особняке.

Члены комиссии собирали и изучали материалы по истории, археологии и топографии города. Они обследовали памятники архитектуры, фиксировали надписи и гербы на московских зданиях, заботились о сохранении и поддержании в надлежащем виде могил выдающихся деятелей культуры, отмечали юбилейные даты в истории города. В 1912—1914 гг. комиссия выпустила в свет два тома сборника «Старая Москва», занявших почетное место в москвоведческой литературе.

Комиссия по изучению старой Москвы выступила с инициативой сбережения «памятников бытовой старины» и создания путем пожертвований Музея старой Москвы. К 1912 г. музей уже располагал собранием старинных вещей и книг.

В апреле 1915 г. исполнилось тридцать лет со дня избрания П.С.Уваровой на пост председателя Московского археологического общества. Члены общества выразили желание отметить этой юбилей «вещественными знаками своего высокого уважения и глубокой преданности». Было решено поднести юбиляру памятный адрес, альбом рисунков, посвященных памятникам древнерусского искусства, а также издать в ее честь сборник научных трудов. В редакционный совет сборника вошли Д.Н.Анучин, И.П.Машков, А.В.Орешников и К.В.Трутовский. Эта книга вышла в свет в Москве в 1916 г.

Подвижническая деятельность П.С.Уваровой на поприще изучения и охраны отечественных древностей снискала ей известность и большой авторитет в кругах научной интеллигенции. Она была удостоена чести стать почетным членом Императорской Академии наук (1895) и ряда ведущих университетов — Дерптского (1888), Харьковского (1906), Казанского (1910), Московского (1910), Петербургского археологического института (1891), Лазаревского института восточных языков (1902).

Широко известно внимательное отношение П.С.Уваровой к деятельности собирателей и коллекционеров. Она справедливо полагала, что они выполняют важную и ответственную миссию по сохранению и изучению культурного наследия, содействуют полноценному пополнению музейного фонда. Глубоко почитая результаты творческой деятельности собирателей и коллекционеров, П.С.Уварова одной из первых попыталась собрать воедино материалы о многих частных коллекциях и сделала на эту тему специальный доклад на Седьмом археологическом съезде в Ярославле в 1887 г.

Прасковья Сергеевна и сама занималась коллекционированием. Это увлечение, привитое ей Алексеем Сергеевичем Уваровым, стало для нее серьезным и постоянным делом. Три большие коллекции предметов искусства и старины, принадлежащие чете Уваровых, располагались в усадьбе Поречье Московской губернии, в имении Карачарово Владимирской губернии и в московском особняке в Леонтьевском переулке.

В 1860—1870 гг. П.С.Уварова помогала мужу в пополнении коллекции частного «Порецкого музеума» в фамильном подмосковном имении. После смерти Алексея Сергеевича она много сил отдала систематизации коллекции.

Все порецкое собрание было распределено на 18 отделов: «курганные вещи», «иконы живописные», «иконы литые», «финифть», «церковная утварь и вещи церковного обихода», «предметы домашнего быта», «монеты русские», «медали», «рукописи», «грамоты и акты» и т.д.

«П.С.Уварова не только привела в порядок перешедшие в ее распоряжение ценности, — отмечал академик А.И.Соболевский, — но издала их описания. Рукописи были обстоятельно описаны архимандритом Леонидом (Кавелиным); предметы церковной старины — самой П.С.Уваровой. Она же позаботилась о передаче ценностей в более надежные хранилища, чем Порецкий музей. Рукописи она передала, еще до последнего отъезда своего за границу, в Московский Исторический музей (где директором тогда был ее младший брат Н.С.Щербатов), передала не только полностью, но даже с прибавлением к описанным в труде архимандрита Леонида еще почти четырехсот номеров; это были ее личные приобретения в разных местах и в разное время» (11, с. 143).

Другое собрание старины, формировавшееся при участии Прасковьи Сергеевны, располагалось в имении Карачарово близ Мурома (Владимирская губерния). В 1900—1910 гг. она жила здесь со своими детьми, внуками и правнуками в летнее время.

В Карачарове была собрана фамильная портретная галерея. Тут хранились портреты Святополк-Четвертинских, Нарышкиных, Уваровых, Разумовских. Западноевропейская живопись была представлена произведениями художников Х.Рибейры («Монах»), Доссо-Досси («Святой Иероним»), Тьеполо («Мадонна»), а также такими, как «Портрет старика» неизвестного фламандского мастера XVII в., «Распятие», выполненное неизвестным итальянским мастером круга Джотто, миниатюрными копиями с произведений Рафаэля, сделанными немецкими художниками XIX в. («Мадонна в кресле», «Мадонна в саду», «Иоанн Креститель», «Папа Лев X»), акварелями Корроди, Майнелла, Пассини, Мюллера, Линдемана.

Русская живопись представлена произведениями А.А.Иванова («Похищение Ганимеда»), К.П.Брюллова (эскиз к картине «Последний день

Помпеи»), А.Е.Архипова («На Оке»), В.Д.Поленова («Мечты»), рисунками и акварелями И.И.Шишкина, А.К.Саврасова, С.И.Светославского и др.

Здесь были сосредоточены также коллекции мебели, фарфора, бронзы, стекла и хрусталя XVIII—XIX вв.

В Карачарове находилась и часть богатейшей фамильной библиотеки Уваровых. Некоторые издания — около двух с половиной тысяч — и сейчас хранятся в фонде редких книг Муромского историко-художественного музея. Все они имеют экслибрисы, монограммы «АУ» или «ПУ» на корешках, маргиналии, автографы. Большая часть книг на русском языке; около 800 — на французском, немецком, английском, испанском, польском, латинском, итальянском языках. 236 книг помечено дарственными надписями — «председателю Московского археологического общества П.С.Уваровой». Среди них сочинения В.Ф.Миллера, Е.В.Барсова, А.А.Шахматова, Н.П.Лихачева, П.К.Симони.

В московском особняке Уваровых располагалось еще одно собрание искусства и старины. Здесь были картины, нумизматическая коллекция (монеты греческие, русские, славянские), бронзовые бюсты и статуи, археологические памятники, коллекция рукописей (более трех тысяч названий).

После октября 1917 г. П.С.Уварова покинула Россию. Последние годы ее жизни прошли в Югославии.

П.С.Уварова умерла 30 июня 1924 г. в югославском г. Добрна. После отъезда ее за границу коллекции «Порецкого музеума» поступили в Государственный Исторический музей и Музей изящных искусств. Часть архива, переданная в Бородинский военно-исторический музей, погибла в годы Великой Отечественной войны.

Имение Карачарово перешло в ведение уездного земельного отдела; в 1918 г. в нем создана коммуна «Альтруист». Затем был открыт дом отдыха «Карачарово». В годы Великой Отечественной войны в бывшей усадьбе расположилась воинская часть, остающаяся здесь до сих пор. Коллекции из Карачарова в 1918 г. поступили в Муромский музей. Отдельные вещи и архивные документы впоследствии передавались в музеи и архивы Владимира и Нижнего Новгорода.

Коллекции из московского особняка были национализированы и направлены в Национальный музейный фонд, откуда они передавались в центральные и провинциальные музеи, а также распродавались.

Усадьбы Уваровых в Поречье и Муроме сохранились до наших дней. Сохранился и особняк в Леонтьевском переулке (ныне д. 18).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин Д.Н. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова в ее служении науке о древностях // Сборник статей в честь графини П.С.Уваровой. — М., 1916. — С. XII—XXIV.

2. Белозерский Н.В. Справочная книга для коллекционеров памятников старины. — Спб., 1903. — С. 8.

3. Бугославский С.А. Отчет о занятиях в библиотеках Москвы, С.-Петербурга и села Поречья гр. Уваровых. Август—октябрь 1912 г. — Киев, 1913.

4. Буслаев Ф.И. Мои досуги: Собрание из периодических изданий мелких сочинений Ф.Буслаева. — М., 1886. — Ч. 1—2.

5. Иловайский Д.И. Всероссийские археологические съезды // Сборник статей в честь П.С.Уваровой. — М., 1916. — С. 1—5.

6. Линниченко И.А. Графиня П.С.Уварова: К 25-летнему юбилею. — Одесса, 1910.

7. Миллер П. Музей «Старой Москвы» // Московский краевед. — Вып. 7. — М., 1928.

8. Параделов М.Я. Адресная книга русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати. — М., 1904. — С. 122.

9. Редин Е.К. Графиня П.С.Уварова // Труды предварительного комитета 13 археологического съезда. — М., 1905. — С. 1—8.

10. Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 62—63.

11. Соболевский А.И. П.С.Уварова: Некролог // Известия Российской Академии наук. — VI серия. — 1925. — NN 6—8. — С. 141—144.

12. Станюкович Л. Коллекция из Поречья // Куранты. — М., 1989. — Вып. 3. — С. 355—358.

13. Стрижова Н.Б. Архив А.С. и П.С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея // Уваровские чтения: Тезисы докладов первых Уваровских чтений. — Муром, 1990. — С. 13—15.

14. Сухова О.А. Коллекция графов Уваровых из Карачарова как основа собрания Муромского историко-художественного музея // Уваровские чтения: Тезисы докладов первых Уваровских чтений. — Муром, 1990. — С. 11—13.

15. Уварова П.С. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — С. 371—373.

16. Храпова Л.Е. Личность П.С.Уваровой, как она представляется по ее трудам и свидетельствам современников // Уваровские чтения: Тезисы докладов первых Уваровских чтений. — Муром, 1990. — С. 5—7.

17. Шуманский Е.А. Справочная книга для русских библиофилов. — Одесса, 1905. — С. VI.

УЛЬЯНИНСКИЙ Дмитрий Васильевич

(1861—1918)

Д.В. Ульянинский — библиограф, библиофил, собиратель портретов, книжных знаков.

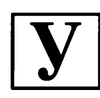
Родился 11 июня 1861 г. в Туле в дворянской семье. Его отец служил врачом. Детство и юность будущего собирателя прошли в родном городе. Д.В.Ульянинский окончил тульскую гимназию. Будучи гимназистом, одно лето провел в Ясной Поляне, занимаясь со старшими детьми Л.Н.Толстого.

В 1881 г. Ульянинский приехал в Москву, чтобы продолжить свое образование. С этих пор с Москвой связана вся его жизнь. По совету родителей он поступил в том же году на физико-математический факультет Московского университета. И хотя учиться ему было легко (занимался он с большой охотой, получив в 1884 г. степень кандидата физико-математического отделения), он так и не сделал научной карьеры.

В 1885 г. Д.В.Ульянинский поступил на службу в Управление Московского удельного округа.

Д.В.Ульянинский увлекся книгами еще в детстве. Ему не было и семи лет, когда сильная страсть к чтению затмила все остальное, отодвинув на второй план любые игрушки. Самым желанным стало посещение книжной лавки. «В это время меня еще не пускали ходить одного по городу, — вспоминал Д.В.Ульянинский, — и я ужасно любил гулять с отцом, но на то была особая причина. Вот мы тихонько идем с ним по Киевской, главной улице нашей Тулы, и я замираю, завидев издали милую вывеску, на которой большими полинялыми золотыми буквами значится «Книжный магазин Пантелеева» (12, с. 3). Начиная с третьего класса гимназии он уже самостоятельно покупал книги. Ко времени окончания гимназии в его библиотеке насчитывалось около четырехсот изданий.

С 1880-х гг. Д.В.Ульянинский стал «записным библиофилом и неустанным собирателем». Книги и коллекции стали для него смыслом жизни. «Его любовь к книгам была страстью разумной, основанною на глубоком уважении к книге», — отмечал книговед и библиограф Н.М.Лисовский (6, с. 13).



Дмитрий Васильевич с 1886 г. и до самой смерти был деятельным членом Русского библиографического общества при Московском университете. В 1902—1910 гг. состоял его председателем.

Увлеченный собиратель выписывал все антикварные книжные каталоги. Получив их, он немедленно оставлял все дела, просматривал и тут же делал заказы на получение редкостей. Если книга его интересовала очень сильно, запрос давался телеграфом. Каталоги московского антиквара П.П.Шибанова Дмитрий Васильевич просматривал в корректуре. Немало книг выписывал он из-за границы, в частности из Лейпцига от Гирземана.

Квартиру собирателя хорошо знали «стрелки» — так в Москве называли букинистов, которые, не имея собственных лавок, разносили книги в мешках прямо по квартирам библиофилов.

Почти каждый вечер Дмитрий Васильевич обходил многочисленные книжные лавки Москвы. Он любил Москву с ее особенным укладом жизни, любил ее улочки и переулки, любил наблюдать за повседневной жизнью горожан. По своим вкусам и пристрастиям он был, что называется, «настоящим москвичом». Антиквары хорошо знали Ульянинского и между собой именовали его «чистоплюем»: так прозывали тех, кто приобретал лишь девственно чистые книги, без малейших дефектов и помарок.

Д.В.Ульянинскому посчастливилось приобрести книжные сокровища ряда известных собирателей: библиографический отдел библиотеки Н.В.Губерти, редкие книги из собрания Я.Ф.Березина-Ширяева, ряд изданий из коллекций Д.А.Наумова, В.Е.Румянцева, А.А.Третьякова, Г.Д.Филимонова, А.Н.Неустроева, Мухановых.

Одним из способов приобретения ценных книг было непосредственное обращение библиофила к авторам и издателям. В год Ульянинский приобретал от 150 до 200 книг. К концу жизни его библиотека включала 4400 томов.

Библиотека Д.В.Ульянинского принадлежала к числу лучших русских частных собраний своего времени как по количеству редких и редчайших изданий, так и по сохранности экземпляров. «Вообще библиотека, — писал библиограф и библиофил У.Г.Иваск, — имеет характер в значительной степени библиофильский: она не была предназначена служить практическим целям, а являлась чем-то вроде коллекции художественных предметов» (4, с. 32).

Дмитрий Васильевич составил и издал полное библиографическое описание собственной библиотеки. Этот каталог считается гордостью русской библиографии, поскольку здесь дан не просто перечень книг, но каждому изданию посвящено как бы небольшое книговедческое исследование. Кроме всего прочего, здесь указаны обстоятельства приобретения каждой книги и ее цена: с 1895 г. Дмитрий Васильевич вел каталог новых поступлений, в который самым тщательным образом записывал сведения о каждом издании.

В книжном собрании Ульянинского было шесть основных разделов. Самым дорогим для владельца являлся первый раздел — «Русская библиография». Второй раздел — «История и деятели русского просвещения и литературы», третий — «Старина художественная и бытовая. Любительское коллекционерство. Издания Д.А.Ровинского» (о Ровинском он стремился собрать все, что было возможно), четвертый — «История, родос-

ловие и геральдика русского дворянства», пятый — «Сношения Московской Руси с чужими странами до начала восемнадцатого столетия» (Rossica была представлена отборными книгами зарубежных авторов) и, наконец, «Русские писатели первых семидесяти пяти лет девятнадцатого столетия».

В этой библиотеке с большой полнотой были собраны антикварные и книгопродавческие каталоги (около 1000 наименований). Они не раз служили и самому собирателю, и его друзьям для изучения книг, истории библиотек, поиска редких изданий.

Все книги библиотеки Ульянинского имели экслибрис. Это был выполненный в парижской мастерской Витмана офорт с изображением библиотечной комнаты Дмитрия Васильевича.

Если о книжном собрании Ульянинского известно почти все, то остальные его коллекции до сих пор не привлекали внимания. Между тем он обладал несколькими замечательными коллекциями. У него имелась обширная подборка объявлений, приглашений, программ, билетов, словом, всего, что было связано с важными событиями общественной и государственной жизни. Например, обширные материалы, отражающие церемонию коронации Николая II и почти все посещения Москвы императорской четой.

К числу редкостей, которыми владел Ульянинский, следует отнести подборку «летучих изданий» 1740-х гг.: манифестов и указов, изданных от имени младенца-императора Иоанна VI Антоновича. Тут были и листы, известные всего в одном экземпляре. Позднее эти раритеты приобретены Императорской Публичной библиотекой.

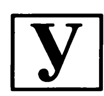
У Дмитрия Васильевича было также небольшое, около ста листов, но отборное по красоте и чистоте оттисков собрание портретов библиографов, библиофилов, книгопродавцов, издателей, типографов, историков. «Таких гравированных и литографированных портретов у нас вообще немного, не более ста, — подчеркивал библиофил В.Я.Адарюков, — и Д.В. сумел и здесь достигнуть почти исчерпывающей полноты» (1, с. 12).

Очень дорожил коллекционер своим собранием русских книжных знаков. Их у него насчитывалось почти полторы тысячи.

В этой коллекции был еще один поистине уникальный отдел. Одним из первых Ульянинский стал собирать образцы шрифтов, а также шедевры типографского искусства: разного рода виньетки, бордюры, политипажи и другие украшения книг и журналов.

С 1892 г. Д.В.Ульянинский жил на казенной квартире в доме Московского удельного округа на Пречистенском бульваре. Сюда он перевез из Тулы свою юношескую библиотеку. Его квартиру называли «дворцом книги», а ее владельца — «поэтом книги». По словам современников, он не говорил о книгах, а как бы «живописал» их.

По специальному проекту Д.В.Ульянинского были изготовлены книжные шкафы, в которых все предусмотрено до мелочей: и подвижные полки для размещения книг разной высоты, и выдвижные доски для работы с картотеками, и специальные ящики для хранения афиш, объявлений, программ. По его заказу изготовили специальный дубовый стол для хранения карточного каталога. «Библиотека занимает просторную светлую о трех окнах комнату, где стоит пять дубовых больших шкафов, неболь-



шой также дубовый шкаф специально для картонок с брошюрами и старинная красного дерева этажерка, вся заваленная антикварными и книгопродавческими каталогами», — так описывал свою библиотечную комнату Ульянинский в мемуарах (12, с. 10).

Тут соблюдался неукоснительный порядок, и любую книгу можно было отыскать в считанные минуты. Ульянинский первоначально сам переплетал книги, но потом отказался от этого. Он предпочитал даже вообще не разрезать новых книг, желая сохранить их в том виде, как они вышли из типографии. Если книга выходила в свет в папке, то в этой папке она непременно у него и сохранялась. Поэтому многие непереплетенные книги хранились у него плашмя, но все имели специальные обозначения, так что по картотеке можно было тотчас найти любую из них.

Уход за книгами в этой личной библиотеке был возведен в своеобразный культ. Над входной дверью у собирателя висело особое наставление для почтальонов с подробными указаниями о том, как грамотно обращаться с книжными посылками. Приказчикам книжных магазинов, доставлявшим ему книги на дом, Дмитрий Васильевич прочитывал целые лекции о том, как надлежит перевязывать пачки книг, дабы не портить их.

Дмитрий Васильевич Ульянинский трагически погиб 2 февраля 1918 г. «Лишенный советским правительством места и квартиры, — отмечалось в некрологе, — он совершенно потерялся при мысли о судьбе своего книжного сокровища, пошел на Курский вокзал и лег под поезд» (3, с. 4). Погребен на Пятницком кладбище.

После смерти собирателя вся его библиотека и коллекции были куплены за сорок тысяч рублей у вдовы Румянцевским музеем. Ныне они хранятся в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки. Музей не смог приобрести архив Д.В.Ульянинского, и он был утрачен.

Дом бывшего Удельного ведомства, в котором жил Д.В.Ульянинский, сохранился (Гоголевский бульвар, д. 10/12).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адарюков В.Я. В мире книг и гравюр: Воспоминания. — М., 1984. — С. 11—13.

2. Боднарский Б.С. Заслуги Д.В.Ульянинского перед Русским библиографическим обществом // Библиографические известия. — 1918. — N 1—2. — С. 5—12.

3. Брандт Р. Памяти Д.В.Ульянинского // Библиографические известия. — 1918. — N 1—2. — С. 3—4.

4. Иваск У.Г. Библиотека Д.В.Ульянинского // Библиографические известия. — 1918. — N 1—2. — С. 27—32.

5. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журнулу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1181.

6. Лисовский Н. М. Д.В.Ульянинский как библиофил и библиограф // Библиографические известия. — 1918. — N 1—2. — С. 13—26.

7. Орлов Н. Ульянинский Д.В. // Среди коллекционеров. — 1922. — N 3. — С. 31—32.

8. Параделов М.Я. Адресная книга русских библиофилов. — М., 1904. — С. 123.

9. Султанов С.С. Поэт книги. — М., 1914.

10. Ульянинский Д.В. Библиотека Д.В.Ульянинского: Библиографическое описание. — М., 1912 — 1915. — Т. 1—3.

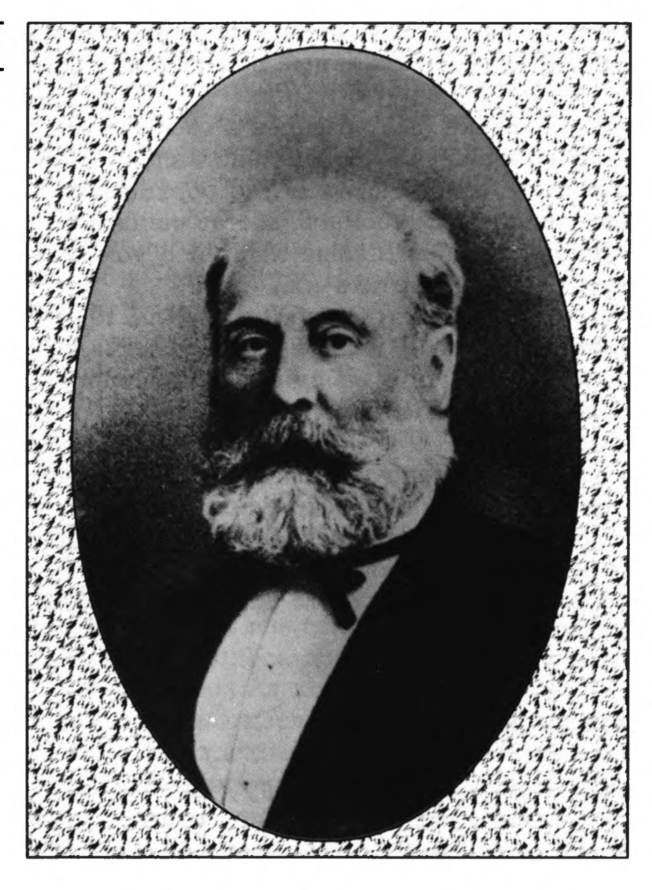
11. Ульянинский Д.В. Биографическая заметка // Библиологический сборник. — Пг., 1915. — Т. 1, вып. 2. — С. 45—46.

12. Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. — М., 1979.

13. Шуманский Е.А. Справочная книга для русских библиофилов. — Одесса, 1905.

ФИЛИМОНОВ Георгий Дмитриевич

(1828—1898)

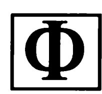


Г.Д. Филимонов — историк, археолог, собиратель русских древностей.

Родился в 1828 г. в семье полтавского помещика. Воспитывался в Московском Дворянском институте, после чего закончил историко-филологический факультет Московского университета. «Еще будучи юношей, — писал известный русский ученый Д.Н.Анучин, — Г.Д. Филимонов стал интересоваться русскими древностями и проводил свободное время в осмотре кремлевских соборов, ризниц, Оружейной палаты, частных собраний древностей и др., пользуясь при этом имевшеюся литературой и указаниями знатоков» (1, с. 211). Студентом последнего курса Георгий Дмитриевич Филимонов составил каталог части собрания московского коллекционера П.Ф.Карабанова.

После окончания университета Г.Д.Филимонов с 1849 г. работал библиотекарем в Харьковском университете. Затем он вернулся в Москву и в 1858 г. поступил на службу в Оружейную палату Московского Кремля. Здесь он проработал более тридцати лет — сначала заведующим архивом и канцелярией, а впоследствии — помощником директора. С 1870 г. он одновременно исполнял обязанности хранителя отделения доисторических, христианских и русских древностей в Московском Публичном и Румянцевском музеях. Фактически он явился создателем этого отделения и бессменно руководил им в течение двадцати семи лет.

Основной сферой интересов Георгия Дмитриевича была русская иконография. Филимонову принадлежат многие труды, посвященные изучению, систематизации памятников искусства и древнего быта. В число его капитальных исследований входит труд «Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи», в котором на основе анализа многочисленных документов автор дал характеристику целого периода рус-



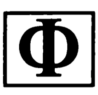
ского иконописного искусства. Все труды Георгия Дмитриевича отличаются скрупулезным подходом к изучавшимся явлениям, порою даже самым незначительным. Усомнившись в выводе Н.П.Кондакова о том, что шапка Мономаха сделана византийскими мастерами, он, изучив огромное количество источников, неопровержимо доказал, что эта реликвия работы арабских мастеров из Каира, что в 1317 г. она была прислана султаном золотоордынскому хану, а от него попала к Ивану Калите.

Современники относили Георгия Дмитриевича Филимонова и графа Алексея Сергеевича Уварова к числу наиболее глубоких знатоков русских древностей. Филимонов пользовался авторитетом и уважением среди исследователей и любителей древнерусского искусства. На его долю выпала подготовка экспозиции для Всемирной выставки в Париже (1868 г.): он был назначен комиссаром русского художественного отдела. Г.Д.Филимонов участвовал в устройстве в Москве Политехнической выставки (1872), Антропологической выставки (1879), принимал участие в деятельности многих научных обществ. Вместе с другими энтузиастами он в 1864 г. выступил учредителем Общества древнерусского искусства при Московском Публичном и Румянцевском музеях, редактировал его издания. Тогда же, в 1864 г., Филимонов стал одним из членов-основателей Московского археологического общества. Он являлся почетным членом Общества истории и древностей российских и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, действительным членом Общества любителей российской словесности.

В 1863 г. Филимонов принимал участие в комиссии по реставрации икон и раскрытию фресок в Благовещенском соборе Московского Кремля; в дальнейшем следил за реставрацией живописи в Грановитой палате.

В 1870-е гг. он увлекся доисторической археологией и вел раскопки в Средней и Южной России, а также на Кавказе, был собирателем старины и коллекционировал предметы, входившие в круг его научных интересов. Занимаясь историей древнерусского искусства, он собрал коллекцию икон, иконописных прорисей, рисунков, портретов, произведений прикладного искусства, рукописей. Однако, будучи автором описания ряда частных московских собраний, он так и не успел составить каталог своей коллекции. Поэтому сведения о ней крайне скудны и отрывочны, за исключением той части, в которую входили иконописные прориси. Эта часть являлась, бесспорно, самой ценной в его собрании.

Как и многие московские собиратели того времени, Георгий Дмитриевич в воскресные дни непременно приходил на рынок к Сухаревой башне. «Осенью в 1862 году, проходя в вокресенье утром по рынку у Сухаревой башни, я заметил на подмостках среди разного хлама несколько разбросанных куч иконописных на бумаге рисунков, — рассказывал он в статье «Археологический клад у Сухаревой башни». — Испытав неоднократно, как мало научного интереса представляет подобного рода появляющееся по временам у Сухаревой старье по смерти какого-нибудь бедняка-иконописца, не имевшего прямых наследников своего занятия, признаюсь, я не обратил сначала на рисунки никакого внимания и почти нехотя, мимоходом, отнесся к продавцу с вопросом, что он возьмет за рисунок, который я вздумаю отобрать для себя из всей кучи» (5, с. 29).



Начав неохотно перебирать эти листы, Филимонов вскоре был совершенно потрясен увиденным: «...каково же было мое удивление, когда, принявшись за отборку и перекинув несколько листов, я заметил в этом хламе рисунки, снятые с древних образцов иконописи, сколки и налепки, наконец, такие рисунки, на которых все до последней черты говорило в пользу древности по крайней мере двустолетней» (5, с. 29). Таким образом было приобретено до пяти тысяч листов подлинных прорисей XVIII—начала XIX в., принадлежавших московской иконописной мастерской П. и М. Сапожниковых. Эта ценнейшая находка действительно произвела переворот в изучении иконописи, так как до того древнерусскую живопись исследовали лишь на основе анализа самих икон и литературных источников.

Рукописное собрание Г.Д.Филимонова было относительно небольшим. Ценность в нем представляли лицевые подлинники, в том числе подлинник XVII в., когда-то принадлежавший посадскому человеку Алексею Гладильщикову из города Касимова, и подлинник «палехской редакции» начала XVIII в.

Георгию Дмитриевичу удалось собрать несколько десятков акварелей с изображениями старинных русских городов: Суздаля, Юрьева-Польского, Кологрива, Одоева, Каширы и др. Тут же находились рисунки монастырей, церквей, крепостей.

Известно, что в собрании Филимонова хранились прориси и оттиски с икон, утвари и древних надписей. Особенно старательно у него были подобраны снимки с образов Божией Матери.

У Филимонова была хорошо подобранная библиотека избранной литературы по истории, археологии и истории искусств.

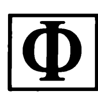
Георгий Дмитриевич жил на казенной квартире в Московском Кремле. Не раз бывавший у него коллекционер П.И.Щукин вспоминал: «...жил Филимонов в Кремле, у Спасских ворот, в домике рядом с гауптвахтой» (17, с. 43).

Г.Д.Филимонов умер в Сухуми 26 мая 1898 г.

Коллекцию Филимонова унаследовала его вдова Надежда Федоровна и принесла в дар музеям и научным обществам. В 1898 г. часть его собрания — «двенадцать витрин с предметами доисторической древности» (12, с. 365), включавшая 1500 археологических памятников, поступила в Московский Публичный и Румянцевский музеи, а 5000 прорисей и гравюр переданы в Петербург Обществу изучения древней письменности. В 1932 г. в связи с ликвидацией Общества прориси и гравюры оказались в ленинградской Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека).

Небольшая часть филимоновской коллекции, находившаяся с ним в Сухуми, досталась В.И.Срезневскому. Затем она перешла к О.Ю.Смецкой, а от нее в 1928—1929 гг. поступила в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР. Здесь и поныне хранится часть коллекции Г.Д.Филимонова (в том числе изображения древнерусских городов).

Библиотека Г.Д.Филимонова была распродана. Редкие издания перешли в руки библиофила Д.В.Ульянинского.



ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин Д.Н. Г.Д.Филимонов: Некролог // Археологические известия и заметки Императорского Московского археологического общества. — 1898. — N 5—6. — С. 211—214.

2. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 84—88, 103—116, 168, 205, 254, 265, 276, 285, 291, 295—296, 300—303, 316, 320, 327, 342, 358.

3. Г.Д. [Филимонов Г.Д.]. Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века: С вариантами из списков Забелина и Филимонова. — М., 1873.

4. Г.Д. [Филимонов Г.Д.]. Сводный иконописный подлинник XVIII века: По списку Г.Филимонова. — М., 1874.

5. Г.Ф. [Филимонов Г.Д.]. Археологический клад у Сухаревой башни // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. — 1874. — N 4—5. — С. 29—32.

6. Г.Ф. [Филимонов Г.Д.]. Собрание иконописных рисунков братьев П. и М. Сапожниковых // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. — 1875. — N 6—10. — С. 41—45.

7. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1202.

8. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т.1, кн.1. — С. 124, 243, 312, 601—602, 707, 712, 861, 872, 874; Т.1, кн.2. — С. 1064, 1289, 1294, 1299, 1363, 1365, 1388—1389, 1392, 1404, 1417, LXX, CCXLIV, CCCXVIII.

9. Кирпичников А.И. Воспоминания о Г.Д.Филимонове // Археологические известия и заметки Императорского Московского археологического общества. — 1898. — N 11—12. — С. 360—368.

10. Н.П. [Покровский Н.В.]. Г.Д.Филимонов: Некролог // Памятники древней письменности и искусства. — Спб., 1899. — Т. 132. — С. 48—51.

11. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1898 год. — М., 1899. — С. 7—10.

12. Приращения московских музеев // Исторический вестник. — 1899. — Январь.

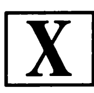
13. Рудаков В. Г.Д.Филимонов: Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. — 1898. — Июль. — С. 17—19.

14. Собрание Г.Д.Филимонова // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. — М.-Л., 1958. — Вып. 2. — С. 145—146.

15. Филимонов Г.Д. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). — М., 1915. — Т. 2. — С. 381—382.

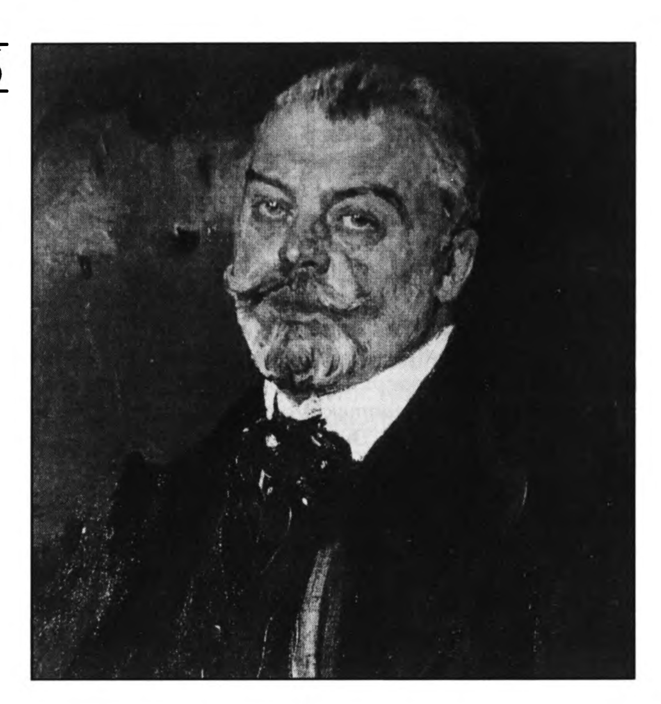
16. Шереметев С. Памяти Ф.И.Буслаева и Г.Д.Филимонова // Памятники древней письменности и искусства. — Спб., 1899. — Т. 132. — С.55—58.

17. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1912. — Ч. 3. — С. 42—43.



ХАРИТОНЕНКО Павел Иванович

(1852—1914)



С портрета В.А. Серова. 1901.

П.И. Харитоненко — промышленник-сахарозаводчик, меценат, собиратель икон, западноевропейской и русской живописи.

Родился в семье купца-сахарозаводчика Ивана Герасимовича Харитоненко, известного благотворителя, построившего в родном городе Сумы приюты, богадельни, больницы, гражданские и военные училища. И.Г.Харитоненко был коллекционером. Известно, что в 1882 г. он приобрел картину А.П.Боголюбова «Вечер на берегу Алассио», а в 1892 г. с выставки И.Е.Репина — картину «Малороссиянка» («Портрет С.М.Лукомской», 1889). Увлечение коллекционированием он передал сыну.

Успешное ведение дел позволило П.И.Харитоненко стать одним из самых состоятельных людей в России в 1900-е гг.: его капитал современники оценивали в 60 миллионов рублей.

Всю жизнь Павел Иванович увлекался искусством. Его в первую очередь привлекали театр и живопись. Он был членом Московского общества любителей художеств, Московского художественного общества, стал первым председателем Общества друзей Румянцевского музея, был избран почетным членом Академии художеств.

Отдельные произведения П.И.Харитоненко приобрел из коллекций Бенкендорфов. Основные же приобретения Павел Иванович делал на выставках. Например, эскиз «Рождество» М.В.Нестерова для росписи Владимирского собора в Киеве был куплен им в 1901 г. в Петербурге на Передвижной выставке. «Позднее, в 1907 году, — писал в своих воспоминаниях Нестеров, — Павел Иванович познакомился со мной на моей выставке в Москве и, уже не торгуясь, платил мне большие деньги за мои вещи, покупаемые и заказываемые им. Позднее, за границей, для «Рождества» была приобретена Харитоненками у парижского антиквара старая итальянская рама XVII века, за которую, вероятно, с Павла Ивановича взяли в несколько раз дороже, чем он, торгуясь, заплатил за мой картон» (12, с. 236).

У Харитоненко была представлена русская и западноевропейская живопись, а также иконы. Однако больше всего увлекался собиратель русской живописью.

Жемчужиной русской части коллекции являлось знаменитое полотно И.Н.Крамского «Неизвестная». В собрании П.И.Харитоненко были полотна И.К.Айвазовского («Бурное море»), В.Л.Боровиковского («Екатерина II на прогулке в царскосельском парке»), А.М.Васнецова («Лесная тропинка»), В.М.Васнецова («Пруд в Ахтырке», этюд для картины «Аленушка»), А.Г.Венецианова («Первые шаги»), В.В.Верещагина («Мавзолей Тадж-Махал в Агре»), А.А.Иванова («Голова старика, опирающегося на палку»), О.А.Кипренского («Девочка в маковом венке, с гвоздикой в руке»), К.А.Коровина («Розы и фиалки»), Ф.А.Малявина («Старуха», «Портрет Павла Ивановича Харитоненко с сыном»), Г.Г.Мясоедова («Осеннее утро»), М.В.Нестерова («Святая Русь», «Молчание», «Осенние дни»), В.Д.Поленова («Лодка»), И.Е.Репина («Богомолки-странницы», этюд для картины «Крестный ход в Курской губернии»), Л.И.Соломаткина («Именины дьячка»), К.А.Сомова («Вечер», «Портрет Е.П.Олив»), В.И.Сурикова («Старуха в белом платке», этюд для картины «Боярыня Морозова»), В.А.Тропинина («Портрет скульптора И.П.Витали»), И.И.Шишкина («Летний день», «Пруд в старом парке») и другие.

Некоторые полотна имели подписи авторов. Свою подпись на картине «Старая церковь» оставил С.А.Виноградов: «Дорогому Павлу Ивановичу Харитоненко. Сергей Виноградов. 1910 г.» (5, с. 105).

Среди рисунков и акварелей русских художников была работа К.А.Сомова («Портрет в профиль»).

Из западноевропейских художников П.И.Харитоненко больше всего привлекали французские мастера XIX в. В его коллекции насчитывалось более шестидесяти работ западной школы. К числу лучших принадлежали полотна К.Коро («Воз сена», «Колокольня в Аржантейе») и Г.Робера («Бродячие музыканты»). Среди других работ — произведения А.Ахенбаха («Буря на море»), Г. фон Бартельса («Жены рыбаков»), А.Беклина («Весна»), Ф.Дефреггера («Голова девочки»), Э.Л.Изабе («В церкви», «Прогулка», «Старинная улица»), Ф. фон Ленбаха («Портрет девочки»), Н.Б.Леписье («Портрет семьи Леруа»), Л.О.Лермитта («Жницы»), Нери Ди Биччи («Мадонна с младенцем, держащим гранат»).

Древнерусскую живопись Павел Иванович начал собирать в 1900-е гг. За непродолжительное время он сумел составить неплохую коллекцию. Не случайно именно к нему в 1911 г. привел И.С.Остроухов А.Матисса для знакомства с шедеврами русской иконописи. Лучше всего в иконном собрании была представлена новгородская школа XV—XVI вв. Особенно выделялся «чин» из девяти больших (иконостасных) икон и деисусный ряд.

Иконы из собрания Харитоненко выставлялись на двух крупных выставках: в 1911—1912 гг. — на «Выставке иконописи и художественной старины» при съезде художников в Петербурге и в 1913 г. — в Москве на выставке, устроенной в честь трехсотлетия Дома Романовых.

Кроме икон Харитоненко собирал и древнюю церковную утварь (плащаницы, лампады, паникадила). Когда в 1913 г. в усадьбе Натальевка по проекту А.В.Щусева построили церковь, вся церковная коллекция была

перевезена туда. Так усадебный храм Спасителя стал своеобразным древлехранилищем. Даже печь — и та была украшена подлинными старинными изразцами.

Коллекция П.И.Харитоненко размещалась в московском особняке на Софийской набережной и в усадьбе Натальевка Богодуховского уезда Харьковской губернии.

В 1879 г. П.И.Харитоненко приобрел участок земли в самом центре города, на Софийской набережной, с прекрасным видом на Кремль. Тут же с 1869 г. помещалась контора фирмы «И.Г. Харитоненко с сыном».

Дом на Софийской набережной был выстроен в 1891—1893 гг. по проекту архитектора В.Г.Залесского. Интерьеры выполнены по проекту Ф.О.Шехтеля. Внутреннее убранство выдержано в духе французской средневековой готики. Стены и потолки были отделаны редкими породами дерева. Мебель и вся деревянная резьба изготовлены на московской фабрике П.А.Шмита.

Отдельную комнату в особняке-дворце отвели под картинную галерею. Потолок этого зала расписан специально приглашенным из Франции художником Ф.Фламингом. На живописном плафоне изображен парк с играющими музыкантами и прогуливающейся публикой.

В доме Харитоненко бывали многие деятели культуры. «Помню званый обед у Харитоненко, — писал, вспоминая 1912 год, М.В.Нестеров. — Были директор Эрмитажа гр. Д.И.Толстой, гр. Олсуфьев и я с женой. Пили за мой недавний успех и за мое здоровье. Тогда же было окончательно решено, что я буду писать образа главного иконостаса в Сумской собор» (12, с. 306).

В этом особняке нередко устраивались домашние спектакли и музыкальные вечера. В этих стенах играл А.Н.Скрябин, пел Ф.И.Шаляпин. В дни рождественских праздников 1912 г. «в спектакле, — по словам М.В.Нестерова, — участвовала московская «золотая молодежь», разные доморощенные «дофины» и «инфанты». Среди них первенствовал «Единственный», как томно называла мадам Харитоненко сына — Ваню Харитоненко. Народу набралось человек до трехсот. Москва титулованная и та, что «за кавалергардов» — именитое купечество со своими отпрысками. Были кое-кто из артистов, художников. Спектакль ставил артист Художественного театра, талантливый, опытный Москвин. Хорошие костюмы, декорации» (12, с. 308). Таким образом, многие представители художественного и делового мира Москвы могли познакомиться с коллекцией хозяина.

«Я довольно часто бывал у него в роскошном особняке за Москвой-рекой, — писал князь С.А.Щербатов, — где все было на широкую ногу, добротно, но довольно безвкусно.

Харитоненко обожал французскую живопись, но презирал современное искусство и считался в купеческом мире vieux pompier (старомодным *(франц.). — Прим. авт.*). Он тратил огромные деньги на крошечного Мэссонье; потолок его гостиной был расписан Фламэнгом» (21, с. 13).

Портреты членов семьи Харитоненко писали известные русские художники: В.А.Серов, К.А.Сомов, Ф.А.Малявин, Н.В.Неврев.

В 1901 г. портрет Павла Ивановича создал В.А.Серов (ныне в Третьяковской галерее), а в 1911 г. Ф.А.Малявин написал его портрет с сыном Иваном (ныне в Харьковском музее изобразительных искусств).

В 1893 г. портрет жены Харитоненко, Веры Андреевны, урожденной Бакеевой, исполнил французский художник Франсуа Фламинг, автор росписи в их особняке-галерее (портрет ныне в Эрмитаже).

П.И.Харитоненко умер 13 июня 1914 г. в своем имении Натальевка; погребен в городе Сумы Харьковской губернии.

После смерти коллекционера его собрание перешло вдове Вере Андреевне, страстной собирательнице икон. Коллекция по-прежнему располагалась в особняке на Софийской набережной.

В 1918 г. семья Харитоненко эмигрировала. Опустевший особняк пытались занять анархисты. Об этом эпизоде рассказал в своих мемуарах К.А.Коровин. Прибывший к нему на квартиру актер Мамонт Дальский заявил: «Вы должны ехать с нами к одному миллионеру, который устроил в своем доме музей. Желает укрыться. Мы просим вас поехать и осмотреть картины — имеют ли они какую-нибудь художественную ценность или нет.

Меня, — продолжает Константин Алексеевич, — окружили анархисты. Повели по лестнице вниз, усадили в автомобиль. Дальский сел со мной, его странные спутники — в другие машины.

Меня привезли на Москва-реку, в дом Харитоненко. Картины были развешаны во втором этаже особняка. Дальский спросил:

— Ну что?

— Это картины французской школы барбизонцев, — ответил я. — Это Коро, это Добиньи.

Один из анархистов, по фамилии Ге, кажется, тоже артист, подошел вплотную к картинам, прочитал подпись и сказал:

— Верно.

В это время внизу во дворе раздались крики, звон разбиваемых бутылок. Анархисты разбивали погреб и пили вино. Вдруг со стороны набережной раздался треск пулеметов. Дальский бросился на террасу сада и бежал. За ним — все другие. Я остался один» (8, с. 242).

В первые послереволюционные годы Третьяковская галерея и Румянцевский музей добивались устройства в доме Харитоненко, славившемся художественными сокровищами, своих филиалов. Однако сделать это не удалось, так как сразу после переезда в Москву советского правительства дом облюбовал Комиссариат иностранных дел и устроил здесь гостевые апартаменты.

Коллекция Харитоненко в 1922—1925 гг. была разрознена и поделена между Третьяковской галереей (более ста картин и икон) и Румянцевским музеем (западноевропейское искусство). После ликвидации Румянцевского музея вещи из собрания Харитоненко попали в Музей изящных искусств, Государственный музей нового западного искусства, Русский музей, Государственный музейный фонд.

В настоящее время картины из бывшего собрания П.И.Харитоненко имеются в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина (24 картины), Третьяковской галерее (35 произведений), Харьковском государственном музее изобразительных искусств и других хранилищах. В самом особняке до сих пор висят картины Г.Робера «Пейзаж» и «Пейзаж с водопадом».

Московский дом П.И.Харитоненко с 1931 г. принадлежит посольству Великобритании.

Коллекция Харитоненко, располагавшаяся в усадьбе Натальевка, не сохранилась. В самой усадьбе разместился санаторий. Сохранилось здание церкви, однако судьба старинной церковной утвари неизвестна.

После 1945 г. в селе Пархомовка Харьковской области учителем школы А.Ф.Луневым был создан общественный музей, который расположился в правлении сахарного завода, некогда принадлежавшего Харитоненко. Музей располагает подлинниками О.А.Кипренского, И.И.Левитана, И.И.Шишкина, И.Е.Репина, В.А.Серова, И.К.Айвазовского, К.Писарро, П.Гогена, О.Ренуара, П.Сезанна, А.Матисса. Здесь есть даже офорты Рембрандта «Портрет Я.Сикса» и «Портрет раввина». Возможно, некоторые из этих работ когда-то находились в собрании П.И.Харитоненко.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Т. Сельский Эрмитаж // Нева. — 1984. — N 9. — С. 205.

2. Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. — М., 1993. — С. 329.

3. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1989. — Т.1. — С. 270—271, 333.

4. Вилков А.А. С немцами по России: пережитое во время экскурсии со слушателями высших курсов по государствоведению в Берлине. — Варшава, 1912. — С. 39—45.

5. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX века (до 1917 г.). — М., 1984. — С. 18, 50, 79, 83, 90, 100, 167, 204, 211, 223, 233, 290, 305, 321, 328, 361, 382, 409, 420, 429, 433, 435, 438, 440, 442, 451—452, 470, 511, 547.

6. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина. / Авт.-сост. И.А.Антонова и др. — М., 1981.

7. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 262—263, 428.

8. Константин Коровин вспоминает... — М., 1990. — С. 241—242.

9. К—ъ. Натальевка // Столица и усадьба. — 1915. — N 32. — С. 4—9.

10. Маррелл К. Сахарные короли // Огонек. — 1991. — N 50. — С. 23—24.

11. Нестеров М.В. Воспоминания. — М., 1985.

12. Нестеров М.В. Давние дни: Воспоминания. Очерки. Письма. — Уфа, 1986. — С. 306—312.

13. Нестеров М.В. Письма. Избранное. — Л., 1988. — С. 152, 223, 239—240, 246, 249, 251, 255.

14. Репин И.Е. Избранные письма. 1867—1930. — М., 1969. — Т. 1. — С. 414.

15. Русский торгово-промышленный мир. / Ред.-изд. А.М.Шампаньер. — Б. м., б.г.

16. Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Золотой век художественных объединений в России и СССР: 1820—1932: Справочник. — Пб., 1992. — С. 130—136.

17. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. — М., 1979. — С. 135, 517, 540.

18. Торговый дом «И.Г.Харитоненко с сыном». — М., 1900.

19. Харитоненко П.И. Некролог // Русское слово. — 1914. — 14 июня. — N 136. — С. 1.

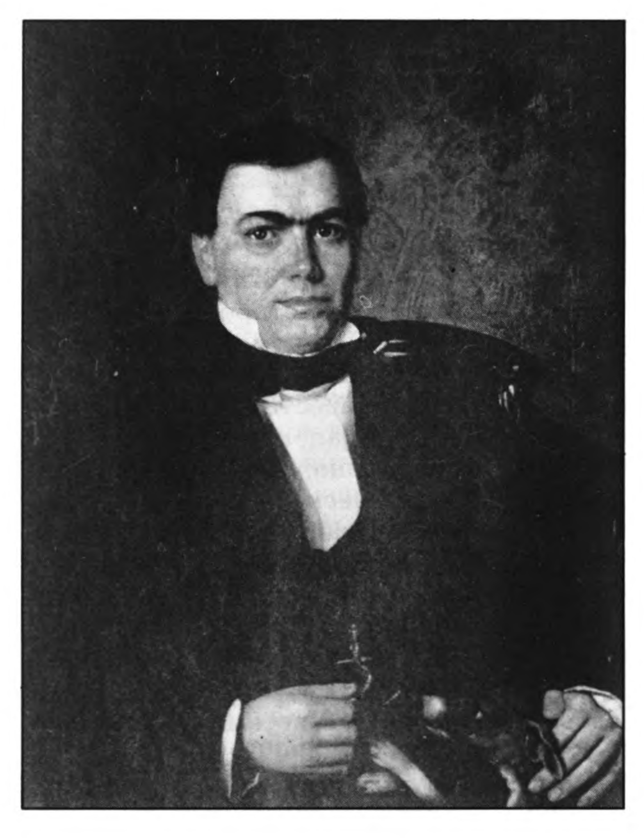
20. Харитоненко П.И. // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 44, 49, 219.

21. Щербатов С.А. Московские меценаты // Памятники Отечества. — 1993. — N 29. — С. 11—19.

22. The British Embassy in Moscow. The Kharitonenko Mansion. Посольство Великобритании в Москве. Особняк Харитоненко. Text by Kathleen Berton. Photographs by John Freeman. Б. м. и г.

ХЛУДОВ Алексей Иванович

(1818—1882)



С портрета Н.А. Заваруева. 1855.

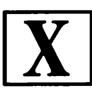
А.И. Хлудов — купец-предприниматель, меценат, библиофил, собиратель рукописей и старопечатных книг.

Родился в Москве в купеческой старообрядческой семье. Его отец, Иван Иванович Хлудов, крестьянин деревни Акатово Егорьевского уезда Рязанской губернии, после войны 1812 г. переехал в Москву. Все члены семьи Хлудовых занимались изготовлением кушаков и поясов. Сметливый, трудолюбивый и предприимчивый родоначальник династии Хлудовых, Иван Иванович начал заниматься торговлей и уже в 1834 г. купил две лавки — в Старом Гостином дворе за номером 93 и в Городских рядах.

Когда в 1835 г. И.И.Хлудов умер, семья имела значительный капитал и хорошо поставленный торговый дом «С.Н.А. и Г. Ивана Хлудова сыновья». Братья решили завести собственное фабричное производство: в это время в России пряжу получали только кустарным способом. В 1845 г. они основали в Егорьевске хлопчатобумажную фабрику. Специально для изучения фабричного производства и приобретения машин Алексей Иванович в 1844—1845 гг. совершил поездку в Лондон и Ливерпуль. Фабрика Хлудовых, оборудованная по последнему слову техники, давала неплохой доход.

Алексей Иванович, будучи от природы человеком способным, энергичным, успешно вел дела, основал еще несколько новых заводов и фабрик.

Хлудов много занимался общественной деятельностью, был членом Московского коммерческого суда (1847—1849), почетным членом Совета Коммерческого училища (1855—1861). В 1859—1865 гг. А.И.Хлудов являлся первым председателем Московского биржевого комитета. С 1859 г. был членом Московского отделения Департамента торговли и мануфактуры, а в 1862—1867 гг. — его председателем. Кроме того, он в 1855—1869 гг.



состоял старшиной Московского купеческого сословия, имел звание мануфактур-советника. Этот почетный титул присваивали купцам, активно занимавшимся промышленным предпринимательством. Алексей Иванович пользовался большим доверием в своей среде: был, по словам П.А.Бурышкина, «человек неподкупной честности, прямой, правдивый, трудолюбивый, отличавшийся силой ума и верностью взглядов» (2, с. 160).

Нельзя не отметить и благотворительную деятельность Хлудова: он давал деньги на учебные заведения, больницы, дома призрения, церкви. В начале 1870-х гг. Алексей Иванович пожертвовал крупную сумму на реконструкцию и отделку бывших палат думного дьяка Аверкия Кириллова, принадлежавших Московскому археологическому обществу, членом которого состоял с 1870 г., а с 1871-го по 1882 г. являлся к тому же казначеем этой общественной организации. Хлудов был членом-основателем Московского Публичного и Румянцевского музеев и немало средств выделял этим музеям.

Алексей Иванович известен в старой Москве как крупный коллекционер, увлекавшийся поисками древних рукописей, старопечатных книг и икон. Начало коллекции было положено в 1860 г., когда Хлудов приобрел собрание старообрядца А.Н.Озерского. Убежденный старообрядец-единоверец, истовый почитатель древних традиций, Хлудов в основном собирал книги дониконовской печати, старообрядческие рукописи, памятники славяно-русской и южно-славянской письменности.

Для своей коллекции Алексей Иванович отбирал книги и рукописи весьма придирчиво, притом очень целенаправленно, в рамках определенной тематики. Хлудову удалось приобрести несколько крупных собраний. В 1868 г. он купил часть собрания московского купца А.И.Лобкова. Но самым выдающимся приобретением явилась покупка в 1873 г. большей части собрания известного этнографа и фольклориста А.Ф.Гильфердинга. Некоторые рукописи собиратель приобрел у известных московских книгопродавцов С.Т.Большакова, Д.В.Пискарева, Ф.И.Крашенинникова.

А.И.Хлудов при пополнении собрания дорожил советами своего личного библиотекаря старообрядца И.В.Борисова.

Специально для описания библиотеки Хлудов пригласил известного историка А.Н.Попова. Составленные им каталоги рукописей и старопечатных книг были опубликованы в 1872 и 1875 гг. Издание 1872 г. отличалось высокими полиграфическими достоинствами: это массивный роскошный фолиант с золотым обрезом и дорогим переплетом, бумага хорошего качества.

О хлудовской библиотеке и ее печатном каталоге сообщалось на страницах «Вестника Европы»: «Но, кроме картин, московские коммерсанты стали собирать и разные другие редкие вещи. Люди, занимающиеся нашей старой письменностью, знают, что в доме А.И.Хлудова находится весьма замечательная коллекция старых русских и церковно-славянских книг и рукописей. Хозяин не так давно издал каталог и разослал его всем компетентным людям. Сам по себе этот каталог есть уже произведение эрудиции и отчасти изящного искусства, так как он составлен замечательным ученым (умершим на днях А.Н.Поповым) и издан чрезвы-

чайно роскошно, представляя собой огромный том в несколько десятков печатных листов, на отличной толстой бумаге» (1, с. 396).

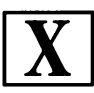
В каталоге 1872 г. было описано 364 рукописи и 575 книг старой печати XV—XIX вв. Рукописи в собрании Хлудова составляли восемь разделов. В первый было включено Священное Писание (Псалтыри, Четвероевангелия, Евангелия, Апостолы). Во второй — толкования Священного Писания, в третий — творения святых отцов, в четвертый — рукописи по каноническому праву, в пятый — богословские сочинения, в шестой — богослужебные книги, в седьмой — церковно-исторические и литературные сочинения. Самым же ценным был восьмой раздел. Он включал сто девять рукописей, посвященных исключительно вопросам раскола. Такого собрания полемических сочинений не имела ни одна библиотека России.

Старопечатные книги хлудовского собрания хорошо представляли и начальный этап славянского книгопечатания (краковские, пражские, венецианские издания), и ранний этап книгопечатания в России. Здесь также были хорошо подобраны московские и киевские издания XVII—XVIII вв. Все книги отличались хорошей сохранностью. «Для любителей старопечатных книг и для библиографов заметим, — писал историк А.Н.Попов, — что настоящее собрание по полноте и сохранности экземпляров вполне может быть названо превосходным. Много лет и много стараний положено было на это владельцем их. Одна и та же книга не раз менялась на лучший по сохранности экземпляр, наконец, подбиралась из разных экземпляров, и результатом вышло то, что многие общественные собрания превосходят настоящее количеством книг, но не качеством и сохранностью. Всякий занимающийся изучением старопечатных книг, всякий, кому нужна справка в том или другом издании, по справедливости оценит стремление собирателя довести свою коллекцию до возможного совершенства, в отношении подбора книг, полноты и сохранности экземпляров» (7).

Богатое собрание А.И.Хлудова было известно в среде исследователей. Доступ к книгам и рукописям этого личного собрания получали все желающие. В его библиотеке с новгородской лицевой Псалтырью конца XIII в. работал археограф, славист и издатель архимандрит Амфилохий. По просьбе В.В.Стасова А.М.Васнецов в 1870 г. в доме Хлудова срисовывал из сербских рукописей заглавные буквы и заставки. Многие исследователи изучали уникальную греческую Псалтырь IX в., украшенную миниатюрами.

Коллекция А.И.Хлудова размещалась в его роскошном особняке в Тупом переулке близ Земляного вала. «Библиотека А.И.Хлудова, — отмечал писатель П.Д.Боборыкин в своем обозрении московских частных коллекций, — помещается в его доме на Садовой, наискосок Яузской части, в тупике, как говорят по-московски. Дом прекрасный, вроде загородного дворца. Комната, где хранятся книги и рукописи, отделана в стиле, с мозаичным полом и расписанным сводчатым потолком, и даже люстра в древнерусском вкусе. Библиотека не публична, но каждый, кто интересуется делом, найдет к ней легкий доступ» (1, с. 396—397).

Известен был особняк Хлудова в Москве и своими «вечерними беседами», на которые собиралась московская интеллигенция, особенно интересующаяся отечественной историей и стариной.



А.И.Хлудов умер в Москве 22 марта 1882 г. Погребен на кладбище Покровского монастыря.

Еще при жизни Алексей Иванович неоднократно жертвовал отдельные рукописи музеям. Например, в 1866 г. от него в Московский Публичный и Румянцевский музеи поступило 39 рукописей, а в 1868 г. — еще одна.

Согласно завещанию, вся коллекция книг, икон и рукописей перешла в Никольский единоверческий монастырь в Москве. В этом монастыре было Братство Петра митрополита, которое насаждало и поддерживало единоверие. А.И.Хлудов с самого основания Братства в 1872 г. состоял членом его Совета и казначеем. Сразу же после поступления в 1883 г. в монастырь библиотека и собрание рукописей были открыты для осмотра и изучения.

В 1917 г., когда монастырь был закрыт, часть хлудовского собрания перешла в Государственный Исторический музей. В 1939 г. туда же поступила и оставшаяся часть коллекции. Сейчас в музее насчитывается 524 рукописи и 717 старопечатных книг из бывшего хлудовского собрания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Б.П.[Боборыкин П.Д.]. Письма о Москве: Письмо третье // Вестник Европы. — 1881. — N 7. — С. 396—397.

2. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 159—162.

3. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 86—216, 347.

4. Вяземский П.П. Обзор московских книгохранилищ // Вяземский П.П. Собр. соч. — Спб., 1893. — С. 185—186.

5. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 826.

6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т.1, кн. 2.— С. 645, 701, 714, 726, 824, 1017, 1298, 1318, 1324—1327, 1417, III, CLXXI, CCCXII.

7. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. / Сост. А.Попов. — М., 1872.

8. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 год. — М., 1868. — С. 51—53.

9. Отчет по Братству св. Петра митрополита за 1883 год. — М., 1884. — С. 1—3.

10. Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. / Сост. А.Попов. — М., 1875.

11. Пятидесятилетие бумагопрядильной фабрики, ныне принадлежащей Высочайше утвержденному товариществу Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьев А. и Г. Хлудовых. — М., 1895.

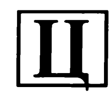
12. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина: Указатель. — М., 1983. — Т.1, вып.1. — С. 102—107.

13. Хлудов А.И. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. — М., 1915. — Т. 2. — С. 392.

14. Хлудов А.И. // Русский биографический словарь. — Спб., 1901. — «Фабер — Цявловский» [Т. 21]. — С. 341—342.

15. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати: Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного Исторического музея. — М., 1958. — С. 40—42, 77.

16. Щепкина М.В. Миниатюры Хлудовской псалтыри. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. — М., 1977.



ЦАРСКИЙ Иван Никитич (1790—1853)

И.Н. Царский — купец, собиратель рукописей и старопечатных книг.

Родился в Москве в старообрядческой купеческой семье. Принадлежал к числу состоятельных московских купцов первой гильдии. Несколько лет служил депутатом от купечества в правлении четвертого округа путей сообщений и публичных зданий.

И.Н.Царский был известен в Москве как наиболее видный благотворитель, меценат и коллекционер. Многие научные общества России приняли его в состав своих почетных членов и сотрудников. Он носил звание «Благотворителя» Общества истории и древностей российских при Московском университете за пожертвование рукописей, монет и других отечественных древностей. За этот крупный дар 28 августа 1828 г. он был награжден золотой медалью на Владимирской ленте. И.Н.Царский являлся членом-сотрудником Русского археологического общества, Русского географического общества, почетным корреспондентом Императорской Публичной библиотеки, корреспондентом Археологической комиссии, действительным членом Одесского общества истории и древностей, Московской практической академии коммерческих наук. Он носил звание действительного члена Художественного общества северных антиквариев в Копенгагене.

Иван Никитич Царский рано увлекся собиранием книг и рукописей. Эту страсть поддержало в нем знакомство с историками и коллекционерами М.П. Погодиным, П.М. Строевым, О.М. Бодянским. Особенно большое значение для последующей собирательской деятельности Царского имело его общение с 1832 г. с крупнейшим ученым, коллекционером, знатоком древних рукописей Михаилом Петровичем Погодиным. Об их близости свидетельствуют многие факты. Погодин давал уроки сыну Ивана Никитича. В 1838 г. коллекционеры мечтали об устройстве в Москве книжной лавки.

«И.Н.Царский, — писал М.П.Погодин, — во всю свою жизнь уделял часть своих избытков не на мраморные стены, не на бархатные подушки, не на золотые карнизы, не на лихих рысаков и златокованую сбрую, но на собрание и сохранение драгоценнейших отечественных памятников, во славу Отечества» (2, с. 126).

Собрание Ивана Никитича состояло исключительно из славяно-российских рукописей и старопечатных славянских книг. К 1832 г. в его собрании насчитывалось уже около трехсот рукописей, среди которых до тридцати были выполнены на пергаменте. К 1836 г. он обладал настолько обширной коллекцией, что она получила широкую известность в научных кругах.

Коллекция рукописей XV—XIX вв., насчитывавшая до 800 памятников, отличалась большим разнообразием и высокой научной ценностью. Значительный интерес представляло собрание юридических актов периода 1510—1707 гг., их общее число достигало 340.

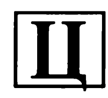
Владелец желал, чтобы его собрание было известно коллекционерам, знатокам, ученым. С этой целью он пригласил известного археографа Павла Михайловича Строева, который уже имел опыт подобной работы при составлении каталога собрания Ф.А.Толстого. В 1830—1840-е гг. П.М.Строев описал и рукописи, и старопечатные книги И.Н.Царского, подготовил каталоги к печати. В первом из опубликованных каталогов было обращение коллекционера к читателям: «По желанию почтенного Собирателя издается сей Каталог принадлежащих ему Рукописей. Определить их важность, достоинство и цену предлежит Знатокам отечественных древностей» (13). Благодаря этим каталогам хорошо известен состав собрания.

Из «Каталога славяно-российских рукописей», опубликованного в 1836 г., видно, что к этому времени собрание И.Н.Царского включало 341 рукопись. Наиболее ранние памятники, относящиеся к XV—XVI вв., были выполнены на пергаменте, и таковых насчитывалось 28: Евангелия, Апостолы, Псалтыри, Прологи, Триоди постные, Минеи. О каждом памятнике даются краткие сведения. Наиболее ценной среди пергаментных рукописей было Евангелие, написанное уставным письмом «с заставками и зачальными буквами фигурными с киноварью». Это самый ранний документ в коллекции, датировавшийся XIV в. В отдельных случаях составитель каталога П.М.Строев, не только большой знаток и любитель древностей, но и сам страстный коллекционер, с удовлетворением отмечает: «рукопись красивая, из Молдавии», «весьма сохранилась», «рукопись великолепная, из Молдавии». Иногда отмечает: «почерк полууставный небрежный», «Пролог неполный».

Среди 313 рукописей на бумаге наряду с богослужебными книгами находилось немало памятников исторического содержания. В нескольких рукописях содержались описания жизни императора Петра Великого. Особенно любопытна рукопись «О рождении и младенчестве Петра Великого». В этом собрании выделялись «Житие свв. Варлаама и Иосифа» XVII в. «с картинками раскрашенными» и «Похвала императрице Екатерине Великой», сочиненная Абрамом Волковым, «оригинал, в красном переплете с золотом».

Большую историческую ценность в собрании И.Н.Царского имели грамоты; к 1836 г. их насчитывалось сорок девять. Впоследствии коллекционер обращал пристальное внимание именно на приобретение грамот: царские жалованные грамоты, а также грамоты известительные, храмозданные, оброчные, отпускные, ставленные, береженные, учительные, благословенные, духовные. В большинстве своем это были подлинники, и в их описаниях непременно указывалось наличие печати: «внизу (на красном шелк. снурке) печать государственная красновосковая» или «внизу печать (прикладная) черновосковая».

После 1836 г. рукописная коллекция Царского продолжала пополняться, и весьма активно: за 12 лет она выросла чуть ли не втрое. В печатном каталоге 1848 г. числилось 749 памятников, среди них 44 пергаментных манускрипта. Имелось большое собрание житийной литературы, разные виды летописей и хронографов, Кормчая, Стоглав, святцы с пасхалиями и краткими летописями. Древнерусские писатели были представлены про-



изведениями Иосифа Волоцкого, Максима Грека, кн. А.Курбского; собраниями повестей; сборниками историко-литературного содержания.

Характеристика каждого памятника во втором каталоге дана значительно шире, чем в первом: указывается полное название рукописи, дается ее подробное содержание, сообщаются сведения о публикациях, если они имели место. Составитель неоднократно высказывает свое мнение о рукописях. Например, к N 34 — «Выписки Медведева» — примечает, что вряд ли они принадлежат монаху Сильвестру Медведеву, казненному в 1691 г. Всегда выделяет рукописи, написанные хорошим почерком, красиво украшенные, отлично сохранившиеся: «рукопись примечательна по каллиграфии», «почерк красивый, заглавия золотые, киноварные, голубые, заставки и семь картинок нарисованы пером и раскрашены, переплет с застежками серебряными».

К 1848 г. собрание грамот и актов в коллекции И.Н.Царского насчитывало 194 номера. Эти документы хранились отдельно от рукописей, в специальном ларце.

Благодаря печатным каталогам исследователи имели неплохое представление о собрании И.Н.Царского, стремились использовать его в научных целях. Список Большого Чертежа из его собрания изучал Г.И.Спасский при подготовке к печати этого памятника в 1840-х гг. И.М.Снегирев выписывал из рукописей коллекции Царского русские пословицы и поговорки. С ними работали М.П.Погодин (книги Царского «гостили» у него по месяцам), В.О.Ключевский, А.Н.Муравьев.

Еще при жизни Иван Никитич распорядился ее дальнейшей судьбой. Собрание юридических актов (240 названий) он принес в дар Обществу истории и древностей российских, а также Археографической комиссии (100 названий). Все рукописи и часть старопечатных книг он продал А.С. Уварову.

И.Н.Царский скончался в Москве 15 июля 1853 г.

После смерти собирателя оставшиеся старопечатные книги были приобретены В.П.Орловым-Давыдовым и находились в усадьбе Отрада Московской губернии.

Собрание И.Н.Царского, расформированное в 1853 г., более чем через полвека, в 1917 г., воссоединилось в Государственном Историческом музее, где находится и ныне. Это редчайший случай восстановления целостности когда-то распыленного собрания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архимандрит Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С.Уварова. — М., 1893. — Ч.1.

2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. — М., 1888—1898. — Кн. 1—12.

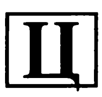
3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М.Строева. — Спб., 1878.

4. Библиотека И.Н.Царского, сверх печатного каталога, в Москве в 1853 году. — Спб., 1879.

5. Бокачев Н. Описи русских библиотек. — Спб., 1890. — С. 153—154, 293.

6. Веселовский Н.И. История Имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896. — Спб., 1900. — С. 8.

7. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 63.



8. Вяземский П.П. Библиотека Ивана Никитича Царского // Вяземский П.П. Собр. соч. — Спб., 1893. — С. 351—359.

9. Геннади Г. Литература русской библиографии. — Спб., 1858. — С. 132, 134.

10. Геннади Г. Указатель библиотек в России. // Журнал Министерства народного просвещения. — Спб., 1864. — Т.122, N5. — С. 27.

11. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1241.

12. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т. 1, кн. 1. — С. 123, 158, 269, 609, 619, 664, 709; Т. 1, кн. 2. — С. 976, 978, 982, 1099, 1158, 1164, 1171, 1252, 1254—1256, 1271, 1274—1276, 1322, 1404.

13. Каталог славяно-российских рукописей, принадлежащих московскому первой гильдии купцу и Общества Истории и Древностей Российских благотворителю Ивану Никитичу Царскому. / Сост. П.М.Строев. — М., 1836.

14. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского первой гильдии купца и Общества Истории и Древностей Российских благотворителя Ивана Никитича Царского. / Изд. П.Строев. — М., 1836.

15. Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф.А.Толстого и И.Н.Царского. / Изд. П.Строев. — М., 1841.

16. Палеографические снимки шрифтов, принадлежащие к описанию старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке И.Н.Царского. — М., 1836.

17. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической Комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. / Разобраны и описаны Павлом Строевым. — М., 1848.

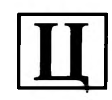
18. Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. // Издал А.Ф.Бычков. — Спб., 1882. — С. 22, 86, 197.

19. Царский И.Н.: Некролог // Ведомости Московской городской полиции. — 1853. — N 157.

20. Царский И.Н.: Некролог // Санкт-Петербургские ведомости. — 1853. — N 160.

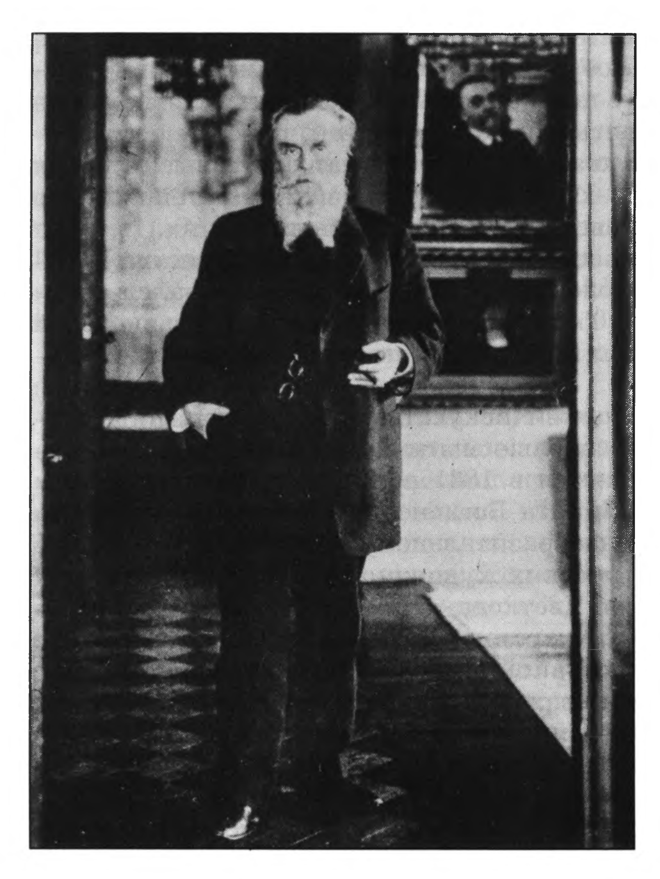
21. Царский И.Н. // Русский биографический словарь. — Спб., 1901. — «Фабер — Цявловский» [Т. 21]. — С. 452—453.

22. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати. — М., 1958. — С. 37, 78—80.



ЦВЕТКОВ Иван Евменьевич

(1845—1917)



И.Е. Цветков — банковский служащий, собиратель живописи и графики русской школы, основатель частной картинной галереи.

Родился 28 апреля 1845 г. в семье священника в с. Астрадамовке Алатырского уезда Симбирской губернии. Был отдан в Алатырское духовное училище, после окончания которого поступил в Симбирскую духовную семинарию. Однако бросил семинарию и стал учиться в Симбирской гимназии, которую окончил в 1866 г. Обладавший способностями к математике, Цветков рискнул принять участие в конкурсе, проводившемся Петербургским технологическим институтом. Победителю конкурса открывалась возможность получить в этом высшем учебном заведении бесплатное образование; иной возможности учиться дальше у юноши не было.

Но Цветков был вынужден вскоре оставить институт, так как сырой климат Петербурга вызвал у него серьезное заболевание. Вылечившись башкирским кумысом, он поступил на математический факультет Казанского университета, а год спустя, в 1869 г., перевелся в Московский университет. Здесь он снова проявил свои незаурядные математические способности, защитил (в 1873 г.) диссертацию на тему «Интегрирование линейных уравнений с постоянными коэффициентами». Ему предложили остаться в университете для подготовки к профессорскому званию, но стремление к материальному благополучию одержало верх, и он выбрал карьеру банковского служащего. В 1874 г. он поступил в Московский акционерный земельный банк и проработал в нем до самой смерти.

Работа в банке хорошо оплачивалась, и скоро Цветков стал состоятельным человеком. Так появилась возможность приобрести первые произведения искусства, интерес к которым возник в студенческие годы.

В 1871 г. будущий собиратель впервые попал в Голицынский музей с его превосходным собранием живописных полотен. Позднее И.Е.Цветков вспоминал: «Они были для меня откровением... Дали мне новое, неведомое наслаждение и новый интерес к жизни» (15, с. 302).

Занимаясь в студенческие годы репетиторством в доме князя Гагарина, он в 1872 г. побывал вместе с этой семьей за границей. Неизгладимое впечатление на Цветкова произвели картинные галереи Берлина и Вены. Именно за границей судьба свела его с первым «живым» коллекционером — астраханским рыбопромышленником А.А.Сапожниковым.

По возвращении в Москву И.Е.Цветков стал завсегдатаем здешних музеев, познакомился с частными собраниями. Особенно привлекал его Румянцевский музей, а когда в 1874 г. появилась возможность познакомиться с обретавшей известность Третьяковской галереей, он стал ее постоянным посетителем. «Здесь я буквально жил, изучал картины, отдыхал душой», — признавался позднее Иван Евменьевич (14). Постепенно его имя получило признание в московских художественных кругах.

Цветков являлся членом Московского художественного общества, Московского общества любителей художеств, в 1901—1905 гг. избирался председателем последнего. В 1899—1905 гг. он — член Совета Третьяковской галереи. В 1903 г. И.Е.Цветков был избран действительным членом Академии художеств.

Увлеченность живописью, историей искусства, материальный достаток позволили Цветкову сделать первые шаги коллекционера. «Биография» Цветковской галереи начинается в 1881 г. с приобретения картины В.Д.Поленова «Сказитель былин Никита Богданов». С самого начала Иван Евменьевич был верен русскому изобразительному искусству, всю жизнь приобретал картины и рисунки русских художников.

Коллекционирование стало для Цветкова страстью. В 1890 г. он признавался брату: «Только любовь к картинам своим и чужим, собирание картин составляют для меня высочайшее наслаждение и нравственное успокоение; здесь все мои душевные радости, которыми жива душа моя» (5, с. 418). Скоро он понял, что лучшие из картин давно и прочно осели в частных собраниях. Тогда он обратил внимание на рисунки и стал их собирать. Коллекционер А.П.Ланговой вспоминал: «В начале своей деятельности он покупал только то, что ему нравилось, а потом как умный человек он понял, что у него должна быть определенная задача, не только эстетическая, но и более широкая, художественно-историческая» (11, л. 133).

О Цветкове и его коллекции сохранилось много отзывов современников. Немало среди них и не очень лестных. Но он собрал и сохранил более тысячи рисунков русских художников, представляющих громадную ценность для истории отечественного искусства. Эти «прихотливые листы», как называл их историк искусства А.А.Сидоров, иногда «перевешивают» и огромные полотна: в них сокрыты тайны творчества. На одном листе мастер запечатлел бросившуюся ему в глаза мелочь, на другом — линии будущей композиции.

Тут были представлены произведения К.П.Брюллова, А.П.Лосенко, П.А.Федотова, М.Н.Воробьева, В.Е.Маковского, И.Е.Репина, В.М.Васнецова, В.Д.Поленова, В.И.Сурикова. Рисунки и акварели хранились в папках по

пятьдесят листов в каждой и были сложены в специальные деревянные шкафы.

В конце 1890-х гг. собрание Цветкова становится известным московским любителям. С 1886 г. коллекция размещалась в особняке владельца в районе Арбата (Кривоарбатский пер., д. 5); с годами ей стало здесь тесно. И вот в 1899—1901 гг. Цветков возводит в самом центре Москвы в двух шагах от храма Христа Спасителя на Пречистенской набережной нарядный двухэтажный особняк. Проект здания разработан при участии В.М.Васнецова и представлял собой стилизованный древнерусский терем. Все интерьеры были также выдержаны в одном стиле: это касалось и мебели, и люстр, и даже занавесей на окнах. Это отвечало русской национальной идее, положенной в основу музея.

Картинная галерея размещалась в двенадцати залах. К 1915 г. в ней насчитывалось свыше четырехсот картин, 36 скульптур и 1373 рисунка и акварелей. Среди живописных произведений выделялись картины В.А.Тропинина («Золотошвейка»), В.Л.Боровиковского (портреты Г.Р.Державина, Е.Г.Темкиной), И.Н.Крамского (портрет А.Д.Громовой), В.И.Сурикова (эскизы к «Утру стрелецкой казни»), В.М.Васнецова (этюд к картине «Богатыри») и др.

Собиратель по праву высоко ценил свою коллекцию русской графики, пожалуй, не знавшую себе равных.

В Цветковской галерее бывали многие художники и коллекционеры, некоторые из них оставили воспоминания о посещении этого частного музея. Художник Я.Д.Минченков так описывает свое посещение галереи: «Когда вы входили в вестибюль, навстречу появлялся сам Иван Евменьевич и ожидал вас на площадке лестницы, ведущей во второй этаж. На нем бархатный халат, вроде боярского, а на голове расшитая золотом тюбетейка. Совсем Борис Годунов.

Вечером хозяин зажигал электрический свет в люстрах второго этажа, показывал гостю свою галерею и давал объяснения. У него была хорошая память, и он знал всю родословную каждого художника начиная с петровского времени. Знал — что называется — кто когда родился, крестился, женился и умер» (12, с. 296).

Другой художник — Василий Васильевич Переплетчиков — также оставил свои впечатления от знакомства с собранием Цветкова. «Передняя сплошь завешана картинами русских художников. Их уже вешать некуда. Висят они и над вешалкой, и под окнами... В зале тоже картины, всюду и везде, в гостиной тоже. Горят лампы. Цветков одинокий, но благодаря картинам в квартире тепло и уютно. Чувствуется, что она согрета чем-то хорошим» (20, с. 42).

В апреле 1909 г. Иван Евменьевич подарил свой музей Москве. «В течение последних 30-ти лет я усиленно собирал картины и рисунки русских художников и составил небольшую картинную галерею, помещенную в моем доме, на Пречистенской набережной, близ храма Христа Спасителя», — этими словами начинается заявление Цветкова в Московскую городскую думу о пожертвовании своего собрания (9, с. 82). Вместе со всей коллекцией картин и рисунков владелец жертвовал городу свой двухэтажный особняк. Заканчивалось заявление следующими сло-

вами: «Если художественное собрание почему-либо исчезнет, например в случае пожара, то жертвуемый дом не может сдаваться внаймы и служить доходной статьей городу. В этом несчастном случае — который, надеюсь, допущен не будет — дом должен служить целям просветительства или благотворительности, например для помещения школы, читальни или амбулатории для приходящих больных» (9, с. 83).

Писательница Наталья Борисовна Нордман-Северова, жена И.Е.Репина, писала коллекционеру из Пенат 3 мая 1909 г.: «Вчера прочли в газетах о вашем волшебном даре городу Москве. Целый день говорили о вас и восхищались вашей идеей. Как это обаятельно — много, много лет жить идеей и наконец достичь алмазных, сверкающих вершин! Когда вспомнишь ваш прелестный дом, всю богатейшую сокровищницу русского искусства и вашу спокойную высокую фигуру — сейчас же почувствуешь всю ту железную силу воли, всю ту сосредоточенную, глубокую любовь, с которою вы идете по намеченному пути. Россия говорит вам свое спасибо, и я рада, что могу присоединить и свое имя русской гражданки к этой благодарности!» (19).

До конца жизни Иван Евменьевич оставался хранителем художественной галереи.

И.Е.Цветков умер в Москве 16 февраля 1917 г.; похоронен на Ваганьковском кладбище.

В 1925 г. Цветковская галерея стала филиалом Третьяковской галереи. Однако в 1926 г. филиал закрыли: лучшая часть коллекции (все рисунки, почти полторы тысячи, и около ста картин) поступила в Третьяковку, а остальное разошлось по губернским музеям.

В канун 150-летия со дня рождения И.Е.Цветкова в мае 1995 г. на здании бывшей Цветковской галереи открыта мемориальная доска. Это редкий случай, когда о коллекционере и его коллекции помнят так долго.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бакушинский А.В. Живопись и рисунки XVIII и XIX вв. в Цветковской галерее. — М., 1925.

2. Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. — М., 1993. — С. 213, 322, 328, 334.

3. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т.1. — С. 36, 53, 55, 95—97, 138, 259, 265, 378, 536, 555, 617; Т. 2. — С. 207—208, 210, 306, 308—311, 313, 315—316, 336, 490, 537.

4. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1989. — Т.1. — С. 1, 13, 195, 197, 250, 256, 258, 260, 263, 275, 280—281, 337—339, 341, 355—356, 363—365, 385, 397, 406, 408, 413, 416—419, 432—435, 437—438, 442—443, 450—454, 461, 476; Т. 2. — С.16—19, 23, 174, 199, 354.

5. Воспоминания И.Е.Цветкова о Тургеневе // Литературное наследство. — М., 1967. — Т.76. — С. 418.

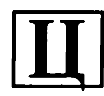
6. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX в. — М., 1984. — С. 36, 212, 229, 277, 280—282, 377, 436, 465, 469, 495.

7. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 246, 356, 419—420.

8. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977. — С. 15, 296.

9. Заявление Ивана Евменьевича Цветкова в Московскую городскую думу от 30 апреля 1909 года о передаче своего собрания картин и рисунков в дар Москве // Памятники Отечества. — 1993. — N 29. — С. 82—83.

10. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 351.



11. Ланговой А.П. История моего собрания картин и знакомства с художниками. — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. — Ф.3, ед. хр. 319. — Л. 133—137.

12. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. — 5-е изд. — Л., 1964. — С. 296—298, 354.

13. Митропольский И. И.Е.Цветков и его картинная галерея // Столичная молва. — 1911. — 16 мая. — N 182.

14. Н. С-ко. Цветковская галерея // Русское слово. — 1909. — 1 августа. — N 176.

15. Ненарокомова И. И.Е.Цветков и его галерея // Панорама искусств. — М., 1988. — Вып. 11. — С. 292—313.

16. Необоснованный слух // Газета для всех. — 1910. — 7 апреля.

17. Новая картинная галерея в Москве // Искры. — 1909. — N 19. — С. 148—149.

18. Нордман-Северова Н.Б. Интимные страницы. — Спб., 1910. — С. 111—112.

19. Нордман-Северова Н.Б. Письмо И.Е.Цветкову. — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. — Ф.14., ед. хр. 111, лл. 1—2.

20. Переплетчиков В.В. Из дневника // Художник. — 1976. — N 10. — С. 42.

21. Тарасов Н.Г. Цветковская галерея в Москве // Старые годы. — 1909. — Декабрь. — С. 657—688.

22. Цветков И.Е. Перечень картин и рисунков собрания И.Е.Цветкова. — М., 1904.

23. Цветков И.Е. Перечень художественных произведений Цветковской галереи. — М., 1915.

24. Шмидт О. Арбат. — М., 1993. — С. 43.

25. Янжул И.И. И.Е.Цветков // Русская старина. — 1911. — N 2. — С. 331—333.

ЧАЯНОВ Александр Васильевич

(1888—1937)

А.В. Чаянов — ученый, экономист-аграрник, педагог, писатель, собиратель икон, бронзы, русской и западноевропейской графики, русских печатных пряников.

Родился в Москве. Его отец, крестьянин по происхождению, работал на одной из иваново-вознесенских фабрик, затем стал ее пайщиком, а позже занялся предпринимательской деятельностью и обосновался в Москве.

Первоначальное образование Александр Чаянов получил в частном реальном училище К.П.Воскресенского — одном из лучших средних учебных заведений Москвы начала XX в. В 1906—1910 гг. он учился в Петровской земледельческой и лесной академии. В годы учебы проходил стажировку в городе Льеже (Бельгия). После окончания академии был оставлен в аспирантуре на кафедре сельскохозяйственной экономики и организации сельского хозяйства. С 1913 г. — доцент, с 1918-го — профессор Петровской академии.

Александр Васильевич Чаянов являлся исследователем сельскохозяйственной кооперации, главой организационно-производственной школы — научного направления, изучавшего проблемы крестьянской экономики. Опубликовал свыше 100 научных трудов на украинском, немецком, японском, английском и французском языках. Труды Чаянова высоко оценены мировой наукой. Собрания его сочинений опубликованы во Франции, Англии, Японии.

После 1917 г. Чаянов был членом Госплана (куда был введен по предложению Ленина), Коллегии Наркомзема, Центросоюза, консультантом правления Зернотреста.

Ученый с широким кругозором, Чаянов был талантливым писателем и неутомимым исследователем Москвы. Он является автором оригинальных литературных произведений — своеобразной «московской гофмани-

ады». Действие во всех его литературных произведениях происходит в Москве. Это «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора», «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека», «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

Чаянов знал Москву не только по книгам, он и сам принимал участие в археологических раскопках, проводил натурное обследование памятников старины, изучал архивные материалы. При этом особенно дотошно исследовал планы старой Москвы. Он читал курс лекций по истории родного города в Московском университете.

Александр Васильевич участвовал в работе Комиссии «Старая Москва» и Общества любителей старины. Он был в числе активных сотрудников журнала «Среди коллекционеров», членом-учредителем и активным деятелем Русского общества друзей книги.

Меньше мы знаем Чаянова как коллекционера, историка частного собирательства и музееведа. Между тем именно он стоял у истоков изучения истории музейного дела в России, опубликовал несколько работ на эту тему, читал спецкурс по истории частного собирательства в Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского. Перу ученого принадлежат книги: «Старая западная гравюра. Краткое руководство для музейной работы» (М., 1926), «История Миюсской площади» (М., 1918), «Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем» (М., 1925).

Александр Васильевич одним из первых в России заинтересовался историей частного коллекционирования. Им опубликованы статьи: «Московские собрания картин сто лет назад» (1917), «Собирательство в старой Москве. Собрания XVI—XVII вв.» (1922), «Антиквары и собиратели прошлого. Московские собрания картин 20-х гг. XIX века» (1924). До него к этой теме в отдельных работах обращались лишь И.Е.Забелин, В.В.Стасов, В.С.Иконников, А.М.Белов, И.И.Лазаревский. Однако никто до Чаянова не пытался воссоздать всю панораму раннего московского увлечения собирательством, проследить истоки формирования целого ряда столичных собраний художественной старины. Фактически им впервые поставлена задача изучения персоналий русских коллекционеров, задача и по сей день далекая от своего разрешения. Следует подчеркнуть, что Александр Васильевич обращал внимание и на такой аспект, как психология коллекционеров.

Александр Васильевич вырос в культурной семье, где высоко ценили искусство, книги, интересовались историей. Многолетняя дружба связывала его с двоюродным братом, Сократом Александровичем Клепиковым, известным библиографом и коллекционером.

Личная коллекция А.В.Чаянова стала складываться с 1909 г. Как замечал он сам в книге «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», его собирательство икон началось с приобретения «Спаса Новгородского» в антикварной лавке Елисея Силина.

Собирать графику Александр Васильевич стал неожиданно для самого себя. Оказавшись по семейным обстоятельствам в Германии (его жена ждала тогда первого сына), посещая книжные магазины и антикварные лавки, он обратил внимание на гравюры. За короткий срок он стал обла-

дателем отличного собрания. Вскоре это стало чуть ли не главным его увлечением. Он покупал гравюры, бывая в заграничных командировках, приобретал их в Москве на аукционах, которые устраивались Русским обществом друзей книги.

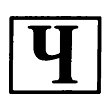
Чаянов был не только собирателем, но и исследователем гравюры. Профессор-искусствовед Н.И.Романов, высоко ценивший Чаянова как коллекционера и знатока гравюры, в предисловии к чаяновской книге «Старая западная гравюра» писал: «...истинный знаток искусства — не философ, строящий теорию эстетики, часто это даже не историк искусства и далеко не всегда хранитель музея, но по большей части это собиратель-коллекционер, любящий искусство... Тонкий вкус, художественный опыт, верность глаза, делают мнение и совет коллекционера особенно ценными, как это прекрасно подтверждается содержанием этой книги, написанной одним из любителей искусства» (10). О глубоком интересе Чаянова к гравюре свидетельствовал обстоятельный доклад «Книжные украшения глубокой печати в русских изданиях XVIII века», прочитанный им в 1926 г. на заседании Русского общества друзей книги.

Кстати сказать, Александр Васильевич пробовал свои силы в качестве художника-гравера. Тут ему очень пригодились навыки, полученные в юности в Рисовальных классах К.Ф.Юона. Так что техника гравюры была Чаяновым не только изучена, но и практически освоена.

Книга Чаянова «Старая западная гравюра» в значительной степени построена на анализе собственного собрания. Адресуя ее музейным работникам, он делился с ними личным опытом собирания, систематизации, атрибуции, хранения и экспонирования гравюр. Особую ценность в этой книге представляли составленные автором таблицы с монограммами итальянских, немецких, фламандских и голландских граверов XV—XVII вв., основанные как на личном собрании, так и на изучении коллекции Берлинского кабинета гравюр.

Чаянов собирал также пряники в виде фигурок людей, птиц и зверей, хорошо знал историю и технологию исконно русского пряничного производства. Не случайно в одной из своих книг он с большим знанием дела писал о Бутырках, которые славились производством баранок, от самых крупных — «обручей» до самых мелких — «бус». Словом, Чаянов-коллекционер помогал Чаянову-писателю.

К сожалению, ни одна из коллекций А.В.Чаянова до наших дней целиком не сохранилась. «Сладкая коллекция», по воспоминаниям С.А.Клепикова, была съедена в голодной Москве в 1918 г. Судьба бронзы неизвестна. Что же до гравюр, то, со слов сына, Василия Александровича Чаянова, судьба их сложилась следующим образом. В 1937 г. после ареста жены Чаянова, Ольги Эммануиловны (сам он к тому времени уже несколько лет был в заключении), ее отец, на попечении которого оставались два маленьких внука, решил продать коллекцию Государственному музею изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Музей заинтересовался коллекцией и обещал заплатить за нее. Однако когда в музее узнали о «врагах народа» из этой семьи, то платить денежное вознаграждение отказались, а гравюры не вернули. С тех пор 118 листов из бывшего чаяновского собрания находятся в собрании Гравюрного кабинета ГМИИ.



Часть коллекции гравюр была отправлена в начале 1937 г. О.Э.Чаяновой мужу в Алма-Ату, где они, по всей видимости, после смерти Александра Васильевича пропали. Из икон уцелели только четыре. Три хранятся ныне у сына, а четвертая — у художника Коржева. Вся личная библиотека А.В.Чаянова погибла в 1930-е гг. 21 июля 1930 г. А.В.Чаянов был арестован по делу «контрреволюционной» организации — «Союзного бюро меньшевиков» и приговорен к пяти годам тюрьмы. Отбыв заключение в Суздальской тюрьме, Чаянов отправился в ссылку в Алма-Ату. Осенью 1937 г. арестован вторично и 3 октября расстрелян. В 1987 г. реабилитирован.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Балязин В. Историк Москвы — Александр Чаянов // Москва: город и человек. — М., 1989. — Вып.2. — С. 354—371.

2. Ласунский О. Чаяновские издания (о литературной и издательской деятельности А.В.Чаянова) // Подъем. — 1968. — N 3. — С. 135—139.

3. Никонов А. Предмет исследования — труд земледельца // Наука и жизнь. — 1988. — N 5. — С. 8—19.

4. Чаянов А.В. Антиквары и собиратели прошлого: Московские собрания картин 20-х годов XIX века // Среди коллекционеров. — 1924. — N 9—12. — С. 46—51.

5. Чаянов А.В. Венецианское зеркало: Повести. — М., 1989.

6. Чаянов А.В. История Миюсской площади (К истории университета им. А.Л.Шанявского). — М., 1918.

7. Чаянов А.В. Московские собрания картин сто лет назад // Известия Московской городской думы. — 1917. — N 1. — С. 1—16.

8. Чаянов А.В. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем: Путеводитель. — М., 1925.

9. Чаянов А.В. Собирательство в старой Москве: Собрания XVI—XVII вв. // Среди коллекционеров. — 1922. — N 1. — С. 26—29.

10. Чаянов А.В. Старая западная гравюра: Краткое руководство для музейной работы. — М., 1926.

ЧЕРТКОВ Александр Дмитриевич (1789—1858)

С миниатюры неизвестного художника.

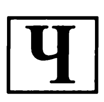
А.Д. Чертков — археолог, библиофил, собиратель монет, рукописей, старопечатных книг.

Родился в Воронеже 19 июня 1789 г. в семье губернского предводителя дворянства. Происходил из старинного русского дворянского рода. Получил домашнее образование. Одним из его воспитателей и первых научных наставников стал Г.П. Успенский, будущий крупный ученый, профессор Харьковского университета. Именно он заронил в душу будущего собирателя интерес к истории, историческим источникам, книгам, приобщил его к историко-литературным трудам.

В 1808 г. Александр Чертков уехал в Петербург и поступил на службу в Министерство внутренних дел. Однако год спустя сменил гражданскую службу на военную и был принят в лейб-гвардии Конный полк. Он стал участником многих сражений Отечественной войны 1812 г. — под Дрезденом, Лейпцигом, Кульмом. За отличие в бою под Кульмом Чертков награжден орденом св. Анны IV степени и знаком отличия — прусским железным крестом. Принимал участие в Заграничных походах русской армии.

В 1822 г. вышел в отставку и предпринял длительное путешествие по Европе: побывал в Швейцарии, Италии, Австрии. Подолгу занимаясь в библиотеках, музеях, частных собраниях, изучая памятники археологии и архитектуры, он расширил свой кругозор, получил глубокие знания. Путешествие развило в нем интерес к искусству, археологии, нумизматике.

С 1828 г. А.Д.Чертков поселился в Москве. Здесь он включился в общественную деятельность. В 1835—1844 гг. избирался московским уездным предводителем дворянства, а в 1844—1856 гг. — губернским предводителем дворянства. Однако больше всего времени и сил он отдавал занятиям историей и составлению коллекций. Александр Дмитриевич



участвовал в работе многих научных обществ: Московского общества испытателей природы при Московском университете, Московского общества сельского хозяйства, Русского археологического общества. Деятельнее всего он сотрудничал с Обществом истории и древностей российских, членом которого состоял с 1833 г. В 1848—1857 гг. он возглавлял это общество. В 1842 г. Чертков избран действительным членом Российской Академии наук. В 1843 г. он был среди основателей Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Всю жизнь увлекаясь коллекционированием — он собирал монеты, медали, рукописи, акты, грамоты, планы, карты, портреты, старопечатные книги, — Александр Дмитриевич более всего прославился своим нумизматическим собранием и библиотекой.

Собирательская деятельность Черткова началась, однако, не с исторических реликвий, а с естественнонаучных. Тонкий ценитель природы, он составил богатый минералогический кабинет, собрал коллекцию бабочек, описывал (причем, на итальянском языке) флору Острогожского уезда. Однако увлечение историей вскоре взяло верх, и собиратель навсегда оставил природоведческую тематику.

Начиная с середины 1820-х гг. А.Д.Чертков стал собирать монеты. К 1842 г. он имел уже около шестисот древнерусских монет чеканки великих князей московских, тверских, рязанских, а также князей удельных, монеты новгородские и псковские. Древнерусские монеты привлекали его как ценнейшие исторические памятники для воссоздания прошлого России. Большинство собирателей отдавали предпочтение западноевропейским монетам и медалям. Это было связано с тем, что древнерусские монеты, как правило, плохой чеканки и неудовлетворительной сохранности, не находили отражения в исследованиях, справочных пособиях, определителях. Поэтому многие отечественные монеты безвозвратно погибали.

Александр Дмитриевич решил в помощь собирателям русских монет составить и издать каталог собственного нумизматического собрания. В 1834 г. в Москве вышла в свет его книга «Описание древних русских монет». Следом (в 1837, 1838, 1842 гг.) были опубликованы три прибавления к ней. Этот труд положил начало исследованию русских монет, а его автор стал основателем русской нумизматической науки. Книга сыграла заметную роль в пробуждении интереса к коллекционированию монет и явилась практическим руководством для нумизматов. Сочинение А.Д.Черткова было удостоено Демидовской премии Академии наук.

В 1841 г. благодаря публикации в журнале «Москвитянин» общественность узнала о выдающемся книжном собрании, составленном А.Д.Чертковым. «Кому принадлежит полнейшее собрание книг о России? Какой Академии, какому Университету, какому ученому Обществу? — спрашивал автор статьи. — Нет полного нигде: ни в Академиях, ни в Университетах, ни в Обществах (а надо бы). Полнейшее принадлежит частному человеку, который, среди обязанностей службы, посвятил двадцать лет трудов, не жалея издержек, на приобретение всего того, что писано о России, внутри и вне, и собрал наконец в самом деле библиотеку, в которой редкой книги вы не найдете» (13, с. 606).

В основу чертковской библиотеки были положены книги, которые он получил в наследство от деда по материнской линии Степана Ивановича Тевяшова, страстного библиофила. Увлекшись русской историей, Александр Дмитриевич поставил задачу собрать воедино все важнейшие сочинения по отечественной истории. И эту задачу он с честью выполнил за короткое время. Он создал уникальную библиотеку, которая насчитывала 17300 книг, изданных в XVI—XIX вв. на церковнославянском, русском, немецком, итальянском, французском, голландском и испанском языках. Здесь было немало книг с автографами известных ученых и писателей — В.А.Жуковского, Н.М.Муравьева, В.И.Даля, П.А.Вяземского и др. Это первая в стране библиотека, специально посвященная России.

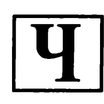
Все книги владелец разбил на семь отделений. В первое вошли собственно исторические сочинения, во второе — книги по географии, этнографии, естественной истории, медицине, описания путешествий, третье отделение, под названием «Состояние просвещения», включало издания по законоведению, истории религии, военного дела, торговли, промышленности, науки, искусства, литературы. В четвертое отделение входили библиографические справочники и словари, в пятое — периодика, в шестое — литература о славянских народах.

Седьмое отделение включало рукописное собрание, а также коллекцию изобразительных материалов. В последнюю входили портреты русских деятелей, планы и виды городов, монастырей, церквей, селений, памятников, сражений, крепостей, исторических событий. Тут были и изображения военного и народного костюма.

Не менее страстно разыскивал Александр Дмитриевич старинные рукописи — летописи, хронографы, исторические и литературные сборники. В его собрании насчитывалось свыше 200 рукописей. Причем это были в основном памятники светского характера. Среди них — семь рукописей на пергаменте XIV—XV вв. Чертковское рукописное собрание, относительно небольшое, выделялось тем, что на многих рукописях имелись записи и пометки, сделанные переписчиками, переплетчиками, владельцами, читателями, художниками. Эти пометы очень живо передают дух времени, отражают вкусы, пристрастия, черты характера людей прошлых веков. По ним прослеживаются места и среда бытования рукописной книги, состав владельцев и читателей.

В рукописном собрании были такие выдающиеся памятники древнерусской письменности, как «Вологодско-Пермская летопись» (XVI в.), «Владимирский летописец» (XVI в.), «Летописец Устюжский» (XVIII в.), «Летописец города Курска» (XVIII в.). Всего здесь собрано 24 летописи.

Среди лицевых рукописей выделялись два полных Евангелия XIV в., а также «Индикоплав» XVII в. с тридцатью восемью миниатюрами, заставками, буквицами и маргиналиями. Многочисленными рисунками животных, насекомых, цветов, растений, трав выделялся «Травник и лечебник» XVII в. Акварельные рисунки гербов тридцати губерний украшали рукопись «Гербовник» XVIII в. Любопытными рисунками отличались рукописи учебного характера (буквари, задачники, грамматики). Среди 30 учебников обращал на себя внимание «Учебный сборник» начала XVIII в., насыщенный тонкими рисунками в гравюрной манере.



К рукописному собранию примыкал богатейший семейный архив, включавший многочисленные материалы о декабристах. А.Д.Чертков был в родственных связях с декабристами З.Г.Чернышевым и Н.М.Муравьевым.

Знаток и почитатель книг, Александр Дмитриевич подготовил каталог личного собрания и издал его в 1838 г. под названием «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях», а также два дополнения к нему — в 1838 и 1845 гг.

В предисловии ко второму прибавлению владелец обмолвился, что библиотека состоит «не только из собранных, но вместе с этим из прочтенных книг» (17, ч. 2, с. 9). В общей сложности в этих «путеводителях» по книгам дана характеристика 8800 изданий. По отзывам современников, Александр Дмитриевич отличался исключительной трудоспособностью. «Ничто не могло отвлечь его, — писал археограф и библиограф П.И.Бартенев, — ни обширные знакомства и связи, ни многосложное управление своими и чужими (по опеке) поместьями, ни исправление должностей служебных... Под строгой наружностью таилось много душевной энергии и сильное пламя любви к своему делу» (2, с. 6).

Собрание А.Д.Черткова располагалось в его особняке на Мясницкой улице. Тут проходили многолюдные собрания, широко известные в середине прошлого века. У хозяина побывали многие писатели, ученые, художники: В.А.Жуковский, Ф.Н.Глинка, М.Н.Загоскин, А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, М.С.Щепкин и др.

А.Д.Чертков скончался 10 ноября 1858 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Библиотеку и коллекции унаследовал сын Черткова, Григорий Александрович. Выполняя волю отца, он открыл в 1863 г. бесплатную частную библиотеку — первую подобного рода в России; она называлась «Московская городская Чертковская публичная библиотека» и просуществовала десять лет, до 1873 г.

В декабре 1862 г. в газетах «День» и «Московские ведомости» появились статьи библиотекаря чертковского книгохранилища П.И.Бартенева. В одной из них он писал: «Подобные ученые собрания, оставаясь даже и частной собственностью, не должны и не могут укрываться от общего внимания и любознательности. Сознавая это, нынешний владелец библиотеки, сын собирателя, Григорий Александрович Чертков, с наступающего 1863 г. приглашает любителей просвещения, людей, занимающихся наукой, наших ученых и литераторов, а также своих знакомых и лиц, известных библиотекарю Петру Ивановичу Бартеневу, кому угодно, посещать библиотеку три раза в неделю, от 11 до 3 ч. дня, по понедельникам и средам обыкновенно занимаются в библиотеке чтением, а по пятницам можно только осматривать ее достопримечательности» (3, с. 20—21).

Специально для библиотеки Г.А.Чертков по собственному проекту сделал пристройку к особняку. Библиотеке было отведено шесть комнат. В четырех располагались книги и коллекции, две комнаты предназначались для читателей. В первой комнате хранились рукописи и наиболее ценные материалы; во второй — только книги. В двух других залах помещались нумизматическая и художественная коллекции. Рукописи хранились в специальных закрытых шкафах.

Хранителем собрания с 1859 г. стал археограф и библиограф П.И.Бартенев. На основе рукописного фонда чертковского собрания он стал издавать журнал «Русский архив». По числу опубликованных источников это издание занимает первое место среди других русских исторических журналов.

Чертковская библиотека пользовалась большой популярностью в научной среде. Многие ученые и коллекционеры передавали сюда свои книги и коллекции. Сам Г.А.Чертков, тоже увлеченный библиофил, продолжал пополнять библиотеку, собранную отцом, и почти в два раза умножил ее состав. В декабре 1871 г. в связи с переездом в Петербург и необходимостью продать особняк, он решил принести в дар Москве все фамильное собрание. При этом было выдвинуто несколько условий: библиотека должна была сохранить свое название, коллекцию нельзя дробить и вывозить из Москвы, доступ к собранию должен оставаться бесплатным, а для размещения коллекций необходимо соорудить специальное здание.

Московская дума приняла этот дар. Однако здание для библиотеки так и не было построено. В 1873 г. коллекции перевезены на временное хранение в Румянцевский музей. Год спустя в связи с решением о создании в Москве Исторического музея Городская дума просила Г.А.Черткова передать в него все собрание. В марте 1874 г. была юридически оформлена передача библиотеки из собственности Москвы в собственность Исторического музея. До завершения строительства музейного здания все материалы по-прежнему хранились в Румянцевском музее. В 1887 г. они были перевезены в здание Исторического музея на Красной площади.

В 1938 г. основная часть книг чертковского собрания передана в фонды созданной тогда Государственной публичной исторической библиотеки. В 1945 г. произошло разделение чертковского рукописного собрания: рукописи русских писателей из Исторического музея перешли в Государственный литературный музей.

Нумизматическая коллекция, старопечатные книги (771 номер), рукописи (244 номера) и богатый семейный архив (368 дел) Чертковых остались в Историческом музее.

Здание, где некогда располагалось собрание А.Д.Черткова, сохранилось до нашего времени; ныне это дом 7 по Мясницкой улице.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. — М.-Спб., 1888 — 1910. — Кн. 1—22.

2. [Бартенев П.И.]. А.Д.Чертков и его библиотека // Русский архив. — 1863. — N 1. — С. 1—19.

3. [Бартенев П.И.]. Несколько слов о Чертковской библиотеке // День. — 1862. — 22 декабря. — N 51. — С. 20—21.

4. [Бартенев П.И.]. Несколько слов о Чертковской библиотеке // Московские ведомости. — 1862. — 30 декабря. — N 284. — С. 2301. — Столб. 1—2.

5. Веселовский Н.И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896. — Спб., 1900. — С. 10, 268.

6. Гарский В. Чертков А.Д. // Русский биографический словарь. — Спб., 1905. — «Чаадаев — Шнитков» [Т. 22]. — С. 346—351.

7. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959. — С. 122, 152, 339.

8. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т. 1, кн. 1. — С. 123, 141, 258, 262, 298—299, 307, 360, 627,

697, 863; Т.1, кн. 2. — С. 1131, 1161, 1171, 1242—1244, 1246—1248, 1265, 1296, 1360, 1365, 1401, 1403, 1406, 1416, 1436, 1508.

9. Немировский А.И. Александр Дмитриевич Чертков: Опыт научной биографии // Вопросы истории. — 1988. — N 10. — С. 44—59.

10. Описание рукописей собрания Черткова. / Сост. М.М.Черниловская, Э.В.Шульгина. — Новосибирск, 1986.

11. Отчет Императорского Российского Исторического музея им. имп. Александра III в Москве за XXV лет: 1883—1908. — М., 1916. — С. 151—154.

12. Петров Ф.А. «Дорожные дневники» А.Д.Черткова // Очерки по истории отдела нумизматики. // Труды Государственного Исторического музея. — М., 1993. — Вып. 83. — С. 81—113.

13. Примечательная библиотека в Москве // Москвитянин. — 1841. — N 1. — С. 606—608.

14. Пыпин А.Н. Каталог повестей, входящих в сборники собрания Черткова // Сборник любителей российской словесности. — М., 1891. — С. 541— 556.

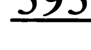
15. Разманова Н.А. Из истории книжной коллекции А.Д.Черткова // Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов // Государственная публичная историческая библиотека. — М., 1987. — Ч. 1. — С. 18—29.

16. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 222.

17. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях. — М., 1838—1845. — Ч. 1—2.

18. Чертков А.Д. Описание древних русских монет. — М., 1834.

19. Чертков А.Д. Описание древних русских монет: Прибавление первое. — М., 1837.



20. Чертков А.Д. Описание древних русских монет: Прибавление второе. — М., 1838.

21. Чертков А.Д. Описание древних русских монет: Прибавление третье. — М., 1842.

22. Шульгина Э.В., Черниловская М.М. А.Д.Чертков и история его библиотеки // Проблемы экспозиционной и фондовой работы: Сб. науч. тр. Государственного Исторического музея — М., 1987. — Вып. 65. — С. 106—113.

23. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати. — М., 1958. — С. 63—65, 83.

24. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея // Археографический ежегодник за 1964 год. — М., 1965. — С. 193—217.

ШАБЕЛЬСКАЯ Наталья Леонидовна
(1841—1904)

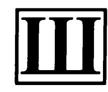
Н.Л. Шабельская — исследовательница народного искусства, коллекционер русской старины.

Родилась в Таганроге в семье Леонида Александровича Кронеберга. Отец увлеченно занимался лингвистикой, музыкой и рисованием. Он хорошо разбирался в изобразительном искусстве и любил его. Все это не прошло бесследно для девочки. С детства она стала увлекаться рукоделием — вышивкой, шитьем, вязанием, кружевоплетением.

Наталья Кронеберг с золотой медалью окончила Харьковский женский институт. В студенческие годы, серьезно занимаясь музыкой, была одной из лучших в институте пианисток. В 1862 г. вышла замуж за крупного харьковского землевладельца Петра Николаевича Шабельского. Больше десяти лет прожила в имении Чупаховка Харьковской губернии. Жизнь в сельской местности, близкое знакомство с бытом крестьян, а также любовь к женским рукоделиям открыли для нее мир народного искусства и подтолкнули к идее создания собственной вышивальной мастерской. Под руководством Натальи Леонидовны в этой мастерской работали 14 вышивальщиц и кружевниц.

В конце 1870-х гг. семья Шабельских, в которой к тому времени было три дочери, переехала в Москву. Переезд был вызван желанием дать детям хорошее образование. Здесь Наталья Леонидовна очень много читала, общалась с московскими любителями старины и коллекционерами, посещала музеи и выставки. В Москве интерес ее к народному искусству еще более окреп. Она снова организовала вышивальную мастерскую. «В этом небольшом заведении, — писал не раз бывавший в доме Шабельской известный московский коллекционер А.П.Бахрушин, — она исполняет, единственно из любви к искусству, работы старинным русским швом и по старинным рисункам. Изготовленные этим путем предметы идут ко Двору и в подарок добрым знакомым» (2, с. 31).

«Попав во время одной поездки своей по Волге, в начале 80-х годов, в Нижний Новгород, — вспоминал близко знавший Шабельскую художественный критик В.В.Стасов, — она искренно пленилась на ярмарке богатыми



образцами старинных русских вышивок. Их характерность и изящество поразили ее, и от сих пор она поставила себе целью изучить эту прелестную отрасль женского русского народного творчества, собирать и хранить его образцы, а также создавать новые работы в том же стиле, духе и красоте» (14, с. 195).

Тогда же Н.Л.Шабельская основательно проштудировала труд В.В.Стасова «Русский народный орнамент» (1872) и стала одним из лучших знатоков женского творчества. Наталья Леонидовна изучала народную вышивку не только по публикациям, но и в подлинниках, для чего работала в музеях, общественных и частных собраниях, в монастырских и церковных ризницах. Однако больше всего она работала со своей личной коллекцией.

Начало коллекции Н.Л.Шабельской было положено в Москве с приобретения вышивок. Затем ее заинтересовал женский костюм. В дальнейшем ее привлекали и другие предметы «древнего художественного обихода». В поисках произведений народного искусства Н.Л.Шабельская не раз предпринимала специальные поездки по России. Она побывала на Русском Севере, в Поволжье, в Крыму, в южнорусских областях, многократно бывала в центральных губерниях России. Со временем в поездках стали принимать участие и ее дочери, Варя и Наташа, которые помогали вести записи приобретений, систематизировать и описывать вещи. Кроме того, Наталья Леонидовна посылала для приобретения старинных вещей своих агентов во многие районы страны. Позднее, выезжая за границу, она и там покупала произведения искусства для своего собрания. Отдельные предметы были специально изготовлены для нее крестьянскими мастерицами по старинным образцам.

За несколько десятилетий неустанных поисков Наталья Леонидовна собрала поистине уникальную коллекцию произведений народного искусства и предметов быта XVIII—XIX вв. народов России. Основу коллекции составлял народный костюм: кафтаны, полукафтанчики, сарафаны, сорочки, шубейки, душегрейки, епанечки, «холодники», или шугаи (летние шубы) и предметы женского туалета. Но наиболее богато в этом разделе были представлены женские и девичьи головные уборы — разнообразнейшие кички, сороки, связки, сборники, начельники, ленты с подвесом, повойники, девичьи венцы, кокошники, унизанные жемчугом и украшенные перламутром.

Большим разнообразием отличалась коллекция вышивки и кружев — практически все виды старинного русского шитья и кружевоплетения: шитье по перевити, шитье шелком по филе, шитье по холсту полотнянками, шитье цепное золотом и шелком, шитье плоским швом, шитье верхошовом, двустороннее шитье и многое другое.

Еще один раздел составляли образцы русских и «заморских» тканей — парчи, полупарчи, бархата, шелка из Индии и Китая, Персии и Франции, Турции и России, прекрасная подборка старинных русских набоек.

Воздухи, иконы, пелены, покровцы, оклады для икон являли собою собрание церковной старины.

Украшением коллекции были произведения прикладного искусства из слоновой кости, золоченого дерева, меди, олова, хрусталя, сердолика,

агата. Нарядностью, оригинальностью формы выделялись старинные «укладки», или ларцы, в которых женщины хранили драгоценности, ленты, головные платки, предметы рукоделия.

Старинная мебель составляла особый раздел собрания Шабельской: предметы, некогда находившиеся на «женской» половине дома — туалетные столики, зеркала с подставками, комоды, столики для рукоделия.

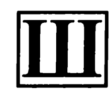
На выставке Восьмого археологического съезда, проходившей в 1890 г. в Императорском Российском Историческом музее, собирательница впервые познакомила москвичей со своей блестящей коллекцией. Вещи из ее собрания — 673 предмета, — занимавшие первые два зала, привлекли всеобщее внимание и имели большой успех у посетителей: костюмы, головные уборы, образцы тканей, русского шва, кружев.

«Собрание головных уборов Н.Л.Шабельской, — писал историк искусства Д.В.Айналов, — отличается разнообразием, богатством и прекрасной сохранностью. Кики, кички, повойники, начельники, сороки, кокошники и проч., составлявшие головной убор наших северных губерний у бояр и простого народа, имеют большой этнографический интерес» (1, с. 223). Ученый в своей обстоятельной статье отметил исключительное разнообразие орнаментальных форм на вышивках: древнейшие изображения геральдических животных — пантер, львов, «собачек с завороченными к спине хвостами», бодающихся зверей, единорогов, птиц.

Внимание посетителей приковывали три столешника, как в старину называли скатерти. Под номером 289 был показан «столешник по холсту. Узор: двуглавый орел времен Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, птица сирин в кругах, ореховая развода и шитье полотнянками, как-то: крест-накрест, городки, колесом, вьюнчики, гусиная плоть, брань и друг. По кайме на углах двуглавые орлы, вокруг птицы, грифы и листья. Длина столешника семь аршин» (7, с. 10). На другом столешнике в узоры были вплетены попугаи и сирины, на третьем — «в кругах птица, украшенная короной, львы, инроги, а на кайме листья» (7, с. 10). Такие скатерти были когда-то свидетелями торжественных званых обедов и пиров.

В 1892 г. собрание Натальи Леонидовны было еще более полно представлено в Петербурге в Николаевском дворце на выставке Красного Креста в пользу пострадавших от неурожая. В экспозицию включено до четырех тысяч предметов, в том числе шитье нитками, шелком, золотом и серебром, старинные ткани, русские женские костюмы, головные уборы, резьба по дереву и кости, различные женские украшения (серьги, браслеты, ожерелья, пряжки и др.). Здесь и состоялось знакомство Н.Л.Шабельской с В.В.Стасовым, позже перешедшее в дружбу.

В.В.Стасов откликнулся на выставку восторженной заметкой в печати. «Все меня в этой выставке восхищает, — писал он, — и собрание превосходных работ, выполненных древней русской женщиной, и необычайный женский почин, необычайное знание со стороны русской современной женщины, и необычайная энергия собирательницы, употребившей 20 лет своей жизни на то, чтобы со всех концов России добыть и соединить в своем музее образцы художественного труда и домашнего творчества долгих поколений древней русской женщины. Где мне укажут другой такой му-



зей, другую такую выставку, да еще как результат собственной потребности, своей собственной мысли? Нат. Леон. Шабельская принадлежит к тому поколению новых русских женщин, которые не только живут уже интеллектуальной жизнью, не только поступили уже работницами в почетный легион русских деятелей по части литературы, науки, искусства, но еще вдобавок ясно чувствуют, что такое наша национальность, страстно любят ее и отдали на служение ей всю свою жизнь...» (13).

В апреле 1901 г. Шабельская приняла участие в Художественной выставке из частных собраний, которая проходила в стенах Строгановского училища. Здесь она представила мебель, фарфор, бронзу. Посетители выставки обращали особенное внимание на изящную мебель.

В 1891 г. Н.Л.Шабельская выпустила альбом, посвященный любимым предметам своего собрания. В дальнейшем она хотела продолжить работу и выпустить целую серию иллюстрированных изданий.

Коллекция располагалась в особняке Натальи Леонидовны по Садовой улице, д. 11. Стасов, бывавший не раз гостем Шабельской, писал, что «дом ея в Москве сделался настоящим музеем, необыкновенно богатым и разнообразным» (14, с. 196).

Предметы русской старины из коллекции Н.Л.Шабельской с 1893 г. не раз экспонировались и за рубежом: в Чикаго, Антверпене, в Париже. На Парижской Всемирной выставке 1900 г. Наталья Леонидовна представила русский «Теремок» с многочисленными, самой тонкой и изящной работы, женскими костюмами, образцами старинного русского быта. Этот раздел пользовался огромным успехом.

Последние годы Н.Л.Шабельская по состоянию здоровья была вынуждена жить за границей. Она стала задумываться о дальнейшей судьбе коллекции и пришла к мысли о необходимости передачи ее в музеи. В 1892 г. она принесла часть своего собрания (коллекции головных уборов, русских вышивок и образцов тканей XVII—XIX вв.) в дар Императорскому Российскому Историческому музею. За заслуги в изучении и сбережении памятников народного искусства Н.Л.Шабельская была избрана действительным членом Российского Исторического музея.

В 1902 г. Шабельская приняла решение о передаче всей коллекции Русскому музею, в составе которого существовал этнографический отдел. Однако довести дело до конца она не успела.

Н.Л.Шабельская скончалась 7 января 1904 г. в Ницце; похоронена там же.

Коллекцию Натальи Леонидовны унаследовали ее дочери — Варвара Петровна (в замужестве Сидамон-Эристова) и Наталья Петровна. Похоронив мать, дочери вернулись в Россию, чтобы решить судьбу коллекции. Уезжая за границу, Шабельская большую часть предметов из своего собрания сдала на временное хранение в Исторический музей: сундуки с коллекцией стояли в музейном подвале. Часть вещей оставалась в московском доме, а часть находилась за границей.

Выполняя волю матери, дочери в 1906 г. передали основные и лучшие материалы в Русский музей: 1078 самых ценных предметов, кроме того, 2596 предметов были приобретены императором Николаем II за 40 тыс. рублей и переданы в тот же музей. Предполагалось устроить в Русском музее именной зал Н.Л.Шабельской.

Дочери решили продолжить выпуск задуманных матерью альбомов. Были подготовлены материалы еще для 12 томов, однако до революции удалось опубликовать только один том, посвященный вышивкам и кружевам.

Вещи из собрания Шабельской, оставшиеся за границей, в предреволюционные годы не раз экспонировались там. В 1914 г. они с успехом демонстрировались в Лондоне. Война, разразившаяся в этом году, помешала их возвращению в Россию: они остались в Ницце. Среди них, как выяснилось значительно позднее, оказалось и несколько предметов, предназначавшихся для передачи в Русский музей.

Одна из дочерей Н.Л.Шабельской, В.П.Сидамон-Эристова, после 1917 г. эмигрировала во Францию. Другая — Н.П.Шабельская — какое-то время оставалась в Советской России. Художник, реставратор, специалист по декоративной вышивке, она в 1920-е гг. работала в Москве в Центральных государственных реставрационных мастерских под руководством И.Э.Грабаря. В 1925 г. она выехала на время в Париж к заболевшей сестре Варваре, вместе с которой позже поселилась в Ницце. «Ужасающая тоска по Родине душит нас и не дает нам ни минуты покоя, и нам безусловно хотелось бы вернуться в Москву, — писала Н.П.Шабельская в письме И.Э.Грабарю от 3 мая 1929 г. — В Ниццу мы докатились только с той целью, чтобы постараться найти часть нашей коллекции русской старины, которая оставалась здесь еще до войны, — почти все нашли в целости, и хотелось бы все это сохранить для Родины, но как все это сделать, не знаю, быть может, ценой пожертвования ее в музей за ничтожную сумму... чтобы только иметь угол и право жизни в Москве...» (6, с. 368).

Ни вернуться самим, ни возвратить на родину чудом найденную коллекцию сестрам Шабельским не удалось. В Париже они выполняли заказы Поля Пэре — делали по собственным эскизам отделку платьев в древнерусском стиле, а в Ницце организовали свою мастерскую. Рисунки выполняла Варвара, модели — Наталья.

Заграничная часть собрания Шабельских впоследствии оказалась поделенной на две части: одна попала в Соединенные Штаты Америки, другая осталась у секретаря Шабельских Лукьяновского. У последнего вещи из некогда знаменитой коллекции купил в 1988 г. живший в Париже Павел Михайлович Толстой-Милославский. Он-то и вернул на родину это собрание: в 1991 г. он принес несколько сот предметов в дар Всероссийскому музею народного и декоративно-прикладного искусства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Айналов Д.В. Образцы старинного русского шитья и кружев Н.Л.Шабельской // Труды Восьмого археологического съезда в Москве: 1890. — М., 1897. — Т. 4. — С. 220—223.

2. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает. — М., 1916. — С. 30—32.

3. Воронов В.С. Русское народное искусство и его собиратели // Воронов В.С. О крестьянском искусстве. — М., 1972. — С. 142—148.

4. Выставка русской старины // Художественно-педагогический журнал. — 1910. — N 22. — С. 8—9.

5. Горностаев И.Ф., Бугославский Я.М. По Москве и окрестностям. — М., 1903. — С. 388.

6. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1977. — С. 368.

7. Каталог выставки Восьмого археологического съезда в Москве в 1890 году: Зала первая: Собрание Н.Л.Шабельской. — М., 1890. — С. 1—18.

8. Молотова Л.Н. Н.Л.Шабельская и ее коллекция в Государственном музее этнографии народов СССР // Сообщения Государственного Русского музея. — М., 1976. — Вып. XI. — С. 169—173.

9. Никифоров Д. Сокровища в Москве. — М., 1901. — С. 43.

10. По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. — М., 1917. — С. 425.

11. Редин Е.К. Письма В.В.Стасова к Н.Л.Шабельской // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. — Харьков, 1904. — Т. 18. — С. 198—213.

12. Сидамон-Эристова В.П., Шабельская Н.П. Собрание русской старины. — М.. 1910. — Вып. 1. — Вышивки и кружева.

13. Стасов В.В. Женская русская народная выставка // Новости и биржевая газета. — 1892. — 7 февраля. — N 38.

14. Стасов В.В. Наталья Леонидовна Шабельская: Биографический очерк // Стасов В.В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. — М., 1952. — Т. 1. — С. 194—198.

15. Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры. — М., 1962—1967. — Т. 1. — С. 175, 179, 181—182, 188, 190; Т. 2. — С. 59, 97—98, 152.

16. Шабельская Н.Л. Собрание предметов русской старины Н.Л.Шабельской. — М., 1891.

ШЕРЕМЕТЕВ Борис Петрович
(1652—1719)

С портрета И.П. Аргунова.

Б.П. Шереметев — граф, генерал-фельдмаршал, государственный деятель, собиратель памятников старины, искусства и природы. Основатель фамильной коллекции Шереметевых. Отец Петра Борисовича, дед Николая Петровича, прадед Дмитрия Николаевича, праправдед Сергея Дмитриевича Шереметевых.

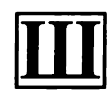
Родился 25 апреля 1652 г. в Москве в семье боярина Петра Васильевича Шереметева Большого. В 1662 г. пожалован комнатным стольником. До восемнадцати лет жил с отцом в Киеве, где учился в Старой Киевской школе. С 1671 г. начал службу при дворе царя Алексея Михайловича. В 1682 г. Борис Петрович пожалован в бояре и выполняет в дальнейшем важные дипломатические поручения.

Б.П.Шереметев — один из сподвижников Петра I. Был в составе Великого посольства 1697—1699 гг.; посетил в эти годы Польшу, Австрию, Италию, остров Мальту.

Борис Петрович — свидетель и участник многих военных событий. С 1701 г. он первым в русской армии стал носить звание фельдмаршала. Принимал участие в Азовских походах, Северной войне, командовал русскими войсками в ряде решающих сражений со шведами. Сыграл видную роль в Полтавской битве.

В 1706 г. Б.П.Шереметев получил титул графа и стал основателем графской линии рода Шереметевых. Он владел несметными богатствами, у него было два дома в Петербурге (на Миллионной улице и загородный дом на набережной реки Фонтанки, известный впоследствии как Фонтанный дом). Богатые палаты имел он и в Москве. В Подмосковье ему принадлежало имение Кусково.

Петербургские и московские особняки Шереметева отличались изысканным убранством, в которое входили произведения искусства и исторические реликвии.



Неоднократно бывая за границей, Борис Петрович имел возможность познакомиться со многими известными собраниями. Особенно богато впечатлениями оказалось его путешествие в Италию в 1697—1699 гг., когда он посетил Венецию, Падую, Феррару, Рим, Неаполь, остров Мальту. Кроме того, он побывал в Кракове, Вене, Бадене.

Вернувшись из европейского путешествия в Москву, Борис Петрович на пиру у Ф.Я.Лефорта 12 февраля 1699 г. предстал перед знатью в немецком платье. Одним из первых он сменил боярскую одежду на немецкий кафтан. Следуя европейским обычаям, Борис Петрович стал украшать свои особняки и дворцы картинами, гравюрами, дорогой мебелью, многочисленными зеркалами, часами, парсунами и разного рода «куриозами». В качестве украшений использовалась и различная дорогая посуда, в том числе фарфор европейского и китайского производства, бывший в то время немалой диковинкой.

Некоторые произведения изобразительного и прикладного искусства Б.П.Шереметев получил в качестве подарков от знатных иностранцев.

Вероятно, при Борисе Петровиче было положено начало и семейной кунсткамере с традиционным набором коллекций минералов, раковин, гербариев, произведений искусства, инструментов.

В доме Шереметева, гордившегося своим происхождением, тщательно сберегались памятные вещи, принадлежавшие его деду, отцу, а также связанные с событиями его жизни. Так, например, он сохранил свою простреленную во время Полтавского сражения рубашку. Тогда же после боя он получил коня шведского короля Карла XII. Сняв с коня седло и упряжь, он привез трофеи в Кусково. Два золотых ключа от Риги были поднесены ему после взятия города.

В числе «мемория» Б.П.Шереметев хранил свое личное оружие и военные доспехи — шпаги, кортики, пистолеты, шлемы, кольчугу.

Как просвещенный вельможа Борис Петрович имел библиотеку. По некоторым сведениям, она насчитывала 25 тысяч томов на иностранных и русском языках. Для начала XVIII в. это чрезвычайно крупное собрание. Возможно, книг было меньше, однако в любом случае это одно из крупнейших частных книгохранилищ того времени. Среди книг было немало инкунабул.

Борис Петрович положил начало семейному архиву Шереметевых. Тут сохранялись многочисленные документы, связанные с его дипломатической и военной службой. Особенно большой ценностью обладали документы периода Северной войны. Здесь тщательно сберегались письма Петра I и письма к Петру I: они хранились в специальном ларце.

Находясь почти всю жизнь на государственной службе и в военных походах, Борис Петрович лишь последние годы провел в Москве и в своем любимом имении Кусково.

Б.П.Шереметев умер в Кускове 17 февраля 1719 г. По повелению Петра I его прах перевезен в Петербург и предан земле в Александро-Невской лавре.

Все коллекции Бориса Петровича унаследовал его сын, Петр Борисович.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Заозерский А.И. Фельдмаршал Шереметев Б.П. — М., 1989.

2. Записка путешествия генерал-фельдмаршала российских войск... графа Бориса Петровича Шереметева... в Европейские государства. — М., 1773.

3. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1278.

4. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1891—1892. — Т. 1, кн. 1. — С. 121, 339—400, 443, 445, 463, 479, 481—482, 817; Т.1, кн. 2. — С. 899, 953, 1078, 1091—1094, 1142, 1202, 1275—1276, 1318, XXXIII, LXII, CCLXXXIII.

5. Ильин М., Моисеева Т. Москва и Подмосковье. — М., 1979. — С. 505—507, 527—528.

6. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. — М., 1992. — С. 90.

7. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. — Л., 1973. — С. 231.

8. Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Д.Н.Шереметева до 1812 года. — Спб., 1883.

9. Опись собрания оружия графа С.Д.Шереметева. / Сост. Э.Ленц. — Спб., 1895.

10. Павленко Н.И. Первый фельдмаршал в России // Вопросы истории. — 1984. — N 1. — С. 91—114.

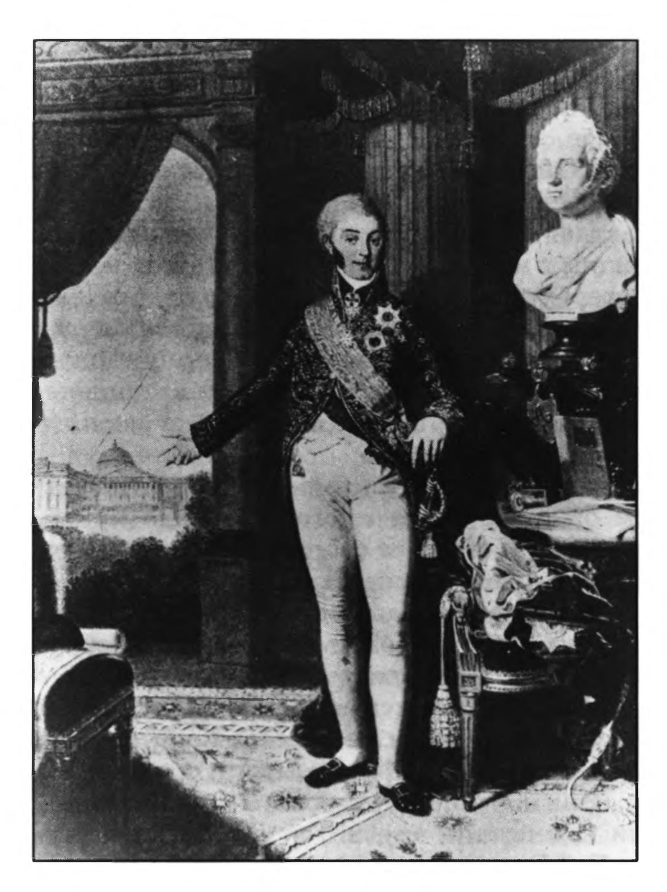
11. Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева: 1704—1722. — Спб., 1879.

12. Петров А.Н. Палаты фельдмаршала Б.П.Шереметева и Ф.М.Апраксина в Москве: Памятники гражданского зодчества XVIII в. // Архитектурное наследство. — 1956. — N 6. — С. 138—146.

13. Шереметев Б.П. // Русский биографический словарь. — Спб., 1911. — «Шебанов—Шюц» [Т.23]. — С. 107—136.

14. Эльсгольц Ф.К. Частные библиотеки в России // Российская библиография. — 1880. — N 53 (1). — С. 2.

ШЕРЕМЕТЕВ Николай Петрович (1751—1809)



С портрета неизвестного художника.

Н.П. Шереметев — граф, благотворитель, собиратель художественных коллекций. Внук Бориса Петровича, сын Петра Борисовича, дед Сергея Дмитриевича Шереметевых.

Родился 28 июня 1751 г. В раннем детстве, по обычаю того времени, был записан на военную службу. Детские игры и забавы делил с Павлом Петровичем, будущим императором Павлом I. В 1768 г. был пожалован в камер-юнкеры к Высочайшему двору. В 1769—1773 гг. находился в заграничном путешествии: посетил Голландию, Англию, Францию, Швейцарию, Германию, прослушал курс лекций в Лейденском университете и, как водилось, «учился жизни при пышных иностранных дворах». Больше всего молодого российского аристократа привлекали изящные искусства: музыка, театр, галереи, музеи.

Вернувшись в Россию, Николай Петрович снова занял место при дворе. В 1798 г. получил звание обер-камергера. Служба его мало занимала, и в 1800 г. он вышел в отставку с намерением постоянно поселиться в Москве. В 1801 г. он женился на своей крепостной, выдающейся русской актрисе Прасковье Ивановне Ковалевой-Жемчуговой, и вернулся в Петербург. После смерти жены Николай Петрович снова, на этот раз уже навсегда, поселяется в Москве.

Здесь его дом, как и дом его отца, славился пышными и блестящими приемами и празднествами, театральными представлениями. Страстный любитель театра и музыки, он еще при жизни отца отдавал крепостной труппе почти все свое время. Театральные спектакли давались в усадьбе Кусково и в городском особняке Шереметева на Никольской улице. Известен Н.П.Шереметев и щедрой благотворительностью. Главным его бла-

годеянием, приумножившим славу всего рода Шереметевых, стало создание Странноприимного дома.

В 1788 г., после смерти П.Б.Шереметева, унаследовав громадное состояние (Николая Петровича называли Крезом-младшим), он решил возвести новый театр, невиданный и по своему убранству, и по своим техническим возможностям. Предполагалось также собрать воедино многие художественные ценности. Владельцу хотелось создать как бы подобие царского дворца, включавшего и картинную галерею, и театральную сцену, и концертный зал. Местом для нового дворца было выбрано имение Останкино: здесь с 1790 г. начались грандиозные строительные работы.

В завещательном письме сыну Николай Петрович написал: «Украсив село мое Останкино и представив оное зрителям в виде очаровательном, думал я, что, совершив величайшее, достойное удивления и принятое с восхищением публикой дело, в коем видны мои знания и вкус, буду наслаждаться покойно своим произведением» (1, с. 38).

После завершения строительства все лучшие художественные коллекции, собранные предшествующими поколениями Шереметевых и располагавшиеся в московских и петербургских домах, были сосредоточены в Останкине. Однако Николай Петрович этим не ограничился. Обладая природным художественным чутьем и хорошим вкусом, он приумножил фамильные собрания и стал одним из известных русских коллекционеров. Ему суждено было прослыть самым крупным собирателем из пяти поколений рода Шереметевых.

Еще в период первого заграничного путешествия, в девятнадцатилетнем возрасте, Н.П.Шереметевым были сделаны многочисленные приобретения произведений искусства для собственного собрания. Целые транспорты с ценными грузами приходили вслед за ним на родину. Связи его с заграничным художественным рынком не прерывались и впоследствии.

Особенно много произведений искусства Николай Петрович приобрел с 1790 г., когда началось возведение останкинского дворца-театра. Его постоянным «корреспондентом» по вопросам искусства в Париже был Huvart, и каждую навигацию оттуда прибывали все новые поступления: мраморные бюсты и фигуры, изделия из фарфора, копии с античных скульптур, бронза, мебель, ноты, книги и многое другое. В приобретении фарфора Шереметеву оказывали содействие скульптор П.П.Споль и художник-декоратор и архитектор В.Ф.Бренна, которые в те годы работали при дворе Павла I. Из Европы фарфор доставляли иностранные купцы Филиппо и Рево, имевшие в Петербурге свои магазины.

Останкино славилось богатым собранием живописи. Здесь было собрано до четырехсот картин. Они висели во всех парадных залах и комнатах, кроме того, им отвели и специальную картинную галерею. Подобно остальным залам, галерея, располагавшаяся на втором этаже дворца, отличалась роскошью своего убранства. Помещение освещалось самыми великолепными люстрами и бронзовыми канделябрами французской работы, в отделке интерьера применена изящная деревянная резьба.

Картинная галерея включала полотна итальянской, голландской, австрийской, французской школ.

Среди произведений живописи в останкинском дворце одно из первых мест занимали портреты. Многие фамильные портреты были перевезены сюда из усадьбы Кусково — Б.П.Шереметева, П.Б.Шереметева, А.М.Черкасского. Видное место занимал портрет Прасковьи Ивановны кисти Н.И.Аргунова, который украшал зал, предварявший картинную галерею.

Высокими достоинствами отличался портрет Павла I работы Н.И.Аргунова. Он висел в малиновой гостиной. Позднее здесь появились портреты русских императоров: Николая I (в египетском зале), Александра II (в зеленой гостиной), Екатерины II (в египетском зале) и др. Все названные царственные особы в свое время бывали гостями Шереметевых.

Мраморные бюсты и фигуры украшали многие комнаты дворца, лестницы, галереи, были расставлены в саду. Среди них были произведения Ф.И.Шубина («Императрица Екатерина II»), П.Трискорни («Плакальщица»), многочисленные копии с античных скульптур (боги, сатиры, герои, императоры). Единственным античным подлинником было скульптурное изображение козы. По преданию, оно происходило из Помпеи.

Коллекция фарфора, собранная в Останкине, насчитывала более двух тысяч предметов, что отражено в описи 1809 г. Как видно из того же документа, восточный фарфор, вышедший к концу XVIII в. из моды, сохранялся в специальной кладовой, в подклети останкинской Троицкой церкви, причем здесь было более тысячи предметов, что составляло почти половину всего останкинского собрания фарфора. Для украшения дворца в основном использовался западноевропейский и русский фарфор.

Самое видное место было отведено фарфору ведущих европейских заводов. Большинство этих изделий приобретено непосредственно Николаем Петровичем, причем специально для Останкина. Сюда входили лучшие образцы севрского, венского, мейсенского, берлинского заводов. Обращали на себя внимание вазы, цветники, ароматники, кашпо, курильницы, предназначавшиеся для украшения парадных залов (53 предмета). Они возвышались на каминах, подоконниках, консолях, на столах.

Специально для хранения и показа коллекции фарфора служила так называемая эстампная галерея. В ней фарфор размещался в шкафах с открытыми полками, размеры которых постепенно уменьшались снизу вверх для более удобного осмотра изделий. Такие шкафы-пирамидки стояли во всех четырех углах. На них красовалось 195 предметов из фарфора и фаянса: в основном чайные и кофейные чашки и блюдца. И хотя их насчитывалось 126, одинаковых не было, исключая комплект «тет-а-тет» и два набора из четырех чашек — дорогие изделия, украшенные многокрасочными композициями — цветами, пейзажами, галантными сценами. Тут размещалось еще несколько «урн порцелиновых китайских с крышками».

Убранство этой комнаты и состав представленных здесь предметов напоминали кунсткамеру. Кроме фарфора здесь были коллекции гравюр и эстампов, скульптуры, естественнонаучные собрания. Почти такая же кунсткамера была в петербургском особняке Петра Борисовича Шереметева. Часть вещей оттуда и попала со временем в Останкино.

Здесь было также несколько парадных обеденных и чайных сервизов, которые хранились в восьми застекленных шкафах, в комнате, первона-

чально предназначенной для библиотеки. В этих сервизах насчитывалось около 3000 предметов.

В церкви села Останкино хранились многие семейные иконы, в том числе киот-складень с Тихвинской иконой Божией Матери, который принадлежал фельдмаршалу Шереметеву и сопровождал его во время походов.

Кроме усадьбы Останкино Николай Петрович Шереметев имел в Москве особняк на Воздвиженке, который приобрел накануне свадьбы. Можно предполагать, что именно здесь хранилась богатая фамильная библиотека, так как комната для нее в Останкине была занята в начале XIX в. фарфором. В библиотеке насчитывалось 4332 тома. В основном — книги на иностранных языках по вопросам богословия, философии, политики, истории, геральдики, политической экономии, а также по астрономии и другим естественным наукам, включая периодические издания.

Хотя библиотека собиралась тремя поколениями Шереметевых, Николай Петрович внес очень заметный вклад в ее пополнение. Это проявилось в том, что здесь были хорошо представлены книги, выходившие при его жизни и отражавшие его интересы. Наибольшее число изданий приходилось на театральный раздел — 1454. Сюда входили пьесы, комедии, водевили, оперы, драмы, преимущественно переводные. Чрезвычайно богатым был нотный отдел. Он состоял из печатных изданий и нотных рукописей. Причем авторами рукописных нотных сборников являлись композиторы из театра Шереметевых, крепостные. Среди музыкальных пьес — «Трубочист», «Кусковский перевозчик», «Отъезд псовой охоты», «Кусковская нимфа».

Как и во многие библиотеки того времени, в шереметевское книжное собрание входили рукописные материалы. Некоторые из них были выполнены на пергаменте, в основном сочинения на религиозные темы. Среди рукописей значительный интерес представляли «Производение дела над царевичем Алексеем Петровичем», «История о взятии Сибирского царства».

В этой библиотеке находились и два так называемых секретных отдела. Первый носил название «Секретные книги» и включал двадцать пять наименований. На русском языке значилась всего одна книга — «Следствие над царицею Евдокиею, приложенное при манифесте 1718 г. февраля 3». Другой носил название «Коллекция секретных же эстампов и картин». Так было обозначено собрание эротической графики.

При библиотеке располагалась кунсткамера. Она занимала шесть комнат и представляла собрание гербариев, минералов, мраморов, раковин, микроскопов, зрительных труб, глобусов, разных древностей и диковин. Можно предположить, что это была та самая кунсткамера, которой владел в свое время Петр Борисович Шереметев и которая ранее находилась в Петербурге.

Н.П.Шереметев умер в Санкт-Петербурге 2 января 1809 г. Похоронен в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры.

Художественное собрание Н.П.Шереметева унаследовал его сын, Дмитрий Николаевич.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнер П. Жизнь и искусство в Останкине // Старые годы. — 1910. — N 5—6. — С. 38—72.

2. Врангель Н. Помещичья Россия // Старые годы. — 1910. — N 7—9. — С. 15.

3. Грабарь И.Э. Останкинский дворец // Старые годы — 1910. — N 5—6. — С. 5—37.

4. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1284.

5. Любецкий С.М. Окрестности Москвы. — 2-е изд. — М., 1880.

6. Любецкий С.М. Село Останкино с окрестностями своими: Воспоминание о старинных празднествах, забавах и увеселениях в нем. — М., 1868.

7. Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992. — С. 178, 192, 211—215, 233.

8. Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Д.Н.Шереметева до 1812 года. — Спб., 1883.

9. [Опочинин Е.]. Одна из домашних библиотек конца XVIII столетия. — Спб., 1884.

10. Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. — М., 1955. — С. 201—213, 217—220.

11. Пыляев М.И. Старая Москва. — М., 1990. — С. 125—139.

12. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 91, 99.

13. Фарфор в русской усадьбе XVIII века: Из собрания Останкинского дворца-музея: Каталог выставки. — М., 1990.

14. Шереметев Н.П. // Русский биографический словарь. — Спб., 1911. — «Шебанов — Щюц» — [Т. 23]. — С. 185—186.

15. Шереметев С.Д. Из преданий о графе Н.П.Шереметеве // Русский архив. — 1896. — Кн. 2, вып. 8. — С. 503—509.

16. [Шереметев С.Д.]. Отголоски XVIII века: Останкино в 1797 году. — Спб., 1897. — Вып. 4.

17. Эльсгольц Ф.К. Частные библиотеки в России // Российская библиография. — 1880. — N 53 (1). — С. 2.

ШЕРЕМЕТЕВ Петр Борисович (1713—1788)

С портрета И.П. Аргунова.

П.Б. Шереметев — граф, государственный деятель, благотворитель, собиратель памятников старины, искусства и природы. Сын Бориса Петровича, отец Николая Петровича, прадед Сергея Дмитриевича Шереметевых.

Родился 26 февраля 1713 г. в Прилуках (ныне Прилукский район Черниговской области Украины) в семье генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Его крестным отцом был гетман И.И.Скоропадский. Петр I зачислил новорожденного прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Шереметев рос и учился вместе с будущим императором Петром II. Приближенный к царскому двору, он быстро делал карьеру и при Елизавете Петровне был уже камергером, при Петре III — обер-камергером. В 1767 г. П.Б.Шереметев работал в Комиссии по составлению нового Уложения.

В 1768 г. Петр Борисович вышел в отставку и поселился в Москве. Здесь в 1780 г. он был избран московским губернским предводителем дворянства.

Шереметев унаследовал от отца громадное состояние, которое удвоилось после женитьбы Петра Борисовича на богатой княжне Варваре Алексеевне Черкасской. В общей сложности ему принадлежало 160 тысяч душ крепостных; после царя он считался самым богатым человеком в России. Как отмечал его современник князь М.М.Щербатов, «одежды его наносили ему тягость от злата и серебра и ослепляли блистанием очи, экипажи у него были выписаны из Франции, стол у него был постоянно великолепным, множество прислуги, и в доме у него было столько предметов самой утонченной роскоши, что он, не готовясь нисколько, мог каждый день принять у себя императрицу» (4, с. 90—91).

В Москве и Петербурге Шереметев владел несколькими дворцами. Главными родовыми гнездами стали: в Петербурге — Фонтанный дом, в

Москве — особняк на Никольской, в Подмосковье — усадьба Кусково. В приданое Петр Борисович получил в 1743 г. знаменитое уже тогда село Останкино с дворцом, богатой утварью, садами и прудами.

В основном граф жил в усадьбе Кусково. Здесь в 1740—1760-е гг. был создан прекрасный дворцово-парковый ансамбль, сохранившийся до наших дней. Для убранства особняков и усадеб Шереметев в течение своей жизни приобрел несметное количество произведений искусства.

Собрание Шереметева включало картины, гравюры, скульптуры, оружие, мебель, фарфор, предметы прикладного искусства, а также библиотеку и архив. Среди памятников искусства и старины, которыми владел П.Б.Шереметев, едва ли не первое место принадлежало картинной галерее, а в ней — собранию портретов. В усадьбе Кусково насчитывалось до 500 картин, из них — почти 300 портретов; такого количества не имело ни одно из частных собраний России.

Во второй половине XVIII в. среди высшей аристократии вошло в обыкновение создавать фамильные портретные галереи. Их заказывали, как правило, ведущим западноевропейским и русским художникам. Некоторые работы выполнялись крепостными мастерами. Такую галерею Петр Борисович создал в усадьбе Кусково: он заказал портреты своих родителей, детей, ближайших родственников, а также знаменитых предков. Галерея получилась весьма представительной. Этому способствовали не только безграничные материальные возможности, но и хороший вкус заказчика. Известно, что Петр Борисович и сам был художником-любителем. К тому же среди его знакомых встречалось немало тонких ценителей и знатоков живописи. В их числе — первый историк русского искусства Якоб Штелин.

Портреты Петра Борисовича и его жены Варвары Алексеевны исполнил известный французский портретист Луи Токке, приглашенный к царскому двору для портретирования самой императрицы.

Украшением кусковской портретной галереи стали работы, выполненные крепостными мастерами Аргуновыми. Замечательный цикл портретов Шереметевых создал талантливый представитель этой семьи Иван Петрович Аргунов. Им в 60-е гг. XVIII в. было написано одиннадцать фамильных портретов — самого Петра Борисовича и его жены Варвары Алексеевны, их детей — В.П. Шереметевой, Н.П. Шереметева, а также девочки-калмычки Аннушки, воспитывавшейся В.А.Шереметевой. Эти портреты выполнены с натуры. Другие портреты представителей рода Шереметевых относятся к числу «исторических», или ретроспективных: они написаны после смерти изображенных лиц. Первое место занимают портреты фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Всего их создано три, в том числе и широко известный конный портрет, написанный в художественных традициях древнерусской иконописи и парсуны. И.П.Аргунов написал также портрет жены фельдмаршала, Анны Петровны (парный к парадному портрету Б.П.Шереметева). В стиле парадного портрета выполнены изображения родителей жены П.Б.Шереметева — князя А.М.Черкасского и княгини М.Ю.Черкасской.

Кисти И.П.Аргунова принадлежали парадные портреты императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II.

В портретную галерею входили также мраморные бюсты, среди которых были произведения Ф.И.Шубина.

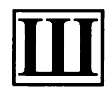
Декоративно-прикладное искусство в собрании Шереметева представлено многочисленными вазами, люстрами, часами, шпалерами, канделябрами. Сюда же следует отнести и драгоценную посуду из золота, серебра, фарфора, стекла, хрусталя. Некоторые предметы носили мемориальный характер: например, два серебряных обручальных кольца, украшенных голубой финифтью и алмазами и принадлежавших родителям жены владельца. Золотой крест, тоже украшенный финифтью и алмазами, был «положен при крещении» самого Петра Борисовича от его крестного отца, гетмана Скоропадского.

Среди предметов прикладного искусства выделялся восточный фарфор XVII—первой половины XVIII столетия. В XVIII в. фарфор являлся одним из излюбленных предметов убранства и собирательства. Богатую коллекцию фарфора П.Б.Шереметев получил от Черкасских. При нем в основном сложилось богатейшее собрание керамики рода Шереметевых. Основу этой части собрания составляли предметы китайской работы, выполненные в период династий Мин и Цин. Преобладали чайные и кофейные чашки с росписью, а также так называемый брызганый, или пудреный фарфор с росписью золотом по кобальтовому фону. Обычно эта мелкая посуда устанавливалась на специальных выступах и полочках-консолях в «фарфоровых кабинетах». Кроме того, тут был японский, турецкий, индийский фарфор: вазы, блюда, чайники и чашки для вина, чаши для умывания.

«В этом доме, — писал об усадьбе Кусково М.И.Пыляев, — в одной комнате стены были из цельных венецианских зеркал, в другой отделаны малахитом, в третьей обиты драгоценными гобеленами, в четвертой художественно разрисованы не только стены, но и потолки; всюду античные бронзы, статуи, фарфор, яшмовые вазы, большая галерея с картинами Рафаэля, Ван Дейка, Доминикино, Корреджо, Веронезе, Рембрандта, Гвидо Рени... в некоторых комнатах висели люстры из чистейшего горного хрусталя» (10, с. 126).

Одна из комнат главного дома усадьбы Кусково носила название оружейной палаты. Здесь сохранялось личное оружие Бориса Петровича Шереметева. При Петре Борисовиче собрание значительно увеличилось, превратившись в крупную специализированную коллекцию: английские, французские, испанские, черкесские, греческие и китайские ружья, дамасские сабли, оправленные в золото и осыпанные драгоценными камнями, турецкие ятаганы и т.п.

Живописное собрание Шереметевых было столь велико, что для размещения коллекций голландского и итальянского искусства построены специальные здания. В 1749—1751 гг. в парке усадьбы Кусково выстроен Голландский домик, а в 1754—1755 гг. — Итальянский домик. Архитектура этих домиков, их интерьеры стилизованы под соответствующую коллекцию. Известно, что Итальянский домик — двухэтажный каменный особняк с тринадцатью комнатами — был целиком заполнен картинами, скульптурами и керамикой итальянских мастеров.



В парке усадьбы Кусково располагалась еще одна коллекция. Ее составляли мраморные скульптуры.

Личная библиотека П.Б.Шереметева содержала преимущественно книги исторического характера: издания на французском, английском, немецком и русском языках.

От своего отца П.Б.Шереметев унаследовал богатый семейный архив, в том числе его переписку с Петром I. В 1774 г. он издал «Письма Петра Великого», а в 1768 г. — «Письма к государю императору Петру Великому». Кроме того, владелец существенно пополнил это архивное собрание.

В XVIII столетии широкое распространение получили «живые природные коллекции». Была такая коллекция и у Петра Борисовича. Располагалась она в усадьбе Останкино. В числе наиболее ценных ее экспонатов отмечались огромные лавровые и померанцевые деревья.

Кусково при Петре Борисовиче превратилось в излюбленное место отдыха москвичей. Сюда стремились и на театральные представления, и для осмотра оранжерей, и для прогулок в парке. Н.М.Карамзин, побывавший в Кускове, писал: «Бывало, всякое воскресенье, от мая до августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюдного города, и карета обскакивала карету. В садах гремела музыка, в аллеях теснились люди, и венецианская гандола с разноцветными флагами разъезжала по тихим водам большого озера (так можно назвать обширный Кусковский пруд)» (9, с. 220).

Часть шереметевского собрания находилась в Петербурге, в «картинном кабинете». Среди двадцати семи наиболее значительных работ из этого кабинета — полотна кисти Рембрандта («Голова старика»), Н.Пуссена (два пейзажа), Л.Джордано («Поединок Энея и Турна», «Ариадна на колеснице, которую везут тигры»). Здесь же был помещен и автопортрет П.Б.Шереметева.

В Петербурге находилась и кунсткамера фельдмаршала Бориса Петровича. Как известно, первую в России кунсткамеру создал Петр I. Подражая царю, многие его сподвижники тоже стремились иметь подобные собрания. Из сохранившейся описи 1764 г. явствует, что шереметевская кунсткамера занимала несколько залов. В особых шкафах-поставцах, витринах, шкафах-пирамидках хранились сотни предметов. Собрание мраморов, например, насчитывало 137 экспонатов, многие привезены из разных стран. Со всего света тут были собраны образцы руд. Хранились здесь и гербарии, а также коллекции насекомых. К числу редкостей относилась восковая разборная женская фигура — анатомическое пособие.

В кунсткамере Шереметевых было немало предметов декоративно-прикладного искусства — драгоценных кубков, старинных ларцев, серебряной и золотой посуды, фигурок птиц и зверей, выполненных из серебра и золота. Большое место в этой коллекции занимали старинные китайские вещи и фарфор — более тысячи предметов. В том числе — фигурки, резанные из камня и кости, предметы, отделанные эмалью, древние свитки.

В собрание кунсткамеры входили также гравюры и эстампы.

П.Б.Шереметев умер в Москве 30 ноября 1788 г. Погребен в соборной усыпальнице Спасо-Андроникова монастыря.

Собрания Петра Борисовича унаследовал его сын, Николай Петрович.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов П.И. П.Б.Шереметев // Русский биографический словарь. — Спб., 1911. — «Шебанов—Щюц». — [Т. 23]. — Спб., 1911. — С. 187—190.

2. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. — М., 1990. — Т.1. — С. 53, 66, 71, 99—101, 167, 190, 205, 230—232, 357, 359, 364—365, 387; Т. 2. — С. 161—162, 180.

3. Ильин М., Моисеева Т. Москва и Подмосковье. — М., 1979. — С. 527—528.

4. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. — М., 1992. — С. 90—93.

5. Кузьмин Г.С. Древности дома графов Шереметевых // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. — Спб., 1851. — Т.1, отд. 4. — С. 7—8.

6. Кусково и его окрестности. — М., 1850.

7. Любецкий С.М. Московские окрестности. — М., 1877.

8. Опись собрания оружия графа С.Д.Шереметева. / Сост. Э.Ленц. — Спб., 1895.

9. Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. — М., 1955. — С. 201—222.

10. Пыляев М.И. Старая Москва. — М., 1990. — С. 125—139.

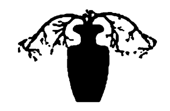
11. Фарфор в русской усадьбе XVIII века: Из собрания Останкинского дворца-музея: Каталог выставки. — М., 1990.

12. Художники Аргуновы в «Кусково». / Текст и составление Н.Пресновой. // Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». — М., б.г.

13. Шереметев П.Б. // Русские портреты XVIII и XIX столетий. — Спб., 1907. — Т. 3, вып. 1, таб. 16.

14. [Шереметев С.Д.]. Кусково. — М., 1898.

15. [Шереметев С.Д.]. Кусково до 1812 года. — М., 1899.



ШЕРЕМЕТЕВ Сергей Дмитриевич (1844—1918)

С.Д. Шереметев — граф, государственный деятель, издатель, меценат, библиофил, собиратель художественной коллекции, исторических документов и древностей. Правнук коллекционера Петра Борисовича Шереметева, внук собирателя Николая Петровича Шереметева.

Родился в Петербурге 14 ноября 1844 г.; принадлежал к старинному и знатному роду бояр Шереметевых. «Сергей Дмитриевич был одним из последних носителей русской барской культуры, — писал сын коллекционера А.А.Бахрушина Юрий Алексеевич. — Несметно богатый, независимый, высокообразованный, он казался прямым наследником благороднейших навыков лучших екатерининских вельмож. Будучи на «ты» с последним самодержцем Александром III, он и его наследнику, последнему царю, по привычке в интимном кругу говорил «ты», в то время как последний обращался к нему на «вы» (2, с. 247).

С.Д.Шереметев унаследовал около 200 тысяч десятин земли и имения в одиннадцати губерниях Российской империи — Курской, Владимирской, Лифляндской, Московской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Тифлисской, Тульской и Ярославской. Все имения находились в образцовом состоянии. Их владелец был постоянным участником всероссийских промышленных и сельскохозяйственных выставок и неизменно получал на них золотые, серебряные и бронзовые медали.

Сергей Дмитриевич свою жизнь посвятил общественной и научной деятельности. Он имел придворное звание обер-егермейстера Императорского двора и являлся членом Государственного совета.

В культурной жизни России второй половины XIX—начала XX в. Сергей Дмитриевич занимал видное место. Он покровительствовал наукам,

культуре, просвещению, искусству, был инициатором создания и руководителем Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, Комитета попечительства о русской иконописи. В Москве Шереметев основал Общество возрождения древнерусской одежды. Он участвовал в работе многих научных обществ — Археографической комиссии (состоял ее председателем), Русского исторического общества, Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества древнерусского искусства при Румянцевском музее, Исторического общества Нестора летописца, Псковского археологического общества, Русского археологического общества в Константинополе, являлся почетным членом Академии наук, Петербургского археологического института.

Широко известна издательская деятельность С.Д.Шереметева. Его перу принадлежит более 250 статей по истории, генеалогии, географии России, серия книг «Старая Москва», содержавшая жизнеописания знаменитых москвичей. Он подготовил и издал за собственный счет десятки томов русских летописей, грамот, писцовых книг, исторических актов, в том числе рукописи из семейного архива: 12 томов сочинений П.А.Вяземского (Сергей Дмитриевич был женат на внучке поэта, Екатерине Павловне Вяземской), 5 томов «Остафьевского архива князей Вяземских», 2 тома «Архива села Михайловского графов Шереметевых», «Архив села Кусково», «Переписку и бумаги графа Петра Борисовича Шереметева, 1704—1722 гг.», сочинения П.П.Вяземского.

С.Д.Шереметеву принадлежали старинные дворянские усадьбы. Наибольшую известность в истории русской культуры получили Фонтанный дом в Петербурге и подмосковные имения Остафьево, Кусково, Михайловское с их богатейшими собраниями памятников старины и искусства. Просвещенный вельможа относился к ним бережно и заботливо, прекрасно понимая их научную ценность.

Каждый из Шереметевых создавал свою личную библиотеку, отражавшую круг интересов и наклонности владельца. Эти книжные собрания унаследовал Сергей Дмитриевич. Ему достались библиотеки не только его прадеда, деда, отца и матери, но и книги ближайших родственников — В.С., В.В., С.В., Б.С. Шереметевых («Волочаевское собрание» в селе Михайловском Подольского уезда Московской губернии), собрание князей А.И., П.А., П.П. Вяземских («Остафьевское собрание» в селе Остафьево Московской губернии).

Хотя большая часть жизни С.Д.Шереметева прошла в Петербурге, в его творческой биографии Москве и Подмосковью принадлежит далеко не последняя роль. В 1885—1890 гг. Шереметев являлся московским губернским предводителем дворянства. С 1871 г. и до конца своей жизни он был попечителем Странноприимного дома Шереметевых.

Особой заботой и вниманием Шереметева пользовалась усадьба Остафьево. Она принадлежала ему с 13 августа 1898 г. — выкуплена им у брата жены. Чтобы приобрести эту уникальную усадьбу со всеми находившимися в ней коллекциями, Сергей Дмитриевич продал ценный севрский сервиз.

В ряду русских дворянских усадеб Остафьеву принадлежит исключительно видное место. Основанное в середине XVIII в., Остафьево в 1792 г. приобретено князем А.И.Вяземским и с этого времени стало одним из важнейших центров духовной жизни России. Здесь в 1804—1816 гг. работал над «Историей государства Российского» Н.М.Карамзин. П.А.Вяземский принимал здесь К.Н.Батюшкова, А.С.Пушкина, А.С.Грибоедова, Е.А.Баратынского, Д.В.Давыдова, Н.В.Гоголя. Недаром эта гостеприимная усадьба получила название «Русский Парнас».

Один из владельцев усадьбы — Павел Петрович Вяземский, известный историк и коллекционер, собрал в ее стенах богатую коллекцию памятников старины и искусства.

Став хозяином Остафьева, С.Д.Шереметев как бы вдохнул в него новую жизнь. Он старался поддерживать традиции этого дворянского гнезда, заботился о пополнении коллекции и библиотеки. Прекрасно понимая, что значит для России сосредоточенное здесь культурное наследие, владелец усадьбы поставил перед собой цель создать общедоступный музей.

В 1899 г. в главном усадебном доме Остафьева музей был открыт. Это событие было приурочено к столетнему юбилею со дня рождения А.С.Пушкина. Четыре года спустя вся Остафьевская усадьба со старой церковью и парком стала первым в России историко-культурным заповедником, открытым для всех желающих. Сергей Дмитриевич сам составил описание музейного комплекса, благодаря чему есть возможность достаточно детально представить его облик.

Особое место в музее занимали карамзинские и пушкинские реликвии. Они были заботливо собраны в комнате на втором этаже, получившей название «Карамзинской». Здесь стоял письменный стол А.С.Пушкина, в витрине лежал жилет, в котором поэт был смертельно ранен, рядом — кора от дерева, у которого происходила дуэль, рисунок с изображением места рокового поединка.

В картинной галерее насчитывалось более шестисот полотен XVI—XIX вв. В ее состав входили произведения немецких, нидерландских, фламандских, итальянских мастеров. Отечественное изобразительное искусство было представлено произведениями А.А.Киселева, Л.Ф.Лагорио, В.Д.Сверчкова, А.И.Мещерского, И.К.Айвазовского, Г.И.Угрюмова, Ф.Я.Алексеева. На полотнах кисти А.П.Антропова, В.Л.Боровиковского, О.А.Кипренского запечатлены многие известные государственные деятели России, представители творческой интеллигенции.

Собрание гравюр — до 10 тысяч листов, в основном западноевропейской школы XV—XIX вв. — включало работы А.Дюрера (серии «Апокалипсис» и «Жизнь Марии»), сатирические листы Г.Гольбейна Младшего, архитектурные композиции Д.П.Пиранези, жанровые сцены Ф.Паризо, пейзажи Ж.Долле, офорты Л.Ф.Дебюкура и А.Кауфман.

Кроме того, здесь были сосредоточены прекрасно подобранные коллекции художественного стекла, керамики, фарфора (мейсенская мануфактура, севрский завод, Императорский фарфоровый завод, китайский и японский фарфор), осветительных приборов (около 300 светцев для лучин, железных каганцев, шандалов, персидских керамических плошек,

подсвечников, жирандолей, канделябров, фарфоровых и хрустальных люстр, стенников и бра, фонарей, ладаниц, ламп-масленок), мебели работы русских, итальянских, немецких мастеров, предметов конской упряжи (седла, стремена, уздечки, решмы, наузы и др.).

Особого внимания заслуживала коллекция оружия XIV—XIX вв. производства русских, западноевропейских и восточных мастеров (боевое и охотничье, холодное и огнестрельное, наступательное и оборонительное). Еще в XVIII в. сделано краткое описание этой коллекции, из которого следовало, что тут хранилось фамильное оружие основателя рода — П.В.Шереметева Большого. Здесь были и кольчуга фельдмаршала Б.П.Шереметева, его шпаги, холодное оружие, принадлежавшее всем поколениям этого знатного рода, и щит боярина Головина, и пороховница князя Оболенского-Лыкова.

Предметы шереметевского собрания не раз переходили из одного дома в другой. Показательна в этом отношении история коллекции оружия. При фельдмаршале Б.П.Шереметеве и его сыне Петре Борисовиче она хранилась в усадьбе Кусково. После 1788 г. перевезена в один из флигелей Останкинского дворца. При Дмитрии Николаевиче в 1856 г. оружие переместили в особняк на Воздвиженке и хранили в ящиках. После смерти Д.Н.Шереметева в 1871 г. оно, отошедшее по наследству Сергею Дмитриевичу, было перевезено в Петербург в Фонтанный дом и размещалось в его кабинете. И уже оттуда в 1898 г., при подготовке к открытию в Остафьеве общедоступного музея, оружие вернулось в Подмосковье.

В усадебной библиотеке было собрано свыше 32 тысяч книг. Рядом с книгами находился знаменитый Остафьевский архив. Тут сохранялись бумаги, принадлежавшие нескольким поколениям Вяземских, а также письма, документы, дневники, рукописи произведений выдающихся русских писателей, поэтов и государственных деятелей.

В усадебном парке С.Д.Шереметев воздвиг памятники Н.М.Карамзину, А.С.Пушкину, П.А. и П.П.Вяземским, В.А.Жуковскому.

Еще в 1907 г. С.Д.Шереметев написал завещательное письмо, адресованное сыну, Павлу Сергеевичу. «К тебе обращаюсь, — говорилось в нем, — зная твою любовь и твои чувства к родному прошлому. Вместе с братьями будь и после нас оберегателем и хранителем наших семейных письменных свидетельств былой жизни минувших поколений... Сохрани эти чувства вместе с привязанностью... к дорогой Родине и передай последующему поколению семьи предания нашего старого рода, честно послужившего своему Отечеству...» (12, с. 236).

В летнее время С.Д.Шереметев с 1870 г. жил в усадьбе Михайловское. Здесь была сосредоточена его личная библиотека, которую он начал собирать с 60-х гг. XIX в. Имея богатейшие библиотеки, доставшиеся ему от родственников, он всю жизнь с большим увлечением собирал свою собственную. Вел переписку со многими книжными магазинами России, с книгопродавцем в Лейпциге Карлом Гирземаном. На аукционе в Лейпциге ему удалось приобрести библиотеку С.А.Соболевского. Он стал владельцем частной библиотеки Жемчужникова. К концу жизни михайловская библиотека насчитывала несколько десятков тысяч книг (по некоторым данным — от 40 до 70 тыс. томов).

Шереметев предпочитал жить со своими близкими в Михайловском, однако временами бывал в Кускове и Остафьеве. По воспоминаниям

Ю.А.Бахрушина, «в Кускове Шереметев жил помещиком, гулял в чесучовом костюме по садам своего московского Версаля или изучал в тиши кабинета архивы и документы своих предков» (2, с. 248).

В Москве С.Д.Шереметев имел особняк на Воздвиженке (ныне д. 8). Здесь хранилась часть семейного архива.

После октября 1917 г. все принадлежавшие С.Д.Шереметеву поместья, усадьбы, дворцы были национализированы.

Несмотря на тяжелое моральное и материальное положение, Сергей Дмитриевич категорически отказался эмигрировать. Он остался в Москве в своем доме на Воздвиженке. Шереметев, проявляя заботу о сохранении историко-культурных комплексов в Остафьеве, Кускове, Останкине, обратился за помощью к художнику С.Ю.Жуковскому, члену Комиссии Наркомпроса по охране памятников старины и искусства. Вместе с С.Ю.Жуковским и В.Н.Мешковым Шереметев в последний год своей жизни занимался составлением описи музейных ценностей усадьбы Кусково.

Озабоченный массовой гибелью памятников отечественной культуры, С.Д.Шереметев вместе со своим сыном П.С.Шереметевым выступил с инициативой создать в Москве хранилище частных архивов и предложил для этого собственный дом на Воздвиженке. Несколько месяцев в стенах его особняка находились горы ценнейших документов, которым грозила неминуемая гибель.

О последних днях С.Д.Шереметева, прошедших в московском особняке («большом доме»), сохранилось свидетельство его двоюродной сестры О.Г.Шереметевой. «10 ноября 1918 года, вечером, около 10 часов ночи, в большой дом приехали несколько автомобилей с чекистами, Петерс во главе. Ворота заперли и произвели обыск. Увезли всю переписку Сергея, все золотые вещи, дневники, в общем на 10 000 000 золотом. Приехали, видимо, с целью арестовать Сергея, но он так плох, что уже несколько недель лежит в постели (у него гангрена ног). К нему ворвались тогда, когда ему делали перевязку... Положение Сергея настолько серьезно, что его не арестовали» (1, с. 150).

С.Д.Шереметев умер в Москве в первых числах декабря 1918 г. и погребен у наружной стены Новоспасского монастыря. Он просил похоронить его в этом монастыре, где была усыпальница Шереметевых, однако выполнить последнюю волю графа не удалось: монастырь был превращен в концлагерь, усыпальница разграблена. На могильном холме поставлен безымянный крест (фамилию покойного родные не обозначили из опасений актов вандализма). Уже весной 1919 г. холм осел, а крест исчез.

В 1919 г. стали музеями усадьбы Кусково и Останкино. Продолжал свою работу под началом П.С.Шереметева и музей в Остафьеве. Он пользовался популярностью: порою за день здесь бывало до семисот человек. «От всего веет любовью, накопленной прежними обитателями и столь ревниво хранимой теперешними, — писали в «Записной книге» благодарные посетители. — Не гасите священного огня светильника, озаряющего благословенную память Остафьева» (12, с. 216).

Однако остафьевскому светильнику суждено было не только померкнуть, но и угаснуть. В 1933 г. музей закрыли.

В усадьбе создали дом отдыха. Остафьевские реликвии разошлись в десятки музеев страны. Книжное собрание поступило во Всесоюзную библиотеку им.В.И.Ленина (ныне Российская государственная библиотека). Усадебный архив, сменив немало адресов, в 1941 г. оказался в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

В 1988 г. принято решение о возрождении разоренного дворянского гнезда. Сейчас в Остафьеве снова работает музей. Однако большинство реликвий по-прежнему находятся в разных собраниях: Государственном Эрмитаже, Государственном Русском музее, Всероссийском музее А.С.Пушкина, Государственном музее А.С.Пушкина, Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, Государственной Третьяковской галерее, Государственном Историческом музее, Государственном литературном музее, Научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В.Щусева, в Останкинском дворце-музее, Музее В.А.Тропинина и московских художников его времени, Московском областном краеведческом музее, Государственном историко-художественном и литературном музее-заповеднике «Абрамцево», Музее-усадьбе «Архангельское», Серпуховском историко-художественном музее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.И. «На достоинствах нравственных, а не на силе...» // Человек. — 1991. — N 6. — С. 136—150.

2. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 249.

3. Библиотека графа С.Д.Шереметева: Собрания Волочаевское и В.С.Шереметева в с. Михайловском. — Спб., 1890. — Т.1.

4. Библиотека графа С.Д.Шереметева: Собрания графини А.С.Шереметевой и графа Д.Н.Шереметева в Петербурге. — Спб., 1892. — Т.2.

5. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. — М., 1986. — С. 164, 167—168, 234, 243, 300, 302, 322—323, 325.

6. Греч А. Остафьево: Подмосковные музеи. — М.-Л., 1925. — Вып.3.

7. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1286.

8. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев., 1892. — Т. 1, кн. 2.— С. 1006, 1092—1093, 1266, CCCLXVII.

9. Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д.Шереметева. — Спб., 1895.

10. Лопарев Х.М. Библиотека графа С.Д.Шереметева: Каталог. — Спб., 1890. — Т.1.

11. Македонская Е.И. Сергей Дмитриевич Шереметев как издатель // Книга: исследования и материалы. — М., 1991. — Сб. 62. — С. 165—171.

12. Остафьево. / Сост. Н.К.Квятковская. — М., 1990.

13. Печерский М.Д. Остафьево. — М., 1988.

14. Пятидесятилетний юбилей графа С.Д.Шереметева // Исторический вестник. — 1913. — Июль. — С. 373—375.

15. Свалова О.М. Последний владелец Остафьева // Остафьевский сборник. — М., 1993. — Вып. 1. — С. 7—13.

16. Снытко Н. Остафьево // Наше наследие. — 1988. — N 6. — С. 137—146.

17. Станюкович В.К. Фонтанный дом Шереметевых: Музей быта: Путеводитель. — Пг., 1923.

18. Тимофеев Н. Издания графа С.Д.Шереметева. — Спб., 1909.

19. Федорова Г.Е. Портретное собрание Остафьевского музея // Остафьевский сборник. — М., 1994. — Вып. 2. — С. 43—45.

20. Шавыркина Н.А. Судьба библиотеки С.Д.Шереметева в Михайловском // Остафьевский сборник. — М., 1994. — Вып. 2. — С. 45—46.

21. Шереметев С.Д. Остафьево // Русский вестник. — 1890. — N 2.

ШЕРЕМЕТЕВА Екатерина Павловна

(1849—1929)

С портрета К.Е. Маковского.

Е.П. Шереметева — графиня, благотворительница, собирательница природных коллекций, основательница музея природы. Жена Сергея Дмитриевича Шереметева.

Родилась 20 сентября 1849 г. в семье князя Павла Петровича Вяземского. Принадлежала к древнему княжескому роду. Приходилась внучкой поэту Петру Андреевичу Вяземскому. Получила домашнее образование. В совершенстве владела французским, немецким, английским языками, хорошо рисовала. Выросшая в семье с глубокими культурными традициями, она с юных лет прониклась интересом к истории, памятникам старины. Ее отец был известным историком литературы, археографом и крупным коллекционером.

В 1868 г. княжна Екатерина Вяземская вышла замуж за графа Сергея Дмитриевича Шереметева, известного историка, издателя, общественного деятеля, коллекционера. Она всецело разделяла интересы мужа. Вместе с Сергеем Дмитриевичем участвовала в создании Общества любителей древней письменности. В этом обществе она заведовала отделом «учебников и отдельных листов», а также принимала участие в подготовке лицевых рукописей к факсимильному изданию.

Екатерина Павловна Шереметева была фрейлиной двора, а с 1912 г. — статс-дамой. Известна ее благотворительная деятельность.

После смерти П.П.Вяземского в 1888 г. знаменитая своими собраниями усадьба Остафьево при разделе имущества досталась брату Екатерины Павловны — Петру Павловичу Вяземскому. Будучи военным, он редко бывал в этой усадьбе и даже сдавал ее внаем. Чтобы спасти замечательный историко-культурный комплекс, Сергей Дмитриевич и Екатерина Павловна выкупили вначале ценнейший Остафьевский архив, а затем, в 1898 г., и усадьбу со всеми ее коллекциями и создали там общедоступный музей. Он был открыт для посещения в 1899 г., когда отмечалось сто лет

со дня рождения А.С.Пушкина. Поэт несколько раз приезжал в Остафьево к Вяземскому; здесь была собрана коллекция его рукописей и мемориальных вещей.

Всю жизнь Е.П.Шереметева вместе с мужем занималась систематизацией и публикацией материалов семейного собрания. Кроме того, она увлеченно изучала природу Подмосковья, составляла природоведческие коллекции, которые легли в основу созданного ею частного музея природы.

Первый гербарий и первую коллекцию минералов Екатерина Павловна составила в 1865 г. в шестнадцатилетнем возрасте в Остафьеве. Увлечение природой окрепло в ту пору, когда ее дети (она родила девять и воспитала семь детей) выросли и стали учиться. Занимаясь вместе с ними ботаникой, зоологией, географией, она серьезно увлеклась этими науками. «В начале 1890-х годов, — писала Екатерина Павловна в «Собственноручной записке об образовании у ней естественно-исторических коллекций», — Д.Н.Кайгородов стал давать уроки естественной истории моим меньшим детям, на которых я всегда присутствовала и стала все более и более увлекаться изучением природы, которую, впрочем, всегда любила. Приехав в деревню, мы начали собирать все, что нам казалось более или менее интересным» (8, с.15).

Место, где Екатерина Павловна стала собирать природоведческие коллекции и впоследствии создала музей — известная в истории отечественной культуры усадьба Михайловское Подольского уезда Московской губернии. Это «дворянское гнездо», принадлежавшее роду Шереметевых с XVII в., в середине XIX в. было продано в чужие руки. Вновь оно стало принадлежать Шереметевым с 1870 г.: усадьбу выкупили Сергей Дмитриевич и Екатерина Павловна. Здесь они проводили каждое лето с 1870-го по 1917 г. В Михайловском хранился огромный семейный архив Шереметевых-Вяземских, а также фамильная библиотека.

В усадьбе был регулярный парк с прудами, разбитый в конце XVIII столетия, считавшийся одним из лучших в Подмосковье, и замечательный английский сад.

Вероятно, начало естественнонаучным коллекциям Е.П.Шереметевой было положено в первые годы жизни в Михайловском. Начиная с 1893 г. в окрестностях усадьбы регулярно проводятся сборы цветов, злаковых растений, трав, грибов, водорослей, мхов, лишайников, семян, насекомых, рыб, птиц, млекопитающих; составляются гербарии, коллекции, готовятся препараты. Первоначально собирали только образцы местной флоры и фауны.

Отдел флоры включал несколько коллекций. Гербарий семенных и высших споровых растений насчитывал 515 видов (639 экземпляров). Значительным было и собрание семян. В коллекцию низших растений входили грибы, мхи, лишайники, водоросли.

Отдел фауны состоял из коллекций паукообразных, бабочек, насекомых, рыб, птиц, млекопитающих. Самостоятельный раздел составляли гнезда с яйцами разных птиц. Среди раритетов этого собрания выделялись ночная бабочка «Желтая орденская лента», орел беркут и тетерев-межняк.

В 1900—1901 гг. коллекции пополнились сборами кавказской и причерноморской флоры. Специально на средства Екатерины Павловны с

научными целями была снаряжена экспедиция ученого Б.Б.Гриневецкого. Сборы делались в Грузии по Военно-грузинской дороге, в Кахетии и близ города Сочи, в окрестностях тамошних имений Шереметевых. Новый гербарий включал до 5000 экземпляров.

Е.П.Шереметева не только сама участвовала в сборах, но и умело готовила растения для гербария, а также была прекрасным препаратором и самостоятельно проводила консервацию органических образцов. Например, она мастерски готовила к длительному хранению различные виды грибов.

Помимо природоведческих собраний в коллекцию Екатерины Павловны входили памятники археологии — случайные находки, которые время от времени делались близ усадьбы Михайловское.

Обширное и хорошо систематизированное собрание навело владелицу на мысль об устройстве общедоступного музея. В 1893 г. она пригласила в Михайловское молодого ученого-естествоиспытателя, впоследствии известного ботаника Федора Владимировича Бухгольца для разработки программы будущего музея. Есть предположение, что Бухгольц, выполняя поручение Шереметевой, консультировался с директором Зоологического музея Московского университета Г.А.Кожевниковым, который являлся одним из ведущих в России специалистов в данной области. Было решено собрать в новом музее образцы флоры всего Подмосковья.

В том же 1893 г. музей начал свою работу. Сначала он уместился в одной из комнат главного усадебного дома. Вскоре для размещения собрания потребовалась еще одна комната. Затем некоторые коллекции экспонировались в оранжерее. В 1902 г. специально для музея была возведена пристройка, в которой были собраны воедино все коллекции.

В 1899 г. Екатерина Павловна решила разбить при музее ботанический сад. Его устройством занимался также Ф.В.Бухгольц. Сад был заложен недалеко от музея. Он занимал площадь в 150 квадратных саженей.

В саду устроили различной конфигурации клумбы для отдельных семейств растений. Специальный участок отвели для проведения экспериментов по селекции новых растений. Для болотных растений и водорослей были созданы искусственные пруды. Среди первых питомцев ботанического сада — редкий вид пыльцеголовника длиннолистного. Эту красивую орхидею Екатерина Павловна лично привезла из усадьбы Введенское Звенигородского уезда.

И сам музей, и созданный при нем ботанический сад в 1890-е гг. представляли уникальное явление. Хотя в подмосковных усадьбах в XVIII—XIX вв. садово-парковые ансамбли, ботанические сады и собрания памятников природы не были редкостью, однако в них в основном культивировались экзотические растения. Частный музей природы в усадьбе Михайловское, с самого начала опиравшийся на последние достижения науки, быстро получил широкую известность и признание. С ним установили научные связи многие отечественные и зарубежные ученые, институты, высшие учебные заведения. Музей обменивался с ними образцами флоры и фауны, литературой, консультировался при составлении описаний коллекций. С экспозицией музея не раз приезжали знакомиться ученые и специалисты.

Частный музей Е.П.Шереметевой с 1897 г. начал издательскую деятельность, которая продолжалась до 1914 г. В течение 17 лет вышло в свет десять выпусков под названием «Естественноисторическая коллекция гр. Е.П.Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии» (некоторые выпуски переиздавались). Здесь были описаны гербарии семенных и высших споровых растений (476 видов в первом издании, 515 — во втором), мхов (107 видов), лишайников (21 вид) и др.

В 1902—1911 гг. вышло девять выпусков «Издания естественноисторического музея графини Е.П.Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии», в котором участвовали крупные ученые. Тут опубликованы работы специалиста по низшим растениям и мохообразным, сотрудника Петербургского ботанического сада Александра Александровича Еленкина, посвященные мхам и лишайникам средней полосы России. Одна из этих работ — «Флора лишайников Средней полосы» — получила в 1905 г. премию Императорского Московского общества испытателей природы.

В одном из выпусков опубликована работа Екатерины Павловны «Иллюстрированный определитель грибов Средней России» (Рига, 1909) — фундаментальное описание семейств, родов, отделов, подотделов и групп самых разнообразных грибов. Книга снабжена указателями и терминологическим словарем. Это первое в России издание, рассчитанное и на специалистов, и на широкий круг читателей.

С музеем в Михайловском сотрудничали многие крупные ботаники, в частности при описании коллекций Екатерина Павловна получала консультации у миколога и фитопатолога, автора классических исследований Михаила Степановича Воронина, специалиста по систематике и филогении грибов Артура Артуровича Ечевского, основателя Русского ботанического общества Ивана Парфеньевича Бородина.

При музее была создана специализированная библиотека. В 1903 г. в ней насчитывалось свыше 2000 томов. Сюда приходили многие научные периодические издания.

Впоследствии Екатерина Павловна предполагала безвозмездно передать свой музей Московскому университету и основать при нем биологическую станцию.

После 1917 г. музей и ботанический сад прекратили свое существование. Усадьба Михайловское была национализирована. Судьба коллекций неизвестна.

Последние годы жизни Е.П.Шереметева провела в усадьбе Остафьево, хранителем которой был ее сын Павел Сергеевич.

Е.П.Шереметева умерла в Остафьеве в 1929 г. и погребена близ остафьевской церкви Михаила Архангела.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.И. «На достоинствах нравственных, а не на силе...» // Человек. — 1991. — N 6. — С. 136—150.

2. Естественноисторическая коллекция гр. Е.П.Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии. — [М.], 1897—1914. — Вып. 1—8.

3. Естественноисторическая коллекция гр. Е.П.Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии. — 2-ое изд. — [М.], 1906. — Вып. 1—2.

4. Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-libris). — М., 1905. — С. 314.

5. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1276.

6. Издание естественноисторического музея графини Е.П.Шереметевой в с. Михайловском Московской губернии. — [М.], 1902—1911. — Вып. 1—9.

7. Карнишина Л.М. Ботанический сад Е.П.Шереметевой в селе Михайловском // Остафьевский сборник. — М., 1994. — Вып. 2. — С. 22—24.

8. Карнишина Л.М. Уникальный музей Е.П.Шереметевой // Остафьевский сборник. — М., 1993. — Вып. 1. — С. 13—17.

9. Остафьево / Автор-составитель Н.К.Квятковская. — М., 1990.

10. Остафьево: материалы о прежних владельцах и к родословию кн. Вяземских // Издание гр. Е.П.Шереметевой. — М., 1906.

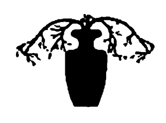
11. Памятники архитектуры Московской области. — М., 1975. — Т.2. — С. 133—134.

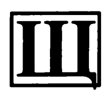
12. Сборник в память князя П.П.Вяземского. — Пг., 1915. — С. 27.

13. Снытко Н. Остафьево // Наше наследие. — 1988. — N 6. — С. 137—146.

14. Шереметев С.Д. Михайловское. — М., 1906.

15. Эльсгольц Ф.К. Частные библиотеки в России // Российская библиография. — 1880. — N 53 (1). — С. 2.





ЩЕРБАТОВ Сергей Александрович (1875—1962)

С.А. Щербатов — князь, художник, меценат, собиратель художественных коллекций.

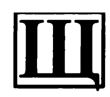
Родился в 1875 г. в семье князя Александра Александровича Щербатова, первого московского городского головы, в родовой подмосковной усадьбе близ станции Нара Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. Принадлежал к древнему знатному роду: его предками были по материнской линии сподвижник Петра I Ф.М.Апраксин, а по отцовской линии — историк М.М.Щербатов, которому Сергей Александрович приходился семиюродным правнуком.

После окончания Поливановской гимназии, увлекаясь историей, Сергей Щербатов поступил на историческое отделение Московского университета. Разочаровавшись в истории как науке, решил стать художником. В 1890-е гг. учился в частной художественной школе Л.О.Пастернака в Москве, а после окончания университета, в 1898—1901 гг. — у А.Ашбе и И.Э.Грабаря в Мюнхене. Грабарь писал, что С.А.Щербатов «был очень талантлив, живо схватывал малейшие намеки и вскоре так усвоил строение головы, лепку, игру света, что оставил далеко позади других учеников, работавших два года и больше» (7, с. 143).

В 1899 г. С.А.Щербатов на выставке «Мира искусства» экспонировал полотна «Голова старика» и «Красная гостиная». В 1914—1917 гг. работал над оформлением главного зала (зала первого класса) для строящегося здания вокзала Московско-Казанской железной дороги. Выполнил эскизы для пяти настенных панно и плафона потолка; сначала в Петербурге, а потом в усадьбе в Наро-Фоминске в специально построенной мастерской (панно предполагались большого размера) начал выполнять работы в натуральную величину, но вынужден был оставить их из-за начавшихся революционных событий (частично его эскизы использованы для росписи вокзала). Два эскиза — «Город» и «Деревня» — экспонировались в Москве в предреволюционные годы на художественных выставках.

Сергей Александрович много времени отдавал общественной деятельности, организовывал выставки, принимал участие в работе музеев, занимался издательской деятельностью.

В 1902—1903 гг. С.А.Щербатов вместе со своим другом Владимиром Владимировичем фон Мекком устроил в Петербурге постоянно действующий художественный салон «Современное искусство». «Под влиянием членов «Мира искусства», которые много раз говорили о том, что настоящее искусство должно проникать в разные области жизни, — вспоминала Анна Павловна Остроумова-Лебедева, — два москвича — Щербатов и фон Мекк — основали частное предприятие — «Современное искусство». Они решили выставлять образцы прикладного искусства, предметы обстановки, фарфор, вышивки, ювелирные вещи, вплоть до дамских платьев и художественно обставленных комнат. Цель их была — распространять подлинное искусство в обиходе человека» (14, с. 275).



В подготовке выставки участвовала группа художников, среди которых одно из первых мест принадлежало И.Э.Грабарю (недаром все предприятие в художественных кругах именовалось «Грабарианой»). «В это увлекательное дело, — отмечал сам Грабарь, — впряглись все мы: Бенуа, Лансере, Бакст, Константин Коровин, А.Я.Головин и я. Приняли творческое участие и «хозяева» — Щербатов и Мекк, интересовавшиеся прикладным искусством, главным образом дамскими нарядами, которые сами сочиняли и комбинировали. Бенуа и Лансере сделали проект стильной гостиной, Бакст — очаровательного будуара, Коровин — комнаты, построенной на мотиве зеленой ржи и васильков, Головин — русского терема, резного из дерева... Щербатов с Мекком сделали комнату на мотив павлиньего пера» (7, с. 184—185).

Выставка не оправдала в полной мере ожиданий устроителей. Ни одного заказа на изготовление стильной обстановки получено не было. В дальнейшем в салоне устраивались и другие выставки, в том числе художников К.А.Сомова, Н.К.Рериха, японских графиков, французского ювелира Рене Лалика.

Вся жизнь Сергея Александровича была теснейшим образом связана с Москвой. Непродолжительное время он жил в Петербурге (1901—1903 гг.), но, потерпев неудачу с художественным салоном, после 1903 г. окончательно поселился в Москве. «К Москве, — признавался он впоследствии, — я привязан крепкой традицией и моей любовью, нежной и глубокой, к самому обаятельному в те времена городу, единственному в мире по особому и трудно передаваемому очарованию. Только Константинополь и Севилья, во многом схожая с Москвой, производили подобное впечатление. Все русское мое нутро питалось Москвой, с годами крепло и художественное сознание того, что в Москве было необычного и единственного по красоте» (18, с. 11).

С.А.Щербатов занимал видное место в художественной жизни Москвы предреволюционных лет, был хорошо знаком со многими художниками, писателями, критиками, меценатами, коллекционерами: С.Т.Морозовым, С.И.Щукиным, П.И.Харитоненко, С.И.Мамонтовым, И.С.Остроуховым. «По внешности князь Щербатов, — вспоминал художник А.Н.Бенуа, — являл собой настоящий тип аристократа (московской складки) — огромный, тяжелый (стулья под ним трещали и даже подламывались), с явной склонностью к тучности. Держал он себя необычайно прямо и нес голову не без сановитой важности. Самый его типично московский (но дворянский, а не купеческий) говор с легким картавленьем имел какой-то наставительно барский оттенок, говорил он медленно, с расстановкой, причем старался выказаться во всех смыслах «европейцем» и человеком наилучшего общества, но не петербургского жанра, а именно исконно московского» (2, с. 373).

В 1911 г. С.А.Щербатов вместе с И.Э.Грабарем, В.А.Серовым и П.Д.Долгоруковым вошел в жюри конкурса на составление эскиза памятника С.А.Муромцеву в Москве. После смерти В.А.Серова в 1911 г. Сергей Александрович избран членом Совета Третьяковской галереи. Он был членом Общества друзей Румянцевского музея, входил в состав финансового совета Училища живописи, ваяния и зодчества. В 1917—1918 гг. входил в Совет по делам искусств и в Союз деятелей музеев и частных хранилищ в Москве.

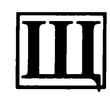
Сергей Александрович владел крупным художественным собранием, которое состояло как из лично им собранных коллекций, так и доставшихся по наследству. Фамильное собрание включало мебель, предметы убранства (ковры, канделябры), фарфор, графику, картины. Особую историко-художественную ценность имела портретная галерея, представлявшая как род Щербатовых начиная с петровских времен, так и царских особ в произведениях западноевропейских и отечественных мастеров. К числу уникальных предметов щербатовского собрания следует отнести альбом бабушки Софьи Степановны Щербатовой, урожденной Апраксиной, в котором были собраны автографы (стихи, ноты, рисунки) ее современников: А.С.Пушкина, В.А.Жуковского. Н.В.Гоголя, П.А.Вяземского, Е.А.Баратынского, Ф.И.Тютчева, И.С.Тургенева, А.Мицкевича, Полины Виардо, Ференца Листа, Джоаккино Россини, рисунки К.П.Брюллова, О.А.Кипренского.

Увлечение коллекционированием пришло к С.А.Щербатову в 1890-е гг., когда он учился в Мюнхене. И первые им собранные коллекции включали японские гравюры и чучела птиц. В те годы в Европе был культ китайского и японского искусства. Сергея Александровича привлекла гравюра. «Во время моего пребывания в Мюнхене, — писал он в мемуарах, — я с Грабарем очень увлекался собиранием старинных японских гравюр по дереву» (19, с. 174). Целые часы проводил он в антикварных лавках, выискивая листы любимых мастеров — К.Утамаро, Иерошигэ и особенно К.Хокусая. В тех же лавках приобретал он чучела птиц и бабочек, размещая их под большим четырехугольным ящиком-витриной так, словно они порхали вокруг ветвей сухого дерева. С детства он любил птиц, и во всех его квартирах на окнах были устроены вольеры для пернатых.

Вернувшись из Мюнхена, С.А.Щербатов поселился в Петербурге, и здесь зародилась его живописная коллекция. В 1901 г. И.Э.Грабарь подарил ему картину «Подмосковная усадьба». Основные же свои приобретения собиратель делал на выставках. В 1903 г. он приобрел на выставке «Мира искусства» в Петербурге эскиз картины М.А.Врубеля «Демон поверженный»; в 1905 г. купил картину Ф.А.Малявина «Две бабы» («Крестьянки»), экспонировавшуюся на выставке «Союза русских художников».

Рассказывая о проходившей в Петербурге выставке «Союза русских художников», И.С.Остроухов в письме к А.П.Боткиной от 6 января 1905 г. писал: «...превосходных баб Малявина (все говорят, что они выше «венецианских») покупает Щербатов, гидируемый Рерихом, за 10000 р., он же приобретает его рисунки, платя по 500 р. вместо объявленной цены 200 р., чудную (говорят, и верю) жемчужную раковину Врубеля за 2000 вместо объявленной 1000, Грабарей, Сомовых и tutti quanti (всех прочих *(итал.)*. — *Прим. авт.*). Объявляет во всеуслышание, что решил составлять коллекцию современного русского искусства с целью принести ее в дар городу Москве» (3, т. 1, с. 267).

В коллекции С.А.Щербатова были представлены такие произведения русских художников начала XX в., как «Поцелуй» А.Н.Бенуа, «Гамлет и Офелия», «Голова Христа», «Жемчужина» М.А.Врубеля (всего в собрании было пятнадцать работ этого художника), «Спящая в кошаре» П.В.Кузнецова, «На Рижском взморье» М.В.Леблана, «Михайловская улица в Новгороде», «Свадебный поезд в Москве (XVII столетие)» А.П.Рябушкина, «На-



тюрморт. Вазы и цветы» Н.Н.Сапунова, «Детская» К.А.Сомова, «Летний пейзаж», «Бабье лето» С.Ю.Судейкина и др. Владелец коллекции из русских художников особенно выделял В.И.Сурикова и М.А.Врубеля.

Собирал Сергей Александрович и иконы. Древнерусскую живопись он открыл для себя случайно и в мемуарах посвятил этой коллекции особое место. Собирать иконы он стал с 1909 г. одновременно с И.С.Остроуховым. В доме Остроухова он познакомился с Черногубовым, а через него — со священником-собирателем, жившим на окраине Москвы. «Я был совсем потрясен всем виденным у священника, — напишет он позднее в мемуарах. — Словно некая пелена спала с глаз, прозревших и изумленных в это время. Русское, родное иконное искусство сразу стало в ряд с высшими произведениями мирового значения Равенны, лучших фресок итальянских соборов, лучших примитивов» (19, с. 202—203).

В основу коллекции древнерусской живописи легли две иконы XVI в. новгородской школы — «Сошествие во ад» и «Знамение», а также «целый ряд маленьких продолговатых икон в золотой оправе, изъятых из старинных Царских Врат, тончайшего письма по золоту» (19, с. 202). В дальнейшем Сергей Александрович приобретал иконы «со строгим разбором». Торговцы старинными досками нередко приносили ему иконы прямо домой. Вновь поступающие раскрывал Щербатову иконник-реставратор Чириков. Коллекцию древнерусской живописи Сергей Александрович полюбил более всего и поместил в свой рабочий кабинет.

Кроме живописи Сергей Александрович собирал и графические произведения. Он владел большой коллекцией графики. Ему принадлежали, к примеру, иллюстрации К.А.Сомова к поэме А.С.Пушкина «Граф Нулин», рисунки Б.Д.Григорьева.

Несмотря на стремление Сергея Александровича пополнять коллекцию преимущественно произведениями русской школы, в его собрании были представлены и Западная Европа, и Восток, в основном произведения графического и декоративно-прикладного искусства. В коллекции графики видное место занимали гравюры японских художников. В коллекции фарфора были представлены работы китайских и западноевропейских мастеров. В течение многих лет Сергей Александрович собирал вазы из стекла работы французского мастера Э.Галле, а когда тот умер, коллекционер приобрел у вдовы все его личное собрание. Покупал он и скульптуры работы французского мастера А.Майоля. Была у него также античная мелкая пластика (танагрские статуэтки) и китайская старинная бронза.

«Собирая исключительно произведения русских художников, приобретая весьма редко старинные картины, — отмечал коллекционер в мемуарах, — я заплатил все же раз щедрую дань современному французскому искусству, приобретя для своей галереи первоклассную вещь Ренуара, лучшей французской эпохи, портрет очаровательной молодой девушки, под названием «La bonne de chez Dubal» («Портрет кельнерши» *(франц.). — Прим. авт.*) (19, с. 329).

По свидетельству А.Н.Бенуа, Щербатов в начале 1900-х гг. получил большое наследство и горел «желанием пожертвовать «сколько будет нужно» на процветание отечественного искусства» (2, с. 373). «Обосно-

вавшись прочно в Москве, — писал коллекционер в своих записках, — я решил построить в ней большой дом и оставить некоторую художественную память о себе, сделав из этого здания художественную ценность и дав ему после своей смерти особое назначение» (19, с. 219). Уже давно он вынашивал идею о доме-музее личных коллекций и с большим воодушевлением приступил к его созданию, когда появилась возможность.

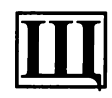
В Москве С.А.Щербатов с 1903 г. снимал квартиру в доме Князевой на Новинском бульваре. Однажды он оказался на чердаке дома и был поражен открывающейся из окна панорамой. Будущий дом-музей он решил выстроить непременно рядом. Ему удалось приобрести возле владения Князевой земельный участок, и под его наблюдением в 1910-е гг. на Новинском бульваре возвели оригинальный особняк-музей. Строительство его было завершено в 1913 г.

Этот громадный необычной архитектуры особняк стал одной из московских достопримечательностей. «Главный фасад, — писал об этом доме М.В.Нестеров, — был обращен к Новинскому бульвару, задний — к берегам Москвы-реки, с перспективой на далекие Воробьевы горы. Стиль дома — модный тогда ампир. Все, что можно было использовать в смысле материала, было Тамановым сделано. Тут был и дворик со львами, и античные статуи, и трельяж с вьющимся диким виноградом, и княжеский герб над аркой во внутренний дворик» (12, с. 333).

Архитектор А.И.Таманов за щербатовский особняк получил первую премию Академии художеств, а Московская городская дума постановила заказать Е.Е.Лансере (он выполнял всю отделку фасадов) каменный барельеф с изображением Георгия Победоносца, чтобы установить его на фасаде здания, украсившего Москву.

Дом был шестиэтажным. Центральную его часть занимала квартира Щербатова. Все комнаты обставлены с учетом задуманного Щербатовым «особого назначения» здания. Художественные коллекции размещались везде, начиная с прихожей. Их было так много и отличались они таким разнообразием, с таким вкусом расставлены, что гости, бывавшие в доме на Новинском, каждый раз открывали для себя что-нибудь новое. В доме были отдельные помещения для картинной галереи и для портретной, два зала отведены под библиотеку. Две комнаты отделали и украсили известные русские художники, принимавшие участие в выставке «Современное искусство». По свидетельству И.Э.Грабаря, «комнату Бенуа и Лансере, а также будуар Бакста Щербатов перевез к себе в Москву, в дом, выстроенный им вскоре по проекту А.И.Таманова на Новинском бульваре» (7, с. 187).

Стены портретной комнаты были увешаны картинами почти сплошь. Здесь висели парные портреты — бабушки Софьи Степановны и дедушки Алексея Григорьевича Щербатовых, выполненные в Париже Латуром. При этом портрет А.Г.Щербатова, генерал-губернатора Москвы и героя Отечественной войны, написан на фоне московского пожара 1812 г. Кисти Латура принадлежал и портрет Ольги Голицыной, сестры А.Г.Щербатова. Портрет прабабушки выполнен французской художницей Виже-Лебрен, а прадедушки, С.С.Апраксина, — австрийским художником И.Б.Лампи. Украшали портретную старинные канделябры, люстра времен Директории, и даже ковер на полу был эпохи Екатерины II. Здесь же помещался стол XVIII в.,



выполненный из бронзы, с мраморным верхом и итальянской (флорентийской) мозаикой. Портреты висели и в других парадных комнатах особняка.

В гостиной находились портреты историографа М.М.Щербатова, Дмитрия Мамонова (работы Аргунова), императрицы Елизаветы. Здесь же стоял бюст Павла I работы Шубина. Особенно выделялся портрет великой княгини Екатерины Алексеевны. Вся мебель здесь была старинной: выполненная из черного дерева с позолотой, она когда-то служила украшением особняка на Лубянке, принадлежавшего графу Ф.В.Ростопчину, и была куплена у него С.С.Щербатовой.

В будуаре жены Сергея Александровича, Полины Ивановны, размещался старинный фарфор отечественного и западноевропейского производства: изделия Императорского фарфорового завода и редкий сервиз Веджвуда. Здесь же был старинный камин.

Кабинет Сергея Александровича располагался на последнем этаже, окаймленном стеклянной террасой, откуда разворачивалась изумительная панорама «на Москву, на Нескучный, Воробьевы горы, на села и деревни, примыкающие к Первопрестольной со всех сторон» (12, с. 333). «На вышке», как владелец называл свои апартаменты, стояла мебель павловских времен, висели портрет бабушки работы О.А.Кипренского, картина Алексеева «Водопад в Тиволи», находился китайский фарфор. Центральное место занимала коллекция икон, отчего друзья называли кабинет «святая святых». Рядом с иконами висел рисунок, изображающий Богородицу с младенцем, который М.А.Врубель выполнил для иконостаса Кирилловского собора в Киеве.

Рядом с кабинетом в длинном узком помещении с верхним светом и единственным окном в торцевой стене располагалась картинная галерея. Здесь экспонировались картины русских художников начала XX в., собранные С.А.Щербатовым. Центральное место занимали любимые картины князя — «Две бабы» Ф.А.Малявина и «Жемчужина» М.А.Врубеля. Они были, по определению коллекционера, «гвоздями собрания». Картинам Врубеля отдали значительную часть стены. Обращали на себя внимание портрет Шаляпина работы А.Я.Головина, ранние работы из истории Древней Руси Н.К.Рериха. Пол в галерее устилали старинные персидские ковры, а между картинами на специальных столах и комодах были расставлены многочисленные произведения искусства, в том числе коллекция ваз Галле, скульптуры Майоля, китайская бронза, полихромные танагрские статуэтки.

Коридор, соединявший кабинет с картинной галереей, — сплошь завешан гравюрами. В спальне по всем стенам — красочные литографии с видами Москвы. Здесь же располагалась коллекция фарфора русских заводов Гарднера и Попова. В музыкальном зале за эстрадой висела картина А.Н.Бенуа «Поцелуй», между колоннами стояли большие мраморные вазы.

С.А.Щербатову удалось выполнить первую часть своего плана: построить оригинальное здание и свою квартиру превратить в музей. Но кроме его квартиры в этом огромном доме находились комнаты, которые хозяин на первых порах намерен был сдавать в аренду, а в будущем также превратить в музейные.

«Меня обычно удручал и подавлял вид музеев, и наряду с интересом и любопытством, которое естественно вызывает любое собрание истори-

ческих и художественных ценностей, я при обходе музейных залов испытывал какое-то особенное чувство тоски и грусти, трудно словами объяснимое, — писал Сергей Александрович на склоне лет. — Удручало меня и скопище предметов в общей массе из частных собраний, завещанных умершими владельцами, ими любимых, с толком и с известной идеей собранных и утративших, будучи приобщенными к массе окружающих их экспонатов, духовную связь с вложившим некогда свою душу в любимое свое собрание бывшим собирателем-владельцем» (19, с. 338).

«Каждое ценное частное собрание, — размышлял далее С.А.Щербатов, — представляет собой «исторический» интерес в иной плоскости, заключая в себе «психологический интерес». Оно выявляет лицо собирателя, отражая его индивидуальный духовный мир, его потребности.

Высказанные здесь мысли, соображения и чувства легли в основу той идеи, с которой я собирался, строя свой дом, завещать его городу Москве. Он должен был со временем наименоваться: «Городской музей частных собраний» (19, с. 339). По мнению Щербатова, подобных музеев в мире еще не было.

Идея Щербатова нашла поддержку как у городских властей (ее принял городской голова Гучков), так и у коллекционеров. И как сообщает мемуарист, три владельца ценных собраний (фарфора, икон, нумизматики) изъявили желание поместить свои коллекции вместе с библиотеками, подобранными по той же теме, что и коллекции, в этот музей. По условиям, выработанным самим Щербатовым, коллекция поступала целиком в том виде, как ее жертвовал собиратель, и располагалась в комнате-ячейке как бы изолированно от других собраний. При этом, по желанию владельца, выставлялись и другие вещи, передаваемые им (картины, ковры, светильники) для убранства комнат. Рядом с коллекцией, в тех же комнатах, выставлялась библиотека, причем библиотекой могли пользоваться все посетители как для справок, так и просто из желания посмотреть ту или иную книгу. Обязательно на видном месте должен был помещаться портрет или бюст коллекционера.

Свои личные апартаменты «на вышке», столовую и музыкальный зал Сергей Александрович предназначал для культурно-художественного центра, своего рода клуба. Впрочем, такую роль особняк Щербатова начал выполнять сразу, как только был обустроен. В доме С.А.Щербатова не раз проходили собрания художников группы «Мир искусства» во главе с А.Н.Бенуа. На встречах бывали А.Я.Головин, В.А.Серов, К.А.Коровин и другие представители московской художественной интеллигенции.

В доме на Новинском бульваре В.А.Серов работал над своим последним произведением — портретом княгини Полины Ивановны Щербатовой. «Жена была поставлена посреди комнаты в дымчатого тона шелковом платье, — вспоминал С.А.Щербатов. — Она стояла у большой мраморной вазы теплого тона екатерининской эпохи с золоченой бронзой, на стильном пьедестале той же эпохи. На вазу была закинута обнаженная рука. С фоном, где краснел вдали сенаторский мундир историка кн. М.М.Щербатова в белом парике на огромном портрете екатерининской эпохи, в стильной золотой старинной раме, красиво сливалась вся гамма красок платья, золотых волос, белоснежных плечей и рук, нежного румянца лица, нитей жемчугов и вазы

нежно-абрикосового тона с золотом. Все вместе было восхитительно красиво, равно как и поющие линии фигуры в этой позе» (3, т. 1, с. 665). Вскоре после смерти художника рисунок оправлен С.А.Щербатовым в раму со стеклом и медной дощечкой с гравированной надписью: «Последняя работа В.А.Серова». Это произведение было принесено владельцем в дар Третьяковской галерее.

Полностью осуществить свою идею создания «Городского музея частных собраний» С.А.Щербатов не успел: «...не по моей вине, а по вине суровой трагичной действительности и тех, на совести которых столь много разбитых надежд» (19, с. 342).

Летние месяцы С.А.Щербатов проводил в своем имении Наро-Фоминское. Здесь летом 1902 г. у него гостил И.Э.Грабарь, с которым они были в дружеских отношениях.

Вскоре после октябрьского переворота С.А.Щербатов эмигрировал; жил во Франции, затем переехал в Соединенные Штаты Америки. В годы жизни за рубежом он написал мемуары, в которых воссоздал многие интереснейшие страницы художественной жизни Москвы первых десятилетий XX в. В его книге даны живые сцены московской жизни, выведены портреты меценатов, собирателей и коллекционеров.

С.А.Щербатов умер в 1962 г., предположительно в Нью-Йорке.

Как пишет в своих мемуарах Сергей Александрович, Москву Щербатовы покинули по настоянию художника М.В.Нестерова, принесшего известие о начале голодных бунтов и погромах. «Мы молниеносно приняли решение и, быстро уложив самое ценное (картины, гобелены, художественные вещи, лучшие книги, бронзу, фарфор), отправили на хранение в подвалы Исторического и Румянцевского музеев» (19, с. 393—394). Судьба коллекций, попавших в революционные годы в музеи на временное хранение, была типична: после выхода в свет Декрета о национализации частное художественное имущество становилось государственной собственностью. Часть вещей стала собственностью тех музеев, где они нашли временное пристанище, а в подавляющем большинстве случаев они, потеряв имя своего прежнего владельца, вливались в Государственный музейный фонд. Отсюда отдельные предметы попадали в столичные и периферийные музеи, часть — либо в Антиквариат на продажу, либо для обустройства кабинетов, приемных и квартир представителей новой власти. Немало вещей было похищено, а еще больше просто погибло.

Из коллекции икон С.А.Щербатова только одна — «Троица Ветхозаветная» (та самая, что висела у владельца в кабинете над письменным столом) — попала в Третьяковскую галерею: сюда она перешла в 1930 г. из Государственного Исторического музея. В 1940 г. Третьяковская галерея приобрела икону «Богоматерь Вертоград заключенный», тоже из собрания С.А.Щербатова. Из его картинной галереи всего 12 работ попали в Третьяковскую галерею, в том числе столь любимые Щербатовым врубелевские картины. Причем восемь работ поступили туда в 1925 г. из Румянцевского музея, а четыре — в 1927 г. из Государственного музейного фонда. (До 1917 г. — в 1913 г. — С.А.Щербатов продал Третьяковской галерее картину А.П.Рябушкина «Свадебный поезд в Москве (XVII столетие)».) Из богатого портретного собрания коллекционера в музее

оказалось только большое полотно с изображением Екатерины Алексеевны. Кроме того, ряд картин из щербатовского собрания находится ныне в Башкирском художественном музее им. М.В.Нестерова, во Всероссийском музее А.С.Пушкина в Петербурге.

Как указывает С.А.Щербатов, картина О.Ренуара вначале оказалась в Щукинской галерее, а затем попала в Америку.

В 1920-е гг. «дворец-музей» на Новинском бульваре был передан под жилье работникам «Трехгорной мануфактуры»; он утратил большую часть своей художественной отделки как на фасадах, так и в интерьерах (ныне дом 11). Узнав об этом, С.А.Щербатов писал в мемуарах: «...московский дом в полном смысле слова был «храмом искусств», с его отделкой и его художественным содержанием, он был предназначен стать общественным храмом искусства — а что с ним ныне?» (19, с. 396). Щербатовская подмосковная была разграблена, на месте сгоревшего усадебного дома выстроен кинотеатр.

Двадцать четвертого января 1994 г. в Москве был открыт Музей личных коллекций как отдел Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. К сожалению, устроители его не посчитали нужным вспомнить имя Сергея Александровича Щербатова, который почти восемьдесят лет тому назад не только первым высказал идею подобного музея, но и частично осуществил ее, и только революция 1917 г. не позволила ему довести начатое дело до конца.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. — М., 1963. — Т. 1. — С. 199; Т. 2. — С. 391.

2. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. — 2-ое изд. — М., 1990. — Кн. 4—5. — С. 372—375, 377, 383, 391, 438—439, 690, 693.

3. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т. 1. — С. 225, 230, 238—239, 267, 483, 537, 590, 658—672; Т. 2. — С. 329.

4. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. — Л., 1989. — Т. 1. — С. 254, 391, 396—397, 422, 432; Т. 2. — С. 24.

5. Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. — Л., 1976. — С. 247, 282, 352.

6. Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII—начала XX века (до 1917 года). — М., 1984. — С. 39, 111, 114, 240, 255, 407, 417, 439, 447, 450.

7. Грабарь И.Э. Моя жизнь: Автомонография. — М.-Л., 1937. — С.142—143, 184—187.

8. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1974. — С. 117, 121, 125, 138—140, 149, 276—277, 284—285, 309—312, 316—317, 349, 355—357, 363, 365, 368, 431—433, 445, 448.

9. Грабарь И.Э. Письма 1917—1941 гг. — М., 1977. — С. 244, 295.

10. Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. — М., 1983. — С. 394.

11. Нестеров М.В. Воспоминания. — М., 1985. — С. 313, 336—337, 340—341.

12. Нестеров М.В. Давние дни: Воспоминания. Очерки. Письма. — Уфа, 1986. — С. 332—333.

13. Нестеров М.В. Из писем. — Л., 1968. — С. 199, 402.

14. Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. — М., 1974. — Т. 1. — С. 566, 587.

15. Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции: 1917—1941: Биографический словарь. — Пб., 1994. — С. 535—536.

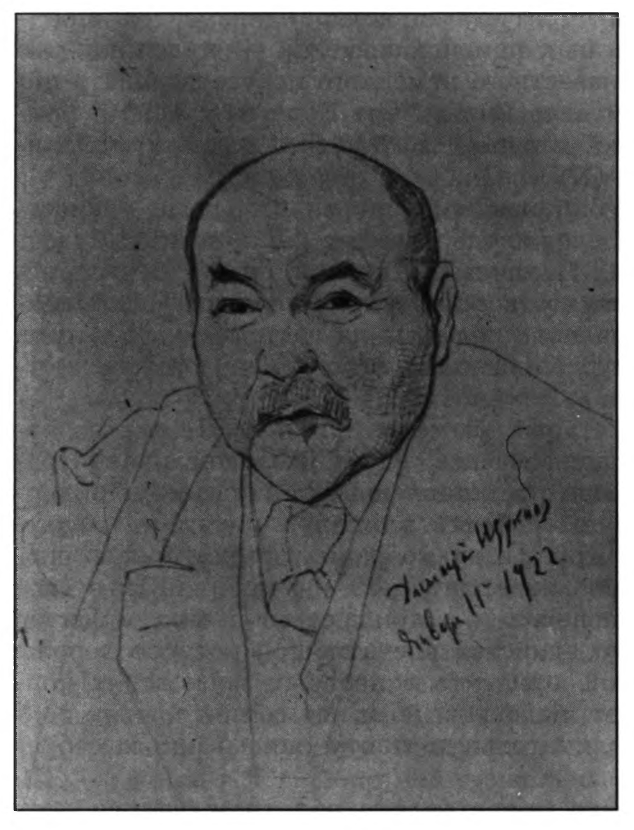
16. Федосюк Ю. Москва в кольце Садовых: Путеводитель. — М., 1983. — С. 368.

17. Шлихтер М.С. Выставка «Современное искусство» 1903 года в Петербурге // Панорама искусств. — М., 1986. — Вып. 9. — С. 309—320.

18. Щербатов С.А. Московские меценаты // Памятники Отечества. — 1993. — N 29. — С. 11—19.

19. Щербатов С.А. Художник в ушедшей России. — Нью-Йорк, 1955.

ЩУКИН Дмитрий Иванович (1855—1932)



С рисунка Н. Андреева. 1922.

Д.И. Щукин — купец, собиратель западноевропейской живописи. Брат Петра и Сергея Щукиных.

Родился в Москве 24 августа 1855 г. в семье Ивана Васильевича Щукина, известного и уважаемого купца. Отец, не сумевший получить хорошего образования, прекрасно знал ему цену и стремился дать его всем своим детям.

Четвертый сын в семье, Дмитрий учился в московской Поливановской гимназии. Затем отец отправил его в Дрезден в Высшее коммерческое училище. Это учебное заведение он закончил в 1876 г. Потом служил в Риге в конторе Товарищества цементной фабрики и маслобойни К.К.Шмидта. Однако Д.И.Щукин не стал предпринимателем, как того желал отец. Вернувшись в Москву в 1882 г., Щукин отошел от семейного дела и всецело отдался любимому занятию — коллекционированию.

В семье Щукиных был настоящий культ искусства и старины. Неудивительно, что пять сыновей стали собирателями, составив замечательные коллекции. Крупным коллекционером являлся и Дмитрий Иванович. Правда, он всю жизнь находился как бы в тени своих знаменитых братьев — Петра и Сергея.

«Был он человек очень своеобразный, — вспоминал близко знавший Щукина художник В.Н.Яковлев. — Жил замкнуто, отойдя от шумной купецкой жизни, не увлекаясь ни кутежами, ни женщинами. Этого человека, небольшого роста, кругленького, лысого, несколько настороженного, не без природной купеческой хитрецы, снедала одна подлинная и великая страсть — старая живопись, голландцы. Вся его жизнь проходила в собирании уникумов. Он прекрасно знал историю живописи, у него была собрана и замечательная библиотека по вопросам искусства. Он был большим эрудитом в своей области» (16, с. 167).

Дмитрий Иванович первоначально собирал изделия из серебра, золота и миниатюры. Постепенно он остановил свой выбор на старой западной живописи и стал страстным ее коллекционером. На этот выбор повлияли и его жизнь в Дрездене, и московское собрание его дяди, Д.П.Боткина, которое еще в детстве произвело на Дмитрия Ивановича сильное впечатление.

Щукин покупал картины у московских и петербургских антикваров. Многие приобретения он сделал в Западной Европе, преимущественно в Германии, Голландии, Испании и Италии, где проводил зимнее время. Он непременно посещал музеи, картинные галереи, выставки, антикварные лавки, приобретал новейшую литературу по истории искусства. Покупая картины, он нередко прибегал к помощи знатоков — художников и искусствоведов. Так, по совету известного немецкого искусствоведа и директора одного из берлинских музеев Вильгельма Боде он в 1893 г. приобрел лучшую из работ своего собрания — «Катание на коньках» голландского живописца Х.Аверкампа (XVII в.).

Дмитрий Иванович обладал обширными знаниями в области искусства. Особенно тесные отношения сложились у него с берлинскими музеями и коллекционерами. В музеях Берлина его хорошо знали, ценили его эрудицию, предоставляли возможность работать с коллекциями, специально для него извлекали отдельные предметы из застекленных витрин и шкафов. Реставраторы этих музеев выполняли по его заказам расчистку старых картин.

Д.И.Щукин собирал картины старых мастеров XIV—XVIII вв. — итальянцев, нидерландцев, голландцев, немцев, французов, англичан. Преимущественно в его собрании были представлены французские и нидерландские художники. Но особую слабость владелец питал к «малым голландцам». Живописцам этого круга в его собрании принадлежало около шестидесяти полотен. «Именно нидерландцы, — подчеркивал в свое время журнал «Среди коллекционеров», — придают собранию характер особой замкнутости и уюта, того единства впечатления, которое дороже всего и которое так редко можно отметить в пестрых московских коллекциях. Средний уровень — нет шедевров, но и нет сомнительных подделок — вот что составляет отличительную черту описываемого собрания» (2, N 8—9, с. 11).

Нидерландское искусство было представлено полотнами почти всех жанров — портретами, пейзажами, «костюмным жанром», натюрмортами. Из работ XVI столетия выделялись полотно «Шествие на Голгофу» Х. де Блеса, парные портреты А.Т.Кея. Большинство картин принадлежало XVII в.: здесь были произведения Я. ван Гойена, Я.Рейсдаля, Д.Тенирса Младшего, А. де Войса, Ф.Ангела, П.Класа, В.Кальфа. К числу лучших произведений относились картины «Урок музыки» Г.Терборха, «Пирушка» Д.Хальса.

В коллекцию французской живописи входили полотна Ватто, Буше, Фрагонара, Ланкре; немецкой — Кранаха, Герунга; английской — Косвейна, Лоуренса. А в общей сложности в доме Щукина было собрано 146 живописных полотен.

Графическая коллекция Дмитрия Ивановича дополняла живописное собрание мастеров тех же школ XIV—XVIII вв. Здесь выделялись гра-

вюры французской и английской школ; имелась хорошая подборка пастелей; собрано много портретов, преимущественно женских.

Особое место в его коллекции принадлежало миниатюрам. Они были подобраны с исключительным художественным вкусом. Показанные в Москве в 1901 г. на выставке произведений из частных собраний, они привлекли внимание всех любителей и знатоков этого жанра. Специалисты отмечали в его коллекции портрет Софьи Потоцкой, выполненный на кости шведским миниатюристом П.Галлем, портрет Людовика XIV, написанный Ж.Петито эмалевыми красками по золоту и вставленный в изящную черепаховую коробочку, портрет сестры Наполеона I, выполненный на кости И.Огюстином, портрет на бумаге неизвестной дамы работы И.Изабе.

В щукинском собрании были и скульптуры: около пятидесяти бронзовых статуэток XVI—XVII в. Среди ценных произведений этого раздела — работа итальянского скульптора Антико «Голова мальчика с косичкой». Обращали на себя внимание произведения Э.Фальконе («Амур», авторская копия мраморной луврской статуи), Ж.Б.Карпо («Девочка-рыбачка»), Ф.Жирардона («Похищение Прозерпины», уменьшенная копия мраморной версальской статуи), А.Куазво («Мария-Аделаида Савойская», копия мраморного версальского оригинала).

Широко известное собрание живописи затмило еще одну коллекцию, собранную неутомимым Дмитрием Ивановичем. Речь идет об эмали. По словам известного московского собирателя А.П.Бахрушина, Щукин владел одной из лучших коллекций такого рода. «Этот последний много отбивает у меня этих вещей, так как платит всегда щедрей меня, а потому многие торговцы, — писал Алексей Петрович в книге «Кто что собирает», — несут прямо вещь к нему; если попадется действительно хорошая, то Щукин ее не отпустит обратно. При его свободных средствах можно собрать много хорошего, за ним не угоняешься, потому что он в месяц может на свое собрание истратить более, чем многие другие в год» (1, с. 37).

Щукин сумел собрать превосходную библиотеку. На первом месте здесь были книги по искусству. В ней были собраны многие журналы по изобразительному искусству, издававшиеся в России и за рубежом в конце XIX—начале XX в. Поистине уникальным было собрание едва ли не всех отечественных и зарубежных аукционных каталогов.

Первоначально Д.И.Щукин снимал квартиру на Волхонке, потом — на Поварской. В 1902 г. он поселился в собственном доме в Староконюшенном переулке. Этот особняк выстроен в 1898 г. по проекту архитектора А.А.Остроградского. Когда Щукин разместил свою коллекцию в двадцати комнатах этого особняка, то получился самый настоящий музей. Всюду стояла старинная мебель, буфеты и резные шкафы наполнены старинным фарфором, табакерками, миниатюрами, эмалями, старинными часами, все стены увешаны картинами.

«Его тихий и безлюдный (он жил один со старым лакеем Григорием) особняк по Староконюшенному был законченным и умело подобранным музеем, — вспоминал о своем первом посещении этого дома В.Н.Яковлев. — Теперь он частями вошел в государственные коллекции, и трудно передать то очарование, в которое погружается посетитель, бродя по

этим маленьким, напоминающим голландские интерьеры, уютно и чудесно обставленным комнатам» (16, с. 147—148).

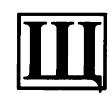
«Сами комнаты, — продолжал Яковлев, — напоминали интерьеры Питера де Гооха, Вермеера ван Дельфта или Метсю. В столовой, убранной тяжелой резной голландской мебелью, прекрасно гармонируя с обстановкой, висели чудесные натюрморты Миньона, Кальфа, ван Байерена. Мы переходим от вещи к вещи, и любезный амфитрион мой с истинным наслаждением знатока и любителя показывал мне свои сокровища. Из столовой мы перешли в гостиную. Чудесный, серебряно-серый Терборх — «Урок музыки». Вещь, достойная европейских музеев. Несколько Метсю. Восторгу моему не было границ. Хозяин был горд и доволен» (16, с. 166—167).

Дмитрий Иванович, как и его братья Петр и Сергей, считал, что это собрание должно принадлежать Москве. В январском номере журнала «Старые годы» за 1914 г. в разделе «Почтовый ящик» было опубликовано письмо в редакцию Д.И.Щукина. «Мое собрание картин не продано мною за границу, — писал он, — как, между прочим, упоминает барон Н.Врангель в своей заметке о продаже собрания покойного П.В.Деларова в ноябрьской книжке вашего журнала, а находится в целости в Москве, причем должен заметить, что оно от времени до времени пополняется новыми приобретениями. Все мое собрание я завещал Московскому Публичному и Румянцевскому музеям; на устройство моего дара я оставил также известный капитал» (13, с. 68). Из примечания к письму редакции журнала видно, что в статью Н.Н.Врангеля вкралась неточность: за границей продавалось собрание Ивана Щукина. «С глубокой радостью, — отмечала редакция, — помещаем письмо Д.И.Щукина, подтверждающее слух об его щедром, культурном и патриотическом отношении к своему собранию и Румянцевскому музею» (13, с. 68). Таким образом, о планах коллекционера стало известно широкой общественности.

В знак серьезности своих намерений он тогда же подарил этому музею несколько первоклассных произведений из своего собрания. Впрочем, и до этого Д.И.Щукин не раз одаривал свой любимый московский музей.

В 1918 г. владелец получил на свою коллекцию охранную грамоту. Затем коллекция Д.И.Щукина была национализирована и стала самостоятельным музеем. Собрание по-прежнему располагалось в особняке Щукина в Староконюшенном переулке и в декабре 1918 г. под названием «Первый музей старой западной живописи» было открыто для осмотра. Этот музей просуществовал недолго, до октября 1922 г. В июне 1922 г. он был подчинен Румянцевскому музею и стал, как когда-то желал владелец, его филиалом. Однако уже в октябре особняк облюбовала какая-то организация, и музею предложили освободить его. Щукинская коллекция была перевезена на Кропоткинскую улицу и размещена на первом этаже бывшего морозовского особняка; второй этаж этого здания занимала экспозиция Второго музея нового западного искусства.

В 1924 г. собрание Щукина перешло в Музей изящных искусств на Волхонку. Тогда же была открыта картинная галерея этого музея. И хотя к тому времени в музей поступили и другие московские собрания, коллекция Дмитрия Ивановича являлась наиболее ценной из них. Основная



часть собрания Д.И.Щукина и поныне находится на Волхонке в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.

Д.И.Щукин остался при своей коллекции; 10 ноября 1924 г. он был назначен заведующим итальянским подотделом картинной галереи и избран членом ученого совета.

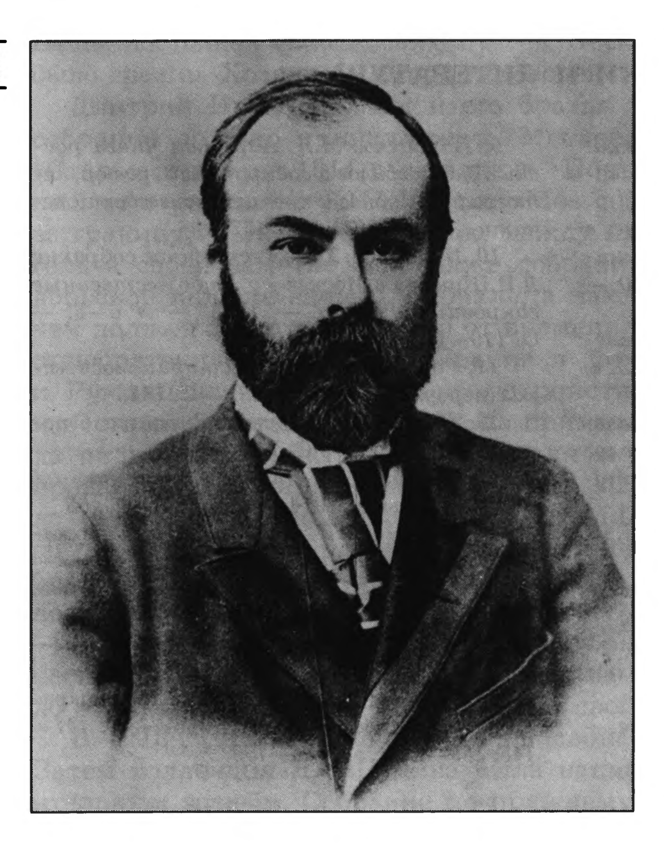
Д.И.Щукин умер в Москве в 1932 г. Дом, где располагалось щукинское собрание, сохранился до наших дней. Ныне это дом 35 по Староконюшенному переулку.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает / Прим. М.Цявловского. — М., 1916. — С. 37, 111.*
2. *Блох В.С. Нидерландские мастера в московских собраниях // Среди коллекционеров. — 1921. — N 8—9. — С. 9—15; N 10. — С. 23—28; N 11. — С. 21—28.*
3. *Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVII—начала XX в. (до 1917 г.). — М., 1984. — С. 541.*
4. *Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина: Каталог картинной галереи. Живопись. Скульптура. Миниатюра. — М., 1986. — С. 51.*
5. *Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... — М., 1993. — С. 16—19.*
6. *Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 56—61.*
7. *Морозов и Щукин — русские коллекционеры: От Моне до Пикассо. — Кельн, 1993. — С. 48—49.*
8. *Никифоров Д. Сокровища в Москве. — М., 1901. — С. 45.*
9. *Параделов М.Я. Адресная книга русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати. — М., 1904. — С. 137.*
10. *Прахов Н. Художественное собрание Д.И.Щукина в Москве // Художественные сокровища России. — 1905. — N 6—8. — С. 119—120, илл. N 61—69.*
11. *Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 178.*
12. *Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. — М., 1977. — С. 123, 201.*
13. *Щукин Д. И. Письмо в редакцию // Старые годы. — 1914. — Январь. — С. 68.*
14. *Щукин Д.И. // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 16, 43—44, 54, 55—56, 58, 84, 174, 205, 208, 210.*
15. *Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1911—1912. — Ч. 1—5.*
16. *Яковлев В.Н. Художники, реставраторы, антиквары. — М., 1966. — С. 147—148, 153—154, 158, 164—169.*

ЩУКИН Петр Иванович

(1853—1912)



П.И. Щукин — купец, собиратель русских и восточных древностей, основатель частного общедоступного музея. Брат Дмитрия и Сергея Щукиных.

Родился в Москве 18 февраля 1853 г. в известной купеческой семье. Его отец, Иван Васильевич Щукин, принадлежал к высшим слоям московского купечества. Мать, Екатерина Петровна, была дочерью московского чаеторговца П.К.Боткина. Дом Щукиных на Мясницкой, где прошло детство мальчика, был известен в кругу писателей, ученых, коллекционеров.

Все дети в семье получили серьезное домашнее образование. В десять лет Петр отправлен учиться в немецкую школу Белля в Выборг, а в 1867 г. переведен в петербургский пансион Гирста. Юноша мечтал поступить в университет и заняться наукой, но отец всем сыновьям предопределил путь деловых людей; в 1872 г. девятнадцатилетний Петр Щукин выехал за границу и должен был служить в разных фирмах, чтобы набраться практического опыта. Шесть лет длилась его заграничная стажировка: в конторе «Торгового дома Абельсдорф и Майер», на ткацкой фабрике Савена и Барраля в Лионе, в «Торговом доме Р.Д.Варбург и К°». По мнению отца, именно таким образом можно было быстрее всего обучиться торговому делу. В 1878 г. Петр Иванович вернулся в Москву и стал работать в конторе отца. В этом же году был учрежден «Торговый дом И.В.Щукин с сыновьями». До конца своих дней Петр Иванович занимался делами семейного предприятия.

Щукиных связывали родственные отношения с семьями Боткиных и Третьяковых. Здесь давно укоренился интерес к собирательству древних книг, редкостных вещей, живописных полотен, других произведений искусства. Поэтому неудивительно, что в большой семье Щукиных из одиннадцати детей пятеро стали коллекционерами.

Собирательская деятельность Петра Щукина началась в Лионе. Первыми его приобретениями стали книги, гравюры и только-только получившие распространение фотографии. Увлекшись иконографией, он собирал портреты актеров, писателей, ученых, военачальников, политических деятелей, в том числе и коммунистов. После возвращения на родину Щукин уже не мыслил свою жизнь без собирательства. «Возвратясь в Москву, — пишет коллекционер в мемуарах, — стал также собирать гравюры, литографии и рисунки» (20, ч. 3, с. 8).

По торговым делам Петр Иванович должен был регулярно посещать Нижегородскую ярмарку. Сюда съезжались многочисленные торговцы стариной, и многие российские коллекционеры здесь значительно пополняли свои собрания. «Вообще на Нижегородской ярмарке, — признавался Щукин, — сделал я почин по собиранию предметов Востока, точно так же, как потом сделал почин по собиранию старинных русских вещей, купив там же серебряный жалованный ковш Яицкого войска» (20, ч. 3, с. 34).

Глубокий интерес к истории и древностям позволил предпринимателю стать одним из крупнейших коллекционеров своего времени. «Щукин Петр Иванович, — отмечал коллекционер и библиофил А.П.Бахрушин, — серьезнейший собиратель из всех мне известных. Потому что он не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучивши его по книгам. Так, он изучал старые японские и китайские бытовые художественные вещи, старинные польские кушаки, русскую парчу и нумизматику. Обо всем он может прочесть целую лекцию с места в карьер!» (2, с. 35).

К 1890 г. укрепился интерес Щукина к русским древностям. Возможность распоряжаться после смерти отца всем своим капиталом позволила ему развернуть собирательскую деятельность в неслыханных масштабах. Предметы старины чуть ли не со всей России привозили Щукину возами. Нередко он приобретал целиком сформированные коллекции, особенно у представителей дворянской знати. Специальные поездки коллекционер совершил в старинные города Ярославль, Рыбинск, Ростов Великий, Суздаль и другие. В то же время, регулярно бывая в Западной Европе, он и там приобрел немало предметов для своего собрания.

Собирательская деятельность П.И.Щукина продолжалась почти двадцать лет. В грандиозной его коллекции на первом месте стояли отечественные памятники истории и культуры, неслучайно его собрание называли музеем российских древностей. Ему удалось с потрясающей полнотой отразить историю России XVII—XIX столетий, причем многогранные коллекции давали представление о жизни и быте всех основных сословий — бояр, дворян, купцов, мещан, крестьян. Русская часть собрания представлена как вещественными памятниками, так и письменными источниками.

Сам владелец выделял следующие отделы: церковный, отдел оружия, тканей, ковров, гобеленов и шпалер, драгоценностей, посуды.

Современников поражала и по своей представительности, и по ценности отдельных предметов коллекция старинного русского серебра — жалованных ковшей, кубков, чарок, стаканов, братин. Очень полно и в прекрасных образцах представлено народное искусство: резные и расписные прялки, шкатулки, сундуки, хлебницы, колыбели.

Щукин обладал крупной коллекций икон. В нее входили иконы на досках, иконы, вышитые золотом, украшенные серебром, финифтью, сканью, жемчугом, драгоценными камнями. К числу раритетов относились произведения лицевого шитья: шитая икона (Москва, 1389) и две пелены (Москва, конец XV в.).

Рукописный фонд также был одним из самых больших — только личных архивов известных русских деятелей здесь насчитывалось до пятидесяти. Ценнейшей его частью являлись лицевые рукописи.

Изобразительный раздел щукинского собрания включал картины, гравюры, литографии, рисунки. Здесь была собрана портретная галерея выдающихся деятелей России. Коренной москвич, Петр Иванович усердно собирал материалы по истории города. Москве посвящены и многие картины: «Панорама Кремля с Замоскворечья», «Проект храма Христа Спасителя» и др.

Восток был представлен не менее многогранно: японские ширмы и турецкие ковры, индийские ювелирные изделия, украшенные драгоценными камнями, и персидские манускрипты.

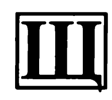
Сам Петр Иванович так объяснял интерес ко всему восточному: «Я поставил себе задачу собирать не только русские предметы, но также восточные и западные и, собирая последние, наглядно показать, какое влияние имели Восток и Запад на русскую культуру» (24, с. 1).

Западноевропейская часть щукинской коллекции тоже включала немало ценных и редких предметов. Владел он и небольшим собранием живописи импрессионистов. Интерес к ним пробудился у него под влиянием брата Ивана, обосновавшегося в Париже и хорошо знавшего современное искусство. В числе приобретенных полотен французских художников было и прославленное полотно О.Ренуара «Обнаженная». Однако в 1905 г. он расстался с картинами импрессионистов, продав их в основном своему брату Сергею, владевшему тогда уже известным музеем новой западной живописи.

Библиотека П.И.Щукина, как и его собрание, отличалась многогранностью и изобиловала редкостями. Щукин был обладателем книг на русском и многих европейских и восточных языках, в том числе на латинском, греческом и армянском. Самая древняя книга этого собрания датировалась XIII в. — это было Евангелие, написанное на пергаменте. Крупный раздел его библиотеки был посвящен Москве. С редкой полнотой собраны подшивки таких старинных периодических изданий, как «Московский журнал» (1802), «Московский Меркурий» (1803).

До 1892 г. щукинская коллекция располагалась в Лопухинском переулке, где Петр Иванович жил вместе с отцом. Но все более разрастаясь, она требовала нового помещения.

В 1891 г. приобретен был в Малых Грузинах участок земли с деревянной постройкой. Однако коллекции было тесно и в этом доме, к тому же и небезопасно. Новый каменный особняк возвели в рекордные сроки: строительство началось в мае 1892 г. и закончено в октябре 1893 г. На Малой Грузинской улице появился нарядный терем. В его архитектурных формах варьировались излюбленные мотивы русского зодчества. Коллекционер совершил специальную поездку в древнерусские города, чтобы познакомиться с памятниками старинной архитектуры.



И хотя новый особняк строился специально для коллекции, в скором времени и здесь стало тесно. В 1897—1898 гг. рядом с основным корпусом, «Старым музеем», возведен еще один, получивший название «Нового музея». Они были связаны подземным переходом. Оба здания, как и переход между ними, до отказа наполнились разными предметами. В 1904—1905 гг. П.И.Щукину потребовалось возвести еще один корпус для своей разраставшейся коллекции.

С 1895 г. частный музей Петра Ивановича Щукина был открыт для исследователей и любителей старины. Здесь писал этюды для картины «Степан Разин» В.И.Суриков, изучал планы Москвы XVII в. А.М.Васнецов, копировал персидские миниатюры В.А.Серов. «В частной жизни Петр Иванович, — писал известный библиограф и библиофил У.Г.Иваск, — был простой, добрый русский человек, очень радушно встречавший в известные, назначенные им часы всех желающих осмотреть его богатые коллекции» (6, с. 211).

О судьбе своего собрания Петр Иванович позаботился заранее. В завещании, составленном в 1891 г., он предполагал передать свой музей братьям, таким же увлеченным собирателям, как и он сам, — Ивану и Дмитрию, а отдельные ценные предметы пожертвовать Императорскому Историческому музею. Однако, стремясь сохранить целостность своей коллекции, Петр Иванович принял решение передать ее Историческому музею. 13 апреля 1905 г. он обратился с заявлением в Управление Исторического музея: «Честь имею обратиться с предложением принять от меня в дар мое нигде не заложенное и свободное от всяких обязательств владение в гор. Москве, Пресненской части, 3-го участка, по Малой Грузинской улице, со всеми на нем постройками, с моим собранием старинных русских и иностранных вещей, восточной коллекцией, картинной галереей, собранием рисунков и гравюр, библиотекой, рукописным архивом, с мебелью и со всей обстановкой» (21, с. 1).

Щукинское пожертвование превышало фонды самого музея: по некоторым данным, оно уже тогда насчитывало сотни тысяч предметов, хотя сам коллекционер называл цифру — около 23 тысяч.

На здании появилась вывеска «Отделение Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III — музей Петра Ивановича Щукина», хотя даритель как и прежде жил в своем доме на Малой Грузинской, отдавая силы и время любимой коллекции. До конца дней он содержал на свои деньги музей и семь его сотрудников.

Пожалуй, как ни один другой коллекционер Петр Иванович заботился о популяризации своего собрания, о привлечении к нему внимания научной общественности. С этой целью им выпущено в свет до пятидесяти специальных иллюстрированных изданий, получивших название «Щукинских сборников». Они посвящены описанию тематических коллекций. Как правило, это были многотомные издания: «Опись старинных вещей собрания П.И.Щукина» (два тома, 1895—1896), «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И.Щукина» (десять томов, 1896—1902), «Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И.Щукина» (два тома, 1896—1897), «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г.» (десять томов), «Русские портреты» (четыре тома), «Персидские вещи Щукинского собрания» (1907) и, наконец, собственно «Щукинский сборник» (десять томов, 1902—1910).

Кроме того, в 1895 и 1906 гг. выходили путеводители по музею, подготовленные самим коллекционером.

На закате дней П.И.Щукин увлеченно работал над мемуарами, в которых нарисовал широкую панораму частного собирательства и антикварной торговли в России в конце XIX—начале XX в., дал портреты многих своих современников-коллекционеров, сообщил много чрезвычайно важных и интересных сведений о личном собрании. Еще работая над мемуарами, автор начал их публикацию и в 1911—1912 гг. выпустил пять частей.

П.И.Щукин умер в Москве 12 октября 1912 г. Погребен на кладбище Покровского монастыря.

После внезапной кончины коллекционера его дом был опечатан и музей на Малой Грузинской перестал существовать. Новый полноправный хозяин собрания — Российский Исторический музей — перевез его в главное здание на Красной площади и распределил предметы по разным фондам. При перемещении не была составлена полная опись, и многие предметы щукинского собрания растворились в общей коллекции Исторического музея.

Отдельные экспонаты после 1917 г. поступили в Оружейную палату, Третьяковскую галерею, Музей истории и реконструкции Москвы, книги — в Государственную публичную историческую библиотеку, ноты — в библиотеку Московской консерватории.

Древнерусский терем на Малой Грузинской сохранился (ныне д. 15). Теперь его занимает Государственный биологический музей имени К.А.Тимирязева.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев П.И. Московский музей П.И.Щукина // Русский архив. — 1895. — N 4. — С. 536.

2. Бахрушин А.П. Из записной книжки: Кто что собирает / Прим. М.Цявловского. — М., 1916. — С. 35—37, 109—110.

3. Горбушина Н.В. П.И.Щукин и его документальная коллекция // Письменные источники в собрании Государственного Исторического музея. Материалы по истории культуры и науки в России: Труды ГИМ. — М., 1993. — Вып. 84. — С. 119—133.

4. Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... — М., 1993.

5. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Приложение к журналу «Русский библиофил» за 1911 год. — Спб., 1912. — N 1315.

6. Иваск У.Г. П.И.Щукин: Некролог // Русский библиофил. — 1912. — N 7—8. — С. 210—211.

7. Корнеева Н.И. Щукинская коллекция // Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов / Государственная публичная историческая библиотека. — М., 1987. — Ч. 1. — С. 104—109.

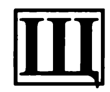
8. Корш Е. Отделение Императорского Российского Исторического музея: Музей П.И.Щукина и новейшие его приобретения // Старые годы. — 1908. — Май. — С. 257—263.

9. Корш Е.Ф. П.И.Щукин. — М., 1913.

10. Македонская Е.И. Коллекция П.И.Щукина // Вопросы истории. — 1978. — N 10. — С. 212—216.

11. Орешников А.В. П.И.Щукин: Некролог // Голос минувшего. — 1913. — N 1. — С. 279—281.

12. Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III за 1905 год. — М., 1906. — С. 5—7.



13. Пыпин А. Щукинский музей в Москве // Вестник Европы. — 1896. — N 11. — Ноябрь. — С. 435—437.

14. Самсонова О.И. Материалы по истории культуры России XVII—начала XX в. из коллекции П.И.Щукина // Письменные источники в собрании Государственного Исторического музея. Материалы по истории культуры и науки в России: Труды ГИМ. — М., 1993. — Вып. 84. — С. 134—147.

15. Свионтковская-Воронова Л.И. Резная кость из собрания П.И.Щукина. — М., 1923.

16. Трескин Н.Н. Щукинский музей в Москве. — Спб., 1896.

17. Трутовский В.К. Музей П.И.Щукина в Москве // Художественные сокровища России. — 1902. — N 6. — С. 107—136.

18. Фомин И. Древнерусские деревянные иконы из собрания Петра Ивановича Щукина // Искусство. — 1905. — N 1. — С. 11—18.

19. Хрипко М. Петр Иванович Щукин и его собрание // Куранты. — М., 1987. — Вып. 2. — С. 237—242.

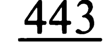
20. Щукин П.И. Воспоминания. — М., 1911—1912. — Ч. 1—5.

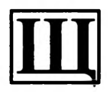
21. Щукин П.И. Краткое описание нового владения Российского Исторического музея в городе Москве. — М., 1906.

22. Щукин П.И. Краткое описание Щукинского музея в Москве. — М., 1895.

23. Щукин П.И. Основатель музея древностей в Москве // Искры. — 1911. — N 48. — С. 375, 380—381.

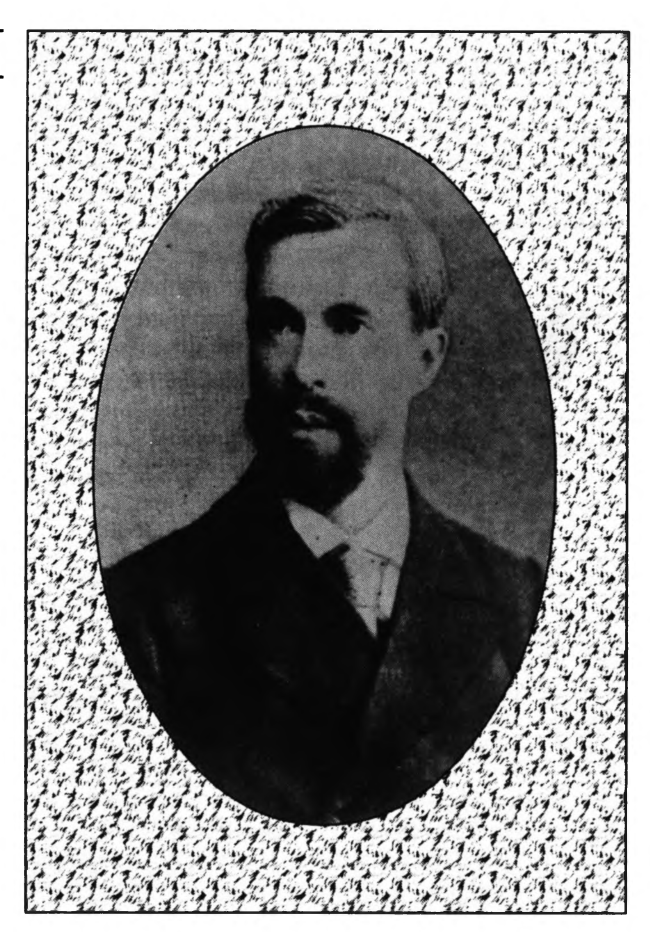
24. Щукинский музей за 18 лет своего существования:1892—1910. — М., 1910.





ЩУКИН Сергей Иванович

(1854—1936)



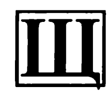
С.И. Щукин — купец, собиратель французской живописи, основатель общедоступной частной галереи. Брат собирателей Дмитрия и Петра Щукиных.

Родился в Москве 27 мая 1854 г. в купеческой семье. Будучи от природы болезненным, Сергей в 1873 г. отдан на обучение в одну из частных саксонских школ. Здесь много внимания уделялось физическому воспитанию, что очень благотворно сказалось на его самочувствии и позволило вернуться к активному образу жизни. Впоследствии Сергей Щукин круглый год спал с открытым окном, так что зимой подчас просыпался под снежным покрывалом. Родившись на свет весьма слабым, он прожил долгую жизнь и сохранял бодрость и здоровье до последних своих дней.

Окончив Высшую коммерческую школу в саксонском городе Гера, Щукин с 1878 г. стал помогать отцу в управлении фирмой «И.В.Щукин с сыновьями», а после смерти отца в 1890 г. возглавил ее.

Сергей Иванович имел репутацию смелого предприимчивого дельца. Его даже в шутку называли «министром коммерции». Погруженный в торговые дела, он до поры до времени не разделял увлечения своих братьев коллекционированием. Правда, и в его доме были картины, в том числе произведения Л.О.Пастернака, Ф.А.Бронникова, И.П.Похитонова, Р.Г.Судковского, этюды к полотну В.И.Сурикова «Боярыня Морозова», полотна западноевропейских мастеров. Однако эти случайные приобретения служили только для убранства дома. Страсть к собирательству пробудилась в Сергее Ивановиче лишь на пятом десятке лет. Зато очень быстро он определил главное направление своей деятельности как коллекционера.

В этот период художники-передвижники уже исчерпали себя и в русском искусстве шли поиски новых художественных форм. Тогда же во



Франции набирали силу импрессионисты. С их творчеством Сергея Ивановича познакомил брат Иван, тоже коллекционер, который к тому же постоянно жил в Париже. Именно в творчестве современных французских художников С.И.Щукин, наделенный незаурядной интуицией, смог разглядеть завтрашний день мирового искусства. В Москве в это время мало кто коллекционировал современную западную живопись. Стремление создать коллекцию самобытную и оригинальную еще более укрепило в нем интерес к живописи Франции конца XIX—начала XX в.

Первые приобретения сделаны Сергеем Ивановичем в Париже в 1895—1896 гг. в Салоне Национального общества изящных искусств. Это были пейзажи малоизвестных художников Фрица Таулова, Джеймса Патерсона, Шарля Котте, Люсьена Симона. В 1897 г. в его собрании появляется первая картина Клода Моне. Это была широко известная ныне «Сирень на солнце». Так он открыл для себя импрессионистов и с присущими ему темпераментом и азартом стал собирать их полотна.

Приобретая картины, Сергей Иванович не прислушивался ни к каким мнениям. Свой принцип выбора художественных произведений он определял так: «Если, увидев картину, ты испытываешь психологический шок, — покупай ее» (9, с. 32). Новые приобретения он делал на парижских выставках, а также непосредственно в ателье у художников. Про Щукина говорили, что он покупал «свежие» холсты с еще непросохшими красками. Он обзаводился картинами также через парижских торговцев антиквариатом П.Дюран-Рюэля, А.Воллара, Д.Канвейлера. В канун Первой мировой войны Сергей Иванович осуществлял покупки через своего секретаря Минорского.

Однажды С.И.Щукину удалось достать несколько полотен импрессионистов не в Париже, как это бывало всегда, а в Москве. Причиной тому было увлечение художниками этого круга его брата, Петра Ивановича Щукина. На первых порах и тот и другой покупали полотна импрессионистов, однако со временем пристрастие к русским древностям одержало верх у Петра Ивановича. В 1905 г. он решил продать западноевропейскую часть своего собрания. Покупателем стал С.И.Щукин. В числе приобретенных им картин было и знаменитое полотно О.Ренуара «Обнаженная».

А сколько смелости требовалось, чтобы покупать не признанных даже в Париже мастеров! Сколько пришлось перенести насмешек от художников и коллег-собирателей! Известно, что, переступив однажды порог его дома, И.Е.Репин увидел полотна А.Матисса, бросился стремглав прочь и никогда сюда не возвращался.

Безупречный художественный вкус позволил С.И.Щукину собрать первоклассное собрание мирового значения. В его коллекции оказались самые замечательные произведения П.Гогена, В. Ван Гога, Э.Дега, А.Марке, А.Матисса, К.Моне (13 полотен), П.Пикассо (50 работ), К.Писсарро, П.Сезанна, П.Синьяка, А.Руссо. В общей сложности к 1918 г. им собрано 256 картин. Примечательно, что столь представительную коллекцию Щукину удалось собрать всего за восемнадцать лет. С 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, регулярные поездки Сергея Ивановича в Париж прекратились, прекратился и рост собрания.

Сергей Иванович был беспредельно предан искусству. Он мог часами рассматривать свои приобретения, любуясь их колоритом, композицией, фактурой. Увлечение коллекционированием привело к тому, что Щукин совсем оставил коммерцию. Он много читал, путешествовал, с жадностью осматривал художественные музеи. В Лувре он обожал рассматривать египетские древности.

В 1910-е гг. С.И.Щукин избран почетным членом Общества художников «Бубновый валет», наряду с другими художниками, литераторами, театральными деятелями и меценатами состоял членом Общества искусств.

Дом Щукина в Большом Знаменском переулке, где располагалась галерея, был возведен еще в екатерининское время. В 1882 г. он приобретен отцом собирателя — Иваном Васильевичем, а в 1891 г. подарен Сергею Ивановичу. Его помещения представляли собою роскошные апартаменты с высокими потолками, обилием росписей и лепнины, наборным паркетом, дорогими люстрами. С течением времени все его стены от пола до потолка в два, а то и в три ряда, в сплошной «ковровой» развеске (рама к раме), были заняты произведениями живописи.

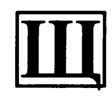
Центр галереи — розовая гостиная с полотнами А.Матисса; примечательно, что развеску картин выполнил сам автор. Он побывал в Москве по приглашению С.И.Щукина в 1911 г. Здесь были собраны такие известные произведения, как «Мастерская художника», «Красная комната», «Семейный портрет», «Дама в зеленом платье», «Испанка с бубном», «Девушка с тюльпаном».

Матисс был любимым художником Сергея Ивановича. Поэтому в его кабинете и даже в гардеробной на видном месте размещались картины именно этого художника. С Матиссом у Щукина установились дружеские отношения. Они познакомились еще в 1906 г. Собиратель не ограничивался приобретением у него уже готовых картин, но обсуждал с ним творческие планы, делал ему заказы. Именно благодаря союзу с Щукиным Анри Матисс смог с наибольшей полнотой проявить свое художественное дарование.

В галерее Щукина насчитывалось 38 полотен Матисса, вошедших в историю мирового искусства как «русские Матиссы». Художник выполнил по заказу коллекционера для его московского особняка два огромных панно «Танец» и «Музыка». Впервые увидев их в январе 1911 г., историк искусства Б.Н.Терновец тогда же писал: «Это лучшее, что создано Матиссом, и, быть может, лучшее из того, что вообще дал пока XX век. Это не живопись (ибо здесь нет формы), не картина — это иной род декоративно-монументального искусства — в тысячу раз сильнейший и потрясающий. Никогда я еще так сильно не чувствовал облагораживающее влияние искусства; душа как бы очистилась огнем красоты, я ощущал, как спадали с нее искусственные, бренные покровы» (25, с. 10).

В музыкальном салоне главенствовали картины К.Моне — «Завтрак в лесу», «Скалы в Бель-Иль», «Руанский собор в полдень», «Руанский собор вечером» и другие.

В парадной столовой висели картины Поля Гогена «Автопортрет», «А, ты ревнуешь?», «Сбор плодов», «Женщины на берегу моря» — своего



рода «гогеновский иконостас», который никого из посетителей не мог оставить равнодушным. Тут было собрано шестнадцать полотен мастера. «Россия, снежная Москва может гордиться тем, что дала бережный приют этим экзотическим цветам вечного лета, которых не сумела подобрать их официальная родина-мачеха Франция, — писал искусствовед Я.Тугендхольд. — В этом московском жилище не только самое большое собрание гогеновских полотен, но, может быть, наилучшее по своему выбору» (26, с. 48).

С.И.Щукин не раз демонстрировал произведения из своей коллекции на различных художественных выставках. В 1899 г. в Санкт-Петербурге на Международной выставке картин он впервые выставил полотна из своего собрания — «Театральное фойе» и «Скачки» Ж.Л.Форена.

Щукинский особняк на Знаменке был известен не только блестящей галереей, но и музыкальным салоном. Здесь регулярно устраивались музыкальные вечера, в антрактах которых хозяин радушно показывал свое собрание картин.

Сергей Иванович Щукин, подобно другим московским коллекционерам, намеревался подарить свой музей городу. В одном из писем к И.В.Цветаеву он признавался: «...занят мыслью создать галерею произведений новой французской живописи, долженствующей стать достоянием города Москвы. Желая, чтобы мой дар имел возможно более высокую художественную ценность, я решил не разбрасываться и сосредоточить все свое внимание и заботы на совершенствовании и пополнении существующего у меня теперь собрания картин» (8, с. 112).

После смерти жены, Лидии Григорьевны, Сергей Иванович 5 января 1907 г. составил завещание, по которому его коллекция должна перейти в дар Третьяковской галерее. Он желал, чтобы его собрание стало дополнением уже имевшейся в этой галерее коллекции западноевропейской живописи, собранной С.М.Третьяковым. По мнению историка искусства П.П.Муратова, в случае поступления щукинского собрания в Третьяковскую галерею Москве могла выпасть высокая честь создания первого в Европе публичного музея новейшей живописи.

Еще до передачи собрания городу, с 1910 г., галерея Щукина стала доступна для обозрения. Посетителям разрешалось осматривать ее по воскресеньям с 11 до 14 часов. На эти воскресные просмотры собиралась самая разная публика: студенты, гимназисты, репортеры, писатели, художники, артисты, коллекционеры. Экскурсии проводил сам Сергей Иванович. «Рассказывал он очень охотно, увлекаясь, вспоминая Париж, встречи с художниками, их облик, разговоры с ними, посещение их мастерских», — вспоминал поэт и писатель Н.М.Преображенский (22, с. 48). Щукинская галерея занимала столь видное место в культурной жизни города, что когда в Москву приехала представительная делегация директоров ведущих европейских музеев, то в программу пребывания было включено посещение особняка в Знаменском переулке.

Особенно горячо стремились попасть в щукинскую галерею западного искусства молодые художники. Для них это был признанный центр современного искусства. Щукинский музей стал колыбелью русского авангарда. К.С.Петров-Водкин так вспоминал о нем: «Сергей Иванович сам

показывал посетителям свою галерею. Живой, весь один трепет, заикающийся, он растолковывал свои коллекции. Говорил, что идея красоты изжита, кончила свой век, на смену идет тип, экспрессия живописной вещи, что Гоген заканчивает эпоху идеи о прекрасном, а Пикассо открывает оголенную структуру предмета» (21, с. 360).

«На днях был у Щукина, смотрел его знаменитую коллекцию декадентов, новых и старых, — сообщал в письме А.А.Турыгину от 11 февраля 1911 г. М.В.Нестеров. — Щукин Сергей Иванович — один из двух братьев-коллекционеров. Оба богатые фабриканты, делают платки и сбывают их на миллионы персюкам, а на деньги эти живут и покупают — один старину дивную, рукописи и проч., другой французских декадентов — Пювиса, Моне, Мане, Дега, Марке, Дени, Сезанна, Матисса, Сислея и Писсарро. Последние четыре имени родили «Золотое руно», «Голубую розу» и «Червонного валета» не только у нас, но и по всей Европе» (16, с. 243).

В 1915 г., после второй женитьбы, Сергей Иванович переехал в дом на углу Большой Никитской и Садовой, а особняк на Знаменке все более превращался в музей. Теперь его можно было посещать и в будние дни: в отсутствие хозяина коллекцию показывала горничная.

После октябрьского переворота 5 ноября 1918 г. галерея была национализирована и весной 1919 г. открыта для посещения под названием «Первый музей новой западной живописи».

С.И.Щукин сначала оставался при своем музее, выполняя обязанности директора, хранителя и экскурсовода. Развитие событий заставило его покинуть Россию и поселиться в Париже, где он прожил до самой смерти.

С.И.Щукин умер 10 января 1936 г. в Париже. Похоронен на кладбище Монмартр.

«Музей новой западной живописи» испытал на себе все перипетии советского музейного строительства. В 1929 г. он слит с морозовской коллекцией и перемещен на Пречистенку, в особняк, некогда принадлежавший И.А.Морозову. В 1948 г. музей расформирован. Жемчужины из бывшего щукинского собрания находятся ныне в Эрмитаже и Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.

Щукинский особняк сохранился (ныне Большой Знаменский пер., д. 8); в нем располагается учреждение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аксиненко М.Б. История Государственного музея нового западного искусства // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 216—225.

2. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М., 1994. — С. 281—282.

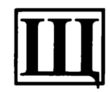
3. Бенуа А. Сергей Иванович Щукин: Некролог. // Последние новости. — 1936. — 12 января.

4. Бурышкин П.А. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 144—149.

5. Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. — Л., 1971. — Т. 1. — С. 376—378, 415; Т. 2. — С. 24, 70, 81, 213—214, 225, 230, 326, 331, 368, 405.

6. Грабарь И.Э. Письма 1891—1917 гг. — М., 1977. — С. 112, 122, 158, 241, 258, 301, 338, 373.

7. Гусев Е.П. Московский благотворитель и меценат Сергей Иванович Щукин — один из создателей Психологического института // Вопросы психологии. — 1992. — N 3—4. — С. 43—50.



8. Демская А.А., Семенова Н.Ю. У Щукина, на Знаменке... — М., 1993.

9. Думова Н.Г. Московские меценаты. — М., 1992. — С. 21—62.

10. Дымшиц-Толстая С.И. Воспоминания об А.Н.Толстом. — 2-е, доп.изд. — М., 1982. — С. 44—79.

11. Каталог Государственного музея нового западного искусства. — М., 1928.

12. Каталог картин собрания С.И.Щукина. — М., 1913.

13. Лобанов В.М. Кануны. — М., 1968. — С. 45, 56, 142, 144, 146, 181—182.

14. Морозов и Щукин — русские коллекционеры: От Моне до Пикассо. — Кельн, 1993.

15. Муратов П. Щукинская галерея: очерк из истории новейшей живописи // Русская мысль. — 1908. — N 8. — С. 116—138.

16. Нестеров М.В. Письма. Избранное. — Л., 1988. — С. 243.

17. Нордман-Северова Н.Б. Интимные страницы. — Спб., 1910. — С. 141—164.

18. Пастернак Л.О. Записи разных лет. — М., 1975. — С. 9—11.

19. Переплетчиков В.В. Из дневника. / Публ. В.С.Минина // Художник. — 1976. — N 12. — С. 54.

20. Перцов П.П. Щукинское собрание французской живописи: Музей новой западной живописи. — М., 1921.

21. Петров-Водкин К.С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. — Л., 1970. — С. 360—361.

22. Преображенский Николай. В галерее С.И.Щукина в Москве // Памятники Отечества. — 1993. — N 29. — С. 48—49.

23. Романюк С.К. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 22—23.

24. Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Золотой век художественных объединений в России и СССР: 1820—1932. — Пб., 1992. — С. 31, 169.

25. Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. — М., 1977. — С. 9, 10, 13, 15, 96, 106, 114, 118—122, 127—129, 191.

26. Тугендхольд Я. Первый музей новой западной живописи. — М. — Пг., 1923.

27. Тугендхольд Я. Французское собрание С.И.Щукина // Аполлон. — 1914. — N 1—2. — С. 5—46.

28. Щербатов С.А. Московские меценаты // Памятники Отечества. — 1993. — N 29. — С. 11—19.

29. Щукин С.И. // Московская городская дума: 1897—1900. — М., [1897]. — С.31.

30. Щукин С.И. // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 60—62.

ЮСУПОВ Николай Борисович
(1750—1831)

С портрета Г.И. Новикова. Нач. XIX в.

Н.Б. Юсупов — князь, государственный деятель, дипломат, меценат, библиофил, собиратель произведений искусства западноевропейской школы.

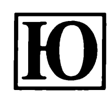
Родился 15 октября 1750 г. в семье князя Бориса Григорьевича Юсупова. С детских лет проявил тягу к знаниям. Прослушал курс лекций в Туринском университете.

В 1783—1788 гг. находился на дипломатической службе в Италии, Франции, Испании, Англии. С 1788 г. жил в Петербурге. Был сенатором (с 1788 г.), членом Государственного совета (с 1823 г.). В 1791—1796 гг. — директор Императорских театров, с 1792 г. — управляющий Императорским фарфоровым заводом, шпалерной мануфактурой, дворцовым стекольным заводом, в 1797—1799 гг. руководил деятельностью Императорского Эрмитажа.

По поручению Екатерины II Николай Борисович, будучи за границей, приобретал картины для дворцовых собраний. Возглавив Эрмитаж, он содействовал преобразованию придворного собрания искусства и старины в дворцовый музей.

В 1802—1811 гг. Н.Б.Юсупов много путешествовал по Европе, подолгу жил во Франции и Италии. Вернувшись в Россию, он поселился в Москве. Здесь он возглавил Экспедицию кремлевского строения (руководил восстановлением разрушенных французами памятников Московского Кремля). В эти же годы Николай Борисович стоял во главе Оружейной палаты. Именно при нем была создана в 1814 г. первая экспозиция и древнейшее кремлевское хранилище превращено в публичный музей.

По роду своей деятельности Н.Б.Юсупов имел возможность познакомиться с лучшими европейскими и отечественными музеями, картинными галереями и частными собраниями. Широкие и разнообразные знания, европейский кругозор, несметные богатства, вкус и интуиция подлинного



коллекционера позволили ему стать обладателем одной из лучших не только в России, но и во всей Европе частных картинных галерей.

Собирать художественную коллекцию Юсупов начал за границей еще будучи на дипломатической службе. Особенно много приобретений было сделано им в 1772—1789 гг. и в 1802—1811 гг.

Вначале собрание помещалось в петербургском особняке владельца на Миллионной улице, затем, с 1790 г. — во дворце на набережной Фонтанки. В 1811 г. Юсупов перевез его в Москву. Часть предметов была размещена в городской усадьбе, в Большом Харитоньевском переулке, а основное ядро — в подмосковной усадьбе Архангельское. Ее он приобрел в 1810 г. с тем, чтобы поместить здесь свою драгоценную коллекцию произведений искусства.

Собрание Н.Б.Юсупова было обширным и разнообразным. Основу его составляла картинная галерея, включавшая до 600 полотен. Кроме того, здесь было значительное собрание гравюр, рисунков, миниатюр, гобеленов, скульптуры, камей, фарфора, часов, мебели. В собрание входили также прекрасно подобранная библиотека и большой семейный архив.

Известно, что ряд картин Юсупов купил на московских аукционах; ранее многие из них находились в коллекциях известных собирателей А.М.Голицына, Д.Н.Голицына, А.Г.Головкина, А.С.Власова. Покупал он картины и в антикварных лавках, а также у иностранных художников, живших и работавших в России.

«Он очень любил картины, мраморы, бронзы и всякие дорогие и хорошие вещи, — отмечала Е.Г.Янькова, — и собрал у себя в Архангельском столько всяких ценных редкостей, что подобного собрания, говорят, ни у кого из частных лиц нет в России, разве только у Шереметева» (3, с. 170).

«Картинная галерея князя Николая Борисовича Юсупова, — писал в 1820-е гг. в своем «Обозрении Москвы» А.Ф.Малиновский, — доныне считается в Москве первою, как по количеству, так и по качеству картин; но разделение картинных галерей его на две части, из которых одна в Москве, а другая в подмосковном селе Архангельском, отнимает цену у многочисленности и лишает любопытствующих удовольствия видеть разнообразные достоинства в живописи в соединении» (9, с.163).

В юсуповской галерее преобладали полотна на исторические и мифологические темы, пейзажи и портреты. Она включала произведения почти всех европейских школ, но особенно хорошо в ней были представлены французские, итальянские, фламандские, голландские художники. Среди шедевров этого собрания можно назвать такие прославленные полотна, как «Курильщик» Д.Тенирса, «Похищение Европы» и «Пейзаж с мостом» К.Лоррена, «Смерть Дидоны» Ж.Б.Тьеполо, «Геркулес и Омфала» Ф.Буше.

В 1827 г. Н.Б.Юсупов составил каталог картинной галереи. Он представлял собою три больших альбома, содержавших не только перечень, но и прорисовку 540 картин. Причем описание картин соответствовало их месту в экспозиции, что дает возможность воссоздать зрительный ряд этой галереи. Известно, что при развеске произведений соблюдался так называемый декоративный принцип, т.е. полотна группировались не по школам, мастерам, стилю, времени написания, а исключительно из соображений колорита, размера, сюжета.

Галерея располагалась в Архангельском на первом этаже западного флигеля. Там была представлена основная часть живописного собрания. Однако живопись присутствовала практически во всех усадебных покоях. Среди парадных помещений, украшенных живописью, выделялись «зала Тьеполо», два салона Г.Робера, антиковый зал, комната Греза, портретная. Для полотен известного французского «руинного» художника Г.Робера «Водопад», «Пейзаж с осликом», «Павильон Аполлона и обелиск», «Странствующие музыканты» владелец в 1816 г. провел реконструкцию помещения. Стены были сделаны восьмиугольными и окрашены в тон живописных произведений. В антиковом зале висели портреты Рембрандта. В портретной видное место занимал портрет владельца собрания. В кабинете князя находилась уникальная коллекция камей, привезенная им из Рима.

Русская школа была представлена картинами А.О.Орловского, Ф.Я.Алексеева, Ф.Г.Сотникова. Собрание русского фарфора включало изделия всех заводов России. Исключительную ценность представляли образцы фарфора и фаянса, изготовленные в самой усадьбе Архангельское в 1818—1838 гг.

Все залы главного дома в Архангельском украшали скульптуры: здесь были подлинники, восходившие к I—III вв., копии с произведений античной скульптуры, выполненные мастерами XVIII — начала XIX в., работы А.Кановы («Психея»), М.И.Козловского («Купидон, вынимающий стрелы из колчана») и др.

Огромную научную ценность имела библиотека Юсупова, в которой насчитывалось свыше 20 тысяч книг XV—XIX вв., преимущественно на иностранных языках. Особенно полными были разделы по истории, литературе и изобразительному искусству. Это книгохранилище славилось своими редчайшими изданиями. Достаточно сказать, что тут было сосредоточено свыше тридцати изданий итальянского печатника Альда Мануция и свыше восьмидесяти книг голландских издателей Эльзевиров.

Известно, что в стенах усадьбы, которая по своему значению приближалась к богатейшему музею, бывали Н.М.Карамзин, А.С.Пушкин, П.А.Вяземский, П.П.Свиньин.

А.С.Пушкин посвятил Николаю Борисовичу стихотворение «К вельможе»:

...Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной...

(13, с. 540)

В 1812 г., когда французская армия подходила к Москве, все собрание было вывезено владельцем из Архангельского, а мраморные статуи, украшавшие парк, зарыты в землю. Это одна из немногих коллекций, уцелевшая в период французского нашествия.

Н.Б.Юсупов скончался в Москве 15 июня 1831 г.; похоронен в с. Котово Московской губернии в склепе при Спасской церкви.

После смерти Н.Б.Юсупова собрание перешло по наследству его сыну, Борису Николаевичу Юсупову. Живя постоянно в Петербурге, он в 1837 г. перевез в свой особняк на Мойке значительную часть коллекции отца.

В Петербурге Б.Н.Юсупов продолжал пополнять семейное собрание. В 1839 г. он выпустил в свет на французском языке первый печатный каталог этой коллекции. После его смерти все реликвии перешли во владение его вдовы, Зинаиды Ивановны, которая вместе с сыном Николаем Борисовичем Юсуповым-младшим пополняла фамильную коллекцию.

Если основатель собрания приобретал преимущественно оригинальные произведения, то наследники не отказывались и от копий, правда, достаточно высокого качества. При Николае Борисовиче галерея была доступна относительно широкому кругу любителей; при его наследниках положение изменилось: сюда попадали лишь избранные.

В 1860—1870 гг. часть картин из Петербурга снова вернулась в Архангельское. Между тем усадьба постепенно приходила в запустение. И только на рубеже XIX—XX вв. благодаря заботам Зинаиды Николаевны Юсуповой и ее мужа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона были приняты меры по поддержанию этой когда-то знаменитой усадьбы.

Последний владелец Архангельского, Феликс Феликсович Юсупов, ставший его обладателем в 1908 г., вынашивал планы раздать земли своих поместий крестьянам, а в усадьбах устроить благотворительные учреждения и академии. Однако свои замыслы он не успел осуществить.

В 1919 г. после национализации в усадьбе Архангельское был создан историко-культурный музей. В петербургском юсуповском дворце также открылся общедоступный музей. В 1925 г., когда петербургский музей был ликвидирован, основная масса юсуповской коллекции перевезена в Архангельское. Часть фамильного собрания поступила в Эрмитаж, часть — в Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Более 2000 книг из юсуповской библиотеки в 1920 г. переданы в Румянцевский музей (ныне Российская государственная библиотека).

До настоящего времени сохранился и московский особняк Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке (д. 21).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Н. Картинные галереи Европы. — Спб., 1862. — Т. 1. — С. 221—226.

2. Бенуа А.Н. Юсуповская галерея // Мир искусства. — 1900. — N 23—24. — С. 129.

3. Благово Д. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д.Благово. — Л., 1989. — С. 167—173.

4. Греч Н.А. Архангельское. — М., 1925.

5. Дружинина Е.В. Усадебная библиотека Н.Б.Юсупова в Архангельском: Из истории коллекции редких книг, посвященных театру // Книга: Иссследования и материалы. — М., 1994. — Сб. 68. — С. 320—336.

6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т. 1, кн. 2. — С. 1211, 1345, 1349.

7. Каталог художественных произведений бывшей Юсуповской галереи. — Пг., 1920.

8. Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа: 1764—1917. — Л., 1985. — С. 205.

9. Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. — М., 1992. — С. 163.

10. Модзалевский Б. Художественные собрания князей Юсуповых: пушкинские реликвии // Художественные сокровища России. — 1907. — N 6. — С. I — XXIV.

11. П.С. [Свиньин П.П.]. Первое письмо из Москвы // Отечественные записки. — 1820. — N 1. — С.— 74—76.

12. Прахов А.В. Художественные собрания князей Юсуповых // Художественные сокровища России. — 1906. — N 8—12. — С. 161—217, илл. 87—144; 1907. — N 1. — С. 3—16, илл. 1—11; N 2. — С. 17—40, илл. 13—21; N 3. — С. 46—51, илл. 28—34; N 4. — С. 62—71, илл. 41—46; N 5. — С. 106—110, илл. 52—54; N 6 — С. 115—118, илл. 63—66; N 7. — С. 129—145, илл. 73—82; N 8. — С. 149—164, илл. 87—94; N 9. — С. 165—174, илл. 99—106; N 10. — С. 177—185, илл. 110—118; N 11—12. — С. 191—204, 208—223, илл. 122—143. 129—145; N 8. — С. 149—165.

13. Пушкин А.С. К вельможе // Пушкин А.С. Стихотворения: Библиотека поэта. Большая серия. — 2-е изд. — М., 1955. — С. 538—540.

14. Пыляев М.И. Старая Москва. — М., 1990. — С. 191—199.

15. Романюк С. Из истории московских переулков. — М., 1988. — С. 239—240.

16. Русский провинциальный некрополь. — М., 1914. — Т. 1. — С. 985.

17. Савинская Л.Ю. Каталог голландской живописи из собрания Музея-усадьбы «Архангельское» // Музей-8: Художественные собрания СССР. — М., 1987. — С. 204—214.

18. Савинская Л.Ю. Письма Я.Ф.Хаккерта князю Н.Б.Юсупову: к истории коллекционирования в России 1770—1780-х гг. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. — М., 1990. — С. 232—243.

19. Собрание Юсуповых // Музей-3: Художественные собрания СССР. — М., 1982. — С. 16—18.

20. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. — М., 1993. — С. 202—203, 216.

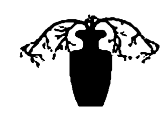
21. Унанянц Н.Т. Картинная галерея музея «Архангельское». — М., 1973.

22. Унанянц Н.Т. Французская живопись в Архангельском: Каталог. — М., 1970.

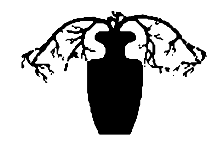
23. Эрнст С. Юсуповская галерея: Французская школа. — Л., 1924.

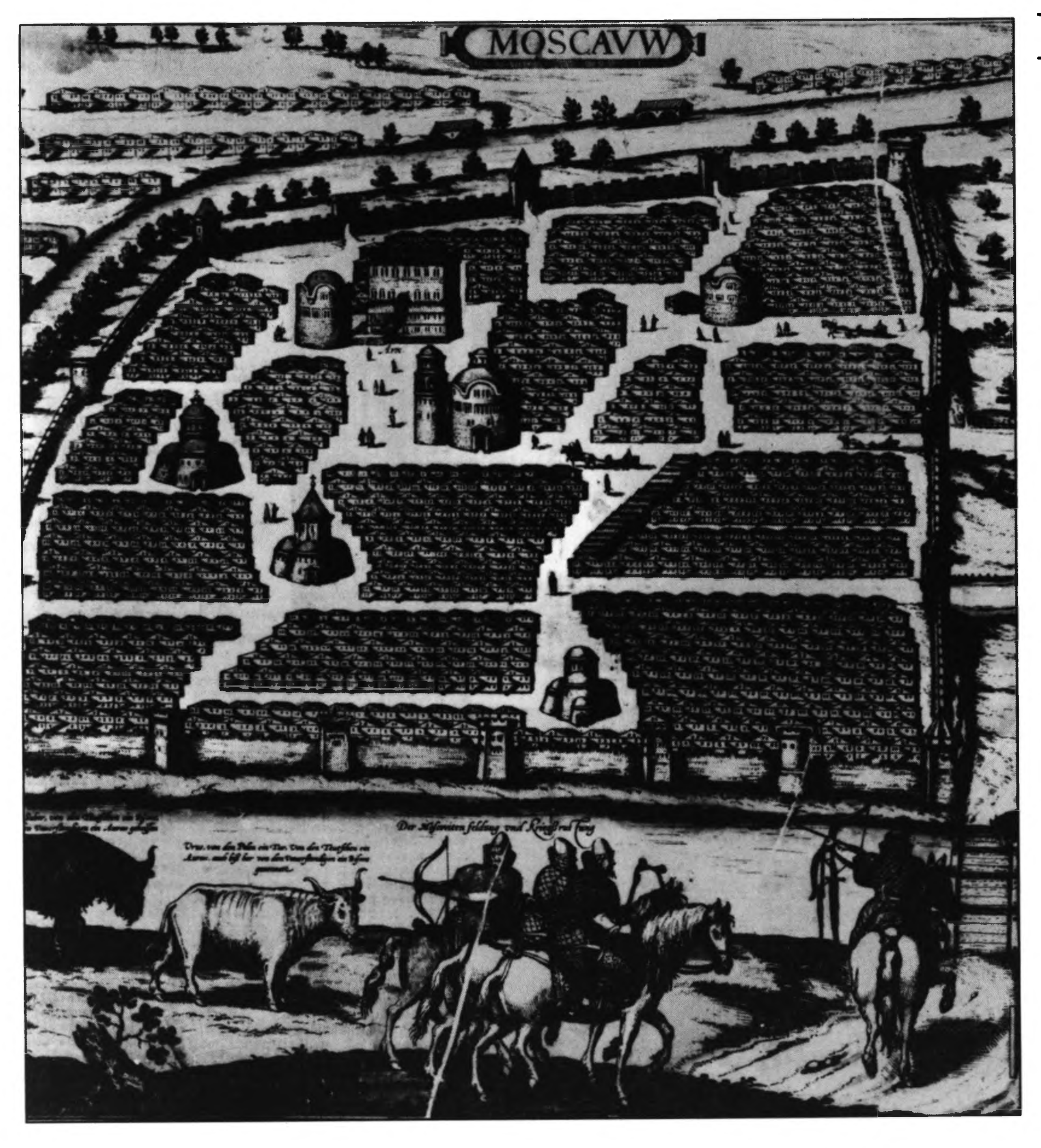
24. Юсупов Н.Б. // Русские портреты XVIII—XIX столетий. — Спб., 1905. — Т. 1, вып. 3. — N 62.

25. Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. — Спб., 1866—1867. — Ч. 1—2.



ПРИЛОЖЕНИЯ





План Москвы. С гравюры XVI в.

Частный Литературно-театральный музей А.А.Бахрушина. Фотография 1913 г.

Библиотека в доме А.П.Бахрушина на Воронцовом Поле. Фотография нач. XX в.

Верхние торговые ряды, в которых располагалась Картинная галерея А.А.Брокара. С почтовой открытки нач. XX в.

Особняк П.А.Бурышкина на Колымажной улице. Фотография 1997 г.

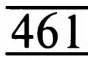
Здание Картинной галереи Голицынской больницы на Большой Калужской улице. Фотография 1996 г.

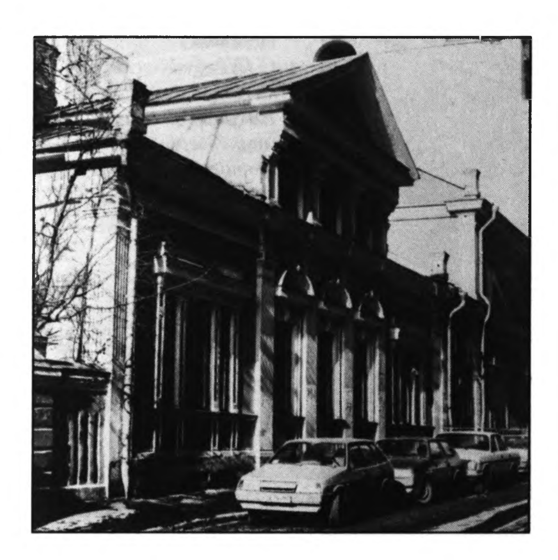
Палаты князя В.В.Голицына в Охотном ряду. С почтовой открытки 1932 г.

Усадьба Абрамцево, в которой Е.Г. Мамонтова создала Музей народного искусства. Фотография нач. XX в.

Особняк И.А. Морозова на Пречистенке. Фотография 1996 г.

Кабинет А.В. Морозова в его особняке во Введенском переулке. Фотография 1900-х гг.

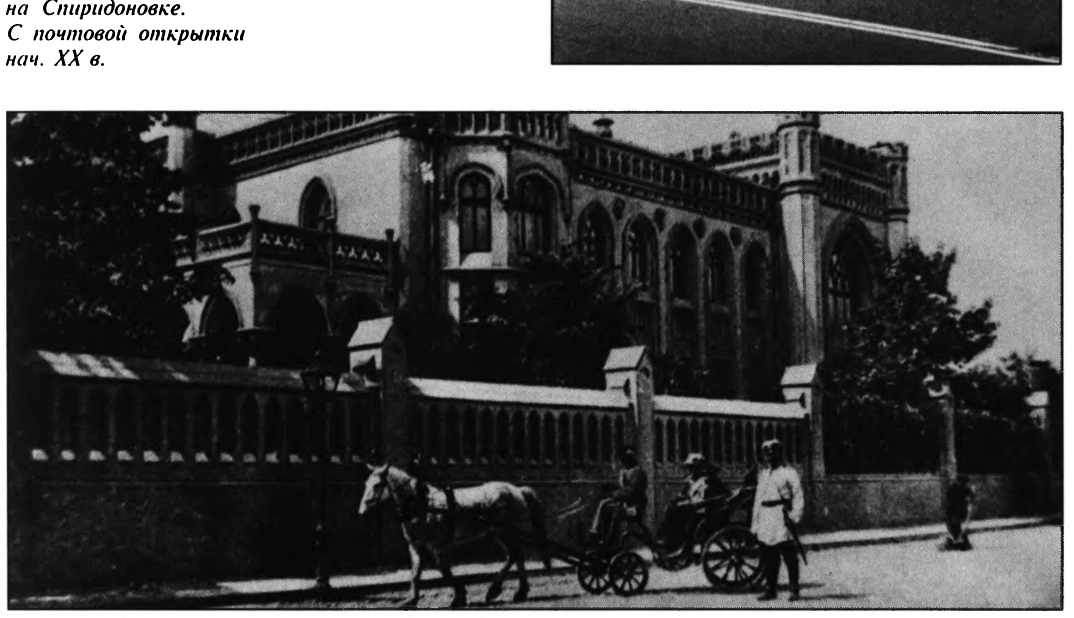


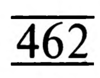


*Особняк
И.С.Остроухова
в Трубниковском переулке.
Фотография 1990-х гг.*

*Погодинская изба
на Девичьем Поле.
Фотография 1996 г.*

*Особняк
М.П.Рябушинского
на Спиридоновке.
С почтовой открытки
нач. XX в.*

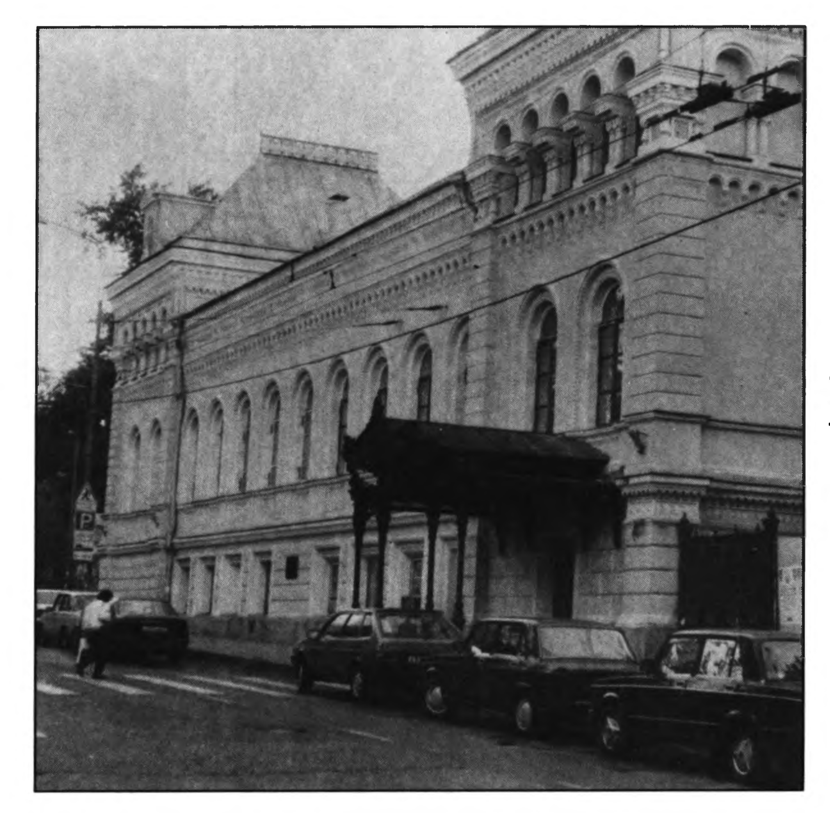




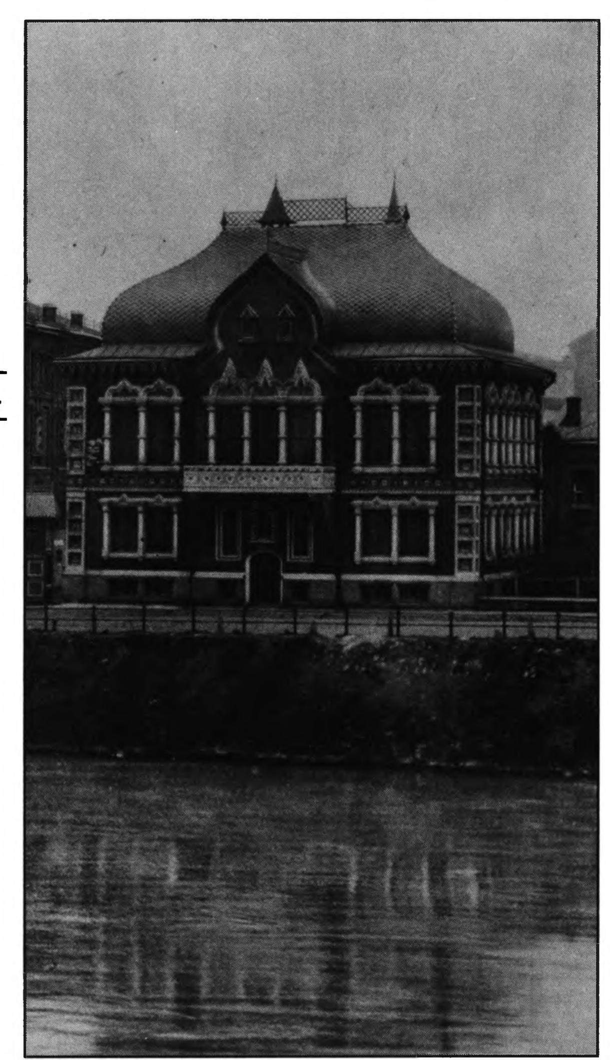
Особняк С.П.Рябушинского на Малой Никитской улице (интерьер). Фотография 1990-х гг.

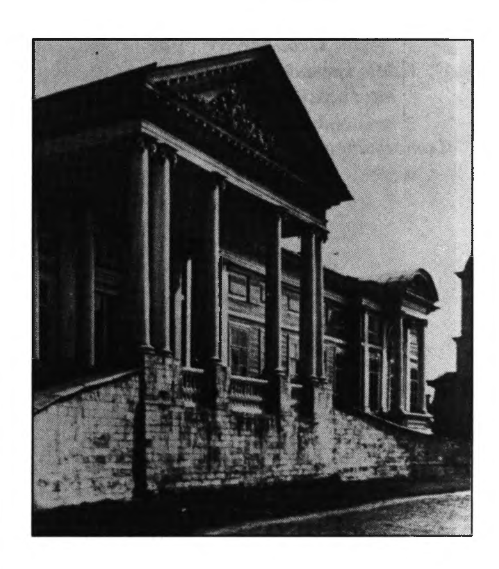
Особняк С.П.Рябушинского на Малой Никитской улице. Фотография 1997 г.

Особняк С.М. Третьякова на Гоголевском бульваре. Фотография 1997 г.



Третьяковская галерея. Фотография 1980-х гг.





Усадьба Кусково графов Шереметевых. Фотография 1980-х гг.

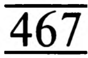
Цветковская галерея на Пречистенской набережной. С почтовой открытки нач. XX в.

Особняк князя С.А.Щербатова на Новинском бульваре. Фотография 1997 г.

Частный музей П. И. Щукина на Малой Грузинской улице. Фотография нач. XX в.

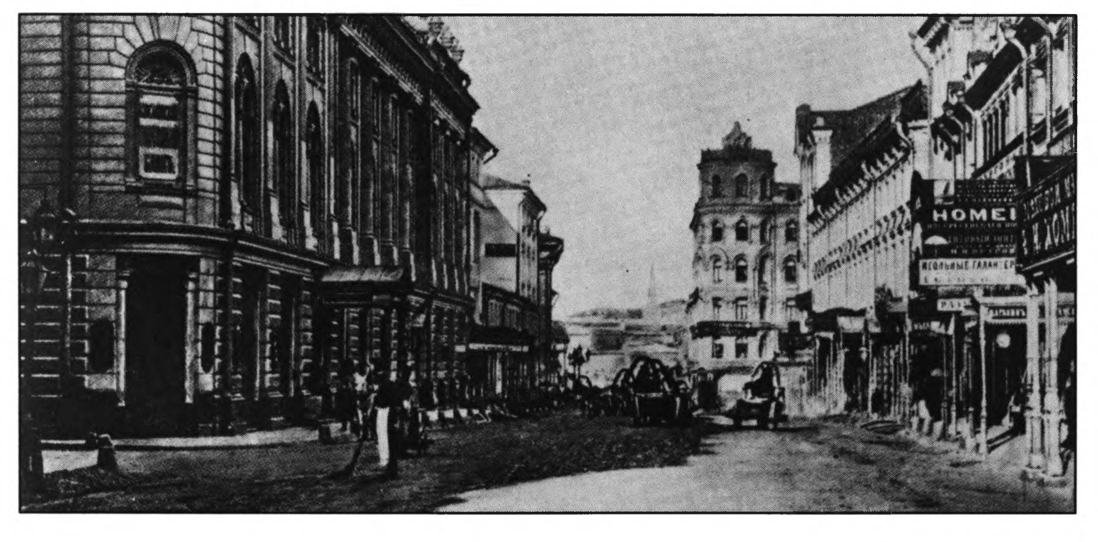
Зал Гогена в частном музее С. И. Щукина. Фотография нач. XX в.

Сухарева башня, возле которой располагался «толкучий рынок».
С почтовой открытки 1920-х гг.



Никольская улица, где располагались антикварные и букинистические лавки. Вид со стороны Красной площади. С почтовой открытки нач. XX в.

Никольская улица. Вид со стороны Лубянской площади. С почтовой открытки нач. XX в.

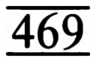


Ильинка. Традиционное место антикварной торговли. С почтовой открытки нач. XX в.

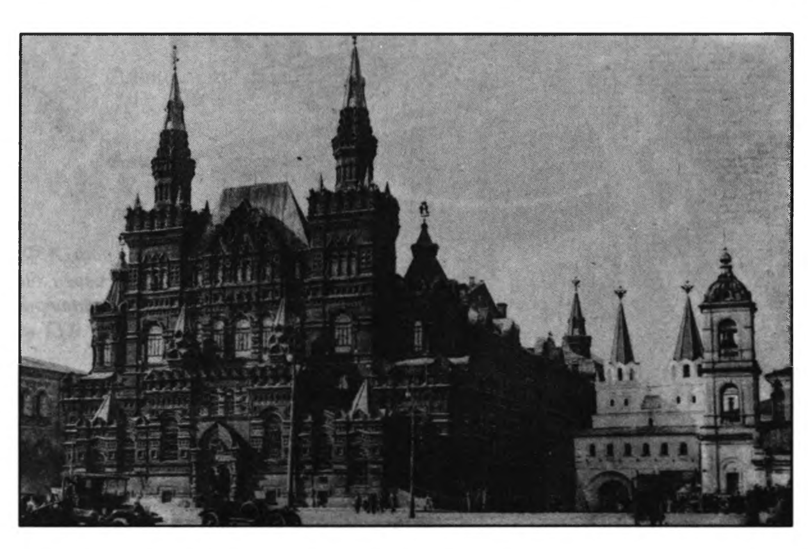
В Оружейной палате. Художник Н. Бурдин. 1846.

Москва.—Moscou.
Румянцевскій музей.—Musée Roumiantzeff.

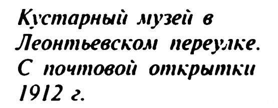
Румянцевский музей. С почтовой открытки нач. XX в.



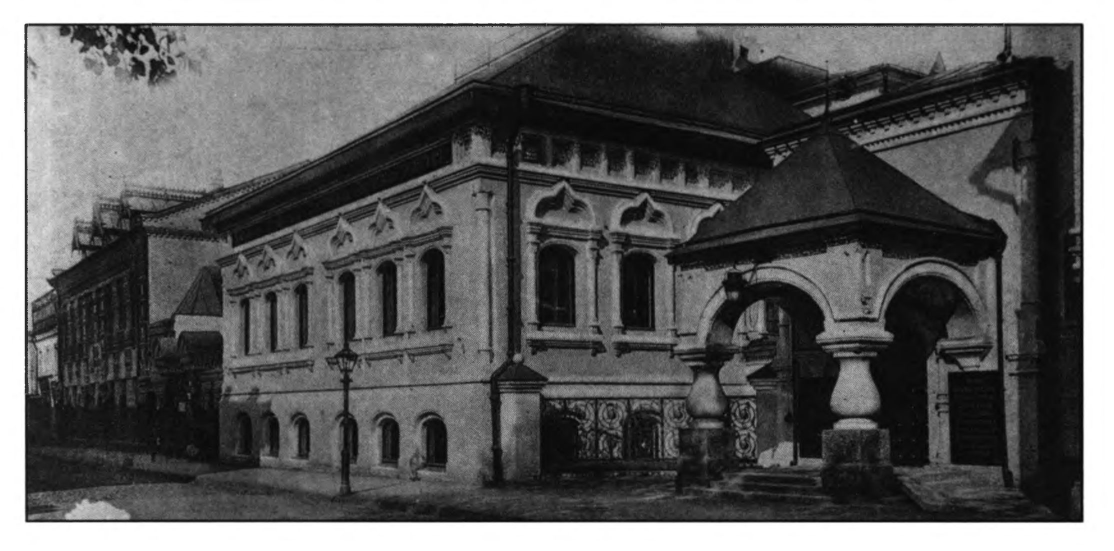
Музей изящных искусств. С почтовой открытки 1912 г.

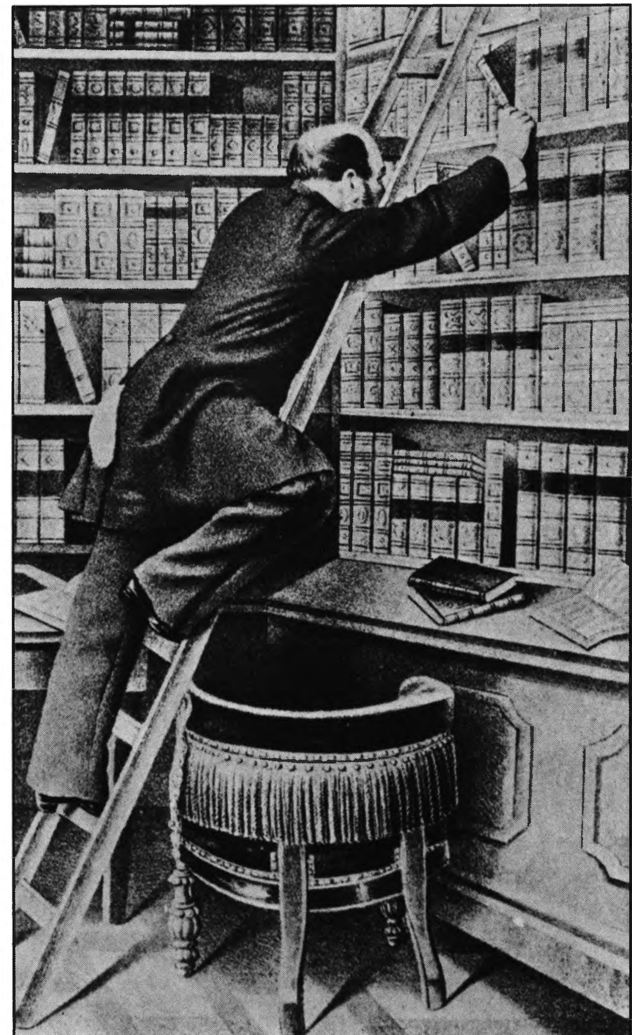


Императорский Российский Исторический музей. С почтовой открытки 1920-х гг.



Кустарный музей в Леонтьевском переулке. С почтовой открытки 1912 г.

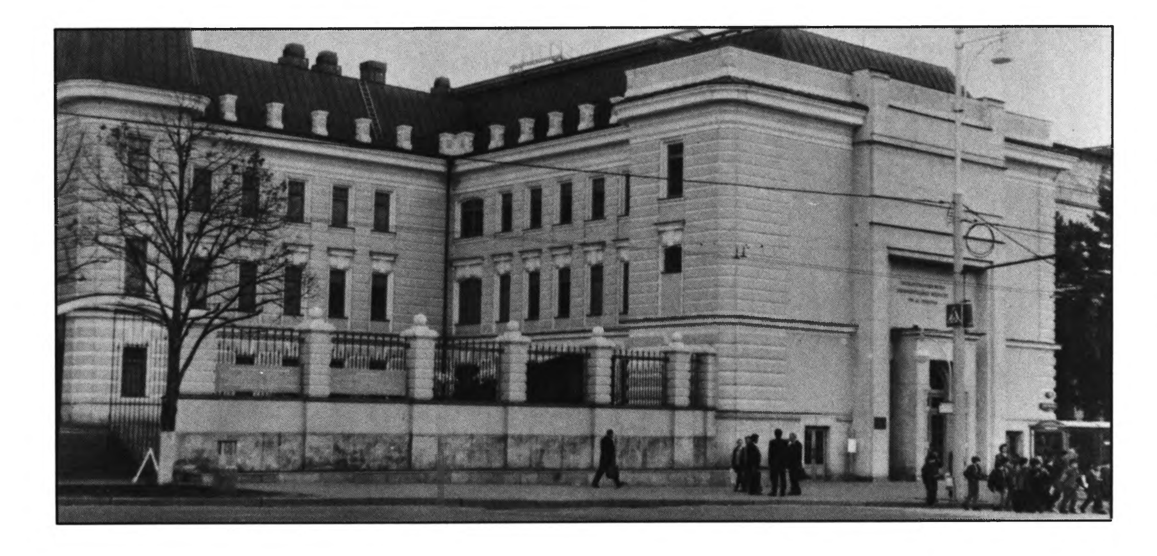




Обложка журнала «Среди коллекционеров». Художник И. Рерберг. 1921.

Граф А.Ф. Ростопчин в своей библиотеке. С гравюры сер. XIX в.

Музей личных коллекций на Волхонке. Фотография 1997 г.



---

1. В тех случаях, когда источник не позволяет уточнить имя или инициалы упоминаемого лица, в указателе приводится только фамилия.

2. **ПРОПИСНЫМ** *шрифтом выделены фамилии коллекционеров, очерки о которых помещены в настоящем издании.* ***Полужирным*** *шрифтом отмечены соответствующие страницы.*

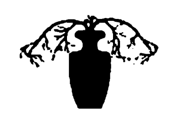
УКАЗАТЕЛЬ ТИПОВ СОБРАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРЕДМЕТОВ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ БИБЛИОТЕК

УКАЗАТЕЛЬ АРХИВОВ



СОДЕРЖАНИЕ

Надежда Полунина, Александр Фролов

Коллекционеры старой Москвы

Иллюстрированный биографический словарь

Зав. редакцией *О.Морозова*
Редакторы *Е.Семашко, А.Райская, Т.Киселева*
Корректор *М.Лихачева*
Младший редактор *А.Ратай*
Художник *Л.Гарин*
Компьютерная верстка *А.Кошентаевского, О.Черкаса*

ЛР № 063481 от 24.06.94

Подписано в печать 31.07.97. Формат 70x100/16
Гарнитура Journal. Печать офсетная.
Тираж 10000 экз.

Издательство «Независимая газета».
101000, Москва, ул. Мясницкая 13.

Отпечатано в Венгрии при участии фирмы «Интерпресс», г.Будапешт.

Нет ничего пленительнее, как бродить по рынкам, толкучкам, «развалам», заглядывая в лавки и лавчонки местных торговцев «старьем». Чего, чего только не увидишь тут! Здесь и музыкальные инструменты, и иконы, и поломанная старинная мебель, и граммофоны, и игрушки, и оружие, и медь, и стекло, и бисер, и кости мамонта... Вы и сами не успели заметить, как стали собственником чудесной старинной иконы новгородских писем, превосходной, украшенной гравюрами какого-нибудь Чесского или Галактионова, редкой книги, увесистого медного шандала с елизаветинским орлом, прелестного, вышитого бисером, николаевского альбома или пылающей яркими красками чашки поповского фарфора.

Юрий Озаровский.
«Из впечатлений коллекционера»

Сто очерков
о московских
коллекционерах.
Сто судеб в скобках
трех столетий —
от XVII века
до начала XX.
Действующие лица:
аристократы
и банкиры,
художники и ученые,
купцы и члены
царской фамилии.
Место действия:
Москва.
Главные герои:
люди, предметы и
время.